

1976 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ и ИСТОРИКИ

1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР**

Институт истории СССР

Институт всеобщей истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА

(ответственный редактор),

В. И. БУГАНОВ

(зам. ответственного редактора),

М. А. АЛПАТОВ, Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ,

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ,

Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,

В. А. ДУНАЕВСКИЙ,

член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,

В. П. НАУМОВ,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,

В. И. САЛОВ, Б. М. ТУПОЛЕВ,

академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,

А. О. ЧУБАРЬЯН, В. П. ШЕРСТОВИТОВ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1979

Очередной том историографического ежегодника содержит статьи по проблемам источниковедческого изучения произведений В. И. Ленина, по истории ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства, политического банкротства мелкобуржуазных партий в России, по проблемам классовой борьбы, рабочего и революционного движения в России и за рубежом. В научный оборот вводятся новые материалы о Ю. Мархлевском, А. В. Шестакове, М. М. Хвостове, Е. В. Тарле, В. П. Волгине, публикуются впервые письма Л. Ф. Пантелева В. Я. Богучарскому, дается библиография трудов В. К. Пискорского (1867—1910).

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПСС ПО ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ (Историографический очерк)

В. И. Погудин

Ленинский кооперативный план, план социалистической переделки индивидуального крестьянского хозяйства, — выдающееся достижение творческой революционной теории. Создание его по справедливости оценивается как величайший научный подвиг В. И. Ленина. Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс высказали ряд важных идей о переходе крестьянства к коллективным формам хозяйства. Но они были преданы забвению оппортунистическими лидерами II Интернационала и, более того, подверглись ожесточенным нападкам буржуазных и реформистских деятелей типа Давида, Герца, Фольмара и других, которые проповедовали взгляды о «незыблемости» мелкого крестьянского хозяйства, его «устойчивости» против социальных изменений.

В. И. Ленин не только отстоял учение К. Маркса и Ф. Энгельса от ревизионистов II Интернационала, буржуазных фальсификаторов, либеральных народников, но и развил его дальше. Он убедительно показал в своих трудах, что трудящееся крестьянство России в союзе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии способно не только свалить прогнивший буржуазно-помещичий строй, но двинуться дальше, вперед, по социалистическому пути. Вождь и теоретик революции, опираясь на марксистское учение, на опыт революционного созидательного творчества масс, создал цельный план вовлечения мелких земледельцев-собственников в строительство социализма в деревне — через развитие всех видов кооперации.

Много лет творческой деятельности В. И. Ленина отдано разработке этого плана. Его теоретический фундамент составили ра-

боты, посвященные кооперации, созданные в дооктябрьский период. В своих трудах «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», «Аграрная программа русской социал-демократии», «Проект резолюции о кооперативах Российской с.-д. делегации Копенгагенского Конгресса», «Карл Маркс», «Съезд крестьянских депутатов» и других В. И. Ленин исследовал социальную природу кооперации при капитализме, разоблачил оппортунистические, ревизионистские взгляды на кооперацию как путь к социализму в условиях капиталистического строя, обосновал возможность использования кооперации в социалистическом преобразовании крестьянских хозяйств после установления диктатуры пролетариата.

Победа Октябрьской социалистической революции создала благоприятные условия для преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. Обобщая конкретный опыт социалистического творчества масс, развития новых форм производственных отношений в деревне, В. И. Ленин разработал широкую программу приобщения крестьянских масс к строительству социализма.

В 1917—1918 гг. (до начала гражданской войны) В. И. Ленин считал возможным использовать для социалистического преобразования сельского хозяйства не только коммуны, артели и товарищества, которые получили широкое распространение и многим работникам казались наилучшими формами переделки крестьянских хозяйств, но и простейшие виды кооперации. Активная работа партии по превращению буржуазной торговой и снабженческо-сбытовой кооперации в социалистическую развернулась с первых дней Советской власти.

В «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», утвержденном 14 февраля 1919 г. ВЦИК'ом, было подтверждено, что все формы социалистического земледелия — совхозы, коммуны, артели, тозы и т. п. — являются средствами «для организации сельского хозяйства на основе социализма с применением всех завоеваний науки и техники»¹.

Несмотря на то что в годы гражданской войны отсутствовали достаточные условия для широкого развития кооперации и использования ее в целях общественного ведения хозяйства, внимание к ней со стороны партии не ослабевало. В решениях VIII съезда партии относительно кооперации ставилась задача всемерной государственной поддержки, широкой помощи как финансовой, так и организационной². В резолюции IX съезда РКП(б) от 3 апреля 1920 г. «Об отношении к кооперации» говорилось о

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. М., 1919, № 4, т. 43, с. 49.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 53, 80 (далее — КПСС в резолюциях...).

том, что партия «намечает путь превращения старой мелкобуржуазной кооперации в кооперацию, руководимую пролетариями и полупролетариями»³. В резолюциях X съезда, X Всероссийской конференции РКП(б) подчеркивалась роль кооперации в развертывании товарооборота⁴. В партийных документах все более активно подчеркивалась задача подчинения кооперации пролетарскому влиянию, для чего предусматривалось в качестве безусловно обязательной меры участие коммунистов в деятельности и организации сельскохозяйственных кооперативов и даже переброска «для работы в сельскохозяйственную кооперацию значительного количества коммунистических сил»⁵. В резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б) выдвигалось предложение «добиться в возможно близком будущем полного и организованного слияния колхозных объединений с общей сельскохозяйственной кооперацией»⁶, т. е. практически речь шла об объединении руководства колхозами и кооперацией.

Таким образом, до 1923 г. партия и Советское государство последовательно решали задачу овладения всеми формами кооперации, превращения ее из буржуазной в пролетарскую. Однако до выхода ленинской статьи «О кооперации» ни в партии, ни в среде теоретических и практических работников не было полной ясности по вопросу о роли кооперации в социалистическом строительстве. Более того, встречалось недоверчивое, а нередко даже пренебрежительное отношение к кооперации. Это дало основание В. И. Ленину заявить: «У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение»⁷.

Внимательно изучая ход социалистического строительства в деревне в форме коммун, артелей и тозов, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что форсирование перехода к высшим формам кооперации, на что многие рассчитывали в 1917—1918 гг., политически неверно. На VIII Всероссийском съезде Советов он совершенно недвусмысленно высказал свое отношение к имевшимся тогда идеям форсированного перехода к высшим формам кооперирования крестьянства. «Надо опираться на единичного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится. От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый практический шаг обязательно этой весной и ни в коем случае не позже,

³ Там же, с. 169.

⁴ Там же, с. 253, 268.

⁵ Там же, с. 335, 387.

⁶ Там же.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.

и только такая постановка вопроса будет деловая»⁸. Речь шла о том, чтобы добиться массового подъема середняцких хозяйств, которые находились в состоянии крайнего упадка. Что касается форм социалистического преобразования деревни, то В. И. Ленин все чаще обращался к мысли о возможности использования в этом деле кооперации *всех* видов. Но до тех пор пока руководство существовавших кооперативных организаций находилось в руках буржуазных, меньшевистских и эсеровских деятелей, реальной почвы для этого не было. Вот почему по инициативе В. И. Ленина партия сосредоточила внимание на овладении кооперацией, на изменении ее руководства, социального состава, что нашло отражение в упомянутых выше решениях.

К 1923 г. эта задача в значительной мере была решена, и В. И. Ленин окончательно формулирует свои выводы о роли кооперации в социалистическом преобразовании деревни, изложенные им с исчерпывающей ясностью и полнотой в знаменитой статье «О кооперации». Вывод В. И. Ленина о том, что социалистическую перестройку крестьянских хозяйств надо начинать с развития простейшей кооперации, основывался на трезвом учете реальных факторов, которые говорили тогда в пользу не высших, а низших кооперативных форм. Состояние коммун, артелей и тозов в силу отсутствия опыта ведения коллективного хозяйства, организации и оплаты труда, низкого технического оснащения было далеко не блестящим, на что В. И. Ленин не раз указывал⁹.

Снабженческо-бытовая кооперация отличалась от производства колхозов наличием готовых форм, проверенных опытом, сложившейся структурой и т. п. Важно было умело использовать ее в интересах строительства социализма.

Государство, оказывая посильную помощь коллективным хозяйствам, вместе с тем не имело возможности в достаточной степени финансировать социалистическое земледелие. Промышленность, которая могла бы оказать существенное влияние на преобразование сельского хозяйства, была в состоянии разрухи, вызванной гражданской войной и интервенцией, и не могла удовлетворить даже минимальных потребностей коллективных хозяйств.

Наконец, самое главное, масса трудового крестьянства, и прежде всего ее середняцкая часть, была не готова к принятию новых, незнакомых форм хозяйства, к непосредственному переходу на социалистический путь. Простейшие формы кооперации, как убедительно показал В. И. Ленин в статье «О кооперации», были для крестьянина «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным...*»¹⁰.

В. И. Ленин не отбрасывал высшие формы кооперации, но подчеркивал, что для массового перехода к ним пока нет надлежа-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 181.

⁹ См. там же, с. 180, 382; т. 43, с. 60; т. 45, с. 46.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

щих материальных, финансовых и других условий, что массы еще не подготовлены к прямому переходу на социалистический путь. В зависимости от конкретно-исторических условий В. И. Ленин делал упор то на одни, то на другие формы и виды кооперации. Однако это обстоятельство не отменяет того неоспоримого факта, что ленинский кооперативный план — единое, цельное учение об использовании всех видов и форм кооперации (от торговой до производственной) в социалистической переделке деревни.

Идеи В. И. Ленина, заложенные в его кооперативном плане, получили свое воплощение и дальнейшее развитие в решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Важное значение для развития кооперации имели решения XIII съезда и XIV конференции РКП(б), в которых указывалось, что в подъеме сельского хозяйства и повышении активности крестьянства в хозяйственном строительстве «главное место должно принадлежать организационно-хозяйственному укреплению и развитию сельскохозяйственной и кредитной кооперации», первоочередными задачами которой являются: организация кооперативного кредита, организация переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства, развитие всех возможных форм коллективного земледелия (колхозы, коммуны и т. п.), снабжение широких крестьянских масс средствами производства¹¹.

В партийных документах подчеркивалось, что кооперация имеет значение не только для приобщения крестьянства к общественным формам хозяйства, но и для укрепления экономической смычки города с деревней, для овладения рынком, для подъема крестьянского хозяйства. Иными словами, ленинский кооперативный план включал в себя задачи и социалистического преобразования деревни, и установления правильных экономических отношений города с деревней¹². При этом указывалось, что каждая форма кооперации (потребительская, промысловая, производственная и др.) призвана выполнять как свои специфические задачи, так и общую, главную задачу — социалистическую переделку деревни. Простейшие формы кооперирования (снабженческо-сбытовые) являются первичными, предназначенными облегчить подготовку крестьян к более высоким формам объединения — в области производства сельскохозяйственных продуктов.

«Опыт истекших лет, последних лет в особенности, — говорилось в решении XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне», — подтвердил целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму, переделывая индивидуальные и раздробленные производственные единицы — как через процесс обращения, так все больше и через реорганизацию и объединение самого

¹¹ КПСС в резолюциях... М., 1970, т. 3, с. 193—194.

¹² Там же, с. 67—75, 189—202, 231—234, 529—533.

производства — в крупное общественное хозяйство на основе новой техники (электрификация и т. д.)»¹³. При этом съезд подчеркнул, что развитие кооперации с неизбежностью ведет к проникновению кооперации из области сбыта и снабжения в область производства¹⁴.

В период непосредственной подготовки и проведения коллективизации партия глубоко разработала жизненно важные для победы ленинского кооперативного плана вопросы о темпах, формах и методах колхозного движения, о способах экспроприации последнего эксплуататорского класса — кулачества, о принципах создания общественного хозяйства, о новой системе организации и оплаты труда, о материально-технической базе социалистического сельского хозяйства и др.

Решения Коммунистической партии являются дальнейшим развитием ленинского учения о социалистическом преобразовании деревни, представляют неоценимый вклад в мировую сокровищницу марксизма-ленинизма.

Борьба партии за ленинский путь развития сельского хозяйства, успешное решение коренных теоретических и практических вопросов осуществления ленинского кооперативного плана обеспечили полную победу социализма в самой отсталой отрасли народного хозяйства — сельском хозяйстве, явились залогом исторических достижений.

1

Научное изучение истории борьбы партии за социалистическое преобразование сельского хозяйства развертывается параллельно с практической деятельностью КПСС в этой области. Литература 20—30-х годов XX в. представляла весьма сложное явление. Она очень живо, непосредственно и прямо отражала все своеобразие переходного периода с его успехами, поисками и трудностями. Ее нельзя целиком квалифицировать как историческую. Авторами работ, освещающих организаторскую и политическую работу партии, были сами творцы и участники исторического процесса. Однако именно они, опираясь на живой опыт партии, поставили и сформулировали основные проблемы по многим вопросам аграрных преобразований, которые в позднейшей литературе получили свое дальнейшее развитие, теоретическое обоснование, были подввергнуты конкретно-историческому изучению.

Источниковая база работ была специфической, характерной для этого времени. Чаще всего это были личные наблюдения, материалы, почерпнутые непосредственно из жизни. Однако довольно обширной была и документальная основа. В 20-е годы в деревне партийные органы проводили регулярные обследования по ши-

¹³ КПСС в резолюциях... М., 1970, т. 4, с. 57.

¹⁴ Там же, с. 58.

рокой программе, гнездовые переписи, социологические исследования. Их результаты публиковались. Наряду с ними систематически выходили разнообразные статистические источники, отчеты, сборники материалов, не утратившие своего значения до настоящего времени. Издавались стенограммы съездов и конференций партии, постановления ЦК ВКП(б), законы правительства, труды и отчеты научных конференций, съездов колхозников. Все это свидетельствует о том, что источники для создания работ, посвященных деятельности партии по социалистическому преобразованию деревни, были достаточно обширными и разнообразными. На основе их была создана значительная литература.

В монографической литературе, брошюрах и статьях рассматривался широкий круг вопросов, связанных с осуществлением линии XV съезда партии на коллективизацию сельского хозяйства. Видное место занимали вопросы борьбы с правооппортунистическими взглядами, как главным препятствием претворению планов партии в жизнь¹⁵. В литературе были раскритикованы ошибочные положения Бухарина о том, что путь к социализму лежит-де через сферу обращения; что столбовой дорогой деревни к социализму является не колхоз, а снабженческо-сбытовая кооперация; что с помощью низших форм кооперации будет «мирно вращаться» в социализм и кулачество; что обострение классовой борьбы в период строительства социализма является следствием слабости и плохой работы местного советского аппарата и т. п. Идеино и политически разгромив правый уклон, партия укрепила свои ряды, повысила свою боеспособность в борьбе за построение социализма в нашей стране.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства выдвинуло перед научной мыслью множество теоретических и практических вопросов, не решив которые нельзя было успешно двигать вперед дело коллективизации. В литературе тех лет широко

¹⁵ *Абрамов А. М.* О правой оппозиции в партии. М., 1929; *Берзтыс Я. К.* Пути подъема сельского хозяйства и правый уклон. Л., 1929; *Дубровский С.* Правый оппортунизм в вопросах аграрной политики в СССР.— Аграрные проблемы, 1929, № 6; *Збиневиц Я.* О правом уклоне и примиренчестве. Н. Новгород, 1929; *Курейко М.* Куда ведет правый уклон. Ростов н. Д., 1929; *Леонтьев А.* Экономическая теория правого уклона. М.; Л., 1929; *Лисин С.* Против ревизии ленинизма. Ташкент, 1929; *Поспелов П. Н., Шлихтер А. Н.* Трудности социалистического строительства и правый уклон. М.; Л., 1929; Против правой опасности и примиренчества: Сб. статей. М.; Л., 1929; *Бородин В. С.* О советской экономике и теоретических ошибках Н. И. Бухарина. М.; Л., 1930; *Быстрянский В.* Правый уклон на новом этапе. Л., 1930; *Гайсинский М.* Борьба с уклонами от генеральной линии партии. М.; Л., 1930; *Горин А.* Правый уклон и коллективизация сельского хозяйства. М.; Л., 1930; *Колоколкин В.* О теоретических ошибках Н. И. Бухарина. Самара, 1930; *Мельбард Н., Поспелов П.* Борьба на два фронта.— Большевик, 1930, № 11—12; *Милютин В. П.* Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства. М.; Л., 1930; *Черняк И.* Политическое завращание Ленина в изображении Бухарина. М.; Л., 1931.

обсуждаются вопросы создания материально-технической базы социалистического сельского хозяйства¹⁶, географии колхозного движения¹⁷, ведущей роли рабочего класса в строительстве колхозов¹⁸, ликвидации кулачества как класса¹⁹ и др. При этом многие из них решались не однозначно. К примеру, различные взгляды высказывались относительно технической базы коллективизации. Как и в более поздней историографии, некоторые преувеличивали степень технической оснащенности сельского хозяйства, считали, что коллективизация должна развиваться лишь вслед за тракторизацией и механизацией сельского хозяйства. Партия решила этот вопрос по-иному, выдвинув и осуществив в основном идею одновременной социальной и технической реконструкции деревни.

Противоречивые суждения высказывались и относительно дальнейшей судьбы кулачества в условиях сплошной коллективизации. На XVI партийной конференции, в партийной печати и литературе высказывались порой суждения о возможности приема кулаков в колхозы на условиях добровольного обобществления их средств производства. Однако поведение самого кулачества исключило такой путь решения проблемы. Кулачество повело ожесточенную борьбу против колхозов, используя вступление в колхозы для подрыва их изнутри. Партия и правительство вынуждены были применить к кулачеству меры революционного насилия, осуществить экспроприацию их хозяйств.

Ошибочные взгляды имели место и по вопросу о темпах, формах и методах колхозного строительства. Некоторым представлялось, что дело коллективизации необходимо и возможно решить

¹⁶ Дудин К. Ф. Организация тракторных колонн. М., 1929; Маркевич А. М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929; Машинно-тракторные станции и тракторные колонны: Сб. статей. М., 1929; Большаков В. Машинно-тракторные станции — рычаги коллективизации. М., 1930; Егорова М. Тракторные колонны и машинно-тракторные станции в реконструкции сельского хозяйства СССР. М., 1930; Шугаев К. Машинно-тракторные станции и колонны. М.; Л., 1930; Гололобов Ю. Первые итоги работы МТС Трактороцентра. М., 1931; Власов М. К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства в районах МТС. М., 1932.

¹⁷ Власов М. Коллективизация советской деревни. М., 1930; Варейкис И. В борьбе за генеральную линию на практике. Воронеж, 1931; Либкинд А. С. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. М., 1931.

¹⁸ Анастасенко Ф. И., Кричевский А. О. 25-тысячники краснопутиловцы на колхозной стройке. М.; Л., 1931; Ефимов Г. Т., Марморштейн И. О 25-тысячниках. Л., 1931; Папицкий Н. М., Сигаров М. С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и задачи пролетарского шефства. Саратов, 1932.

¹⁹ Аверьев В. О двух этапах «раскулачивания». — На аграрном фронте, 1930, № 6; Ангаров А. Сельсовет и ликвидация кулачества как класса. — Большевик, 1930, № 6; Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. М., 1930; Ликвидация кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Симферополь, 1930; Рыбкин О. Проблема «ножниц» и идеология кулачества. М.; Л., 1930; Устинов М. Ликвидация кулачества и задача Советов. М., 1930.

одним махом, росчерком пера, не считаясь со степенью готовности крестьянства. Другие допускали необоснованное экспериментирование, выдвигая идеи о совхозно-колхозных и агроиндустриальных комбинатах, о полном обобществлении крестьянских средств производства в коммунах, о строительстве гигантского размера коллективных хозяйств и т. п.

Коммунистическая партия подвергла критике искривления партийной линии в колхозном движении. В литературе, в высказываниях руководящих партийных и государственных работников содержится довольно широкое объяснение причин этих ошибок.

На одну из причин перегибов указывал С. М. Киров: «Целый ряд организаций и отдельных товарищей оказывались, вопреки объективным условиям, совершенно незрелыми для успеха партийного курса в деревне, недостаточно подготовленными к его проведению»²⁰.

А. А. Андреев отмечал, что в работе по сплошной коллективизации имело место «нездоровое соревнование в решении... важнейшего вопроса социалистического строительства»²¹, что в ряде мест слабо был поставлен контроль за работой по коллективизации. «Мы иногда чрезмерно доверяли отчетам отдельных организаций и руководителей, мы иногда не обеспечивали достаточно проверки нашего лозунга через массы, наша ошибка заключалась в том, что, когда стихия нездорового соревнования по коллективизации кое-где развязывалась, мы не всегда оказывали достаточно сопротивление этой развязавшейся нездоровой стихии...»²².

По мнению М. И. Калинина, поскольку колхозное строительство есть дело новое, «ряд ошибок надо считать совершенно неизбежным». «Мы разбудили стихийные силы, мы проводим коллективизацию и проводим меры, способствующие укрупнению сельского хозяйства. Но, товарищи, там, где участвуют миллионы людей, там движение сразу же приобретает стихийный характер. Получается на практике так, что порой плановые органы не охватывают все это движение в целом»²³.

«Головокружение от успехов», «самомнение и зазнайство» — так определил причины извращений и ошибок в области колхозного строительства И. В. Сталин, имея в виду не только местных работников, но и отдельных руководящих деятелей, членов ЦК партии²⁴.

Коммунистическая партия с огромной решимостью и твердостью повела борьбу и в короткий срок покончила с перегибами в колхозном движении, вернув его в нормальное русло. В течение

²⁰ Киров С. М. О социалистическом преобразовании сельского хозяйства Ленинградской области. Л., 1948, с. 44.

²¹ Андреев А. А. На путях подъема социалистической реконструкции сельского хозяйства: Статьи и речи. 1928—1930 гг. Ростов н. Д. 1930, с. 316.

²² Там же, с. 318.

²³ Калинин М. И. Избранные произведения: В 4-х т. М., 1960, т. 2, с. 375, 413.

²⁴ См.: Сталин И. В. Соч., т. 12, с. 192, 199, 211—212.

первой пятилетки идея коллективизации одержала решающую победу. В деревне в основном был создан колхозный строй — невиданное в истории явление, своим рождением поставившее множество разнообразных социально-экономических проблем. Литература 30-х годов уделяла им много внимания.

В центре исследования оказываются вопросы о социальной природе колхозов, о путях преодоления социального неравенства в колхозах, о путях развития колхозно-кооперативной собственности в последовательно социалистическую и т. п. К сожалению, это обсуждение нередко носило абстрактный, оторванный от жизни характер, приводило к выдвижению непродуманных, ошибочных предложений.

Упрочение, повзросление колхозного строя, преодоление ошибок и трудностей в его развитии, выработка новых, социалистических форм организации и оплаты труда, постепенное изменение частнособственнической психологии, рост социалистического сознания крестьянства — все это способствовало и освобождению аграрников от «детской болезни» в теоретической оценке происшедших в деревне изменений. От абстрактного теоретизирования они обращаются к насущным проблемам колхозной жизни, к вопросам развития колхозного производства. В центре внимания исследователей находятся вопросы организации и оплаты труда, развития колхозного производства, укрепления материально-технической и энергетической базы колхозов и совхозов, совершенствования управления коллективным хозяйством и т. п.²⁵

После того, как был полностью завершен процесс коллективизации, когда колхозный строй упрочился и начал все больше проявлять свои внутренние резервы и возможности, ученые-обществоведы обратились к проблемам синтезирующего исследования, предприняли попытки подвести итог огромным социальным, политическим, экономическим и другим переменам в деревне, происшедшим в результате коллективизации, осмыслить и оценить их значение как для колхозного крестьянства, так и для страны в целом. Но это уже характерно для нового этапа историографии социалистического преобразования деревни.

2

Появление во второй половине 30-х—50-х годах XX в. новых источников позволило более обстоятельно подойти к освещению социалистического преобразования сельского хозяйства по сравнению с периодом, когда это преобразование практически осуществлялось. От анализа отдельных сторон социальных преобразований

²⁵ Алексеев А. И. Сельскохозяйственная артель — основное звено коллективизации. М.; Л., 1931; Рысин Н. О распределении доходов в колхозах в 1933 г. Л., 1933; Яковлев Я. А. Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М., 1935; Кубанин М. И. Производственные типы колхозов. М., 1935.

ученые перешли к созданию целостной картины борьбы партии за осуществление революционного переворота в деревне.

Это вызвало необходимость существенного изменения источниковой базы. В годы социалистической реконструкции исследования строились непосредственно на живом, во многом не отстоявшемся материале, который ученые зачастую не были в состоянии в силу быстротечности событий даже перепроверить, сопоставить. В новых условиях положение существенно изменилось. Основным инструментом историка становился анализ архивного материала, который является кровью и плотью научного исследования. Переход на новую основу исследования не обошелся без некоторых издержек. Исторические труды порой утрачивали живость восприятия, картинность изображения процессов, терялась образность в описании героев эпохи, живых строителей социализма. Эти работы стали «суше», а иногда и схематичнее. Однако они приобрели новые качества — более широкий взгляд на исторические явления, более обстоятельную и точную их характеристику.

Возникает значительная литература, в которой предпринимаются попытки полнее осветить исторический путь советского крестьянства к социализму, показать грандиозность перемен, происшедших в деревне за годы Советской власти, отразить роль Коммунистической партии в осуществлении социалистических преобразований. Уже в предвоенный период выходят значительные труды по истории советского крестьянства от дореволюционного периода до победы колхозного строя²⁶, о социально-экономических изменениях в деревне в годы Советской власти²⁷, о подготовке и проведении коллективизации сельского хозяйства как в целом по стране, так и в отдельных ее районах²⁸, о роли большевистской партии в коллективизации сельского хозяйства²⁹.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне показала несокрушимую прочность колхозного строя, его неисчислимые резервы и возможности, подтвердила правильность генеральной линии Коммунистической партии по социалистическому преобразованию сельского хозяйства. В послевоенные годы усилилась исследовательская работа в области истории возникновения и развития колхозного строя³⁰. Наряду с освещением процесса коллек-

²⁶ Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939.

²⁷ Арина А. Е., Котов Г. Г., Лосева У. В. Социально-экономические изменения в деревне: Мелитопольский район (1885—1938 гг.). М., 1939; Хейнман С. А. Рост благосостояния колхозной деревни. М., 1939; Развитие советской экономики. М., 1940.

²⁸ Анисимов Н. И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Рубинштейн Н. 1929 год — год великого перелома. М., 1939; Тугаринов И. И. Коллективизация сельского хозяйства — глубочайший революционный переворот. М., 1941.

²⁹ Поспелов П. Н. Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. 1930—1934 гг. — Пролетарская революция, 1938, № 9.

³⁰ Ярославский Ем. Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1929—1934 гг.). М., 1945; Бурджалов Э. Н. СССР в

тивизации в целом исследователи обращаются к разработке его различных этапов, отдельных сторон, составных частей, важнейших проблем³¹.

С. П. Трапезников первым из исследователей обратил внимание на активную роль самого крестьянства в осуществлении сплошной коллективизации. Он показал, как из среды крестьян выдвинулись тысячи организаторов колхозного строя, в частности обратив внимание на факт возникновения в 1930 г. в Центрально-Черноземной области вербовочных бригад из числа активистов-колхозников и инициативных групп из среды индивидуальных крестьян³². Исследовав это движение, автор пришел к обоснованному выводу, что инициативные группы «выполняли роль переходной формы к артели»³³.

В условиях того времени, когда исследователи старались главным образом показать планомерный и управляемый характер коллективизации, Трапезников подчеркнул активную творческую роль крестьянских масс. Этот подход следует признать весьма плодотворным. Не случайно эта идея получила поддержку и развитие в историографии последующего периода.

Одной из сложнейших задач сплошной коллективизации была ликвидация кулачества как класса. В большинстве работ 40-х — начала 50-х годов не содержится анализа процесса осуществления этого революционного мероприятия, а дается лишь самая общая оценка. Однако намечаются пути и более углубленного исследования. Трапезников, например, обратил внимание на тот факт, что экспроприация кулачества осуществлялась не по одной схеме, а в зависимости от экономической мощи, поведения кулачества, его отношения к мероприятиям Советской власти. Автор показывает, что размеры экспроприации и характер административных мер в отношении разных групп кулачества были различными³⁴. Правда, в книге нет подробного анализа, как осуществлялся процесс ликвидации кулачества, но отход от традиционного взгляда на кулачество как на однородную массу, экспропрированную по единому правилу, следует считать положительным.

период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.). М., 1950; *Трапезников С. П.* Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951; *Генкина Э. Б.* СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934). М., 1952.

³¹ *Игнатьев В. Л.* О политике партии по отношению к крестьянству в первые годы Советской власти (ноябрь 1917 г.—март 1921 г.). М., 1948; *Коллюков И. А.* Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. 1917—1925 гг. М., 1949; *Скрыпнев П.* Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М., 1951; *Кистанов Я. А.* Потребительская кооперация СССР: (Исторический очерк). М., 1951; *Смирнов М. С.* Борьба партии Ленина—Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952.

³² *Трапезников С. П.* Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства..., с. 152.

³³ Там же, с. 154.

³⁴ Там же, с. 103.

В этот же период появилась специальная монография о ликвидации кулачества как класса³⁵. В ней было показано, как партия создавала материальные и политические условия для ликвидации кулачества (усиление наступления на эксплуататорские классы после XV съезда партии, рост налогового обложения, сплочение бедноты, борьба с правым уклоном, увеличение производства зерна в колхозах и совхозах). Однако процесс непосредственной ликвидации кулачества в книге в ряде случаев раскрыт схематично. Автор не всегда упоминает о специфических способах «раскулачивания» различных групп кулачества. Из книги трудно узнать что-либо определенное о сроках ликвидации эксплуататорского класса деревни. Достоинство книги состоит в том, что она дает общую картину руководства ликвидацией кулачества как классом, систематизирует все основные партийные документы, относящиеся к данной проблеме, показывает в неразрывной связи процессы ликвидации кулачества и коллективизации сельского хозяйства.

Наряду с изучением процесса коллективизации сельского хозяйства в целом по стране разворачивается изучение хода социалистических преобразований в отдельных районах РСФСР³⁶, в национальных республиках³⁷. Следует, однако, признать, что в большинстве трудов слабо выявлялись специфические черты в осуществлении революционных преобразований в деревне. Даже в таком отсталом в то время национальном районе, как Коми-Пермяцкий национальный округ, исследователь А. Г. Микрюкова не нашла ничего характерного, особенного в условиях проведения там коллективизации. Более того, она старательно подчеркивала сходство в развитии колхозного движения в данном районе и в целом по стране³⁸.

Большое внимание исследователей привлекала проблема изменения в результате коллективизации социального облика крестьянства. В работах К. Абросенко, Г. Глезермана³⁹ переделка

³⁵ *Абрамов Б.* Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952.

³⁶ *Альфийш С. Д.* Победы колхозного строя. Саратов, 1939; *Овсянников Г.* Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.). М., 1949; *Пейгашев В. Н.* Большевики Ставрополя в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Баку, 1951.

³⁷ *Борисюк И. Е.* Социалистическое сельское хозяйство Молдавии. — В кн.: Советская Молдавия (1924—1939). Тирасполь, 1939; *Токарев С. А.* Очерки истории якутского народа. Якутск, 1940; *Турсунбаев А. Б.* Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950.

³⁸ *Микрюкова А. Г.* Партийная организация Коми-Пермяцкого национального округа в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Молотов, 1951.

³⁹ *Абросенко К.* О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949; *Глезерман Г.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.

сознания и облика крестьянина представлена как результат многолетней работы большевистской партии по подготовке социалистического преобразования деревни, борьбы партии против буржуазных и правотроцкистских взглядов на путь развития крестьянства в условиях Советской власти. Авторы особо подчеркивают роль коллективного хозяйства в перевоспитании крестьянства.

Отмеченные положительные моменты в литературе второй половины 30-х — начала 50-х годов XX в. позволяют сделать вывод о том, что она представляет собой качественно новый этап в историографии социалистического преобразования деревни.

Однако она не лишена недостатков. Даже в лучших научных работах план кооперирования связывался только с последними статьями В. И. Ленина. Лишь в некоторых работах ленинский кооперативный план освещался как самостоятельное учение о путях социалистического преобразования крестьянства. Получил широкое распространение тезис о том, что коллективизации *предшествовало* создание мощной технической базы. Преувеличивалась быстрота технической реконструкции сельского хозяйства, которую некоторые историки связывали уже с периодом первой пятилетки. Противоречивые суждения высказывались по вопросу о сущности общественного строя доколхозной деревни. Как правило, исследователи ограничивали изучение хода коллективизации итогами первой пятилетки, когда коллективизация была завершена в основном в главных зерновых районах. Недостаточно глубокий анализ динамики колхозного движения порой приводил к смазыванию грани между нормальным, здоровым ходом колхозного движения и извращениями, ошибками. Взвинченные искусственно в начале 1930 г. темпы коллективизации авторы подчас оценивали как несомненный успех политики коллективизации. Не вполне объективно освещались и причины искривления партийной линии.

Нельзя сказать, что литература совершенно уходила от освещения трудностей становления колхозного строя, издержек и потерь этого периода. В общей форме говорилось о сокращении поголовья скота, о снижении показателей общественного хозяйства. Однако часто подлинная картина борьбы советского крестьянства за укрепление и развитие общественного хозяйства оставалась нераскрытой, а процесс организационно-хозяйственного укрепления колхозов представал в ряде работ как кратковременный акт, свершившийся без особых усилий. Высказывалось даже мнение, что задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов была в основном решена в 1934 г., хотя, как известно, к этому времени еще не был завершен даже процесс коллективизации.

Таким образом, на втором этапе развития советской историографии рассматриваемой проблемы имели место сложные, противоречивые процессы. С одной стороны, постепенно совершенствовалась марксистско-ленинская методология исследования, марк-

систско-ленинский подход к пониманию исторического процесса коллективизации, вырабатывалась методика создания обобщающих трудов, происходило накопление материала для дальнейшего углубленного изучения важнейших проблем истории коллективизации. С другой стороны, в литературе распространялся иллюстративный, описательный метод, проявлялись элементы догматизма, цитатничества — явления, несовместимые с марксистско-ленинской методологией.

Однако имевшиеся недостатки не могут заслонить того неоспоримого факта, что в это время советские историки сделали многое для разработки основных проблем истории коллективизации, для изучения процесса коллективизации в целом. Только на базе этих достижений мог возникнуть во второй половине 50-х годов подъем исследовательской работы. Не следует забывать, что именно в послевоенный период сложилась большая группа ученых-аграрников, которые в дальнейшем внесли весомый вклад в исследование данной проблемы.

3

Начиная со второй половины 50-х годов научно-исследовательская работа в области аграрной истории испытывает бурный подъем. Фронт исследования проходит через все союзные и автономные республики, национальные округа, крупные краевые и областные центры. Резко возрастает диапазон изучаемых проблем. В поле зрения историков оказываются не только коренные, но и многие частные вопросы истории социалистического преобразования сельского хозяйства, ранее не находившие отражения в литературе. Существенно поднимается уровень научной работы. Более совершенной становится методика исследования. Аналитический, творческий подход успешно вытесняет имевшие прежде широкое распространение описательность, иллюстративность, схематизм и догматизм в освещении исторического процесса. Это положительно сказывалось на исследовательской деятельности, на ее масштабах.

Однако, несмотря на крупные достижения, развитие советской историографии на третьем этапе не было равномерным и прямолинейным. Элементы субъективизма и волюнтаризма, имевшие место в управлении народным хозяйством и осужденные октябрьским (1964 г.) Пленумом ЦК КПСС, наложили известную печать и на исследования по истории социалистического преобразования деревни. Часть историков давала одностороннее, искаженное освещение этого процесса, преувеличивая место и масштабы негативных явлений, в свое время вскрытых и осужденных партия. Эта «очернительская» тенденция была подвергнута аргументированной критике в партийной печати⁴⁰ и преодолена в ходе дальнейшего развития исторической науки.

⁴⁰ См.: Коммунист, 1969, № 3, с. 79.

Таким образом, на наш взгляд, третий этап историографии социалистического преобразования сельского хозяйства можно разделить на два периода, рубежом между которыми являются решения октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, открывшие новые возможности для подъема научно-исследовательской деятельности.

Огромное значение для развития советской историографии имело расширение источниковой базы научных исследований. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС издал Полное собрание сочинений В. И. Ленина в 55-ти томах. Осуществлено переиздание протоколов партийных съездов и конференций. Вышло в свет 8-е издание резолюций и решений партийных съездов, конференций и пленумов ЦК. Публикуются сборники документов партийных и государственных органов по хозяйственным вопросам, в том числе и по вопросам социалистического преобразования сельского хозяйства ⁴¹.

Во всех союзных республиках издаются сборники документов по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. Приходится лишь сожалеть, что эти полезные сборники порой слабо используются в монографических исследованиях.

Большую роль для исследовательской работы сыграло опубликование сборников статей и речей видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, внесших значительный вклад в дело строительства социализма не только своей конкретной организаторской работой, но и глубокими теоретическими обобщениями ⁴².

На основе общего подъема историко-партийной науки, глубокого анализа архивных материалов развернулось плодотворное изучение истории борьбы Коммунистической партии за социалистическое преобразование деревни, приведшее к созданию ряда обобщающих работ ⁴³.

⁴¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. 1917—1957 гг. В 4-х т. М., 1957; Т. 1—2. (1917—1945 гг.); Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 5-ти т. М., 1967. Т. 1—2. (1917—1940 гг.); Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг. М., 1957; В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства: Сб. документов. М., 1971; и др.

⁴² Куйбышев В. В. Избранные статьи и речи. М., 1955; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи: В 2-х т. М., 1956. Т. 1—2; Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957; Калинин М. И. Избранные произведения: В 4-х т. М., 1960. Т. 1—4.

⁴³ Абрамов Б. А. Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана. М., 1956; Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959; Он же. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. I—II: 2-е изд. М., 1974. Т. I—II; Селунская В. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; Галаюнов М. В. Большие перемены: Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. М., 1968; Ленинский

Вопросы подготовки и проведения социалистического преобразования сельского хозяйства, роли в этой работе Коммунистической партии и Советского государства большое место занимают в многотомных изданиях по истории КПСС и истории СССР⁴⁴, в очерках истории партийных организаций, которые созданы во всех республиках, краях и областях. Практически почти во всех республиках опубликованы труды, посвященные социалистическому преобразованию сельского хозяйства⁴⁵.

Значительна литература и по подготовке и проведению коллективизации в различных районах Российской Федерации⁴⁶.

Подъем исследовательской работы в области аграрной истории, появление обширной литературы вызвали потребность в подведении итогов, в анализе проделанной работы, выявлении актуаль-

кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969.

⁴⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1970. Т. IV, кн. 1 (1921—1929 гг.); М., 1971. Т. IV, кн. 2 (1929—1937 гг.); История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях; В 12-ти т. 2-я серия. М., 1967. Т. VIII; М., 1971. Т. IX.

⁴⁵ Дриккер Х. Н. Победа колхозного строя в Таджикистане. Сталинабад, 1956; Турсунбаев А. Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Саидалиев С. Борьба за осуществление ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Ташкент, 1958; Дахилейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965; Торжество ленинского кооперативного плана в Узбекистане. Ташкент, 1970; Шерстобитов В. П. В. И. Ленин и крестьянство: (На материалах Киргизской ССР). Фрунзе, 1970; Андреев М. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1956; Избекова А. А. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Хабаровск, 1958; Агеев М. В. Ленинский кооперативный план и его осуществление в Татарии. Казань, 1970; Туленбаев В. А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971; Залялов А. М. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Татарии (1917—1937 гг.). Казань, 1974; Чмыга А. Ф. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.): Очерки истории. М., 1974.

⁴⁶ Новиков И. Н. Коллективизация сельского хозяйства Омской области. Омск, 1956; Степичев И. С. Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства. Иркутск, 1958; Он же. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне. Иркутск, 1966; Молчанов М. Победа колхозного строя на Дону и Кубани. Шахты, 1960; Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928—1932 гг. М., 1963; Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927—1937 гг.). Новосибирск, 1966; Социально-экономические преобразования в воронежской деревне (1917—1967). Воронеж, 1967; Ленинским курсом: Торжество ленинского кооперативного плана на Кубани. Краснодар, 1970; Козлова Л. А. К победе колхозного строя: Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971; Шустов А. К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье (1927—1937). Ярославль, 1971; Осолков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н. Д., 1973; Гушчин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; Гушчин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941 гг.). Новосибирск, 1975.

ных проблем и нерешенных вопросов. Получила широкое развитие историография истории социалистического преобразования сельского хозяйства, о чем свидетельствовало появление большого числа статей и ряда крупных монографий⁴⁷. Как будет показано ниже, в историографических работах были рассмотрены наиболее существенные вопросы преобразований в деревне и степень их изученности, освещенности в имеющейся литературе по истории социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Одно из видных мест в литературе занимает ленинский кооперативный план, история его разработки, содержание и претворение в жизнь. Показано, что создание плана связано с дореволюционной теоретической деятельностью вождя революции. Разработана периодизация формирования кооперативного плана. Прежнее мнение о том, что он выполнял лишь функции подведения крестьян к коллективизации, уступило место верному, объективному выводу, по которому коллективизация является составной частью ленинского кооперативного плана. Победа колхозного строя означала, что ленинский кооперативный план партией претворен в жизнь⁴⁸. Во многих работах обращалось внимание на то, как, в каких условиях партия разрабатывала курс на строительство социализма в деревне. Отмечалось в связи с этим значение XV съезда ВКП(б)⁴⁹. Высокому форуму партии, выработавшему курс на коллективизацию, были посвящены и специальные работы, в которых подчеркивалось, что на базе его решений партия активизировала создание предпосылок коллективизации сельского хозяйства. Вопрос о степени зрелости этих предпосылок подвергся живейшему обсуждению. Отдельные историки оспаривали вывод о том, что колхозное движение развернулось на достаточно подготовленной основе⁵⁰. Этот взгляд после критики в партийной печати и партийной литературе был отвергнут как искажающий реальные процессы⁵¹.

⁴⁷ *Зак Л. М., Лельчук В. С., Погудин В. И.* Строительство социализма в СССР: Историографический очерк. М., 1971; *Чинчиков А. М.* Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. М., 1971; *Смышляев В. А.* Торжество ленинского кооперативного плана: (Историографический очерк истории коллективизации сельского хозяйства). Л., 1972; *Селунская В. М.* Ленинский кооперативный план в советской историографии. М., 1974; *Погудин В. И.* Путь советского крестьянства к социализму: Историографический очерк. М., 1975; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976.

⁴⁸ *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление; *Сергеев И. И.* Разработка В. И. Лениным кооперативного плана 1917—1924 гг. Саратов, 1966; *Гамаюнов М. В.* Большие перемены; *Файн Л. Е.* История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. М., 1970.

⁴⁹ *Балдаев Г. Г.* XV съезд ВКП(б): Курс на коллективизацию сельского хозяйства. М., 1959; *Ваганов Ф. М.* XV съезд ВКП(б). М., 1973.

⁵⁰ *Немаков Н. И.* Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения. М., 1966.

⁵¹ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление.

Одновременно глубокую научную разработку получили многие вопросы подготовки партией благоприятных условий для вовлечения крестьян в социалистическое строительство. Была исследована деятельность партии по развертыванию кооперирования крестьянского населения, сыгравшего важнейшую роль в развитии общественных начал, в изживании индивидуалистического сознания у мелких товаропроизводителей⁵². Основательно была изучена борьба большевистской партии против троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских оппортунистов, что создало важную политическую предпосылку для социалистической реконструкции деревни⁵³.

Большой интерес вызвал вопрос о материально-технических предпосылках коллективизации. Старая точка зрения, преувеличивавшая зрелость технической базы, на которой развернулось колхозное движение, была пересмотрена. Новые исследования показали, что социальная реконструкция развернулась в основном на базе обобществления крестьянских средств производства. Однако элементы новой технической базы в виде МТС уже имелись, являясь важным рычагом перестройки сельского хозяйства⁵⁴.

Важную роль в подготовке колхозного движения сыграла политика партии, направленная на регулирование социальных процессов в деревне, на борьбу против кулачества и его политическую изоляцию. Это обстоятельство отмечалось в обобщаю-

⁵² Булатов И. Г. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921—1925 гг.). М., 1961; Голиков В. А. Важнейший этап развития сельскохозяйственной кооперации в СССР (1921—1929 гг.). М., 1963; Морозов Л. Ф., Дмитренко В. П., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978.

⁵³ Ваганов Ф. М. Борьба КПСС против правого уклона за подготовку коллективизации (1928—1929 гг.). Тюмень, 1960; Он же. Правый уклон и его разгром (1928—1930 гг.). М., 1970; Вяткин А. Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. М., 1961; Борьба КПСС против антиленинских групп и течений в период строительства социализма. М., 1964; Иванов В. М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма: Ленинградская партийная организация в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1925—1927 гг. Л., 1965; Макаров Б. И. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М., 1965; Из истории борьбы партии против оппортунизма. М., 1966; Троцкизм — враг ленинизма. М., 1968; Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969; Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921—1929 гг. М., 1969; Рыженко Ф. Д., Угрюмов А. Л. Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). М., 1939; Иванов В. М., Шмелев А. Н. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970.

⁵⁴ Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Арутюнян Ю., Вылцан М. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958; Вылцан М. А. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке. М., 1959; Корольков Н. В. Опыт КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства (1927—1937). Владимир, 1970.

щих трудах, а также явилось темой специальных исследований⁵⁵.

Внимание исследователей все больше начинает привлекать проблема организаторской и идеологической работы партии в период подготовки коллективизации сельского хозяйства. Появились публикации, в которых наглядно показана всесторонняя деятельность большевистской партии по осуществлению решений XV съезда ВКП(б) и прежде всего по политическому воспитанию масс⁵⁶.

В литературе подробно рассматривается, как партия подошла к верному решению вопроса о том, что основной формой колхозного движения является сельскохозяйственная артель. Правда, специальных трудов о формах колхозного движения, их развитии и дальнейшей судьбе до сих пор еще не создано. Между тем потребность в этом есть, особенно в свете высокой оценки роли колхозов в условиях строительства коммунизма, которую дала Программа КПСС⁵⁷. Представляет интерес первая попытка объективно, всесторонне осветить роль и место сельскохозяйственной коммуны в социалистическом преобразовании, на которую, как известно, в литературе имеется ряд весьма противоречивых точек зрения⁵⁸. Советские историки убедительно показали, что различие в темпах коллективизации определялось особенностями развития и экономического значения районов в народном хозяйстве, степенью их подготовленности к массовой коллективизации, классовой дифференциацией и остротой классовой борьбы⁵⁹.

В литературе последних лет содержится широкий анализ причин ошибок в колхозном строительстве: новизна и сложность осуществления коллективизации, напряженность международной об-

⁵⁵ Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в период НЭПа (1921—1937). М., 1960; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М., 1968; Боженко М. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). Томск, 1969; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

⁵⁶ Абрамов Б. А. Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана. М., 1960; Агаджанов Ю. Г. Политическая работа Чечено-Ингушской парторганизации в массах (1921—1929 гг.). Грозный, 1970; Ковалев И. А. Идеологическая работа КПВ в период создания фундамента социализма. Минск, 1970; Коммунистическая партия Украины — руководитель идейно-политического воспитания трудящихся села. 1930—1958 гг. Киев, 1970.

⁵⁷ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, с. 77.

⁵⁸ Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917—1929 гг. М., 1976.

⁵⁹ Абрамов Б. А. Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос; История КПСС: Учебник. М., 1969; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. Т. 4, кн. 2; Шустов А. К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье (1927—1937 гг.).

становки, диктовавшая необходимость форсированных темпов колхозного движения, отсутствие у местных работников полной ясности в проведении в жизнь новой политики, ошибки в руководстве колхозным движением, настроения благодушия и самоуверенности в результате первых успехов коллективизации, недостаточная политическая зрелость низового и среднего звена партийного аппарата, недооценка силы привязанности крестьянства к единоличному хозяйству, ослабление идеологической работы в период сплошной коллективизации.

Наряду с объективной характеристикой встречаются и субъективные, произвольные и ошибочные оценки, связывающие искривления линии партии с якобы неправильными установками И. В. Сталина и ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации и ликвидации кулачества ⁶⁰.

Последнее утверждение вызвало справедливую критику в партийной печати. Группа историков (в статье «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС») заявила, что «ЦК партии не только не давал директив искусственно ускорить темпы коллективизации, а, наоборот, начиная с ноябрьского (1929 г.) Пленума, вел борьбу против формально-бюрократического подхода к коллективизации. В решении ноябрьского Пленума, в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. партийные организации предостерегались от какого бы то ни было «декретирования» свержу колхозного движения» ⁶¹.

В партийных документах, в печати партия перед лицом всего народа смело обнажила и резко осудила ошибки и недостатки в колхозном движении. Это не только не ослабило влияния партии на массы крестьянства, но еще больше подняло их доверие к авангарду рабочего класса. Решительно борясь за выправление линии в колхозном строительстве, Коммунистическая партия показала, что для нее нет более высоких идеалов, чем последовательное отстаивание интересов трудового народа.

В литературе с исчерпывающей полнотой освещается, как ЦК ВКП(б) неоднократно предупреждал все партийные организации о недопустимости перегибов в раскулачивании, недопустимости нарушения принципа добровольности в колхозном строительстве. Специальные разъяснения и предупреждения были сделаны ЦК Компартий Средней Азии и Закавказья. Было проведено совещание партийных работников Советского Востока. В зерновые районы были посланы представители Политбюро и Наркомзема. Результаты этой поездки обсуждались на специальном совещании в ЦК ВКП(б) ⁶².

⁶⁰ Очерки по истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963; СИЭ, 1965, т. 7; Лекции по истории КПСС. М., 1966. Вып. 2; *Немаков Н. И.* Указ. соч.

⁶¹ Коммунист, 1969, № 3, с. 79.

⁶² *Трапезников С. П.* Исторический опыт КПСС по осуществлению социалистического преобразования сельского хозяйства. М., 1959; *Шарова П. Н.*

Решительная борьба Коммунистической партии против перегибов в колхозном движении, успешное проведение весеннего сева 1930 г. произвели огромное впечатление на колеблющуюся часть деревни. Они показали крестьянам, что перегибы ничего общего не имеют с политикой партии, с ее генеральной линией. В результате, начиная с весны 1930 г., отлив крестьян из колхозов все больше сокращался, а во второй половине 1930 г. начался новый подъем колхозного движения, который привел к полному торжеству ленинского кооперативного плана.

Большое место в литературе занимает изучение форм и методов ликвидации кулачества как класса. Исследовательская работа в этой области дала много нового. Глубже стало понимание процесса ликвидации кулачества в СССР (дифференцированный подход к различным группам кулаков, периодизация, особенности ликвидации кулачества в различных районах, роль экономических факторов и др.); начата разработка вопроса о трудовом перевоспитании бывших кулаков⁶³.

Широко изучались проблемы союза рабочего класса и крестьянства и ведущей роли промышленных рабочих в социалистическом преобразовании деревни, шефства под руководством партии города над деревней, была раскрыта в литературе роль двадцатипяти тысячников, показаны каналы обширных экономических связей тружеников промышленности и сельского хозяйства⁶⁴.

Указ. соч., с. 158—159; *Вогденко М.* Колхозное строительство весной и летом 1930 г.— Исторические записки, 1965, № 76, с. 26—32; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VIII, с. 554—558; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, с. 63—66; *Абрамов Б. А., Ваганов Ф. М., Голиков В. А.* О некоторых вопросах истории первого этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства.— Вопросы истории КПСС, 1972, № 4, с. 34—36.

⁶³ *Гим М. П.* В. И. Ленин об общесоциальном и национально-особенном в советском опыте социалистического преобразования сельского хозяйства.— История СССР, 1957, № 1; *Семернин П. В.* О ликвидации кулачества как класса.— Вопросы истории КПСС, 1958, № 4; *Медведев В.* Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае.— История СССР, 1958, № 4; *Сидоров В.* Мероприятия по трудовому воспитанию бывших кулаков.— Вопросы истории, 1964, № 11; *Он же.* Ликвидация кулачества как класса.— Вопросы истории, 1968, № 7; *Пестриков Ф. С.* Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927—1937 гг.); *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос; Ленинским курсом. Краснодар, 1970; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2; *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972; *Гущин Н. Я.* Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926—1933 гг.). Новосибирск, 1972.

⁶⁴ *Данилов В. П.* Развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы коллективизации сельского хозяйства (1930—1935 гг.).— В кн.: Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР. М., 1958; *Он же.* Экономические основы союза рабочего класса и крестьянства в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР.— В кн.: Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании деревни в СССР. М., 1968; *Калашников В. Н.* Борьба КПСС за укрепление и развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период

Одновременно с развертыванием колхозного движения Коммунистическая партия поставила перед партийными и советскими органами задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Эта работа партии находится в поле зрения историков. Главными проблемами, над которыми ведется исследовательская работа, являются налаживание новой организации и оплаты труда, подготовка кадров для сельского хозяйства, борьба с частнособственнической мелкобуржуазной психологией крестьянства и остатками кулацкого влияния. Помимо обобщающих работ, где эти вопросы находят отражение, имеется литература и непосредственно по названным проблемам⁶⁵.

Важнейшей мерой партии по решению задач укрепления колхозного строя явилось создание политических отделов МТС и совхозов. Их работа довольно широко освещена как в обобщающих трудах по истории коллективизации, так и в названных выше специальных исследованиях, посвященных организационно-хозяйственному укреплению колхозов. В них показаны трудности и недостатки в колхозном строительстве, новые условия классовой борьбы в деревне, вызвавшие необходимость создания политотделов МТС и совхозов.

Политотделы оказали решающее влияние на сельскохозяйственное производство. Два года их существования ознаменовались более организованным проведением всех сельскохозяйственных работ, успехами в производстве зерновых культур и, что особенно важно, началом подъема общественного животноводства.

Создание колхозного строя, завершившееся во второй пятилетке, свидетельствовало о том, что социализм одержал победу в самой отсталой отрасли народного хозяйства. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству,— говорится в Программе КПСС,— означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского

подготовки и введения новой Конституции. Чебоксары, 1959; *Гущин Н. Я.* Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965; *Герман К. К.* Ведущая роль рабочего класса в создании колхозного строя в Белоруссии (1926—1935 гг.). Минск, 1968; *Филимонов А. А.* Укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в период развернутого строительства социализма (1929—1936 гг.): На материалах БССР. Минск, 1968; *Ефанов К. И.* Рабочий класс и победа колхозного строя в северокавказском ауле. Грозный, 1968; Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969; *Смышляев В. А.* По ленинскому пути. Л., 1969; *Сабуров Н. Н.* Борьба партии за установление экономической смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством (1921—1925 гг.). Л., 1975.

⁶⁵ *Козлов С. Е.* Борьба партии за организацию труда в колхозах в период сплошной коллективизации.— Учен. зап. Томского пед. ин-та, 1957, т. 16; *Юдачев С. А.* Борьба КПСС за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.). М., 1962; *Левыкин К. Г.* КПСС — организатор колхозного производства в годы второй пятилетки (1933—1937). М.,

кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»⁶⁶.

Таким образом, третий этап историографии характеризуется как углублением, так и расширением фронта исследования проблем руководства со стороны Коммунистической партии социалистическим преобразованием деревни. Однако многие аспекты этой проблемы еще ждут своего исследования, дальнейшей углубленной разработки. Остается актуальной задача дальнейшего изучения ленинского теоретического наследства по аграрному вопросу, в частности, периодизации формирования и осуществления ленинского кооперативного плана. Нуждается в дополнительном исследовании история борьбы партии за преобразование буржуазной кооперации в социалистическую и за дальнейшее развитие простых кооперативных форм в доколхозный период.

Историки до сих пор не могут выработать единого мнения относительно того, прошли ли они в своем развитии этап госкапиталистической формы или нет. Между тем изученность конкретной истории развития кооперации в первое пятилетие Советской власти⁶⁷ позволяет сблизить позиции оппонентов и прийти к согласованным решениям.

В последние годы разворачивается обсуждение вопроса о характере производственных отношений в простых формах кооперации. Однако еще нельзя сказать, что найдено оптимальное решение. Вопрос о характере производственных отношений в простых формах кооперации требует дальнейшего научного анализа и обсуждения.

Назрела необходимость в более глубоком изучении на конкретном материале динамики социальной структуры доколхозной деревни под влиянием политики партии и Советского государства. Анализ социально-экономических групп, который осуществляется историками, нередко не дает истинной картины в силу неразработанности методики. Дело за тем, чтобы создать удовлетворитель-

1969; *Ларькина Е. И.* Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М., 1960; *Лысенко Н. А.* Деятельность Коммунистической партии Украины по подготовке и воспитанию колхозных кадров в период коллективизации сельского хозяйства (1930—1932 гг.). Одесса, 1959; *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960; *Борисов Ю. С.* Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960; *Он же.* Проблема сельскохозяйственных кадров и ее решение в годы реконструкции народного хозяйства, победы и упрочения социализма в СССР (1926—1941 гг.). М., 1977; *Вылцан М. А.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937 гг.). М., 1978.

⁶⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 14.

⁶⁷ *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1968; *Фатулин А. И.* Из истории борьбы КПСС за реорганизацию буржуазной кооперации в социалистическую (1919—1920 гг.). Калининград, 1970; *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и кооперация (1917—март 1919 г.). М., 1973; *Морозов Л. Ф., Дмитренко В. П., Погудин В. И.* Указ. соч.

ную методику изучения социальных групп деревни, позволяющую вести исследование на базе существующих источников.

Необходимо привлечь внимание к истории МТС, которая представляет одну из ярких страниц борьбы партии за утверждение социалистического строя в сельском хозяйстве. Об истории МТС и их роли в сельском хозяйстве написано, как уже отмечалось, немало работ. В них в целом верно показывается рождение МТС, их развитие, мощное воздействие на ход колхозного строительства. Однако реорганизация МТС, осуществленная Советским государством в 1958 г., породила у некоторых ученых сомнения в правомерности сосредоточения в 30-е годы сельскохозяйственной техники в руках государства. По их мнению, то обстоятельство, что государство полностью взяло в свои руки техническое обслуживание колхозов, было вынужденным явлением. В коллективном труде экономистов говорится: «Если бы колхозы были в удовлетворительном состоянии, строительство МТС пошло бы по тому пути, который был намечен партией в начале первой пятилетки, т. е. по пути колхозных и межколхозных предприятий. Это тем более вероятно, что имелся уже некоторый положительный опыт кооперативных и колхозных МТС»⁶⁸.

Объяснять все дело «неудовлетворительным состоянием колхозов» (это утверждение само по себе неверно) — значит не понять главного, что определило решение вопроса: быть МТС колхозными или государственными предприятиями. Бесспорно, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что колхозная система в целом не была готова взять на себя как техническое перевооружение вновь созданных колхозов, так и обслуживание новой техники. Однако дело не только и не столько в этом. Верно подчеркивает Н. В. Корольков, что МТС были рычагами «колоссального социально-политического воздействия рабочего класса и промышленности на коренную перестройку деревни»⁶⁹.

Реорганизация МТС в 1958 г. в известной мере снизила интерес исследователей к изучению истории становления и развития МТС, их места в укреплении союза рабочего класса и крестьянства, их вклада в упрочение колхозного строя. Об этом свидетельствует уже тот факт, что по истории МТС в новейшей историографии не вышло ни одного крупного монографического труда. Нам думается, что это незаслуженно.

В последние 15—20 лет не была объектом основательного исследования и борьба партии против буржуазных и неонароднических аграрных теорий, имевших хождение в доколхозный период. В свете задач идеологической борьбы между социализмом и капитализмом разработка этой темы в настоящее время представляет большой интерес. Вместе с тем заслуживает большего вни-

⁶⁸ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963, с. 365.

⁶⁹ Корольков Н. В. Указ. соч., с. 73.

мания историков и проблема критики современных буржуазных фальсификаторов политики и деятельности Коммунистической партии по социалистическому преобразованию деревни. Имеющаяся по этому вопросу литература немногочисленна, в ней еще недостаточно проанализированы методические приемы и методология буржуазных и ревизионистских историографов.

Важной и еще не исчерпанной проблемой является освещение международного значения исторического опыта Коммунистической партии по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство. Общезначимость этого опыта, возможность его широкого использования братскими коммунистическими партиями не только социалистических стран актуализирует создание фундаментальных трудов, призванных внести новый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-X — НАЧАЛА 30-X ГОДОВ XX В.

Н. И. Приймак

Для современных работ по вопросам теории источниковедения характерно особое внимание к историографии источниковедения. Сделаны первые попытки оценить в историографическом аспекте и проблемы источниковедческого изучения произведений В. И. Ленина в современной советской исторической литературе¹.

Существенное значение имеет также анализ историографического наследия по вопросам источниковедения ленинских документов. Обобщение современного и раннего опыта (в частности, опыта 20—30-х годов XX в.) источниковедческого анализа ленинских произведений позволит расширить наши знания о методах такого изучения и конкретнее определить его дальнейшие задачи. Использование этого опыта может способствовать решению неразработанных или спорных вопросов, углублению и расширению источниковедческого изучения ленинских произведений, возможности для чего созданы в связи с завершением издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Следует также учесть, что научная перспективность источниковедения ленинских произведений определяется не только задачами более глубокого исследования ленинского теоретического наследия, но и задачами выявления новых, неизвестных нам документов В. И. Ленина. Последнее, как показывают результаты выявления ленинских документов в государственных архивохранилищах СССР, прямо связано с необходимостью использования методов текстологического анализа при установлении ленинского авторства². Поэтому представляется актуальной и практически

¹ Буганов В. И. Советская литература с приемах работы В. И. Ленина с источниками.— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 129—130; Каменцева Е. И., Николаева А. Т., Черноморский М. Н. Рец. на кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. III. 372 с.— Советские архивы, 1971, № 4, с. 111; Луцкий Е. А. О текстологическом анализе произведений В. И. Ленина в советском источниковедении.— В кн.: Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения: Материалы к обсуждению. Таллин, 1972. М., 1972; Медушевская О. М. Новая советская литература по источниковедению.— Вопросы истории, 1973, № 9, с. 146—147.

² Беляков С. Т. О методах выявления ленинских документов в архивах.— В кн.: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965; Беляков С. Т., Веселина М. С. Совершенствовать поиски документов В. И. Ленина.— Советские архивы, 1966, № 5; Беляков С. Т. Поиск рукописей В. И. Ленина в ЦГАНХ СССР.— Там же, 1973, № 1.

необходимой в научном плане разработка проблемы историографии источниковедения произведений В. И. Ленина. В связи с этим интересен опыт источниковедческого изучения произведений В. И. Ленина, который сложился в процессе огромной практической работы по собиранию и изданию ленинских документов, начатой Истпартом в 1920 г. и продолженной с 1923 г. Институтом В. И. Ленина.

Установление ленинского авторства, разработка правил научного издания ленинских документов и археографическая обработка текстов при подготовке первого и особенно второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина и «Ленинских сборников» позволили уже в 20-е годы понять принципиальную необходимость источниковедческого аспекта в исследовании ленинского наследия и определить некоторые задачи и приемы изучения истории создания и собственно текстологического анализа ленинских произведений. В этом плане еще предстоит исследовать значение научной работы с ленинскими документами в Истпарте и особенно в Институте В. И. Ленина, участие в этой работе Н. К. Крупской и других видных деятелей партии, соратников В. И. Ленина³. Предметом всестороннего изучения в источниковедческом аспекте должны стать, в частности, особенности публикации ленинских документов во втором и третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина и в «Ленинских сборниках». Таким же образом необходимо изучить материалы научно-справочного аппарата в «Ленинских сборниках» и во втором и третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина: общие предисловия к каждому изданию и предисловия к отдельным томам; археографические сведения, данные из истории публикаций и обоснование редакционной обработки ленинских документов, примечания и другие элементы справочного аппарата.

Ограничившись постановкой этих вопросов (их изучение должно стать предметом последующих статей), рассмотрим в публикуемой статье, главным образом, то, какое освещение вопросы источниковедения ленинских произведений получили в исторической литературе 20-х — начала 30-х годов XX в.

В связи с постановкой проблемы ленинского вклада в историческую науку советскими историками в 20-х годах были выделены вопросы о значении ленинских документов как исторического источника, о методике их источниковедческого изучения, о приемах работы В. И. Ленина с источниками. Постановка этих вопросов сочеталась во многих работах с конкретным источниковедческим анализом отдельных ленинских документов.

В связи с этим особый научный интерес представляют работы 20-х годов выдающегося советского источниковеда и археографа С. Н. Валка и заведующего архивом Института В. И. Ленина Г. А. Тихомирнова, работы советских историков 20-х годов —

³ Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970, с. 160—166.

В. В. Адоратского, Н. Н. Авдеева, В. А. Быстрянского, И. Волковичера, А. Ф. Ильина-Женевского, В. И. Невского, М. Н. Покровского, М. С. Ольминского и других, а также статьи Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой. Источниковедческие аспекты изучения ленинских документов отразились и в материалах конференций, в частности Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, Второго съезда архивных работников РСФСР (1928—1929 гг.).

Решение IX съезда РКП(б) в 1920 г. о подготовке первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина, постановление Второго Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 г. об издании ленинских трудов и резолюция XIII съезда партии о задачах Института В. И. Ленина в подготовке научного издания Сочинений В. И. Ленина и ленинской библиотеки из избранных произведений определили характер научной работы по подготовке ленинского теоретического наследия к изданию.

В 1926 г. был опубликован «Проект правил издания трудов В. И. Ленина», составленный С. Н. Валком⁴. Основным принципом научного издания ленинских документов был признан принцип исчерпывающей полноты источниковой базы. Издание Сочинений В. И. Ленина должно было быть составлено из всего известного ленинского наследия «как в виде документов литературно-политических, так и имеющих одно лишь биографическое значение (как-то, например, личной переписки)». В издание должны были быть включены «не только наличные автографы В[ладимира] И[льича] и восходящие к автографам документы, но также и современные записи устных выступлений В[ладимира] И[льича]». При подготовке издания должны были быть выявлены и опубликованы в Сочинениях «документы, авторски целиком принадлежащие В[ладимиру] И[льичу]»; «дополнения, правки, заметки» В. И. Ленина к «документам, исходившим от других лиц»; «документы, лишь подписанные В[ладимиром] И[льичем]», содержание которых, однако, было разработано В. И. Лениным, а также и «коллективные документы», имеющие среди других ленинскую подпись и являющиеся результатом работы группы авторов⁵.

В основу издания, по мнению Валка, следовало положить и другой важный методологический принцип — дать «критически установленный текст трудов В[ладимира] И[льича]»⁶⁻⁷.

Источниковедческий анализ, по мнению Валка, должен присутствовать при всех необходимых моментах подготовки документов к изданию: при передаче текста, составлении заголовка, если

⁴ В 1924 г. С. Н. Валк был приглашен Институтом В. И. Ленина как научный консультант (Фонд документов В. И. Ленина, с. 154).

⁵ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. Сост. С. Н. Валк. М.; Л., 1926, с. 8 (далее — Проект правил...).

⁶⁻⁷ Там же, с. 10.

документ не имеет его, или при разработке легенды. Поэтому и в «Проекте правил...», и в предшествующих ему других работах Валк особое внимание обращал на характеристику задач источниковедческого анализа ленинских документов и соответствующих им приемов такого анализа. В частности, чрезвычайно важным Валк считал изучение истории текста ленинского документа, при котором должны быть выявлены все известные тексты данного отдельного документа и проведен сравнительный анализ его первоначального текста с последующими, отражающими изменения, сделанные в процессе написания или издания⁸.

Валк разработал основные этапы археографической подготовки текста ленинских документов к изданию: выбор текста (соотнесение различных текстов документа), транскрипция («перевод исторического строя языка на строй современный») и исправление текста (отношение к опискам, ошибкам)⁹; им были определены археографические приемы передачи текста ленинских документов в научном издании и в изданиях, рассчитанных на широкие круги читателей¹⁰. Валк раскрыл и смысл научных терминов, употребляемых применительно к ленинским документам: «основной текст», «редакция» и «списки» (рукописные) или «издания» (печатные) и т. п.¹¹

«Проект правил...», разработанный Валком, свидетельствовал о возможности сочетания новых методологических принципов, определявших становление советского источниковедения, и критически использованного опыта буржуазного источниковедения, в частности в области источниковедческой методике. Еще одной важнейшей особенностью «Проекта правил...» следует признать то, что все приведенные выше выводы были сделаны непосредственно в процессе источниковедческого анализа ряда ленинских произведений.

Можно сказать, что «Проект правил...» был составлен на основе обобщения результатов работы по научному упорядочению архива В. И. Ленина, в частности, описания ленинских документов на каталожных карточках. В конце 1924 г. Валку было предложено подготовить проекты инструкций, по которым должна была вестись работа в Архиве В. И. Ленина¹².

Следует заметить, что задачи археографической и источниковедческой работы с текстами ленинских документов в «Проекте правил...» рассматривались в единстве. Эта особенность «Проекта правил...» представляет несомненный интерес в связи с отмечаю-

⁸ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов.— Архивное дело, 1925, вып. III—IV, с. 61—63 (далее — Валк С. Н. О приемах издания...), с. 63—64; Проект правил..., с. 12.

⁹ Валк С. Н. О приемах издания..., с. 65; Проект правил..., с. 12—30.

¹⁰ Проект правил..., с. 16; Валк С. Н. О приемах издания..., с. 69.

¹¹ Валк С. Н. О приемах издания..., с. 66, 68—69; Проект правил..., с. 12.

¹² Фонд документов В. И. Ленина, с. 154—157.

щейся в наше время тенденцией сближения археографии и архивоведения с источниковедением¹³.

В советской исторической литературе 20-х годов в качестве важнейших моментов, которые должны были определить научную работу с ленинским теоретическим наследием, наряду с другими были выделены такие проблемы, как значение ленинских документов как исторического источника и особенности работы В. И. Ленина с источниками. В статьях, докладах и рецензиях, авторами которых были историки В. И. Невский, М. С. Ольминский, В. А. Быстрянский, В. В. Адоратский, неизменно ставился вопрос о значении ленинских трудов для разработки проблем истории партии и революционного рабочего движения, особо выделялось значение ленинских документов как «основного источника» для изучения истории большевистской партии¹⁴.

Г. А. Тихомирнов и Невский, кроме этого, рассматривали ленинские документы как «неоценимый биографический источник», свидетельствующий о становлении В. И. Ленина «из неизвестного миру собирателя рабочих кружков в Петербурге во всеми признанного вождя мирового рабочего движения»¹⁵. По мнению Тихомирнова, особое значение ленинских документов определялось возможностью использовать их для проверки достоверности фактического и идейно-политического содержания других источников¹⁶.

Приведенные оценки свидетельствуют о том, что историками 20-х годов были сразу же оценены такие специфические черты ленинских документов, которые дают возможность (это подтверждается и современными исследованиями)¹⁷ характеризовать их как исторический источник особого, фундаментального типа.

В 20-е годы были сделаны первые попытки выявить характерные черты ленинского исследовательского метода, позволяющие оценить его как образец марксистского анализа исторических событий и фактов¹⁸. В качестве одной из основных черт ленинско-

¹³ Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975, с. 341.

¹⁴ Невский В. И. Рец.: Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений.— Красная летопись, 1922, № 2-3, с. 419; Ольминский М. С. По поводу Собрания сочинений т. Ленина.— Пролетарская революция, 1923, № 11 (23), с. 103; Быстрянский В. А. Ленин и история РКП(б).— Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 5-6; Второй съезд архивных работников РСФСР: (Краткий отчет).— Архивное дело, 1929, вып. III, с. 21.

¹⁵ Тихомирнов Г. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина.— Пролетарская революция, 1930, № 4, с. 44; Невский В. И. Указ. рец., с. 419.

¹⁶ Тихомирнов Г. Указ. соч., с. 44.

¹⁷ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 175—177.

¹⁸ Авдеев Н. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции.— Пролетарская революция, 1925, № 1 (36), с. 215—219; Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов 28.XII.1928—4.I.1929. М., 1930, т. 1, с. 99 (выступление Г. Крамольникова); Тихомирнов Г. Указ. соч., с. 48—49.

го творческого процесса Н. К. Крупская называла «диалектический подход к теме», в соответствии с которым В. И. Ленин выделял разные аспекты в изучении одного и того же вопроса в зависимости от изменений конкретно-исторической действительности и задач партийной работы¹⁹. В связи с этим важным представляются замечания Тихомирнова о необходимости анализа источниковой базы произведений В. И. Ленина (например, использования им трудов К. Маркса и Ф. Энгельса), изучения источниковедческих приемов В. И. Ленина, в частности обращение к своим прежним работам как к источнику²⁰.

Н. К. Крупская особо выделяла приемы ленинского анализа работ К. Маркса: глубокое изучение всего известного литературного наследия автора, истории становления и развития его идей, критический анализ высказываний идейных противников марксизма; творческое применение марксистских положений для решения актуальных задач социал-демократического и революционного рабочего движений в новых исторических условиях²¹. «Брать произведения Маркса, посвященные разбору *аналогичных ситуаций*, тщательно анализировать их, сравнивать с переживаемым моментом, выявлять сходство и различия — таков был метод Ленина», — отмечала Крупская²². Эти выводы Крупской основывались на сравнительном изучении работ В. И. Ленина, особенно эпохи 1905—1907 гг., и произведений К. Маркса, относящихся к революционной эпохе 1848—1849 гг.²³

М. Н. Покровский, подчеркивая глубокий историзм ленинского учения, отмечал научный характер приемов работы В. И. Ленина с фактами, то, что В. И. Ленин относился к фактам с «щепетильной точностью»²⁴.

Стремление изучить ленинский метод работы побудило историков 20-х годов обратить специальное внимание на подготовительные материалы к произведениям и выступлениям В. И. Ленина. Обобщающая характеристика ленинских подготовительных материалов содержится в работах Валка. Им отмечены разновидности ленинских подготовительных материалов, отражающие са-

¹⁹ Крупская Н. Очередные задачи пропаганды в связи с ленинским призывом: (Доклад на собрании мобилизованных для работы с ленинским призывом). — В кн.: Первая годовщина смерти В. И. Ленина. М., 1925, вып. 1, с. 6—9; Она же. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1932, с. 16—17.

²⁰ Тихомирнов Г. Указ. соч., с. 44, 48.

²¹ Крупская Н. Как Ленин работал над Марксом. — Большевик, 1933, № 1-2, с. 137—145.

²² Там же, с. 140.

²³ Там же, с. 140—142.

²⁴ Покровский М. Н. Октябрьская революция: Сб. статей. 1917—1927. М., 1929; Он же. Политическое значение архивов. — Архивное дело, 1925, вып. II, с. 2; Он же. Н. Н. Авдеев как историк. — Пролетарская революция, 1926, № 5, с. 220.

мые первые «предварительные ступени литературного труда» и следующие за ними этапы развития ленинской мысли («начальные моменты», «посредствующие звенья», «конечные результаты»), позволяющие изучить весь процесс публицистического творчества В. И. Ленина²⁵. Отмечая разнообразие ленинских подготовительных материалов по форме и степени их завершенности, Валк определял принцип отбора этих материалов в процессе работы в зависимости от целей и задач исследования при обязательном изучении истории создания каждого анализируемого ленинского документа²⁶. Эту характеристику ленинских подготовительных материалов дополняет замечание Крупской о возможности изучить по ним, на основании сравнительного анализа, причины и обстоятельства изменения ленинской мысли²⁷. Были сделаны и первые попытки выявить особенности характера, стиля и структуры ленинских конспектов²⁸.

В середине 20-х годов были предприняты шаги в деле изучения истории формирования и развития ленинизма²⁹⁻³⁰. С этим связаны и попытки историков определить методы научной работы с ленинскими документами и специально приемы их источниковедческого анализа. В процессе конкретно-исторического изучения истории создания отдельных ленинских документов историки 20-х годов, в частности, выделяли их связи с общей политической обстановкой и определенными задачами революционной борьбы пролетариата и его партии, особенности публикации ленинских материалов в легальной и нелегальной печати, обусловленность их содержания и формы характером работы государственных учреждений в советский период деятельности В. И. Ленина³¹.

²⁵ Валк С. Н. Обзор документальных публикаций (июль — декабрь 1926 г.). — Архивное дело, 1927, вып. XI-XII, с. 72.

²⁶ Валк С. Н. О приемах издания..., с. 6.

²⁷ Крупская Н. Ленин — редактор и организатор партийной печати, с. 16.

²⁸ Деборин А. Вступительные замечания к конспекту «Науки логики» Н. Ленина. — Под знаменем марксизма, 1925, № 1-2, с. 3—4; Адоратский В. В. О работах Ленина по философии. — Вестник Коммунистической академии, 1929, кн. 32, с. 203—206; Майсталер Г. Ленинские конспекты: (Как Ленин работал над книгой). — Книга и пролетарская революция, 1934, с. 16—19.

²⁹⁻³⁰ Адоратский В. В. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). М.; Л., 1924; Быстрянский В. Ленин-историк: Историзм в ленинизме. Л., 1925; Тихомирнов Г. Указ. соч., с. 43.

³¹ Ольминский М. С. Указ. соч., с. 97—98, 403; Ленин В. И. Соч., 3-е изд., т. I, с. VIII (предисловие ко второму изданию); Волковичер И. Практический опыт в работах Н. Ленина. — Пролетарская революция, 1925, № 1 (36), с. 14, 35; Адоратский В. Как и что читать из произведений В. И. Ленина. — Красная молодежь, 1925, № 2, с. 19—20; Валк С. Н. О приемах издания..., с. 66; Адоратский В. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина. — Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 6; Он же. О теоретических основах марксизма-ленинизма. — Большевик, 1931, № 19-20, с. 70—71.

Историками 20-х — начала 30-х годов были сделаны первые попытки выявить некоторые приемы обоснования авторства и датировки ленинских рукописей с помощью анализа «способа рассуждения автора, стиля, оборотов речи и почерка», сопоставления с подготовительными материалами, а также изучения внешних признаков документа³².

Исследователи выделяли и отдельные моменты собственно текстологического анализа ленинских документов: использование и обработка источников; выявление автобиографических моментов в произведениях В. И. Ленина; изучение некоторых особенностей ленинского стиля, в частности использования афоризмов, пословиц, поговорок; проверка точности сведений и общая оценка значения ленинских документов в сравнении с другими видами исторических источников, отражавших один и тот же исторический факт³³. Знание этих отдельных моментов связывалось с основной задачей — понять в целом процесс работы В. И. Ленина над своими произведениями и в итоге историю формирования и развития ленинизма³⁴.

Приемы источниковедческого анализа ленинских документов получили свое развитие в исследованиях, посвященных истории создания или публикации отдельных ленинских произведений. А. Ильин-Женевский выявил разночтения рукописи и первого издания статьи В. И. Ленина «О конституционных иллюзиях» (1917 г.) и попытался выяснить причины и характер правки ленинской статьи в редакции газеты «Рабочий и солдат» при подготовке ее к публикации³⁵.

Сравнение авторской рукописи книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» с первым ее изданием в середине 1917 г. (в основу которого был положен текст, правленный в издательстве) позволило восстановить во всей сложности историю создания и публикации важнейшего теоретического труда В. И. Ленина³⁶.

Историю работы В. И. Ленина над книгой «Что делать?» раскрыло (в определенной степени) сравнительное изучение данных о положении в социал-демократическом движении в конце 90-х годов XIX в., которыми располагал В. И. Ленин и которые стали известны советским историкам к середине 20-х годов XX в. Такое исследование позволило подтвердить историческую досто-

³² Авдеев Н. Указ. соч., с. 155—156; Адоратский В. Литература о Ленине и ленинизме. Рец.: Ленинский сборник, V.— Печать и революция, 1926, кн. 7, с. 121; Тихомиров Г. Указ. соч., с. 49.

³³ Там же, с. 44, 46—51.

³⁴ Там же, с. 43, 48; Адоратский В. Указ. рец., с. 121.

³⁵ Женевский А. Рукопись В. И. Ленина «О конституционных иллюзиях». — Красная летопись, 1925, № 3 (14), с. 193—196.

³⁶ Баевский Д. Как ленинский «Империализм» увидел свет. — Пролетарская революция, 1929, № 1, с. 31—36.

верность и глубину выводов В. И. Ленина, в частности о тред-юнионистской сущности «Группы самоосвобождения рабочего класса», возникшей в Петербурге осенью 1898 г.³⁷ Некоторые особенности формы и стиля книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» отметил В. А. Быстрянский³⁸. На основе обзора развития ленинских взглядов на проблему государства и революции была прослежена история подготовки труда «Государство и революция»³⁹.

Всесторонний источниковедческий анализ ленинских «Тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» как документа, органически связанного с ленинскими взглядами по вопросу войны и мира, отвечавшего конкретно-исторической обстановке в январе 1918 г. и в целом дававшего «блестящую иллюстрацию тактического гения Ленина»⁴⁰, был проведен в статье В. Рахметова. К такой характеристике ленинского документа автор статьи пришел через анализ истории зарождения и развития в предшествующих работах В. И. Ленина основной идеи тезисов — получить передышку для закрепления и развития социалистической революции, а также через анализ конкретно-исторического материала, к которому обращался В. И. Ленин, доказывая необходимость заключения мира⁴¹.

Подробное исследование истории создания ленинских тезисов позволило определить временные рамки последовательного развития идей, получивших обобщающее выражение в данном ленинском документе⁴².

В целом литература 20-х — начала 30-х годов XX в., отразившая вопросы источниковедческого изучения ленинских документов, довольно разнообразна по своей тематике. Внимание исследователей привлек ленинский анализ статистических материалов⁴³. В процессе изучения ленинских приемов работы над статистикой была выделена характерная особенность его творческого мето-

³⁷ Михайлова Е. Из комментариев к «Что делать?» — 1. Группа самоосвобождения рабочего класса. — Красная летопись, 1925, № 1, с. 239, 242.

³⁸ Быстрянский В. Н. Ленин и буржуазная революция в России. — В кн.: Ленин Н. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Л., 1924, с. 5.

³⁹ Пашуканис Е. Десятилетие «Государства и революции» Ленина. — Революция права, 1927, № 4, с. 9—22.

⁴⁰ Рахметов В. К истории январских тезисов Ленина 1918 года. — Пролетарская революция, 1929, № 5, с. 15.

⁴¹ Там же, с. 4—8.

⁴² Там же, с. 9—13.

⁴³ Лелевич Г. Ленин как историк. — Пролетарская революция, 1924, № 4, с. 22—23; Воронов И. К. В. И. Ленин о статистических переписях. — Вестник статистики, 1925, № 10-12, с. 125—139; Краснов П. Указатель работ по статистике в трудах В. И. Ленина. — Статистика и народное хозяйство, 1930, вып. 2, с. 102—107; Статистика в работах В. И. Ленина / Сост. В. Д. Черменский. М.; Л., 1931; 2-е изд. М.; Л., 1933.

да — работа с цифровым материалом всегда осуществлялась на основе глубокого теоретического осмысления изучаемых процессов и явлений⁴⁴.

В 30-е годы XX в. началось источниковедческое изучение ленинского эпистолярного наследия. Исследователями прежде всего было выделено значение писем для разработки научной биографии В. И. Ленина в связи с возможностью открытия новых фактов, уточнения сведений, имен, дат⁴⁵. На основе изучения писем можно было полнее раскрыть ленинский творческий процесс, в частности подготовительную работу при создании многих его произведений⁴⁶. А. И. Ульянова-Елизарова особо выделяла значение писем к родным в 1908—1909 гг. для изучения истории создания ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм»⁴⁷. Тихомирнов отметил на основании анализа этих писем возможность уточнить время завершения работы В. И. Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм»; изучить историю подготовки ее к изданию, в частности вопрос о характере уступок издательству в отношении внесения изменений в текст рукописи; обосновать дату выхода книги в свет⁴⁸. Интересной представляется попытка Тихомирнова использовать письма, датированные В. И. Лениным, для установления и обоснования времени написания других писем на основе выявления их текстуальной связи⁴⁹.

Обобщающий анализ содержания и значения ленинских писем к родным был сделан М. И. Ульяновой в предисловии к сборнику «В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919» (М., 1930) и в предисловии (статье) А. И. Ульяновой-Елизаровой к переизданию этого же сборника в 1931 и 1934 гг.⁵⁰ Ими было выделено значение ленинских писем как источника биографического характера и вместе с тем как источника по истории партии и революционного рабочего движения, так как личная жизнь

⁴⁴ Разумовский И. Теоретический анализ Ленина.— Под знаменем марксизма, 1925, № 1-2, с. 49.

⁴⁵ Эйхенгольц А. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова).— Пролетарская революция, 1929, № 1, с. 246; 1930, № 1, с. 153; Письма В. И. Ленина из ссылки за 1898 г./С предисловием А. И. Елизаровой; Подготовлены к печати Г. Тихомирновым.— Пролетарская революция, 1929, № 4.

⁴⁶ Работа Института Ленина: Стенограмма доклада М. А. Савельева на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов.— Пролетарская революция, 1929, № 1, с. 269; Эйхенгольц А. Указ. соч.— Там же, 1930, № 1, с. 153; К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908 и 1909 гг./Предисловие А. И. Елизаровой; Примечания Г. Тихомирнова.— Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 108—112.

⁴⁷ Ульянова-Елизарова А. По поводу писем Владимира Ильича к родным.— В кн.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. XLII—XLV.

⁴⁸ Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 110—112, 115—116, 135.

⁴⁹ Там же, с. 124—127, 131, 137.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. XI—XII.

В. И. Ленина «была в революционной борьбе», «неотделима от этой борьбы, от работы для дела пролетариата»⁵¹. Для современного исследователя научный интерес представляют также замечания М. И. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой об особенностях ленинской переписки с родными и их характеристики условий жизни и работы В. И. Ленина в различные годы.

В итоге опыт источниковедческого изучения ленинских документов в 20-х — начале 30-х годов XX в. позволяет отметить значительность вклада историков этого периода в разработку вопросов теории и практики источниковедения ленинских документов. Несомненно, такое направление в изучении ленинского наследия имело принципиальное значение для исследования истории формирования и развития ленинизма, а также для развития марксистско-ленинской методологии исторической науки.

Сопоставление опыта источниковедческого анализа ленинских произведений в 20-х — начале 30-х годов с современным позволяет установить преемственность настоящего и прошлого. Многие вопросы, решаемые современным источниковедением ленинских произведений, были поставлены или разработаны в определенной степени уже в те годы. К таким, например, относится вопрос классификации ленинских произведений. К сожалению, проделанная тогда работа не всегда учитывается в новейшей литературе по источниковедению ленинского наследия. Вопрос классификации ленинских документов был принципиально решен при подготовке изданий Сочинений В. И. Ленина, главным образом при подготовке Полного собрания сочинений⁵². Однако произведенное при этом деление ленинских документов на три группы: произведения, подготовительные материалы и письма, отвечая задачам публикации, представляло собой всего лишь систематизацию, а не классификацию.

Новейшие исследования философов⁵³ и историков⁵⁴ уже внесли достаточную ясность в понятия «систематизации» и «классификации» и в вопрос об их соотношении. Представляется убедительным рассмотрение вопроса классификации с точки зрения источниковедения и методологии истории, а также логики. В итоге классификацию следует рассматривать как «объективную, не-

⁵¹ Там же, с. XI.

⁵² Варшавчик М. А. Указ. соч., с. 189.

⁵³ Розова С. С. Научная классификация и ее виды. — Вопросы философии, 1964, № 8; Она же. Классификация как метод научного познания: (Опыт анализа функций классификации в познавательной деятельности). — Научные труды Новосибирского ун-та. Философская серия, 1965, вып. 1. Философские проблемы сознания и познания.

⁵⁴ Пушкарев Л. Н. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории: Автореф. докт. дис. М., 1969; Она же. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

зависимую от исследователя закономерность, вытекающую из объективных, присущих самому источнику данных и свойств»⁵⁵.

В отличие от систематизации, дающей формально-логическое деление источников, классификация выполняет диалектико-логическое деление, позволяющее указать на объективный характер источника и выявить связь источника с породившей его реальной действительностью⁵⁶. Поэтому классификация является необходимым этапом и методом познания сущности источника. Этому соответствует вывод о том, что классификация исторических источников определяется «законом воплощения и отображения действительности в источнике»⁵⁷, и, следуя также ему, можно определить основные классификационные понятия, в частности вид письменного источника. Характеризуя понятия внешней и внутренней формы источника, Л. Н. Пушкарев убедительно доказал, что именно внутренняя форма («внутренняя структура» источника, внутренний способ «соотношения взаимосвязи, взаимозависимости» отображенных и воплощенных в источнике фактов, событий и т. п.) предопределяет понятие вида⁵⁸.

Сопоставив с этими выводами классификацию ленинских документов на «публичные выступления», «переписку», «подготовительные материалы» и «автобиографические документы», предлагаемую М. А. Варшавчиком⁵⁹, можно заметить, что она в определенной степени носит формальный характер, не отражая во всей полноте многообразия и специфичности воплощения и отображения в ленинском наследии реальной исторической действительности. Кроме того, такое деление ленинских документов не отвечает современным научным понятиям «типа» и «рода» исторических источников.

Обратившись по данному вопросу к работам историков 20-х — начала 30-х годов, можно найти ценные, не утратившие своего значения суждения о классификации ленинских документов. В связи с этим особенно интересны работы Валка и Тихомирнова, в которых при решении практических задач (подготовка ленинского наследия к изданию и организация работы над научной биографией В. И. Ленина) были поставлены и вопросы классификации ленинских документов. Даже по отдельным высказываниям этих историков можно судить, что в основу деления ленинских документов ими был положен важный методологический принцип марксистской исторической науки — о связи исторического источ-

⁵⁵ Пушкарев Л. Н. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964). — Вопросы архивоведения, 1965, № 1, с. 30.

⁵⁶ Пушкарев Л. Н. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 19; Он же. Классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 236—240.

⁵⁷ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 241.

⁵⁸ Там же, с. 120, 224.

⁵⁹ Варшавчик М. А. Указ. соч., с. 193.

ника с реальной действительностью, обусловившей его появление⁶⁰.

Характеристика ленинского наследия в работах Валка и Тихомирнова свидетельствует о постоянном внимании к видовому принципу классификации источников. Замечание Валка о необходимости внимания к форме источника («разновидность материала — момент столь же существенный, как и его содержание»)⁶¹ получает конкретное выражение при описании ленинских документов. В частности, из ленинского наследия Валк и Тихомирнов выделили документы «литературно-политические», отметив отдельные их разновидности, а также и переписку⁶². Существенной представляется мысль Валка о различии форм отдельных видов ленинских документов⁶³.

Классификация ленинских документов не может быть сведена к вопросу о схеме. Безуспешность попытки создать схему проявляется со всей очевидностью уже при самой общей постановке вопроса, учитывая многогранность деятельности В. И. Ленина как теоретика и публициста, организатора и вождя пролетарской партии в России, руководителя Советского государства, деятеля международного коммунистического и рабочего движения.

Важным и необходимым представляется другое. Определение классификации исторических источников как первоначального этапа познания источника, при котором выявляются генетические связи источника с конкретной исторической действительностью, а также внутренние, необходимые связи между различными типами, родами и видами источников, позволяет показать объективный характер источника, понять его как исторический факт и подойти к раскрытию его сущности. Такая постановка проблемы классификации исторических источников в конкретном применении к ленинскому наследию означает выявление связей формы и содержания ленинских документов с направлением, потребностями и особенностями революционной борьбы пролетариата и его партии на каждом этапе революционного движения, а также познание связей в структуре и внутренней логике отдельных видов ленинских документов.

Самая общая классификация ленинского наследия уже позволяет судить о многообразии ленинских документов, представленных несколькими типами исторических источников (письменными, кино и фотодокументами, фонозаписями). Обзор документов В. И. Ленина, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, показывает, что основным типом ленинских документов являются *письменные* источники: автографы и копии (рукописные и ма-

⁶⁰ Валк С. Н. Архивные обзоры. — Архивное дело, 1923, вып. 1; Он же. О приемах издания...; Проект правил...; Тихомирнов Г. Указ. соч.

⁶¹ Валк С. Н. Архивные обзоры, с. 56.

⁶² Проект правил..., с. 8; Тихомирнов Г. Указ соч., с. 44, 48.

⁶³ Проект правил..., с. 34.

пинописные); первые печатные публикации ленинских произведений (рукописи которых не сохранились или не найдены); стенографическая, протокольная, репортерская записи и запись под диктовку⁶⁴.

Классификация письменных источников по родам на повествовательные и документальные связана с выделением внутреннего признака: преобладания отображения (в повествовательных) или воплощения (в документальных), и вместе с тем она должна учитывать крайне условный характер этих граней⁶⁵. Это особенно очевидно, если попытаться провести классификацию ленинских документов по родам.

Ленинизм как цельную систему отличает диалектическое единство, определяющее глубокую взаимосвязь ленинской научно-теоретической и публицистической деятельности и полное подчинение ее задачам борьбы пролетариата за революционное преобразование общества. Учитывая это, исключительно трудно разграничить партийные и государственные документы, автором которых был В. И. Ленин, и его теоретические работы, в которых вырабатывались идеи, отразившиеся затем в партийных и государственных документах. Было бы неверно в целом отнести ленинские статьи к источникам повествовательного рода, так как многие статьи, написанные В. И. Лениным в послеоктябрьский период, имели характер директивы, с которой глава Советского правительства обращался к трудящимся массам. Ленинская переписка дает нам образцы писем-документов (письма членам ЦК и правительства, письма-обращения к трудящимся Советской страны), писем-статей к соратникам по партии, к родным. Поэтому, учитывая многообразие ленинского творческого наследия, отражающее вместе с тем взаимосвязанность различных сторон деятельности В. И. Ленина, основное внимание, на наш взгляд, следует уделить видовой характеристике ленинских документов, выделив виды и охарактеризовав особенности их внешней и внутренней формы, позволяющие определить как индивидуальное, так и общее для отдельных видов ленинских документов, а также оценить их содержание. Этому последнему — оценке и интерпретации содержания источника в процессе изучения проблемы вида — уделяется особое внимание в новейшей литературе по вопросам теории источниковедения⁶⁶.

В связи с этим значительный интерес представляет работа

⁶⁴ Проект правил..., с. 8; Фонд документов В. И. Ленина, с. 168—169, 178, 188; Луцкий Е. А. Указ. соч., с. 8.

⁶⁵ Пушкирев Л. Н. Источники исторические.— СИЭ, 1965, т. 6, с. 592; *Он же*. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 15—16; *Он же*. Классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 212, 217.

⁶⁶ Курносое А. А. К вопросу о природе видов источников.— В кн.: Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения: Материалы к обсуждению. Таллин, 1972, с. 28.

Института В. И. Ленина по упорядочению ленинского архива и организации фонда документов В. И. Ленина, выполненная в значительной степени к 1925 г. и в основном законченная к 10-й годовщине Октября. В отчете Института В. И. Ленина XIV съезду партии содержится характеристика ленинских документов советского периода по видам и темам. В соответствии с этим из ленинского наследия были выделены письма, небольшие записки, телеграммы и телефонограммы, заметки для себя, бумаги, а также газеты с пометками В. И. Ленина, декреты, постановления и мандаты за подписью В. И. Ленина, записки секретарей под диктовку В. И. Ленина, рукописи статей и брошюр, тезисы и проекты резолюций, протоколы за подписью В. И. Ленина и др.⁶⁷

Отчет Института В. И. Ленина XV партийному съезду свидетельствует о завершении в основном работы по описанию всех выявленных ленинских рукописей дооктябрьского периода и около 12 тыс. ленинских документов советского периода. Каталог, составленный в процессе этой работы под редакцией Валка и Тихомирнова⁶⁸, позволил разделить ленинские документы «по различным видам, темам и периодам»⁶⁹.

Внимание к видовой характеристике ленинских документов характеризует и последующую работу по научной организации фонда ленинских документов в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС⁷⁰.

Вопрос о видовой характеристике ленинских документов ставился и в конкретных исследованиях ленинского творческого наследия.

Особый интерес в связи с этим представляет работа А. Г. Цейтлина о публицистическом стиле В. И. Ленина как предмете филологического исследования, выполненная автором в начале 30-х годов (но опубликованная уже после его смерти в 1969 г.). Цейтлин поставил перед собой задачу изучить «диалектику публицистических жанров» В. И. Ленина, понять «различные виды его публицистики как специфическое отражение отдельных сторон его политической практики», охарактеризовать виды ленинской публицистики в «их специфике в пределах ленинского стиля, в их внутренней структуре и в их политической функции»⁷¹. Цейтлин в определенной степени решил задачу видовой характеристики ленинских документов, обратив внимание на многообразие ленинского публицистического наследия, устойчивость и изменение форм ленинских произведений, обусловленность этого потребностями и особенностями каждого данного исторического момента⁷².

⁶⁷ Отчет XIV партийному съезду. М., 1925, с. 32, 35.

⁶⁸ Фонд документов В. И. Ленина, с. 170.

⁶⁹ Отчет XV партийному съезду. М., 1927, с. 8.

⁷⁰ Фонд документов В. И. Ленина, с. 180—184.

⁷¹ Цейтлин А. Г. Стиль Ленина-публициста. М., 1969, с. 16.

⁷² Там же, с. 17—51.

Внимание к видовой характеристике ленинских документов можно отметить и в современной исследовательской литературе по вопросам источниковедения ленинского наследия. В большей степени, по сравнению с другими, изучены особенности ленинской переписки⁷³. Однако в целом изучение проблемы классификации ленинского наследия продолжает оставаться актуальной задачей. Очень важно, чтобы ее решение соответствовало современному уровню теоретического источниковедения.

⁷³ Обишкин Г. Д., Панкратова А. М. Письма Владимира Ильича Ленина: По страницам Полного собрания сочинений. М., 1968; Генкина Э. Б. Государственная переписка В. И. Ленина. М., 1970; Дейч Г. М. «Твой В. Ульянов»: В. И. Ленин в письмах к родным. Л., 1971.

РАБОТА В. И. ЛЕНИНА «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ» — ОПЫТ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯНВАРСКИХ СОБЫТИЙ 1905 Г. В РОССИИ

Е. А. Никифоров

«Революционные дни» — название рубрики, появившейся в № 4 и 5 большевистской газеты «Вперед» от 31 (18) января и 7 февраля (25 января) 1905 г.¹ В этой рубрике помещалась информация о революционных событиях в России. В обоих номерах газеты ее материалы занимают практически все место (за исключением передовых статей). Они представляют собой редакционные статьи, заметки и комментарии, корреспонденции из России, публикации документов, поступивших из Петербурга. Сохранились автографы большинства материалов рубрики, а также текстов, прошедших редакционную подготовку, но не напечатанных. Ряд статей рубрики, автором которых был В. И. Ленин, включался в его Собрания сочинений². Публикации осуществлялись по тексту газеты (в 4-м и 5-м изданиях, сверенному с рукописью). Некоторые материалы, не вошедшие в газету, были впервые опубликованы в приложении к перепечатке полного текста газет «Вперед» и «Пролетарий»³. Академическая публикация рукописей материалов рубрики была осуществлена Г. И. Крамольниковым в XXVI «Ленинском сборнике»⁴: в ней воспроизведена транскрипция подлинника, редакционная правка, варианты, описано взаиморасположение текстов.

В настоящем очерке предпринимается попытка обосновать два положения: 1) Материалы рубрики «Революционные дни» составляют единый текст, автором которого был В. И. Ленин (при некотором участии его сотрудников по газете). 2) Это произведение В. И. Ленина является исследованием определенного эпизода социально-политической истории России, проведенным с применением методики конкретно-исторического анализа, используемой в работах такого типа.

¹ Вперед, Женева, 1905, № 4, 31 (18) янв.; № 5, 7 февр. (25 янв.). См. кн.: «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 года / Полный текст под редакцией Истпарта и со вступительной статьей М. Ольминского. М.; Л., 1925, вып. 1, с. 50—61, 65—75 (далее — «Вперед» и «Пролетарий»).

² Ленин Н. (Ульянов В.). Собр. соч., М., 1924. 1-е изд., т. VI (1905 год), с. 62—73; Ленин В. И. Сочинения. 2-е — 3-е изд. М.; Л., 1928, т. VII, с. 82—98; Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. М., 1947, т. 8, с. 81—103, 111—116; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 205—229, 238—243.

³ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 141—142.

⁴ Ленинский сборник, XXVI, с. 108—149.

Вначале изложим основания выдвинутых гипотез.

Первое предположение возникает при знакомстве с «Хронологическим указателем произведений В. И. Ленина»⁵, представляющим собой, в частности, публикацию архивной описи его фонда. Ознакомление с описью показывает, что большинство материалов рубрики, помещенных в № 4 «Вперед», является фрагментами рукописи, имеющей данный В. И. Лениным заголовок «Революция в России» и сплошную пагинацию. Последовательность публикации этих материалов в газете в общем соответствует последовательности расположения соответствующих фрагментов рукописи.

Основания для второй гипотезы дает анализ той ситуации, в которой был В. И. Ленин к началу Первой русской революции 1905 г. Произошло событие, которое Ленин, как и все российские революционеры, долго ожидал и к которому готовился. Находясь в эмиграции в Женеве, он не только не имел возможности непосредственно участвовать в развернувшемся движении, но поначалу не получал и информации, достаточной для исчерпывающего анализа и осмысления этих событий. Между тем потребность в таком анализе была не только его личной потребностью. Необходимо было быстро оценить характер и направление совершающихся процессов, с тем чтобы определить в деталях отношение к ним партии и конкретизировать принципы ее политического поведения. Надо было, следовательно, на основе весьма ограниченного круга источников выявить закономерность явления, в русской истории донныне не имевшего места.

Предварительный просмотр материалов рубрики «Революционные дни» показывает, что они представляют собой следующие типы текстов: а) публикации документов, порожденных событиями в России; письма и корреспонденции, поступившие в газету и извлеченные из других газет; б) сводки материалов того же рода, сделанные редакторами газеты «Вперед»; в) комментарии, дающие определенную интерпретацию поступающей информации, ее анализ и оценку; г) тексты смешанного типа — публикации и сводки, содержащие краткий комментарий подготовителей. По газете «Вперед», «Ленинским сборникам» и «Хронологическому указателю...» устанавливается, что всего было подготовлено к печати тридцать материалов, из которых было напечатано двадцать шесть. Как видно из указаний Г. И. Крамольникова, документы, поступившие из России, как правило, — подлинники, имеющие следы редакторской правки. Сохранность автографов снимает проблему установления авторов (они были установлены по почерку) и подготовителей рубрики и позволяет выяснить последовательность подготовки ее материалов. Определение этой последовательности достигается путем сравнения расположения материалов рубрики в газете, последовательности публикации авто-

⁵ Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. М., 1959, ч. 1.

графов в Ленинском сборнике XXVI и архивной пагинации, приведенной в «Хронологическом указателе...». Выявленная последовательность зафиксирована во второй колонке табл. 1 (см. табл. 1).

Судя по «Хронологическому указателю...», тексты 1—5, 8—10, 14—16 представляют листы 1—39 (по архивной пагинации) рукописи, озаглавленной Лениным «Революция в России» (ед. хр. 1480). В «Хронологическом указателе...» (т. 1) эта рукопись описана соответственно в № 1354, 1358, 1359, 1355, 1360, 1361, 1362, 1349, 1351, 1352, 1356, 1357⁶. Тексты 12, 13, 18, 20—29 (по «Хронологическому указателю...» № 1350, 1364, 1348, 1379, 1381, 1380, 1382, 1383, 1384, 1385, 1386, 1387, 1377) выделены в отдельные единицы хранения. Их место в серии, как и место текстов 6, 7, 19, 30, не принадлежащих В. И. Ленину, определяется по публикации в газете.

Для того чтобы определить характер рассматриваемой серии, необходимо выявить типы связей между входящими в нее текстами — тематическую, композиционную, авторскую. В зависимости от характера этих связей материалы рубрики могут быть определены, как набор статей, объединенных общей темой; как единый текст, имеющий общую структуру, замысел и внутреннюю логику.

Материалы серии включались во все издания сочинений В. И. Ленина. Посмотрим, как решают вопрос о характере серии подготовители этих изданий. Объем и характер ее публикаций отражен в табл. 2 (см. табл. 2).

Анализ публикаций материалов серии показывает, что их подготовители руководствовались различными принципами.

В 1-м издании напечатаны 1—4, а также 16 и 17 материалы рубрики. Они помещены под общим заглавием («Революционные дни»), набранным шрифтом, принятым для заголовков статей. Заголовки печатаемых далее материалов набраны более мелким шрифтом. Материал «Письма петербургских социал-демократов», в котором оригинальный ленинский текст отсутствует, помещен наравне с другими текстами. Из всего этого следует вывод, что подготовители 1-го издания исходили из трактовки публикуемых материалов как единого произведения В. И. Ленина, рассматривая их как разделы, или главы работы под названием «Революционные дни». Отсутствие других материалов в публикации следует объяснить, видимо, тем обстоятельством, что в период подготовки 1-го издания архив газеты «Вперед» еще не был найден и работы В. И. Ленина определялись по памяти и по стилю.

Иными принципами руководствовались подготовители 2-го —

⁶ В перепечатке газет «Вперед» и «Пролетарий» данный текст характеризуется как «часть большой рукописи (от 26 до 41 страницы) тов. Ленина о событиях 9 января» («Вперед» и «Пролетарий»..., с. 141, примечание).

Т а б л и ц а 1

Раздел	Название	Тема	Тип текста	Автор
I. Введение	1. Что происходит в России: 1 абзац 2 абзац 3 абзац	1. Общая оценка событий в России. 2. Цели и задачи изучения этих событий социал-демократической публицисткой 3. Предмет и программа изучения	Комментарий	В. И. Ленин
II. Рабочее движение накануне 9 января	2. Первые шаги	1. Ход событий: Начало движения. Стачка на Путиловском заводе 2. Ход событий: Роль зубатовской организации в расширении движения 3. Ход событий: Социал-демократия и зубатовские организации в рабочем движении накануне 9 января 1905 г.	Комментарий-публикация	В. И. Ленин
	3. Письма петербургских социал-демократов	»	Публикация	В. И. Ленин
	4. Поп Гапон	4. Политическая сущность Г. Гапона 5. Тактика социал-демократов по отношению к Г. Гапону 6. Ход событий: Всеобщая стачка 7. Ход событий: План шествия к Зимнему дворцу	Комментарий	В. И. Ленин
	5. Канун «Кровавого воскресенья»			

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Раздел	Название	Тема	Тип текста	Автор
III. События 9 января	6. Петиция петербургских стачечников царю	8. Документы движения	Публикация	В. И. Ленин
	7. Письмо Гапона к царю			
	8. Кровавый день	1. Ход событий 9 января: Обзор	Сводка	В. И. Ленин
	9. Число убитых и раненых		Сводка-комментарий	В. И. Ленин
	9а. Первый список жертв 9 января			
	10. Отдельные эпизоды побоища: Около Троицкого моста	2. Ход событий 9 января: Около Троицкого моста. На Невском проспекте и у Александровского сада	Публикация	В. И. Ленин
	11. На Невском и у Александровского сада	»	Публикация	В. И. Ленин
	12. Письмо студента из Питера	»	Публикация	В. И. Ленин
	13. На Дворцовой площади Письмо очевидца	3. То же. На Дворцовой площади	Публикация	В. И. Ленин
	14. Битвы на баррикадах	4. То же. На Васильевском острове	Сводка-комментарий	В. И. Ленин
	15. Осаждение прогив войска	5. То же. В разных местах	Сводка	В. И. Ленин

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Раздел	Название	Тема	Тип текста	Автор
III. События 9 января	16. План петербургского сражения: 1 абзац	6. Характер столкновения между рабочими и правительством	Комментарий	В. И. Ленин
	2—4 абзацы	7. Уроки, полученные рабочими массами		
	5 абзац	8. Выводы, которые они делают		
	17. «Царь-багашка» и баррикады: 1—2 абзацы	9. Разрушение патриархального монархизма масс	Комментарий	
	3 абзац	10. Социально-экономические корни этого процесса		М. С. Ольминский
	4—6 абзацы	11. Тактика социал-демократии с точки зрения этого процесса		
	7 абзац	12. Тактические выводы		
	18. Озавуки петербургских событий за границей	13. Реакция на события 9 января: а. зарубежного общественного мнения, б. русской политической эмиграции, в. учащейся молодежи	Сводка	
	19. Плеть и посулы: 1 абзац	1. Русское общество после 9 января: нерхи, умеренное крыло	Комментарий	А. В. Луначарский
	2—8 абзацы	2. То же. Верхи, радикальное крыло		

Т а б л и ц а 1 (окончание)

Раздел	Название	Тема	Тип текста	Автор
20.	Плоды победы	3. То же. Низы	Комментарий	В. И. Ленин
21.	Петербург после 9 января	4. Ход событий в Петербурге после 9 января	Сводка-комментарий	В. И. Ленин
22.	Трепов хозяйничает		»	В. И. Ленин
23.	Раскаты первого грома	5. Ход событий в провинции после 9 января	Сводка	М. С. Ольминский и В. И. Ленин
24.	Рига	То же	»	В. И. Ленин и М. С. Ольминский
25.	Варшава	»	»	В. И. Ленин
26.	Всеобщая стачка в Лодзи	»	»	В. И. Ленин
27.	Гельсингфорс	»	»	В. И. Ленин
28.	Среди либералов	6. Русское общество после 9 января: Либеральные круги	Сводка	В. И. Ленин
29.	Обращение к офицерам	»	Публикация	В. И. Ленин
30.	Корреспонденция из Риги	7. Ход событий в провинции	Публикация	В. Д. Бонч-Бруевич

Таблица 2

Издание	Номер текста	
	«Вперед», № 4	«Вперед», № 5
Сочинения, 1-е изд. (1922 г.), т. VI	1, 2, 3, 4, 16, 17	
Сочинения, 2-е и 3-е издания (1928 г.), т. VII	1. 4. 16. 17	22
Сочинения, 4-е изд. (1947 г.), т. 8	1, 4, 16, 16а, 17, 2, 5, 9, 14	22.21
Полн. собр. соч. 5-е изд. (1960 г.), т. 9	1, 4, 16, 16а, 17, 2, 5, 9, 14	22.21

3-го изданий. Они отказались от трактовки статей серии как разделов единого произведения. Каждый из материалов публиковался как самостоятельная статья, причем название цикла («Революционные дни») заменило заголовок материала «Что происходит в России» (текст 1). Общий подход к серии обусловил и отбор текстов для публикации. Взглянув на табл. 1 (колонка IV), можно увидеть, что были отобраны материалы, содержащие только и исключительно оригинальный ленинский текст (комментарии). Некоторое исключение представляет, пожалуй, статья «Трепов хозяйничает» (текст 22), которая представляет собой сводку. Но здесь, в отличие от других сводок, помещенных в рубрике, нет прямых извлечений из источников — речь идет непосредственно от лица автора, так что с точки зрения формальной данная статья — тоже комментарий. Тексты опубликованы в последовательности, принятой в газете.

Подготовители 4-го издания отказались от принципов 2-го — 3-го изданий. Материалы серии, напечатанные в № 4 «Вперед», они опубликовали под общей рубрикой, снабдив их сплошной нумерацией. В публикацию включены те же тексты, что и в предыдущем издании. Они напечатаны в той же последовательности. Сюда же вставлена заметка В. И. Ленина «Дополнение к статье „План петербургского сражения“» (заголовок публикаторов), набросанная, судя по всему, после выхода № 4 «Вперед», где была напечатана эта статья. К указанным текстам прибавлены еще четыре материала. Все они по типу представляют собой комментарии-публикации, исчерпывая список статей этого типа, предназначенных к напечатанию в № 4 «Вперед». Что же касается публикации материалов рубрики, напечатанных в № 5 «Вперед», то здесь сохранился принцип 2-го — 3-го изданий: к статье «Трепов хозяйничает» (текст 22) добавляется сводка «Петербург после 9 января» (текст 21). Оба материала выведены за рамки цикла «Революционные дни» и публикуются как отдельные статьи, причем их последовательность (по сравнению с газе-

той) нарушена. Таким образом, подготовители 4-го издания, публикуя материалы цикла, напечатанные в № 4 «Вперед», опустили статьи типа публикаций и сводок, а также статьи, подготовленные другими авторами. Публикуемые статьи сгруппированы по типам текстов: комментарии и комментарии-публикации. Последовательность печатания текстов идентична газетной лишь внутри каждой из подгрупп. Вместе с тем все тексты цикла, опубликованные в 4-м издании (кроме материалов пятого номера), снабжены сплошной нумерацией.

Установившиеся в 4-м издании принципы публикации закрепились. Их влияние определило последовательность описи ленинских текстов в «Хронологическом указателе...», хотя для этого составителям пришлось расчленять и перемещать фрагменты целостной рукописи. Публикация Полного собрания сочинений В. И. Ленина идентична публикации 4-го издания, однако здесь отсутствует нумерация текстов. В оглавлении к тому она сохранена. К установившейся интерпретации серии присоединяются и подготовители «Биографической хроники» В. И. Ленина. Материалы рубрики в № 4 «Вперед» они определили как «группу статей и заметок, напечатанных под общим названием...»⁷. Подготовленные самим В. И. Лениным тексты, напечатанные в № 5, они рассматривали как обособленные статьи и заметки.

Сложившийся подход к прочтению памятника имеет право на существование: в его основе лежат определенные принципы, которые последовательно проводятся. Но является ли он оптимальным? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть всю группу текстов как совокупность в их отношении друг к другу, и как отдельные смысловые единицы.

Прежде всего необходимо решить вопрос о том, как воспринимал тексты серии сам В. И. Ленин: рассматривал ли он их как группу текстов или же как единый текст? Второй вариант представляется нам более вероятным, во всяком случае для той части серии, которая была напечатана в № 4 «Вперед». В пользу этого говорит уже упомянутый нами факт существования единой рукописи под общим заголовком и со сплошной пагинацией. Более обоснованный ответ на вопрос о характере связи между текстами рубрики можно получить, рассмотрев структуру и содержание комплекса.

К выводу о существовании определенного композиционного единства серии приводят уже наблюдения над заголовками статей. Эти статьи четко делятся на четыре группы, темы которых можно определить следующим образом (см. табл. 1, колонка I): I. Введение (текст 1); II. Рабочее движение накануне 9 января (тексты 2—7); III. События 9 января (тексты 8—18); IV. Положение в России после 9 января (тексты 19—30). Как видно, статьи цикла группируются по хронологическому принципу. С точ-

⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971, т. 2, с. 8.

ки зрения фактографической цикл представляет собой, как видно, опыт монографического изложения событий, происшедших в России.

Рассмотрим композиционно-тематические связи внутри каждой из выделенных текстовых групп.

Текст вводной статьи «Что происходит в России»⁸ четко делится на три раздела, соответствующих трем абзацам статьи. Первый раздел посвящен обоснованию принципиальной оценки событий в России: «Бунт или революция»? Казалось бы в постановке этого вопроса нет необходимости: помещенная в том же номере газеты передовая статья, написанная В. И. Лениным («Начало революции в России»)⁹, дает определенный (и обоснованный) ответ на этот вопрос. Оценка петербургских событий в данном тексте необходима В. И. Ленину для обоснования методологии их рассмотрения: ограниченность буржуазной прессы, пишущей о движении и характеризующей его как «бунт, мятеж, беспорядки», состоит в том, что она не хочет видеть «их общенационального, даже международного значения». «А именно это ведь,— писал В. И. Ленин,— и придает событиям характер революции». Полемическая постановка вопроса здесь для В. И. Ленина не просто публицистический прием. Она выполняет в известной мере и функцию историографического введения — сравнение (противопоставление) способа интерпретации процесса в буржуазной печати и в газете «Вперед».

Во втором абзаце статьи определяются цели и задачи изучения событий в России. Приведем соответствующую выдержку: «Мы должны стараться поспевать за ними (событиями.— *Е. Н.*), подводить итоги, делать выводы, почерпнуть из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще „безмолвствует народ“ и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий,— **писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты**»¹⁰.

В приведенном отрывке достаточно четко формулируются цели и задачи предстоящего анализа: общая цель — писать «сегодняшнюю историю», «историю современности». Конкретная задача — сделать это «бытописание», т. е. конкретно-историческую реконструкцию событий, действенным орудием участников борь-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 207—209.

⁹ Там же, с. 201—204.

¹⁰ Там же, с. 207—208.

бы. Это, отнюдь не академическое предназначение исследования, делает особенно ответственным конкретизацию его предмета. Решение указанной проблемы намечается автором в третьем, завершающем абзаце статьи: «В истории революций всплывают наряду десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презируемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощущая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы не ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв,— ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»¹¹.

Процитированная выдержка, очень сильная в литературном отношении (перед читателем зримо встает образ пробуждающейся массы), сразу высвечивает суть происходящего, фиксирует тот объект, наблюдения над которым позволят понять явление во всей его совокупности. И композиция, и содержание статьи указывают на вводный характер этого текста. В конце его имеются уже прямые указания на вводный характер статьи: обозначение жанра всего текстового комплекса («дневник русской революции») и указание на прямую связь статьи с последующими («Заведем такой дневник и мы»)¹².

В текстах 2—7 содержится изложение и характеристика событий, предшествовавших 9 января 1905 г. Связь между статьями этого раздела проявляется как с точки зрения композиционно-тематической (каждый текст является логическим продолжением предыдущего), так и стилистической: каждая из статей раздела завершается фразой, переключающей внимание читателя на последующую статью. Тексты раздела представляют собой фиксацию наблюдений над ходом рабочего движения. На эту же тему В. И. Ленин в предыдущем № 3 «Вперед» опубликовал статью «Петербургская стачка»¹³. Сопоставление ее с текстами рассматриваемого раздела серии показывает, что источниковая база «Петербургской стачки» уже: автор опирается в ней только на сообщения «заграничных и легальных русских газет»¹⁴ и сообщает, что излагаемые им сведения ограничены и еще не проверены. Информация, содержащаяся в цикле «Революционные дни», основана на сообщениях корреспондентов «Вперед», ссылки на

¹¹ Там же, с. 208—209.

¹² Там же, с. 209.

¹³ Там же, с. 174—177.

¹⁴ Там же, с. 174.

данные зарубежной печати выполняют лишь контролирующую функцию (подтверждение сведений, поступивших из России непосредственно).

Обратимся к содержанию текстов выделенного раздела серии. Проследивая истоки движения, В. И. Ленин в начинающей раздел статье «Первые шаги»¹⁵ указывает на «обычность» события, с которого началась революция («Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом — стачка на одном заводе»¹⁶). Но сразу же после этого указания автор выделяет два обстоятельства, выводящих данное событие из ряда ему подобных: выступление рабочих Путиловского завода было «больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности»¹⁷ (увольнение четырех рабочих); участие в развернувшемся затем стачечном движении легального зубатовского рабочего общества. Это общество, «основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропагандой, оказало не малую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь»¹⁸. Далее В. И. Ленин напоминает, что именно такой исход деятельности зубатовских обществ был теоретически предсказан в работе «Что делать?». Высказанное утверждение автор подтверждает затем фактами, приведя письмо, полученное от члена Петербургского комитета РСДРП. Резюмируя сообщаемые в письме факты, он констатирует, что, несмотря на руководство зубатовцев, экономические и политические требования рабочих «сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы»¹⁹. В связи с этим естественно возникал вопрос о роли и месте социал-демократии в развертывавшемся движении. Завершая статью, В. И. Ленин в общем виде формулирует ответ на него: «Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов»²⁰. Выдвинутое положение аргументируется в следующей статье цикла («Письма петербургских социал-демократов»).

Статья представляет собой публикацию обширных выдержек из двух писем, полученных из Петербурга. В. И. Ленин, подготовивший их к печати²¹, не считал нужным давать свой комментарий: факты и положения, содержащиеся в публикации, достаточно красноречиво подтверждали тезис, сформулированный им в предыдущем тексте. Но в письмах содержится указание на еще

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 220—223. Заголовок рукописи: «Первые шаги рабочего класса» (Ленинский сборник, XXVI, с. 108).

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 220.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 223.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Ленинский сборник, XXVI, с. 113—119.

один факт, вызывающий у их авторов удивление и недоумение. Речь идет, по выражению одного из корреспондентов, о «печальной или, во всяком случае, несколько странной стороне этого движения»²²: во главе его оказался один из руководителей зубатовского «Собрания русских фабричных рабочих», священник Г. Гапон, который, как указывали авторы писем, вдруг резко изменил позицию и начал выступать с радикальными политическими требованиями. Мотивы такого резкого поворота представлялись корреспондентам «Вперед» неясными: «Кто такой поп Гапон, провокатор или христианский социалист?» — так резюмирует В. И. Ленин вопрос, поставленный в письмах, а также «горячо обсуждаемый и заграничной печатью»²³. Попытку определить политическую физиономию Гапона В. И. Ленин предпринял в следующем тексте цикла («Поп Гапон»). Опираясь, помимо опубликованных выше писем, на мнения и суждения иностранных газет, он взвешивает все «за» и «против» того и другого решений, но определенного вывода не делает, хотя второй вариант ему кажется предпочтительным. Как следует, однако, из третьего абзаца статьи, поставленный вопрос не является существенным: «Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов»²⁴. Обобщая материал, включенный им в тексты 2—4, Ленин вновь возвращается к положению, выдвинутому в «Что делать?», рассматриваемому им как окончательно доказанное: «Что политические и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, все-российское революционное движение — это факт»²⁵.

В следующей статье («Канун кровавого воскресенья») В. И. Ленин дал характеристику положения в Петербурге, а затем привел обширную выдержку из письма еще одного корреспондента «Вперед», описывающего «канун исторического дня»²⁶. После этого в газете напечатаны петиция петербургских рабочих и письмо Гапона к царю²⁷ (тексты 6 и 7), которые в контексте воспринимаются как документальные приложения.

Рассмотрение применяемой В. И. Лениным методики отбора материала, его критики, интерпретации и подачи во втором разделе позволяет заметить следующее:

²² «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 52.

²³ Там же, с. 53.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 224—226.

²⁷ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 54—55.

1) Имея в своем распоряжении две группы источников — материалы иностранной прессы и письма и корреспонденции, присланные во «Вперед», — В. И. Ленин явное предпочтение отдает второй группе. Вместе с тем он использует любую возможность для перекрестной проверки степени достоверности и репрезентативности обеих групп источников: «Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга), со сведениями заграничных, особенно английских, газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью...»²⁸. И далее: «Заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению...»²⁹.

2) Формируя идейную структуру текстов раздела, автор движется от общего к частному: выдвинув теоретическое положение, подтверждает его затем конкретными фактами, а в резюмирующей части вновь возвращается к исходному тезису, но рассматривает его уже в синтезе с фактологическими построениями, тем самым окончательно обосновывая исходный тезис.

3) В текстах рассмотренного раздела, соответственно, отсутствуют попытки выведения каких-либо новых положений, критического анализа. Цель автора заключается в том, чтобы на основе тщательной реконструкции фактов происходящего процесса установить его общее направление и его особенности.

Рассмотрим теперь тексты, выделенные нами в раздел III. Статьи, начинающие этот раздел (тексты 8—15), представляют собой изложение хода совершающихся событий и в этом смысле продолжают линию последних текстов предыдущей группы статей. Выделенные статьи отличаются, однако, от предыдущих иной источниковой базой: информация, которую они содержат, извлечена в основном из зарубежной прессы, что видимо объясняется отсутствием соответствующих поступлений в редакцию непосредственно из России. Первая из этих статей («Кровавый день») содержит общий обзор событий 9 января. Здесь становится понятным стремление Ленина в предыдущих статьях непременно составить представление о степени достоверности сообщений иностранных корреспондентов: поскольку те их данные, которые можно было проверить, подтверждались, можно довериться и той информации и оценкам, проконтролировать которые пока нет возможности («О том, насколько точны сведения корреспондентов иностранных газет, мы уже сказали выше»³⁰). В комментарии, начинающем статью «Кровавый день», В. И. Ленин оговаривает еще одно обстоятельство: корреспонденции из Петербурга носили

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 223.

²⁹ Там же, с. 240.

³⁰ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 55.

характер сообщений с театра военных действий, корреспонденты готовились к передаче сообщений, «как настоящие военные корреспонденты»³¹. Следующие затем выдержки представляют собой, по выражению В. И. Ленина, «краткую историю кровавого дня»³², т. е. хронику событий, с указанием места и времени. Эту статью продолжает текст, в котором предпринимается попытка, опять же на основе иностранных источников, определить число жертв («Число убитых и раненых»³³). К статье приложен «Список жертв 9 января»³⁴, названный «первым», что указывает на намерение продолжить его публикацию (намерение, которое осуществлено не было).

После общего обзора событий В. И. Ленин переходит к более подробному освещению отдельных эпизодов дня (тексты 10—15). Здесь мы сталкиваемся с несоответствием рукописи цикла и его публикации в газете. В рукописи подрубрику «Отдельные эпизоды побоища» открывают статьи «Около Троицкого моста» и «На Невском и у Александровского сада» (тексты 10 и 11)³⁵. Первая из них представляет собой публикацию выдержек из корреспонденции, напечатанной в «Дейли телеграф», посланной из Петербурга вечером 9 января, вторая — выдержки из письма участника событий. В газетном варианте оба эти текста изъяты и заменены материалом «Письмо студента из Питера»³⁶. Сопоставление названных текстов показывает, что последняя корреспонденция содержит информацию о тех же событиях, о которых шла речь в изъятых статьях, только более подробную. Ход событий на Дворцовой площади освещается перепечаткой из газеты «Форвертс» частного письма неназванного петербургского адвоката³⁷ (текст 13). Судя по «Хронологическому указателю...» (№ 1364) эта статья в рукопись «Революция в России» включена не была (она составляет отдельную единицу хранения). В публикации «Ленинского сборника» она помещена последней в общем порядке расположения материалов четвертого номера. Видимо, отмеченный материал был найден, когда рукопись «Революция в России» была уже подготовлена. Поэтому место рассматриваемого текста определяется по публикации в газете. В рукописи вслед за текстами 10 и 11 следуют заметки «Битвы на баррикадах» и «Озлобление прогив войска»³⁸ (тексты 14 и 15). Эти тексты составляют в рамках раздела III особую подгруппу: в каждой из

³¹ Там же.

³² Там же, с. 57.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 227.

³⁴ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 57—58.

³⁵ Ленинский сборник, XXVI, с. 120—121, 123—124.

³⁶ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 58—59.

³⁷ Там же, с. 59. Ленинский сборник, XXVI, с. 126—128.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 228—229; Ленинский сборник, XXVI, с. 125.

них сведены факты, характеризующие отдельные стороны событий в Петербурге, которые В. И. Ленин по-видимому считал необходимым выделить особо. Статья «Битвы на баррикадах» в газете, однако, напечатана не была. Было ли это вызвано соображениями редакторскими или чисто техническими, определенно сказать нельзя. Второе предположение кажется более вероятным, так как с точки зрения композиционной статья хорошо вписывается в комплекс и способствует раскрытию основной темы. Упоминание о баррикадах имеется в следующем (за текстами 14 и 15) комментарии: «План петербургского сражения»³⁹ (текст 16, второй абзац) и в заголовке текста 17 («„Царь-батюшка“ и баррикады») ⁴⁰, что связывает названные тексты тематически и стилистически. В пользу редакторских причин снятия этого материала говорит известная скудость, а частично и недостоверность приводимых в нем фактов, на что указывает сам В. И. Ленин в тексте ⁴¹. Сняв заметку «Битвы на баррикадах», заметку «Озлобление против войска» В. И. Ленин поместил после статьи «План петербургского сражения».

Статья «План петербургского сражения»⁴² (текст 16) подводит непосредственные итоги фактам, изложенным в предыдущих текстах раздела III. Если тексты 8—15 представляют собой систематизированное изложение фактов, а их подготовитель находится в тени, выступая лишь в роли редактора и публикатора, то здесь он выдвигается на первый план. Статья содержит оценку событий 9 января 1905 г. как факта политической жизни русского общества (столкновение правительства и народа). Сделанные Лениным политические обобщения сведены им к формуле: «Революция есть война»⁴³. Опираясь на изложенные в предшествующих статьях факты и дополняя их, В. И. Ленин доказывает, что правительство действовало как военная сила, придерживаясь соответствующей тактики. Отсюда делается вывод, подтверждаемый фактами движения, о неизбежности осознания себя воюющей стороной и рабочими массами, а затем массами деревенской бедноты. Еще одним подтверждением выдвинутого в статье прогноза о перестройке политического сознания массы служат факты, сообщаемые в напечатанной после статьи «План петербургского сражения» заметке «Озлобление против войска». В этом отношении перемещение заметки в означенное место после снятия заметки «Битвы на баррикадах» вполне уместно: она в контексте воспринимается как приложение к рассмотренной статье или же как ее продолжение.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 213.

⁴⁰ Там же, с. 216.

⁴¹ Там же, с. 229.

⁴² Там же, с. 212—214.

⁴³ Там же, с. 212.

Содержание следующей статьи цикла «„Царь-батюшка“ и баррикады»⁴⁴ — «общий взгляд на события кровавого воскресенья»⁴⁵. Ленин фиксирует на эмпирическом уровне явление, наиболее его поражающее: сочетание «наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти»⁴⁶. Статья посвящена осмыслению и объяснению этого нового явления. Но понять его можно только обратившись к глубинным, социальным корням совершающихся событий; само по себе изменение настроения масс (детально прослеженное во всех предыдущих статьях цикла) есть лишь следствие, вызываемое более фундаментальными процессами. Январские события — пограничная точка. Столкновение патриархального монархизма и революционности в массах есть, как отмечает В. И. Ленин в первых строках статьи, противостояние «старой и новой России»⁴⁷. Вторая половина начального абзаца посвящена обоснованию определяющего характера выделенной проблемы. Автор ссылается здесь на аналогичные оценки изменений в русском обществе после 9 января, содержащиеся в буржуазной прессе («Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января»⁴⁸). Далее В. И. Ленин использует аналогию с началом рабочего движения в Англии (чартистское движение), проведенную газетой «Форвертс». Внимание читателя обращается, в частности, на то обстоятельство, что одним из руководителей и вдохновителей движения чартистов и автором Манчестерской хартии был священник. Сопоставляя пастора Стивенса с попом Гапоном, В. И. Ленин указывает на их однотипность, обусловленную сходством ситуаций, определивших характер их политических воззрений и деятельности.

Приведа далее письмо Гапона русским рабочим после событий 9 января («Товарищи, русские рабочие! У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу...»⁴⁹), В. И. Ленин пытается понять глубинный смысл и суть того процесса, который внешне выразился в деятельности оказавшегося во главе движения священника, перешедшего за один день «от призыва — идти с мирным ходатайством к самому царю — к призыву начинать революцию»⁵⁰. «Это не священник Георгий Гапон говорит, — писал В. И. Ленин. — Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 216.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 216—217.

⁵⁰ Там же, с. 216.

невыносимо тяжелого положения у „самого“ царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера... Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати»⁵¹.

Вдумаемся в суть приведенной обширной выдержки и попытаемся определить место ее во всей системе текстов комплекса.

Основная мысль, проводимая здесь автором, сводится к характеристике происшедшего как проявления перехода от «старой» («патриархальной», феодальной) к «новой» (городской, промышленной, грамотной, т. е. капиталистической) России. Развитие капитализма послужило условием и основой для перестройки сознания и поведения масс, антифеодальные настроения которых не затрагивали основ существующего строя, а были направлены лишь против его носителей, с «насилиями, произволом и грабежом» которых массы непосредственно сталкивались. Переходя к осознанному демократизму, массы, которые «способны были только просить и умолять», становились революционными. Рассматривая русское общество с точки зрения означенного перехода, В. И. Ленин выделяет внутри его три группы, существовавшие к началу революции, и дает их примерное численное соотношение: «Тысячи передовых пролетариев социал-демократов», вполне порвавших с патриархальной идеологией; «десятки тысяч рабочих», у которых в ходе рабочего движения ее основы были подорваны; «сотни тысяч и миллионы... пролетариев и полупролетариев», сохраняющих эту идеологию и психологию.

Охарактеризовав под избранным углом социальную стратификацию народных масс, Ленин в рассматриваемом отрывке возвращается к вопросу о характеристике Гапона. Для петербургских социал-демократов, письма которых были опубликованы Лениным, то обстоятельство, что массы пошли за Гапоном, пред-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 217.

ставляло собой факт «печальный» или же «странный»: в чем причина резкой радикализации высказываний и действий Гапона, почему массы пошли за ним, а не за социал-демократией, хотя программа социал-демократии фактически совпадала с требованиями, выдвигаемыми на рабочих собраниях? В статье «Поп Гапон» В. И. Ленин рассмотрел только одну сторону проблемы: «Гапон и массы» (личность Гапона) и, естественно, определенного решения не получил. Но максимально возможная реконструкция событий, проведенная им в последующих текстах в соответствии с программой, сформулированной во вводной статье (проследить действия массы), обобщение полученной картины в статье «План петербургского сражения» (революция есть война народных масс с правительством) позволяют ему объяснить данный феномен в интегральном виде: «странность» поведения Гапона, «поражающее» соединение патриархального монархизма с революционностью в массах — явления одного рода (хотя, видимо, и разного порядка). Неожиданный переход Гапона от сотрудничества с охранкой к антиправительственной деятельности указывает на отсутствие у него устойчивых политических принципов. Гапон — тот тип политического деятеля, который не имеет четко выраженной политической программы и тактических принципов, а полностью поддается воздействию окружающих его сил. Случайно оказавшись во главе массового движения (деятели такого типа могут стать лидерами именно случайно и ненадолго), Гапон попал под влияние настроений этой массы, стал ее выразителем, «героем дня».

Для того чтобы понять глубинный социальный и психологический смысл происходящего в России в январе 1905 г., в распоряжении В. И. Ленина материалов было явно недостаточно: реконструкции и анализу подверглись события всего нескольких дней, явно недостаточна была источниковая база. Но зато имевшаяся информация вполне позволяла определить и доказать отмеченную динамику воззрений Гапона, косвенно отражающую изменение общественного настроения. Установив эту связь, В. И. Ленин получил возможность строго определить направление изменения массового сознания и его темпы, подобно тому, как пущенный в воду буй позволяет определить направление и скорость морского течения. Переход Гапона с позиций наивного монархизма к антимонархизму — показатель перехода широких масс от патриархальности к революционности — таков основной тезис статьи «„Царь-батюшка“ и баррикады». Сопоставление рассмотренной статьи с предыдущими материалами позволяет констатировать ее итоговый, резюмирующий характер.

В завершающем разделе статьи (абзацы 4, 5, 6) В. И. Ленин возвращается к материалам, начинающим цикл. В четвертом абзаце, отталкиваясь от содержания писем социал-демократов, приведенных в статьях второго раздела, В. И. Ленин дает объяснение их недоверчивому отношению к личности Гапона. Это отно-

шение могли определить «только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона»⁵². В пятом абзаце с тех же позиций мотивируется уже тактика социал-демократии по отношению к стихийному движению пролетариата: действия правительства показали рабочим массам «то и именно то, что социал-демократы всегда показывали и будут показывать печатным и устным словом». «История, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона»⁵³. В шестом и седьмом абзацах ставится вопрос о «всенародном вооруженном восстании», к постановке которого подвела практическая деятельность масс. Поэтому главная задача социал-демократии, по мнению автора, в большей сплоченности и организации, в более энергичной пропаганде этого лозунга.

Итак, как можно убедиться, последние абзацы статьи подводят уже чисто практические итоги январским событиям. Наблюдая за методикой проводимого В. И. Лениным конкретно-исторического исследования, мы можем констатировать следующее: решая проблему реконструкции и интерпретации фактов, автор движется от общего к частному, от теоретического положения к новым фактам. Используемый здесь методический прием естествен: события и проблемы, рассматриваемые в текстах раздела II, были «обычными» (стачка, деятельность зубатовского общества), т. е. знакомыми, теоретически осмысленными и тактически решенными социал-демократией. Они сводились, в общем, к следующему положению: деятельность зубатовских обществ, несмотря на их проправительственный характер, способствует развитию рабочего движения на начальной стадии; переход его на высшую стадию политической борьбы должен быть связан с крахом зубатовщины и переходом движения под руководство социал-демократов. События кануна 9 января в целом подтвердили правильность этого положения. Действительно, рабочее движение вышло из тех узких рамок, которые были ему навязаны, и фактически выдвинуло требования социал-демократической программы-минимум. Вместе с тем выявились факты, с точки зрения данной теории не объяснимые: движение, хотя и вышло стихийно на социал-демократические позиции, оставалось пока вне руководства социал-демократии; руководитель зубатовцев, казалось бы провокатор, вдруг начал выступать с революционными лозунгами. Осмысление возникших проблем требовало изменения методики конкретно-исторического анализа разворачивающихся событий. Того же требовало, наконец, и изучение самих событий 9 января, так как ничего подобного в истории России до сих пор не было. Поэтому в

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 218.

⁵³ Там же.

текстах раздела III исследование идет в противоположном, по сравнению с предыдущим, направлении — от частного к общему, от фактов к теоретическим обобщениям и практическим рекомендациям. Рассмотрение текстов, содержащих реконструкцию хода событий, показывает, что вмешательство В. И. Ленина (отбор фактов, комментариев) здесь незначительно. Это естественно, так как факты достаточно красноречивы и сами приводят читателей к определенным выводам. Вместе с тем, рассматривая редакторскую правку, сделанную В. И. Лениным при подготовке публикации, выявляя принципы отбора документов, анализируя небольшой комментарий (например, приведенное выше замечание о характере сообщений зарубежных корреспондентов), небольшое и очень тактичное вмешательство можно обнаружить. Проводимая В. И. Лениным в текстах типа публикаций и сводок нюансировка показывает его стремление подчеркнуть военный (т. е. революционный) характер событий. Обобщая информацию, изложенную в текстах раздела III, в статье «План петербургского сражения», В. И. Ленин подводит непосредственные, т. е. политические, итоги происшедшему, определяя его как военное нападение самодержавия на народ. Такой вывод создает как эмпирические, так и логические основания для более глубоких историко-социологических обобщений (переход России от феодализма к капитализму ведет к перестройке сознания масс и к изменению характера классовой борьбы). Выдвинутое теоретическое положение позволяет автору вновь вернуться на уровень политический и найти непротиворечивое объяснение проблемам, поставленным в текстах раздела II, обоснованно определить характер событий 9 января и наметить в общем виде (более подробная разработка содержится в последующих работах В. И. Ленина) очередные задачи социал-демократии (большая сплоченность и организованность, пропаганда лозунга всенародного вооруженного восстания). Таким образом, программа, заявленная во вводной статье цикла, полностью реализуется. Все сказанное позволяет нам констатировать существование не только механической, определяемой по внешним признакам (общий заголовок, тематическое единство, возвращение к предшествующим текстам, стилистическая однородность), но и глубокой органической связи между рассмотренными текстами. Органическая взаимосвязь обнаруживается в данном случае в движении содержания статей комплекса, подчиненных постепенному раскрытию и обоснованию одной, строго определенной идеи, являющейся в тексте и в контексте лейтмотивом, — идеи революционизирования масс.

Завершающий публикацию № 4 «Вперед» материал «Отзвуки петербургских событий за границей»⁵⁴ (текст 18) такой связи с предшествующими текстами не обнаруживает. С точки зрения систематизированного освещения событий 9 января появление

⁵⁴ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 61—62.

такого текста, однако, правомерно: изложив информацию о событиях в России, газета печатает сводку (автор М. С. Ольминский; редактор В. И. Ленин)⁵⁵ материалов о реакции на них за рубежом — иностранных газет, западноевропейского пролетариата, русской политической эмиграции.

Обратимся теперь к текстам рубрики «Революционные дни», напечатанным в № 5 «Вперед» (тексты 19—30). Как можно убедиться, рассматриваемая группа текстов характеризуется тематическим единством: все материалы посвящены положению в России после 9 января. По крайней мере в этом отношении статьи пятого номера можно рассматривать как особый, четвертый раздел рубрики. Особенностью раздела IV является участие в нем разных авторов и вытекающая из этого определенная стилистическая неоднородность. Комментарий, открывающий рубрику (статья «Плеть и посулы»)⁵⁶, написан А. В. Луначарским. Статьи-сводки «Раскаты первого грома» и «Рига» написаны В. И. Лениным совместно с М. С. Ольминским. Публикация корреспонденции из Риги подписана В. Д. Бонч-Бруевичем. По типам текстов статьи распределяются следующим образом: один комментарий (текст 19), одна сводка-комментарий (текст 22), семь сводок (тексты 21, 23—28), две публикации (тексты 29—30).

Рассматриваемая группа характеризуется, таким образом, преобладанием материалов сугубо информационного характера. За исключением статьи Луначарского, начинающей раздел, аналитических материалов в данной группе нет. Отсутствуют и обобщающие статьи⁵⁷. В хронологическом, географическом и социологическом аспектах материалы раздела шире предыдущих. Они охватывают период с вечера 9-го до 20 января 1905 г. и содержат сведения о событиях в Петербурге, Москве и еще семнадцати городах. В текстах раздела имеется информация о реакции на события различных слоев российского общества («верхи», рабочие, либералы). Расположение статей раздела подчинено определенной логике. Первые две статьи — «Плеть и посулы», «Плоды победы» (тексты 19 и 20)⁵⁸ — характеризуют настроения внутри главных борющихся сил: правящей верхушки и петербургского пролетариата. Следующие две статьи (тексты 21—22)⁵⁹ рассматривают ход событий в столице после 9 января. Статьи 23—27⁶⁰ содержат информацию о классовой борьбе в Москве и других городах. Две статьи (тексты 28—29) характеризуют отношение к

⁵⁵ См.: Ленинский сборник, XXVI, с. 128—129. «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 61—62.

⁵⁶ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 65—66.

⁵⁷ Необходимо, правда, учитывать, что текст этого типа в материалах пятого номера имеется. Это статья того же А. В. Луначарского «Твердый курс», напечатанная в качестве передовой.

⁵⁸ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 35—67.

⁵⁹ Там же, с. 67—68.

⁶⁰ Там же, с. 69—73.

событиям лагеря либералов⁶¹. Отмеченные черты рассматриваемой группы текстов рубрики позволяют констатировать, что (несмотря на относительную автономность отдельных статей, их подгрупп и всего их набора) этот раздел цикла «Революционные дни» является частью, органически вписывающейся в серию, составляя продолжение материалов № 4 «Вперед». Этот вывод подтверждается существованием общего заглавия, сюжетно-тематическим единством, структурно-композиционным единством. Преобладание чисто информационных материалов, отсутствие обобщающих статей можно объяснить тем, что основные выводы были сделаны в предыдущем номере, и здесь было достаточно привести факты, их подтверждающие, взятые в более широком географическом, хронологическом и социологическом аспектах. Кроме того, развертывание революционного движения в масштабах России, втягивание в него всех слоев общества — процесс, требующий относительно большого времени, и поэтому информация о нескольких днях после начала революции в этом аспекте не могла дать достаточных оснований для анализа и обобщений.

Непосредственно на связь материалов четвертого и пятого номеров «Вперед» указывает, например, подготовленная В. И. Лениным подборка под названием «Плоды победы», сопровождаемая небольшим комментарием: «Плодом царской победы над безоружным народом, — пишет здесь В. И. Ленин, — было, как следовало ожидать, страшное озлобление самого серого рабочего люда против царя и потеря веры в него»⁶². Цитированное утверждение является повторением основного вывода, сделанного В. И. Лениным в № 4 «Вперед». Оно подтверждается на эмпирическом уровне воззванием Гапона к рабочим (в первой редакции — двумя его другими письмами: «К армии» и «Рабочим») ⁶³ и письмами петербургских социал-демократов⁶⁴. Та же идея является центральной и в комментарии Луначарского. Характеризуя проводимую правительством после кровавого воскресенья политику обещания мелких уступок, А. В. Луначарский отмечает, что «все эти фразы... — спекуляция на еще темные массы, которые стараются купить посулами. Но если темные массы, несмотря на нашу усиленную пропаганду, еще недавно составляли большинство населения Петербурга, то теперь и они достаточно просвещены кровавым светом Владимирово воскресенья»⁶⁵. Комментарий Луначарского, органически включаясь в текст серии, вместе с тем тематически и идейно связан с его публикацией в № 1 «Вперед» под заглавием «Сомнения двуглавого орла». Сохранившийся наборный экземпляр этой статьи с правкой В. И. Ленина⁶⁶ (по объему незначитель-

⁶¹ Там же, с. 73—76.

⁶² «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 66.

⁶³ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 66.

⁶⁴ «Вперед» и «Пролетарий»..., с. 66—67.

⁶⁵ Там же, с. 65—66.

⁶⁶ Там же, с. 9—11. См. также: Ленин и Луначарский. М., 1971, с. 522—526.

ной) позволяет нам по аналогии судить о характере редактирования им данной статьи Луначарского.

Связи, установленные между статьями рубрики «Революционные дни», позволяют нам констатировать правомерность интерпретации серии как единого текста. Фактически перед нами небольшая историческая монография — первое в историографии исследование начального периода первой русской революции 1905—1907 гг. Поскольку общий замысел, структурно-композиционная разработка и авторство подавляющего большинства текстов принадлежат В. И. Ленину, его следует признать автором этой работы. Участие И. С. Ольминского ограничивалось лишь подготовкой статей типа сводок (либо совместно с В. И. Лениным, либо под его редакцией) и редактированием. Иначе обстоит дело с оценкой участия в цикле Луначарского. Написанный им комментарий, будучи моментом реализации принадлежащего В. И. Ленину идейного замысла цикла, полностью вписываясь в его тематико-композиционную структуру, вместе с тем является продуктом творческой работы Луначарского, отражающим его авторскую индивидуальность в стилистике, эмоционально-образном строе и композиции данного текста.

Сопоставление рукописной и газетной редакций данной работы показывает, что изменения, внесенные при публикации, как правило, вызывались редакционными причинами (уточнение замысла, улучшение структуры, отбор лучших документальных материалов). Поэтому при определении канонического текста следует руководствоваться его газетной редакцией.

Рассмотренная работа лежит на границе двух жанров — публицистики и академического исследования. Оценивая творческие возможности В. И. Ленина как исследователя, следует отметить высокий профессиональный уровень, на котором выполнена данная работа. Исследовательская культура проявляется на всех этапах исследования: четкая постановка вопроса, отбор и критика источников, движение от выявления фактов, не объяснимых с точки зрения установленных теоретических положений, к новым обобщениям, объясняющим эти факты, реконструкция последующих событий с позиций вновь сделанных выводов — все это, несмотря на ограниченность источниковой основы рассмотренной работы В. И. Ленина, позволяет оценить ее как сохранившую свою научную ценность и в настоящее время.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНКРОТСТВА МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Т. А. Сивохина

Всемирно-исторический опыт Великого Октября и социалистического строительства в СССР неоспоримо доказал правильность марксистско-ленинской политической стратегии и тактики. Он показал, что социалистическое переустройство общества возможно лишь на основе диктатуры пролетариата — политического и государственного руководства со стороны рабочего класса и его партии. Вместе с тем Октябрьская революция вскрыла несостоятельность идейно-теоретических доктрин и политической практики мелкобуржуазного революционаризма. Наиболее ярко это проявилось в эволюции, политическом и организационном крахе мелкобуржуазных партий после Октября.

Советские историки всегда проявляли интерес к изучению вопросов, связанных с политическим банкротством партий мелкой буржуазии в послеоктябрьской России. В 60—70-е годы XX в. особенно увеличилось число исследований, посвященных истории мелкобуржуазных партий, тактике большевиков по отношению к ним. И это вполне закономерно, поскольку данная проблема имеет не только научное, но и важное политическое значение. Во-первых, ее изучение способствует более глубокому пониманию вопроса о том, каким образом большевики смогли привлечь на свою сторону непролетарские слои населения, сумели выполнить роль руководителя Октябрьской революции и социалистических преобразований в обществе. Во-вторых, рассмотрение процесса распада мелкобуржуазных партий и их исчезновения с исторической арены позволяет выявить причины возникновения в СССР однопартийной политической системы. Это, в свою очередь, дает возможность опровергнуть утверждения буржуазных советологов о якобы насильственном установлении однопартийной системы в Советской России. В-третьих, анализ тактики большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям необходим в связи с активизацией идеологических противников марксизма-ленинизма.

Богатейший опыт большевиков ныне широко используется коммунистами различных стран в борьбе с идеями оппортунизма и ревизионизма, мелкобуржуазного революционаризма и анархизма, а также в практике сотрудничества с непролетарскими демократическими партиями.

За период с 1960 по 1976 г. было опубликовано свыше 70 монографий, статей и научно-популярных брошюр, в которых рас-

сматривались специально или в комплексе с другими проблемами вопросы политического краха мелкобуржуазных партий. Расширение масштабов исследовательских работ по этой теме вызвало появление историографических статей и обзоров¹. Однако они ни в коей мере не исчерпывают историографию проблемы. Большинство из них посвящено анализу трудов, раскрывающих тактику большевиков по отношению к партиям мелкой буржуазии накануне Октября и в первые годы пролетарской диктатуры. В данной статье предпринята попытка показать особенности современного этапа изучения проблемы, осветить основные вопросы и задачи, стоящие в центре внимания исследователей.

В последние годы советскими историками установлено, что в 1917 г. на политической арене России действовали около 70 непролетарских партий, из них 15 имели общероссийский характер, остальные — так называемые национальные, возникшие в районах национальных меньшинств. Наиболее многочисленные и влиятельные среди них (такие, как социалисты-революционеры, меньшевики, именовавшие себя Российской социал-демократической рабочей партией) были созданы в начале 900-х годов. Некоторые (в частности, партии украинских и эстонских социалистов-революционеров, плехановская группа «Единство» и др.) появились в период между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями 1917 г. Неоднородные по своему составу, эти партии и политические группы выражали интересы различных слоев мелкой буржуазии. Все они выступали активными противниками диктатуры пролетариата.

В обстановке победившей социалистической революции и в условиях гражданской войны мелкобуржуазные партии переживали сложные процессы разложения и распада. Из 32 партий, существовавших в Советской России в первые месяцы гражданской войны, 7 прекратили свое существование в 1918 г., 10 — в 1919—1920 гг., а остальные — в течение 20-х годов².

В советской исторической литературе предшествующих лет рассматривалась, как правило, история ведущих мелкобуржуазных партий (меньшевиков, социалистов-революционеров, левых

¹ *Спирин Л. М.* Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг.— Вопросы истории КПСС, 1966, № 4; *Городецкий Е. Н.* Новое в изучении Великого Октября. М., 1968; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, гл. V—VII; *Гусев К. В.* Советские историки о крахе партий эсеров.— В кн.: Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; *Астрахан Х. М.* История буржуазных и мелкобуржуазных партий России в 1917 г. в новейшей советской литературе.— Вопросы истории, 1975, № 2.

² Данные о количестве мелкобуржуазных партий взяты из следующих работ: *Спирин Л. М.* Рец. на кн.: Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году: Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973.— Вопросы истории КПСС, 1974, № 2, с. 125; *Он же.* О тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям.— В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1975, с. 155, 162—167.

эсеров), а хронологические рамки работ ограничивались 1917—1922 гг. Лишь в последние годы (в связи с расширением источниковой базы и изданием Полного собрания сочинений В. И. Ленина) исследователи продолжили развитие ленинской концепции истории мелкобуржуазных партий в период нэпа.

Труды В. И. Ленина имеют принципиальное значение для понимания проблемы идейно-политического краха мелкобуржуазных партий. В ряде своих работ («Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Ценные признания Питирима Сорочкина», «О нашей революции» и др.) В. И. Ленин показал, что тактика большевиков по отношению к этим партиям была подчинена задаче привлечения на сторону революции непролетарских трудящихся масс; без поддержки последних, как подчеркивал В. И. Ленин, победа большевиков была бы кратковременной и непрочной³. Составной частью ленинской тактики являлась работа по разъяснению трудящимся массам несостоятельности теоретических взглядов и политического курса непролетарских партий. Когда же эти партии переходили к организации вооруженных выступлений против Советской власти, правительство вынуждено было применять против них чрезвычайные меры.

Преимущественное внимание в трудах В. И. Ленина уделено истории эволюции ведущих мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров. В. И. Ленин относил политическое банкротство меньшевиков и социалистов-революционеров к периоду после июльского кризиса 1917 г. Признаками политического банкротства этих партий он считал следующие: падение влияния меньшевиков и эсеров в массах, переход масс к поддержке большевистских лозунгов и их выступления против коалиции с буржуазией, большевизация Советов, крестьянские восстания, рост левой оппозиции в рядах мелкобуржуазных партий и др.⁴

Политическое банкротство мелкобуржуазных партий накануне Октября не означало их полного идейного и организационного краха. Все эти элементы процесса распада партий были тесно взаимосвязаны, но отделены один от другого известным промежуточком времени.

В. И. Ленин отмечал, что контрреволюционная деятельность меньшевиков и эсеров в годы гражданской войны, с одной стороны, и гибкая тактика большевиков — с другой, вызвали дальнейшее углубление кризиса и распада в их рядах, самоизоляцию лидеров этих партий. В статьях и выступлениях 1921—1922 гг. («Заметки публициста», доклад на X съезде РКП(б) и др.) В. И. Ленин проанализировал причины активизации антисоветской деятельности мелкобуржуазных партий при переходе к нэпу и обосновал неизбежность их полного идейно-политического краха⁵.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 10.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 130, 198, 408; т. 40, с. 5.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 75, 136—137.

Широкое использование ленинского теоретического наследия положительно отразилось на качестве исследований, позволило советским историкам всесторонне раскрыть историю идейно-политического и организационного краха мелкобуржуазных партий, показать сущность политики и тактики большевиков по отношению к ним.

В советской историографии долгое время не было обобщающих исследований, в которых освещался бы весь комплекс наиболее важных вопросов рассматриваемой проблемы. Одной из первых работ такого типа явилась опубликованная в 1965 г. монография В. В. Комина «Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции». В ней на основе широкого круга архивных и опубликованных источников была показана деятельность главных политических партий и групп в России в период от февраля 1917 г. до января 1918 г. В разделах о мелкобуржуазных партиях содержится анализ программных взглядов меньшевиков, социалистов-революционеров и левых течений мелкобуржуазной демократии, характеризуется их практическая деятельность в период подготовки и проведения социалистической революции и в первые месяцы пролетарской диктатуры. Однако вопрос о банкротстве мелкобуржуазных партий трактуется в книге несколько упрощенно. В ней утверждается, что после роспуска Учредительного собрания меньшевики и эсеры наряду с кадетами потеряли социальную опору в массах и «не могли уже угрожать существованию диктатуры пролетариата»⁶. Это утверждение Комина, так же как и некоторые другие ошибочные положения его работы, было подвергнуто справедливой критике со стороны историков⁷. Факты показывают, что опасность внутренней контрреволюции с роспуском Учредительного собрания не исчезла. Наоборот, контрреволюционная деятельность меньшевиков и правых эсеров весной 1918 г. активизировалась в связи с заключением Брестского мира и дальнейшим углублением социалистической революции в деревне. В годы гражданской войны лидеры этих партий оказались в лагере контрреволюции, предав интересы трудящихся масс России и тем самым оттолкнув их от себя. Таким образом, понадобилось известное время и практический опыт, чтобы мелкобуржуазные массы смогли, как говорил В. И. Ленин, «сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата»⁸ и сделать выбор в пользу последнего.

Представляется спорным и вывод Комина о том, что авторитет и популярность левых эсеров были подорваны уже к началу 1918 г. На наш взгляд, вывод о падении влияния левых эсеров в

⁶ *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965, с. 633.

⁷ См.: Вопросы истории КПСС, 1967, № 1; Вопросы истории, 1967, № 1.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 16.

массах следует отнести к весне — середине лета 1918 г., когда они повели вооруженную борьбу против политики продовольственной диктатуры и объединения деревенской бедноты. Выступив в защиту интересов кулачества, левые эсеры оттолкнули от себя массы трудящихся крестьян.

История распада и исчезновения непролетарских партий в России рассматривается в ряде работ Л. М. Спирина⁹. В монографии «Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.)» содержится богатый документальный материал о деятельности мелкобуржуазных партий в период гражданской войны, показана тактика большевиков по отношению к ним. Автор убедительно разоблачил несостоятельность позиции «третьего пути», провозглашенной скатившимися к контрреволюции мелкобуржуазными партиями и состоявшей в декларировании некоей промежуточной позиции между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии.

Большое внимание в работе Спирина уделено вопросам политического краха мелкобуржуазных партий. Кризис в партиях меньшевиков и социалистов-революционеров, по мнению Спирина, начался еще до Октябрьской революции; об этом свидетельствовал массовых уход из партий рядовых членов. После Октября развал в них принял катастрофические размеры. Важнейшими показателями упадка и разложения Спирин считает выделение из их состава новых партий — левых эсеров (ноябрь 1917 г.) и социал-демократов-интернационалистов (январь 1918 г.).

Заслуживает внимания определение понятия «тактика большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям», которое дано Спириным. Он включает в это понятие следующие элементы: критика программных позиций непролетарских партий, контроль за их деятельностью с целью предупреждения антисоветских выступлений, отрыв рядовых членов партии от ее руководства, поддержка левых течений, перевоспитание и принятие в РКП(б) лучших из их рядов¹⁰. Спирин попытался выявить факторы, которые определяли тактику большевиков по отношению к непролетарским партиям в годы гражданской войны. Решающую роль среди них играли: расстановка классовых сил в стране, военное и международное положение республики, поведение самих непролетарских партий. В соответствии с этими критериями Спирин выделил период с конца весны до осени 1918 г., когда подавляющая часть мелкобуржуазных партий выступила с оружием в руках против Советской власти; в связи с этим большевики вынуждены были применить по отношению к ним меры революционного насилия. Перегруппировка классовых сил в стране осенью 1918 г. заставила эсеров и меньшевиков декларировать временный отказ от воору-

⁹ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Он же*. О тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям. — В кн.: Исторический опыт Великого Октября, с. 155—167.

¹⁰ Исторический опыт Великого Октября, с. 156.

женной борьбы с Советской властью. В такой обстановке большевики привлекали отдельных деятелей этих партий, продолжая осуществление мер подавления в отношении тех эсеро-меньшевистских деятелей и группировок, которые по-прежнему выступали против Советской власти. Одновременно они сотрудничали с левыми отрядами мелкобуржуазной демократии, признавшими власть Советов.

Политическое банкротство меньшевиков, социалистов-революционеров и других мелкобуржуазных партий является предметом исследования в работах П. И. Соболевой, М. И. Стишова, П. А. Подболотова и др.¹¹ Авторы впервые ввели в научный оборот интересные архивные материалы, периодическую печать и документы мелкобуржуазных партий. На основе широкого круга источников они показали, что разногласия в рядах этих партий, возникшие накануне Октябрьской революции, углубились после ее победы. В то же время отмечена общность позиций руководства различных непролетарских партий по многим вопросам внутренней и внешней политики Советского правительства. Авторы анализируют причины отхода трудящихся масс от непролетарских партий. В числе главных они выделяют следующие: последовательно-революционная тактика большевиков, отвечающая интересам всех трудящихся; разоблачение большевиками теоретических взглядов непролетарских партий; контрреволюционный курс лидеров мелкобуржуазных партий, шедший вразрез с требованиями трудящихся масс города и деревни. В работах указанных авторов подчеркивается, что гибель этих партий явилась объективной закономерностью, обусловленной ходом классовой борьбы в России.

Характерной чертой трудов, опубликованных в 60—70-е годы XX в., является значительно более глубокое, чем прежде, раскрытие роли В. И. Ленина в борьбе большевиков с непролетарскими партиями. В частности, специально исследовано участие В. И. Ленина в работе верховного органа Советского государства — ВЦИК, где в течение довольно длительного времени находились представители мелкобуржуазных партий¹². Исследователи показывают, что борьба В. И. Ленина с неустойчивостью левых эсеров, с антисоветской направленностью в деятельности меньшевиков и правых эсеров во ВЦИК имела большое значение для отрыва непро-

¹¹ *Спиридонов М. В.* Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917—1920 гг.). Петрозаводск, 1965; *Соболева П. И.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; *Стишов М. И.* Распад мелкобуржуазных партий в Советской России.— Вопросы истории, 1968, № 2; *Сивохина Т. А.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 году; *Подболотов П. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции: (Деятельность большевиков по разоблачению правых эсеров и меньшевиков). Л., 1975.

¹² *Разгон А. И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; *Сивохина Т. А.* Указ. соч.

летарских трудящихся масс от этих партий и их приобщения к социалистическому строительству.

Особенно повысилось внимание историков к теоретическому значению трудов В. И. Ленина. В уже упоминавшихся работах и в специальных статьях показан тот огромный вклад, который внес В. И. Ленин в разработку и научное обоснование тактики большевиков по отношению к мелкобуржуазной демократии¹³. Авторы широко использовали оценки мелкобуржуазных партий и их тактики, содержащиеся в трудах В. И. Ленина.

В 60-х — начале 70-х годов XX в. были опубликованы монографии и статьи, в которых освещались эволюция и политическое банкротство отдельных мелкобуржуазных партий.

В книге Н. В. Рубана «Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 гг.)» (М., 1968) показана идейно-политическая борьба большевиков с меньшевиками в канун Октября и в период упрочения Советской власти. Уже накануне пролетарской революции, пишет Рубан, меньшевики почти потеряли связь с массами, а в самой партии усилился процесс разложения: уменьшилась ее численность, углубился идейный разброд. В книге приведены исторические факты о контрреволюционной деятельности меньшевиков в первые послеоктябрьские месяцы: попытка подменить диктатуру пролетариата диктатурой мелкой буржуазии в лице Учредительного собрания, организация саботажа в учреждениях и ведомствах, создание антисоветских организаций и др. В результате, подчеркивает Рубан, меньшевизм, как политическая организация, потерпел полный идейный и в значительной степени организационный крах, меньшевистская партия находилась накануне политической гибели.

Партия меньшевиков, пишет автор, после Октября фактически уже не являлась партией, поскольку «она полностью лишилась социальной базы, раскололась на части, сошла на нет в численном отношении, но продолжала бороться против пролетариата». Эти соображения не представляются нам достаточно убедительными. Продолжавшиеся колебания мелкобуржуазных масс явились причиной того, что за меньшевиками сохранялась роль потенциальной политической силы в стране. Потерпев идейное банкротство, они все еще оставались политической партией и сохраняли определенное число сторонников. Ко времени общепартийного совещания меньшевиков, проходившего в мае 1918 г. (об этом упомянуто в книге Рубана), в этой партии насчитывалось около 60 тыс. членов (без Закавказья, но с «Бундом») ¹⁴. Меньшевистский ЦК оставался организатором антинародной, антисоветской

¹³ Хаскина С. Е. Борьба В. И. Ленина с мелкобуржуазными соглашательскими партиями в период от Февраля к Октябрю 1917 года. — В кн.: Ленин — Партия — Октябрь. Л., 1967.

¹⁴ Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968, с. 389, 385.

политической линии партии. Именно контрреволюционный курс руководителей меньшевиков, особенно отчетливо проявившийся в годы гражданской войны, был причиной углублявшегося разложения партии, ухода из ее состава рядовых членов и видных меньшевистских деятелей.

Необходимо отметить, что среди исследователей существуют различные точки зрения о времени банкротства и распада непролетарских партий. Так, например, Спирин относит полное банкротство идеологии и политики, внутренний распад мелкобуржуазных партий ко времени гражданской войны¹⁵. Комин, говоря о завершении полного политического банкротства мелкобуржуазной контрреволюции, называет середину лета 1918 г. (после этого, как он пишет, мелкобуржуазные партии представляли «жалкие остатки»)¹⁶. Некоторые исследователи (например, Подболотов и др.) относят идейно-политический крах и организационный распад меньшевиков и эсеров к 1923—1924 гг.

Обращают на себя внимание не только неоднозначность терминологии, применяемой по отношению к идентичным процессам, но и различия в определении их сроков. Из этого следует, что уже давно назрела настоятельная потребность четко обозначить содержание понятий, связанных с распадом и гибелью мелкобуржуазных партий, таких, как «политическое банкротство», «полное политическое банкротство», «идейно-политический крах», и др. При раскрытии же вопроса о причинах и времени окончательного распада и гибели непролетарских партий необходим более дифференцированный подход, учитывающий выделение из них левых течений и групп, организационно оформившихся после Октябрьской революции и в годы гражданской войны.

Представляется, что исследователям еще предстоит значительная работа по всестороннему и полному раскрытию всех процессов, связанных с окончательным исчезновением мелкобуржуазных партий с исторической арены.

В настоящее время наиболее полно изучены вопросы политического краха и гибели партии социалистов-революционеров¹⁷. Создана обширная литература, посвященная левым эсерам¹⁸.

Существенным вкладом в историографию этих тем являются труды К. В. Гусева. В его монографиях и статьях содержится бо-

¹⁵ Исторический опыт Великого Октября, с. 161.

¹⁶ Комин В. В. Указ. соч., с. 641.

¹⁷ Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции: (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975.

¹⁸ Спиридонов М. В. Борьба Коммунистической партии против левых эсеров в 1917—1918 гг.—Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1960, т. X; Илюхина Р. М. К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами (октябрь 1917 — февраль 1918 г.).— Исторические записки, 1963, № 73; Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

гательший фактический материал о возникновении партии социалистов-революционеров и ее деятельности вплоть до времени окончательного распада. Гусев анализирует идейно-теоретические и политические концепции эсеров. Именно в их несостоятельности он усматривает одну из главных причин внутреннего кризиса и последующего распада. В работах Гусева показано, что отказ социалистов-революционеров от поддержки крестьянского движения и осуществления аграрной программы явился важнейшей причиной политического банкротства партии накануне Октябрьской социалистической революции. Неприятие диктатуры пролетариата, контрреволюционная политика в период гражданской войны, попытка сыграть роль «третьей силы» привели эту партию к гибели.

Значительное место в работах Гусева отведено вопросам, связанным с причинами выделения из партии социалистов-революционеров левого крыла, впоследствии — партии левых эсеров. Он выдвигает на первое место такие факторы, как процесс левения масс, рост крестьянского движения в стране и недовольство партийных низов официальной линией руководства. В своих работах Гусев уделяет большое внимание блоку большевиков с левыми эсерами — вопросу, являющемуся важнейшей составной частью проблемы эволюции и политического банкротства партии левых эсеров. Гусев выступает против неверного и упрощенного подхода к этой теме, имевшего место в исторической литературе 30—50-х годов. Большевики, как утверждали тогда авторы некоторых работ, согласились на блок с левыми эсерами исключительно для того, чтобы «обезвредить» их, чтобы дать возможность массам «убедиться в их подлинной сущности»¹⁹. Гусев доказывает, что целью блока являлось завоевание большевиками прочного большинства в деревне, укрепление союза рабочего класса и крестьянства²⁰. Говоря о предпосылках заключения блока, он отмечает, что революционно-демократические требования левых эсеров объективно совпадали с общедемократическими требованиями большевиков, их осуществление должно было обеспечить завершение буржуазно-демократической революции. Большевики, пишет автор, не преувеличивали «революционности» левых эсеров, видя в них лишь наиболее радикальных из буржуазно-демократических идеологов крестьянства. Автор показывает, что отход левых эсеров от большевиков явился закономерным явлением, вызванным углублением социалистической революции, мелкобуржуазным революционаризмом левых эсеров, их тяготением к буржуазии. Разрыв ими правительственного блока с большевиками и последующее вооруженное выступление против Советской власти, по мнению Гусева, привели к политическому и организационному краху пар-

¹⁹ *Хмылов П. Н.* К вопросу о борьбе большевиков против соглашательства «левых» эсеров в дни Октября. — Учен. зап. Московского гос. библиотечного ин-та. 1957, вып. 3, с. 25.

²⁰ *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции, с. 182.

тий левых эсеров. Во второй половине 1918 г. на ее основе возникли две новые партии («революционных коммунистов» и «народников-коммунистов»), оставшаяся же немногочисленная часть бывшей партии ушла в подполье.

Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии находится в центре исследования Ю. И. Шестака²¹. Он рассматривает эволюцию партии левых эсеров и выделившихся из ее состава партий и политических групп до их полного исчезновения с исторической арены. Шестак обращается и к вопросу о заключении блока большевиков с левыми эсерами, анализирует причины его разрыва. Выводы Шестака о причинах кратковременности блока в основном совпадают с точкой зрения Гусева.

Следует заметить, что в современной исторической литературе иная точка зрения на причины кратковременности блока большевиков с левыми эсерами высказана А. М. Малашко, который главную причину непрочности блока видит в том, что в основе соглашения отсутствовали обязательные принципы, «от соблюдения которых зависит устойчивость блока партий внутри социалистической демократии»²². Однако упомянутые им принципы (признание руководящей роли рабочего класса и его партии, отказ от создания организованной антикоммунистической оппозиции в государственных органах и обязательная для обеих сторон программа мер, направленных на строительство нового общества) фактически были разработаны и приняты при создании блока большевиков и левых эсеров, что и отмечалось критиками точки зрения Малашко²³. Известно, что условия сотрудничества большевиков с мелкобуржуазными партиями были выработаны на II Всероссийском съезде Советов. Они заключались в обязательстве меньшинства проводить одобренную делегатами съезда программу, состоящую в «постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму»²⁴. Представители левых эсеров, вошедшие в состав Совета народных комиссаров, обязались проводить общую линию правительства, направленную на социалистическое переустройство общества. Именно это позволило В. И. Ленину говорить о том, что блок большевиков с левыми эсерами «покоился на самых ясных и очевидных началах»²⁵.

В течение длительного времени менее других были изучены вопросы политического банкротства анархистских групп и течений, эсеров-максималистов, социал-демократов-интернационалистов. Сейчас этот пробел в значительной степени ликвидирован.

²¹ Шестак Ю. И. Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов». М., 1974.

²² Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969, с. 152.

²³ Вопросы истории КПСС, 1970, № 12.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 76.

²⁵ Там же, с. 263.

Истории российского анархизма и его краха посвящены работы В. В. Комина и С. Н. Канева²⁶. Монография Канева «Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма 1917—1922 гг.)», как отмечалось в рецензиях на книгу²⁷, является по существу первым исследованием, раскрывающим историю анархизма в России, его идеологическое и организационное банкротство после победы Октябрьской революции. Канев показал, что социальной опорой анархистов являлись в основном деклассированные элементы, выходцы из различных слоев мелкой буржуазии. Он подверг анализу программные и тактические взгляды анархистских групп и федераций. Основное внимание в книге уделено борьбе большевиков с анархистами по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Советского государства, разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов. Автор впервые в исторической литературе раскрыл процесс распада и ликвидации анархистских организаций в 20-х—начале 30-х годов XX в.; последняя из них — анархистская секция «Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина» — закончила свою деятельность к 1935 г.

В последние годы появились статьи, посвященные эволюции и идейно-политическому краху социал-демократов-интернационалистов²⁸ и эсеров-максималистов²⁹. Однако они не исчерпывают в полном объеме проблему банкротства и гибели этих политических организаций.

Обращаясь к изучению истории эволюции, идеологического и организационного краха мелкобуржуазных партий, исследователи проделали большую работу по выявлению числа их членов. Обнаруженные материалы позволяют более глубоко раскрыть процесс распада партий, помогают определить их реальную силу и степень влияния в массах на разных этапах революции.

Имеются различные сведения о численности меньшевиков в канун Октября. По сведениям журнала «Партийные известия» (центрального органа меньшевиков), в августе 1917 г. они объединяли 205 тыс. чел. Иная, несколько меньшая цифра (193 172 чел.) фигурирует в опубликованных материалах Объединительного съезда меньшевиков, состоявшегося во второй половине августа 1917 г.³⁰ Антинародная политика руководства партии привела к

²⁶ *Комин В. В.* Анархизм в России. Калинин, 1969; *Канев С. Н.* Крах русского анархизма.— Вопросы истории, 1968, № 9; *Он же.* Октябрьская революция и крах анархизма: (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917—1922 гг.). М., 1974.

²⁷ Вопросы истории КПСС, 1975, № 2.

²⁸ *Совокин А. М.* О партии социал-демократов-интернационалистов.— Вопросы истории КПСС, 1967, № 1.

²⁹ *Жуков А. Ф.* Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики максимализма социалистов-революционеров.— В кн.: Идеи Ленина живут и побеждают. Л., 1970; *Он же.* Банкротство эсеров-максималистов.— Вопросы истории, 1977, № 1.

³⁰ *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), с. 53.

выходу из ее состава рядовых членов. К маю 1918 г. численность меньшевиков сократилась более чем в три раза ³¹.

Официальных материалов о численности социалистов-революционеров в канун и после Октября не обнаружено. Некоторые историки, например К. В. Гусев и Х. М. Астрахан, объясняют это отсутствием у эсеров учета членов партии в современном понимании. В связи с этим исследователи вынуждены были прибегнуть к косвенному пути для определения количества эсеров. В некоторых трудах по истории мелкобуржуазных партий, опубликованных в 60-е годы XX в., говорилось, что весной 1917 г. социалисты-революционеры объединяли приблизительно 400 тыс. чел. В работах последних лет появились иные сведения об их численности. Так, Астрахан считает, что в указанный период в составе партии эсеров находилось около 700 тыс. членов ³². По данным Спирина, в 1917 г. насчитывалось более 500 тыс. социалистов-революционеров, а формально записавшимися в партии числилось около 1 млн. чел. ³³ Разноречивость приведенных цифр свидетельствует об отсутствии у исследователей единой методики в определении фактической численности эсеров.

Количество левых эсеров, действовавших на политической арене страны накануне Октябрьской революции, точно не установлено. Выявлены лишь данные о сети левоэсеровских организаций в конце 1917 — начале 1918 г. Как установили Гусев и Х. А. Ерицын, организации левых эсеров имелись в этот период не менее чем в 300 из 678 уездов 79 губерний России ³⁴. В апреле 1918 г. в партии левых эсеров насчитывалось 62,5 тыс. чел., в конце июня — уже около 80 тыс. Антисоветские вооруженные выступления, организованные лидерами партии, привели к ее расколу; к октябрю 1918 г. численность левых эсеров уменьшилась до 30 тыс. ³⁵

В исследованиях последних лет приводятся данные о количественном составе и других мелкобуржуазных партий, однако они все еще недостаточно полны, а в отдельных случаях и разноречивы, мало исследована их динамика.

В работах 60—70-х годов XX в. по истории мелкобуржуазных партий уделено большое внимание выяснению их социального состава. В уже упоминавшихся работах Рубана, Спирина, Астрахана предпринята попытка выяснить, что представляли собой меньшевики в социальном отношении. Рубан проанализировал анкеты

³¹ Рубан Н. В. Указ. соч., с. 385.

³² Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г., с. 233.

³³ Исторический опыт Великого Октября, с. 163.

³⁴ Гусев К. В., Ерицын Х. А. Указ. соч., с. 192—193.

³⁵ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции, с. 246, 258; Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей, с. 337.

делегатов меньшевистских съездов и конференций, проходивших в период между Февральской и Октябрьской революциями. Изучение анкетных данных позволило ему сделать вывод, что после Февральской революции партия меньшевиков росла в основном за счет таких мелкобуржуазных групп населения, как мелкие чиновники, офицеры и мещане, а также за счет части рабочих (наиболее высокооплачиваемых или недавних выходцев из деревни). Рубан осуществил сравнительный анализ анкет делегатов двух съездов — меньшевиков и большевистской партии, проходивших летом 1917 г. Оказалось, что среди 257 делегатов Объединительного съезда меньшевиков находилось лишь 56 рабочих (21,8%). В то же время на VI съезде большевиков присутствовало 70 делегатов-рабочих из 171 (41,2%)³⁶. Эти данные лишней раз подтвердили несостоятельность заявлений меньшевистских лидеров, будто бы их партия являлась рабочей.

Вывод Рубана о социальном составе партии меньшевиков подтверждается исследованием, которое осуществил Астрахан. На основании статистических материалов о составе отдельных местных организаций меньшевиков Астрахан показывает, что в 1917 г. их партия пополнялась в основном за счет ремесленников, служащих и мелкобуржуазной интеллигенции³⁷.

Вопросы социального состава партии социалистов-революционеров рассматривают Гусев, Спирин и другие авторы. Они опираются, как правило, на официальные материалы о социальном составе местных эсеровских организаций, на документы отдельных партийных совещаний. Обнаруженные ими материалы подтверждают тот факт, что после Февральской буржуазно-демократической революции в партию эсеров хлынул поток крестьян, служащих и мещан. «Умело используя благоприятную обстановку и настроение масс, — подчеркивает Гусев, — применяя самые разнообразные методы, в том числе и откровенно демагогические, вроде обещания дать каждому крестьянину 30 десятин земли, руководство партии развернуло вербовку новых членов»³⁸. Факты, приводимые в книгах Гусева, проливают свет на причины гипертрофированного роста партии социалистов-революционеров весной — летом 1917 г., чему способствовали социал-патриотизм, аморфная программа, отсутствие четкой организационной структуры.

Статистические материалы и фактические сведения о социальном составе партий меньшевиков и социалистов-революционеров, обнаруженные исследователями, подтверждают глубокую правильность ленинского вывода, сделанного еще в апреле 1917 г. Эти партии, писал В. И. Ленин, выражают интересы «мелких хозяев,

³⁶ Рубан Н. В. Указ. соч., с. 54.

³⁷ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г., с. 234.

³⁸ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции, с. 98.

мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих»³⁹.

Большое внимание уделяется вопросу о социальной базе левых эсеров. Левые эсеры, как считает Спирин, отражали интересы различных слоев крестьянства — от бедноты до зажиточных середняков и богатых крестьян, но были прежде всего — и до конца оставались — партией среднего крестьянства. Лишь когда летом 1918 г. левые эсеры развернули открытую вооруженную борьбу против Советской власти, они объективно превратились в партию, защищающую интересы деревенской буржуазии⁴⁰.

По мнению Гусева, — и его точка зрения представляется нам убедительной, — нельзя считать выразительницей интересов среднего крестьянства партию, вставшую на защиту кулачества. До весны 1918 г., пишет Гусев, левые эсеры являлись крестьянской партией, но по мере углубления социалистической революции в деревне они все более превращались в партию кулацкую, контрреволюционную⁴¹. Позицию Гусева по вопросу о социальной базе левых эсеров разделяет Ю. И. Шестаков⁴².

В исторической и историко-партийной литературе 60—70-х годов XX в. был подвергнут обстоятельному анализу вопрос, в предшествующие годы почти не исследовавшийся, — о закономерностях возникновения в Советской России однопартийной политической системы⁴³. Историки рассматривают его как составную часть проблемы политического банкротства мелкобуржуазных партий.

В тесной взаимосвязи исследует эти две темы Е. Г. Гимпельсон. Он считает, что до тех пор, пока представители мелкобуржуазных партий избирались в органы власти — Советы и ВЦИК, они обладали политической силой в стране⁴⁴. Когда же вооруженная борьба с диктатурой пролетариата привела к отходу от этих партий трудящихся масс, они перестали избираться в Советы, что отрезало им путь к участию в управлении государством. Временем окончательного складывания однопартийной системы Гимпельсон считает 1920—1921 гг.

В конце 60-х годов XX в. в исторической литературе была высказана и обоснована другая точка зрения о времени складывания однопартийной системы в СССР. По мнению П. Н. Соболева, однопартийная система возникла во второй половине 1918 г. В от-

³⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 31, с. 195.

⁴⁰ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), с. 162, 163.

⁴¹ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции, с. 162, 257.

⁴² Шестаков Ю. И. Банкротство партии левых эсеров. — Вестник МГУ. Сер. История, 1973, № 2, с. 37.

⁴³ Гимпельсон Е. Г. Из истории образования однопартийной системы в СССР. — Вопросы истории, 1965, № 11; Соболев П. Н. К вопросу о возникновении однопартийной системы в СССР. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 8; Малашико А. М. Указ. соч.; Леонов Ф. А. История образования однопартийной системы в советском обществе. Л., 1971.

⁴⁴ Вопросы истории, 1965, № 11, с. 20.

личие от буржуазной многопартийности, считает Соболев, социалистическая многопартийность предполагает признание участвующими в управлении государством партиями руководящей роли рабочего класса и его авангарда. Отказавшись признать ведущую роль большевистской партии и начав вооруженную борьбу с Советской властью, мелкобуржуазные партии сделали невозможным свое участие в управлении страной. Антисоветское выступление левых эсеров в июле 1918 г. и борьба меньшевиков и правых эсеров против диктатуры пролетариата весной — летом 1918 г. привели к их самоустранению от участия в управлении государством.

А. М. Малашко также считает временем появления однопартийности в Советской России вторую половину 1918 г. Аргументируя свой вывод, он обращается к историческим фактам о контрреволюционной деятельности непролетарских партий, прежде всего меньшевиков и правых эсеров, весной — летом 1918 г. Борьба с Советской властью, подчеркивает Малашко, привела к исключению представителей этих партий из состава ВЦИК и местных Советов в июне 1918 г.; в июле того же года их судьбу разделили левые эсеры, поднявшие вооруженный мятеж. Последующая отмена постановления ВЦИК об исключении из Советов меньшевиков и правых эсеров не меняла того факта, что партия большевиков являлась единственной, осуществлявшей всю полноту политического руководства страной.

Работы по истории образования однопартийной системы в Советской России опровергают утверждение буржуазных идеологов о несовместимости многопартийности и социалистического строя. Опыт ряда социалистических стран (например, ГДР, Польши, Болгарии и др.) показывает возможность плодотворного сотрудничества коммунистических и некоммунистических партий в управлении государством. Главными условиями этого сотрудничества являются признание непролетарскими партиями руководящей роли коммунистических и рабочих партий и активное участие в социалистическом строительстве. Вопрос о социалистической многопартийности, имеющий важное политическое значение и лишь кратко затронутый в указанных работах, нуждается в дальнейшей разработке.

Ознакомление с работами по проблеме политического банкротства мелкобуржуазных партий показывает существенный качественный сдвиг в ее изучении.

Стала шире проблематика исследований. Наряду с работами, посвященными эволюции и краху меньшевиков, правых и левых эсеров, появились обобщающие труды по проблеме идейно-политического банкротства мелкобуржуазных партий. Впервые историки обратились к изучению эволюции и распада «Союза социалистов-революционеров-максималистов» и социал-демократов-интернационалистов, к рассмотрению закономерностей складывания в СССР однопартийной политической системы.

Значительно расширилась источниковая база исследований. В научный оборот впервые было вовлечено огромное количество документов мелкобуржуазных партий из центральных и местных архивов. Это позволило историкам более аргументированно критиковать несостоятельность идейно-теоретических концепций и политической практики мелкобуржуазных партий.

Намного активнее, чем в предшествующие годы, к исследованиям привлекалась большевистская печать, газеты мелкобуржуазных партий и др. Примечательной чертой исследований 60—70-х годов XX в. явилось дальнейшее овладение ленинским теоретическим наследием. На основании его велась разработка важнейших методологических и теоретических вопросов, таких, как содержание тактики большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям, критерии возникновения однопартийной политической системы, и др. Все это способствовало подъему теоретического и научного уровня работ.

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы рассматриваемая проблема в целом получила достаточно полное освещение в советской историографии. Необходимо продолжить изучение вопросов, связанных с последним периодом существования и деятельности непролетарских партий. Требуется более углубленное исследование взаимосвязи процесса распада и гибели мелкобуржуазных партий и упрочения ведущих позиций рабочего класса в советском обществе. Предпосылкой и основой последующего изучения проблемы банкротства мелкобуржуазных партий в Советской России служат ленинская методология исследования, поиск и обобщение новых фактических материалов об эволюции и крахе этих партий.

ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ЭКОНОМИСТАМИ И ИСТОРИКАМИ УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА РАБОЧИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Ю. И. Кирьянов

Важность изучения условий труда и быта рабочих при капитализме определяется той ролью, которую эти условия, их изменения играют в развитии революционного процесса, тем воздействием, которое они оказывают на активность и развитие главной революционной силы капиталистического общества — пролетариата. «Позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение», — писал В. И. Ленин¹. Эта же мысль в наиболее общей форме выражена в ленинской формуле революционной ситуации. Один из ее компонентов определяется как «обострение бедствий» или как «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов», которое и приводит к значительному повышению активности масс².

В. И. Ленин придавал большое значение борьбе трудящихся за непосредственные жизненные интересы, за повышение своего жизненного уровня, рассматривая эту борьбу, ее результаты как предпосылку для достижения еще более высокого уровня сплоченности и сознательности рабочих масс. Он отмечал, что «вопрос об улучшении жизни есть... принципиальный и важнейший принципиальный вопрос...»³.

Поэтому не случайно вопросы экономического положения рабочих масс постоянно находились в поле зрения большевистской партии, ее основателя и руководителя В. И. Ленина⁴. Еще в годы Первой русской революции В. И. Ленин указывал на важность создания марксистского труда о положении трудящихся, в частности рабочего класса, капиталистической России. В 1906 г., останавливаясь на одной из работ, в которой характеризовалось положение трудящихся Германии во второй половине XIX в., В. И. Ленин отмечал: «Было бы желательно по некоторым вопросам дополнить эти данные соответствующими русскими. Такая попытка и будет, вероятно, сделана...»⁵. Аналогичное пожелание прозвучало в ле-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 9.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 218, 379.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 21, с. 322—323.

⁴ Кирьянов Ю. И. Ленинский анализ экономического положения пролетариата России. — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1970. М., 1972.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 353—354.

пинской рецензии на брошюру «Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.» (СПб., 1913). «По целому ряду вопросов рабочей жизни,— писал В. И. Ленин,— издание дает массу ценных статистических данных — число рабочих..., женский и детский труд, рабочий день и заработная плата, санитарные условия и охрана труда, заболеваемость и смертность рабочих, алкоголизм, страхование рабочих и т. д., и т. д...»

Все, интересующиеся рабочим вопросом, все профессиональные, страховые и прочие рабочие общества будут, несомненно, пользоваться этой книгой. При следующих изданиях она могла бы и должна бы превратиться в «систематический свод материалов по вопросам положения и охраны труда в России»⁶.

Проблемы уровня жизни различных классов и слоев русского общества, сравнительной оценки положения пролетариата России и других стран постоянно находились в центре внимания В. И. Ленина⁷.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин также неоднократно обращался к вопросам положения трудящихся капиталистической России, естественно, уже в новом ракурсе, стремясь всесторонне показать те улучшения, которые принесла Советская власть рабочим и крестьянам по сравнению с эпохой капитализма⁸.

В этой связи понятен интерес советских экономистов и историков к изучению условий труда и быта, жизненного уровня рабочих капиталистической России как важной составной части исследования одной из кардинальных проблем — истории русского рабочего класса, впервые в мире осуществившего свою историческую миссию — уничтожившего в результате Великой Октябрьской социалистической революции эксплуататорский строй и построившего новое, социалистическое общество.

Советские исследователи исходили при этом из разработанных марксистско-ленинской теорией общих положений, касающихся содержания понятия «экономическое положение пролетариата» и социально-экономических факторов, определявших тот или иной уровень экономического положения рабочих и оказывавших влияние на его изменение.

К общепринятым компонентам понятия «экономическое положение пролетариата» относятся следующие:

1) Заработная плата (формы заработной платы: повременная, сдельная, премиальная, наградная; формы расплаты с рабочими:

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 282.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 98—99, 387; т. 3, с. 416—418; т. 4, с. 268—269; т. 15, с. 139; т. 17, с. 115; т. 22, с. 221; т. 23, с. 35, 360—361, 431; т. 27, с. 358—360.

⁸ См.: В. И. Ленин, КПСС и повышение жизненного уровня трудящихся: Документы и материалы. М., 1975.

денежная, товарами, талонами и т. д.); штрафы и вычеты; соотношение заработков и цен на предметы первой необходимости; структура и соотношение доходов и расходов рабочих;

2) Рабочее и свободное время (длина рабочего дня и рабочего года; сверхурочные работы; свободное время; отпуска, праздничные перемены и т. д.);

3) Условия труда (условия найма; производственная и санитарно-гигиеническая обстановка; профессиональные заболевания; травматизм; медицинская помощь; страхование; пенсия и пособия);

4) Быт (питание, его количественная и качественная стороны; снабжение: продажа товаров из фабричных лавок; жилищные условия; снабжение топливом; образование и культурные учреждения);

5) Занятость в производстве и безработица⁹.

В советской историко-экономической литературе отмечается, что на положение, жизненный уровень рабочих влияют степень развития капиталистического производства и промышленности в стране, политическая система государства, уровень сознательности и организованности рабочих и развития классовой борьбы пролетариата, состояние экономической конъюнктуры.

Характеризуя изменение условий жизни рабочих в связи с развитием производительных сил общества, В. И. Ленин отмечал: «Чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, тем лучше положение рабочего, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства»¹⁰⁻¹¹. Вместе с тем В. И. Ленин указывал на рост нищеты в «пограничных областях» капитализма как в географическом, так и в политико-экономическом смысле (в первом случае имелись в виду страны, в которые только начинал проникать капитализм, порождая нередко не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения, во втором — кустарная промышленность и вообще отрасли народного хозяйства, в которых держались еще отсталые способы производства)¹².

⁹ См.: Кучинский Ю. Условия труда в капиталистических странах: (Теория и методология). М., 1954, с. 77—78; Сидоров А. Н. Предисловие.— Там же, с. 4; Баевский И. Жизненный уровень рабочих СССР растет. М., 1933, с. 16—17; История пролетариата СССР. М., 1934, сб. 2, с. 199—200; Кривицкий М. К вопросу о методологии изучения уровня жизни рабочих.— Проблемы экономики, 1935, № 2, с. 69; Писарев Ю. И. Общие вопросы исследования уровня жизни трудящихся...— В кн.: Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1959, с. 13—14, 25—26; Шкаратан О. И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму.— История СССР, 1964, № 3, с. 17—18; Лившин Я. И. О жизненном уровне промышленного пролетариата в капиталистических странах: (Учебное пособие). М., 1967, ч. 1, с. 12; Левин Б. М. Уровень жизни: доходы, потребление, досуг. М., 1970, с. 3.

¹⁰⁻¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 139.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

Существенное влияние на уровень жизни рабочих оказывали степень развития капиталистических отношений, соотношение сфер народного хозяйства с различным уровнем экономического развития, отсутствие или сохранение пережитков феодализма в виде помещичьего землевладения. В. И. Ленин писал, что в России разоряемая деревня постоянно поставляла сотни тысяч и миллионы свободных рабочих рук, а громадная армия бедствующих и голодающих крестьян сбивала цены на труд в промышленности, что положение крестьян тянуло вниз рабочего¹³. В России же в сферах производства, характеризующихся по уровню развития как «пограничные области» капитализма, была занята не только большая часть крестьянства, но и значительная часть пролетариата (в конце XIX в. из 10 млн. наемных рабочих — 3,5 млн. сельскохозяйственных, 3 млн. строительных, лесных рабочих, чернорабочих и т. п., около 2 млн. рабочих-«кустарей»). Не случайно, говоря о росте социальной и физической нищеты в «пограничных областях» капитализма, В. И. Ленин писал: «Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране»¹⁴.

Существенное влияние на уровень жизни промышленного пролетариата оказывал тип непосредственно крупного капитала. Отмечая наличие передовых, развитых его форм, В. И. Ленин указывал на распространенность в России так называемого «октябристского», отсталого капитала. Буржуазию же октябристского типа он характеризовал как хищников первоначального накопления, грубых, жадных, паразитических¹⁵.

В. И. Ленин указывал на определенную связь между уровнем экономического положения пролетариата (величиной заработков, продолжительностью рабочего дня и рабочего года, санитарными условиями труда и т. п.), с одной стороны, и размерами предприятий, их технической оснащенностью, расположением предприятия в городе или сельской местности, работой в помещении предприятия или на дому, степенью оторванности рабочих от сельского хозяйства, соотношением постоянной и временной рабочей силы, работой непосредственно на предпринимателя или на скупщика — с другой. В рецензии на книгу И. М. Козьминых-Ланина «Рабочий день и рабочий год в Московской губернии» В. И. Ленин писал: «Если бы проследить различия в длине рабочего года в зависимости от технической постановки фабрик (ручные и механические двигатели и т. д.), то можно было бы найти, без сомнения, целый ряд интереснейших указаний на условия жизни населения, на положение рабочих, на эволюцию нашего капитализма и т. д.». И в другом месте той же рецензии отмечалось, что

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 88—89; т. 4, с. 290; т. 23, с. 21.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 219.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 141; т. 21, с. 148; т. 23, с. 106; т. 48, с. 12—13.

мелкие фабрики «не способны создать постоянных кадров пролетариата,— значит, здесь рабочие более „связаны“ землей, вероятно, хуже оплачиваются...»¹⁶.

В этой связи нельзя не обратить внимание и на указания классиков марксизма-ленинизма изучать положение пролетариата в региональном и отраслевом аспектах. «Между отдельными странами, областями и даже местностями,— отмечал Ф. Энгельс,— всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью»¹⁷. В такой же огромной стране, как Россия, существовало «особенно значительное разнообразие экономических условий... отдельных слоев пролетариата в разных районах»¹⁸.

В. И. Ленин неоднократно отмечал определенные различия в экономическом положении и уровне жизни не только промышленных и непромышленных рабочих, но и отдельных отрядов промышленного пролетариата (металлистов, текстильщиков, печатников, шахтеров)¹⁹, а также рабочих таких районов и центров, как Петербург, Москва, Украина, Юг, Урал, Рига, Польша и др.²⁰ Эти различия в известной мере обуславливались степенью индустриализации той или иной отрасли производства, того или иного района, отраслевой структурой промышленности, близостью к развитым сельскохозяйственным районам, а также историческими и географическими факторами развития.

В. И. Ленин указывал на тесную взаимосвязь вопроса об уровне жизни рабочего класса с вопросом о политической системе государства, степени развития в нем демократизма. Царизм в России являлся пережитком феодальной эпохи. Его существование способствовало сохранению самых неразвитых, отсталых форм капитализма и вместе с тем создавало для рабочих и крестьян «страшные трудности борьбы за освобождение»²¹. С сохранением царизма были несовместимы обычные в других капиталистических странах буржуазно-демократические свободы. Между тем, как отмечал В. И. Ленин, «прежде всего, больше всего нуждается в этих свободах пролетариат, которого бесправие русской жизни связывает по рукам и ногам в необходимой для него борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, за улучшение жизни»²².

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 37; т. 2, с. 364—365, 374, 391—392; т. 3, с. 468—469; т. 22, с. 32.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 104.

¹⁸ Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г. Женева, 1901, с. 10.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 273; т. 19, с. 323, 343, 421; т. 20, с. 341; т. 30, с. 314.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486—487; т. 17, с. 112; т. 6, с. 152—153.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 300—301; т. 4, с. 185.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 204, 221—222.

Важнейшее влияние на повышение жизненного уровня рабочих оказывало развитие классовой борьбы пролетариата, происходившей под влиянием роста его сознательности и организованности, его потребностей и запросов. «В целом с ростом организованности рабочих растет и их сопротивление, так что общее положение рабочих — в среднем — несколько улучшается, — отмечал Ф. Энгельс в 1891 г., — и никакой кризис не может снова свести его на продолжительное время *ниже* или даже только *до* исходного пункта, то есть до того *самого низкого уровня*, к которому оно было низведено предыдущим кризисом»²³. Подобные высказывания находим и у В. И. Ленина. «Пятый год, — писал он, — поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий»²⁴.

Определенное положительное значение имела деятельность земских, городских и фабрично-заводских врачебно-санитарных организаций и учреждений, способствовавшая некоторому улучшению санитарных условий жилищ, некоторому благоустройству поселков и рабочих кварталов, известному улучшению медицинского обслуживания рабочих²⁵. В. И. Ленин заметил в 1901 г., что созданные земством врачебные учреждения принесли «значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению...»²⁶.

Таким образом, равнодействующая факторов, влиявших на изменение жизненного уровня пролетариата, складывалась из многочисленных и весьма противоречивых тенденций развития, при этом в России сила факторов, тормозивших и сдерживавших повышение уровня жизни пролетариата, была особенно значительной.

Изучение положения пролетариата России началось еще до Великой Октябрьской социалистической революции. В числе авторов, в той или иной мере исследовавших эту проблему в историческом плане, можно назвать В. И. Семевского, К. А. Пажитнова, В. Тотомианца, Н. Раппельсона, М. Розена, А. Свавицкого и В. Шера, С. Бернштейна-Когана, А. Финна-Енотаевского, А. Н. Опацкого и некоторых других²⁷.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 50.

²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 27.

²⁵ См.: Мицкевич С. И. Записки врача-общественника (1888—1918). М., 1969, с. 66.

²⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 5, с. 49.

²⁷ Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: Историческое исследование. СПб., 1898. Т. I (до 1870 г.); Т. II (1870 — середина 90-х годов XIX в.); Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906; 2-е изд. СПб., 1908; Тотомианц В. Экономическое положение рабочего класса России. — Образование, 1906, № 4, с. 84—123; Раппельсон Н. О. Положение рабочих на сахарных заводах. Киев, 1906; 2-е изд. М., 1907; Розен М. Очерк положения торгово-промышленного пролета-

В основном это была литература «казенного» толка (ее авторами являлись фабричные инспектора — А. Н. Опацкий и др.) или мелкобуржуазного направления (К. А. Пажитнов, А. Свамицкий, В. Шер, А. Финн-Енотаевский и др.).

Лучше других в подобного рода литературе получили освещение вопросы рабочего времени, номинальной заработной платы, жилищных условий, травматизма и заболеваемости рабочих. Слабо или совершенно неразработанными остались вопросы реальной заработной платы, бюджетов и питания рабочих, безработицы, соотношения рабочего и свободного времени. При этом вопросы положения пролетариата рассматривались вне связи с социально-экономическим развитием страны, ростом сознательности и организованности пролетариата, его требований и запросов, вне связи с ростом социальной нищеты и необеспеченности существования. В хронологическом отношении хуже других периодов были освещены 60-е — начало 70-х годов XIX в. и канун Первой мировой войны, что ограничивало пределы для сопоставлений показателей во времени. Многие недостатки исследований проистекали из состояния, узости и неразработанности источниковой базы. Ежегодный учет показателей, характеризовавших некоторые стороны положения рабочих страны или отдельных ее регионов (заработную плату, штрафы, типы жилых помещений), стал осуществляться лишь с 1900 г. («Сводами отчетов фабричных инспекторов», материалами статистического бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России и др.). Сведения же по таким вопросам, как рабочее время, жилищные условия рабочих, и по некоторым другим носили «отрывочный» характер. Самое же главное заключалось в том, что учет ряда показателей (о заработной плате, рабочем дне, типе жилой квартиры) в различные периоды производился по различной программе, что затрудняло сравнение этих показателей во времени. Некоторые важные стороны положения рабочих обследовались редко (бюджеты, питание рабочих). К этому следует добавить крайне неточные, заниженные сведения официальных источников о размерах штрафов, продолжительности сверхурочного времени, травматизме. В досоветской литературе эти показатели не подвергались критическому анализу.

При этом «казенная» и буржуазная литература стремилась всячески приукрасить положение пролетариата, преследуя цель показа возможностей «мирного сосуществования» рабочих и капи-

риата в России. СПб., 1907; *Свамицкий А., Шер В.* Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. СПб., 1909; Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909; *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910; *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство. 1890—1910 гг. СПб., 1911 (В книге имеются разделы «Положение рабочего класса в 1903—1910 гг.» и «Движение заработной платы и товарных цен»); *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912.

талистов, а мелкобуржуазная литература (прежде всего меньшевистская), хотя и констатировала тяжелые условия труда и быта, но не шла далее этого, сосредоточивая внимание на возможности их улучшения при капитализме.

Однако уже в конце XIX — начале XX в. появились работы революционных социал-демократов, большевиков, в которых освещение условий труда и быта рабочих давалось с классовых позиций пролетариата, с позиций его революционной борьбы с царизмом и капитализмом. К их числу относились прежде всего произведения В. И. Ленина. Достаточно вспомнить такие его работы, как «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895 г.), «Новый фабричный закон», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» (1897 г.), «Развитие капитализма в России» (1896—1899 гг.), «О промышленных судах» и «О стачках» (1899 г.), «Уроки кризиса» (1901 г.), «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России», «Стачная борьба и заработная плата», «Рабочий день на фабриках Московской губернии», «Рабочий день и рабочий год в Московской губернии» (1912 г.), «Строительная промышленность и строительные рабочие», «Язык цифр», «Капитализм и женский труд», «Об одном открытии», «Дешевое мясо для „народа“» (1913 г.), «Заработная плата сельских рабочих» (1914 г.), статьи и материалы, связанные с разработкой первой и второй партийных программ, и др.

По различным вопросам положения пролетариата писали многие революционные социал-демократы, большевики: И. И. Скворцов-Степанов, С. Г. Шаумян, Д. И. Курский, В. П. Ногин (М. Нов—лов; М. Новоселов), А. В. Шестаков (Никодим), К. Н. Самойлова, А. Н. Винокуров (Вив., Врач, А. Н.), С. М. Киров, Г. И. Петровский, Н. А. Вигдорчик, М. С. Ольминский (Александров), А. М. Стопани, В. Я. Канель, П. И. Воеводин (С. Путник), С. К. Алавердян и др.²⁸ В работах В. И. Ленина, революци-

²⁸ См.: *Шаумян С. Г.* Избранные произведения: В 2-х т. М., 1957. Т. 1 (1902—1916 гг.); *Курский*. Положение деревообделочников в Москве.— Рабочий союз, 1906, № 7; *Новоселов М.* Обострение экономической нужды и классовой борьбы пролетариата и современный момент.— В кн.: Темы дня, М., 1907; *Нов—лов М.* Как живет московский рабочий.— Профессионал, М., 1907, № 1; *Никодим*. Сельские рабочие: Их жизнь и борьба. СПб., 1907; *Стопани А. М.* Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих... Баку, 1910; *Канель В. Я.* Питание, как вопрос социальной жизни.— В кн.: Рубнер М. Питание и пищевые продукты. М., 1909; *Вигдорчик Н.* Социальное страхование: Систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб., 1910; *Он же*. Детская смертность среди рабочих: (По данным анкеты). М., 1914; *Путник С.* В Бакинском районе: (Из впечатлений счетчика на переписи).— Просвещение, СПб., 1914, № 6; *Алавердян С. К.* Жилищный вопрос в Москве (1915 г.). Ереван, 1961.

См. также: *Амешина Г. М.* Библиография трудов И. И. Скворцова-Степанова.— В кн.: История и историки. Историографический ежегодник, 1971. М., 1974; *Мостиев Б. М.* С. М. Киров о разрушительном воздействии

онных социал-демократов, большевиков жизненный уровень рабочих России на всем протяжении капиталистической эпохи характеризовался как низкий, нищенский. Накануне первой мировой войны В. И. Ленин отмечал, что заработная плата рабочих страны «настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен... всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы»²⁹.

Продолжительный рабочий день и короткий досуг, низкая, нищенская заработная плата большинства рабочих, часто неудовлетворительное в качественном и количественном отношении питание, неблагоустроенные жилища, несоответствующее в большинстве случаев санитарно-гигиеническим нормам жилищно-бытовые условия, повышенные заболеваемость и травматизм рабочих, неудовлетворительное медицинское обслуживание, нехватка средств для получения образования детьми — такова характеристика различных сторон условий труда и быта пролетариата России, которую мы встречаем в работах революционных социал-демократов, и прежде всего в работах В. И. Ленина³⁰.

Произведения В. И. Ленина, революционных социал-демократов, большевиков содержали не только богатый конкретный материал об условиях труда и быта пролетариата, но показывали образец анализа, критики официальных источников и вместе с тем использования этого материала в интересах самого рабочего класса, развертывания и углубления революционной борьбы. Лишь революционные социал-демократы, большевики подчиняли освещение вопросов условий труда и быта пролетариата раскрытию и разоблачению эксплуататорской сути капиталистических производственных отношений и развертыванию и усилению рабочего движения, которое они направляли не только на улучшение положения рабочих, но и на уничтожение всей системы капиталистической эксплуатации. «„Северная Правда“, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — боролась за малейшее улучшение рабочей жизни и условий рабочей борьбы, но она делала это не по-либерально-

капиталистической эксплуатации и гяжелых материальных условий на здоровье трудящихся масс: (По материалам революционной публицистики, 1909—1917 гг.). — Советское здравоохранение. М., 1965, № 10; *Он же*. Революционная публицистика С. М. Кирова. 1909—1917 гг. Орджоникидзе, 1973. В книге имеется раздел «С. М. Киров о положении рабочего класса...»; *Бейлижис Г. А.* Врачи-большевики дореволюционной России в борьбе за охрану здоровья рабочих. — В кн.: XII Всесоюзный съезд гигиенистов, эпидемиологов...: Тезисы докладов. Л., 1956. Кн. 1; *Он же*. Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих в СССР. М., 1971, с. 43, 50, 53, 56, 73.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 146.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Кириянов Ю. И.* Ленинский анализ экономического положения пролетариата России, с. 201—203 и след.

му...»³¹ В отличие от реформистов революционные социал-демократы, большевики подчеркивали, что экономическая борьба сама по себе, без сочетания с политической борьбой, не дает сколько-нибудь существенных результатов, не обеспечивает закрепления завоеваний пролетариата. В России, как отмечал В. И. Ленин в 1905 г., лишь революционно-демократическая диктатура сможет в лучшем случае осуществить коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, «вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня...»³².

Благодаря работам В. И. Ленина и его соратников еще в до-советское время была заложена основа марксистской разработки проблемы.

Изучение положения рабочего класса капиталистической России с подлинным размахом и глубиной развернулось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

После Октября 1917 г. исследование многих сторон положения пролетариата ко времени революции и к кануну Первой мировой войны приобрело практический интерес: исходные сведения о заработной плате, жилищных условиях, медицинском обслуживании, страховании должны были учитываться партией и правительством при разработке вопросов внутренней политики. Вместе с тем выявление картины условий труда и быта рабочих в капиталистической России имело значение и для показа тех достижений, которые были связаны с победой социалистической революции и утверждением Советской власти. Поэтому уже в первые годы после Октября работа по обследованию положения рабочих, сбору и публикации неизвестных ранее материалов фабричной инспекции, систематизации литературы приобрела довольно широкий размах. В этом отношении достаточно указать на проведенную уже в 1918 г. промышленно-профессиональную перепись, благодаря которой были получены сведения о заработной плате в 1913—1917 гг., а также о жилищных условиях рабочих.

Уже в первые годы Советской власти ряд учреждений занялся сбором, публикацией материалов и разработкой вопросов положения пролетариата капиталистической России.

В их числе были созданный в 1918 г. Отдел статистики Петроградского областного комиссариата труда (с 1919 г. — Отдел статистики общероссийского Народного комиссариата труда, ВЦСПС,

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 13.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44—45.

ЦСУ). Этот отдел под редакцией С. Г. Струмилина стал издавать «Материалы по статистике труда Северной области» (вып. 1—3), а с 1919 г. — как продолжение названного выше издания — «Материалы по статистике труда» (вып. 4—10), где были опубликованы «Библиография по статистике труда» (вып. 1), статьи и документы о заработной плате и ценах, питании рабочих, рабочем времени, травматизме и страховании рабочих (вып. 2, 3, 10). Однако деятельность Отдела статистики свелась в основном лишь к расширению источниковой базы исследования проблемы, а не к разработке самой проблемы.

Существенную роль в этом же отношении сыграло создание комиссий по изучению истории профессионального движения рабочих России в целом и профессионального движения рабочих отдельных производств. «Комиссия ВЦСПС по изучению профессионального движения» (Истпроф ВЦСПС) была образована на правах отдела ВЦСПС 22 июня 1921 г., а несколько позднее были образованы комиссии при ЦК союзов металлистов, текстильщиков, кожевников и др., а также отделения истпрофов на местах. Одной из задач всех этих комиссий являлся сбор и систематизация фактического материала и подготовка очерков о жизни и борьбе, условиях труда и быта, профессиональном движении, революционной деятельности рабочих различных отраслей производства в капиталистической России³³.

Библиотечный фонд кабинета Истпрофа ВЦСПС по вопросам труда, профессионального и революционного движения насчитывал к началу 30-х годов³⁴ свыше 20 тыс. книг и журналов. Здесь было сосредоточено около 80% дореволюционной профессиональной и профсоюзной прессы, значительное количество ведомственной литературы и других изданий, представлявших уже тогда библиографическую редкость. Кроме того, в кабинете были собраны коллекции перепечатанных материалов (в основном, подобранных по тематическому принципу) из 300 различных периодических и неперiodических изданий, а также коллекции перепечаток архивных документов. В архиве кабинета насчитывалось «свыше тысячи папок исторических материалов, извлеченных путем перепечатки из разных государственных, общественных и частных архивов дореволюционного времени»³⁵.

Некоторые интересные материалы об условиях труда и быта рабочих капиталистической России были опубликованы на страницах неперiodического органа Истпрофа — «Материалы по истории

³³ См.: ЦГАОР СССР, ф. 6935, оп. 1, д. 1, л. 4.

³⁴ Комиссия Истпрофа при ВЦСПС прекратила свое существование в апреле 1930 г. в связи с образованием при Институте истории Коммунистической академии подсекции истории профессионального движения.

³⁵ Хроника. Истпроф ВЦСПС. — В кн.: История пролетариата СССР. М., 1930, сб. 1, с. 292; См. также: *Кириянов Ю. И., Шалагинова Л. М.* Материалы фондов Комиссий истпрофов как источник по истории рабочего класса России. — Вопросы истории, 1978, № 5, с. 137—146.

профессионального движения в России» (М., 1924—1927, сб. 1—5), а также в виде отдельных изданий³⁶.

Уже в конце 20-х годов материалы истпрофов, как и документы государственных архивов, стали вводиться рядом исследователей (А. М. Панкратовой и др.) в научный оборот³⁷, что существенно расширило и обогатило источниковую базу проблемы.

Наряду с названными учреждениями и научными центрами, с 1921 по 1925 г. при Петроградском городском совете профессиональных союзов развернула работу Ученая комиссия по исследованию истории труда в России. Ее печатным органом стал «Архив истории труда в России» (1921—1923 гг., кн. 1—10). В 1924—1925 гг. это издание продолжалось под названием «Труд в России». Комиссия разработала и опубликовала программу деятельности и более или менее регулярно печатала интересные архивные документы, а также специальные, хотя в основном локального характера, исследования, преимущественно относящиеся к XIX в. Большинство работ, опубликованных на страницах указанных изданий Ученой комиссии, не выходило за рамки мелкобуржуазной историографии (в частности, статьи о положении рабочих К. А. Пажитнова, Ф. Семенова-Булкина и др.)³⁸.

Аналогичная комиссия была создана при Киевском совете профессиональных союзов. Ею был выпущен сборник «Труд и борьба» (Киев, 1924).

В самом начале 20-х годов в Социалистической академии был создан кабинет по истории рабочего класса, в одну из задач которого входило исследование различных аспектов положения пролетариата³⁹. Известным результатом деятельности кабинета явилась подготовка С. И. Каплуном публикации «Указателя русской литературы по положению рабочего класса» (вначале на страницах «Вестника Социалистической академии» за 1923—1925 гг., а затем в виде самостоятельного издания).

Чрезвычайно важным для разработки вопросов положения пролетариата была публикация произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В этой связи весьма показательным является издание уже в первые годы Советской власти «Рабочей анкеты» К. Маркса, определявшей «программу» изучения условий труда и быта рабочих⁴⁰. Особое значение для разработки вопросов поло-

³⁶ Текстили в годы первой революции (1905—1907 гг.): Материалы по истории профдвижения текстильщиков Центрально-промышленного района. М., 1925.

³⁷ Панкратова А. М. Текстильщики в революции 1905—1907 гг.— В кн.: Пролетариат в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1930, с. 70, 92, 107 и след.

³⁸ Подробное освещение вопроса см.: Изяченко Т. А. Деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России (1921—1925 гг.).— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 244—253.

³⁹ Вестник Социалистической академии, 1922, № 1, с. 202—203.

⁴⁰ Статистика труда, 1919, № 11—12; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 237.

жения пролетариата капиталистической России имел выход в свет в 20-е годы Собрания сочинений В. И. Ленина.

Нельзя не отметить и публикацию в 20-х годах материалов революционной социал-демократии, большевиков — прежде всего текстов газет «Искра» (1900—1903 гг.), «Вперед», «Пролетарий» (1905 г.), «Новая жизнь» (1905 г.), «Звезда» (1910—1912 гг.), «Правда» (1912—1914 гг.), докладов местных комитетов II и III съездам РСДРП, а также мемуаров передовых рабочих — П. А. Моисеенко и др. Публикация этих материалов не просто расширяла источниковую базу исследования проблемы, но давала освещение тех или иных вопросов с позиций революционной социал-демократии.

Вместе с тем в 20-е годы исследователи впервые получили доступ к обширнейшему, ранее недоступному документальному материалу государственных архивов, центральных и местных.

Обобщение уже известного и выявленного в архивах материала привело к созданию новых или переизданию со значительными дополнениями работ, опубликованных еще до 1917 г.

Уже в первые годы Советской власти появились работы Л. А. Либермана, К. А. Пажитнова, М. С. Балабанова, Ф. Семенов-Булкина, А. Гусева, В. Лаврентьева, Л. М. Клейнборта, Ю. И. Гессена, С. Г. Струмилина, Б. Г. Данского, Е. О. Кабо и др.⁴¹, в которых предпринимались попытки охарактеризовать как различные стороны условий труда и быта, так и положение рабочих в целом. Авторы этих работ порой резко различались не только по стажу и опыту научной деятельности (некоторые начали печататься еще до революции, перед другими только революция открыла двери в науку), но и по исходным идейно-классовым и методологическим позициям. Ряд авторов являлись большевиками с дореволюционным стажем (Б. Г. Данский), другие же до Октября 1917 г. примыкали к мелкобуржуазным течениям

⁴¹ *Либерман Л.* В угольном царстве: Очерк условий труда и развития промышленности в Донецком бассейне. Пг., 1918; *Он же.* В стране черного золота: Очерк развития заработной платы и революционного движения горнорабочих в Донбассе. М., 1926; *Гусев А.* Экономическое и правовое положение пролетариата в России к концу 1905 г.—Труды Ин-та Красной профессуры, М.; Пг., 1923, т. 1; *Семенов-Булкин Ф.* На заре профдвижения: История Петербургского союза металлистов. М.; Л., 1924; *Фомин П. И.* Горная и горнозаводская промышленность Юга России. Харьков, 1924. Т. I—II; *Клейнборт Л.* История безработицы в России. 1857—1919 гг. М., 1925; *Лаврентьев В.* Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата). Харьков, 1925; *Данский Б. Г.* Социальное страхование раньше и теперь. М., 1926, *Кабо Е.* Питание русского рабочего до и после войны: По статистическим материалам 1908—1924 гг. М., 1926; *Покшишевский В. В.* Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917 гг.). Баку, 1927; *Гессен Ю.* История горнорабочих СССР. М., 1929. Т. II (вторая половина XIX в.); *Струмилин С. Г.* Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900—1914 гг.—Плановое хозяйство, 1926, № 9; *Он же.* Оплата труда в России: Деятнадцатый век.—Плановое хозяйство, 1930, № 7-8.

(К. А. Пажитнов, М. С. Балабанов, Л. А. Либерман), что нашло отражение и в их работах, вышедших уже в советское время.

Из изданных в 20-е годы работ наиболее «широкоохватная» по замыслу принадлежала перу К. А. Пажитнова, который, расширив хронологические рамки и дополнив свою монографию 1906—1908 гг., выпустил ее в виде трехтомного издания: Пг., 1923, т. I (период крепостного права); Л., 1924, т. II (1861—1905 гг.); Л., 1924, т. III (1905—1923 гг.). Второй и третий тома были написаны по той же программе, что и книги 1906 и 1908 гг. (в III томе была лишь добавлена глава о рабочих организациях). Кроме того, им была выпущена монография «Очерки рабочего класса на Украине» (Харьков, 1927), в которой значительное место уделялось экономическому положению пролетариата. Однако труд Пажитнова — при всех положительных моментах сводной работы — уже не отвечал тогдашним требованиям, предъявлявшимся к исследованию истории рабочего класса. Поэтому работы Пажитнова и некоторых других исследователей подверглись серьезной критике со стороны историков, утверждавших ленинскую методологию изучения проблемы и занимавших уже в те годы ведущее положение на историческом фронте.

В рецензии А. В. Шестакова на 3-томное сочинение Пажитнова указывалось на необоснованность структуры исследования (она осталась такой, как и в прежних изданиях) и на неприемлемость периодизации (период крепостного труда; свободного договора в условиях самодержавного режима; революционный период). Шестаков отметил, что автор подменил в своем исследовании социальную основу «юридической» и характеризовал период «свободного договора» (по терминологии Пажитнова) с неверных позиций старого «академизма». Ошибочно оценивались К. А. Пажитновым и последствия манифеста 17 октября 1905 г. Рецензент указал на недостаточно глубокое и всестороннее исследование эксплуатации рабочих и неверное объяснение причин роста недовольства пролетариата (у К. А. Пажитнова они сводились к отсутствию права коалиций и свобод в России)⁴².

Наиболее слабо в исследовании Пажитнова оказался освещенным период 1905—1913 гг. Основная часть III тома была посвящена 1914—1923 гг. В томе отсутствовала глава, в которой подводились бы итоги изменению положения рабочего класса в капиталистическую эпоху.

Касаясь вопросов изменения положения пролетариата, Пажитнов писал, что с 80-х годов XIX в. по 1904 г. «движение заработной платы не отставало в общем от вздорожания жизни, а несколько даже обгоняло его». После революции 1905—1907 гг. «завоевания в области улучшения материального положения, за исключением разве некоторых категорий квалифицированного труда,

⁴² Шестаков А. О I—III томах работы К. А. Пажитнова. — Каторга и ссылка, 1925, № 5, с. 318—321.

составляющих, так сказать, рабочую аристократию, были в общем очень скромными»⁴³.

Круг источников в новом издании работы Пажитнова остался прежним и представлялся уже весьма ограниченным. Здесь не были использованы многие уже хорошо известные публикации — о бюджетах рабочих, о продолжительности рабочего времени в 1913 г. и др. В исследовании была слабо представлена характеристика используемых источников, анализ их достоинств и недостатков. Вследствие этого автор в ряде случаев неправомерно сравнивал данные разнородных по своему происхождению источников (например, заработную плату за 1913 г. по данным «Сводов отчетов фабричных инспекторов», с заработной платой за 1900 г. по данным промышленной переписи 1900 г.), что приводило к неверным заключениям.

Главное же, однако, заключалось в том, что Пажитнов, как и большинство других авторов, не смог и в работах начала 20-х годов подняться над эмпирическим описанием положения пролетариата, связать изложение конкретного материала с марксистско-ленинской теорией вопроса, показать решающие факторы изменения условий труда и быта рабочих: развитие производительных сил, повышение уровня сознательности и организованности рабочих, рост их потребностей и запросов, развитие классовой борьбы под руководством революционной социал-демократии, большевиков во главе с В. И. Лениным, выступавших не только за улучшение положения рабочих, но и за уничтожение всей капиталистической системы — системы эксплуатации человека человеком.

Известное место освещению положения пролетариата отводилось в работах М. С. Балабанова «Очерки по истории рабочего класса в России»: Л.; М., 1922, ч. II (60—80-е годы XIX в.); М., 1926, ч. III (90-е годы XIX в.— 1904 г.) и «От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение» (М.; Л., 1927).

Подводя итоги рассмотрению вопроса в томе, посвященном 60—80-м годам XIX в., М. С. Балабанов констатировал ничем не ограниченную продолжительность рабочего времени, низкую заработную плату, бесконечные штрафы, широкую эксплуатацию женского и детского труда, плохие жилищные условия и др. «Преждевременная смерть... — к такому концу приводили все условия существования рабочего: и разрушительные свойства производства, и продолжительность рабочего дня, и жизнь впроголодь, и счет каждой копейки — при всех богатствах, создаваемых трудом для эксплуатирующих и командующих классов...», — говорилось в разделе о положении рабочих Центрального промышленного района. Эта стадия капиталистического развития, как и вся эпоха первоначального накопления капитала, была, как указывал автор, «по-

⁴³ Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Пг., 1923, т. 2, с. 81, 86—87; Л., 1924, т. 3, с. 47, 77, 105.

всюду отмечена самой жестокой эксплуатацией труда и ухудшением положения рабочих...»⁴⁴.

В III части «Очерков по истории рабочего класса в России» (М., 1926), охватывавшей период с конца 80-х годов XIX в. по канун революции 1905—1907 гг., также несколько глав было посвящено вопросам положения пролетариата. «Многое из того, что иллюстрировало положение рабочих в 70-х и 80-х годах,— писал автор,— может быть отнесено и к позднему времени, вплоть до 1905 г. ...Если исчезали более тяжелые формы эксплуатации, то их место занимали новые, не далеко от старых уходящие»⁴⁵. «Как в 80-х, так и в 90-х и в начале 900-х годов заработная плата оставалась... платой, дававшей тот минимум, который необходим для того, чтобы до поры до времени поддержать рабочую силу чем придется — хлебом с водой, «купоросными щами», плохим обедом и отдыхом на полукровати, выполнявшей роль «квартиры»...» Для периода с середины 80-х до конца 90-х годов XIX в. Балабанов считал возможным говорить об увеличении («хотя и в малозаметной степени») реальной заработной платы, отмечая, что в «годы собственно промышленного подъема... рост денежного заработка стал отставать от роста товарных цен». «В 1903—1904 гг., не говоря уже о годах кризиса (имелся в виду период 1900—1902 гг.— Ю. К.), положение рабочих, несмотря на денежное возрастание заработной платы, не улучшилось. Если раньше, в конце 90-х годов, заработная плата не поспевала за ростом цен, то и теперь положение оставалось таким же, за исключением временного улучшения 1903 года»⁴⁶. И далее: «Уровень жизни — материальный... — повышается лишь для меньшинства, при крайне пониженном уровне громадного большинства. Лишь с того момента, как рабочее движение начинает заполняться политическим содержанием, вовлекая в борьбу все большие массы, улучшается также положение последней...»⁴⁷.

В завершающем томе своей работы — книге «От 1905 к 1917 году» — Балабанов фактически не рассматривал интересующие нас вопросы, приводя лишь некоторые общие данные о продолжительности рабочего времени и заработной плате за 1904—1906 гг. и указывая на весьма значительные экономические завоевания рабочего класса в ходе революции («продолжительность рабочей недели сократилась на несколько часов, заработная плата повысилась на 25—30%, некоторые категории рабочих добились и большего сокращения рабочего времени, и большего повышения заработка») ⁴⁸. Вместе с тем он отмечал распространение сверх-

⁴⁴ Балабанов М. С. Очерки по истории рабочего класса в России. Л.; М., 1922, ч. II, с. 184 и 211.

⁴⁵ Балабанов М. С. Очерки по истории рабочего класса в России. М., 1926, ч. III, с. 170.

⁴⁶ Там же, с. 135—136, 143.

⁴⁷ Там же, с. 172.

⁴⁸ Балабанов М. С. От 1905 к 1917 году. М.; Л., 1927, с. III, 26.

урочных работ, сводивших на нет сокращение рабочего дня, но способствовавших некоторому повышению заработков⁴⁹.

Таковы наиболее общие оценки положения и уровня жизни рабочих России, повторявшиеся тогда во многих работах.

А. М. Панкратова, характеризуя исследование проблемы в 20-х годах в работах Пажитнова и Балабанова, справедливо отмечала, что эти работы были ущербны в методологическом отношении. «Они дают сводку фактов (от XVII века до 1923 г.), оторванных от социально-политической эволюции, от тех экономических и политических сдвигов, которые происходили на том или ином этапе как в стране, так и внутри самого рабочего класса... Большой материал без продуманной концепции часто убивает анализ даже там, где автор пытается давать его»⁵⁰.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов XX в. появился ряд работ, в которых предпринимались попытки дать более строгий научный анализ процессов движения реальной заработной платы российских рабочих. Был поставлен вопрос о принципах исчисления реальной заработной платы и стоимости жизни рабочего в соответствии с расширением круга его жизненных потребностей.

Весьма показателен в этом отношении следующий отрывок из работы В. Лаврентьева (вышедшей в 1925 г. под редакцией С. Г. Струмилина): «Рост промышленного производства одновременно расширял потребности населения и в корне изменял самый быт, привычки и навыки всех тех, кто прямо или косвенно соприкасался с современным промышленным производством. К началу империалистической войны в обиходе горожанина прочно укоренились такие предметы, о которых он и не помышлял в 1900 году. Большое скопление населения в городах вызвало усиленное строительство больших каменных домов с водопроводом, центральным отоплением и т. д., рассчитанных на тысячи жильцов. В крупных городах России почти повсеместно было проведено электрическое освещение, развивалось трамвайное сообщение, доступное для самых широких слоев населения... Развитие фабричного производства обуви и одежды удешевляет и делает более доступным «европейскую» одежду для широких масс. Наконец, быстрое развитие техники в корне изменяет быт отдельной семьи, заменяя примусом или газовой плитой громоздкую плиту или печку и т. д. ...Общий рост материального благосостояния не мог не отражаться и на благосостоянии рабочего. Рабочий стремился... лучше одеваться, нежели раньше, его уже не удовлетворяла прежняя подвальная обстановка и т. п., прежнего заработка ему уже не хватало для удовлетворения вновь возникших потребностей... Если даже

⁴⁹ Там же, с. 18—19.

⁵⁰ Панкратова А. Проблема изучения истории пролетариата.— В кн.: История пролетариата СССР. М., 1930, сб. 1, с. 3—4.

он и добивался некоторого увеличения заработной платы, то все же ряд насущных потребностей оставался неудовлетворенным»⁵¹.

Разумеется, при общем правильном выводе о растущей необеспеченности полноценного воспроизводства рабочей силы в условиях ускоренного технического прогресса и интенсификации труда, в ряде работ того времени нетрудно обнаружить и недостаточно продуманные формулировки, отражавшие имевшуюся тогда путаницу в методологическом подходе к проблеме; это выразилось прежде всего в соотношении друг с другом таких категорий, как стоимость рабочей силы и реальная заработная плата. Неработанность методологии исследования проблемы давала о себе знать и при попытках количественной оценки движения заработной платы в России. Так, в статье С. Г. Струмилина «Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900—1914 гг.» указывалось на рост реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих в охватываемый в статье период на 3,3%⁵². В то же время, другой исследователь — И. Г. Дроздов, исследуя заработную плату сельскохозяйственных рабочих, пришел к выводу о ее увеличении в значительно большем размере; в 1911—1916 гг. по сравнению с 1901—1910 гг. — на 24,3% и по сравнению с 1891—1900 гг. — на 29,2%⁵³.

Порой у одного и того же автора встречались противоречивые заключения. В статье С. Г. Струмилина 1930 г., опиравшегося на бюджетный индекс проф. М. Е. Подтягина, отмечалось, что реальный заработок фабрично-заводских рабочих страны увеличился с 1886 по 1900 г. на 9,8%, а дневной и годовой заработной платы рабочих Коломенского машиностроительного завода — соответственно на 42,7 и 49,6%⁵⁴. Однако в заключении этой же работы автор писал: «Вывод об отсутствии какого-либо прогресса в области динамики реального уровня зарплаты всецело подтверждается и на данных XIX века. Если оставить в стороне преходящие колебания в ту или другую сторону на протяжении отдельных десятилетий, то к концу века мы получаем такой же уровень, как и в начале его, и в середине, накануне падения крепостного права. Никакой устойчивой тенденции к повышению этого уровня за весь период капиталистического развития мы не находим. Скорее даже наоборот. В целом за большие периоды можно усмотреть, пожалуй, даже некоторую тенденцию к снижению»⁵⁵. Думается, однако, что более четкая интерпретация движения реальной заработной

⁵¹ Лаврентьев В. Указ. соч., с. 34—35.

⁵² Струмилин С. Г. Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900—1914 гг., с. 153, 159.

⁵³ Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930, с. 53—54.

⁵⁴ Струмилин С. Г. Оплата труда в России: Деятнадцатый век, с. 161.

⁵⁵ Там же.

платы, отмечающая не ее падение, а *отставание* от роста стоимости рабочей силы, давалась тем же автором в другой его работе, где он писал: «Во времена царизма, если за некоторые периоды высокой конъюнктуры и наблюдался известный прирост реальной заработной платы, то и в эти периоды он отставал в своем росте от прироста квалификации рабочего. И, стало быть, норма эксплуатации труда даже в эти периоды скорее возрастала, чем падала»⁵⁶.

Оценивая труды исследователей тех лет, необходимо иметь в виду, что методика исчисления индексов цен (и отсюда — реальной заработной платы) была еще несовершенной; порой этот индекс выводился на основе данных не о всем бюджетном наборе, а лишь о каком-нибудь одном из предметов первой необходимости, чаще всего о хлебе (Дроздов), что могло приводить к завышению темпов роста зарплаты, или, наоборот, на основе слишком большого набора товаров, многими из которых рабочие не пользовались, что вело к обратному результату.

Исследовательскую работу затрудняло и отсутствие сплошных данных о ценах на потребительские товары за большие хронологические периоды в применении к различным районам и местностям России.

На рубеже 20—30-х годов XX в. важную роль в развертывании исследовательской работы по изучению истории рабочего класса и его положения сыграли первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, проведенная в конце 1928 — начале 1929 г., где Панкратова выступила с докладом «Проблемы изучения истории рабочего класса в России»⁵⁷, и созданные в январе 1929 г. (при Обществе историков-марксистов) Комиссия по истории пролетариата и в октябре того же года аналогичная секция Института истории Коммунистической академии⁵⁸.

С 1930 г. секция стала выпускать специальные сборники «История пролетариата СССР». В одной из статей Панкратовой (ее докладе на конференции историков-марксистов) в числе основных проблем истории пролетариата России называлась «эволюция экономического положения рабочего класса в эпоху промышленного капитализма и империализма». При этом подчеркивалась необходимость изучения данной проблемы в связи с изменениями структуры и с общей экономической эволюцией капиталистической России⁵⁹.

⁵⁶ Струмилин С. Г. Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900—1914 гг., с. 250—252.

⁵⁷ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. 1, с. 390—425.

⁵⁸ Подробнее см.: Игнатенко Т. А. Изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической академии при ЦИК СССР (1929—1935 гг.). — История и историки: Историографический ежегодник, 1973 г. М., 1975.

⁵⁹ Панкратова А. М. Проблема изучения истории пролетариата, с. 3—4, 8—9, 12—13, 25—27.

В том же году была создана Комиссия по монографическому изучению промышленных предприятий СССР при президиуме Коммунистической академии, под руководством которой вели работу несколько научных групп, в том числе Группа по изучению условий труда, быта и правового положения рабочих⁶⁰.

После создания в 1931 г. редакции и издательства «История фабрик и заводов» эта работа значительно расширилась. В специальных исследованиях по истории отдельных предприятий, а также в статьях, публиковавшихся в сборнике «История заводов» (1933—1934 гг.), вопросам условий труда и быта рабочих уделялось заметное место.

Большой по объему материал, собранный редакцией «Истории фабрик и заводов» и лишь частично реализованный в выпущенных работах, составил специальный фонд документов по истории отдельных предприятий страны, в настоящее время хранящийся в ЦГАОР СССР (ф. 7952) и представляющий значительный интерес для изучающих проблему.

Важным звеном исследования проблемы явилось пристальное внимание к вопросам марксистско-ленинской методологии. Этому способствовало издание в 30-е годы специальных сборников ленинских произведений по данной тематике, различного рода указателей (предметных и тематических) к произведениям классиков марксизма-ленинизма⁶¹, а также появление серии работ, в которых рассматривались взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по данной проблеме⁶².

В результате проделанной работы в начале 30-х годов появился ряд интересных исследований, в большей или меньшей степени посвященных вопросам положения рабочих⁶³. Кроме того, был издан ряд работ, конкретно показывавших улучшение материаль-

⁶⁰ История пролетариата СССР. М., 1930, сб. 2, с. 284.

⁶¹ Вопросы труда в работах В. И. Ленина (Сборник произведений В. И. Ленина). М., 1933; В. И. Ленин. Положение рабочих и крестьян в царской России: Сборник. М., 1939; Ленин о процессах формирования и экономического положения пролетариата в эпоху царизма: (Библиографическое описание работ В. И. Ленина по указанной тематике). — В кн.: История пролетариата СССР. М., 1933, сб. 4 (16), с. 224—252; К. Маркс и Ф. Энгельс о России: Библиография. М., 1934 (См. раздел о положении пролетариата России).

⁶² Каплун С. И. В. И. Ленин и вопросы охраны труда. — Гигиена труда и техника безопасности. М., 1934, № 2; Смирнов С. Ф. О значении экономического учения Маркса — Ленина для анализа и разработки вопросов социальной медицины и здравоохранения. Пермь, 1935; Угрюмов А. В. И. Ленин об общественном питании. — Общественное питание, 1940, № 2.

⁶³ Симоненко В. Положение рабочего класса в 1904 г. — В кн.: История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 3-4; Гильберт М. И. К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот». — Там же. М., 1931. Сб. 6-7; Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г. М., 1930; Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужона) в 1905 г. М., 1931; Граев Б. Б., Нечкина М. В., Панкратова А. М., Сидоров К. Ф. Очерки истории пролетариата СССР: Пролетариат царской России. М., 1931.

ного положения рабочего класса после Великой Октябрьской социалистической революции⁶⁴.

Общие оценки положения российского пролетариата в условиях капитализма в работах 30-х годов не отличались принципиально от тех оценок, которые давала предшествовавшая советская литература, отмечавшая тяжелые условия жизни большинства пролетариата, особенно текстильщиков⁶⁵. Что же касается характеристики изменения положения пролетариата, и в частности реальной заработной платы, то как и в литературе 20-х годов, одни авторы констатировали некоторое повышение реальных заработков (например, М. К. Рожкова — у слесарей, отбельщиков-мужчин Трехгорной мануфактуры с 1902 по 1913 гг.⁶⁶), другие — непрерывное ухудшение положения рабочих, которое даже первая русская революция 1905—1907 гг. смогла лишь замедлить⁶⁷.

С большим размахом изучение условий труда и быта, положения рабочего класса капиталистической России продолжалось после окончания Великой Отечественной войны. В определенной мере этому способствовали созданные в конце 50-х годов секция «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Группа по изучению истории пролетариата России Института истории АН СССР. В программной «Записке» секции изучение положения пролетариата называлось одной из важных задач⁶⁸.

Названными научными центрами был проведен ряд всесоюзных сессий: Московская (1959 г.), Харьковская (1962 г.), Ростовская (1963 г.), на которых заметное место было уделено вопросам положения пролетариата. Эти вопросы являлись предметом рассмотрения и на ряде региональных конференций историков Ленинграда, Центрального промышленного района (далее — ЦПР), Урала, Сибири⁶⁹.

В результате развернувшейся исследовательской работы в конце 40-х — 70-х годах было защищено значительное число диссертаций и опубликовано немало монографических исследований и статей по этой проблематике. Среди исследований общего характера, написанных, правда, по материалам отдельных регионов, следует назвать работы И. А. Баклановой, С. Н. Семанова,

⁶⁴ *Пажитнов К.* Рабочий день в России и СССР. Киев, 1930; *Бузин Д.* Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР. — Проблемы экономики, 1938, № 4.

⁶⁵ *Очерки истории пролетариата.* М., 1931, с. 114, 117, 236; *Богданова Н.* Положение рабочего класса в царской России. — Сталинец, Саратов, 1939, № 6-7, с. 95, 98, 115, 119—120.

⁶⁶ *Рожкова М.* Как изучать заработную плату и положение рабочих в эпоху капитализма. М., 1933, с. 5.

⁶⁷ *Богданова Н.* Указ. соч., с. 119—120, а также с. 95, 98, 115.

⁶⁸ Вопросы советской науки. М., 1958, с. 6.

⁶⁹ Подробнее см.: Из истории рабочего класса СССР. Киров, 1972, с. 5—7, 8, 13.

Э. Э. Крузе (посвященных рассмотрению вопроса на материалах Петербурга), Т. В. Шанниковой (Зайцевой), Г. Ф. Семенюка, И. Ф. Угарова, Г. А. Трукана (ЦПР), Д. Шерстюка, П. С. Самойленко, А. А. Нестеренко, Ф. Е. Лося, О. А. Парасунько, П. А. Лаврова, С. И. Потолова, Ю. И. Кирьянова (Украины, Донбасса), З. Е. Абезгауза (Белоруссии), Б. Я. Вилкс, Я. П. Берзиньша (Латвии) и др.⁷⁰

Эту «региональную» серию работ дополнили исследования об условиях труда и быта рабочих отдельных отраслей производства: К. А. Пажитнова (текстильщики), Н. А. Лещинской, А. П. Альбрута, Г. Д. Бакулева, Н. А. Стасенко, В. Р. Брызгалова, Д. Г. Векслер (горнозаводские и горные рабочие Юга России, Донбасса, Урала и др.)⁷¹.

Существенное место среди появившихся конкретно-исторических работ заняли исследования по периодам 1908—1914 гг. и 1914 — февраля 1917 г., ранее слабо изученным. Но в большинстве случаев положение рабочих рассматривалось в сравнительно узких хронологических рамках.

Вместе с тем уже в 60—70-е годы был издан ряд обобщающих работ по истории рабочего класса: «Краткая история рабочего

⁷⁰ *Нестеренко А. А.* Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954; *Шанникова Т. В. (Зайцева)*. Экономическое положение и борьба рабочего класса Московской губернии в период кризиса 80-х годов XIX в.: Автореф. канд. дис. М., 1955; *Самойленко П. С.* Экономическое положение фабрично-заводских рабочих Юга Украины в эпоху империализма: Автореф. канд. дис. Киев, 1956; *Крузе Э. Э.* Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.; Л., 1961; *Потолов С. И.* Рабочие Донбасса в XIX в. М.; Л., 1963; *Парасунько О. А.* Положение и борьба рабочего класса Украины (60—90-е годы XIX в.). Киев, 1963; *Семанов С. Н.* Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966; *Абезгауз З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1971; *Он же.* Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. Минск, 1977; *Берзиньш Я. П.* Экономическое положение и стачечное движение рабочих Латвии в 90-х годах XIX в.: Автореф. канд. дис. Рига, 1970; *Файзуллина Н. М.* Положение рабочих на предприятиях Казанской губернии в пореформенный период (1861—1894 гг.): Автореф. канд. дис. Казань, 1978.

⁷¹ *Лещинская Н. А.* Экономическое положение рабочих горной и горнозаводской промышленности Юга России в дореволюционный период: Рукопись канд. дис. Киев, 1948; *Альбрут А. П.* Положение горнорабочих Криворожья до Великой Октябрьской социалистической революции. — Учен. зап. Магнитогорского гос. пед. ин-та, 1949, вып. 2; *Бакулев Г. Д.* Черная металлургия Юга России. М., 1953; *Он же.* Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955; *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: Шерстяная промышленность. М., 1955; *Он же.* Очерки истории текстильной промышленности: Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958; *Векслер Д. Г.* Положение уральских горнозаводских рабочих в конце XIX — начале XX в. (1890—1905 гг.): Автореф. канд. дис. Л., 1955; *Брызгалов В. Р.* Положение рабочих, занятых в тяжелой промышленности Донбасса, в период империализма: Автореф. канд. дис. Киев, 1962.

движения в России (1861—1917 годы)» (М., 1962), «Очерки истории российского пролетариата (1861—1917)» (М., 1963), «Історія робітничого класу УРСР» (Київ, 1967, т. I), монографія Я. П. Балагурова «Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии (1861—1917 гг.)» (Петрозаводск, 1968), «История рабочих Ленинграда» (Л., 1972, т. I (1903 г. — февраль 1917 г.)), монография А. А. Мухина «Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.)» (М., 1972) и некоторые другие. Появление подобного рода работ имело определенное значение в том отношении, что давало основу для «сквозного» рассмотрения различных вопросов на всем протяжении капиталистической эпохи.

В этой связи нельзя не отметить и появление ряда работ, посвященных исследованию непосредственно отдельных вопросов положения пролетариата в рамках широких хронологических периодов⁷², что способствовало более всестороннему и углубленному изучению рассматриваемых компонентов проблемы.

Развертывание исследовательской работы было связано с расширением источниковой базы, введением в научный оборот новых сведений, в значительной мере почерпнутых в архивах. Этому способствовала и большая публикаторская работа, которая ожидалась особенно со второй половины 50-х годов. Именно тогда было издано или переиздано значительное число партийных материалов, а также официальных документов, содержавших интересные сведения о положении рабочих. Достаточно указать на сборники документов «Рабочее движение в России в XIX в.» (М., 1955—1963. Т. I—IV), «Рабочее движение в России в 1901—1904 гг.» (Л., 1974), «Революция 1905—1907 гг. в России» (М., 1950—1958. Т. 1—17), а также сборники документов, посвященные истории рабочих отдельных регионов («Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)». Баку, 1967. Т. I—II). Эти публикации, а также использование исследователями непосредственно архивных документов значительно расширили источниковую базу изучения проблемы.

Появились специальные статьи с обзором источников и по источниковедению проблемы⁷³. Оценивая источниковедческую

⁷² *Кириянов Ю. И.* Бюджет времени рабочего капиталистической России.— Исторические записки, 1974, т. 94; *Он же.* Жилищные условия рабочих капиталистической России.— В кн.: Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1975; *Он же.* К вопросу о материальных условиях жизни рабочих капиталистической России.— В кн.: Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977; *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. Гл. IV Заработная плата рабочего класса России, гл. V. Рабочее время; *Леонович И. А.* Жилища и жилищные условия рабочих г. Минска конца XIX—XX в. Минск, 1976.

⁷³ *Антонова С. И.* Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата.— В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917 гг. М., 1966; *Семанов С. Н.* Состав и положение рабочих Петербурга по данным городских переписей.— Там же; *Антонова С. И.*

работу, С. И. Антонова, одна из специалистов вопроса, отмечает: «С конца 50-х годов начался новый этап изучения истории пролетариата. Характерно, что историки стали больше уделять внимания и изучению положения рабочих капиталистической России. Отличается новый этап и более творческим отношением авторов к анализу источников, не говоря уже о решительном расширении их круга»⁷⁴.

В этой связи нельзя не отметить и большую работу историков и экономистов по составлению библиографий выпшедшей литературы о положении пролетариата⁷⁵, что способствовало не только «ориентации» исследователей, но и конкретизировало их представление о состоянии разработки проблемы, отдельных ее вопросов.

Важное значение для разработки проблемы имело углубленное изучение марксистско-ленинского теоретического наследия. В 60-х — начале 70-х годов появилось немало работ, посвященных ленинской методологии исследования положения пролетариата⁷⁶.

Существенным звеном изучения положения пролетариата явилось пристальное внимание к вопросам марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата в капиталистическую эпоху.

В ряде работ академика А. А. Арзуманяна было подвергнуто обоснованной критике упрощенное представление о том, что рабочий с каждым годом получает все меньше и меньше средств существования. Арзуманян отмечал, что многие исследователи при рассмотрении вопросов теории обнищания упускали из вида исторический и социальный моменты — важнейшие факторы форми-

Критика источников в литературе об экономическом положении пролетариата России.— В кн.: Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Львов, 1972; *Челебийская Г. И.* Материалы первого санитарного обследования фабрик и заводов Московской губернии в 1879—1885 гг. как источник изучения положения пролетариата.— Там же; *Мальцева Н. А.* Документы фабричной инспекции как источник изучения положения пролетариата России.— Там же; *Паина Э. С.* Сведения путеводителей по государственным архивам о материалах, характеризующих положение рабочих конца XIX в.— 1917 г.— Там же; *Кириянов Ю. И.* Источники о положении рабочего класса России (конец XIX — начало XX в.).— В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977; *Антонова С. И.* Методы обработки и анализа источников в литературе об экономическом положении пролетариата России.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

⁷⁴ Антонова С. И. Методы обработки и анализа источников..., с. 91.

⁷⁵ Экономическая история: Указатель советской литературы за 1960—1969 гг. М., 1970. Ч. I—II; *Кириянов Ю. И., Пронина П. В.* Положение пролетариата России: Указатель литературы. М., 1972. Вып. I—II: Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917). Библиографический указатель. Томск, 1978.

⁷⁶ Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1962; *Суслов П. П.* Методология экономического анализа в трудах В. И. Ленина. Л., 1962; Жизненный уровень. М., 1966; *Вяткина Е. И.* В. И. Ленин о положении рабочего класса при капитализме и социализме.— В кн.: Ленинские принципы социалистического хозяйствования. Л., 1969; *Кириянов Ю. И.* Ленинский анализ экономического положения пролетариата России.

рования жизненного уровня рабочих на каждом этапе социально-экономического развития. Он писал: «Если рабочий стремится реализовать свою рабочую силу по стоимости, а капиталист пытается свести стоимость рабочей силы до ее минимального предела, не включающего исторический и социальный элемент, то какова тенденция развития? Тенденция развития такова, что разрыв между заработной платой и стоимостью рабочей силы исторически увеличивается... Заработная плата не обнаруживает тенденции к заполнению бреши между минимальными пределами стоимости рабочей силы и высшей границей стоимости... Именно в этом факте наиболее отчетливо проявляется абсолютное обнищание рабочего класса»⁷⁷. Отмечая теоретическую несостоятельность тезиса о постоянном ухудшении материального положения пролетариата, академик Арзуманян писал: «...речь идет не о действительном снижении стоимости рабочей силы, а о низведении заработной платы рабочего ниже фактической стоимости его рабочей силы, включающей исторический и моральный элемент. Абсолютное обнищание пролетариата в результате такого „снижения“ стоимости рабочей силы вполне очевидно»⁷⁸.

Примерно тогда же академик А. М. Румянцев также отмечал: «Основное проявление абсолютного обнищания пролетариата состоит в том, что с развитием капитализма увеличивается разрыв между жизненным уровнем рабочего класса, реальной заработной платой, с одной стороны, и стоимостью рабочей силы, потребностями трудящихся, которые растут вместе с ростом потребностей всего общества, с изменением условий труда рабочего класса, с другой стороны»⁷⁹.

В наиболее развернутом виде эта трактовка вопроса была изложена авторами сборника «Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся»⁸⁰, опиравшимися при этом на работы Арзуманяна.

Различное понимание теории обнищания, как уже было отмечено, не могло не наложить отпечаток и на конкретно-исторические исследования положения рабочих капиталистической России.

Как же характеризовалось положение пролетариата России и его изменение в капиталистическую эпоху в работах послевоенного периода?

⁷⁷ Арзуманян А. Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата. — Коммунист, 1956, № 10, с. 111.

⁷⁸ Арзуманян А. А. Обнищание рабочего класса в капиталистическом обществе. М., 1958, с. 21—22.

⁷⁹ Проблемы мира и социализма, 1958, № 1, с. 46.

⁸⁰ Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1959, с. 199—200; см. также кн.: Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны. М., 1959, с. 512; Проблемы современного капитализма и рабочий класс. Прага, 1963 (Выступление В. Любимовой и др.); *Распутник Б. И.* Советская историография современного рабочего движения: Вопросы теории и методологии. Львов, 1976, ч. I, с. 173—202 (гл. IV «Советская наука о некоторых вопросах положения и структуры рабочего класса»).

В коллективном сводном труде «Краткая история рабочего движения» (М., 1962) общие заключения относительно изменения экономического положения рабочих с 60-х годов XIX в. и вплоть до 1914—1917 гг. исходили из отождествления таких далеко не совпадающих понятий, как «усиление гнета и эксплуатации рабочих», «усиление необеспеченности существования» и «падение реальной заработной платы». Подобный подход предопределял характеристику изменения материального положения рабочего класса лишь как постоянное ухудшение⁸¹.

Из работ локального характера монографии О. А. Парасунько «Положение и борьба рабочего класса Украины. 60—90-е годы XIX в.» и А. А. Нестеренко «Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX — начале XX в.» дают возможность рассмотреть соответствующие характеристики, относящиеся к различным периодам, на протяжении всей капиталистической эпохи.

Увеличение в 70—90-х годах XIX в. номинальной заработной платы на 10—15—25% при более быстром росте цен на продукты питания, снижение реальной заработной платы, усиление интенсификации труда, рост безработицы, ухудшение питания, жилищно-бытовых условий, увеличение профессиональных заболеваний и ухудшение медицинской помощи — таковы наиболее общие оценки положения рабочих Украины и его изменения в 1861—1900 гг. в монографии Парасунько⁸².

В хронологическом плане продолжением работы Парасунько явилась монография А. А. Нестеренко, вышедшая, однако, раньше, в 1954 г. Автор исходил из точки зрения о почти непрерывном падении жизненного уровня рабочего класса в рассматриваемый им период (лишь первая русская революция 1905—1907 гг., отмечает он, «приостановила процесс резкого ухудшения положения рабочих»). Общий вывод его недвусмыслен: «Рост номинальной заработной платы был с лихвой перекрыт ростом цен и квартирной платы, вследствие чего рабочие к 1913 г. стали жить абсолютно хуже, чем 13—14 лет назад»⁸³.

В общем и целом приведенные заключения, оценки и характеристики были весьма типичными для литературы 50—60-х годов XX в. Ими констатировалось тяжелое экономическое положение пролетариата, падение реальной заработной платы, ухудшение питания и жилищных условий рабочих и вместе с тем усиление эксплуатации, интенсификации труда, рост безработицы.

В ряде работ делались попытки исчислить изменения реальной заработной платы. Но заключения исследователей на этот

⁸¹ Краткая история рабочего движения. М., 1962, с. 52—64, 109, 112, 114, 130, 272—273, 433—434, 440 и след.

⁸² Парасунько О. А. Положение и борьба рабочего класса Украины (60—90-е годы XIX в.), с. 156—157, 219—221.

⁸³ Нестеренко А. А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в., с. 253—254, 269.

счет были неодинаковы и, более того — противоречивы. А. Г. Рашин, предпринявший исчисление изменения реальной заработной платы на железных дорогах страны, пришел к заключению, что в 1913 г. по сравнению с 1884—1888 гг. у рабочих и служащих тяги и подвижного состава она была ниже на 3,7%, а у работников службы движения — на 2%. При этом Рашин отмечал, что если учесть повышение квалификации рабочих и служащих, то показатели возрастут⁸⁴. В «Истории рабочего класса Украинской ССР» (Киев, 1967) отмечалось, что с 1902 по 1913 г. заработная плата возросла на 20%, цены на хлеб — также на 20%, а цены на другие предметы питания — на 22%⁸⁵, откуда следовал вывод о снижении реальной заработной платы.

Наряду с этой точкой зрения существовала и другая, согласно которой в эпоху капитализма под влиянием различного рода социально-экономических факторов — усложнения производства, увеличения стоимости рабочей силы, роста сознательности и организованности пролетариата, усиления его борьбы — реальная заработная плата хотя и медленно, но росла.

Так, по расчетам М. И. Гильберта, относившимся к трем крупнейшим металлообрабатывающим заводам столицы — Путиловскому, Невскому и Ижорскому и опиравшимся на петербургский бюджетный индекс (исчисленный С. Г. Струмилиным), средний годовой реальный заработок рабочих всех трех заводов с 1884—1886 гг. по 1894—1896 гг. увеличился на 12%, а рабочих Путиловского завода с 1885 по 1900 г. — на 14%⁸⁶. К подобному же выводу приходил и Струминин, анализируя динамику реальной зарплаты рабочих Коломенского машиностроительного завода за последнюю треть XIX в.⁸⁷ Г. Д. Бакулев, изучавший положение рабочих Юга, констатировал, что в период империализма реальная заработная плата рабочих горнозаводской промышленности увеличилась на 8%, а шахтеров — на 17—18%⁸⁸. Аналогичную тенденцию отметил В. П. Зиновьев, исследовавший экономическое положение горнорабочих Сибири в 1895—1914 гг. По его расчетам, реальная заработная плата за десятилетие, с 1895—1899 гг. по 1910—1914 гг., возросла на 9,7%, или увеличивалась примерно на 1% в год⁸⁹.

⁸⁴ Рашин А. Г. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884—1913 гг. — В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957, с. 451, 452.

⁸⁵ Історія робітничого класу Української РСР. Київ, 1967, т. I, с. 376.

⁸⁶ Гильберт М. И. Движение заработков рабочих в конце XIX в. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 331.

⁸⁷ Струминин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 111.

⁸⁸ Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна, с. 229.

⁸⁹ Зиновьев В. П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895—1914 гг.). — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 8. Рабочие Сибири в период империализма, с. 146—147.

Наконец, в одной из последних, наиболее общих работ — монографии Э. Э. Крузе — отмечалось, что «реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих... за 1900—1914 гг. в целом несколько возросла»⁹⁰.

Подводя итоги обзору литературы о положении и уровне жизни пролетариата и их изменении в эпоху капитализма, можно сделать следующее заключение.

За годы Советской власти и особенно в послевоенное время проделана значительная работа по исследованию экономического положения рабочего класса капиталистической России.

Особенно плодотворно велась разработка таких существенных компонентов проблемы, как рабочее время, жилищно-бытовые условия, номинальная заработная плата. Создано немало интересных работ о положении рабочих в рамках отдельных периодов, прежде всего конца XIX — начала XX в. Значительные шаги сделаны в исследовании условий труда и быта рабочих таких крупнейших промышленных и национальных районов, как Петербург, Украина, Урал, Баку, и таких отраслей производства, как металлообработка, металлургия, горное дело.

Несмотря на значительную по объему исследовательскую работу, проблема в рамках капиталистической эпохи в целом разработана все же далеко не всесторонне.

За малым исключением, отсутствуют обобщающие работы, а также работы, в которых исследование велось бы в широких хронологических рамках, что во многих случаях приводит к «статичному», иллюстративному освещению вопросов и дает мало оснований для изучения явлений в динамике. Положение рабочих таких районов, как Центральный промышленный, Кавказ, Прибалтика, Белоруссия, и таких отраслей производства, как текстильное, химическое, кожевенное, пищевое, изучалось лишь отрывочно, не распространяясь на сколько-нибудь продолжительные хронологические периоды. Некоторые важнейшие компоненты проблемы (например, питание, изменение бюджетного набора рабочего и его стоимости, соотношение рабочего и свободного времени, безработица) выпали из поля зрения исследователей и фактически не разрабатывались.

В работах верно констатировался общий низкий уровень жизни рабочих страны в период капитализма, правильно отмечались некоторые общие процессы, характерные для капиталистического производства (усиление необеспеченности существования, усиление эксплуатации рабочих, интенсификация труда). Однако при освещении таких элементов положения рабочих, как уровень безработицы, состояние питания, жилищно-бытовые условия, меди-

⁹⁰ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 294.

цинская помощь, приводился в большинстве случаев иллюстративный материал. Подобный подход не только затруднял воссоздание действительной картины, но и не давал сколько-нибудь надежных оснований для сравнений во времени, поскольку типичные показатели отсутствовали.

Далеко недостаточно исследовано влияние важнейших социально-экономических факторов на положение пролетариата страны и положение рабочих различных отраслей промышленности. Относительно лучше обстоит дело с освещением влияния на положение рабочих экономического кризиса 1900—1903 гг., русско-японской войны 1904—1905 гг. и Первой мировой войны. Однако влияние на условия труда и быта рабочих кризиса начала 80-х годов XIX в., депрессии 1904—1909 гг., промышленных подъемов 90-х годов XIX в. и кануна Первой мировой войны, столыпинской аграрной реформы не являлось предметом специального изучения. Мы имеем отрывочные сведения о влиянии технического прогресса на положение пролетариата. Наконец, до сих пор слабо исследован вопрос об экономических завоеваниях рабочего класса в Первой русской революции 1905—1907 гг.⁹¹

Исследовательскую работу затрудняло отсутствие сплошных данных за большие хронологические периоды (особенно за 60—90-е годы XIX в.) по таким важным вопросам, как номинальная заработная плата и цены на предметы первой необходимости, и соответствующих индексов.

Исследователями, особенно послевоенного времени, введено в научный оборот довольно большое число документов центральных и местных архивов, сделан для сравнимости пересчет показателей ряда известных статистических публикаций. Однако поле деятельности в этом направлении остается по-прежнему весьма обширным. Введение в литературу данных все большего числа источников диктует необходимость обратить особое внимание на источниковедение. В ранних работах слабая разработанность источниковедческих вопросов имела следствием сопоставление данных разнородных источников: например, о заработной плате «Сводов отчетов фабричных инспекторов», промышленных переписей и страховых материалов (К. А. Пажитнов).

Все сказанное дает основание сделать вывод, что, несмотря на большую литературу и накопление материала, достигнутые положительные результаты, проблема в целом исследована далеко не всесторонне, и в ее освещении по-прежнему остаются «белые пятна», а трактовка отдельных существующих вопросов дается противоречиво. Это делает изучение положения и уровня жизни пролетариата капиталистической России важным звеном разработки истории российского рабочего класса.

⁹¹ Гуськова Т. К. Влияние революции 1905—1907 гг. на материальное положение уральских горнозаводских рабочих: (По материалам Нижне-Тагильского горнозаводского округа). — В кн.: Музейное дело в СССР (Труды Центрального музея революции СССР). М., 1977, с. 31—51.

ДЕКАБРИСТСКАЯ ТЕМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. А. Киреева

Декабристы и история исторической науки. Различные аспекты этой темы изучались многими специалистами. Наиболее подробно и полно историю декабристоведения изложила академик М. В. Нечкина в двухтомном труде «Движение декабристов»¹. В ряде статей других авторов нашли научное отражение исторические взгляды отдельных декабристов — Н. А. Бестужева, А. О. Корниловича, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева и др.² Историческим взглядам декабристов в целом посвятил монографию С. С. Волк³; эта тема вошла в обобщающие историографические труды (в «Очерки истории исторической науки в СССР») и в учебники. В. Е. Иллерицкий и А. Н. Цамутали рассмотрели влияние идей декабристов на исторические взгляды революционных демократов и последующих историков⁴.

Однако во всей этой литературе, как правило, не учитывались те оценки исторических взглядов декабристов, которые содержались в трудах русских дореволюционных исследователей истории исторической науки. Лишь Волк во введении к своей книге в общей форме отметил, что «авторы некоторых историографических обзоров при характеристике воззрений Карамзина стали упоминать и об исторических взглядах его политических противников, не интересуясь, впрочем, более никем из товарищей Никиты Муравьева»⁵. В сноске автор указывал на работы М. О. Кояловича и П. Н. Милюкова, книги которых, кстати сказать, вряд ли справедливо называть «обзорами». Неточен автор и в утверждении, что эти историки ограничивались лишь одним Никитой Муравьевым. Коялович, например, помимо него, в своей «Истории русского самосознания...» называл К. Ф. Рыльева, П. И. Пестеля, Михаила Муравьева, на чем подробнее мы остановимся ниже.

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 6—43; Она же. Декабристы. М., 1975, с. 169—182.

² См.: История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965; Восстание декабристов: Библиография / Сост. Н. М. Ченцов. М.; Л., 1949; Движение декабристов: Указатель литературы. 1928—1959 / Сост. Р. Г. Эймонтова. М., 1960.

³ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.

⁴ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; Он же. Революционная историческая мысль в России. М., 1974; Цамутали А. Н. Идеи декабристов в русской историографии XIX в.— Исторические записки, 1975, т. 96, с. 315—337.

⁵ Волк С. С. Указ. соч., с. 7.

Эти неточности проистекают оттого, что отражение декабристской темы в историографических работах дореволюционных историков не исследовалось ни историками движения декабристов, ни историками исторической науки. Этот пробел мы попытаемся восполнить в настоящей статье.

Представляется правомерным начать наш небольшой экскурс с известного русского историка С. М. Соловьева — с его «Записок», не предназначавшихся для широкой публики («Мои записки для детей моих, а если можно, и для других»). Эти «Записки» достаточно хорошо известны историкам, но до сих пор они не изучались как историографический источник. Между тем они содержат в себе богатейший историографический материал: сведения о самом авторе — крупнейшем либерально-буржуазном историке России, об общем состоянии исторической науки тех лет с рядом ярких характеристик коллег автора, чья деятельность проходила, главным образом, в Московском университете; есть характеристики и отдельных иностранных ученых. «Записки» Соловьева писались одновременно с его известными работами по истории исторической науки («Писатели русской истории XVIII века», статьи о Н. М. Карамзине, А.-Л. Шлёцере, Г.-Ф. Миллере, М. Т. Каченовском) в 1855—1857 гг.

Ту часть «Записок», где речь шла о декабристах, Соловьев писал в 1856 г.⁶, т. е. в то время, когда даже книга верноподданного барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» не была еще издана «для публики» (напомним, что «первое для публики» издание вышло в 1857 г.⁷), а А. И. Герцен и Н. П. Огарев не начали еще публиковать мемуары декабристов, отстаивая деятелей движения от клеветы Корфа. Но ими была уже издана за границей с изображением на обложке пяти профилей казненных декабристов первая книга «Полярной звезды», названная так, как известно, в память альманаха А. А. Бестужева (Марлинского) и К. Ф. Рылеева. За границей же, в Брюсселе, в 1847 г. вышла трехтомная книга «Россия и русские» Николая Тургенева, родоначальника либеральной концепции декабризма. В России по-прежнему, как пишет М. В. Нечкина, «легальная печать была наглухо закрыта даже для беглых упоминаний о случившемся»⁸.

Сам Соловьев не мог помнить выступления декабристов: в 1825 г. ему было всего пять лет. Не мог он и изучать историю движения декабристов по подлинным документам: он не дожил

⁶ Дата указана в тексте. См.: *Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других*. Пг., б. г., с. 116 (далее — *Соловьев С. М. Мои записки...*).

⁷ *Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I*. 3-е изд. (первое для публики). СПб., 1857. Как известно, первые два издания (в количестве 25 экз.) предназначались «как семейная тайна» только для членов императорского дома (см. там же, с. IV).

⁸ *Нечкина М. В. Движение декабристов*, т. 1, с. 8.

до того времени, когда архивы, хранившие дела декабристов, стали (после революции 1905 г.) в какой-то мере доступными для исследователей. Во времена Соловьева в России была официально известна лишь правительственная версия, сознательно фальсифицирующая весь смысл движения декабристов: были опубликованы царские манифесты и «Донесение следственной комиссии». Тенденциозность этого «Донесения» не мог отрицать даже придворный автор — историк официального направления Н. К. Шильдер. Он признал, что в «Донесении» «совершенно не выяснено, какие причины могли вызвать такое необычайное явление, как повсеместный в России заговор», что этот документ умалчивал «о тех преобразованиях, осуществление которых составляло главный предмет действий, преследуемых тайным союзом». «Между тем,— продолжал Шильдер,— доклад выводит на сцену каких-то извергов, злодеев, помышляющих только об убийстве и безначалии». Однако Шильдер не говорил о том, что такая подтасовка фактов была сделана по указанию самого Николая I⁹.

В принципе Соловьев мог быть знаком с заграничной прессой, где, кроме повторения правительственной версии, появлялись и более объективные высказывания¹⁰. К тому же Соловьев в 1842—1844 гг. был за границей: он посетил Германию, Бельгию, Францию, Чехию (вместе с семьей гр. А. П. Строганова, репетитором детей которого он тогда был). Но прямых данных, подтверждающих это предположение, у нас нет.

За год до написания Соловьевым интересующих нас строк о декабристах в России было опубликовано «Историческое обозрение царствования императора Николая I», составленное на основании все тех же манифестов и «Донесения» реакционным историком Н. Г. Устряловым¹¹. Это обозрение проверялось и поправлялось самим царем, так что вряд ли есть необходимость говорить о том, что оно отражало правительственную версию.

Таким образом, письменные источники Соловьева были крайне скудными. Вероятно, в значительной степени он опирался на устную традицию, на затаенное общественное мнение. К тому же не следует упускать из вида и факт личного знакомства Соловьева с А. И. Герценом, о чем он сам писал в своих «Записках»¹².

⁹ Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. I, с. 436, 437. Как известно, Николай I через начальника Генерального штаба бар. И. И. Дибича дал распоряжение исключить из доклада Следственной комиссии материал по следующим пунктам: «1) о убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) о освобождении крестьян; 4) о намерении возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах» (цит. по кн.: Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 429).

¹⁰ Крестова Л. Н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики.— Исторические записки, 1942, т. 13.

¹¹ Устрялов Н. Г. Русская история. 5-е изд. СПб., 1855. Ч. 2. Новая история.

¹² Соловьев С. М. Мои записки..., с. 102, 133.

«Записки» Соловьева построены в форме *автобиографического* хронологически последовательного рассказа. Естественно, что при таком изложении Соловьев, родившийся в 1820 г., не мог непосредственно описать само восстание декабристов. К событиям 1825 г. он возвращался, проводя параллель между реакцией царского правительства на восстание декабристов и на революции 1848 г. в Европе. И хотя революционного взрыва в России после 1848 г. не последовало, правительственная политика, утверждает Соловьев, была той же, что и после 1825 г. Политика царя Николая I, читаем в его «Записках», была воплощенной реакцией «всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века»; колоссальная фигура Николая и «ныне давит духовное развитие России в его царствование»¹³. Революция 1848 г. нагнала тот же ужас на царизм, как и события декабря 1825 г.: «петербургское правительство перепугалось, перепугалось самым глупым образом, как только оно одно могло перепугаться. Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция»¹⁴.

Соловьев совершенно справедливо связывал движение декабристов с революционно-освободительным движением Европы в начале века «в пользу народностей». Он утверждал, что это общеевропейское движение «не могло не отозваться и у нас, русских, и у славян вообще»¹⁵. Декабристов Соловьев называл людьми, которые принадлежали к «самым просвещенным и даровитым» людям; «они все думали, рассуждали, критиковали, и следствием этого было 14-ое декабря»¹⁶. Восстание декабристов он называл событием «великой важности, ибо оно объясняет многое в жизни русского общества»¹⁷. Вместе с тем Соловьев находил, что дело декабристов «было произведением незрелости русского общества», а самих декабристов называл даже «поверхностно образованными» людьми, их взгляды расценивал как «младенческий лепет»¹⁸ и упрекал их за незнание русской действительности.

Однако после резких слов в адрес декабристов Соловьев как бы спешит оправдаться: «Да не сочтет кто-либо слов моих словами укора: сохрани Боже! Грустный опыт, грустный взгляд на настоящее не позволяет мне укорять моих несчастных предшественников; прошло более тридцати лет после их попытки, и мы находимся (в 1856 г.) в совершенно таком же положении, как и они»¹⁹. Вчитываясь еще и еще раз в текст Соловьева, можно прийти к заключению, что он осуждал декабристов не столько за их взгляды (он, может быть, и сам разделял их, ведь назвал же он декабристов своими «несчастливыми предшественниками»),

¹³ Там же, с. 116.

¹⁴ Там же, с. 121.

¹⁵ Там же, с. 116.

¹⁶ Там же, с. 119—120.

¹⁷ Там же, с. 115.

¹⁸ Там же, с. 116.

¹⁹ Там же.

сколько за открытое, революционное выступление. Подобная позиция была характерна не только лично для Соловьева — сторонника реформаторства, но и для либерально-буржуазной исторической концепции в целом.

Почти через 30 лет после «Записок» С. М. Соловьева была опубликована книга представителя позднейшего славянофильства М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»²⁰. За эти годы самым выдающимся явлением в декабристоведении было создание революционно-демократической концепции движения декабристов, заслугу А. И. Герцена и Н. П. Огарева в которой, да и самих декабристов, трудно переоценить. Внутри же России, кроме утверждения корфовской тенденции, стала развиваться с 1870-х годов либеральная трактовка движения, идущая от Н. Тургенева и наиболее полно отраженная в книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» (СПб., 1871)²¹. Вероятно, именно эта работа стимулировала ряд высказываний, которые мы встречаем в последующих историографических трудах. Важным для нашей темы представляется и тот факт, что в 1866 г. М. П. Погодин опубликовал отрывки из записки Никиты Михайловича Муравьева об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина²², что дало возможность многим историкам, в том числе и Кояловичу, ознакомиться, хотя и фрагментарно, с этим важнейшим документом, характеризующим исторические воззрения декабристов. Полностью записка Н. М. Муравьева «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» была опубликована только в советское время²³. Именно в связи с критикой труда Карамзина Коялович и рассматривал тему о декабристах, где им в главе VIII («Н. М. Карамзин») выделялись специальные пункты: «Суждения тогдашних противников Карамзина. Крайние тогдашние направления — декабристы и Аракчеев. Положение Карамзина среди этих крайностей»²⁴. «Самое резкое и крайнее мнение» об «Истории» Карамзина, читаем в книге Кояловича, вышло «из партии действительно революционной» — из кружка молодежи, «в среде которой подготовлялось известное дело декабристов»²⁵. Следует обратить внимание на подчеркивание Кояловичем революционности декабристов, что шло вразрез с утверждавшейся в то время в буржуазной науке либеральной

²⁰ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 (далее цит. по 3-му изданию — СПб., 1901).

²¹ Подробнее см.: Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 13—18.

²² Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866, ч. 2, с. 198—203.

²³ Литературное наследство, 1954, т. 59, с. 569—598.

²⁴ Коялович М. О. Указ. соч., с. IV.

²⁵ Там же, с. 157.

трактовки декабризма, которая ставила своей задачей «реабилитацию» декабристов от обвинения в подготовке революции. Именно поэтому Коялович и занял враждебную позицию по отношению к декабристам, тогда как либеральные историки, затушевывая революционный характер движения декабристов, писали о них в сочувственном тоне.

Никиту Муравьева Коялович называл «весьма умным членом общества» и даже цитировал его, но так и не показал, в чем же заключалась сущность критики декабристом дворянско-монархической концепции карамзинской истории. Вместе с тем Коялович верно подметил, что А. С. Пушкин выразил в известной эпиграмме²⁶ общие настроения передовой молодежи. Сам Коялович ни в коей мере не разделял критические оценки «Истории» Карамзина. Критику ее Никитой Муравьевым он квалифицировал как «нападки», «бредни» и даже «воплъ» русского «западноевропейца». Небезынтересно отметить, что Коялович в позиции Никиты Муравьева усмотрел еще один, историографический аспект — влияние ее на истоки «скептической школы». Общее между «скептиками» и Никитой Муравьевым он видел в их критике «Истории государства Российского», что само по себе представлялось ему чуть ли не кощунственным. Представители «скептической школы», заявлял Коялович, «сейчас же после выхода в свет „Истории“ Карамзина стали выполнять программу Муравьева»²⁷. Таким образом, в этом вопросе Коялович был близок к позициям «охранителей», которые расценивали любую критику Карамзина как выступление против самодержавия.

Как уже отмечалось, из декабристов, кроме Никиты Муравьева, Коялович называл еще К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля и М. Н. Муравьева. Характерно, что он вообще не упоминал о Северном и Южном обществах, подготовивших и организовавших открытое революционное выступление, а говорил лишь о ранних тайных обществах — «Союзе спасения» и «Союзе благоденствия». При этом Коялович допускал ряд искажающих истину утверждений. Так, «Союз благоденствия», по Кояловичу, в противоположность «Союзу спасения» «оставлял нетронутыми формы русского строя жизни»²⁸. Даже если иметь в виду только первые годы существования «Союза благоденствия», когда в нем доминировала идея конституционной монархии, то и тогда этот вывод неправилен, ибо речь шла об определенном изменении пресловутых «нетронутых» форм русского строя жизни (т. е. самодержавия).

²⁶ «В его „Истории“ изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелесть кнута»

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1962, т. 1, с. 341).

²⁷ Коялович М. О. Указ. соч., с. 177.

²⁸ Там же, с. 161.

Тем более этому утверждению противоречит такой известный факт, относящийся к 1820 г., как единогласное решение членов Коренной управы «Союза благоденствия» бороться за то, чтобы Россия стала республикой.

Пестелю, стороннику единой российской республики с сильной централизованной властью, Коялович приписывал помыслы «раздробить всю Россию на федеративные области»²⁹. За эту «позицию» Коялович обвинял Пестеля — одного из наиболее образованных людей своего времени, — в «невежестве» в делах России и противопоставлял ему «более русских», «дельных» людей, возмущенных-де «крайностями» Пестеля.

Идеи декабристов, связанные с освобождением крестьян, Коялович одобрял. После 1812 г. иные «додумывались», писал он, «до исправления действительного русского зла — крепостного состояния наших крестьян; но только лучший декабрист Рылеев смотрел на это серьезно и додумался даже до освобождения крестьян с землею»³⁰. (Заметим, что Михаила Муравьева, рано отошедшего от тайных обществ и заклеянного историей за свою последующую деятельность кличкой «Вешатель» и от царя в награду получившего титул графа, Коялович тоже называл «лучшим» из декабристов³¹.) Но о том, что «Русская Правда» Пестеля предусматривала освобождение крестьян с землею, у Кояловича нет ни слова. Пестель для него был автором конституции (все равно какой), а все конституционные проекты вызывали у него протест, так как «конституция» сама по себе означала уже отход России от неких «исконных» начал, что было непростительным грехом с точки зрения «славянофильского субъективизма», как сам Коялович характеризовал свои воззрения. В этом плане он упрекал и Александра I за либеральные мечты в начале царствования.

Основу своей концепции («необходимость для России самодержавия», чему противостояли «конституционные мечты декабристов»³²) Коялович заимствовал — равно как и «факт» для ее обоснования — из книги Д. А. Кропотова, формально представляющей биографический очерк печально известного Муравьева-«Вешателя»³³. В этой книге декабристам отведена довольно обширная VI глава, а в приложении опубликовано несколько документов, в частности «Конвенция, заключенная Бестужевым-Рюминым с польскими заговорщиками в 1824 году». На книгу Кропотова иногда бегло ссылаются отдельные исследователи, но в

²⁹ Коялович М. О. Указ. соч., с. 160. Напомним, что Россия объявлялась федерацией по «Конституции» Никиты Муравьева, за республиканскую федерацию славянских стран выступали и члены Общества соединенных славян.

³⁰ Коялович М. О. Указ. соч., с. 159.

³¹ Там же, с. 161.

³² Там же.

³³ Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874.

целом она как-то выпала из истории изучения движения декабристов. Вместе с тем работа Кропотова вносит коррективы в эту историю. Так, в нашей литературе принято считать, что до революции 1905 г. к следственным делам декабристов были допущены лишь четыре реакционно-монархических историка: бар. М. А. Корф и три военных историка — генералы М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин и Н. К. Шильдер³⁴. Оказалось, что и перед полковником Д. А. Кропотовым были открыты секретнейшие дела, причем значительно раньше, чем перед Дубровиным и Шильдером: книга Кропотова была уже опубликована в 1874 г. Как писал автор в предисловии, ему довелось едва ли не первым «прочсть подлинное дело бывшего Аудиториатского Департамента о семеновском возмущении, имеющее до шести тысяч листов»; он работал в архиве бывшего Департамента военных поселений, ознакомился с делами государственного архива, куда после следствия поступило все производство по делу декабристов, материалы архивов Государственного совета, министерств Военного, Внутренних дел, Народного просвещения и других³⁵. Но главным источником для Кропотова при изложении истории тайных обществ послужил рассказ младшего из братьев Муравьевых — С. Н. Муравьева, который в свою очередь основывался на устных воспоминаниях М. Н. Муравьева и отставного дипломата А. М. Бакунина, «бывшего в ту пору закулисным советником и руководителем» братьев Муравьевых³⁶. Чтобы представить политическое лицо Бакунина, достаточно сказать, что Кропотов его характеризует как строгого консерватора и монархиста³⁷.

Для Кропотова воспоминания этих лиц имеют «все признаки достоверности». Воспоминания же тех, кто прошел через каторгу и ссылку (к тому времени значительная часть их была уже издана А. И. Герценом), автор находит лишь «любопытными», заявляя к тому же, что в них якобы «мало можно найти искренних указаний на ход заговора или настоящего побуждения заговорщиков»³⁸. Цель Кропотова — обелить Михаила Муравьева и по возможности всех Муравьевых вообще в основном за счет очернения П. И. Пестеля. Он так же, как и его основной источник — Михаил и Сергей Муравьевы, не жалел слов ради унижения Пестеля, которого считал главным виновником «общего несчастья», втянувшим декабристов «в омут безумных революционных утопий»³⁹. Эта позиция, как видим, и была некритически воспринята Кояловичем.

³⁴ *Богданович М. И.* История царствования имп. Александра I и Россия в его время. СПб., 1871. Т. VI; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 1902; *Шильдер Н. К.* Указ. соч., т. I.

³⁵ *Кропотов Д. А.* Указ. соч., с. VI—VIII.

³⁶ Там же, с. VII.

³⁷ Там же, с. 208.

³⁸ Там же, с. 132.

³⁹ Там же, с. 194.

Основная задача нашей статьи не позволяет нам более подробно останавливаться на книге Кропотова, которая, несмотря на крайнюю тенденциозность, содержит много конкретных сведений, в частности по вопросам внутренних противоречий и столкновений в рядах членов тайных обществ декабристов.

Следующая крупная историографическая работа — «Главные течения русской исторической мысли» П. Н. Милюкова — печаталась сначала на страницах журнала «Русская мысль» (с 1893 по 1895 г.), а затем была издана отдельной книгой⁴⁰. Но и за эти годы все еще немного было сделано в области декабристоведения. «Период с 70-х до 90-х годов в историографическом отношении представляет тяжелую картину. Положение декабристской темы — один из многочисленных признаков кризиса дворянско-буржуазной историографии», — констатирует академик М. В. Нечкина⁴¹.

В книге П. Н. Милюкова не предусматривалось отдельного параграфа, посвященного декабристам, как то было у Кояловича, но тем не менее автор неоднократно касался этой темы. Конечно же, Милюков тоже говорил о декабристах в связи с критикой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Он писал, что «История» Карамзина стала выходить из печати тогда, когда «недовольная гвардейская молодежь уже готова была к основанию тайных обществ»⁴². В противоположность Кояловичу, идеализировавшему Карамзина, Милюков, как известно, старался свести его роль в истории исторической науки до минимума⁴³. Можно сказать, что он с сочувствием относился к возражениям будущих декабристов против «морализующего мировоззрения» Карамзина и точно указал на суть позиции Никиты Муравьева, который горячо «выговаривал Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его истории»⁴⁴. Разница во взглядах Карамзина и декабристов на весь ход русской истории проистекала, писал Милюков, из различия их политических воззрений.

Милюков возвращался к декабристам при характеристике 30—40-х годов XIX в., когда после суда над декабристами, «интеллигентная жизнь», по выражению Милюкова переместилась из

⁴⁰ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897, (далее цит. по 3-му изданию — СПб., 1913) (далее — Милюков П. Н. Главные течения...).

⁴¹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 18.

⁴² Милюков П. Н. Главные течения..., с. 245.

⁴³ Напомним некоторые положения П. Н. Милюкова о Н. М. Карамзине: Карамзин не участвовал «в работе исторической мысли ни старшего, ни современного ему, ни младшего поколения. Одни продолжали критическую работу, другие приняли за философское построение русской истории совершенно независимо от «Истории государства Российского»; роль Карамзина «в истории науки была не активная, а пассивная»; «развитие науки шло не через „Историю государства Российского“, а мимо нее» (Милюков П. Н. Главные течения..., с. 224, 178).

⁴⁴ Там же, с. 216.

Петербурга в Москву, из гвардии в университет. При этом Милюков в принципе верно обращал внимание на формирование разнотинской интеллигенции: «в университет пришел разночинец»⁴⁵. Надо сказать, что и при первом упоминании в книге о декабристах Милюков также подчеркивал этот момент, считая его заметной вехой в истории исторической науки. В авторском введении, обосновывая свою периодизацию «главных течений русской исторической мысли», в частности выделение 1826—1827 гг. в качестве грани, разделяющей два «крупнейших периода» ее развития,⁴⁶ он отмечал: «Золотая дворянская молодежь александровского времени, сметенная декабристской катастрофой, уступает в эти годы место московской университетской молодежи из разночинцев николаевского времени»⁴⁷. (Заметим кстати, что значительное число будущих декабристов тоже училось в Московском университете и в Московском университетском пансионе, а также в Московской школе колонновожатых, так что противопоставлять их московской университетской молодежи, как таковой, не совсем верно.)

Таким образом, выделяя как рубеж в русской историографии события, связанные с восстанием декабристов, вернее, с его последствиями, Милюков указал на новый аспект влияния декабристов — их воздействие на развитие истории отечественной исторической науки. Однако к самим декабристам и к их историческим взглядам Милюков не проявил особого интереса (исключение составило упоминание о Никите Муравьеве, о чем говорилось выше), хотя некоторые из работ декабристов по истории уже начали публиковаться⁴⁸. Более того, он оспаривал идейную преемственность декабристов и их последователей, попросту утверждая, что только в популярном изложении «идеалисты тридцатых годов»

⁴⁵ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 230.

⁴⁶ Подробнее см.: Киреева Р. А. Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в.— В кн.: История и историки: Историографический ежегодник 1971. М., 1973, с. 122—124.

⁴⁷ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 5.

⁴⁸ Сведения о первых публикациях исторических работ декабристов собраны в книге С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов»: «Несмотря на обет молчания в отношении декабристов, предписанный Николаем I русской печати, редкие упоминания об их исторических работах все же встречались. Об этом свидетельствуют хотя бы осторожные ссылки на статью Н. А. Бестужева о Гангутском сражении, встречающиеся в „Морском сборнике“ в 1850—1851 гг. ... В 1860 г. переиздается „Введение в историю российского флота“ Николая Бестужева... В 1866 г. М. П. Погодин опубликовал в своем труде о Карамзине пространные выдержки из записки Никиты Муравьева... В 1867 г. в Новочеркаске анонимно впервые вышло в свет „Историческое описание земли Войска Донского“. Авторство В. Д. Сухорукова было установлено лишь через несколько лет в небольшой заметке „Русской старины“ (1871)... „Русская старина“ напоминала в 70-х годах о Корниловиче, а в 80-х годах о М. А. Фонвизине... В 1892 г. был переиздан один из очерков Сухорукова» (Волк С. С. Указ. соч., с. 7—8).

рассматриваются «как бы непосредственными преемниками поколения, сошедшего со сцены в 1825 г.»⁴⁹. Учителей молодого поколения 30-х годов, пишет Милюков, следует искать среди деятелей александровской эпохи, но «эти учителя не имеют ничего общего с военной молодежью, участвовавшей в движении 14 декабря. Их идеи не требовали жертв: вместо политики и общественной жизни, они сосредоточили свой интерес на философских вопросах»⁵⁰. Да, действительно, декабристы не занимали университетских кафедр, а отбывали ссылку в Сибири, но Милюков совершенно не учитывает огромного идейного и нравственного воздействия подвига декабристов, и не только на ближайшее молодое поколение. Чтобы опровергнуть Милюкова и буржуазно-либеральную трактовку вообще, которую и отражал Милюков, достаточно вспомнить диаметрально противоположные свидетельства А. И. Герцена, которого Милюков также включал в категорию «идеалистов 30-х годов»⁵¹. Заявляя, что поколение 30—40-х годов черпало свой идейный багаж у тех людей, мировоззрение которых «было чуждо Пестелям и Рылеевым», Милюков переходил к своим излюбленным рассуждениям насчет якобы решающего значения западноевропейских философских идей в развитии русской исторической науки.

Вновь Милюков упоминает декабристов при рассмотрении мировоззрения П. Я. Чаадаева. Но и в данном случае он указывал не на общие черты, а подчеркивал различие позиций декабристов и Чаадаева, обусловленные, как утверждал Милюков, их различным общественным положением. Настроение немногочисленного и не многим доступного аристократического круга, в котором вращался Чаадаев (при этом Милюков не учитывал, что некоторые видные деятели движения декабристов также принадлежали к высшим слоям тогдашнего общества), «не совсем соответствовало тому, которое вынесли из тех же заграничных походов будущие декабристы». «Разочарования прошлого были здесь (т. е. «в кругу Чаадаева». — *Р. К.*) гораздо сильнее надежд на будущее. Относясь скептически или враждебно к мечтам о какой-то новой эре политической свободы, люди этого круга не могли помириться с крушением старой доброй традиции и ждали всего не от писанных конституций, а от восстановления старинной дисциплины, общественной и нравственной»⁵². В этом видит Милюков причину отклонения Чаадаева от «общего настроения столичного офицерства», т. е. от декабристов. О том, что Чаадаев был дружен со многими декабристами, особенно с И. Д. Якушкиным, что он сам был членом «Союза благоденствия» и привлекался по делу декабристов, Милюков не упомянул. И в этой теме для

⁴⁹ Милюков П. Н. Главные течения..., с. 254.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902.

⁵² Милюков П. Н. Главные течения..., с. 324.

него решающим являлось все то же пресловутое влияние философских учений Запада. Он и Чаадаев ценил главным образом за то, что тот превносил в Россию западноевропейские философские идеи.

В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» в той части лекции, которая была посвящена декабристам, опирался на основную выпешдешю к тому времени литературу (архивы для исследователей все еще продолжали оставаться закрытыми). Сам он указывал на книгу Корфа, находя, что она «очень верно воспроизводит события, только не все»⁵³. С. К. Богоявленский, комментировавший V часть курса Ключевского, изданного в 1937 г., указывал еще на три работы, которыми пользовался Ключевский. Это книга Богдановича «История царствования Александра I», развивавшая и подкреплявшая новыми документами концепцию «Донесения» и М. А. Корфа, книга автора либерального толка А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» и «Записки» декабриста И. Д. Якушкина, изданные в «Русском архиве» в 1870 г.

Сейчас стало довольно широко известно изречение Ключевского, сообщенное его сыном М. В. Нечкиной, о том, что «декабристы — историческая случайность, обросшая литературой»⁵⁴. В «Курсе русской истории» он низводил движение декабристов до попытки обычного дворцового переворота. Это, по Ключевскому, был эпизод в истории только одного сословия — дворянства, и даже не целого сословия, а лишь части его — дворянской образованной молодежи⁵⁵. «Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом; им кончается политическая роль русского дворянства», завершается превращение его из правящего класса во «вспомогательное средство бюрократических учреждений»⁵⁶ — и в этом видел Ключевский самое важное последствие событий 1825 г. Эта точка зрения Ключевского имела хождение в последующей исторической литературе, и даже в советское время. Ярчайшим тому примером может служить книга Б. И. Сыромятникова «Последний дворцовый переворот», изданная к 100-летию со дня восстания декабристов.

Однако сам Ключевский в более поздних набросках к курсу несколько ревизовал эту свою трактовку: «Декабристы важны не как заговор, как тайное общество,— писал он теперь,— это нравственно-общественный симптом, вскрывший обществу недуги, ко-

⁵³ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958, т. V, с. 255.

⁵⁴ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 18, 431.

⁵⁵ «Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того же, которое делало нашу историю прошедшего столетия,— из высшего образованного дворянства. Но не весь этот класс принимал в нем участие; событие сделано было частью этого класса» (Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937, ч. V, с. 311—312; ср.: Он же. Соч., т. V, с. 242).

⁵⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. V, с. 333; ср.; Он же. Соч., т. V, с. 261.

торых оно само в себе не подозревало; это целое настроение, охватившее широкие круги, а не 121 человек только, признанных виновными»⁵⁷.

Насколько можно судить по дошедшим до нас разрозненным историографическим наброскам Ключевского, относящимся к истории исторической науки первой трети XIX в., он не предусматривал специальной темы о декабристах, но упоминания о них встречаются. Ключевский, например, вскользь касался этой темы при общей характеристике «пробуждения патриотизма после 1812 г.». Он говорил о влиянии войны 1812 г. на пробуждение веры в народные силы «в смысле свободы, чувства и достоинства», на «поправление сознания», причиной чего он считал знакомство с жизнью Западной Европы. «Энтузиазм патриотизма и борьбы за свободу имел нравств[енное] действие,— писал он,— и бросил в русские умы новые общ[ественно]-полит[ические] понятия. Это расширение из высшего круга [перешло] на общества военное и т. д.»⁵⁸ Здесь, бесспорно, Ключевский имел в виду декабристов. Но патриотический подъем не был однороден, на что Ключевский и обратил внимание. В «патриотическо-литературном возбуждении», во главе которого стоял гр. Ф. В. Ростопчин, он обнаруживал связь с «официальным историческим сознанием после 1825 г.», в частности с М. П. Погодиным и со славянофилами⁵⁹. (Заметим, что зачатки «официальной народности» Ключевский усматривал уже и в панегириках XVIII в.). Одновременно Ключевский указывал и на оппозицию этому направлению, которое началось с П. Я. Чаадаева и декабристов⁶⁰. Как видим, в отличие от Милюкова, подчеркивавшего отчужденность Чаадаева от декабристов, Ключевский, наоборот, объединял их. Однако это наблюдение осталось у него не развитым.

Умеренный буржуазный либерал профессор Харьковского университета Д. И. Багалей читал свои историографические лекции уже после того, как тема о декабристах была «открыта» и уже были опубликованы работы, написанные на основании изучения в архивах подлинных дел. Между тем это не отразилось в его историографической работе, вышедшей в литографированном виде в 1911 г. Багалей менее, чем кто-либо другой из рассматриваемых нами авторов, уделил внимание декабристам, точнее сказать, он лишь мимоходом упомянул о факте существования критики Н. М. Муравьевым «Истории государства Российского» без малейшей попытки раскрыть ее. При этом он даже полностью не причислял Н. М. Муравьева к декабристам: по его мнению, тот лишь «до некоторой степени примыкал» к ним⁶¹.

⁵⁷ Ключевский В. О. Соч., т. V, с. 458. Запись от 10 апреля 1908 г.

⁵⁸ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 131, п. 13, д. 11.

⁵⁹ Там же, п. 12, д. 2.

⁶⁰ Там же, п. 13, д. 11.

⁶¹ Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911, ч. 1, с. 110.

По-иному подошел к этой проблеме В. С. Иконников, автор крупных монографий по истории русской общественной мысли, культуры, просвещения и фундаментального труда «Опыт русской историографии». Он рассматривал как важный исторический источник воспоминания и письма декабристов, за публикацией которых в запрещенных герценовских, а потом и в других изданиях он постоянно и внимательно следил. В ряде случаев Иконникову принадлежит первенство во введении в России в научный оборот материалов «Вольной русской типографии» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 1905 г., когда под влиянием первой русской революции усилился интерес к истории освободительного движения и в том числе к движению декабристов, Иконников сразу откликнулся на зов времени. В том же году он опубликовал ценную исследовательскую работу, основанную на новых архивных материалах, где показал непосредственную связь восстания Черниговского полка с крестьянскими волнениями на юге России, в местах действия повстанческого полка, происходившими под знаком требований освобождения от крепостной зависимости⁶².

В «Опыте русской историографии», в неопубликованной его части (объемом примерно в 60 п. л.), которая является непосредственным продолжением 2-й книги II тома, Иконников дважды останавливался на декабристской теме: в отделе «Обзор мемуаров русских людей и лиц, служивших в России» и в отделе «Переписка...» В этом труде, посвященном анализу источников личного происхождения, он ответил мемуарному наследию декабристов специальную главу, хотя это даже в какой-то степени нарушало принятую им структуру изложения «по царствованиям»: декабристская глава оказалась у него между «временем Александра I» и «временем Николая I». Уже одно это свидетельствует о его крайне высокой оценке записок декабристов. Данный вывод подтверждается и тем фактом, что Иконников довольно полно и точно излагал содержание этих воспоминаний. «Записки участников декабрьских событий,— писал он,— выясняют нам связь тайных обществ к масонским ложам, образования двух обществ — *Северного* и *Южного*, отличавшегося более крайними стремлениями и целями, ход этого движения, отношение к польским тайным обществам, открытое выступление в Петербурге 14 декабря как военного восстания, а затем на юге как бунта Черниговского полка, привлечение к следствию и суду участников, последствия приговора, жизни осужденных в Сибири и на Кавказе, с участием жен декабристов, также оставивших записки, и судьбу отдельных лиц по возвращении из ссылки и оставшихся в живых, в царствование Александра II»⁶³. В мемуарах декабристов нашли отражение,

⁶² Иконников В. С. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени: (По архивным материалам). СПб., 1905.

⁶³ Арх. АН СССР., ЛО, разряд II, оп. 1, д. 251, л. 26 об., 27.

продолжал он, настроения современного им общества, политические обстоятельства, административный порядок, бытовые условия и характеристики отдельных лиц ⁶⁴. В целом позиция Иконникова — полная противоположность позиции Кропотова, высказавшего, как мы видели, пренебрежительное отношение к воспоминаниям декабристов. Иконников высоко оценивал их не только как важнейший исторический источник, но и как литературные произведения: «Писанные людьми образованными, знакомыми с политической литературой, пережившими сложную драму жизни, записки декабристов выдаются в ряду мемуаров не только любопытными историческими подробностями, но и замечательными литературными достоинствами». Он подчеркивал эпический характер этих произведений, отмечая, что им были чужды полемические приемы и что этим они выгодно отличаются от позднейших политических мемуаров ⁶⁵.

После общей оценки мемуаров, принадлежащих перу декабристов, Иконников переходил к характеристике воспоминаний конкретных лиц, начиная с записок кн. С. П. Трубецкого. Однако мемуары Николая Тургенева и дополнения к ним его братьев Андрея и Александра он рассматривал в отрыве от общедекабристской литературы. Но и тут Иконников указывал на то, что автор «останавливается особенно подробно на своих отношениях к тайному обществу и декабристам и сообщает сведения о Южном обществе в оправдательном для себя смысле» ⁶⁶.

Во втором отделе книги «Переписка русских людей и лиц, служивших в России» Иконников также выделяет декабристскую тему в отдельный параграф. Подробно информируя о переписке самих декабристов как за годы их деятельности в тайных обществах, так и за годы каторги и ссылки, он справедливо называет важнейшими источниками этого времени также официальную переписку и донесения агентов полиции по делу декабристов ⁶⁷.

Подавляющее большинство рассмотренных нами авторов историкографических трудов писало свои работы в трудное для изучения движения декабристов время, когда тема была под прямым запретом, а необходимые источники оставались недоступными. Однако историки науки все же находили возможности так или иначе коснуться этой проблемы и своеобразно отразить ее в своих произведениях. Рассмотренные нами работы, в которых содержатся строки о декабристах, были далеко не одинаковы по своему предназначению: почти конспиративные «мысли для себя» в «Записках» Соловьева, предназначенные для студенческой аудитории лекции Ключевского и Багаля, попутные высказывания в открытой печати Кояловича и Милюкова, специальное изучение темы

⁶⁴ Арх. АН СССР, ЛО, разряд II, д. 251, л.27.

⁶⁵ Там же, л. 27—27 об.

⁶⁶ Там же, д. 250, л. 194 об.

⁶⁷ Там же, д. 252, л. 203 об., 206.

Иконниковым в опубликованной работе и в подготовлявшейся к изданию книге. Они по-разному и с различных сторон подступали к теме: касались конкретной истории движения, программ и целей декабристов как борцов против крепостничества (Коялович, Иконников); отмечали влияние движения декабристов на политику царизма (Соловьев); говорили об общем идейном настрое тогдашнего русского общества и об отдельных оттенках в нем (Коялович, Милюков, Ключевский, Багалей); проводили параллели между разными эпохами (Соловьев, Милюков); вводили декабристов в общее русло европейского революционно-освободительного движения (Соловьев). Выявляли и чисто историографические аспекты: Коялович, Милюков, Багалей отмечали критику декабристами исторической концепции Н. М. Карамзина; Коялович усматривал влияние декабристов на развитие «скептической школы»; Милюков и Иконников выделяли события 1825 г. как грань в истории исторической науки; Иконников рассматривал мемуары и переписку декабристов как исторический источник и т. д.

Несмотря на перечисленные выше частные наблюдения, все же в целом проблема влияния декабристов на историческую науку не была изучена дореволюционной дворянско-буржуазной наукой. Она не была даже отчетливо сформулирована и поставлена как исследовательская задача. Но какое бы скромное место в работах по истории исторической науки названные историки ни отводили теме декабристов (а они, в общем, чрезвычайно скупо, как мы видели, писали о них), сам факт вкрапления этой проблемы в общую историографическую ткань повествования свидетельствовал о том, что и они, эти историки, признавали влияние идеологии декабристов на развитие общественной мысли вообще и исторической мысли в частности.

II

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

У ИСТОКОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДВОРЯНСКО-БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ «РАБОЧЕГО ВОПРОСА» (30—40-е ГОДЫ XIX В.)

М. А. Заборов, Г. В. Хасина

Имущественное положение и социальный статус пролетариев в эпоху промышленной революции — тема, привлекавшая к себе пристальное внимание ученых и мыслителей первой половины XIX в. Оно в особенности выросло с 30—40-х годов, когда в условиях роста социальной активности пролетарских масс «рабочий вопрос» стал занимать все более видное место в научной и публицистической литературе.

Анализ воззрений представителей господствующих классов того времени на «рабочий вопрос» представляет значительный познавательный интерес, поскольку позволяет выявить и систематизировать суждения непосредственных свидетелей, наблюдавших жизнь рабочих из «близкого далека», «со стороны». Вместе с тем рассмотрение соответствующей литературы, несмотря на ее хронологическую «отдаленность», актуально в научно-теоретическом и идейно-политическом отношениях.

Современные реакционные историки, стремясь пересмотреть давнее прошлое рабочего класса и таким путем подвести солидную «историческую базу» под общесоциологические концепции буржуазной мысли, призванные реабилитировать и увековечить капиталистический строй, настойчиво переписывают, в частности, и те страницы истории капитализма, которые запечатлели бедствия пролетариата в пору его рождения. По выражению французского ученого Ж. П. Риу, будучи охвачены своеобразной эйфорией пресловутого «общества потребления», эти историки механически переносят ее и на трактовку социального развития эпохи промышленной революции¹. Они утверждают, будто жиз-

¹ Rioux J.-P. La révolution industrielle. Paris, 1971, p. 179.

ненный уровень наемных тружеников в результате распространения фабричного производства не только не снизился, но даже вырос, и отвергают представления тех буржуазных и социал-реформистских авторов конца XIX — начала XX в., которые при всей своей ограниченности рисовали более или менее реалистичные картины положения рабочего класса в период «раннего индустриализма» (Арнольд Тойнби-старший, П. Манту, Т. Роджерс, Дж. и Б. Хэммонды, С. и Б. Веббы и другие). Апологеты капитализма называют их «пессимистами», считая, что они сгущали краски при изображении промышленного капитализма в стадии его возникновения и, более того, что эти «сентиментальные буржуа» якобы просто приняли на веру некую легенду об «ужасах раннего капитализма», пущенную в ход «антикапиталистически предубежденными марксистами»².

Смысл воззрений историков-панегиристов («оптимистов») очевиден: как заявил еще в 1954 г. Ф. А. Хайек (США), всякие представления об ухудшении положения рабочего класса в период промышленной революции «способствуют дискредитации экономической системы, которой мы обязаны нашей нынешней цивилизацией» (имеется в виду, конечно, капитализм.— М. З., Г. Х.). «Мы справедливо можем презирать систему, которой ставится в вину,— констатировал он,— что она хотя бы на какое-то время ухудшила положение самого бедного и самого многочисленного класса населения». Такого рода представления, по мысли Хайека, внушают народу «эмоциональное отвращение к капитализму»³. Именно попыткой преодолеть это «эмоциональное отвращение», т. е. укрепить веру в капиталистический строй квазиисторическими аргументами, и являются искусственные конструкции его современных апологетов (Р. М. Хартуэлла, Т. С. Эштона, У. О. Гендерсона и других). Они стремятся приукрасить капитализм на одной из ранних стадий его развития и таким путем оправдать эту систему в целом, изобразив ее изначально благотворительной для трудящихся или, по крайней мере, представив дело так, что если в ее эволюции и были какие-то болезненные явления, то их следует расценивать как болезнь роста, «издержки индустриализма» и т. п. Совершенно прав, думается, современный французский историк Клод Фолэн, когда он, излагая спор «оптимистов» и «пессимистов»⁴, высказывает

² Kuczynski J. Das Entstehen der Arbeiterklasse. München, 1967, S. 230.

³ Capitalism and the Historians / Ed. by F. A. Hayek. Chicago, 1954, p. 9—10.

⁴ Дискуссия, о которой идет речь, развернулась с конца 40-х годов XX в., и в 50—60-х годах затрагивала почти исключительно английских историков, которые и вели ее на основе аргументов, почерпнутых из прошлого английского рабочего класса (См.: Ерофеев Н. А. Положение английских рабочих в эпоху промышленного переворота: (Историографический обзор).— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 603 и след.; Он же. Промышленная революция в ос-

мысль о том, что причины актуальности предмета спора «выходят далеко за рамки истории»⁵.

В свете сказанного ясно, что ретроспективное рассмотрение свидетельств историков, экономистов, социологов, а равно и публицистов 30—40-х годов XIX в. о положении рабочего класса — задача, решение которой имеет отнюдь не только сугубо академическое значение. Помогая восстановить историческую реальность, достоверное освещение этого вопроса существенно и в плане аргументированной идеологической борьбы против сегодняшних воззрений реакционных буржуазных историков, пытающихся навести глянец на изживший себя капиталистический строй, фальсифицируя его историю в далеком прошлом.

Далеко не все мыслители, чье внимание в 30—40-х годах XIX в. привлекла участь пролетариата, рассматривали этот класс как особую, исторически сложившуюся или складывавшуюся общественную категорию, не все представляли себе сколько-нибудь отчетливо качественные отличия собственно пролетариата, обусловленные его специфическим положением в системе капиталистического производства, от других категорий «неимущих». Напротив, в литературе 30—40-х годов, посвященной «рабочему вопросу», прослеживается явственно выраженная тенденция к смешению «рабочего сословия», «рабочих классов» с пауперами, обездоленными. Такое слияние понятий («пролетариат» — «неимущие») симптоматично для общественной мысли рассматриваемого периода: оно отражало определенную историческую реальность, а именно тот факт, что новый класс еще только начал выделяться из массы народа, еще только начал заявлять о себе в качестве самостоятельной социальной и политической силы. Поскольку термин «пролетариат» употреблялся в самом широком смысле, сливаясь с понятием «неимущие», постольку и проблема материального положения пролетариата, к которой обращались ученые и публицисты, часто охватывала в их произведениях фактически более широкий и менее дифференцированный круг вопросов, чем тот, который мог бы быть затронут при строгом словоупотреблении. Часто в работах современников речь идет вообще о «нищете низших классов» либо даже о «нищете наций», «нищете цивилизованных народов»⁶ и т. д.

вещении буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1964, № 11, с. 109 и след.). В дальнейшем в дискуссию включились также буржуазные историки Италии, ФРГ, Франции, США.

⁵ Fohlen C. Qu'est-que la révolution industrielle? Paris, 1971, p. 14.

⁶ Morogues baron de. Recherches des causes de la richesse et de la misère des peuples civilisés. Paris, 1823; Fodéré. Essai sur la pauvreté des nations. Paris, 1825.

Как бы то ни было, в научной и публицистической литературе первой половины XIX в. отчетливо наметились серьезные расхождения в оценке экономического положения «рабочих классов».

В трудах апологетически настроенных теоретиков буржуазной вульгарной политической экономии, тех, кого К. Маркс заклеймил меткой характеристикой «жалких проповедников гармонии интересов»⁷, предпринимались настоячивые попытки либо представить это положение в идиллических тонах, либо изобразить его если не абсолютно благополучным, то, во всяком случае, имеющим твердые перспективы на улучшение именно в условиях дальнейшего развития капиталистической фабричной системы. Так, представители английской «школы фритреда», выступавшей с позиций откровенной защиты интересов промышленной буржуазии, отрицали пагубные для рабочих последствия промышленного переворота. Аргументация тогдашних «оптимистов» была грубо прямолинейной. Н. Сениор (1790—1864), закрывая глаза на сокращение занятости в результате механизации производства, выражал уверенность в том, что «применение машин должно привести либо к увеличению общего уровня заработной платы, либо оставить его без изменения»⁸. А. Юр (1778—1857), восхваляя фабрикантов как «благодетелей» рабочих, настойчиво утверждал, что «фабричная система не только не действует отрицательно на положение рабочего населения, но, наоборот, является для него огромным благодеянием»⁹. Если ее становление и стоило, как он вынужден признать мимоходом, «неслыханных жертв», то это — преходящее явление, звено в цепи безусловного прогресса. Точно так же Ч. Найт (1791—1873) полагал, что, хотя «отчасти» введение машин болезненно повлияло на положение рабочих, однако эти негативные факторы имеют временный, локальный, частный характер; они постепенно исчезают, зато неизбежные выгоды механизации, по Найту, являются всеобщими: «С каждым успехом, который делают улучшения, отрицательные стороны этих улучшений, частичные и временные, все более и более слабеют»¹⁰.

Одним из самых убежденных и пылких «певцов» фабричной системы капитализма выступил знаменитый вигский историк Т. Маколей (1800—1859), снискавший известность, по словам

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 126.

⁸ Senior N.-W. Three Lectures in the Rate of Wages. London, 1830, p. 47.

⁹ Ure A. Philosophy of Manufactures. London, 1835, p. 329.

¹⁰ Knight Ch. Capital and Labour: Including the Results of Machinery. London, 1845, p. 218. Подробный разбор взглядов ряда английских буржуазных экономистов 30—40-х годов XIX в. (в том числе Дж. Милля, Дж. Р. Мак-Куллоха и др.), а также и их приспешников из числа публицистов (Дж. Броунинг и др.) см.: Ерофеев Н. А. Развитие капитализма и формирование резервной армии труда в Англии эпохи чартизма. — В кн.: Чартизм: Сб. статей. М., 1961, с. 115 и след.

К. Маркса, как систематический фальсификатор английской истории, подделывавший ее в интересах вигов и буржуазии¹¹. В 1830 г. Маколей писал о положении «рабочих классов» Англии: «Хотя у них есть свои горести, происходящие отчасти из-за их собственной недалековидности, отчасти из-за ошибок их правителей, в целом они находятся в лучшем положении, с точки зрения материального благополучия, чем население любого имеющего равные размеры района Старого Света». Как раз в силу этого, полагал Маколей, «страдания здесь ощущаются острее и оплакиваются громче, чем в каком-либо другом месте». И далее историк продолжал: «Мы должны признаться самим себе в том, что не можем найти ни одного удовлетворительного свидетельства тому, чтобы рабочие классы какой-либо великой нации в прошлом или настоящем были бы в лучшем положении, чем в Англии на протяжении последних тридцати лет... Слуга, ремесленник, землепашец получают более вкусную и обильную еду, лучше одеты, их дома лучше обставлены... А разве страна беднее, чем в 1790 году? Мы твердо уверены, что, несмотря на ошибки ее правителей, она непрерывно богатеет. Временами на короткий срок наблюдались регресс и упадок, но главная тенденция не вызывает никакого сомнения»¹².

К такого же рода выводам приходили некоторые английские авторы, занимавшиеся экономической историей. Так, Дж. Р. Портер высказался с полной определенностью: хотя «в какое-то время года те, кто жил поденным заработком, возможно, и терпели лишения, все же, за некоторыми исключениями, их положение с годами улучшилось»¹³.

Такова была вкратце сущность взглядов панегиристов промышленного прогресса в самой старой стране капитализма.

Аналогичные, хотя и менее ярко выраженные тенденции наблюдаются во Франции, в ее экономической и исторической науке. Еще в начале XIX в. Ж.-Б. Сей (1767—1832), отвергая саму мысль об эксплуатации рабочих капиталистами, рисовал радужную картину и перспективы дальнейшего улучшения положения пролетариата по мере введения машин («вследствие удешевления продукта»¹⁴), увеличения занятости¹⁵ и уменьшения «страданий в среде трудящегося рабочего класса». Он считал, что с заменой ручного труда машинным производством «при тех потрясениях, которые по временам приходится переносить разным отраслям промышленности, будут оставаться без работы не люди, а главным образом машины, т. е. капиталы; машины же не

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 283, 728, примечания.

¹² Macaulay T. B. Southey's Colloquies on Society.— Edinburgh Review, 1830, January.— In: Macaulay T. B. Critical and Historical Essays contributed to the Edinburgh Review. London, 1859, vol. I, p. 118—120.

¹³ Porter G. R. The Progress of the Nation. London, 1847, p. 459.

¹⁴ Say J.-B. Traité d'économie politique. Paris, 1841, p. 86—87.

¹⁵ Ibid., p. 88.

умрут с голоду»¹⁶. Вообще, по мнению Сея, «класс самых простых рабочих получает из продуктов, в производстве которых участвует своим трудом, *достаточную* долю вознаграждения не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы пополняться»¹⁷. Впрочем, в других местах своего «Трактата», впадая в противоречие с самим собой, Сей как бы вскользь признает «неблагоприятное положение рабочего класса»¹⁸: этот «многочисленный класс народа держится в самом бедственном состоянии»¹⁹. Более того, Сей высказывает филантропическое пожелание, которое говорит само за себя: «в интересах человечества» ему, Сею, «хотелось бы видеть, чтобы рабочие и их семейства были одеты соответственно климату и временам года; чтобы жилища их давали достаточно простора, воздуха и тепла, необходимых для их здоровья, чтобы пища их была здорова, обильна и разнообразна»²⁰. Однако преобладающий мотив у Сея при осуждении положения рабочих все же апологетический.

В 40-х годах Ф. Бастиа (1801—1850) точно так же доказывал всяческие преимущества машинной индустрии. Он полагал, что выгодами от нее пользуется все общество, «в том числе и рабочие»; если они и теряют работу вследствие введения новой машины, то это лишь временный фактор²¹. В целом, с точки зрения Бастиа, современное общество, вопреки «новомодным учениям» (автор имел в виду учения социалистов и коммунистов), представляет собою «самую прекрасную, современную, прочную, всемирную и справедливую из всех ассоциацию», где осуществляется «гармоничное сотрудничество» различных классов, обменивающихся своими услугами²².

Одописцы «индустриального общества» 30—40-х годов XIX в.²³, ослепленные ростом общественного богатства, сплошь и рядом подчеркивали «гармонию» интересов труда и капитала. Реальные факты, противоречившие такой предвзятой установке, эти ученые приказчики буржуазии нередко попросту отбрасывали, а если и замечали их, то объявляли чем-то случайным.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid., p. 373. Курсив наш.— М. З., Г. Х.

¹⁸ Ibid., p. 377.

¹⁹ Ibid., p. 380.

²⁰ Ibid., p. 377.

²¹ Premières notions d'économie politique, sociale ou industrielle suivies de ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas. Par F. Bastiat. Paris, 1879, p. 245—246, 252.

²² Bastiat F. Harmonies économiques. Paris, 1850, p. 16.

²³ Столь модное ныне среди буржуазных социологов выражение «индустриальное общество» впервые, насколько мы в состоянии судить, встречается уже в работе немецкого консервативного историка 40-х годов XIX в. Л. фон Штейна «История социального движения во Франции с 1789 г. и до наших дней» (1850 г.). Второй том назывался: *Stein L. von. Die industrielle Gesellschaft, der Sozialismus und Kommunismus Frankreichs von 1830 bis 1848* (переведен в ФРГ — Hildesheim, 1959).

«Все, что пишут в радикальных газетах и статьях о глубокой нищете работников, об их лицах, изможденных от голода, об исхудавших телах, об их лохмотьях, об отчаянии, которое заставляет многих кончать жизнь самоубийством, бросаясь в воды Роны,— все это ложь. Лишь дух партий виноват в выдумывании столь абсурдных сказок»,— писал орлеанист Ж.-Б. Монфалькон (1792—1874), первый историк лионских восстаний 1831 и 1834 гг., обрушивавшийся на «радикалов», которые, по его словам, «эксплуатируют невежество рабочих»²⁴.

По Монфалькону, никакой эксплуатации они вовсе не подвергаются: только радикальные издания «превращают рабочего в воплощение нищеты, изображают его парией, истощенным работой и голодом, а на фабриканта возводят самые черные обвинения», рисуют его «безжалостным угнетателем, бичом рабочих, тираном» и пр. Все это — «клевета», «которую, однако, распространяют потому, что она абсурдна». Клеветой является, с точки зрения историка, и «многократно повторявшееся утверждение, будто роскошь фабрикантов создается потом рабочих». На самом деле, оказывается, предприниматели совсем не собираются «превращать рабочих в нищих», а богатство их «образуется отнюдь не путем уменьшения заработной платы». И далее Монфалькон старается всякого рода искусственными доводами опровергнуть «наветы» радикалов: мол, «бедные классы у нас давно освобождены, каждому пролетарию предоставлена возможность с помощью бережливости, труда, профессиональной сноровки перейти в благоустроенный класс». Само собой разумеется, «переход этот может быть — по времени и обстоятельствам — нелегко, но он, в конце концов, возможен»²⁵.

Утвердить читателя во мнении, что якобы вполне возможно социальное «возвышение» рабочего, превращение его в добропорядочного буржуа, что судьба рабочего и его благосостояние находятся в его собственных руках,— таков смысл всех этих рассуждений, направленных на опровержение теорий столь ненавистных Монфалькону социалистов. Рабочий, лицемерно твердит Монфалькон, независим от фабриканта, «не подчинен ему», он «свободен располагать своей личностью», «у него свое жилье», словом, это вовсе «не какой-то пролетарий, каким его изображают»²⁶.

Будучи настроен апологетически, Монфалькон, однако, не смог полностью игнорировать очевидные факты: непропорционально низкие заработки, отвратительное жилье, скверное питание рабочих Лиона²⁷. Таким образом, его позиция на практике оказывалась не вполне последовательной.

²⁴ *Monfalcon J.-B. Histoire des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834. Paris, 1834, p. 36—37.*

²⁵ *Ibid.*, p. 39, 46, 49—50.

²⁶ *Ibid.*, p. 33—34.

²⁷ *Ibid.*, p. 29, 35—36.

Откровенная апологетическая направленность воззрений ряда буржуазных экономистов, историков, публицистов не осталась незамеченной исследователями и мыслителями, в той или иной степени критически оценивавшими современную им социальную действительность. Французский сисмондист Э. Бюрэ (1810—1842) открыто сетовал на современную политическую экономию, которая «остаётся равнодушной к нищете». Занятая лишь «богатством», успехами капиталистического предпринимательства (речь идет, конечно, о «вульгарной школе», политэкономии), она видит, писал этот ученый, в пауперизме некое «злосчастное исключение», опасаясь признать, что «современное общество не есть лучший из возможных миров»²⁸.

Немецкий экономист К. Родбертус-Ягцев, «подлинный основатель специфически прусского социализма»²⁹, едко иронизировал над теми представителями вульгарной школы, которые, подобно англичанке Гарриэт Мартино с ее многотомными «Иллюстрациями к политической экономии» (1832—1834), доказывали рабочему, что он обязан свести свои потребности до минимума, временами обман и голодать, ибо таков-де закон общественной жизни, который к тому же изменился к лучшему: ведь раньше рабочие и вовсе умирали от голода. «Спросим, однако,— писал Родбертус, возражая откровенным апологетам буржуазной экономики,— удовлетворится ли подобными рассуждениями тот, кто требует куска хлеба и не видит его перед собой», удовлетворится ли он рассуждениями, согласно которым «тот, кто сегодня ходит в отрепьях», должен радоваться им, поскольку он «раньше и вовсе был наг»³⁰.

Значительная часть ученых и публицистов предмарксова периода, интересовавшихся «рабочим вопросом», принадлежали как раз к критическому направлению, противостоявшему буржуазной апологетике. Оно не было однородным. В нем с известной долей условности можно выделить консервативное, либерально-буржуазное и буржуазно-демократическое течения.

Особенно обильная литература, в которой в той или иной мере затрагивались проблемы положения пролетариата, сложилась в Англии, стране наиболее развитых капиталистических отношений³¹.

²⁸ *Buret E.* De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France.— In: *Cours d'économie politique*. Bruxelles, 1839, p. 438, 454.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 182.

³⁰ *Rodbertus-Jagetzow C.* Die Forderungen der arbeitenden Klassen.— In: *Rodbertus-Jagetzow C.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. Berlin, 1885, T. II, S. 200—201.

³¹ Таковы книги Э. Бэйнса (*Baines E.* History of the Cotton Manufacture of Great Britain. London, 1835), Дж. К. Саймонса (*Symons J. C.* Arts and Artisans at Home and Abroad. Edinburgh.— London, 1839), Р. Слэни (*Slaney P.* State of the poorer classes in Great Towns. London, 1840). В частности, огромный материал о бедствиях, принесенных трудящимся фабриками, приводился в трактатах по социальной гигиене (см.: *Vaughan R.* The Age

Нищенский уровень жизни «рабочих классов» — центральная тема многих торийских книг и брошюр, выдержанных в духе торийского консерватизма. Наиболее ярким представителем этого течения был безусловно Т. Карлейль, автор насыщенных выразительными свидетельствами книг «Чартизм» (1840 г.) и «Прошлое и настоящее» (1843 г.)³². В первой из них проблеме нищеты рабочих посвящена особая глава — об английской экономической статистике^{33–34}. Историк язвительно высмеивал ухищрения официальной статистики и ее «оптимистически» настроенных буржуазных интерпретаторов, которые, манипулируя цифровыми данными, тщились доказать, будто положение бедняка «не может быть иным, кроме как только благополучным, поскольку-де средняя продолжительность жизни в Англии определенно возросла». Официальная статистика, с горечью замечал он, «до сих пор не дала ответа на вопрос о положении рабочих в нашей стране, каким оно было, каково оно сейчас, улучшается ли оно или становится хуже»³⁵.

Во второй работе Англия рисуется страной невероятных социальных контрастов: в этом смысле, полагает историк, «положение Англии, о котором сейчас публикуется так много памфлетов и о котором много мыслей роится в голове всякого думающего человека, по справедливости считается одним из самых угрожающих и вообще самым необычным, какие когда-либо видел свет». В самом деле, продолжает автор, «она изобилует всякого рода богатствами, самыми различными продуктами, необходимыми для удовлетворения всех потребностей человека». И тем не менее Англия, пишет он, имея в виду ее тружеников-рабочих, «умирает от голода». Контраст этот, в изображении Карлейля, поразителен: «В неизменном изобилии зеленеет и цветет земля Англии, волнуясь золотой нивой», страна «густо усеяна мастерскими со всякого рода орудиями труда, промышленными предприятиями», в ней — пятнадцать миллионов рабочих, «слывущих самыми сильными, искусными и усердными, каких когда-либо знала земля... Эти люди находятся среди нас; работа, исполненная ими, плоды, созданные их руками, имеются тут в избытке, всюду в самом пышном изобилии — и вот, словно по волшебству, раздается зловещее повеление: „Не прикасайтесь к ним, вы — рабочие...“». Народ, по словам Карлейля, погибает «среди полнокровного изобилия», ибо «работающая часть этого богатого английского народа опустилась или быстро опускается до состояния, которому... буквально никогда еще не было подобного»³⁶.

of Great Cities, or Modern Civilisation viewed in its Relation to Intelligence, Morals and Religion. London, 1840). Подробнее см.: Венгерова И. В. Из истории социальной гигиены в Англии XIX века. М., 1970.

³² См.: о нем: Campbell J. Thomas Carlyle. London, 1974.

^{33–34} Carlyle Th. Chartism. London, 1840, ch. VI. p. 9–15.

³⁵ Carlyle Th. Chartism, p. 10–11.

³⁶ Carlyle Th. Past and Present. London, s. a., p. 3–6, 9.

В упоминавшемся выше памфлете «Чартизм» историк свидетельствует, что в Англии «полмиллиона ручных ткачей... работают по 15 часов ежедневно и тем не менее не в состоянии обеспечить себе в достаточном количестве самой грубой пищи»; английские сельскохозяйственные рабочие зарабатывают всего 9 или 7 шиллингов в неделю; шотландские батраки, «работающие главным образом в районах молочного хозяйства, не имеют возможности отведать капли молока», — указывает он, добавляя, что многое из всего этого можно легко увидеть своими собственными глазами³⁷. Особенно подробно останавливается Карлейль на крайне бедственных условиях, в которых живет ирландский трудящийся. Вывод откровенен и недвусмыслен: пролетариат Ирландии — голодающий пролетариат. «И всякому ясно, — заключает Карлейль, — что положение английского рабочего приближается к положению ирландского»³⁸.

Аналогичные мысли высказываются и в памфлете «Прошлое и настоящее». Карлейль рисует страшные «картины горя, нужды и отчаяния», каких «солнце еще никогда не видело», с горечью и гневом описывает муки двух миллионов рабочих, заключенных в рабочих домах, рассказывает о мизерных заработках манчестерских рабочих, которые получают «за дневной труд только несколько монеток, способных поддержать их живыми; такое количество пищи, одежды и топлива в возмещение за их труд, которое бы сделало их способными продолжать этот самый труд»³⁹.

Приговор историка современному общественному строю крайне пессимистичен: «Такой гнусный мир, в котором все рабочие лошади могут быть хорошо накормлены, а бесчисленные рабочие люди должны умирать с голода, — не лучше ли было бы, если бы ему наступил конец?»⁴⁰.

Обличения социальных язв английского буржуазного общества, хотя эти обличения и осуществлялись с консервативных позиций, посредством критики буржуазного строя «справа», позволили К. Марксу подчеркнуть ту заслугу Карлейля, что «он выступил в литературе против буржуазии в то время, когда ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу, причем выступления его носили иногда даже революционный характер»⁴¹. И не случайно Ф. Энгельс перевел большие отрывки из памфлета «Прошлое и настоящее», а в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» он нередко, как

³⁷ *Carlyle Th. Chartism*, p. 31.

³⁸ *Ibidem*.

³⁹ *Carlyle Th. Past and Present*, p. 29.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 31. Карлейль, в частности, бичует анархию производства, ведущую к перепроизводству товаров; между тем, огромные массы людей лишены необходимого: «Миллионы рубашек и пар штанов висят обвинителями» против фабрикантов (*Ibid.*, p. 235).

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 268.

заметил Е. А. Косминский, говорит словами Карлейля. По выражению Косминского, Энгельс прощал Карлейлю «неопределенную реакционность его симпатий»⁴².

Столь же неутешительным образом, как и Карлейль, оценивали положение английского рабочего класса многие другие представители *консервативно-романтического* направления. Бедствия пролетариата в сочувственных к его тяготам тонах рисует в своем историческом исследовании на эту тему, вышедшем в 1833 г., протестантский священник Дж. Уэйд (в Англии)⁴³, о том же повествует ряд его современников во Франции и в Германии.

В своей книге «Машинное производство — добро или зло?» (1844 г.) Уэйд объясняет снижение заработной платы конкуренцией между рабочими, переполняющими рынок труда, замечая, что от этого происходит общее ухудшение в положении народных масс, ведущее к росту смертности и преступлений против собственности⁴⁴. Французский виконт Вильнев де Баржемон, автор «Христианской политической экономии», склоняется к мысли, что в Англии «положение рабочего класса постепенно сливается с положением нищих»⁴⁵. Испанский экономист П. Пебрер усматривает парадоксальность положения именно в том, что обилие капитала ведет не к процветанию, которого как будто бы можно было ожидать, а к упадку: «огромный избыток рабочей силы, этого подлинного источника богатства, порождает нищету, разорение и страдания трудящихся». Для Пебрера очевидно, что «имеются какие-то скрытые дефекты в этом могучем сооружении, нечто порочное в строении этой удивительной системы или же неправильное управление огромными ресурсами этой величайшей империи»⁴⁶.

Положение английских рабочих занимает и немецких историков и экономистов консервативного толка. В социальной жизни капиталистической Англии они ищут ответ на вопрос, волновавший всю мыслящую Германию того времени, — о ее собственном будущем. Об этом пишет даже такой, казалось бы, вообще крайне далекий от подобных сюжетов ученый, как медиевист Ф. фон Раумер (1781—1873), автор известной «Истории Гогенштауфенов». Посетив Англию в 1835 и 1841 гг., побывав в ее

⁴² Косминский Е. А. Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». — В кн.: Чартизм: Сб. статей, с. 87.

⁴³ Wade J. History of the Middle and Working Classes. London, 1833. Подробнее об этой работе см.: Ерофеев Н. А. Английская историческая наука во 2-й половине XVIII — первой половине XIX в. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968, с. 44.

⁴⁴ Wade J. Machinery — is it Good or Evil? London, 1844, p. 343—347.

⁴⁵ Villeneuve-Bargemon A. de. Economie politique chrétienne, ou recherches sur les causes du pauperisme. Paris, 1834, t. 1, p. 23—24.

⁴⁶ Pebrer P. Taxation, Revenue, Expenditure, Power, Statistics and Debt of the whole British Empire, their Origin, Progress and Present State with an Estimate of the Capital and Resources of the Empire. London, 1833, p. V.

фабричных городах, Раумер в своих путевых очерках⁴⁷ (Ф. Энгельс называл работу Раумера «жалкой книжкой», хотя и считал ее лучшим, что есть в немецкой литературе об этой стране)⁴⁸, уделяет много места экономическим и социальным вопросам, говорит о бедственном положении рабочих, пауперизме, детском труде, проституции и т. д. Он использовал для характеристики положения рабочих, помимо личных впечатлений, ряд официальных источников («Журнал статистического общества» и тому подобные материалы). Вывод его однозначен: между богатыми и бедными — пропасть. Немецкий социолог и историк аристократ Л. фон Штейн, один из первых исследователей идей утопического социализма и коммунизма, основываясь на различных трудах о положении дел в Англии, охарактеризовал жизненные условия рабочих своего времени краткой, но чрезвычайно емкой формулой: «Жить для пролетария означает разве что не умирать»⁴⁹.

Бедственное положение пролетариата Франции раньше всего также засвидетельствовали идеологи аристократии, свергнутой в 1830 г. крупной буржуазией.

Тяготы «рабочих классов» подробно перечислял, в частности, барон Биго де Морог (1776—1840), написавший выдержанную в духе «социального католицизма» того времени книгу «О нищете рабочих и о пути, по которому нужно следовать, чтобы излечить ее»⁵⁰. Автор констатировал, что годовая заработная плата французской рабочей семьи составляет в среднем около 800 фр., тогда как необходимые расходы (на питание, жилище, одежду) равняются 860 фр.⁵¹ Даже если рабочий сократит расходы на питание и одежду, то, сведенные до минимума, эти расходы все равно будут не ниже 760 фр. в год. «К несчастью, — отмечает, де Морог, — рабочий подвержен болезням, и часто у него нет работы, а тогда он не может заработать в год в среднем 760 франков, нужных для него и его семьи»; в этом случае он «находится в состоянии нищеты»⁵². Чтобы представить себе весь ужас их положения, пишет де Морог, достаточно взглянуть

⁴⁷ *Raumer F. von. England im Jahre 1835. Berlin, 1835; 2-te Verbess. Aufl.—1842.*

⁴⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 619.*

⁴⁹ *Stein L. von. Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Beitrag zur Zeitgeschichte.— 2-te Aufl. Leipzig, 1848, S. 160.*

⁵⁰ *Morogues Bigaut baron de. De la misere des ouvriers et de la marche à suivre pour y remédier. Paris, 1832.*

⁵¹ *Ibid., p. 36, 39.* Спустя столетие комиссия видных французских социологов и экономистов, возглавляемая Ж. Блонделем, осуществила общую перепроверку данных Биго де Мороба с учетом накопленных к тому времени архивных и опубликованных материалов. Правильность его расчетов была в общем и целом подтверждена этой комиссией, внесшей лишь незначительные коррективы в отношении положений рабочих в отдельных районах страны (См.: *Bouvier-Ajam M. Histoire du travail en France depuis la Révolution. Paris, 1969, p. 139—141*).

⁵² *Morogues Bigaut baron de. Op. cit., p. 51—53, 56.*

на «эти призраки с тусклым взглядом, с выступающими скулами и истощенным телом», на «болезненную, свинцового цвета кожу бедняков, изнуренных голодом», «чью жизнь сокращают смертоносная пыль, зловонный воздух, тяжелая и опасная работа»⁵³.

«Рост пауперизма» среди «низших классов» констатирует и такой в общем поверхностный наблюдатель, как князь де Монако — герцог Валентинуа, автор легковесного опуса «О пауперизме во Франции и о средствах его ликвидации». Рассматривая «пролетарский класс» как одну из категорий «нуждающихся лиц», этот аристократ-филантроп отмечает прогрессирующее ухудшение положения именно данного класса в условиях промышленной революции. Подобно де Морогу, он видит в обнищании пролетарских масс «неизбежное следствие» роста крупной промышленности и технического прогресса, когда рабочие, выброшенные на улицу, «не имеют никакой возможности получить работу» и обречены на голодную смерть⁵⁴.

Крайне неутешительную картину положения «рабочих классов» Франции нарисовал упоминавшийся выше ученый-аристократ А. Вилльнев де Баржемон (1784—1850). Будучи при Реставрации префектом департамента Нор, он по собственной инициативе предпринял исследование материальных и социальных условий жизни французских рабочих на основе документальных источников (официальной статистики, данных переписи населения и сведений, полученных в результате переписки с префектами других департаментов). Сравнивая положение «рабочих классов» в Англии и во Франции, Вилльнев-Баржемон указывает, что если в Англии число бедняков (3 903 631 чел.) составляет $\frac{1}{6}$ всего населения страны, то во Франции (1 600 000 бедняков) — $\frac{1}{20}$ населения⁵⁵. Большую степень развития пауперизма в Англии, по мнению ученого, подтверждает и разница в количестве преступлений, совершаемых в этих двух странах.

Идеолог знати, враждебной бурно развивавшемуся во Франции капитализму, Вилльнев де Баржемон решительно выражает собственное неприятие господства финансовой и промышленной аристократии, пришедшей к власти во Франции в результате Июльской революции 1830 г. Последствием Июльской революции, по мнению Вилльнев-Баржемона, явилось создание в стране «нового феодализма, гораздо более деспотического, угнетающего, в тысячу раз более жестокого, чем феодализм средних веков». Отныне «существование рабочего населения, обреченного на нищету, на подчинение, на нравственную деградацию, стало зависеть от воли или от интересов ...новых господ»⁵⁶ — денежной и

⁵³ *Morogues Bigaut baron de*. Op. cit., p. 41—43.

⁵⁴ *Monaco, le prince de, duc de Valentinois*. Du paupérisme en France et des moyens de le détruire. Paris, 1839 et 1840, p. 18—20, 64, 66, 68, 69.

⁵⁵ *Villeneuve-Bargemon A. de*. Op. cit., t. 1, p. 23, 24; Paris, 1834, t. 2, p. 140, 141, 154, 155, 164.

⁵⁶ *Ibid.*, t. 1, p. 389, 390.

промышленной аристократии. Многие места трактата звучат настоящим обвинительным актом капиталистическому строю, который обрек рабочий люд на крайнюю бедность. Именно при господстве финансовой и промышленной аристократии, указывает автор, «нищета рабочих классов» приобрела «колоссальные и ужасные пропорции», она «стала целой проблемой современной эпохи»⁵⁷. «Рабочие классы едва могут удовлетворить свои насущные потребности, и труд, часто прерываемый безработицей и болезнями, не может обеспечить им питание, кров и одежду»⁵⁸. Эта мысль — лейтмотив его нападок на «промышленный феодализм».

Полагая, вопреки истине, что рабочие «страдают без возмущения и почти без ропота», Вилльнев де Баржемон в то же время советует власть имущим не забывать о том, «с каким успехом агитаторы имели бы возможность» воспользоваться рабочими «как слепыми орудиями восстания и анархии во время политических кризисов»⁵⁹.

Сходные мотивы звучат в сочинениях немецких консерваторов 30—40-х годов XIX в., у которых, однако, общие рассуждения преобладали над конкретными фактами. Типичными для взглядов идеологов прусского юнкерства того времени были высказывания таких его видных идеологов, как И. М. Радовиц (1797—1853) и Фр. Баадер (1765—1841). В своих опубликованных анонимно «Современных беседах о государстве и церкви» И. М. Радовиц признавал близость социально-экономических процессов, происходящих в Германии, с теми, которыми отмечено развитие Англии и Франции и с которыми повсюду связан рост пауперизма трудящихся. Для него была очевидна неотвратимость дальнейшего увеличения нищеты рабочих масс в Германии, хотя пока что, как полагает одно из действующих лиц «Бесед», выражающее и мнение автора, «у нас, в отличие от Англии и Франции, нищим является только каждый двадцатый» житель страны⁶⁰. Фр. Баадер, идейный лидер прусских консерваторов того времени, громогласно обличал «новое рабство», которое укоренилось в «так называемой христианской и просвещенной Европе», где по его словам, «цивилизация немногих держится... нецивилизованностью многих»⁶¹.

Бедственное положение пролетарских масс в эпоху промышленной революции засвидетельствовали и представители *либерально-буржуазного* направления общественно-политической мыс-

⁵⁷ Ibid., p. 28, 29.

⁵⁸ Ibid., p. 157—158; см. также: p. 98, 99, 274, 276 е. а.

⁵⁹ Ibid., t. 2, p. 63—64.

⁶⁰ Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. 2 Aufl. Stuttgart, 1846, S. 116—117.

⁶¹ Baader Fr. Über des dermalige Missverständniss der vermögenlosen oder Proletars zu den vermögenbesitzenden Klassen der Sozietät.— In: Baader Fr. Gesellschaftslehre. München, 1957, S. 240.

ли 30—40-х годов. Жизненные условия английских рабочих детально охарактеризовал, в частности, либеральный французский публицист Леон Фоше (1803—1854). В 1843—1844 гг. в журнале «Ревю де дэ монд» была опубликована серия его статей под общим названием «Этюды об Англии». В этих статьях перед читателем представляли во всей своей неприглядности рабочие кварталы Лондона (статьи «Уайтчепель», «Сент-Джайлз»), Манчестера, Лидса, Бирмингема⁶². (В 1845 г. статьи Фоше были выпущены отдельной книжкой.) Написанные на основе живых впечатлений, «Этюды об Англии» давали весьма реалистичную картину бедственных условий жизни английских пролетариев. Эти статьи высоко ставил Ф. Энгельс, считавших их более ценными, чем все остальное, написанное по данному вопросу как немцами, так и французами⁶³. Суждение Ф. Энгельса важно в особенности потому, что сам Фоше занимал сугубо «оптимистические» позиции в оценке приводившихся им фактов. Он не отрицал, что введение машинной техники вызывает «жесточкие страдания в социальной жизни», но определял их как проявление временных трудностей «переходного периода». В целом же внедрение машин оказывает, по его мнению, «благоприятное воздействие» на положение рабочих и в конечном счете приводит к повышению их заработной платы. «Заработная плата,— утверждал Фоше,— претерпела общее повышение... особенно в течение последних двадцати лет». Ресурсы рабочей семьи возросли: «к заработку мужчины прибавился заработок женщины и ребенка», в то же время «цены на предметы первой необходимости имели тенденцию к снижению». Общий вывод Фоше гласил: «Уровень жизненных условий (пролетариата.— М. З., Г. Х.) повысился»⁶⁴. Вынужденный констатировать под давлением фактов, что в результате роста машинной индустрии заработка некоторых категорий рабочих, к примеру ручных ткачей и прядильщиков в хлопчатобумажном и шерстяном производстве, сократились, Фоше, широким жестом отменяя их, заявляет: «Какое имеет значение, что заработки отдельных групп рабочих понижаются, если в целом перспектива положения труда в стране улучшилась?»⁶⁵.

Коль скоро, однако, положение трудящихся «в целом» благополучно и имеет верные перспективы дальнейшего улучшения, чем же тогда объясняется недовольство рабочих, которое Фоше

⁶² *Faucher L.* Etudes sur l'Angleterre. White Chapel.— *Revue de deux mondes*, oct. 1843; *Idem.* Saint-Giles.— *Ibid.*, nov. 1843; *Idem.* Liverpool.— *Ibid.*, décembre 1843; *Idem.* Manchester.— *Ibid.*, mars — avril 1844; *Idem.* Leeds.— *Ibid.*, mai — juin 1844; *Idem.* Birmingham.— *Ibid.*, août 1844.

⁶³ См.: *Косминский Е.* Энгельс и Бюрэ.— В кн.: *Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*. М.; Л., 1929, кн. 4, с. 430—431; *Он же.* Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».— В кн.: *Чартизм*: Сб. статей, с. 87.

⁶⁴ *Faucher L.* Du droit au travail. Paris, 1848, p. 5.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 7—8.

не берет на себя смелость отрицать? Причина, оказывается, в том, что, «несмотря на повышение заработной платы», отсутствует «равновесие» между нею и потребностями: «Насколько бы ни увеличивались доходы трудящихся классов, их потребности растут быстрее»; ведь рабочие, которых пытаются представить обездоленными и несчастными, на самом деле уже свыклись с «определенной атмосферой трат, комфорта и даже роскоши»⁶⁶.

Либеральные тенденции в освещении положения пролетариата получили также отчетливое выражение в трудах ряда экономистов и социологов 30—40-х годов.

В 1832 г. французская Академия моральных и политических наук организовала подепартаментское обследование, целью которого было «установить со всей возможной точностью физическое и нравственное состояние рабочих классов»⁶⁷. Одним из исполнителей этого обследования явился врач-либерал Л.-Р. Виллерме (1782—1863). Он тщательно изучил условия труда и быта рабочих шелкоткацкой, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности в важнейших текстильных центрах Франции, включая район Лиона, Лангедок, Эльзас, Пикардию, Шампань и другие. Итогом его работы был трактат «Картина физического и морального состояния рабочих»⁶⁸.

Излагая собранные факты, Виллерме выступает против воззрений социалистов, которые, по его мнению, преувеличивают беды рабочих. Тем не менее сам он приводит обильные данные о неблагополучии в их положении. В трактате, в частности, конкретно показан низкий уровень заработной платы городских рабочих, решительно не соответствующий прожиточному минимуму⁶⁹. Виллерме указывает далее на чрезмерную продолжительность трудового дня рабочих, одинаковую для всех трудящихся независимо от их возраста; в этом — одна из причин преждевременного разрушения здоровья детей, которые, по свидетельству Виллерме, «каждый день стоят на ногах 16—17 часов, из них, по крайней мере, 13 часов — в закрытой комнате, почти не меняя места и положения. Это уже не работа, это — пытка; и ее применяют по отношению к детям 6—8 лет, плохо питающимся, плохо одетым...»⁷⁰.

⁶⁶ Ibid., p. 10.

⁶⁷ Mireaux E. Louis-René Villermé. Paris, 1961, p. 10—11.

⁶⁸ В трактате Виллерме неоднократно черпали сведения позднейшие исследователи, занимавшиеся судьбами французского рабочего класса XIX в., в том числе Е. В. Тарле и Ф. В. Потемкин. Однако в историографическом аспекте это произведение ранее никем не анализировалось.

⁶⁹ Villermé L.-R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine, et de soie. Paris, 1840, t. 1, p. 100, 144, 153.

⁷⁰ Ibid. Paris, 1840, t. 2, p. 86. Виллерме несколько раньше опубликовал отдельную книгу о детском труде на мануфактурах, в которой, не выступая против него как такового, указывал тем не менее на его «чрезмерную продолжительность» (Villermé L.-R. Discours sur la durée trop longue du travail des enfants dans beaucoup des manufactures. Paris, 1837).

Мрачную картину являют и жилищные условия рабочих. В Мюлузе, Дорнахе автор своими глазами видел жалкие лачуги, в которых две семьи спали каждая в своем углу, на соломе, брошенной поверх досок, лежащих на полу. «Лохмотья вместо одеяла и нечто вроде грязного до отвращения перьевого матраца — вот все, что прикрывало эту солому». Достовернейшим образом рассказывает Виллерме и о подробностях рабочего быта в Лилле, где многие рабочие «населяют подвалы и чердаки. Эти подвалы никак не сообщаются с домом: они выходят прямо на улицы или на дворы, а лестница, по которой туда спускаются, очень часто служит и дверью и окном». Естественно, что в этих грязных конурах не могло быть и речи даже о самой примитивной гигиене; на постелях вповалку спали «лица разного пола и возраста, большинство из них отвратительной нечистоплотности, без рубашек» ⁷¹.

Подробностями такого рода был насыщен этот трактат. Между тем, основная тенденция его определялась вполне «благонамеренными» стремлениями. Виллерме исходит из представления, будто судьба рабочих классов под влиянием развития промышленности улучшается. Он подчеркивает изменения в положении рабочих, которые произошли за несколько лет, истекших со времени его первых наблюдений в начале 30-х годов. «Я был поражен увиденным, останавливаясь в местах, которые посетил раньше: рабочие едят хлеб лучшего качества, обуты там, где я их видел босыми, носят туфли там, где они носили деревянные башмаки, живут в более освещенных, более чистых и удобных, лучше меблированных квартирах, чем прежде» ⁷².

Настроением менее «оптимистично» Бюрэ ⁷³ не без иронии заметил по поводу подобных взглядов Виллерме: «Ученый экономист, видимо, чересчур широко обобщил эти материальные улучшения, поскольку не все категории рабочих, которые он изучал, подпадают под указанный прогресс»; Виллерме просто «принял рост потребностей рабочего класса за увеличение средств их удовлетворения, частичный прогресс в положении некоторых категорий ремесленников за общий прогресс рабочего класса» ⁷⁴.

В русле либерального течения буржуазного рабочеведения находится и труд О.-А. Фрежье, одного из руководящих чиновников парижской префектуры, «Об опасных классах населения в больших городах и о средствах улучшить их» ⁷⁵. Этот труд был представлен в 1838 г. на конкурс, объявленный Академией наук по теме «В чем заключается нищета, каковы ее признаки в разных

⁷¹ *Villermé L.-R. Tableau de l'état*, t. 1, p. 27—28, 82, 83.

⁷² *Ibid.*, t. 2, p. 346.

⁷³ См. о нем на с. 152 и след.

⁷⁴ *Buret E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*. Paris, 1840, t. 2, p. 191, 34.

⁷⁵ *Fregier H.-A. Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleures*. Bruxelles, 1840.

странах, каковы ее причины»⁷⁶. Подойдя к проблеме бедности рабочего класса с точки зрения блюстителя буржуазного правопорядка и вместе с тем с позиций буржуазного моралиста, Фрежье нарисовал удручающую картину нищеты и пороков столичного рабочего люда — тружеников мануфактур, фабрик, ремесленных мастерских. Одна из главных идей его исследования состояла в выявлении тесной связи между нищенским уровнем жизни рабочих и уровнем преступности во французской столице.

По мнению этого ученого-администратора, именно «бедные классы поставляют больше всего преступников»⁷⁷. Согласно подсчетам Фрежье, в 30-х годах из 63 тыс. лиц, уличенных в преступлениях, 33 тысячи, т. е. свыше половины, составляли рабочие⁷⁸, включая лиц, которые «наполовину живут с заработка, добываемого трудом, наполовину же грабежами и воровством»⁷⁹. Как видно из этого высказывания, Фрежье смешивал воедино рабочих и деклассированные элементы, т. е. людей, опустившихся на «дно» больших городов: таким путем легче было и преувеличить размеры «опасности», угрожающей собственникам, и заодно тем самым дискредитировать «радикалов».

Существенно, однако, что в ходе изложения материала Фрежье неоднократно приводил выразительные цифры, характеризующие жалкий заработок фабричных рабочих, работниц мануфактур и мастерских⁸⁰. С точки зрения Фрежье, рабочие классы — это «опасные классы», ибо они «легко относятся на счет властей свои страдания, и наиболее горячие головы втягиваются в мятеж, надеясь одним ударом смягчить эти страдания...»⁸¹. Фрежье, естественно, не сочувствовал таким идеям, но у него, во всяком случае, не вызывает никаких сомнений сам по себе факт бедственного положения пролетариев.

Либеральную позицию по «рабочему вопросу» занимал французский экономист Адольф Бланки (1798—1854) (старший брат известного революционера Огюста Бланки). В 1848 г. он получил то же задание от Академии моральных и политических наук, что и Виллерме в 1832 г., а именно «констатировать точное положение рабочих классов. В 1848 г. правящие круги в еще большей мере, чем в 30-х годах, были озабочены усмирением мятежного духа французского пролетариата, разработкой мер противодействия распространению социалистических идей среди трудящихся. В книге А. Бланки «Рабочие классы во Франции в 1848 г.» речь шла о том, чтобы опровергнуть описания нищеты рабочих масс социалистами, которые, мол, «нарисовали преувеличенную карти-

⁷⁶ *Buret E.* De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France.— In: *Cours d'économie politique*, p. 431.

⁷⁷ *Fregier H.-A.* Op. cit., p. 19, 31.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 45.

⁷⁹ *Ibid.*, Introduction, p. 12.

⁸⁰ *Fregier H.-A.* Op. cit., p. 74, 232, 233.

⁸¹ *Ibid.*, p. 144.

ну наших социальных недостатков и ... всю ответственность за них возложили на политические установления»⁸². Бланки-старший взялся описать истину, как он утверждал, «без намеренного умолчания и без экономических или политических предубеждений». В действительности содержание и идейная направленность его работы определялись как раз убеждениями, характерными для буржуазного либерала. Главный вывод Бланки прост: если нищета и существует, то ее причина не в общественном устройстве, как утверждали социалисты, а в вечных человеческих слабостях; при этом ее «смягчает прогресс нравов и установлений»⁸³.

Все же, стремясь избежать упреков в «умолчании», А. Бланки не мог не признать реальность страшной нищеты французских пролетариев, особенно в крупных промышленных городах, где положение рабочих, подвергавшихся «злоупотреблениям промышленного режима», характеризовалось низкой оплатой труда, «недостаточной для того, чтобы обеспечить их существование», «ненадежностью работы» и т. д.⁸⁴ Вслед за Виллерме А. Бланки детально описывал ужасающие жилищные условия пролетариев Лиля, Руана и других больших промышленных городов: «Ужасный вид их жилищ способен заставить людей позавидовать логовицам обитателей лесов. Это вереница трущоб, разделенных темными и узкими пространствами, ведущими в дворики, которые представляют собой свалку, где в любое время года царит постоянная сырость» и т. д. и т. п.⁸⁵

Все эти разоблачительные пассажи, которые, казалось бы, говорили сами за себя, не помешали, однако, А. Бланки, подобно Виллерме, толковать о «замечательном прогрессе», якобы имевшем место «в благосостоянии рабочих классов в нашей стране». «Улучшения, которые происходят повсюду, — утверждает экономист, — состоят в основном... в общем увеличении заработной платы в немеханизированных отраслях промышленности». О положении дел на механизированных предприятиях он предпочитает умалчивать. И хотя «мятежникам (социалистам. — М. З., Г. Х.) доставляет удовольствие видеть в них (рабочих. — М. З., Г. Х.) только обездоленных людей», однако «французский рабочий в настоящее время живет в лучших условиях, лучше одет, лучше питается, чем 25 лет назад... Усовершенствование изделий промышленности и снижение цен на них предоставило в распоряжение рабочих массу предметов, которые способствуют их благосостоянию. Достаточно взглянуть на меблировку их жилищ, на опрятность их одежды, на качество их питания, на иногда слишком дорогостоящее разнообразие их развлечений, чтобы оценить благо-

⁸² *Blanqui A. J. Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Paris, 1849, p. 8.*

⁸³ *Ibid., p. 6—7, 9—10.*

⁸⁴ *Ibid., p. 52, 54, 68.*

⁸⁵ *Ibid., p. 97—98, 100.*

приятные перемены, происшедшие в их положении»⁸⁶. Впрочем, делает оговорку А. Бланки, «справедливости ради следует исключить ...некоторые категории рабочих, положение которых с того времени значительно ухудшилось. Это рабочие хлопчатобумажной промышленности, особенно ткачи, ткущие вручную, все рабочие нормандской и бретонской полотняной промышленности, кружевницы и большая часть лионских рабочих»⁸⁷. Кроме того, при «общем прогрессе в благосостоянии», оказывается кое-чего все же рабочему недостает — «постоянной работы и надежного будущего»⁸⁸.

Общее заключение Бланки сводится к типично либеральным рассуждениям на тему о том, что «социальные проблемы решаются не посредством продолжительных беспорядков и угроз, а при помощи терпения, изучения и обсуждения»⁸⁹. Автор винит социалистов и коммунистов в том, что своей пропагандой они втянули и рабочих в область социальных вопросов. Он опасается растущей активности рабочих масс, которых увлекли «честолюбивые и догматические формулы, такие, как эксплуатация трудящегося капиталом, равенство заработной платы, право ассоциации, право на труд»⁹⁰. В то же время А. Бланки предупреждает правящие круги об опасности проводимой ими политики «игнорирования» «рабочего вопроса». «Частое повторение волнений,— говорит он,— свидетельствует о существовании реального зла, которое, пусть оно и ограничено некоторыми большими городами, тем не менее оказывает решающее влияние на общество. Нищета в Руане и Лилле, безработица в Париже и Лионе более не образуют изолированных, случайных явлений, а представляют собой вопросы, сулящие бурю. До тех пор пока эти вопросы не будут разрешены, почва, на которой покоится общество, не упрочится в достаточной степени для того, чтобы предохранить его от новых революций»⁹¹.

В целом представители либерально-буржуазного течения рисовали яркую картину бедственного положения французского пролетариата, но в то же время вразрез с добытым ими самими фактическим материалом пытались «доказать», что оно все же улучшается и имеет твердые перспективы дальнейшего улучшения именно в условиях фабричной капиталистической системы. Оградить существующий строй от «обвинений» социалистов и оправдать социально-экономическую политику правящих классов, «исправив» ее недостатки реформами,— такова главная тенденция их исследований.

⁸⁶ Ibid., p. 244, 246, 247.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibid., p. 248—249.

⁸⁹ Ibid., p. 251—252.

⁹⁰ Ibid., p. 22.

⁹¹ Ibid., p. 250, 252.

Глубже всего жизненные условия пролетариата освещались в произведениях представителей буржуазно-демократического течения.

В июне 1840 г. удостоилось первой премии на академическом конкурсе сочинение уже упоминавшегося французского экономиста Э. Бюрэ (1810—1842), детально изучавшего положение «рабочих классов» в Англии и во Франции. Автор этого сочинения ездил в Англию, чтобы на месте ознакомиться с жизнью бедноты. Кроме того, он широко использовал годичные отчеты парламентской комиссии по закону о бедных⁹² и другие официальные документы. В своей книге, написанной, по выражению Г. Майера (биографа Ф. Энгельса), «беспристрастно, но во многом с печалью в сердце»⁹³, Бюрэ наглядно воспроизводил социальные противоречия современной ему Англии.

Он обстоятельно рассматривал английское законодательство о бедных (1834 г.) и его пагубные последствия для обездоленных, не без основания полагая, что само по себе наличие в этой стране с давних пор издававшихся специальных законов такого рода и их постоянные модификации служат «явным симптомом существования и распространенности пауперизма»⁹⁴. Официальные документы, как считает Бюрэ, показывают, что в 1833 г. каждый восьмой житель страны получал пособие от прихода, т. е. был официально признан бедняком⁹⁵. Что касается закона 1834 г., то он в особенности свидетельствует, «сколько глубоко проникла нищета в английское общество»; этот закон, выдержанный, по оценке Бюрэ, в духе мальтузианских идей, представляет собой полное применение принципа *laissez-faire, laissez-passer* в отношении несчастных и отверженных: в качестве единственного средства исцеления бедности новый закон, саркастически пишет Бюрэ, вводил режим работных домов⁹⁶.

В особом параграфе одной из глав, посвященной анализу пауперизма в Англии, Бюрэ дает подробнейшее описание голодной казарменной каторги, «прибежища нищенства и бродяжничества — работного дома»⁹⁷. Ученый характеризует ужасы трупобных кварталов многих английских городов⁹⁸; он приводит впечатляющие статистические данные о жилищно-бытовых условиях пролетарской бедноты в этих кварталах (пятая часть ливерпульских рабочих и седьмая часть всего населения этого города ютились в подвалах!)⁹⁹, о детской безнадзорности и т. д.

⁹² Reports of the Poor Law Commision. London, 1835—1840. Vol. I—III.

⁹³ Mayer G. Friedrich Engels in seiner Frühzeit 1820 bis 1851. Berlin, 1890, S. 207.

⁹⁴ Buret E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Paris, 1840, t. 1, p. 145.

⁹⁵ Ibid., p. 146.

⁹⁶ Ibid., p. 151—153.

⁹⁷ Ibid., p. 159—171.

⁹⁸ Ibid., p. 163.

⁹⁹ Ibid., p. 336.

Картина, нарисованная Бюрэ, была настолько полной, что, по мнению ее немецкого рецензента, до появления книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) труд Бюрэ с полным основанием считался наиболее авторитетным по этому вопросу¹⁰⁰. В 1844 г. французский критик книги Бюрэ в обзоре «Положения рабочих классов», опираясь на его данные, отметил: «Страна, где нищета рабочих классов в настоящее время представляется в самом ужасном свете,— это Англия»¹⁰¹.

Не менее яркая картина нарисована Бюрэ и во французской части его исследования. Введя в научный оборот огромный документальный материал (данные периодической печати, законодательных актов, переписей населения, официальной статистики и т. д.), Бюрэ обстоятельно и с сочувствием к рабочим раскрывает лишения массы тружеников родной страны. Сопоставляя их положение с ситуацией, в которой находятся английские рабочие, он высказывает мысль о том, что за Ла-Маншем число обездоленных больше, чем «в нашей стране», поскольку в экономическом отношении Англия «продвинулась дальше нас» и «основные причины, ведущие ко все большему угнетению низших классов, там имели больше времени для своего развития». Тем не менее Бюрэ склонен думать, что «различие в уровне и распространенности нищеты в обеих странах не является столь значительным, как это можно было бы считать на основе официальных документов»¹⁰². Ученый констатирует многочисленность лиц, официально признанных бедняками во Франции¹⁰³.

Углубляя свой анализ, Бюрэ детально рисует вопиющие социальные контрасты в стране. Он начинает с французской столицы: ее внешний вид говорит о процветании, но «бедность трудится в мастерских, нищета страдает в больницах и приютах»¹⁰⁴. Автор ведет за собой читателя в старые кварталы Парижа, где «на каждом шагу можно встретить образ бедности и даже нищеты», затем в провинциальные промышленные города, где «нищета шествует вслед за богатством... и ускоряет свой шаг вместе с прогрессом промышленности»: так, в департаменте Нор, принадлежащем к числу наиболее промышленно развитых во Франции, один бедняк приходится на 6 жителей, а в менее развитом департаменте Роны — на 9 жителей¹⁰⁵.

Затем Бюрэ анализировал данные о неуклонном понижении заработной платы, происходившем во Франции (равно как и в Ант-

¹⁰⁰ Über das Elend der arbeitenden Klassen in England nach E. Buret.— In: Die gesellschaftlichen Zustände der zivilisierten Welt. Berlin, 1846, Bd. 1, S. 35.

¹⁰¹ Aperçu sur la condition des classes ouvrières et critique de l'ouvrage de M. Buret. Paris, 1844, p. 44.

¹⁰² Buret E. Op. cit., t. 1, p. 231, 237.

¹⁰³ Ibid., p. 247—250.

¹⁰⁴ Ibid., t. 2, p. 260.

¹⁰⁵ Ibid., p. 260, 276.

лии). Привлекая материалы анкетного опроса предпринимателей, проведенного французским правительством в 1834 г. в связи с обсуждением проблемы таможенных тарифов, цитируя показания многих промышленников, Бюрэ приводил факты и цифры, свидетельствующие о мизерности оплаты труда в самых различных отраслях промышленности и во многих городах. В хлопчатобумажном производстве, к примеру, ткачи, работая по 15—16 часов в сутки, редко зарабатывали более 1 франка, а большинство из них получало менее этой суммы; в Мюлузе и в Труа ткач зачастую не вырабатывал и 60 сантимов в день, при этом в Труа заработная плата упала по сравнению с 1816 г. на 25% ¹⁰⁶.

В то время как Виллерме, пытаясь абстрагироваться от экономических кризисов и от вызываемого ими резкого увеличения безработицы, заявлял, что какими бы мизерными ни были заработки рабочих, но «если они не изменяются и если их получают без перерывов в течение целого года, то их обычно хватает даже женатому рабочему при условии, что он трудолюбив и имеет хорошее поведение» (рабочему, полагал он, лучше иметь «стабильную заработную плату, чем высокую заработную плату» ¹⁰⁷), Бюрэ расценивает ситуацию куда более трезво. Даже при отсутствии экономических кризисов рабочий, как правило, может рассчитывать только на 9 месяцев работы в году, а ведь заработная плата никогда не является устойчивой, она в значительной степени варьируется и притом «редко в пользу рабочего». Заключение Бюрэ: «Рабочий никогда не может рассчитывать на завтра, и он не уверен в том, что будет иметь работу два дня подряд» ¹⁰⁸.

Перечисляя факты, показывающие состояние заработной платы рабочих, Бюрэ замечает, что «если бы он захотел сообщить обо всем, что подтверждает недостаточность, подвижность, неустойчивость заработной платы — единственного источника существования для большей части городского населения, то ему пришлось бы переписать всю вышеупомянутую анкету» ¹⁰⁹.

В исследовании Бюрэ приводится также немало данных о непомерной продолжительности рабочего дня (например, в мастерских в Мюлузе и Дорнахе — с 5 утра до 8—9 часов вечера) ¹¹⁰, о трущобных кварталах Лиона, Руана, Лилля, Мюлуза и других городов — это такие же «ужасные убежища нищеты», как трущобы в английских городах ¹¹¹.

Бедственное материальное положение трудящихся — вот что порождает, по мнению ученого, соответствующий «нравственный уровень». Бюрэ словно полемизирует с Виллерме, утверждавшим, будто рабочие в значительной мере сами виноваты в своей ни-

¹⁰⁶ Buret E. Op. cit., p. 189, 190.

¹⁰⁷ Villermé L.-R. Tableau de l'état, t. 2, p. 267.

¹⁰⁸ Buret E. Op. cit., t. 2, p. 196.

¹⁰⁹ Ibid., p. 191.

¹¹⁰ Ibid., p. 192.

¹¹¹ Ibid., p. 340, 347, 348.

щете: им якобы «не хватает воздержанности, экономии, предусмотрительности, нравственности, и часто они бедны по своей собственной вине»¹¹². Как бы возражая ему, Бюрэ пишет: «Приходится ли ждать, что эти бедняки, для которых хлеб является предметом роскоши, будут более чистоплотными в своей домашней жизни, чем они есть? Они, едва имеющие лохмотья, чтобы прикрыться ими, и за неимением одеяла вынужденные спать в одежде, которую носят днем, могут ли они изменить свою одежду и постель?». «Прежде,— утверждает Бюрэ,— следует устранить причины их бедности, а затем нужно еще полвека для того, чтобы дать им время избавиться от дурных привычек, укоренившихся веками»¹¹³.

В целом труд Бюрэ явился важным вкладом в изучение современниками проблемы материального и социального положения рабочего класса первой половины XIX в.

Глубокий анализ бедственного положения рабочих, его причин, а также характеристика «отношений между трудом и капиталом» содержатся в исследовании французского экономиста Шарля Дюпон-Вайта (1807—1878) «Очерк об отношениях между трудом и капиталом»¹¹⁴. Примечательно то, что, в отличие от большинства современных ему буржуазных мыслителей, Дюпон-Вайт рассматривает специфическое положение собственно промышленного пролетариата, в котором он видит особую общественную категорию, не смешивая это понятие с понятием «бедных классов» вообще. «Речь идет не о низших классах,— подчеркивает он,— а о рабочем классе и особенно, даже единственно, о той части этого класса, которая занята на мануфактурах»¹¹⁵.

Проблема материального и социального положения рабочего класса и его борьбы, указывает Дюпон-Вайт, приобрела в настоящее время настолько важное значение, что появилась важная новая наука, которую следовало бы назвать «социальной наукой» и которая «вызвала во всех сердцах беспокойство, озабоченность, неизведанное доселе волнение по поводу страдающих классов». Это беспокойство вполне оправданно, ибо современное «общество представляет собой удручающее зрелище нищеты и бедствий»; в нем «множество плохо питающихся, плохо одетых, живущих в плохих условиях человеческих существ»¹¹⁶. «Наиболее значительным и прискорбным фактом», характеризующим положение французского пролетариата, «является растущая смертность, которая косит рабочие классы» и которая, по мнению автора, порождена условиями современного «промышленного режима». Этот режим

¹¹² Villermé L.-R. Tableau de l'état, t. 2, p. 351.

¹¹³ Buret E. Op. cit., t. 1, p. 423.

¹¹⁴ Dupont-White Ch. Essai sur les relations du travail avec le capital. Paris, 1846.

¹¹⁵ Ibid., p. 383.

¹¹⁶ Ibid., p. 5, 126.

«истощает силы рабочего и укорачивает его жизнь»¹¹⁷, чему способствуют не только условия труда на промышленных предприятиях, но и общие условия жизни рабочего населения: скудное и недостаточное питание, объясняющееся постоянным уменьшением и без того мизерной заработной платы рабочих при дороговизне продуктов питания, плохие жилищные условия и т. д. «Если он (рабочий.— М. З., Г. Х.) отныне не в состоянии обеспечить на свой заработок ту же сумму благ, что и раньше, выход — прост: он лишит себя их, откажется от них... Если он не может существовать и производить потомство при тех ресурсах, которыми он располагает, это не означает, что он неожиданно умрет с голода на глазах у своего хозяина. Рабочий прежде всего истощит свои силы в условиях продолжительных лишений и страданий, чтобы затем угаснуть в результате медленного изнурения, умереть в конечном счете от простой невозможности существовать»¹¹⁸.

На чем же в таком случае основаны утверждения некоторых авторов относительно якобы происшедшего «улучшения» в положении рабочих масс? Эти утверждения, доказывает ученый, представляют собой фальсификацию истинного положения вещей, их авторы выдают желаемое за действительное. Они не учитывают того, что «наряду с уменьшением цен на промышленные изделия происходит рост цен на продукты питания», следовательно, рабочий может только «за счет сокращения своего питания увеличить потребление» промышленных товаров. «Как можно, однако, увидеть в более полном удовлетворении второстепенных потребностей человека, в этом чисто внешнем и поверхностном улучшении его положения, серьезное и желанное улучшение? Зачем трудящемуся прогресс, который осуществляется в ущерб его жизни или, по крайней мере, его силам и его деятельности?»¹¹⁹. Несостоятельны, по мнению Дюпон-Вайта, ссылки на повышение размера номинальной заработной платы рабочих. «Повышение заработной платы! — восклицает он. — Чистая иллюзия при происходящем повышении цен на предметы первой необходимости. Улучшение положения рабочего! Чистая видимость, компенсируемая самыми прискорбными лишениями. Остаются удручающие факты: ...смертность, вырождение, одичание...»¹²⁰.

Полнейшая противоположность интересов капиталистов и рабочих обуславливает то, что «естественное состояние капитала и труда по отношению друг к другу — это борьба, враждебность, антагонизм»¹²¹.

Констатируя этот факт, Дюпон-Вайт далек от радикальных рецептов преобразований: тем не менее он выступает противником принципов неограниченной свободы буржуазного предпринима-

¹¹⁷ *Dupont-White Ch. Op. cit.*, p. 269, 270, 272.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 157—158.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 77—78.

¹²⁰ *Ibid.*, p. 337.

¹²¹ *Ibid.*, p. 241, 242.

тельства (*laissez-faire, laissez-passer*) и требует вмешательства государства в трудовые отношения с целью регламентации размеров заработной платы рабочих. «Вмешательство государства,— подчеркивает он,— необходимо не для того, чтобы создать несправедливое и химерическое равенство, а для того, чтобы обеспечить рядовому трудящемуся какой-то минимум благосостояния и обеспеченности...»¹²²

Нищенский жизненный уровень и катастрофическое социальное положение нарождавшегося немецкого пролетариата широко признавались общественной мыслью Германии в 30—40-х годах XIX в. Бедствия силезских прядильщиков и ткачей — факт хорошо известный немецким авторам того времени, изучавшим состояние полотняной промышленности в стране. Имущественные контрасты в Силезии были столь разительны, что вопрос о бедности рабочих привлек самое пристальное внимание самых разных политических деятелей и идеологов общественных групп — как землевладельцев, так и различных прослоек буржуазии.

Эрфуртская академия в 1835 г. объявила публичный конкурс, тема которого формулировалась совершенно недвусмысленно: «Обоснованы ли в достаточной мере жалобы на все увеличивающееся обнищание и уменьшение средств пропитания? Каковы причины этого зла и каковы средства для его искоренения?». Было представлено 16 исследований¹²³, и во многих из них рост пауперизма подтверждался конкретными данными¹²⁴.

В Германии, как и в более развитых в промышленном отношении Англии и Франции, в 30—40-х годах создается обширная экономическая литература, посвященная исследованию общих и региональных проблем пауперизма, литература, содержащая многочисленные факты и данные, которые свидетельствовали о массовом характере и распространении этого явления¹²⁵.

Таким образом, вопреки усилиям апологетов «индустриального общества» 30—40-х годов XIX в., направленным на то, чтобы утопить истину в потоках дифирамбов либо, по крайней мере, по возможности приукрасить ее с помощью искусственных арифметических выкладок и манипуляций фактами, она все же

¹²² Ibid., p. 288, 352, 369.

¹²³ Bülow F. Der Pauperismus.— In: Bülow F. Zeitfragen aus dem Gebiete der Politik und Volkswirtschaft. Leipzig. 1846, S. 322, Anmerkung. В литературе иногда приводятся другие цифры: было якобы получено 656 ответов на вопрос, объявленный темой конкурса (Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М., 1948, с. 263 (Без указания источника).

¹²⁴ Любопытно, что единственной премии Академия сочла возможным удостоить труд некоего Бауэра (Майнц), изображавшего положение рабочих в розовом свете: его сочинение было напечатано (см. подробнее об этом: Bülow F. Op. cit., S. 232).

¹²⁵ Mombert P. Aus der Literatur über die sociale Frage und über die Arbeiterbewegung in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Anhang.— In: Archiv für die Geschichte des Sozialismus in Deutschland und der Arbeiterbewegung. Leipzig, 1921, Hf. 2—3, S. 224—236.

всплывает на поверхность. Мотивы «критиков» были различны. В одних случаях — это эмоционально негативное отношение к бьющим в глаза порокам буржуазного общества, неприятие алчного, корыстолюбивого предпринимательского духа, отчетливо проступающее у консервативных романтиков. В других случаях речь идет об опасениях возможных социальных последствий дальнейшего развития тенденций, все глубже проникающих в общество и раскалывающих его, — такие опасения наблюдаются как у консерваторов, так и у либералов, которые предлагают поэтому программы различных реформ в целях смягчения нищеты. Иногда обличения порождаются стремлением буржуазных экономистов обосновать необходимость дальнейшего, более широкого и свободного роста капиталистического предпринимательства как обязательной предпосылки преодоления опасностей, протекающих от увеличения пауперизма в «низших классах». Иногда же, напротив, налицо стремление мелкобуржуазных идеологов доказать необходимость ограничения безудержного роста крупной промышленности, разорявшей мелких предпринимателей, и тем самым защитить собственность от «быстро идущего вперед чудовища», как определяет пауперизм И. Дитрих¹²⁶.

Каковы бы ни были исходные позиции и социально-политические устремления идеологов имущих классов, несомненно, однако, что и в консервативной, и в либеральной, и в буржуазно-демократической литературе 30—40-х годов все более определенно пробивает себе дорогу и утверждает представление о бедственном положении пролетариата в существующем обществе; его открытая апологетика, по крайней мере в том, что касается жизненных условий работников наемного труда, все более отступает на задний план.

Рассмотренные нами материалы позволяют заключить, что в 30—40-х годах XIX в., когда в Европе происходит (а в Англии уже завершается) формирование рабочего класса и когда он со все большей энергией развивает свою активность в сфере экономической и политической борьбы, общественная мысль господствующих классов настойчиво старается уяснить новый для нее «рабочий вопрос». В первую очередь идеологи дворянства и буржуазии (историки, социологи, экономисты, публицисты), с тревожной констатируя появление «рабочих классов» в качестве дотоле сравнительно мало заметного феномена общественной жизни, обращаются к изучению материального положения пролетариата. При этом отчетливо проступают две главные тенденции. Одна — откровенно апологетическая: представители этого течения, опьяненные капиталистическим прогрессом, ростом общественного богатства,

¹²⁶ *Dittrich J. J. Unsere Uebergangszeit, betreffend der Erlösung des Proletariats durch die Organisationen der Arbeit und Armenwesens und durch die Konzentrazion der Hilfen des Staates, der Gemeinden, der Vereinen und der Proletarier selbst. Breslau, 1847, S. 8—9.*

словно не замечают оборотной стороны промышленного переворота, обрушившего небывалые бедствия на новообразовавшиеся «рабочие классы». Панегиристы «индустриального общества», объективно выполняя функцию «утешителей» буржуазии, рисуют и настоящее и в особенности будущее «рабочих классов» в радужных тонах. Дальнейшее улучшение их положения, как представляется апологетам, находится в прямой зависимости от успехов капиталистического предпринимательства. Таким образом, они тщатся заполнить пропасть, отделяющую эксплуатируемых от эксплуататоров, изобразив тех и других частью единого целого, «тружениками», «нацией», и тем самым создать идеологический противовес теориям утопического социализма и коммунизма.

Другая тенденция, проникающая в труды большинства исследователей «рабочего вопроса», — стремление трезво оценить ситуацию, в которой оказалась масса наемных тружеников, с тем чтобы указать способы преодоления опасностей, проистекающих отсюда для имущих классов. В свою очередь, относительно критически настроенные идеологи последних, более или менее реалистично характеризуя положение пролетариата, по-разному оценивают масштабы его бедственного состояния и пути возможных перемен к лучшему. Историки, экономисты, публицисты, стоящие на позициях аристократии, не приемлющей наемного рабства и руководствующейся средневековыми идеалами, резко обличают пагубные для «рабочих классов» социальные последствия утверждения «промышленного феодализма». Выразители чаяний либеральной буржуазии, со своей стороны, определенным образом фиксируют внимание на «темных» сторонах положения эксплуатируемых и бедствующих пролетарских низов, однако, нередко перелагают вину за невзгоды рабочих на них самих и, главное, в той или иной степени все же приукрашивают суровую действительность, находя в ней обнадеживающие перспективы и предлагая с целью их реализации разного рода мелкие реформы филантропического свойства. Наконец, ученые, чьи взгляды аккумулируют точку зрения мелкобуржуазных кругов, рисуют наиболее полную и фактурно насыщенную картину бедственного положения работников фабрично-заводского и мануфактурно-ремесленного производства. Некоторые из этих мыслителей близко подходят к пониманию коренной социальной противоположности пролетариата и буржуазии.

Каковы бы ни были различия во взглядах реалистично мыслящих наблюдателей, принадлежавших к имущим классам, позитивные программы преобразований, выдвигавшиеся ими, не выходили за рамки мероприятий паллиативного порядка. Тем не менее независимо от своих программных установок идеологи критического направления собрали внушительные фактические материалы о «нищете рабочих классов». Эти материалы явились немалым подспорьем в процессе выработки К. Марксом и Ф. Энгельсом учения о всемирно-исторической миссии пролетариата.

**ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
ПЕРИОДА РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА
В СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
(1920—1975 ГГ.)**

Е. В. Гутнова

История борьбы крестьянства против феодального гнета в период развитого феодализма (XI—XV вв.) в Западной Европе привлекла внимание советских историков еще в 20-е годы XX в. С тех пор они создали большое количество работ по этой тематике. Мы рассмотрим лишь те из них, в которых ставятся и решаются на материале разных стран или регионов наиболее общие, методологически важные вопросы этого комплекса.

Но времени, когда советские историки начали изучать эту проблему, буржуазная медиевистика как в дореволюционной России¹, так и на Западе выработала уже довольно четкую концепцию истории крестьянских движений периода развитого средневековья. Ее главные общие положения сводились к тому, что: 1) классовая борьба крестьянства возникает только в XIV—XV вв. под влиянием разлагающего воздействия товарно-денежных отношений на феодальную деревню; 2) классовая борьба — порождение «болезни» общества, отражающей разложение феодализма, для расцвета которого в период господства натурального хозяйства характерна, напротив, полная общественная «гармония»; 3) однако даже в период «болезни» феодального общества крупные крестьянские восстания в Западной Европе XIV—XV вв. были следствием не столько внутренней экономической и социальной эволюции феодальной деревни, которая якобы скорее улучшала положение крестьянства, сколько результатом ее деформации под влиянием случайных и временных причин — войн,

¹ В русской либерально-буржуазной медиевистике конца XIX — начала XX в. изучение крестьянских движений XIV—XV вв. имело давнюю и богатую традицию. Можно упомянуть в этой связи исследования М. М. Ковалевского «Английская пугачевщина» (Русская мысль, 1895, № 5, 7, 9, 10), Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера», ч. 1 (Журнал Министрства народного просвещения, 1896, октябрь; 1897, декабрь; ч. 2, 1899), В. К. Пискорского «Крепостное право в Каталонии» (Киев, 1901), а также обширные экскурсы в обобщающих работах И. В. Лучицкого, А. Н. Савина и Н. И. Кареева, выступившего еще в 1881 г. с «Очерком истории французского крестьянства» (вышел отдельной книгой. — М., 1901). Богатые конкретным материалом и интересными выводами, эти работы написаны с позиций позитивистской истории и не выходили за рамки характеризуемой ниже концепции, господствовавшей в конце XIX — начале XX в. в буржуазной медиевистике.

эпидемий, голодовок и т. п. Таким образом, по существу отрицалась закономерность классовой борьбы крестьянства даже не только на раннем, но и на относительно позднем этапе феодализма. Эта концепция в целом была неприемлема для советской исторической науки, стремившейся с начала 20-х годов выработать марксистский подход к проблеме. Однако влияние этой концепции в той или иной степени сказалось на первых работах по этой теме, созданных в советское время.

Раньше всех обратился к ней А. К. Дживелегов, опубликовавший в 1920 г. научно-популярную книгу «Крестьянские движения на Западе» (переиздана в 1923 г.), которая охватывает огромный хронологический период от поздней Римской империи (III—V вв. н. э.) до революций 1848 г. в Европе включительно.

Крестьянские движения всего этого периода Дживелегов рассматривает как однотипные, считая, что причины их были всегда одинаковы; главной из них он считает экономическую — «невозможность для крестьянина жить в существующих условиях»². В качестве дополнительных причин им выделялись идеологические моменты (в виде ересей), временные явления, ухудшавшие положение крестьянства: войны, эпидемии, голодовки³, и, наконец, изменения в экономическом и социальном положении крестьянства, вызванные развитием товарно-денежных отношений. Сочетание этих причин и вызвало крупные крестьянские восстания в Западной Европе в XIV—XV вв. При господстве же натурально-хозяйственных отношений, считал автор, недовольство крестьянства редко выливалось в открытые конфликты с феодалами⁴. Характерными чертами крестьянских восстаний на всем протяжении истории являются, по мнению Дживелегова, их стихийность, действия отдельных плохо вооруженных отрядов, нападения на владения феодалов, истребление документов, фиксирующих угнетение крестьянства. С XIV в. крестьянские повстанцы пытаются обычно установить союз с городским плебсом, а иногда и с наиболее радикальными элементами бюргерства⁵, а позднее, в XVII—XVIII вв., крестьянские восстания вливаются в буржуазные революции. Но революционность крестьян, действующих самостоятельно, всегда непоследовательна и непродолжительна. Как мелкие хозяева и собственники, они революционны лишь тогда, когда им не хватает земли или когда они хотят улучшить условия пользования ею. Но как только они добиваются удовлетворения своих самых насущных требований, они отходят от движения⁶, чем, по мнению Дживелегова, объясняются неудачи всех крестьянских восстаний средневековья. Но с его

² Дживелегов А. К. Крестьянские движения на Западе. М.; Пг., 1923, с. 5.

³ Там же, с. 7—8.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Там же, с. 10.

⁶ Там же, с. 182—187.

точки зрения, эти восстания вовсе не были бесплодны, так как, несмотря на поражения, многие из них способствовали личному освобождению крестьянства и укреплению его прав собственности на землю⁷. Участие же крестьян в буржуазных революциях XVII—XIX вв. обеспечивало победу последних поскольку, как справедливо считал Дживелегов, ни одна революция не может быть успешна без вовлечения в нее широких масс крестьянства⁸⁻⁹. Концепция Дживелегова явно сложилась под влиянием марксизма, однако она еще не была свободна от влияния традиционной буржуазной концепции: для нее характерен недостаточный историзм, который проявляется в том, что в крестьянских восстаниях разных эпох и формаций Дживелегов видит однотипные явления, не уделяя должного внимания специфике этих движений в поздней античности, в разные периоды средневековья, в новое время. Кроме того, противоречая некоторым своим теоретическим соображениям в конкретном изложении Дживелегов постулирует полное отсутствие классовой борьбы в странах Западной Европы в период господства натурального хозяйства (до середины XIII в.), считая, что она возникает только с развитием товарно-денежных отношений¹⁰. Но даже и в это время некоторые крупные крестьянские восстания, например Жакерия, были, по его мнению, вызваны не противоречиями феодального строя, как такового, но лишь нарушениями его нормального функционирования в результате войны¹¹, а другие, как например, восстание Дольчино, — только еретической пропагандой¹².

Непреодоленное влияние буржуазной историографической традиции еще более заметно сказалось на книге Н. П. Грацианского «Крестьянские и рабочие движения в средние века (историко-социологические очерки)», опубликованной в 1924 г. Она представляет собой сравнительно-исторический обзор трех крупных народных движений XIV в. — Жакерии, восстания под руководством Уота Тайлера и восстания Чомпи. Грацианский не только при конкретном описании этих восстаний, но и в теоретическом введении к книге утверждает, что в Западной Европе до XIV в. отсутствовали крестьянские движения. Они возникают, по его мнению, только в связи с усиливающимся воздействием городов и товарно-денежной экономики на феодальную деревню. Само по себе это воздействие и во Франции, и в Англии было скорее благотворным для крестьянства, рассуждал автор, но так как оно совпало с рядом стихийных бедствий и политических

⁷ Дживелегов А. С. Крестьянские движения на Западе. М.; Пг., 1923, с. 188—189.

⁸⁻⁹ Там же, с. 10. Автор, правда, не упоминает работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, но неоднократно ссылается на одного из видных теоретиков и популяризаторов исторического материализма — Ф. Меринга.

¹⁰ Дживелегов А. К. Указ. соч., с. 18—19.

¹¹ Там же, с. 58.

¹² Там же, с. 42—44.

неурядиц, положительное влияние товарно-денежных отношений было как бы блокировано, и на крестьянство обрушились разные бедствия: война, грабежи, эпидемии, голодовки — во Франции; чума, «рабочее законодательство», военные неудачи 60—70-х годов XIV в., феодальная реакция — в Англии. Они-то по сути дела и вызывали восстания, которых при других обстоятельствах могло и не быть. Так, по его мнению, Жакерия была порождена «не сеньориальным режимом, как таковым, но тяжелой обстановкой войны и анархии, осложнившей этот режим»¹³, а восстание 1381 г. коренилось «не столько в социальных, сколько в политических условиях жизни английского королевства»¹⁴.

Общей чертой всех народных движений средневековья, и в частности трех, рассмотренных им, Грацианский считал не только их постоянную неудачу, но и полную их бесполезность и даже вредность для дальнейших судеб крестьянства¹⁵.

«Типологизируя рассматриваемые восстания, исходя из их движущих сил, целей, уровня организации, Грацианский справедливо квалифицирует Жакерию и восстание 1381 г. как преимущественно крестьянские и указывает на различие между ними: в Жакерии он видит тип чисто стихийного восстания, вызванного отчаянием крестьянства; восстание же 1381 г. считает более организованным, имевшим более четкую программу и идеологию благодаря участию в нем городов. Что касается восстания Чомпи, то Грацианский в целом правильно (хотя и не оговаривая специфики раннекапиталистических отношений и заметно модернизируя характер этого движения) определяет его как «первое столкновение труда и капитала в условиях жизни буржуазного общества»¹⁶.

Только во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX в. в советской медиевистике начинается подлинно исследовательская разработка проблем антифеодальной борьбы средневекового крестьянства, теоретическим фундаментом которой становятся работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Первоначально появился ряд статей, специально посвященных этой тематике, преимущественно на французском материале, правда, без каких-либо широких обобщений¹⁷. Первые же попытки в постановке общих проблем применительно к периоду развитого феодализма

¹³ *Грацианский Н. П.* Крестьянские и рабочие движения в средние века: Историко-социологические очерки / Под ред. проф. И. Н. Бороздина. М., 1924, с. 52.

¹⁴ Там же, с. 34, 84—86.

¹⁵ Там же, с. 3, 53.

¹⁶ Там же, с. 4, 164.

¹⁷ *Кунте П. И.* Классовая борьба во Франции в XI в. и Первый крестовый поход. — Проблемы докапиталистических обществ, 1935, № 7-8; *Барте-нев А. С.* Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X в. — Учен. зап. Саратовского ун-та, 1939, т. 1; *Куликова К.* Положение крестьян в Нормандии в XII—XIV вв. — Учен. зап. Белорусского ун-та. Кафедра истории СССР, 1936, вып. 1.

были сделаны на английском материале Е. А. Косминским в его опубликованной в 1935 г. монографии «Английская деревня в XIII в.» (в главе «Борьба за ренту»). Позднее его взгляды по этому вопросу были развиты, уточнены и более широко аргументированы во второй его книге: «Исследования по аграрной истории Англии в XIII в.» (1947) — и в ряде статей конца 40-х — начала 50-х годов XX в. Автор рассматривал антифеодальную борьбу крестьян в Англии XIII в. как своего рода итог и результат аграрного развития страны в XII—XIII вв., изучению которого посвятил обе свои монографии. При этом он убедительно показал, что еще в пору наивысшего расцвета классического манора — в XII и XIII вв. — английское вилланство вело упорную борьбу с феодалами, которых активно поддерживало в этой борьбе феодальное государство¹⁸. Косминский обнаружил и особенности этой борьбы, которая проходила на сугубо локальном уровне в форме мелких повседневных конфликтов внутри феодальной вотчины, и выделил некоторые типы и формы этого локального протеста: 1) побеги и уходы; 2) прямое сопротивление сеньорам, которое иногда выступало: а) в легальной форме — в тяжбах, которые велись в королевских судах из-за размеров и формы ренты и из-за статуса крестьян¹⁹, б) в открыто насильственной вооруженной форме. Последняя более всего была характерна для борьбы крестьян против огораживаний (потравы, порубки, разрушения изгородей)²⁰. Эти локальные формы борьбы XII—XIII вв., как отметил Косминский в своих статьях начала 50-х годов XX в., исподволь подготавливали почву для значительного обострения классовой борьбы английского крестьянства в XIV в. с ее кульминацией в восстании 1381 г. Последнее он считал лишь наиболее ярким эпизодом борьбы, начавшейся значительно раньше и не закончившейся после 1381 г.²¹ Таким образом, ученый пришел к выводу, имеющему общетеоретическое, а не только узорегиональное значение, о том, что хотя классовая борьба крестьянства обостряется с «развитием товарности сельского хозяйства, но также несомненно, что она неотделима от феодального способа производства»²² даже при господстве натурального хозяйства²³. Последнее так же, как и господство традиции и обычая в вотчине, не создавало непреодолимых препятствий для роста феодальной эксплуатации²⁴. Косминский подчеркивал также

¹⁸ Косминский Е. А. Английская деревня в XIII в. М., 1935, с. 208—214.

¹⁹ Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М., 1947, с. 410 (далее — Косминский Е. А. Исследования...).

²⁰ Там же, с. 421—425.

²¹ Косминский Е. А. Классовая борьба в английской деревне XIII—XIV вв. — В кн.: Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963, с. 200.

²² Косминский Е. А. Английская деревня в XIII в., с. 208—214.

²³ См. там же, с. 206; Он же. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков, с. 181, 197—198.

²⁴ Там же.

неоднозначный характер воздействия товарно-денежных отношений на положение крестьянства и уровень его классового протеста: в одной и той же стране оно могло одновременно создавать предпосылки и для коммутации ренты и личного освобождения крестьян, и для тенденции к повышению нормы эксплуатации крестьян, и для «феодалской реакции». В частности, в Англии определенные признаки последней возникли, как было показано в работах Косминского, задолго до «черной смерти», еще в XIII в.²⁵ Таким образом, советский ученый убедительно показал внутренние закономерности обострения классовой борьбы крестьянства в Англии от XII к XIV в. и отнюдь не случайный характер взрыва 1381 г. Признавая стихийный характер крестьянских выступлений, включая и это восстание, он вместе с тем полагал, что важнейшие требования крестьян, выдвигавшиеся еще в XIII в., а затем в Майл-Эндской программе 1381 г., были частично осуществлены в начале XV в. в результате этого восстания, которое оказалось первой серьезной прерывкой на пути феодальной реакции²⁶. В работах Косминского впервые был остро поставлен вопрос и о роли английского феодального государства и права, в частности, юридической теории вилланства, в поддержке господствующего класса в деле осуществления феодальной реакции²⁷.

Все эти наблюдения Косминского, сделанные на материале Англии XIII—XV вв., ныне вошли в арсенал советской и зарубежной прогрессивной историографии при исследовании интересующей нас проблемы и на материале других стран и обозначили контуры общей марксистской концепции по вопросу о классовой борьбе в данный период.

Большой вклад в общую постановку и конкретное освещение проблемы классовой борьбы в условиях феодализма внес Б. Ф. Поршнев. Начиная с 30-х годов XX в. он выступал с многочисленными исследовательскими этюдами по истории народных движений во Франции XVII в. в период перехода от феодализма к капитализму²⁸. В 1940 г. он защитил на эту тему

²⁵ Косминский Е. А. Английская деревня в XIII в., с. 244—245; *Он же*. Исследования..., с. 458—460.

²⁶ Косминский Е. А. Вопросы аграрной истории Англии в XV в.— В кн.: Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков, с. 171.

²⁷ Косминский Е. А. Исследования..., с. 400—405.

²⁸ Поршнев Б. Ф. Восстание в Байонне в 1641 г.— Изв. АН СССР. Отделение общественных наук, 1938, № 1—2; *Он же*. Крестьянские и плебейские восстания во Франции XVII—XVIII в.— Историк-марксист, 1939, № 4; *Он же*. Цели и требования крестьян в бретонском восстании 1675 г.— Труды МИФЛИ, 1940, т. VI; *Он же*. Восстание в Бордо в 1675 г.— Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1945, вып. II; *Он же*. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 г.: (Развитие и программа восстания).— Исторические записки, 1945, т. 15; *Он же*. Народные восстания во Франции при Кольбере.— Средние века, 1946, вып. II (далее — СВ).

докторскую диссертацию. Вышедший в 1948 г. его капитальный труд «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)» (переведен в 1954 г. на немецкий, а в 1963 г. — на французский язык), оказал сильное и глубокое воздействие на историографию вопроса как в СССР, так и за рубежом.

Вслед за своими конкретными исследованиями по истории народных движений Поршнев опубликовал в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. несколько теоретико-методологических статей, в которых развивал и обосновывал широкую общую концепцию основных черт и закономерностей классовой борьбы в эпоху феодализма²⁹. Создавая эту концепцию, Поршнев исходил из бесспорных марксистских положений о том, что при изучении исторических судеб народных масс без рассмотрения их классовой борьбы нельзя правильно понять и изменения в их экономическом и социальном положении, что классовые противоречия являлись в феодальном обществе постоянным фактором на всех этапах его развития и что на их почве разрывалась все более острая классовая борьба. Руководствуясь этими положениями, Поршнев попытался рассмотреть всю историю феодального общества с точки зрения воздействия на нее классовых противоречий, классовой борьбы. Такой подход позволил ученому поставить ряд важных проблем. При этом, однако, ведя полемику с буржуазной историографией, из правильных исходных посылок Поршнев делал подчас слишком односторонне и прямолинейно сформулированные выводы. Так, отрывая борьбу крестьян от ее экономических предпосылок, он утверждал, что эта борьба «была основной силой, принуждавшей развиваться в течение многих веков феодальное общество, государство и мировоззрение»³⁰, что без крестьянского сопротивления феодальное общество не могло бы прогрессировать³¹. Не проводя четкого различия между классовым антагонизмом, присущим феодальному обществу, и классовой борьбой, Поршнев включал в понятие классовой борьбы чисто экономические явления: более быстрый рост производительности труда в крестьянском, чем в помещичьем, хозяйстве, товаризацию крестьянского хозяйства, выделение крестьян-ремесленников, наконец, «второе великое разделение труда» и возникновение городов³². Вместе с тем Поршнев упрощал характер социальной борьбы при феодализме, не учитывал самостоятельного и прогрессивного значения борьбы городов с

²⁹ Поршнев Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. — Изв. АН СССР. Сер. ист.-филол., 1948, т. V, № 6; Он же. История средних веков и указание тов. Сталина об «основной черте феодального общества». — Там же, 1949, т. VI, № 6; Он же. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации. — Там же, 1950, т. VII, № 3; Он же. Сущность феодального государства. — Там же, № 5.

³⁰ Поршнев Б. Ф. История средних веков и указание тов. Сталина..., с. 525.

³¹ Там же, с. 529.

³² Поршнев Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы..., с. 214—216.

сеньорами и внутригородских конфликтов, а в позднее средневековье — борьбы между буржуазией и дворянством³³.

Главную причину развития и смены форм феодального государства Поршневу видел в классовой борьбе крестьянства, процесс государственной централизации в средние века объяснял в основном возрастанием этой борьбы. При этом упускались из виду экономические предпосылки этого процесса и изменения в расстановке социальных сил в среде свободных сословий, также на него влиявшие³⁴.

Статьи Поршнева вызвали острую дискуссию 1950—1951 гг.³⁵ Часть медиевистов, а также некоторые философы, хотя и с известными оговорками, поддерживали взгляды Б. Ф. Поршнева. Другие медиевисты, признав важность поставленных Поршневым проблем и необходимость их дальнейшего изучения, подвергли, однако, серьезной критике изложенные выше односторонние положения его статей. При оценке данной дискуссии следует иметь в виду, что она велась с обеих сторон не столько с помощью конкретного анализа источников и фактов, сколько с помощью умозрительных рассуждений и цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма. Отчасти такой ее характер объяснялся также еще очень слабой в те годы исследовательской разработкой конкретной истории классовой борьбы средневекового крестьянства. Тем не менее дискуссия 1950—1951 гг. сыграла известную положительную роль в дальнейшей разработке истории крестьянской борьбы в средние века советскими медиевистами. Она подчеркнула необходимость серьезного изучения на конкретном материале всех проявлений крестьянского протеста той эпохи, поставила ряд новых проблем, в частности сосредоточила внимание историков на вопросе о воздействии классовой борьбы крестьянства на разные стороны жизни феодального общества, чему раньше не уделялось должного внимания.

Вместе с тем дискуссия сделала очевидной бесперспективность изучения классовой борьбы средневекового крестьянства в отрыве от ее экономических основ и в связи с этим выявила неразработанность в советской медиевистике вопросов политэкономии феодализма, без учета которой невозможны были и дальнейшие исследования в этой области. Дискуссия обнаружила также неправомочность чрезмерно широкого толкования самого понятия «классовой борьбы крестьянства» и ее роли в развитии истории феодального общества.

Учтя материалы дискуссии, Поршневу в 1956 г. опубликовал

³³ Там же, с. 214—215.

³⁴ Поршнев Б. Ф. Сущность феодального государства, с. 418—428.

³⁵ Отчеты о ней см.: Вопросы истории, 1951, № 6; Изв. АН СССР, 1951, т. VIII, № 2, см. также: Косминский Е. А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма: (По поводу статей Б. Ф. Поршнева).— Изв. АН СССР. Сер. ист.-филол., 1951, т. VIII, № 3.

первый в советской литературе «Очерк политэкономии феодализма», в котором был отчетливо выявлен антагонистический характер всей экономической структуры феодального общества, лежавший в основе разветвлявшейся в нем классовой борьбы³⁶. Позднее Поршнев вернулся к проблеме классовой борьбы в феодальном обществе в книге «Феодализм и народные массы» (М., 1964). Ученый теперь предположил рассмотрению роли классовой борьбы в средние века упомянутый выше очерк политэкономии феодализма. Во второй части книги, посвященной роли народных масс, Поршнев несколько расширил свою аргументацию новыми конкретно-историческими данными и пересмотрел отдельные выводы. В частности, он значительно сузил здесь свое понимание «классовой борьбы», ограничив его теперь только открытыми выступлениями крестьянства³⁷.

В книге Поршнева был сделан ряд интересных наблюдений, важных для дальнейшего изучения вопроса о крестьянской борьбе периода развитого феодализма. Мы находим в ней полезную, хотя и не бесспорную, попытку типологизировать открытые виды крестьянского сопротивления. Он выделил три основных его формы: 1) «частичное сопротивление» — нарушение требований сеньора, споры с ним по поводу отдельных прав и обязанностей; 2) уходы и побег, в которых Поршнев видел уже решительный разрыв с сеньором и поэтому не пассивный, но весьма активный протест; 3) восстания как форму коллективного насилия, направленного на уничтожение существующих условий. В качестве промежуточных форм (между уходами и восстаниями) он называл «крестьянский бандитизм», а также (между «частичным сопротивлением» и восстанием) коллективные насильственные акции внутри вотчины. Из трех основных форм первые две он считал низшими, восстания же — высшими³⁸.

Ряд принципиально важных соображений высказал Поршнев по вопросу об идеологии крестьянства в то время, когда этим вопросом у нас еще почти не занимались: он отметил преобладание негативных гробований над позитивными в лозунгах и программах крестьянских восстаний средневековья, а в их действиях — стихийности над сознательностью³⁹; попытался выделить некоторые специфические категории крестьянского сознания, присущие ему, как считал ученый, на всех этапах его истории в феодальном обществе: «правда», «справедливость», «право», «воля», а также те, которые оформились позднее в восстаниях

³⁶ Козлов Г. Книга по политической экономии феодализма.— Коммунист, 1957, № 9.

³⁷ Более подробно см.: Голота А. И. Рец.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы.— Вопросы философии, 1965, № 5.

³⁸ Поршнев Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы..., с. 206—207, 220; Он же. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 278—280.

³⁹ Поршнев Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы..., с. 241; Он же. Феодализм и народные массы, с. 360, 361, 315—316.

XIV—XV вв. и выражались в требованиях сословного равенства, уравниения и общности имуществ^{39а}. Он справедливо подчеркивал, что нужно отличать субъективные цели крестьян в их борьбе (их программы, лозунги) от объективных целей, выражавшихся более всего в их стихийных действиях⁴⁰.

В своей книге Поршнев правомерно поставил вопрос о том, какие из форм открытого крестьянского протеста в средние века заслуживают определения «классовая борьба». Руководствуясь принципами классификации и периодизации истории рабочего движения, которые использовались В. И. Лениным, и учитывая в целом более низкий уровень развития классовой борьбы (прежде всего крестьянской) при феодализме, Поршнев теперь относил понятие «развитой классовой борьбы» в рамках этой формации только к крестьянским восстаниям и войнам или к крестьянским движениям в буржуазных революциях. «Частичное сопротивление» он называл «неразвитой формой классовой борьбы», а побеги и уходы — ее «зачаточной» формой⁴¹.

За последние 25 лет появилось большое количество исследований, посвященных крестьянскому антифеодалному протесту в Западной Европе XI—XV вв.

Различные формы и периоды развития крестьянского протеста в Италии разрабатывались с начала 50-х годов XX в. С. Д. Сказкиным в его исследованиях по истории восстания Дольчино⁴², Л. А. Котельниковой, Л. М. Брагиной и М. Л. Абрамсон, которые изучали более ранние формы локального протеста в разных частях Италии⁴³, позднее Сказкиным и В. Б. Самаркиным в связи с восстанием Дольчино и другими крупными восстаниями XIV—XV вв.⁴⁴

Применительно к истории германских земель разные проявления классовой борьбы, главным образом в XV — начале

^{39а} Поршнев Б. Ф. *Формы и пути крестьянской борьбы...*, с. 241. *Он же*. *Феодализм и народные массы*, с. 314—315.

⁴⁰ Поршнев Б. Ф. *Феодализм и народные массы*, с. 314—315.

⁴¹ Там же, с. 271—274.

⁴² Сказкин С. Д. *Исторические условия восстания Дольчино*. — В кн.: *Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме*. М., 1955; *Он же*. *Первое послание Дольчино*. — В кн.: *Из истории социально-политических идей: В честь 70-летия академика В. П. Волгина*. М., 1955.

⁴³ Котельникова Л. А. *Положение и классовая борьба крестьянства в северной и средней Италии в XI—XII вв.* — СВ, 1955, вып. VI; *Она же*. *Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв.* М., 1967 (см. раздел — «Крестьянское сопротивление и города»); Брагина Л. М. *Положение крестьянства в северо-восточной Италии XIII—XIV вв.* — СВ, 1958, вып. XII; Абрамсон М. Л. *Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII вв.* — СВ, 1951, вып. III.

⁴⁴ Сказкин С. Д., Самаркин В. В. *Крестьянские движения XIV—XV вв.* — В кн.: *История Италии*. М., 1970. Т. I; *Они же*. *Дольчино и Библия: К вопросу о толковании Священного писания как способа революционной пропаганды*. — СВ, 1975, вып. XXXVIII.

XVI в., изучались в работах М. М. Смирин и В. Е. Майера⁴⁵. На материале северной Франции эволюция классовой борьбы крестьянства от локальных форм протеста в X—XIII вв. до крупных восстаний XIV в. была изучена А. В. Конокотиним, который, в частности, написал первое в советской медиевистике исследование по истории Жакерии⁴⁶. Восстаниям «пастушков» 1251 и 1320 гг. были посвящены статьи В. Л. Керова⁴⁷, восстанию «тюшенов» — М. М. Себенцовой⁴⁸. Участие крестьян в ранних ересьях и в первом крестовом походе было затронуто в монографии Н. А. Сидоровой, борьба крестьян за личную свободу и коммунальные вольности в XII—XIII вв. — в статье А. Д. Люблинской⁴⁹.

Продолжалось изучение классовой борьбы английского крестьянства, начатое Косминским. В работах Е. В. Гутновой эта борьба рассматривалась как фактор социально-политического развития Англии в XIII в., в частности, в связи с процессом централизации английского феодального государства⁵⁰, в книге М. А. Барга — в связи с социальной историей английского общества в XI—XIII вв.⁵¹ В статьях К. Д. Авдеевой была охарактеризована борьба английского крестьянства против огораживаний в XIII в., в работах Е. В. Кузнецова, К. Г. Устиновой, Б. А. Каменецкого — крестьянские движения в Англии XV в.⁵²

⁴⁵ *Смирин М. М.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, гл. II—IV, VI, VII; *Майер В. Е.* Уставы как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI в. — СВ, 1956, вып. VIII, с. 196, 213—216; *Он же.* Уставы как источник изучения классовой борьбы в немецкой деревне в конце XV — начале XVI в. — Учен. зап. Удмуртского пед. ин-та. Ижевск, 1956, вып. 9.

⁴⁶ *Конокотин А. В.* Расслоение крестьянства и обострение классовой борьбы во Франции XIII в. — Учен. зап. Московского пед. ин-та, 1954, т. 68, вып. 4; *Он же.* Борьба за общинные земли во французской деревне XII—XIV вв. — СВ, 1957, вып. X; *Он же.* Борьба крестьян за самоуправление и коммуны на севере Франции. — Вопросы истории, 1957, № 9; *Он же.* Очерки по аграрной истории Северной Франции IX—XIV вв. — Учен. зап. Ивановского пед. ин-та. Ист. науки, 1958, т. XVI, с. 94—171; *Он же.* Жакерия 1258 г. во Франции. — Там же, 1964, т. XXV.

⁴⁷ *Керов В. Л.* Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и во Франции в 1251 г. — Вопросы истории, 1956, № 6; *Он же.* Народное движение в Южных Нидерландах и Франции в 1320 г. — СВ, 1962, вып. XXVII.

⁴⁸ *Себенцова М. М.* Восстание «тюшенов». — Учен. зап. Московского пед. ин-та, 1954, т. 18, вып. 4.

⁴⁹ *Сидорова Н. А.* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, с. 19—99; *Люблинская А. Д.* Сельская община и город в Северной Франции в XI—XIII вв. — СВ, 1975, вып. XXXVIII.

⁵⁰ *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента. М., 1960; *Она же.* Экономические и социальные предпосылки процесса государственной централизации Англии в XII—XIII вв. — СВ, 1957, вып. IX.

⁵¹ *Барг М. А.* Исследование по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.

⁵² *Авдеева К. Д.* Огораживания общинных земель в Англии в XIII в. — СВ, 1955, вып. VI; *Кузнецов Е. В.* Антифеодальные выступления английского крестьянства в конце XIV—XV вв. — Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филол. 1968, вып. 88; *Он же.* Крестьяне и горожане в войне Алой и

Антифеодальная борьба крестьянства в Испании освещалась в работах С. В. Фрязинова, А. Р. Корсунского, Л. Т. Мильской⁵³, в Венгрии — В. П. Шушариным⁵⁴, в Чехии — Б. Т. Рубцовым, Ю. Ф. Ивановым, А. И. Озолиным⁵⁵, в Скандинавских странах — А. Я. Гуревичем и А. А. Сванидзе⁵⁶.

Накопленный в этих работах материал ценен не только потому, что освещает историю крестьянского протеста в каждой стране, зачастую ранее почти неизученную, но и потому, что создает возможность для более широких обобщений, а также сравнительно-исторического изучения проблемы в целом в масштабе всей Западной и Центральной Европы. Так, на материале многих стран полностью подтвердились наблюдения, сделанные ранее Косминским на материале Англии, о противоречивом воздействии товарно-денежных отношений на положение крестьянства, и не только в целом, но и отдельных его имущественных групп. Тем самым советскими учеными была установлена определенная внутренняя закономерность, выразившаяся в усилении нажима феодалов на крестьянство уже в XI—XIII вв., особенно же в XIV—XV вв., и возникновении в его среде массового недовольства. Стало очевидным, что это недовольство нарастало не только под влиянием войн, стихийных бедствий (в частности, эпидемии чумы середины XIV в.), а нередко еще и до начала этих катастрофических явлений, под воздействием внутренней эволюции аграрного строя европейских стран.

Эти наблюдения позволяют рассматривать крупные восстания XIV—XV вв. как результат закономерных изменений в базисе феодального общества, подготовленных всем предшествующим развитием (XII—XIII вв.). Сопутствовавшие их возникновению «конъюнктурные обстоятельства» учитываются советскими историками, но рассматриваются ими как дополнительные сти-

Белой розы. 1469—1470.— Научные доклады высшей школы. Ист. науки, 1961, № 10; Устинова К. Г. Кентское восстание 1450 г.: Автореф. канд. дис. М., 1955; Каменецкий Б. А. Требожания кентских повстанцев 1450 г. и политическая программа Джона Фортескью.— СВ, 1974, вып. XXXIII.

⁵³ Фрязинов С. В. Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма.— Учен. зап. Горьковского ун-та, 1954, вып. 26; Корсунский А. Р. История Испании в XI—XIII вв. М., 1976, гл. IX; Мильская Л. Т. Очерки по истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962.

⁵⁴ Шушарин В. П. Крестьянские восстания в Трансильвании (1437—1438). М., 1963.

⁵⁵ Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии. М., 1963; Иванов Ю. Ф. Проблемы развития чешской деревни в XIV — начала XV в.— Учен. зап. Московского пед. ин-та, 1954, № 217; Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962; Он же. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.

⁵⁶ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство в феодальной Норвегии. М., 1967, гл. IV; Сванидзе А. А. Народная война под предводительством Энгельбректа и возникновение риксдага.— В кн.: История Швеции. М., 1974, с. 121—128.

мулирующие моменты при возникновении отдельных крупных восстаний.

Конкретные исследования советских медиевистов по истории отдельных стран опровергают характерный для традиционной буржуазной концепции тезис о социальной гармонии, царившей якобы в феодальной вотчине в период ее расцвета и господства натурально-хозяйственных отношений. Они показывают, что не только в Англии, но и повсюду в Европе еще в период полного господства барщинной системы хозяйства вотчина являлась ареной повседневных, хотя и мелких классовых конфликтов. Эти конфликты в разных странах возникали по разным конкретным поводам, но выступали в весьма сходных формах, исподволь подготавливая мощные взрывы XIV—XV вв. Последние с этой точки зрения также выглядят не как неожиданные потрясения, но как кульминационные моменты в общей цепи развития классового антагонизма и протеста в феодальном обществе, вытекающего из характера его производственных отношений. Советскими учеными было отмечено также, что в ряде стран (Франции, Северной и Средней Италии, Испании — Леон и Кастилия) локальные формы крестьянской борьбы были в целом довольно результативны, так как способствовали личному освобождению сервов, уничтожению ряда тяжелых повинностей, в частности барщины, и формированию самоуправляющихся вольных сельских общин (коммун).

Детальное изучение советскими учеными отдельных крупных восстаний привело к выработке в нашей медиевистике более четкой, чем ранее, и логически стройной схемы, или модели, их исследования. Наиболее удачный пример ее дает «Жакерия 1358 г. во Франции» А. В. Конокотина. Автор ведет свой анализ от предпосылок этого восстания — экономических, социальных, политических, через рассмотрение предшествующих форм классовой борьбы к выяснению характера действий «жаков», их лозунгов, организационной стороны движения, взаимоотношений повстанцев с другими слоями общества, особенно с бюргерством, а также с феодальным государством. В заключении ставится вопрос о причинах поражения восстания и о его реальных результатах. Такой путь исследования, очевидно, применим при изучении любого крестьянского восстания.

В то же время советские историки достаточно отчетливо выявили разные типы крестьянских восстаний даже применительно к одному и тому же периоду XIV—XV вв. Так, Сказкин, исследуя историю восстания Дольчино, которое он считал первым в серии больших крестьянских движений XIV—XV вв. в Западной Европе, порожденных последствиями быстрого развития товарно-денежных отношений⁵⁷, показал, что это восстание имело своей идеологической основой крестьянско-плебейскую ересь

⁵⁷ Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино.

апостоликов, хилиастическое учение которых давало обоснование стремлениям Дольчино и его сподвижников к радикальному переустройству общества на основах сословного и имущественного равенства. С этим идеологическим фоном восстания автор связывал и его относительную организованность⁵⁸.

М. М. Смирин, изучавший массовые крестьянские движения и заговоры в Германии XV в. установил, что в этих движениях наряду с экономическими требованиями, характерными для повседневной локальной борьбы этого времени, почти всегда выдвигались и общие социально-политические: против княжеских налогов и судов и использования последними репрессии римского права, против диктата католической церкви, за уравнивание сословий, за укрепление имперских властей. Объективно эти требования выражали относительно высокий уровень сознательности крестьян, их стремление к политическому объединению страны и сближали их с наиболее радикальными элементами бюргерской оппозиции⁵⁹. Еще более высокий уровень идейного осмысления своих действий крестьянскими массами и их организованности обнаружили советские исследователи в движении таборитов, основную движущую силу которых составляли крестьяне и низшие слои городского населения. Они раскрыли ярко выраженную антифеодальную, антицерковную и патриотическую окраску идеологии этого движения, особенно на раннем его этапе, когда наиболее радикальные идеологи этой ереси истолковывали ее в революционном духе, поднимались до требования общности имущества и даже (что необычно для крестьянства той эпохи) до требования установления республики⁶⁰. Совсем иной тип стихийного и слабо идеологизированного движения выявил Конокотин в Жакерии 1358 г. Вместе с тем, исследуя практические действия крестьян в ходе этого восстания, автор пришел к выводу, что оно носило ярко выраженный антисеньориальный характер и имело своей объективной целью ликвидацию или ограничение сферы влияния феодальной собственности, иначе говоря — максимальное освобождение крестьянского хозяйства и земельного надела от феодальной эксплуатации⁶¹.

В крупных крестьянских восстаниях в Англии XV в. (восстание Кеда в 1450 г. и ряда других) советские исследователи выявили слабую выраженность чисто крестьянских требований и, напротив, преобладание в их программах и требованиях общеполитических лозунгов: сокращения налогового гнета, прекращения феодальных войн, укрепления материальной и политической силы центральной власти, оздоровления ее аппарата и парламента. Такая программа была близка также прогрессивной части ры-

⁵⁸ Сказкин С. Д. Первое послание Дольчино.

⁵⁹ Смирин М. М. Указ. соч., гл. III—V, VII.

⁶⁰ Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения, с. 112, 114—130, 182—196.

⁶¹ Конокотин А. В. Жакерия 1358 г. во Франции, с. 61—68, 81—87,

царства и бюргерства, которые часто примыкали в Англии к восстаниям этого типа, а иногда возглавляли и направляли их в своих интересах⁶². Отмечен был и специфический характер крупных крестьянских движений в Скандинавских странах в XII—XV вв., обычно направленных не столько против отдельных сеньоров, сколько против правительственных налогов и притеснений королевской администрации, а поэтому часто сливавшихся с антиправительственными мятежами различных феодальных группировок. Так было в Норвегии во время борьбы между «биркебайнерами» и «баглерами» в XII — начале XIII в.⁶³ и даже в восстании под руководством Энгельбректа в Швеции в начале XV в.⁶⁴ Такая специфика крестьянских выступлений объяснялась тем, что в Скандинавских странах в XII—XV вв. большинство крестьянства сохраняло еще личную свободу, а немалая часть — даже собственность на землю, и в силу этого оно страдало больше от притеснений государства, чем от сеньориального гнета.

В советской медиевистике как в связи с крупными восстаниями, так и в связи с локальной борьбой крестьянства специально рассматривался вопрос о соотношении этой борьбы с городскими движениями разного типа.

В работе Л. А. Котельниковой было показано, что в XII—XIII вв. города Северной и Средней Италии иногда поддерживали борьбу крестьян против сеньоров за ликвидацию серважа за статус вольных сельских коммун, способствуя освобождению сервов в городской округе. Тем не менее уже после массового освобождения крестьян в XIV в. города сами подвергали подвластные им сельские местности тяжелой эксплуатации⁶⁵. А. Д. Люблинская подчеркнула «единообразие» борьбы крестьян и городов за свободный статус их жителей во Франции XII—XIII вв., так как городские и крестьянские выступления этого времени шли в «едином русле борьбы против сеньориального гнета»⁶⁶. Аналогичные наблюдения были сделаны А. Р. Корсунским в отношении ряда локальных крестьянских бунтов в Леона-Кастильском королевстве в XII—XIII вв., которые протекали одновременно с городскими движениями и ставили порой сходные цели⁶⁷.

О роли бюргерства, а иногда и плебейства в крупных крестьянских восстаниях ставили вопрос А. В. Конокотин применительно к Жакерии⁶⁸, М. М. Смирин — к Германии XV в., Е. В. Куз-

⁶² Кузнецов Е. В. Крестьяне и горожане в войне Алой и Белой розы. 1469—1470; Каменецкий Б. А. Требования кельтских повстанцев 1450 г. и политическая программа Джона Фортезкью.

⁶³ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство в феодальной Норвегии, гл. IV.

⁶⁴ Сванидзе А. А. Указ. соч., с. 121—128.

⁶⁵ Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город XI—XIII вв., гл. II и III, с. 309—316.

⁶⁶ Люблинская А. Д. Указ. соч., с. 118—125, 127.

⁶⁷ Корсунский А. Р. Указ. соч., с. 218—220, 222—225.

⁶⁸ Конокотин А. В. Жакерия 1358 г. во Франции, с. 68—79, 87—92.

нецов — к Англии того же столетия⁶⁹, А. И. Озолин — к движению таборитов⁷⁰. Ему уделяется также определенное внимание в работе А. А. Кирилловой, специально посвященной городским движениям в Англии во время восстания 1381 г.⁷¹ Выводы этих авторов, в общем, однозначны и сводятся к тому, что бюргерские слои городского населения обычно стремились использовать крестьянское восстание в своих целях, вместе с тем по большей части относились к нему с опаской и неохотно оказывали ему реальную вооруженную поддержку, а на последнем этапе восстания нередко предавали движение. Напротив, городское плебейство, а иногда и бедная часть бюргерства являлись наиболее прочными и последовательными союзниками крестьян, оказывали на них часто революционизирующее и организующее воздействие.

Ставился в советской медиевистике и вопрос о взаимодействии процесса классовой борьбы крестьянства и развития феодального государства. Так, Смирин подчеркнул, что рост феодальной эксплуатации крестьян в Германии конца XIV—XV в. был тесно связан с политикой усилившихся к этому времени территориальных князей, которые не только помогали отдельным сеньорам в осуществлении феодальной реакции, но и сами действовали в том же направлении и к тому же все более усиливали налоговый гнет на крестьянство⁷². Гутнова, продолжая линию исследований, намеченную Косминским, проследила на конкретном материале, как английское феодальное государство, до XIII в. старавшееся «не вмешиваться» в отношения между вилланами и феодалами, с начала этого столетия стало активно поддерживать растущий сеньориальный нажим на крестьянство с помощью своих судов и администрации, опираясь на общее право и юридическую теорию вилланства. При этом оно подавляло малейшее сопротивление крестьян. Одновременно король в полном согласии с парламентом перекладывал на них все большую долю государственных налогов⁷³. Барг, развивая мысль Косминского о классовой природе общего права и юридической теории вилланства в Англии XIII в., на большом материале выявил активную роль этих факторов в процессе ухудшения социально-правового статуса английских вилланов в конце XII и XIII в.⁷⁴ Исследования такого рода наметили путь к объяснению той враждебности, которую крестьянство многих стран проявляло к политике государства и его аппарату в XIII—XV вв.

Отдельные плодотворные экскурсии делали советские медиевисты в 50—60-х годах XX в. в область идеологии крестьянских

⁶⁹ Смирин М. М. Указ. соч.; Кузнецов Е. В. Указ. соч.

⁷⁰ Озолин А. И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении.

⁷¹ Кириллова А. А. Классовая борьба в городах Восточной Англии.— Учен. зап. Московского пед. ин-та, 1969, № 321, с. 176—252.

⁷² Смирин М. М. Указ. соч., гл. II.

⁷³ Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента, с. 95—187, 505—540.

⁷⁴ Барг М. А. Указ. соч., гл. IV.

движений. В частности, тонкий анализ идейной стороны восстания Дольчино был проделан Сказкиным на основе первого из так называемых посланий Дольчино⁷⁵. При этом в статье было показано, что религиозная форма крестьянско-плебейской ереси, в которую была облечена идеология этого восстания, отражала тот факт, что ни сам Дольчино, ни те, к кому была обращена его пропаганда, не мыслили и не могли мыслить аргументации своих социально-политических требований иначе, как в форме религиозных доводов, основанных на еретической интерпретации Священного писания. В статье, написанной Сказкиным позднее в соавторстве с В. В. Самаркиным, была предпринята интересная попытка проанализировать конкретные методы такой интерпретации Библии у Дольчино в духе крестьянско-плебейской ереси, которая выражала настроения и чаяния наиболее угнетенных слоев феодального общества и в какой-то мере служила обоснованием их сопротивления эксплуататорам⁷⁶⁻⁷⁷. При этом авторы проследили, как от первого к третьему «посланию» Дольчино изменялись, радикализировались взгляды крестьянского вождя, очевидно, под влиянием событий самого восстания. Все эти исследования о Дольчино ставили не только частный, но и более общий методологический вопрос — о соотношении ересей крестьянско-плебейского типа и идеологии крестьянских движений.

Большое значение в этом плане имели исследования (правда, относящиеся уже к более позднему этапу классовой борьбы крестьянства в XVI в.) Смирин о религиозно-философских и социально-политических воззрениях Томаса Мюнцера, вождя крестьянско-плебейского лагеря в крестьянской войне 1524—1525 гг. в Германии⁷⁸, и А. Н. Чистозвонова о радикальном анабаптизме первой половины XVI в.⁷⁹ Идеологический аспект занимал значительное место, как уже отмечалось, в работах, посвященных таборитскому движению и разным идейным течениям внутри него.

Наконец, так или иначе вопросы крестьянской идеологии затрагивались в работах советских историков, специально посвящавшихся отдельным ересям, которые со времен Ф. Энгельса рассматриваются историками-марксистами, в отличие от большинства буржуазных ученых, как социальные движения, а наиболее радикальные из них — как выражение крестьянской и плебейской идеологии, направленной против феодального строя⁸⁰.

⁷⁵ Сказкин С. Д. Первое послание Дольчино.

⁷⁶⁻⁷⁷ Сказкин С. Д., Самаркин В. В. Дольчино и Библия...

⁷⁸ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война в Германии. 1-е изд. М., 1947, 2-е изд. М., 1955.

⁷⁹ Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964, гл. III, V.

⁸⁰ Сидорова Н. А. Указ. соч., с. 59—99; см. также: Керов В. Л. Из истории борьбы народных масс против католической церкви в эпоху феодализма. М., 1970; Он же. Народно-еретическое движение бегин на юге Франции и Петр Иоанн Оливи.— В кн.: Французский ежегодник. 1968.

Впервые в русской и советской медиевистике объектом специального рассмотрения стало еретическое движение лоллардов в Англии XIV—XV вв. В монографии Е. В. Кузнецова, посвященной этому вопросу, был показан сложный социальный состав этого движения, его связь с социально-политической борьбой, в частности с крестьянскими восстаниями этих столетий, а также наличие в нем различных идейных течений, хотя и не оформившихся организационно⁸¹.

Таким образом, в литературе 50-х — начала 70-х годов XX в. постепенно накапливался большой материал, чем дальше, тем больше требовавший обобщений. Такие обобщения по отдельным вопросам делались уже в ходе конкретных исследований. Так, в 1957 г. автор данного обзора предложил классификацию внутровотчинных форм крестьянской борьбы на материале Англии XIII — начала XIV в., выделив в ней: 1) уходы и побеги; 2) индивидуальные и коллективные отказы от выполнения тех или иных повинностей и платежей или от признания себя вилланами (конфликты такого рода обычно переносились крестьянами в королевские суды); 3) вооруженные локальные бунты из-за характера и размера повинностей, личного статуса крестьян, в которые иногда перерастали эти судебные тяжбы, или из-за огораживания; 4) выступления, иногда вооруженные, против представителей королевской администрации⁸². Позднее, в 1962 г., Барг, опираясь в основном также на английский материал, предложил более общую типологизацию крестьянской борьбы в период развитого феодализма. В ее развитии он выделил два этапа: первый — до середины XIV в., когда крестьянская борьба выступала в локальных, повседневных формах, и второй — с середины XIV в. до конца XV в., когда наиболее характерным типом крестьянского протеста становятся открытые коллективные акции крестьян, часто принимающие характер крупных восстаний. Среди форм, характерных для первого этапа, Барг выделял: 1) акты сопротивления, не направленные на ликвидацию вотчинного обычая; 2) акты, «взламывающие» обычаи (как правило, коллективные), даже если они внешне выступали в легальной форме⁸³. Крупные крестьянские восстания — их, как и Поршнев, он считал высшей формой классовой борьбы при феодализме — Барг связывал или с периодом генезиса феодализма или с «разложением средневекового строя феодальных отношений» (восстания XIV—

М., 1970; *Он же*. Социальный состав гальденских общин Южной Франции и их отношение к феодальному строю и государству в XIII — начале XIV в.— В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973. Вып. 1.

⁸¹ Кузнецов Е. В. Движение лоллардов в Англии (конец XIV—XV вв.).— Учен. зап. Горьковского ун-та, 1961, вып. 95, с. 216, 225—235.

⁸² Гугнова Е. В. Экономические и социальные предпосылки процесса государственной централизации Англии в XII—XIII вв.

⁸³ Барг М. А. Указ. соч., с. 366.

XV вв.). Более низкие, ограниченные формы борьбы были характерны для расцвета вотчинного строя⁸⁴. Вслед за Косминским и Поршневым этот ученый подчеркивал, что те или иные формы крестьянского антифеодального протеста были присущи феодальному строю на всех стадиях его развития, в том числе и на всем протяжении периода развитого феодализма. Источником этой борьбы Барг справедливо считал социальный антагонизм, заложенный в самих производственных отношениях феодального общества, в том, что крестьянин являлся фактически самостоятельным производителем и владельцем средств производства, но сидел на земле феодала, за что должен был платить ренту⁸⁵. Этот постоянно ощущаемый антагонизм пронизывал всю хозяйственную жизнь вотчины даже тогда, когда в ней господствовали натурально-хозяйственные отношения и имели место внешне «мирные» отношения между феодалом и крестьянами, т. е. когда в ней не было открытых конфликтов.

Таким образом, Барг уточнил суть экономической основы классовой борьбы при феодализме, подчеркнув различие между понятиями «классового антагонизма», постоянно присутствующего в экономической жизни этой формации, и «классовой борьбы», как открытого проявления этого антагонизма, понятиями, которые, как уже отмечалось выше, смешивал в своих дискуссионных статьях Поршневы.

В 1966 г. автор данного обзора опубликовала статью «Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья»⁸⁶. В статье рассматривались вопросы о наличии или отсутствии у крестьянства в средние века особой идеологии (автор отвечала на него утвердительно для периода начиная с начала XIV в.)⁸⁷, о ее соотношении с социальной психологией этого класса⁸⁸. Автор подчеркивала противоречивость общественного сознания крестьянства той эпохи⁸⁹, сочетание в нем прогрессивных и консервативных элементов, заметные различия во взглядах и программах более богатых и беднейших его слоев⁹⁰. В статье отмечалось, что научное исследование эволюции идеологии и социальной психологии средневекового крестьянства возможно только на основе предварительного изучения, с одной стороны, экономических и бытовых условий существования этого класса и его борьбы, с другой стороны — внимательного анализа того воздействия, которое религиозные формы мышления, господствовавшие в средние века, оказывали на формирование крестьянских воззрений⁹¹. При этом были предложены некоторые кри-

⁸⁴ Барг М. А. Указ. соч., с. 365.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Вопросы истории, 1966, № 4.

⁸⁷ Там же, с. 52—55.

⁸⁸ Там же, с. 69—71.

⁸⁹ Там же, с. 57—59.

⁹⁰ Там же, с. 63—65.

⁹¹ Там же, с. 56—57, 65—66.

терии вычленения собственно крестьянских взглядов в общем потоке идейной жизни средневековья⁹².

В развитии классовой борьбы крестьянства в средние века автором были выделены четыре этапа: 1) Раннее средневековье, когда крестьяне боролись против установления феодального строя, а их борьба часто выливалась в крупные восстания, главным требованием которых был возврат к старым общинным порядкам⁹³. 2) Первые столетия периода развитого феодализма (в Западной Европе — XI—XIII вв.), когда вотчинный строй еще базировался в основном на натуральном хозяйстве и барщинной системе, а классовая борьба носила, за редким исключением, локальный, повседневный, внутривотчинный и часто легальный характер и велась не против основ феодального строя, как такового, а лишь против усиления феодальной эксплуатации, за соблюдение обычая, теперь уже вотчинного. 3) Более поздний период развитого феодализма (для Западной Европы — XIV—XV вв.) — время кризиса барщинной системы хозяйства и классической вотчины под воздействием быстрого развития рыночных отношений. На этом этапе легальные формы борьбы все более перерастают в бунтарские вооруженные выступления, достигающие кульминации в серии крупных крестьянских восстаний XIV—XV вв., направленных против таких важных устоев феодального строя, как личная несвобода крестьян и отработочная рента. Объективно эти восстания означали борьбу за укрепление и более свободное развитие мелкокрестьянского хозяйства. Эту общую цель преследовали в конечном счете и выдвигавшиеся в этих восстаниях политические требования (против роста налогов, феодальных улобщ, «плохих советников короля», против войны). 4) Период первоначального накопления и развития капитализма в деревне в XVI в., когда во многих крестьянских движениях на первый план вновь выдвигаются экономические и социальные требования — в первую очередь требование земли. На первых двух этапах, по мнению автора, у крестьян еще отсутствуют четко выраженные идеи, преобладает социально-психологический уровень общественного сознания. На третьем этапе в их среде появляется комплекс специфически крестьянских идей (о святости крестьянского труда, о равенстве сословий, у наиболее бедных слоев — о равенстве и даже общности имуществ, о «добром короле» и его «дурных советниках» и др.), которые находят свое наиболее последовательное выражение в радикальных крестьянско-плебейских ересях⁹⁴.

⁹² Там же, с. 70.

⁹³ Здесь Е. В. Гутнова использовала характеристику крестьянских движений раннего средневековья, данную А. И. Неусыхиним (*Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М., 1956, с. 397*).

⁹⁴ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 59—63. Позднее основные положения этой статьи были развиты в других работах. См.: *Гутнова Е. В. Средневековое*

Важный шаг к теоретическому обобщению и осмыслению накопленного фактического материала сделал Сказкин в своей книге «Очерки истории Западноевропейского крестьянства в средние века» (1968), в которой посвятил вопросу о классовой борьбе крестьянства главу «Некоторые закономерности классовой борьбы крестьян в средние века» и раздел о социальных изменениях в феодальном обществе под воздействием развития товарно-денежных отношений. Сказкин видел истоки и главное содержание этой борьбы в основном антагонистическом противоречии феодального общества — между господством крупной земельной собственности и мелким характером производства, осуществляемого непосредственными производителями — крестьянами. Поэтому классовая борьба в этом обществе, указывал он, имеет всегда своим содержанием стремление крестьян максимально освободить свое хозяйство от пут феодальной собственности, в идеале самим стать собственниками земли⁹⁵. Но в разные периоды это стремление воплощалось в разных требованиях, соответственно уровню развития феодализма. Эволюция конкретных целей и требований крестьян была положена ученым в основу предложенной им периодизации развития их классовой борьбы в средние века. В ней он выделял три периода: первый — раннее средневековье, когда крестьяне боролись против феодальных новшеств под лозунгом «за старый закон». Второй — период развитого феодализма, когда в условиях быстрого развития товарно-денежных отношений феодалы пытались повысить норму эксплуатации. Против этого и была тогда направлена классовая борьба крестьян, наиболее ярким и характерным проявлением которой стали восстания XIV—XV вв. Главная объективная цель борьбы крестьян в эти столетия заключалась в сохранении нормы эксплуатации на прежнем уровне, что конкретизировалось в требованиях личной свободы, сохранения размеров феодальной ренты на уровне, установленном обычаем, иногда — защиты альменды от посягательств феодалов. Третий период — с конца XV до середины XVII в., когда центр тяжести феодальной эксплуатации крестьянства перемещается из сеньории в руки централизованных государств абсолютистского типа. Одной из главных целей крестьянских движений теперь становится ослабление гнета государства. Четвертый период классовой борьбы крестьян, намеченный Сказкиным, уже выходит за рамки средневековья. Это период буржуазных революций XVII—XVIII вв., когда крестьянские восстания становятся частью последних. Только на этом этапе крестьяне

крестьянство и ереси.— СВ, 1975, вып. XXXVIII; *Она же*. Основные типы и формы классовой борьбы крестьянства в средневековой Западной Европе XI—XV вв.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вологда, 7—13 сентября 1974 г.). М., 1974.

⁹⁵ Сказкин С. Д. Очерки истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 355.

оказываются способными более или менее осознанно выдвинуть требование о ликвидации феодальной земельной собственности и создании свободной крестьянской собственности, обычно в форме лозунга уравнительного «передела» земли⁹⁶.

Как видим, для периода развитого феодализма Сказкин в своей периодизации не выделяет отдельно этап повседневной локальной борьбы, концентрируя внимание на крупных крестьянских восстаниях XIV—XV вв., поскольку, по его словам, «для понимания сущности происходящих социальных изменений удобнее всего исходить из этих подлинно решающих критических явлений»⁹⁷. В восстаниях XIV в. ученый видел порождение высокого уровня развития товарно-денежных отношений, отмечая, что хронологическая последовательность их возникновения (от восстания Дольчино до восстания Уота Тайлера) точно соответствовала темпам прогрессивного экономического развития тех стран, где они происходили. Последствия развития товарно-денежных отношений, которые непосредственно стимулировали эти восстания, по мнению Сказкина, заключались в следующем: 1) ликвидация домена, коммутация ренты, освобождение крестьян от личной зависимости и повинностей и в то же время стремление феодалов повысить общую норму эксплуатации крестьян за счет использования в своих интересах всех, в том числе и рыночных, доходов последних⁹⁸; 2) рост в Западной Европе XIII—XV вв. рыцарского слоя в качестве главной военной силы феодальных государств, сопровождавшийся особенно сильным нажимом на крестьянство: мелкие феодалы пытались возместить ограниченность своих владений повышением рент, ухудшением прав крестьян на держание (в частности, краткосрочная аренда и т. п.)⁹⁹.

С. Д. Сказкин при этом подчеркивал, что нетерпимость крестьян к нажиму феодалов особенно обострялась тем, что к этому времени в силу того же развития товарно-денежных отношений значительно возросла их хозяйственная самостоятельность. Поэтому крестьянские восстания XIV в. нельзя считать результатом только ухудшения в положении крестьян, они были скорее следствием противоречивых тенденций в изменении положения крестьянства, столкновение которых создавало особенно острый накал борьбы¹⁰⁰.

Объективное содержание восстаний XIV в. Сказкин видел в том, чтобы остановить явления феодальной реакции. На данном этапе это было необходимо для обеспечения извечной цели крестьянства при феодализме — максимальной свободы его хозяйственной деятельности и распоряжения земельным наделом. С точки

⁹⁶ Там же, с. 358—362.

⁹⁷ Там же, с. 220.

⁹⁸ Там же, с. 208—215.

⁹⁹ Там же, с. 217—220.

¹⁰⁰ Там же, с. 214—215.

зрения осуществления этих общих целей восстания XIV в., по мнению ученого, не были безрезультатны: крестьяне в ходе их добились превращения своих держаний в наследственные владения с правом относительно свободного распоряжения ими, которые Сказкин квалифицировал как «собственность феодального типа», т. е. еще отягощенную феодальными ограничениями¹⁰¹.

Ряд общих вопросов истории классовой борьбы крестьянства и его идеологии был рассмотрен в монографии Ю. М. Сапрыкина «Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв.» (М., 1972). Сапрыкин также сосредоточивает свое внимание лишь на наиболее ярких проявлениях классовой борьбы крестьянства — на крупных крестьянских движениях XIV—XVII вв. В своей периодизации истории классовой борьбы в эти четыре столетия автор исходит из тех же общих принципов, что и Сказкин. Обострение ее в Англии XIV и XV вв. он связывает с превращением патриархального крестьянства в крестьян — мелких товаропроизводителей, а последующее развитие этой борьбы в XVI—XVII вв. — с процессом первоначального накопления и зарождением капиталистических отношений.

Наибольший интерес представляет показанное автором на большом конкретном материале развитие социально-политических взглядов английского крестьянства за эти три столетия. Эволюция этих взглядов рассматривается в книге на широком фоне общей идейной борьбы с помощью сопоставления специфически крестьянских идей и интерпретаций, в том числе и религиозных, с официальным церковно-феодальным мировоззрением и взглядами бюргерско-рыцарского блока на те же вопросы.

В работе Сапрыкина удачно показан рост классового сознания английского крестьянства в рассматриваемый период. Сапрыкин, как и Гутнова, считает, что основные, специфические крестьянские идеи возникли уже в XIV в., и подчеркивает, что в дальнейшем эти идеи все время развивались. В частности, «политизацию» крестьянского мировоззрения, стремление крестьян оказывать влияние на политическую жизнь страны, характерную для Англии в XV—XVI вв., автор считает проявлением роста крестьянского классового самосознания, так же как и выдвижение идеологами крестьянства в XVI в. реформационных или антиреформационных требований. Автор отмечает прогрессивность при феодализме крестьянских социально-политических идей (с точки зрения их реального внутреннего содержания) даже тогда, когда они выражались в мистифицированной рели-

¹⁰¹ Сказкин С. Д. Указ. соч., с. 214—224. Опираясь на некоторые выводы С. Д. Сказкина, М. Блока и А. В. Конокотина, Ю. Л. Бессмертный позднее подчеркнул, что локальная борьба крестьян во Франции в XII—XIII вв. была одной из главных предпосылок личного освобождения сервов, что усиление их борьбы было связано не только с ухудшением, но отчасти и с некоторыми улучшениями в их положении (*Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв.: По северофранцузским и западнонемецким материалам*. М., 1969, с. 334, 340—343).

гиозной форме. Вместе с тем он фиксирует все слабые стороны крестьянской идеологии, вытекавшие из ее классовой ограниченности. Прогрессивность крестьянских социально-политических взглядов того времени Сапрыкин видит в том, что объективно они выражали стремление крестьян к освобождению их хозяйства и земли от феодального гнета. Это стремление выступало в XIV—XV вв. в форме борьбы против всех проявлений феодального нажима на крестьянство; в XVI—XVII вв. борьба велась уже против основы феодального строя — крупной феодальной земельной собственности, за утверждение крестьянской свободной собственности вопреки попыткам «нового дворянства» и буржуазии лишить крестьянство земли в ходе первоначального накопления. Наконец, автор на большом конкретном материале показал наличие заметных расхождений в социально-политических взглядах зажиточного, крепкого крестьянства, с одной стороны, и бедноты — с другой, расхождений, все время углублявшихся от XIV в., когда они впервые определились, до XVII в., когда они переросли уже в открытые противоречия в ходе английской революции (полемика левеллеров и диггеров). Главная линия этих идейных расхождений, начиная с XIV в., состояла в том, что более зажиточные слои крестьянства никогда не шли дальше мечты о сословном равенстве, личной свободе крестьян, ограничении его феодальной эксплуатации; беднота же, кроме этого, выдвигала лозунги имущественного равенства и даже общности имущества, мечтала об установлении крестьянской монархии без феодалов, попов и «дурных» королевских советников.

В 1975 г. была сделана еще одна попытка обобщения накопленного материала по проблеме классовой борьбы крестьян в XIII—XV вв. и его сравнительного анализа в статье А. Н. Чистозвонова¹⁰². Автор ее ставил своей целью «выявить характер и содержание крестьянских восстаний XIV—XV вв. в условиях развития товарного хозяйства, определить их основные стадийно-региональные черты, опираясь на выводы советских и некоторых буржуазных исследований»¹⁰³. Чистозвонов начинает свой обзор с рассмотрения общих тенденций экономической и социальной эволюции Европы в XIV—XV вв., которые он видит в развитии товарно-денежного хозяйства и торгово-ростовщического капитала и в разложении на этой почве натурально-хозяйственной основы производства в деревне. Результатом этих тенденций были разного рода диспропорции и деформации в функционировании феодальной системы (в частности, кризис домениально-крепостнического строя), которые, однако, еще не подрывали основ феодализма, т. е. носили, по выражению Чистозвонова, «внутриформационный характер». Господствующий класс и государство на этом этапе еще успешно приспосабливались к этим

¹⁰² Чистозвонов А. Н. Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю (XIV—XV вв.). — СВ, 1975, вып. XXXIX.

¹⁰³ Там же, с. 7.

изменениям, извлекая из них даже новые выгоды¹⁰⁴. Отмечая, что все эти прогрессивные изменения в экономических и социальных отношениях, особенно в деревне, в разных странах проявлялись в различных масштабах и сочетаниях, автор затем кратко характеризует на основе ряда конкретных исследований особенности этого развития в Италии, Фландрии, Франции, Англии, а также в Чехии и Венгрии. При этом он подчеркивает, что повсеместно эти прогрессивные изменения наталкивались на противодействие феодальной реакции, которая оказывалась наиболее сильной и труднопреодолимой в странах с более слабым развитием городов и товарного хозяйства (в Чехии и Венгрии). В статье далее рассматриваются особенности организации, программ и результатов восстания Дольчино, пастушков 1250 и 1320 гг., Фландрского восстания 1323—1328 гг., Жакерии 1358 г., восстания 1381 г. в Англии, таборитского движения на разных его этапах, восстания под руководством Дожи в 1514 г. в Венгрии. Наименее организованным и нечетким по своим лозунгам и целям Чистозвонов считает Жакерию, «вершиной» крестьянских движений в смысле организованности и идейной осознанности — движение таборитов, особенно на первом его этапе (1419—1421). Из более общих выводов статьи наиболее интересен вывод о значительных различиях в результатах восстаний в Западном и Центральноевропейском регионах. Первые, как считает автор, терпели лишь тактическое поражение, тогда как в целом имели положительные результаты: они способствовали закреплению необратимости в процессах развития товарного хозяйства, личного освобождения крестьян и укреплению их владельческих прав на землю. Вторые, несмотря на их широкий размах и сравнительно развитую организацию, потерпели не только тактическое, но и стратегическое поражение: они не смогли на длительное время парализовать феодальную реакцию и их поражение сопровождалось возвратом к поместно-крепостническому строю в новом его издании¹⁰⁵. Заслуживает внимания и другой вывод Чистозвонова — о том, что под какими бы хилиастическими лозунгами ни проходили крупные восстания XIV—XV вв., реальное их содержание всегда сводилось к борьбе крестьян за способы «распределения» издержек аграрной депрессии, порожденной кризисом домениального хозяйства, за ограничение нормы феодальной эксплуатации в условиях возрастания удельного веса индивидуального крестьянского хозяйства, за ускорение освобождения крестьян, за наиболее выгодные для них его формы и за укрепление их прав на землю, а также за ликвидацию угрозы феодально-католической реакции¹⁰⁶. Предложенный в статье стадийно-региональный метод изучения крестьянских восстаний XIV—XV вв., несомненно, является перспективным.

¹⁰⁴ Чистозвонов Н. Н. Указ. соч., с. 8.

¹⁰⁵ Там же, с. 22.

¹⁰⁶ Там же, с. 24.

Итак, за последние 50 лет советская медиевистика проделала большой и сложный путь в изучении проблемы классовой борьбы средневекового крестьянства. По сравнению с дореволюционной историографией и советской литературой 20-х годов XX в. она накопила поистине огромный фактический материал по этой проблеме, широко раздвинув как географический ареал исследований, так и круг изучаемых вопросов.

Советская медиевистика впервые поставила вопрос об экономических основах классовой борьбы в феодальном обществе, показав, что она коренится в противоречиях, заключенных в самих его производственных отношениях, и поэтому является закономерным возникающим и постоянно действующим фактором в этом обществе. Советские ученые впервые обратили внимание на локальную, повседневную внутривотчинную борьбу до периода крупных крестьянских восстаний XIV—XV вв., которая игнорировалась (а иногда игнорируется и теперь) в буржуазной медиевистике, и собрали огромный и убедительный материал по этому вопросу. Это позволило и крупные восстания XIV—XV вв. рассматривать как закономерный результат предшествующего аграрного и социального развития, отвергнув представление об их «случайном» или «конъюнктурном» характере, широко распространенное в буржуазной литературе прошлого и настоящего. Общей экономической предпосылкой обострения классовой борьбы в Европе XIV—XV вв. советские медиевисты, как и их западные коллеги, считают быстрое развитие товарно-денежных отношений в эти столетия. Но в отличие от буржуазных историков, они глубоко вскрывают противоречивость воздействия товарной экономики на судьбы крестьянства, считая, что в самом этом воздействии, а не в его деформациях, вызванных войнами, чумой, голодовками и т. д., коренились главные истоки разных проявлений сеньориальной реакции, роста налогового гнета, попыток вытеснить крестьян с сельскохозяйственного рынка и т. д., начавшихся задолго до стихийных бедствий XIV в.

В советских исследованиях и обобщающих работах по истории крестьянской борьбы периода развитого феодализма делались различные, в большинстве случаев удачные, попытки периодизации и типологизации как локальных форм борьбы XI—XV вв., так и крупных восстаний XIV—XV вв. Было сделано много для конкретного изучения крестьянских социально-политических идей и выдвинут как особый объект исследования вопрос о развитии общественного сознания крестьянства, в том числе и его идеологии. Советские ученые впервые поставили также вопрос о роли феодального государства в обострении классовой борьбы крестьян и в ее подавлении, а также об обратном воздействии борьбы крестьянства на экономическую, социально-политическую, идейную сферы жизни феодального общества. Советские истори-

ки решительно разошлись с теми зарубежными учеными, которые, судя о характере крестьянских движений эпохи средневековья только по их нередко консервативным («возврат к старому») или утопическим лозунгам, считают эти движения всегда безрезультатными, а то и просто реакционными. Не ограничиваясь анализом субъективных целей повстанцев, историки-марксисты всегда стремятся вскрыть объективные реальные цели крестьян в антифеодальной борьбе, которые (каковы бы ни были ее лозунги) являлись, как правило, прогрессивными, так как борьба велась за подрыв господствующего строя. Если исходить из этих объективных целей, то окажется, что как локальный протест крестьян, так и крупные восстания XIV—XV вв., несмотря на то что, как правило, они терпели поражения, во многих случаях имели большое прогрессивное значение: они способствовали улучшению социально-правового статуса крестьян, ликвидации барщины, укреплению их держательских прав, облегчению их доступа на рынки и т. д., что в конечном счете создавало благоприятные условия для развития свободного, самостоятельного мелкокрестьянского хозяйства.

Такая оценка исторического значения классовой борьбы крестьянства в средние века отнюдь не приводит советских ученых к ее идеализации. В их трудах тщательно проанализированы слабости крестьянских движений этого периода, противоречивость и мистифицированная форма крестьянских идей, социальной психологии крестьянства, постоянная борьба в общественном сознании крестьянства консервативных и прогрессивных тенденций. Убедительно показана неспособность крестьян к самостоятельной ликвидации феодального строя и даже к сколько-нибудь прочной победе над своими противниками.

Конечно, не все аспекты этой большой проблемы могут считаться полностью решенными в советской историографии. Многие из поставленных ею вопросов слабо или вовсе не разработаны в конкретном плане, по некоторым из них нет сколько-нибудь убедительных обобщений, по другим — наличные обобщения нуждаются в углублении и уточнении.

И все же уровень, достигнутый советской медиевистикой в изучении проблемы классовой борьбы крестьянства в XI—XV вв., представляет собой солидную основу для дальнейших конкретных разработок и новых обобщений по этой проблеме¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Марксистский подход к этой проблеме и посвященные ей советские исследования оказывают заметное воздействие на прогрессивную зарубежную историографию (Подробнее см.: *Гутнова Е. В.* Проблема классовой борьбы средневекового крестьянства в современной французской, английской и американской медиевистике. — СВ, 1977, вып. 41).

КОНЦЕПЦИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-Х ГОДОВ XX В.

В. Н. Никифоров, М. М. Слонимский

В ходе дискуссии 60—70-х годов XX в. о характере раннеклассовых обществ отдельные ее участники выступили с утверждением, что тезис о господстве в древнем мире единой рабовладельческой формации не соответствует новым данным науки. Более того, порой утверждалось, что в 30-х годах концепция рабовладельческой формации возникла как предвзятая гипотеза, не получившая подтверждения на конкретно-историческом материале¹. Высказывалось, например, мнение, что «тезис о ведущей роли рабства на Древнем Востоке раньше времени стал хрестоматийным фактом, ибо ни в одной работе, даже самой специальной, самой частной, мы не находим ему обоснования. Это положение приходилось принимать априорно»². Однако в ходе дискуссии И. М. Дьяконов³, М. А. Коростовцев⁴, Г. Ф. Ильин⁵, Ю. В. Качановский⁶, по нашему мнению, убедительно показали, что концепция рабовладельческой формации из всех концепций древней истории, какими сейчас располагает наука, является наиболее обоснованной, хотя она и нуждается в дальнейшей разработке.

В настоящей статье мы не ставили перед собой задачи дать историографическое освещение материалов дискуссии последних лет о раннеклассовых обществах, тем более что эта задача уже

¹ Кобищанов М. Ю. Феодализм, рабство и азиатский способ производства.— В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 43; Седов Л. А. О социально-экономических типах развития.— Там же, с. 48.

² Гаруцянц Ю. М. Об азиатском способе производства.— Вопросы истории (далее — ВИ), 1966, № 2, с. 96; см. также: Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока — народы Азии и Африки (далее — НАА), 1965, № 1; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— ВИ, 1966, № 11; Он же. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке: (Опыт стадийно-типологической классификации классовых обществ).— НАА, 1972, № 4.

³ Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества: (Реферат на материале Западной Азии).— В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.

⁴ Коростовцев М. А. О характере древневосточного общества.— НАА, 1966, № 3.

⁵ Ильин Г. Ф. Рабство и Древний Восток.— НАА, 1973, № 4.

⁶ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

частично осуществлена в нашей литературе⁷. Ограничивая себя лишь историографией 30-х годов, мы пытаемся выяснить, в какой мере концепция рабовладельческой формации, сложившаяся в советской науке в те годы, соответствовала тогдашнему уровню науки, каковы были положительные стороны в ее тогдашнем виде и недостатки этой концепции, как соотносились в ней «общетеоретическое» и «конкретно-историческое».

Мы отклоняем две крайности в оценках этой концепции: во-первых, нигилистический подход к ней, отрицание за этой концепцией каких-либо положительных черт и сведение ее только к предвзятой схеме; во-вторых, представление, будто уже в 30-е годы XX в. концепция рабовладельческой формации приобрела вполне законченный характер, и что ее методологическая разработка была завершена, так что историкам оставалось лишь накапливать факты для ее подтверждения. Первую крайность отражали некоторые высказывания участников недавней дискуссии — о них шла речь выше. Вторая крайность характерна для отдельных историографических обзоров по древней истории, опубликованных в 40—50-е годы XX в.⁸

В 20-х годах большинство историков античности (В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, С. Я. Лурье) находились еще под влиянием модернизаторских взглядов, обнаруживали в древнем мире феодализм и даже капитализм⁹. Тем не менее они признавали большое значение рабства в жизни античного общества.

Первым из советских историков, выступившим еще в 20-е годы против буржуазных модернизаторских концепций древней истории, был А. И. Тюменев. В своих «Очерках экономической и социальной истории Древней Греции» он отвергал тезис о наличии «античного капитализма» и доказывал, что в ведущих отраслях экономики преобладал труд рабов, а не свободных¹⁰.

В конце 20-х — начале 30-х годов советские историки приступили к глубокому изучению трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, их идей и высказываний по вопросам древней истории, их методологических указаний по проблемам рабства и рабовладельческого общества. Особое значение имела впервые опубликованная в 1929 г. работа В. И. Ленина «О государстве», побудившая советских историков с усиленным вниманием отнестись к проблемам закономерностей развития общества, к марксистскому учению об общественно-экономических формациях. Именно в этом

⁷ Слонимский М. М. Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970.

⁸ Например: Вестник древней истории (далее — ВДИ), 1947, № 3; с. 9; 1957, № 3, с. 13.

⁹ Сергеев В. С. История Древнего Рима. Культурно-исторический очерк в популярном изложении. М., 1922; Ковалев С. И. Всеобщая история в популярном изложении. Л., 1925. Ч. 1. Древний мир; Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929.

¹⁰ Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. М., 1920, т. 1, с. 106.

ленинском труде содержится в концентрированном виде обобщенная характеристика рабовладельческого общества как закономерного этапа исторического развития человечества. В ходе развернувшихся в те годы дискуссий о формациях пробивала себе дорогу концепция о господстве в древнем мире рабовладельческой формации.

С начала 30-х годов советские историки-античники опубликовали ряд работ, специально посвященных анализу взглядов основоположников марксизма-ленинизма на античное общество¹¹. Освоение идейного наследия классиков марксизма советской историографией было важным шагом на пути создания материалистической концепции античности, а затем и древней истории в целом. Здесь в первую очередь следует назвать сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности», в предисловии к которому С. И. Ковалев писал: «Эта работа должна явиться первым этапом на пути изучения взглядов основоположников научного социализма на античное общество. Решение последней задачи не только будет иметь большое значение для уточнения некоторых положений марксистско-ленинской методологии (в частности, учения об общественно-экономических формациях), но и должно послужить отправным пунктом для создания марксистской истории античного мира»¹². Комментируя и обобщая высказывания основоположников марксизма об античном обществе, Ковалев продолжал: «Античность для Маркса и Энгельса — не комплекс только культурных элементов, но социальное целое, общественная формация, опирающаяся на античный (рабовладельческий) способ производства и являющаяся необходимым звеном в процессе развития человеческого общества»¹³. По Ковалеву, рабовладельческая формация формируется в конкретной форме античного общества. Он не ставил здесь вопрос о «масштабах» рабовладельческой формации, ограничиваясь утверждением, что не всякое рабство означает наличие античного способа производства. Отметив, что К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли три основные формы рабства (семейно-патриархальное (домашнее), античное, плантационное), Ковалев оставлял открытым вопрос о формационной принадлежности об-

¹¹ Ковалев С. И. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства.— Известия Государственной Академии истории материальной культуры (далее — ГАИМК), 1932, вып. 9-10; *Он же*. Предисловие.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс об античности. Л., 1932; *Он же*. Значение «Происхождения семьи» Ф. Энгельса в изучении античного общества.— Проблемы истории докапиталистических обществ (далее — ПИДО), 1935, № 7-8; Мишулин А. В. Из лаборатории исторических идей В. И. Ленина.— ВДИ, 1939, № 4; *Он же*. Марксистско-ленинская теория исторического процесса.— Там же, 1938, № 4; Ранович А. Б. Маркс об античности.— Там же, 1939, № 2; Значение рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для истории древности.— Там же, 1940, № 1; Энгельс и историческая наука.— Там же, № 3-4.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс об античности, с. 3.

¹³ Там же, с. 4.

щества, в котором господствовала первая форма рабства. Весьма примечателен тезис автора, что «никаких других антагонистических общественных формаций, предшествовавших античной (например, феодализма), Древняя Греция и Рим не знали»¹⁴.

Следует, однако, сказать, что в те годы теоретические обобщения зачастую не шли дальше воспроизведения цитат из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, к тому же порой вырванных из контекста, что приводило к схематизму и априорным решениям некоторых проблем социально-экономического строя древности. Так, отдельные участники дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов, сторонники концепции «азиатского способа производства», опирались на известное высказывание К. Маркса об «азиатском способе производства» в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии» (1859 г.), не учитывая состояния науки середины XIX в., обстоятельств, при которых К. Маркс высказал данную мысль как гипотезу, а главное — не обращаясь к историческим источникам¹⁵. Не догматическое толкование отдельных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, а творческое овладение марксистско-ленинской методологией в сочетании с глубоким анализом конкретно-исторического материала обеспечивало успешную разработку подлинно научной концепции древней истории.

В работе «Об основных проблемах рабовладельческой формации»¹⁶ Ковалев поставил на обсуждение ряд теоретических проблем. Прежде всего он убедительно показал, что возникновение рабства — логичный результат процесса классовообразования. Дело в том, что превращение общинника в объект эксплуатации внутри своей же общины, например, в форме кабалы или крепостничества — весьма долгий процесс, предполагающий не только наличие индивидуального хозяйства, но и значительную дифференциацию отдельных семей по имущественному признаку. «Поэтому первичные формы эксплуатации, — писал Ковалев, — никак не могли идти по линии внутриобщинной, но складывались исключительно в процессе развития междуобщинных, точнее, междуплеменных связей»¹⁷. На наш взгляд, мысль, высказанная автором, до сих пор сохраняет свою ценность, объясняя одну из причин первичности рабства по отношению к феодализму. Рабство, замечает Ковалев, возникло как эксплуатация чужеземцев, военнопленных, ибо примитивный демократизм и традиционная устойчивость общины не допускали пока внутриобщинной или внутриплеменной эксплуатации. Но по мере того как увеличивалось экономическое неравенство членов общины, росла и их социальная дифференциация. Возникновение антагонистических отношений

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс об античности, с. 5.

¹⁵ См.: об этом: *Постовская Н. П.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.). М., 1961, с. 80—81.

¹⁶ *Ковалев С. И.* Об основных проблемах рабовладельческой формации. — Известия ГАИМК, 1933, вып. 64.

¹⁷ Там же, с. 5.

между общинниками чрезвычайно облегчалось уже существовавшей эксплуатацией рабов независимо от того, какие формы в дальнейшем могли принять антагонистические отношения, возникшие внутри общины.

Ковалев в начале 1933 г. считал, что «имеющийся исторический и этнографический материал пока не дает оснований говорить о рабовладельческой формации вне Средиземноморья»¹⁸. Он справедливо писал, что «вопрос должен решиться не априорными положениями, а детальным исследованием конкретного материала»¹⁹. Автор хорошо осознавал, что молодая марксистская историография находится в состоянии первичных поисков, ей еще предстоит освоение и новая интерпретация собранного в ходе предшествующего развития науки большого фактического материала, поэтому он воздержался от излишне категорических выводов. Так, он писал, что недостаточно еще известен социально-экономический строй Карфагена и Финикии, существуют сомнения относительно Вавилонии, еще нельзя определенно оценить общество некоторых эпох истории Китая (в дальнейшем, после известного доклада В. В. Струве в 1933 г., Ковалев отказался от узкоограничительного толкования рабовладельческой формации).

Концепция рабовладельческой формации разрабатывалась в начале 30-х годов советскими историками главным образом на античном материале. Ковалев считал, что развитие основного противоречия античного общества прошло три фазы. Первая, ранняя фаза рабовладельческой формации характеризуется прежде всего борьбой рабовладельческого хозяйства с пережитками родового строя. Сюда входят вся эпоха раннегреческого общества от неопределенной еще начальной даты до VI в. до н. э. включительно и весь первый период истории Рима приблизительно до IV в. до н. э. включительно. Движущая сила общественного прогресса здесь не столько развитие внутренних противоречий рабства, сколько противоречия между новым способом производства (рабством) и отмирающим доклассовым обществом. С V в. до н. э. Греция, а с III в. до н. э. Италия вступили в развитую фазу рабовладельческой формации — противоречия рабства получили в этой фазе наиболее развитую форму. Они нашли свое разрешение в третьей и последней фазе рабовладельческой формации, начавшейся в III в. н. э. Таким образом, Ковалев предпринял одну из первых попыток периодизации рабовладельческой формации — по этапам развития ее внутренних противоречий. Обращаясь к вопросу о воспроизводстве рабов, он писал, что в рабовладельческом обществе (в отличие от феодального и капиталистического обществ) воспроизводство осуществляется не в самом процессе производства, а извне — путем войн, разбоя и т. п., и лишь в начальный период античного общества были внутренние источники по-

¹⁸ Там же, с. 7.

¹⁹ Там же, с. 11.

полнения рабской силы. В то же время Ковалев был не согласен с А. В. Мишулиным, считавшим захват рабов главной и прямой причиной войн в античности²⁰. Из точки зрения Мишулина вытекало (и этот вывод получил одно время распространение в советской историографии), что развитие рабовладельческого строя определяется в первую очередь притоком рабов в результате успешных войн, а его упадок — прекращением войн и сокращением притока рабов. При этом фактически игнорировалась главная качественная сторона всего процесса, которую в первую очередь подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма, — невыгодность рабского труда в условиях кризиса рабовладельческого строя.

Характеризуя классовую борьбу в рабовладельческом обществе, Ковалев отмечал, что рабы не были носителями нового способа производства, не имели собственной политической программы. Признавая прогрессивность движений рабов в «общеисторическом масштабе», автор писал, что рабы не были «классом для себя», они стремились вернуться к старым общинным порядкам. Падение античного общества Ковалев не связывал с понятием социальной революции, а писал о трансформации классов-антагонистов. В заключение он отмечал, что «мы знаем пока только одну конкретно-историческую форму рабовладельческого общества — античное общество», одновременно указывая, что сущность и основные законы этого общества можно рассматривать как основные законы всякой другой возможной исторической формы рабовладельческого общества²¹.

Вряд ли надо упрекать Ковалева за его попытку дать обобщенную характеристику античного рабовладельческого общества до появления конкретно-исторических марксистских исследований проблем античности. Сам автор подчеркивал гипотетический характер ряда своих выводов и в последующих своих работах стремился многое конкретизировать и уточнить, привлекая материалы источников. Одновременно Ковалев работал над усовершенствованием методологического аспекта своих изысканий, уточняя, например, понятие «формация» и др.

Переломным моментом, когда концепция рабовладельческого общества была выдвинута в советской историографии в относительно полном виде и обоснована большим конкретным материалом, следует считать 1933—1934 гг. Мы имеем в виду прежде всего ряд работ Струве, а также некоторые работы Ковалева и других авторов, изданные в эти годы и позднее.

Виднейший советский востоковед В. В. Струве, придерживавшийся до методологических дискуссий 1929—1931 гг. традиционных представлений о «феодализме» на Древнем Востоке, с конца

²⁰ Мишулин А. В. О воспроизводстве в античной рабовладельческой формации. — Известия ГАИМК, 1932, вып. 8.

²¹ Ковалев С. И. Об основных проблемах рабовладельческой формации, с. 38.

20-х годов глубоко занялся изучением марксистско-ленинского учения о формациях. Пережив в 1930—1931 гг. период кратковременного увлечения концепцией так называемого азиатского способа производства, Струве затем пришел к убеждению, что древневосточное общество, если правильно применять к нему марксистско-ленинский критерий общественно-экономических формаций, можно определить только как рабовладельческое. Эту точку зрения Струве впервые в печати высказал в 1932 г., сославшись на соответствующее высказывание Ф. Энгельса²².

Одним из первых затруднений, которые вставали перед исследователями на пути разработки концепции рабовладельческой формации, была проблема специфических форм зависимости в древнем мире. Илоты в Спарте, пенестов в Фессалии, войкеев на Крите буржуазная историография отождествляла со средневековыми феодальными крепостными. Эта точка зрения была подвергнута историками-марксистами основательной критике в книге А. И. Тюменева²³, в специальных работах Струве и Р. В. Шмидт, посвященных данной проблеме.

Согласно Эд. Мейеру, крепостничество античности выросло из тех же экономических условий, что и феодальное крепостничество средних веков. Мейер считал, что илоты были такими же лакедемонянами, как и их господа²⁴. Струве убедительно показал, что это утверждение Мейера противоречит источникам, как и его вывод, что илотия возникла в результате экономических причин, а не завоевания. Он отмечал, что илоты в Спарте были, «подобно рабам, членами иного, покоренного общества; общество же завоевательного типа не знает еще внутреннего классового деления»²⁵. Последний вывод Струве представляется ныне излишне категорическим: под влиянием завоевания и в этом обществе шло классовое размежевание, хотя патриархальные общественные формы еще весьма сильны. В конечном счете утверждение в Спарте такой формы зависимости, как илотия, определяется отсталостью Спарты, т. е. экономическими причинами, но, разумеется, не теми, которые выдвигал Мейер. Илоты и близкие им группы зависимого населения Струве склонен был считать рабами, но рабами «государственными» или «общественными», как их называют древние авторы Страбон и Павсаний. Струве выдвинул интересную мысль: жестокость по отношению к илотам в античном обществе могла проявляться только к потомкам покоренных силой оружия членов враждебных общин, а не по отношению к обедневшим членам собственной общины. Струве, отнеся крепостничество «завоевательского типа» к самым ранним стадиям классового общества

²² Струве В. В. Советская наука о Древнем Востоке в период 1917—1932 гг.—Известия ГАИМК, 1932, № 9-10.

²³ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ.—Известия ГАИМК, 1935, вып. 111, с. 27.

²⁴ Мейер Эд. Рабство в древности. Пг., 1923, с. 17.

²⁵ Струве В. В. Плебеи и илоты.—Известия ГАИМК, 1933, вып. 106, с. 363.

(до широкого распространения классических форм рабства), противопоставляя эти отношения крепостничеству феодального строя, более прогрессивному, чем любое, даже самое развитое рабовладельческое общество. Он писал, что в данном случае мы устанавливаем в конкретном историческом процессе, говоря ленинскими словами, «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“)»²⁶.

Точка зрения об «илотии» как одной из форм рабства была высказана также Р. В. Шмидт в работе «Из истории Фессалии»²⁷. Исходя из определений понятия «рабства», данных Марксом в «Капитале», Р. В. Шмидт отмечала, что в конкретных исторических условиях грань между крепостным и рабским состояниями иногда почти стиралась, но такие отдельные случаи не превращали всю систему крепостных отношений в рабовладельческую, так же как наличие отношений, близких к крепостным, в Фессалии не делало античное общество крепостническим²⁸. (Следует отметить, что достижения историографии 30-х годов XX в., когда советские историки убедительно показали неправомерность точки зрения на «илотию» как феодальную форму, недостаточно учитывались в ходе новой дискуссии 60—70-х годов).

В статье К. М. Колобовой «Издолящина в Аттике»²⁹ интересно раскрывалась диалектическая связь между различными формами эксплуатации и общим развитием формации. По определению К. М. Колобовой, издолящик-гектомор в Аттике — полураб, готовый превратиться в раба, и его социальный статус близок к рабскому³⁰. Однако издолящина не являлась источником античного рабства, напротив, она тормозила развитие античного рабовладельческого общества.

В 60-е годы Я. А. Ленцман дал высокую оценку первым конкретно-историческим исследованиям проблем древнегреческого рабства в советской историографии. Он писал: «В трудах С. А. Жебелева, В. В. Струве, А. И. Тюменева, О. О. Крюгера, Р. В. Шмидт и К. М. Колобовой впервые в марксистской историографии были исследованы отдельные вопросы рабства и близких ему форм эксплуатации в древней Эллад. Взятые как целое, статьи перечисленных ученых наглядно показали, сколь плодотворным может быть применение марксистской методологии в изучении явлений античного рабства. Отрицательные стороны историографии тех лет (элементы начетничества, поиски «революции рабов», влияние лингвистической концепции Н. Я. Марра)

²⁶ Струве В. В. Плебеи и илоты, с. 372.

²⁷ Шмидт Р. В. Из истории Фессалии.— Известия ГАИМК, 1934, вып. 101.

²⁸ Там же, с. 90.

²⁹ Колобова К. М. Издолящина в Аттике.— ПИДО, 1934, № 11-12.

³⁰ Там же, с. 17.

лишь в относительно небольшой степени повлияли на конкретно-исторические исследования в области древнегреческого рабства»³¹.

Важнейшее методологическое значение в то время имел доклад В. В. Струве в Государственной Академии истории материальной культуры в мае 1933 г., опубликованный вместе с прениями в 1934 г.³². Струве развернул в этом докладе аргументацию в защиту характеристики общества Древнего Востока как рабовладельческого. В кодексе Хаммурапи, отметил Струве, мы видим деление на рабовладельцев и рабов, деления же на крепостников и крепостных мы в нем не находим.

Собственность на рабов в начале древней истории, заявлял докладчик, носила коллективный характер: рабами коллективно владели большие территориальные общины. «Развитие частной собственности на рабов и на землю в Вавилонии стоит в зависимости от роста производительных сил и сопутствующего ему обмена»³³. Основным источником рабства были войны, которые, по мнению Струве, велись ближневосточными обществами с целью добыть драгоценную рабочую силу — рабов. Обращаясь к вопросу об использовании труда рабов на Древнем Востоке, Струве отметил значительную роль рабского труда в строительстве ирригационной сети. Рабы трудились в ремесле, в сельском хозяйстве, на строительстве, в рудниках. Струве доказывал, что основные работники царского хозяйства Уммы, входившие в состав партий, руководимых составителями сводок, не могли быть крепостными, так как они работали круглый год, и, следовательно, не могли иметь своего поля — они были рабами. Струве указал на широкое использование рабского труда в хозяйствах царя, храмов и частных лиц в различные периоды древневосточной истории (во время III династии Ура, в эпоху I вавилонской династии, в Новом царстве Египта). Общество III династии Ура, по мнению Струве, было «развитым рабовладельческим обществом», а общество Нововавилонского царства было очень близко к античному: в нем уже проявлялись черты разложения рабовладельческого строя. Струве считал, что появление рабов-арендаторов и рабов-ремесленников, плативших хозяевам оброк, знаменует зарождение в недрах рабовладельческого общества феодального способа производства.

Много внимания уделял Струве высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса³⁴ и В. И. Ленина о характере древних обществ, в том числе восточных. Струве полагал, что кодекс Хаммурапи был известен В. И. Ленину, нашедшему в нем еще одно подтверж-

³¹ Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 55.

³² Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока. — Известия ГАИМК, 1934, вып. 77.

³³ Там же, с. 47.

³⁴ Автор ссылаясь на слова Маркса: «В голоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, ко-

дение положения марксистской исторической концепции о рабовладельческом характере строя Ближнего Востока³⁵.

Для обоснования выводов о рабовладельческом строе древневосточных обществ Струве мобилизовал значительный материал источников (для Двуречья — архив храма богини Бау в Лагаше, надписи Урукагины, документы хозяйственной отчетности III династии Ура, юридические памятники, среди них прежде всего судебник Хаммурапи, бытовые тексты, пословицы, религиозные тексты; для Египта — папирусные тексты художественных произведений, официальные документы, надписи, рельефы и фрески гробниц Нового царства). Разумеется, с позиций исторической науки 60—70-х годов толкования Струве отдельных мест и терминов в источниках устарели, однако они соответствовали тогдашнему уровню источниковедения, и оппоненты Струве не предъявили ему претензий на этот счет, если не считать отдельных необоснованных замечаний И. М. Лурье, на чем мы остановимся ниже. Правда, уже в это время была видна известная узость подхода Струве к проблеме формационной принадлежности древневосточных обществ. Опираясь общим понятием «Древний Восток», Струве в изложении почти не выходил за пределы материалов Двуречья (главным образом южной его части) и Египта. Не говоря уже об Индии и Китае, почти не использованными оказались источники по Сирии, Палестине, Эламу, Ирану. Вместе с тем доклад Струве во многом содействовал разработке марксистской концепции рабовладельческой формации. Критика Струве концепций «азиатского способа производства» и «вечного феодализма» на Востоке расчищала путь для утверждения концепции рабовладельческой формации в советской исторической науке.

Точка зрения Струве о рабовладельческом характере древневосточных обществ вызвала возражения ряда участников обсуждения его доклада, прежде всего Лурье и Тюменева. Лурье утверждал, что Струве построил свой доклад на «своеобразном истолковании фактов, а не на самих фактах»³⁶. Этот упрек непонятен, так как, конечно, факты и их истолкование не существуют порознь в научных исследованиях. Лурье считал, что преобладающей формой эксплуатации в Египте и Месопотамии было не рабство, а крепостничество. Крепостные, а не рабы трудились, по его мнению, на ирригационных работах, на постройке пирамид египетские крестьяне выполняли государственные барщинные работы. Для решения проблемы формации древнеегипетского общества Лурье рекомендовал обратиться к надстройке, к анализу пра-

которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 345) — и на высказывание Энгельса: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 348—349).

³⁵ Известия ГАИМК, 1934, вып. 77, с. 33, 91.

³⁶ Там же, с. 112.

вовых норм и находил, что последние типично феодальные. Тюменев в своем выступлении также определял древневосточное общество как феодальное. Правда, он признал, что методологически концепция рабовладельческого общества на Древнем Востоке, где рабство несомненно сосуществует со свободной разлагающейся общиной, допустима и приемлема. Но все же, по словам Тюменева, докладчик его не убедил. Тюменев не согласился с толкованием Струве некоторых мест из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, полагая, что «Энгельс и Маркс видели на Востоке деспотическое общество и только в этом смысле можно условно говорить о рабстве»³⁷. По существу критика Тюменевым взглядов Струве оказалась весьма неубедительной. Поскольку налично мелкие производители и крупные собственники, говорил Тюменев, это не рабовладельческий способ производства, а приближающийся к феодальному. В этом утверждении Тюменева отразились ошибочные представления того времени, согласно которым рабовладельческие отношения предполагают якобы исключительно наличие крупного производства и отсутствие мелкого. Тюменев находил в Древнем Египте оброчно-барщинную систему, крепостных, прикрепленных к земле, арендаторов и т. д. Надстройку египетского общества он также считал типично феодальной, усматривая там такие признаки, как ленные отношения, иммунитетные грамоты, феодальное войско. Внешне сходные явления в базисе и надстройке выдавались и в данном случае за решающий признак, позволяющий судить о сущности общественного строя.

С. И. Ковалев решительно выступил в защиту взглядов Струве. Само по себе наделение несвободного производителя средствами производства, отметил он, еще не является достаточным условием для утверждения феодализма. «Этот момент необходимо брать в тесной связи со всем, так сказать, социально-экономическим контекстом, например со степенью хозяйственной самостоятельности и с общей системой производственных отношений, точно отражающихся в отношениях собственности»³⁸. Обращаясь к Спарте, Ковалев говорил, что илот формально — крепостной, если брать только факт наделения его средствами производства; но если взять илота во всей системе спартанских общественных отношений, картина будет иной. Греки называли илотов рабами не потому, что были не искушены в методологических тонкостях, а потому, что система эксплуатации античного общества, как эксплуатация коллективом рабовладельцев (полисом) неграждан-рабов, вообще не давала возможности провести принципиальную разницу между рабом и крепостным. «Все формы зависимости подводились под рабские,— отмечал Ковалев,— это в основном было правильно. Ибо все промежуточные, полурабские полукрепостни-

³⁷ Там же, с. 143.

³⁸ Там же, с. 150.

ческие отношения в рабовладельческом обществе необходимо трактовать как рабские»³⁹.

Феодализм следует за рабовладением. Правда, германцы и славяне не прошли стадию рабовладения, однако, как полагал Ковалев, во всяком случае, необходимым условием перехода этих народов к феодализму послужило то, что приблизительно к первым столетиям после нашей эры центральная полоса Афроевразии уже прошла стадию развитого рабства и тем самым подготовила самое себя и смежные с ней районы к феодализму. Поддерживая взгляды Струве, Ковалев сказал, что он не согласен с частностями: с расширительным иногда толкованием рабства, со слишком полным сближением с античностью и с недооценкой феодализующих тенденций в переходные периоды. В рамках всемирно-исторического процесса, указывал Ковалев, смена формаций и смена эпох в основном совпадают: пять последовательных, прогрессивно сменяющих друг друга формаций образуют вместе с тем и определенные хронологические массивы, т. е. определенные эпохи в истории человечества. Но не надо понимать эти эпохи слишком узко, не следует забывать о сосуществовании формаций.

Таким образом, Ковалев в своем выступлении поставил важный методологический вопрос о соотношении понятий «историческая эпоха» и «формация» и наметил путь его решения применительно к докапиталистическим классовым обществам. В заключение Ковалев отметил, что гипотеза Струве о рабовладельческом характере общества «классического Востока» более удовлетворительно, чем всякая другая гипотеза, объясняет ряд совершенно темных явлений истории Древнего Востока и греко-римского мира, целиком подтверждая марксистско-ленинскую концепцию исторического процесса.

Не останавливаясь на выступлениях других участников дискуссии, отметим, что к середине 30-х годов XX в. в советской науке намечилось противоборство двух концепций по вопросу об общественном строе Древнего Востока — «феодальной» и «рабовладельческой». Струве и поддержавшие его точку зрения участники дискуссии в Ленинграде (прежде всего Ковалев), а затем в Москве существенно обогатили концепцию рабовладельческой формации Древнего Востока методологической аргументацией и фактическим материалом. Из этого, однако, не следует, что «феодальная» концепция была разбита легко. Живучесть последней объясняется, видимо, недостаточной в то время разработкой теории феодализма, и подчас неверным пониманием взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на феодальное общество. Так, А. Г. Пригожин во вступительной статье к публикации доклада Струве и материалам дискуссии утверждал, что К. Маркс и Ф. Энгельс видели в общественном строе древних цивилизаций «азиатскую разновидность феодализма». Затем, противореча себе,

³⁹ Известия. ГАИМК, 1934, вып. 77, с 150.

он толковал мысли К. Маркса и Ф. Энгельса таким образом, что в странах Востока отношения рабства и крепостничества сосуществовали, переплетались, а господствующий класс выступал то как феодальный собственник земли и прикрепленной к ней рабочей силы, то как коллективный рабовладелец. С той же непоследовательностью Пригожин хвалил Струве за прекрасную проработку материала касающегося рабства, но упрекал за недооценку феодальной тенденции, а оппонента Струве — Лурье критиковал за преувеличение феодальных моментов и затушевывание рабства⁴⁰.

Концепции феодализма на Древнем Востоке продолжали еще ряд лет придерживаться академик Н. М. Никольский, академик А. И. Тюменев, И. М. Лурье; она нашла отражение и в первом советском учебнике по древней истории, написанной Никольским⁴¹. Все же под воздействием аргументированной критики сторонники «феодальной» концепции вынуждены были отказаться от «прямолинейной» защиты этой концепции и частично пересмотреть свою точку зрения. Показательна в этом отношении вводная статья акад. Н. М. Никольского в книге А. Б. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии»⁴². В этой статье Н. М. Никольский выдвигал тезис о том, что в восточных обществах диалектически переплетаются зачатки и рабовладельческого, и феодального способов производства. Исходя из понятия «азиатского способа производства», он оговаривался, что его следует понимать не как особую «азиатскую» формацию, а как гибридный, застойный уклад, недоразвившийся ни до сформировавшейся рабовладельческой, ни до сформировавшейся феодальной формации. Н. М. Никольский в данной работе считал ошибочной не только «феодальную формулу», но и «рабовладельческую формулу», поскольку, как он писал, на Востоке основной формой рабства было домашнее рабство. «Рабовладельческая формула», по мнению Н. М. Никольского, может привести к недооценке роли общины. Для определения формационного типа восточных обществ им выдвигалась формула «полупатриархальный — полуфеодальный быт». Первая половина этой формулы должна была подчеркнуть патриархальную основу восточных обществ (сельскую общину с домашним рабством), вторая половина — что основные производители, крестьяне-общинники, уже выступают объектом эксплуатации и что выжимание у них прибавочного продукта происходит в таких формах, которые являются зародышевыми формами феодальной эксплуатации.

⁴⁰ Пригожин А. Г. Проблема социально-экономических формаций обществ Древнего Востока. — Известия ГАИМК, 1934, вып. 77, с. 25 и след.

⁴¹ Никольский Н. М. История: Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир. Учебник для средней школы. М., 1933. См. также. *Он же*. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока? — История в средней школе, 1934, № 2.

⁴² Ранович А. Очерк истории древнееврейской религии / Вводная статья академика Н. Никольского. М., 1937, с. XVII—XVIII.

Как справедливо заметил И. М. Дьяконов, «формула об эксплуатации в древней Европе рабов, на Древнем Востоке, в отличие от Европы, якобы «рабов и общинного крестьянства» является простым компромиссом между точкой зрения сторонников рабовладения на Древнем Востоке, и в первую очередь В. В. Струве, и сторонников феодализма на Древнем Востоке во время дискуссии о формациях в 30-х годах»⁴³. Формула Н. М. Никольского получила повсеместное распространение в советской учебной литературе по истории Древнего Востока, хотя сам Никольский в более поздних работах, продолжая считать важнейшим фактом древневосточной истории общину, а не рабство, все же повторял формулу «полупатриархальный — полуфеодальный быт», явно не подходящую для Древнего Востока.

Между тем Ковалев и Струве продолжали разработку концепции рабовладельческой формации. Ковалев в статье «О некоторых проблемах рабовладельческой формации»⁴⁴ пришел к выводу, что Ф. Энгельс и В. И. Ленин не ограничивали понятия «рабовладельческой формации», «рабовладельческого общества» только античностью. Ковалев и Струве в первую очередь резко выступили против территориального ограничения рабовладельческой формации рамками греко-римского Средиземноморья. «Позволительно спросить сторонников локальной ограниченности рабовладельческой системы,— писал Ковалев,— почему все формации с неизбежностью «естественноисторического процесса» охватывали в своем развитии огромное большинство народов земного шара, а только рабовладельческая формация представляет совершенно необъяснимое исключение, развившись в течение весьма короткого промежутка времени на узенькой полоске северного побережья Средиземного моря?»⁴⁵ Далее автор писал, что для объяснения этого странного явления приходилось обращаться к географическому фактору, придавая ему преувеличенное значение, как это делал, например, Плеханов. Таким образом, в рассматриваемой статье Ковалев преодолел свой прежний взгляд об ограничении рабовладельческой формации одним античным миром.

В «Очерках социально-экономической истории Древнего Востока», также опубликованных в 1934 г., Струве вновь обратился к проблеме рабовладения в Шумере, а также к вопросу о рабстве в хеттском обществе, которое он определил как «военное рабовладельческое общество»⁴⁶. В этой работе были привлечены дополнительные материалы источников, подтверждавшие выводы автора, рассмотрена терминология, применявшаяся в шумерском и хеттском обществах в отношении рабов и свободных производи-

⁴³ Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 139.

⁴⁴ Ковалев С. И. О некоторых проблемах рабовладельческой формации.— ПИДО, 1934, № 2.

⁴⁵ Там же, с. 74.

⁴⁶ Струве В. В. Очерки социально-экономической истории Древнего Востока.— Известия ГАИМК, 1934, вып. 97.

телей⁴⁷. Взгляды Струве поддержал и дополнительно аргументировал на материалах Древнего Египта В. И. Авдиев в двух статьях, опубликованных в том же 1934 г.⁴⁸ Автор характеризовал древневосточное общество как рабовладельческое, но с сильными пережитками родовых отношений в виде сельских общин, а потому застойное в своем развитии.

В. В. Струве и другие сторонники концепции рабовладельческой формации пытались определить специфику рабовладельческих отношений в странах Востока и античного мира. Струве в своем курсе лекций «История Древнего Востока» писал: «Мы называем первую фазу рабовладельческого общества на Востоке древнеазиатским обществом, термином, который мы находим у Маркса. Особенность этого классового общества состоит в том, что господствующий класс — представители большой территориальной общины — владеет коллективно рабами, которые выполняют работы, связанные с ирригацией, основой благополучия египетского и вавилонского обществ»⁴⁹. Автор далее писал, что по мере роста производительных сил и оживления обмена начинается разрушение древневосточного общества; что в некоторых случаях оно может перерасти в развитое рабовладельческое, подобно тому, как это было в Финикии и Карфагене. В предисловии к курсу Струве Мишулин, отдавая должное заслугам автора, доказавшего на основании источников господство рабства в странах Востока, в то же время указал на необходимость дальнейшего уточнения понятия рабовладельческого способа производства, прежде всего в отношении «первобытных форм рабства». Наличием общинного рабовладения, тормозившего развитие частной собственности, Мишулин объяснял застойность восточного общества. Мишулин предпринял одну из первых в науке попыток установить этапы развития рабства, ступени рабовладельческой формации, а также сформулировал существенные отличительные особенности раннего рабства, дополнив и уточнив в этом отношении формулировки Струве.

Концепция рабовладельческой формации нашла отражение в ряде обобщающих трудов, в том числе в соответствующих разделах учебников для высшей школы. Эти труды были опубликованы еще до появления фундаментальных конкретных исследований проблем древневосточного и античного рабства, и авторам этих трудов приходилось первым «прокладывать дорогу», т. е. высказываться по проблемам, не получившим еще должной разработки в науке. В 30-х годах XX в. в советской историографии обобщающие труды часто опережали конкретные исследования, но в этом не следует видеть искажения «нормального» процесса развития

⁴⁷ См. об этом подробнее: *Постовская Н. М.* Указ. соч., с. 103—104.

⁴⁸ *Авдиев В. И.* Рабовладение на Древнем Востоке.— *История в средней школе*, 1934, № 2; *Он же.* Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте.— *Историк-марксист*, 1934, № 6.

⁴⁹ *Струве В. В.* *История Древнего Востока*: Краткий курс. М., 1934, с. 21.

исторической науки. «Непосредственная задача советских античников,— писал Я. А. Ленцман,— состояла тогда в осмыслении с марксистских позиций всего хода исторического развития рабовладельческой формации, что в силу немногочисленности подготовленных кадров эллинистов по необходимости отвлекало их внимание от исследовательской работы над более узкими темами»⁵⁰. Дело, конечно, не только в недостатке специалистов как по истории Греции и Рима, так и по истории Древнего Востока, хотя эта причина немаловажная. Главное все же заключается, по нашему мнению, в общем состоянии советской историографии, которая на начальном этапе своего развития должна была прежде всего выработать общую концепцию древней истории с позиций марксистско-ленинской методологии взамен несостоятельных модернистских концепций буржуазной историографии, т. е. переосмыслить исторический процесс заново, а также освоить методы исследования, овладеть всей суммой известного к тому времени конкретно-исторического материала, на что требовалось время. Примечательно, что гипотезы, выдвинутые историками-востоковедами и античниками в 30-е годы XX в., в значительной своей части подтвердились в ходе конкретных исследований в последующие годы, хотя, естественно, многое было уточнено, откорректировано, а кое-что и отвергнуто. Конечно, и в 30-х годах в советской науке появлялись специальные исследования по проблемам рабства в древнем мире, но все же преобладали труды обобщающего характера.

Одним из наиболее значительных трудов такого рода в 30-е годы была уже упомянутая выше книга А. И. Тюменева «История античных рабовладельческих обществ». В этой книге, в отличие от «Очерков...» того же автора, изданных в начале 20-х годов, история Греции и Рима рассматривалась уже как история единой рабовладельческой формации. Тюменев уже не ограничивал рабовладельческий строй только античностью, а распространял его и на Древний Восток, отказавшись, таким образом, от своей прежней точки зрения о феодализме древневосточного общества, хотя и далеко не полностью. По замечанию редакции «моментом, подлежащим оговорке, является трактовка автором общественных отношений древнего и эллинистического Востока по существу как своеобразной формы крепостничества»⁵¹. Так, по мнению Тюменева, в странах «речных культур» пути для более полного развития и накопления частной собственности были закрыты и рабство не могло играть той роли орудия накопления, как в других странах. Он писал: «Обе формы эксплуатации — и рабство, и зависимый труд общинников — уже с древнейшей эпохи сосуществуют одна с другой при определенном преобладании труда общинников и при общей тенденции в сторону не развития, а отмирания рабст-

⁵⁰ Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции, с. 55.

⁵¹ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ, с. 7.

ва, что не исключало отдельных случаев рецидивов рабского труда в тех или иных исторических условиях»⁵². Как видим, в противоположность Струве, доказывавшему наличие тенденции возрастания удельного веса рабского труда, Тюменев говорил об «отмирании рабства» на Востоке. Вместе с тем в книге Тюменева впервые в марксистской исторической литературе мы находим обстоятельное, солидно фундированное источниками освещение проблем греческого и римского рабства. Тюменев связывал широкое распространение рабовладения с ростом морской торговли и товарно-денежных отношений вообще. По его мнению, с VII—VI вв. до н. э. начинается расцвет рабовладельческого строя в Греции, в Риме рабовладельческое общество достигло наивысшего развития во II—I вв. до н. э., а симптомом начавшегося разложения рабовладельческой системы был самый акт установления империи. Примечательно, что уже тогда Тюменев возражал против получившей в то время распространение точки зрения, будто причиной кризиса рабовладельческого способа производства было сокращение притока рабов и абсолютное уменьшение их числа (как уже отмечалось выше, эта точка зрения вытекала из ранних работ Мишулина). Причиной кризиса, отмечал Тюменев, была невыгодность рабского труда. Автор ссылаясь при этом на указания Энгельса, на источники, прежде всего на трактат Колумеллы.

Обращаясь к характеристике зависимого населения в Спарте, Фессалии, Сикионе, на Крите, Тюменев решительно возражал против отождествления илотов, пенестов и тому подобных категорий зависимого населения с рабами, хотя категорически отказывался ставить и знак равенства между илотами и феодальными крепостными. Как было показано выше, вывод о специфическом характере крепостничества в отсталых районах Греции, не имеющего ничего общего с феодализмом, был принят и в специальных работах, опубликованных в эти годы.

В середине и во второй половине 30-х годов XX в. был опубликован ряд других обобщающих трудов и учебников для высшей школы по древней истории⁵³. Их авторы безоговорочно приняли концепцию рабовладельческой формации и аргументировали ее прежде всего в специальных главах, посвященных рабовладельческой экономике. Они подвергли критике модернизаторские взгляды буржуазной историографии на античное общество. Опираясь на методологические указания К. Маркса и Ф. Энгельса, авторы учебников и обобщающих работ указывали на принципиальное отличие рабства от наемного труда эпохи капитализма.

⁵² Там же, с. 112.

⁵³ История древнего мира. М., 1937, Т. 1; Древний Восток; История древнего мира. М., 1937, Т. 2, ч. I. Древняя Греция; История древнего мира. М., 1936, Т. III, ч. I; Ковалев С. И. История античного общества: Греция. Л., 1936; Он же. История античного общества: Эллинизм. Рим. Л., 1936; Сергеев В. С. История Древней Греции. М., 1939; Он же. Очерки по истории Древнего Рима. В 2-х т. М., 1938. Т. I—II.

В этих книгах рассматривались такие сложные вопросы, как численность рабов, использование рабского и свободного труда в античных полисах, положение различных категорий рабов. Эти обобщающие труды, авторы которых нередко вынуждены были первыми предлагать решения по некоторым методологическим проблемам древней истории, сыграли свою роль в деле создания концепции рабовладельческой формации в советской науке. Вместе с тем давало себя знать отсутствие специальных исследований по многим вопросам. Так, недостаточная разработанность проблемы античного полиса приводила к ошибочной оценке кризиса полиса в Греции IV в. и в Риме II—I вв. до н. э. как кризиса рабовладельческого строя. Ошибочно трактовалась также классовая структура античного полиса: в состав класса рабовладельцев зачислялись все члены античной общины, в том числе составлявшие (как «низший слой» этого класса) люмпен-пролетариат. Молодая советская историография античности уделяла значительное внимание проблемам классовой борьбы в рабовладельческом обществе: появились первые специальные работы о восстаниях рабов, например известная монография Мишулина «Спартакосское восстание»⁵⁴. Однако господствовавший тогда тезис о «революции рабов» приводил к упрощенному пониманию особенностей классовой борьбы в античном обществе и отсюда к неверной оценке переломных периодов истории Греции и Рима: так, события гражданских войн I в. до н. э. в Риме считались проявлением «революции рабов»⁵⁵.

В указанных обобщающих трудах древневосточное общество рассматривалось как «примитивно-рабовладельческое», т. е. как первая стадия рабовладельческой формации, а античное общество — как более высокая ступень рабовладельческой формации. Именно в эти годы утвердилось представление о древневосточном рабстве как исключительно патриархальном, «примитивном», основанном на долговой кабале. Античное рабство рассматривалось как рабство военнопленных, как классическое. В последующие годы эти представления претерпели определенные изменения.

Специальные работы об античном рабовладельческом обществе в 30-е годы XX в. были, как уже отмечалось, крайне немногочисленны. Наиболее важные из них были посвящены восстаниям рабов⁵⁶. О рабстве в позднем Риме писал В. С. Сергеев в содержательной статье «Разложение рабовладельческой системы и начало

⁵⁴ Мишулин А. В. Спартакосское восстание: Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М., 1936.

⁵⁵ Помимо монографии А. В. Мишулина см. также: Ковалев С. И. История античного общества: Эллинизм. Рим, с. 64.

⁵⁶ Жебелев С. А., Ковалев С. И. Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. — В кн.: Из истории античного общества. М.; Л., 1934; Крюгер О. О. Рабские восстания II—I вв. как начальный этап революции рабов. — В кн.: Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. Л., 1934; Мишулин А. В. Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э.

колоната в Римской империи»⁵⁷. Одной из первых теоретических работ по данной проблеме явилась книжка Л. Л. Ракова «К проблеме разложения рабовладельческой формации»⁵⁸. Известное значение имела в то время вступительная статья М. И. Бурского к сборнику «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве»⁵⁹. Во всех этих работах достаточно аргументировано общее положение о римском рабстве как наиболее развитой ступени античного рабства, отражавшей высший этап и затем переход к разложению рабовладельческой формации. Вместе с тем, как позднее констатировала Е. М. Штаерман, римское рабство в нашей исторической науке оказалось «изучено не только меньше, чем крепостничество эпохи феодализма, но, пожалуй, слабее, чем древневосточное и даже греческое рабство...»⁶⁰. По справедливому замечанию Штаерман, в работах, посвященных поискам общих закономерностей рабовладельческого способа производства, особенно на примере его наиболее развитой римской стадии, исследовательский элемент вначале был еще весьма слаб.

Порой недостаточно критически воспринимались отдельные суждения западных историков, порой слишком прямолинейно применялся сравнительно-исторический метод. В этой связи Штаерман упомянула концепцию Мишулина, согласно которой внутреннее воспроизводство рабочей силы в рабовладельческом обществе невозможно, оно осуществляется лишь путем порабощения иноземцев и в условиях развития товарного хозяйства погоня за «максимальной прибылью» приводит к хищнической эксплуатации рабов на «износ». Штаерман сочла подобную точку зрения механическим перенесением черт, типичных для рабства в Северной Америке и Вест-Индии, на римское рабство⁶¹. Правда, на наш взгляд, Штаерман несколько абсолютизировала недостатки работ 30-х годов. Концепция Мишулина, как признает сама Е. М. Штаерман (и как мы отмечали выше), была подвергнута критике тогда же, в 30-х годах. Главное же в том, что при определенной недооценке внутренних источников рабства в античном мире советские историки в то же время были правы, подчеркивая роль внешних источников рабства и связывая рост рабства и усиление эксплуатации рабов с развитием товарного производства.

Среди конкретно-исторических исследований о рабстве на Древнем Востоке, опубликованных в 30-е годы, следует назвать

⁵⁷ *Сергеев В. С.* Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи.— ВДИ, 1938, № 3.

⁵⁸ *Раков Л. Л.* К проблеме разложения рабовладельческой формации.— Известия ГАИМК, 1933, вып. 66.

⁵⁹ Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Под редакцией и с вводной статьей М. И. Бурского. М.; Л., 1937.

⁶⁰ *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 13.

⁶¹ Там же, с. 18. См. также: *Сергеев В. С.* Очерки по истории Древнего Рима, т. I, с. 137.

ряд работ В. В. Струве⁶², М. Н. Никольского⁶³, И. М. Лурье⁶⁴. Историографический анализ этих работ дан в книге Н. М. Постовской⁶⁵. Отметим лишь, что конкретно-исторические исследования проблем рабовладения древнего Ближнего Востока находились в 30-х годах лишь в зачаточной стадии: перечисленные статьи были посвящены отдельным частным вопросам, не создавали сколько-нибудь полной картины общественно-политического строя рассматриваемых регионов.

Что же касается таких древневосточных обществ, как Китай и Индия, то в 30-е годы XX в. их изучение делало лишь первые шаги. Два молодых ученых, выпускники ленинградского Всесоюзного института, М. Д. Кокин и Г. К. Папаян пытались проанализировать с точки зрения концепции «азиатского способа производства» упоминаемую китайской тенденцией древнюю систему землепользования «цзин-тянь» (этот термин, видимо, обозначал форму общинного землеустройства)⁶⁶. Свою аргументацию исследователи строили на очень узкой источниковой базе, и она не выдержала испытаний фактами⁶⁷.

В другой работе тех же лет ставилась новаторская задача изучения проблемы рабства в Китае⁶⁸. В ней приводились многочисленные факты, опровергавшие существование в Древнем Китае феодализма и свидетельствовавшие о широком распространении в нем рабства. Автор работы, М. Г. Андреев, однако, в то время не решился сделать вывод о наличии рабовладельческого строя в Китае, неуверенно определяя древнекитайское общество как первобытнообщинное (что, конечно, совершенно расходилось с им же приводимым материалом). В очерках П. А. Гриневича, изданных в середине 30-х годов, история Китая в древности, в средние века характеризовалась как единая эпохи феодализма⁶⁹.

⁶² Струве В. В. Рабовладельческая литифундия в Сумире III династии Ура.— В кн.: С. Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934; *Он же*. Параграфы 34 и 36 хеттского судебногоника.— ВДИ, 1937, № 1.

⁶³ Никольский Н. М. Община в Древнем Двуречье.— ВДИ, 1938, № 4; *Он же*. Рабство в Древнем Двуречье.— Там же, 1941, № 1.

⁶⁴ Лурье И. М. Стоимость раба в Древнем Египте.— ВДИ, 1938, № 4.

⁶⁵ Постовская Н. М. Указ. соч., с. 102.

⁶⁶ Кокин М., Папаян Г. «Цзин-тянь»: Аграрный строй Древнего Китая. Л., 1930.

⁶⁷ См. критику книги современниками: Полк Е. Рец. на кн.: Кокин М., Папаян Г. «Цзин-тянь»: Аграрный строй Древнего Китая.— Проблемы Китая, 1930, № 4-5; см. также критику ее в недавней работе: Васильев Л. С. Проблема «цзин-тянь».— В кн.: Китай, Япония: История и философия. М., 1961. Отметим, что последний автор, хотя сам разделяет положения той же концепции, которую пытались обосновать М. Кокин и Г. Папаян, слишком резко оценивает их книгу, не учитывая уровня тогдашней науки.

⁶⁸ Андреев М. Г. Институт рабства в Китае.— Проблемы Китая, 1929, № 1.

⁶⁹ Гриневич П. А. К вопросам истории китайского феодализма.— Проблемы Китая, 1935, № 14; *Он же*. Китай.— В кн.: БСЭ. 1-е изд., 1936, т. 32.

Таким образом, к Древнему Китаю в то время применялись различные концепции докапиталистических обществ, кроме «рабовладельческой». Обращение советских китаеведов к мысли о рабовладельческом строе Древнего Китая произошло, очевидно, под воздействием двух факторов: поворота к этой концепции специалистов по Ближнему Востоку и античности, начавшегося в 1933—1934 гг., и знакомства с исследованиями Го Мо-жо, вышедшими в Китае в 1929—1931 гг., в которых последний под влиянием книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пришел к выводу о существовании в Древнем Китае рабовладельческой формации⁷⁰.

Первые советские исследователи, отстаивавшие в печати мнение о рабовладельческом характере древнекитайского общества, В. В. Рейхардт и А. В. Мишулин не были китаеводами и судили об общественном строе Древнего Китая с точки зрения общих представлений о закономерностях всемирной истории⁷¹. Доказательства в пользу «рабовладельческой» концепции попытался суммировать в статье, фактически появившейся в 1936 г., китаевед П. И. Осипов (Чжу У-шань)⁷², который в теоретическом отношении следовал за Рейхардтом и Мишулиным.

Статья Осипова почти пять лет, вплоть до 1940 г., оставалась единственным выступлением китаеведа в защиту тезиса о рабовладельческом характере общества в Древнем Китае, однако, в общих курсах и учебных пособиях Древний Китай стал включаться в общие рамки рабовладельческого Древнего Востока⁷³. При этом период господства рабовладельческой формации в истории Китая, как правило, доводился до первых веков нашей эры (в соответствии с точкой зрения Рейхардта и Мишулина). В 1940 г. точка зрения о наличии рабовладельческой формации в истории Китая нашла выражение в ряде общих очерков и популярных работ, принадлежащих перу молодых историков-китаеведов (Л. И. Думан, Л. В. Симоновская)⁷⁴. Ввиду того что монографи-

⁷⁰ Го Мо-жо. Чжунго гудай шэжуэй яньцзю (Исследование древнего общества Китая). Шанхай, 1930. Работы Го Мо-жо (на кит. яз.) стали известны в Москве примерно в середине 30-х годов.

⁷¹ Рейхардт В. В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.; Л., 1934; Мишулин А. В. К вопросу о рабстве на Востоке.— В кн.: Струве В. В. История Древнего Востока; см. также популярную статью: Мишулин А. Очерк о Китае в античную эпоху.— Борьба классов, 1936, № 1-2.

⁷² Осипов П. И. О рабстве в древнем обществе Китая.— ПИДО, 1935, № 7-8. См.: Рейхардт В. В. Очерки по экономике докапиталистических формаций; Мишулин А. Очерк о Китае в античную эпоху.

⁷³ Хрестоматия по древней истории / Под ред. В. В. Струве. М., 1936. Т. 1; Азиев В. И. История Древнего Востока. М., 1940; Струве В. В. История Древнего Востока. М., 1941.

⁷⁴ Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. М.; Л., 1940; Симоновская Л. В. Возникновение и развитие государства в Древнем Китае.— Исторический журнал, 1940, № 7.

ческие исследования о Древнем Китае до конца 50-х годов XX в. в советской историографии практически отсутствовали, концепция рабовладельческого характера древнекитайского общества длительное время оставалась всего лишь на положении гипотезы, нуждавшейся в основательной проверке на основе исторических источников. Отдельные историки, например В. М. Штейн, даже в 50-х годах сохраняли представления о древнекитайском обществе как о феодальном⁷⁵.

Распространение концепции рабовладельческой формации на историю Древней Индии шло вначале также путем применения метода аналогии⁷⁶. Впервые трактовка древнеиндийской истории с точки зрения этой концепции была предложена в популярной статье А. В. Мишулина в 1934 г.⁷⁷ В 1940—1941 гг. появились разделы о рабовладельческом периоде истории Индии в общих очерках по Древнему Востоку, написанных учеными, специально не занимавшимися историей Индии: В. И. Авдиевым, Струве, Н. А. Шолпо. По существу, то, что китаеведами было сделано на рубеже 20-х и 30-х годов, а именно формулировка, хотя бы в общих чертах, основных теоретически возможных концепций древнего общественного строя, было впервые сделано индологами только после войны в работах А. М. Осипова («феодальная» концепция), Г. Ф. Ильина и Д. А. Сулейкина («рабовладельческая» концепция)⁷⁸.

Забегая вперед, можно отметить, что, несмотря на известную гипотетичность в то время «рабовладельческой» концепции в применении к древней истории Индии и Китая советскими историками 30-х годов, дальнейшие исследования убедили специалистов в ее правильности. Война задержала развитие советской науки о древнем мире примерно на десятилетие. Так, первые тома «Всемирной истории», планировавшиеся еще перед войной, были завершены лишь в начале 50-х годов. Именно в процессе работы над этими томами, осмысливая закономерности истории отдельных стран древности в связи с общечеловеческим прогрессом, точку зрения о рабовладельческом строе в древневосточных обществах приняли индологи (А. М. Осипов) и часть китаеведов, прежде стоявших на «феодальных» позициях (академик Н. И. Конрад).

⁷⁵ Шейн В. М. «Гуань-цзы» (Исследования и перевод). М., 1959.

⁷⁶ См. историографический обзор: Медведев Е. М. Изучение советскими историками проблемы формирования традиционного общества в Индии.— В кн.: Современная историография стран зарубежного Востока. Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока. М., 1975.

⁷⁷ Мишулин А. Античная Индия.— Борьба классов, 1934, № 9.

⁷⁸ Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948; Ильин Г. Ф. О некоторых особенностях рабства в Индии в эпоху Маурьев: Автореф. канд. дис.— Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1948, № 8; Сулейкин Д. А. Основные вопросы периодизации истории древней Индии.— Учен. зап. Тихоокеанского ин-та, М.; Л., 1949, т. II. Индийский сборник.

Дальнейшая разработка древней истории Китая и Индии все более убеждает в рабовладельческом характере общественных отношений этих стран.

В 30-е годы советская историческая наука в целом пришла к концепции рабовладельческой формации в древнем мире, и это было важным достижением в создании марксистской концепции древней истории, торжеством учения об общественно-экономических формациях. Только опираясь на это учение, советская наука могла успешно развиваться.

Конечно, источниковедческая база «рабовладельческой» концепции, в общем, была в то время еще узкой, но авторы рассмотренных нами выше трудов отнюдь не обходили источников и намечали пути их дальнейшего исследования. Работы 30-х годов сначала в общей форме показали, а последующие исследования подтвердили и подтверждают несостоятельность концепций древневосточного феодализма и «азиатского способа производства». Фактический материал свидетельствовал в пользу теории рабовладельческого строя всех древних цивилизаций, включая Восток. Рабовладельческая формация, как и все другие формации, отражала всемирно-историческую стадию развития, а не локальный «античный» (средиземноморский) вариант. Последовательность пяти общественно-экономических формаций вовсе не является предвзятой схемой, извне навязанной сложному и многообразному историческому процессу, — она органически вытекает из этого процесса, отражая его существенные черты в больших линиях. Известный разрыв между теорией и конкретными исследованиями, элементы догматизма и социологизаторства в историографии 30-х годов не следует преувеличивать; тем более не следует ставить под сомнение все сформулированные в те годы теоретические положения и выводы, хотя некоторые из них не были в то время подкреплены достаточным конкретно-историческим материалом — наука не может развиваться без гипотез и предварительных заключений. Когда Струве сформулировал вывод о рабовладельческом характере древневосточного общества, он мог в то время основываться лишь на материалах Египта и Двуречья. В таких случаях на помощь исследователям приходили общетеоретические соображения: принадлежность всех обществ к одной исторической эпохе, примерно одинаковый уровень производительных сил, сходство надстроечных явлений. В этом проявлялось единство «общетеоретического» и «конкретно-исторического» в процессе исторического познания.

Следует признать, что и сами по себе упоминания о рабах в античных текстах, в юридических памятниках Востока, например в судебнике Хаммурапи, в хеттских и ассирийских законах и т. п. не являются достаточными аргументами для доказательства рабовладения как господствующей формы эксплуатации, рабовладельческого характера древневосточного общества. Для полного и строгого доказательства нужен был анализ более широкого и раз-

нородного круга источников. Время для такого анализа тогда еще не настало. Однако на начальном этапе разработки этой проблемы, в 30-е годы, эти данные вполне обоснованно могли рассматриваться как первые свидетельства значительной роли рабовладения в странах Древнего Востока. В целом концепция рабовладельческой формации на Древнем Востоке, сформулированная в 30-е годы в основных эскизных линиях, опиравшаяся еще на сравнительно ограниченный круг источников, тем не менее соответствовала тогдашнему состоянию науки в гораздо большей мере, чем противостоявшие ей иные теории. Современные исследования по истории Древнего Востока, обогащая наши представления о специфике отдельных стран, выдвигают новые проблемы, которые, однако, также получают наиболее убедительное решение на базе рабовладельческой концепции. Что же касается античного общества, его рабовладельческий характер был определен в 30-е годы на конкретно-историческом материале совершенно бесспорно, если иметь в виду общую картину, а не конкретные варианты и локальные различия; последовавшие затем более подробные монографические исследования проблем античного рабства, как и древневосточного, полностью подтвердили правильность этого вывода.

III

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ МАКСА ВЕБЕРА В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. И. Патрушев

Макс Вебер (1864—1920), немецкий историк, философ и социолог, жизненный путь которого почти совпал с периодом существования второго германского «рейха» — кайзеровской империи, занимает особое место в истории буржуазной общественной мысли, в том числе и исторической. Пожалуй, трудно найти среди его коллег другого такого автора, чьи взгляды вызывали бы столь активный и устойчивый интерес и оказали бы столь значительное влияние на современную буржуазную историографию не только ФРГ, но и других капиталистических стран. Начиная от первого биографического труда о нем, опубликованного уже спустя год после его смерти и принадлежавшего перу известного впоследствии философа-экзистенциалиста Карла Ясперса ¹, в веймарской, затем нацистской Германии и, наконец, в ФРГ написано огромное количество трудов, посвященных Веберу ². Сама эта литература стала уже, в свою очередь, предметом историографического анализа ³. Буржуазные интерпретаторы Вебера изображают его как исключительное явление в области гуманитарных наук. Признанный авторитет в области изучения наследия Вебера, западногерманский историк В. Моммзен ⁴ пишет о нем как об ученом, «пред-

¹ *Jaspers K. Max Weber. Politiker, Forscher, Philosoph. Berlin, 1921. В 1958 г. в Мюнхене вышло новое издание книги Ясперса.*

² В книге Г. Хуфнагеля (*Hufnagel G. Kritik als Beruf. Der kritische Gehalt im Werk Max Webers. Frankfurt a/M., 1971*) приводится библиография о Вебере, насчитывающая более 900 наименований.

³ См., например: *Mommsen W. J. Neue Max-Weber-Literatur. — Historische Zeitschrift, 1970, Bd. 211, H. 3; Kocka J. Kontroversen über Max Weber. — Neue politische Literatur, 1976, H. 3.*

⁴ В. Моммзен занимается этой темой уже почти двадцать лет. Его диссертация о Вебере (*Mommsen W. J. Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959*) встретила широкие отклики среди буржуазных ученых, на нее было опубликовано более тридцати (в целом благо-

принявшем последнюю крупную попытку систематизации познания современных общественных и культурных наук в универсально-исторических рамках»⁵. «Буржуазный Маркс» — так назвал Вебера его современник А. Саломон⁶, и это определение живо до сих пор.

Этому немецкому ученому посвящено множество исследовательских работ, выпедших в США, Великобритании, Франции, Италии⁷. Многие его произведения переведены в этих странах. В 1968 г. вышло, например, первое полное английское издание его фундаментального труда «Хозяйство и общество» в трех томах под редакцией англо-американского историка немецкого происхождения Г. Рота⁸.

Бум вокруг личности Макса Вебера достиг апогея в 1964 г., когда отмечался его столетний юбилей. Тема «Макс Вебер и социология» сегодня стала центральной на XV конгрессе западно-германских социологов, проходившем в апреле 1964 г. в Гейдельберге — городе, где тот долгое время работал. В докладах на конгрессе, прочитанных видными социологами и философами Запада — Э. Тонпчем, Т. Парсонсом, Г. Маркузе и другими, его фигура была поднята почти на мифологическую высоту, до уровня некоего божества, недоступного для понимания простому смертному⁹. В унисон этому почти культовому почитанию В. Моммзен утверждает, что ныне «едва кто-либо в состоянии понять и оценить всего Вебера»¹⁰.

Действительно ли так неисчерпаемы и непостижимы идеи этого буржуазного немецкого ученого? То, что представляется непосильной для буржуазной историографии задачей, успешно решается учеными-марксистами, не прошедшими мимо столь крупной, сложной и во многом противоречивой фигуры, как Вебер¹¹. Хотя в марксистско-ленинской историографии еще нет

желательных) рецензий в ФРГ, Швейцарии, США, Англии, Франции, Италии. В 1974 г. книга вышла вторым, переработанным и расширенным изданием. Характеризуя работы Моммзена, известный историк ФРГ Ю. Коска относит их «к важнейшим из написанных в последние годы о Вебере» (*Koska J. Kontroversen über Max Weber*, S. 282).

⁵ *Mommsen W. J. Neue Max-Weber-Literatur*, S. 616.

⁶ *Salomon A. Max Weber*. — *Die Gesellschaft*, 1926, N 2, S. 143—144.

⁷ Одним из новейших направлений в исследованиях о Вебере является модная психоаналитическая трактовка, ярче всего представленная в работе американского ученого А. Мизмана (*Mizman A. The Iron Cage. An Historical Interpretation of Max Weber*. New York, 1970).

⁸ *Weber M. Economics and Society* / Ed. by G. Roth Bedmann. Ann Arbor, 1968.

⁹ Материалы конгресса были изданы в специальном сборнике: *Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentag* / Hrsg. von O. Stammer. Tübingen, 1965.

¹⁰ *Mommsen W. J. Neue Max-Weber-Literatur*, S. 619.

¹¹ Среди первых советских работ о Вебере можно назвать статью А. И. Нусыхина «„Эмпирическая социология“ Макса Вебера и логика исторической науки» (Под знаменем марксизма, 1927, № 9, 12), где он впервые рассмотрел влияние марксизма на Вебера. Убедительный анализ некоторых политических и методологических позиций Вебера дал

обобщающего исследования о Вебере, тем не менее уже аргументированно определено его подлинное место как страстного и убежденного сторонника империализма, в первую очередь германского. Именно укрепление позиций германских монополий внутри страны и на международной арене путем ограничения экономического, политического и идеологического влияния юнкерства было его настоящей целью, а вовсе не подлинная демократизация немецкого общества, что единодушно утверждают его буржуазные интерпретаторы. Они исходят из той трактовки, которую дал коллега Вебера, типичный представитель буржуазной политической мысли Г. фон Шульце-Геверниц: «Макс Вебер был больше, чем ученый; политический вождь первого ранга, он давно осознал путь, который лишь и мог дать выход из катастрофы: демократизация внутри страны как основа сильной внешней политики, которую он поддерживал»¹².

Буржуазная западногерманская историография пытается использовать учение Вебера в качестве альтернативы марксизму. Отсюда понятен и тот интерес, который она проявляет к проблеме «Маркс и Вебер». Наблюдающееся в последнее десятилетие оживление такого интереса безусловно связано с определенными тенденциями развития историографии ФРГ, которые проявляются в нескольких отношениях.

Методологическая переориентация историографии ФРГ идет в направлении от традиционных принципов «немецкого историзма» — индивидуализации исторических явлений и идиографического метода — к принципам обобщения и типологизации. И как раз в этом плане все большее значение приобретает известная теория «идеальных типов», разработанная Вебером. И хотя буржуазные историки заявляют, что Вебер «радикально стоял на почве историзма»¹³, действительный факт его серьезного расхождения с лидером неокантианства Г. Риккертом¹⁴ и разработка им важной проблемы исторического познания — проблемы образования общих понятий — отражаются в сегодняшнем повороте ученых ФРГ к «структурной истории».

В политическом отношении западногерманским историкам особенно приглянулась якобы подтвержденная, по их мнению, веберовская теория рационализации и бюрократизации промыш-

А. И. Данилов в книге «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии» (М., 1958), а также в статье «Немецкие буржуазные историки „либерального направления“ во время первой мировой войны и революции 1918—1919 годов» (Новая и новейшая история, 1958, № 5). В историографии ГДР общий очерк о Вебере написан И. Штрайзандом (*Streisand I. Max Weber: Politik, Soziologie und Geschichtsschreibung. — Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft*, Berlin, 1965, Bd. II).

¹² *Schulze-Gaevernitz G. von. Max Weber als Nationalökonom und Politiker — Erinnerungsgabe für Max Weber. München; Leipzig, 1923, Bd. I, S. XIII.*

¹³ *Heuss A. Zur Theorie der Weltgeschichte. West Berlin, 1968, S. 64.*

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Неусыхин А. И. Указ. соч.*

ленно развитого общества, ставшая одним из важнейших компонентов широко распространенной теории «индустриального общества»¹⁵. Наконец, наметившаяся в последние годы тенденция все большего числа буржуазных ученых ФРГ как-то учесть марксизм, признать правомерность марксистского метода, (отклоняя его в то же время как единую систему), находит определенную аналогию в сложном и противоречивом отношении Вебера к методологии марксизма. Стремление найти родственные черты, сближающие методологию и концепции Вебера и Маркса, тесно связано с попытками фальсификации взглядов Маркса, истолкования марксизма в приемлемом для буржуазной идеологии свете. Эти обстоятельства и определяют актуальность для буржуазной историографии проблемы отношения Вебера к марксизму.

Современные западногерманские буржуазные интерпретаторы Вебера в большинстве своем проводят тезис о близости методов его и Маркса¹⁶. Упомянувшийся Ю. Коска указывает, что «было бы совершенно недостаточно понять Вебера из простой враждебности к Марксу»¹⁷, и довольно резко обрушивается на тех своих коллег, которые предпочитают подчеркивать непримиримое отношение Вебера к марксизму¹⁸. Однако искусственная «конвергенция» Маркса и Вебера — только первый шаг. С поразительным единодушием они представляют дело таким образом, будто бы Вебер расширил учение К. Маркса, «методически и тематически продолжил его мысли»¹⁹.

Для доказательства таких положений используются неоднократно высказанные Вебером одобрительные оценки марксизма. Так, незадолго до смерти он говорил своим студентам: «Честность сегодняшнего ученого и прежде всего сегодняшнего философа можно измерить тем, как он оценивает себя по отношению к Ницше и Марксу. Кто не признает, что не смог бы достичь важнейшей части своей собственной работы без проделанного

¹⁵ Большое влияние Вебера на генезис теории «индустриального общества» показал историк ГДР Г. Розе (*Rose G.* «Industriegesellschaft» und Konvergenztheorie. Berlin, 1971).

¹⁶ *Mommsen W. J.* The Age of Bureaucracy. Oxford, 1974; *Stallberg F. W.* Herrschaft und Legitimität. Meisenheim / Glan, 1975; *Leich H.* Die anthropologisch-soziologische Methodik bei Karl Marx, Werner Sombart und Max Weber. Köln, 1957; *Tenbruck F.* Wie gut kennen wir Max Weber? — Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1975, Bd. 131, H. 4.

¹⁷ *Kocka J.* Karl Marx und Max Weber. — In: Geschichte und Ökonomie / Hrsg. von H.-U. Wehler. Köln, 1973, S. 56.

¹⁸ Так, Э. Фёгелин заявил, что позиция Вебера заключалась в его убеждении, что настоящий ученый не может быть марксистом. (*Voegelin E.* Max Weber zwischen Abschluss und Neubeginn. — In: Max Weber. Sein Werk und seine Wirkung. / Hrsg. von D. Käsler. München, 1972). Ю. Коска с раздражением выразил сомнение в целесообразности опубликования «столь бесплодной работы» (*Kocka J.* Kontroversen über Max Weber, S. 298).

¹⁹ *Leich H.* Op. cit., S. 154.

ими, тот обманывает себя и других»²⁰. Еще ранее, в июле 1918 г., когда Вебер читал пробные лекции в Венском университете, где он намеревался получить профессию, выступая перед офицерами австро-венгерской армии, он высоко оценивал «Манифест Коммунистической партии» как «научное достижение первого ранга», хотя и сопровождал это утверждение многочисленными оговорками²¹. Из подобных фактов историки ФРГ и делают поспешный вывод, что Вебер «фактически стоял гораздо ближе к методической позиции К. Маркса, чем он сам допускал возможность этого»²². Утверждается, будто Вебер подверг марксизм всего лишь «позитивной критике», чтобы «спасти из марксистской интерпретации истории то, что он понимал под наукой»²³. Но что же, по мнению историков ФРГ, «спас» Вебер из марксизма?

Безусловным достижением Вебера признается то, что он «освободил исторический материализм от абсолютных притязаний, тем самым и от его революционного потенциала, и рассматривал его как один из научных — насколько это возможно вообще — методов познания действительности среди других»²⁴. Примечательным образом в этом высказывании Коски проявилось главное в отношении буржуазных ученых, даже самых благожелательных, к марксизму: он является-де вполне законным учением, за исключением своего «революционного потенциала». Поэтому Вебер, «исключивший» революционный потенциал марксизма, «научно» преодолел для западногерманских историков его «односторонность» как чисто «монокаузального учения», якобы выводящего все общественное развитие исключительно из экономических отношений. В их трактовке «в противоположность марксистской теории „надстройки“ Вебер был убежден в том, что не только „материальные“, но и также «идеальные» интересы... определяют поведение человека»²⁵.

Однако такое апологетическое в отношении Вебера противопоставление его Марксу не имеет под собой никакой реальной основы. Оно свидетельствует либо о полном непонимании марксизма, либо о его сознательном искажении. Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали, что субъективный фактор в истории зависит от объективных, в первую очередь экономических условий. Но это отнюдь не означало отрицания ими роли идеологии, политики, социальной психологии и других форм общественного сознания в историческом процессе.

²⁰ Max Weber: Werk und Person / Hrsg. von E. Baumgarten. Tübingen, 1964, S. 554.

²¹ Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924, S. 504.

²² Mommsen W. J. Max Weber und die deutsche Politik, S. 110.

²³ Kocka J. Karl Marx und Max Weber, S. 57.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Mommsen W. J. Max Weber und die deutsche Politik, S. 111.

Наоборот, они самым решительным образом выступали против того вульгаризаторского понимания экономики и ее роли, какое приписывают марксизму буржуазные ученые. В письме к Й. Блоху Ф. Энгельс отмечал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»²⁶. Отсюда видно, насколько несостоятельны заявления Г. Лейха о том, что Вебер в противоположность-де Марксу «отклонил любой монизм односторонне утверждаемой каузальной взаимосвязи»²⁷. В унисон с Лейхом В. Моммзен также склонен считать заслугой Вебера его критику марксизма как «прямолинейной конструкции универсального исторического процесса, которая никогда не сможет... уяснить неисчислимую полноту исторического материала»²⁸. Ошибочность построений такого рода совершенно очевидна даже для буржуазного историка Ю. Коски, попытавшегося отчасти реабилитировать Вебера в этом вопросе.

По утверждению Коски, «имея в виду неисторичность и монокаузальность исторического материализма, Вебер критиковал не столько Маркса, сколько тех, кто позднее недиалектически и догматически интерпретировал его»²⁹. С этой точки зрения Коска справедливо отметил, что «история для Маркса — не автоматическое, полностью детерминированное развитие экономического базиса». Но одновременно он же попытался приписать К. Марксу релятивистские тенденции, утверждая, что тот «относил исторические законы исключительно к определенным историческим ситуациям, из которых они возникли и внутри которых они действуют»³⁰. Поэтому историческая закономерность у Маркса приобретает в интерпретации Коски относительный характер. Очевидно, что Коска смешивает различные закономерности, диапазон которых простирается от общего закона, определяющего историческое развитие как естественноисторический процесс, до конкретных закономерностей развития отдельных исторических явлений. Действительно, закономерность в истории имеет различные уровни и степени проявления и действенности. Но в любой конкретно-исторической закономерности в скрытом виде существует и более широкая закономерность, имеющая универсальный характер. Разъясняя это положение, К. Маркс ука-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

²⁷ Leich H. Op. cit., S. 154.

²⁸ Mommsen W. J. Universalgeschichtliches und politisches Denken bei Max Weber. — Historische Zeitschrift, 1965, Bd. 201, H. 3, S. 565.

²⁹ Kоска J. Karl Marx und Max Weber, S. 59.

³⁰ Ibid., S. 58.

зывает, что историческая наука «имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»³¹.

Таким образом, ограничение Коской сферы действия исторических законов лишь определенной исторической ситуацией имеет весьма далекое отношение к марксизму. Хотя он и пытается представить себя сторонником диалектического подхода к истории, но берет из диалектики только одну ее сторону, а именно постоянное развитие и изменение индивидуальных ситуаций. Но поскольку Коска не учитывает, что любое конкретное явление в истории есть проявление определенного процесса, развивающегося при всех отклонениях и случайностях по всеобщим законам в их конкретностях, то «диалектика» такого рода смыкается с релятивистской трактовкой закономерности исторического процесса. Для него нет универсальной исторической закономерности; существуют только закономерности развития низшей ступени — отдельных процессов или явлений. Но такой подход таит в себе большую опасность того субъективистского произвола, от которого сам Коска решительно и справедливо отмежевывается. Отказ от всеобщей закономерности открывает широкую дорогу для произвольного выбора и интерпретации исторического процесса как процесса, состоящего из отдельных замкнутых, развивающихся по присущим только им законам, уникальных явлений. Утрачивается понимание единства исторического процесса в его закономерном развитии. Однако принятие безусловной и универсальной всеобщей исторической закономерности и ее объективного характера объявляется Коской метафизикой, от которой он и пытается с помощью апелляции к Веберу «спасти» К. Маркса.

На более ярко выраженных антимарксистских позициях стоит в этом вопросе Моммзен. Он подчеркивает якобы чисто «метафизический характер законов развития» как таковых, искусственно объединяя «закон трех стадий» О. Конта и теорию К. Маркса о необходимой смене общественных формаций³².

Обвинения марксизма в метафизичности включают в себя приписывание ему некоего априорного выведения законов, приверженности к «формулам и стереотипам», короче говоря, заранее установленного и поэтому предвзятого взгляда на исторический процесс. Поэтому для историков ФРГ материалистическое понимание истории не в состоянии вскрыть объективно неисчер-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 151.

³² Mommsen W. J. Gesellschaftliche Bedingtheit und gesellschaftliche Relevanz historischer Aussagen.— In: Die Funktion der Geschichte in unserer Zeit / Hrsg. von E. Jäckel, Weymar E. Stuttgart, 1975, S. 213.

паемое многообразие исторического материала. В действительности же основоположники материалистического понимания истории подчеркивали, что оно должно основываться на действительных предпосылках, «ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях»³³.

Требования К. Маркса и Ф. Энгельса об изучении реального содержания исторического процесса³⁴ ничего общего не имеют с подгонкой истории под заранее сконструированную схему, исходящую из взглядов исследователя. В письме П. Лафаргу Ф. Энгельс прямо указал на ошибочное стремление изобразить К. Маркса человеком, будто бы исходящим в своем научном творчестве из своих политических и социальных идеалов, и подчеркнул, что в таком случае исследователь «не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения»³⁵.

В теории познания марксизма речь идет прежде всего о раскрытии не какой-то абстрактно-спекулятивной универсальной закономерности вроде гегелевского «абсолютного духа», а именно конкретной закономерности в ее действительном проявлении. В связи с этим историческая индивидуальность рассматривается не как замкнутое саморазвивающееся явление, но и не как пример закономерного развития. Она сама есть непосредственное и конкретное проявление закономерности. Поэтому адекватное отображение исторической реальности достигается путем сочетания как индивидуализирующего, так и генерализирующего метода.

Признание важности генерализирующего метода все более укрепляется и среди буржуазных историков ФРГ, хотя большинство из них, убежденное, что «ни один всеобщий закон не в состоянии охватить все эмпирические условия»³⁶, не связывает генерализацию с признанием универсальной исторической закономерности. Само же обоснование генерализирующего метода в значительной степени зиждется на теории «идеальных типов» Вебера. В этом отношении вновь проводится параллель между К. Марксом и Вебером. Обоснованием такой аналогии служит интерпретация марксистских категорий как идеально-типических понятий. В такой трактовке есть определенное рациональное зерно. Действительно, многие социальные явления не существовали и не существуют в «чистом виде», как показал это Ф. Эн-

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 25.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 546.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 170.

³⁶ Achat K. Neuere angelsächsische Theorien zur Geschichte.— In: Geschichte heute: Positionen, Tendenzen und Probleme/Hrsg. von G. Schulz. Göttingen, 1973, S. 219.

гельс в известном примере с феодализмом³⁷. Отталкиваясь от этого неоспоримого факта, Вебер и попытался найти такой понятийный вид, который смог бы сочетать в себе как индивидуальное, так и общее. Однако он смешал два различных способа абстрагирования — типологию и идеализацию³⁸. Если типологию следует понимать как основную форму, допускающую отклонение, как определенный прообраз того явления, которое не существует в действительности в чистом виде, то идеализация есть такой способ абстрагирования, при котором подразумевается принципиальная невозможность существования данного явления вообще. Смешение этих двух способов проявилось у Вебера уже в самой терминологии «идеальный тип».

Характеризуя это понятие, он писал: «Идеальный тип образуется путем одностороннего выдвижения одной или нескольких точек зрения и соединения всей полноты в большей или меньшей степени диффузно и дискретно существующих единичных явлений... в единый мысленный образ. В своей понятийной чистоте этот мысленный образ нигде нельзя найти эмпирически в действительности, это утопия — и для работы историка встает задача в каждом отдельном случае установить, насколько близко или далеко отстоит действительность от идеального типа»³⁹.

Это означает, что «идеальный тип» не является отражением реального явления, он есть фикция, «чистое образование мысли» или «выражение мысли». Отсюда Моммзен с достаточным основанием заявил, что «идеальный тип Вебера не имеет никакого реального характера, у него исключительно номиналистский характер»⁴⁰. Поэтому идеально типические понятия рассматриваются не как «цель», а всего лишь как «средство» исторического исследования, как некие «вспомогательные конструкции», не отражающие в своей отвлеченности объективные процессы и закономерности.

В этом плане Т. Шидер справедливо отделил идеальный тип от модели. Последнюю он считает «конструкцией экономических или социальных явлений, определенным феноменом в чистом виде, исходящим из действительности». Идеальный же тип для Шидера — это выражение радикального разделения объективной реальности и познающего сознания, категория, посредством которой «пытаются провести взаимосвязи между отдельными индивидуальными явлениями»⁴¹. Шидер убежден, что, «хотя

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 356.

³⁸ На эту ошибку Вебера справедливо указал А. В. Гулыга (*Гулыга А. В. История как наука.* — В кн.: *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969, с. 38).

³⁹ Weber Max. *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik* / Hrsg. von J. Winckelmann. Stuttgart, 1964, S. 235.

⁴⁰ Mommsen W. J. *Max Weber — Gesellschaft, Politik und Geschichte.* Frankfurt a/M., 1974, S. 226.

⁴¹ Schieder Th. *Unterschiede zwischen historischer und sozialwissenschaftlicher Methode.* — In: *Festschrift für H. Heimpel.* Göttingen, 1971, Bd. 1, S. 12.

идеальный тип является результатом синтезирующего метода сравнения, его собственная задача состоит в том, чтобы быть основой для исторической индивидуализации»⁴². Следовательно, для Шидера и Моммзена идеальные типы не основа раскрытия общих связей в объекте, а только мысленная конструкция, помогающая в понимании индивидуального, своеобразного, однократного. Такое же понимание идеального типа характерно и для Т. Нипперда⁴³.

Это вполне согласуется с ходом мыслей Вебера, когда тот указывал, что «мы осознанно рассматривали „идеальный тип“... как конструкцию, которую создает мышление для того, чтобы измерить и систематически рассмотреть *индивидуальные* связи, т. е. связи, имеющие значение в их своеобразии, как, например, христианство, капитализм и т. д.»⁴⁴

С другой стороны, сам Вебер в отдельных случаях признавал определенное требуемое соответствие идеального типа объективной реальности и отделял идеальные типы в качестве чистой игры мысли от идеального типа как научно-плодотворной логической конструкции. Это характерное для творчества М. Вебера противоречие предоставляет возможность истолковать теорию идеальных типов в несколько ином, чем у Шидера или Моммзена, плане; речь в данном случае идет о том, что хотят найти буржуазные историки в идеальном типе.

Двойственный характер идеального типа выдвигает на первый план Коска, критикующий Моммзена за «преувеличение номиналистского, ирреального и поэтому произвольного характера идеального типа и недооценку его реального зерна»⁴⁵. Он различает две стороны этого понятия: во-первых, осознанно одностороннее выпячивание определенных наблюдаемых отдельных явлений с определенной точки зрения, т. е. мысленную конструкцию; во-вторых, сами наблюдаемые явления, аспекты исследуемой эмпирической реальности, представляющие элементы этой конструкции⁴⁶. В таком же духе и А. Хейс полагает, что «было бы неправильно определить идеальный тип как чисто фиктивную величину и трактовать его исключительно с точки зрения его отвлечения от действительности». Поэтому Хейс, упрекая самого основателя теории идеальных типов в не совсем правильном их понимании, обоснованно отмечает, что «в познании дей-

⁴² *Schieder Th.* Möglichkeiten und Grenzen vergleichender Methode in der Geschichtswissenschaft.— *Historische Zeitschrift*, 1965, Bd. 200, S. 544.

⁴³ *Nipperdey Th.* Bemerkungen zum Problem einer historischen Anthropologie.— In: *Die Philosophie und die Wissenschaften*. Meisenheim / Glan, 1967, S. 361.

⁴⁴ *Weber Max.* Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik, S. 246. (Курсив наш.— А. П.)

⁴⁵ *Koska J.* Kontroversen über Max Weber, S. 291.

⁴⁶ *Ibidem.*

ствительности можно чего-либо добиться только тогда, когда познавательное средство соответствует ей»⁴⁷.

Интерпретации Коски и Хейса показывают, что буржуазные историки ФРГ осознают неустранимость общих логических понятий из исторической науки. Понимал это и сам Вебер. Однако все дело в том, как рассматривать природу общих понятий.

С точки зрения марксизма, «понятие о вещи и ее действительности движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обеими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности. По той причине, что понятие... не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция, разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им весьма косвенным окольным путем...»⁴⁸.

Это означает, что процесс исторического познания представляет собой очень сложный и противоречивый процесс, предполагающий определенное несоответствие логических понятий и эмпирической реальности⁴⁹. Не случайно в связи с этим В. И. Ленин указывал что познание «*не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни»⁵⁰. Ясно отсюда, что марксистская теория исторического познания вовсе не стоит на точке зрения тождества объективности исторической реальности и субъективности человеческого познания, прямого и непосредственного соответствия логических понятий историческим явлениям. Критика, приписывающая марксизму эти представления, попросту беспредметна, и здесь Вебер и современные историки ФРГ бьют явно мимо цели. Было бы, однако, столь же неверно не видеть различия в позициях марксистов и последователей М. Вебера по данному вопросу. Дело в том, что из правильной посылки о нетождественности объективного и субъективного Вебер пришел к неправильному выводу о том, что любая теория исторического познания, в том числе и его теория идеальных типов, неизбежно должна порвать с самой исторической реальностью; идеально-типическая категория (напомним, что Вебер относил сюда и марксистские категории) может быть, согласно его взглядам, только средством познания

⁴⁷ Heuss A. Zur Theorie der Weltgeschichte, S. 71—72.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 392; т. 39, с. 354.

⁴⁹ Подробнее об этой проблеме см.: Данилов А. И. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука.— Средние века, 1963, вып. XXIV.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 330.

какой-либо отдельной стороны исторического явления, но не её отражением⁵¹.

Эта по сути своей субъективистская концепция, разумеется, никак не может быть примирена ни с марксизмом, ни с требованиями подлинно научного подхода к исследованию.

Для критики марксистско-ленинской теории отражения буржуазные авторы пытаются использовать факт происходящего в исторической науке процесса изменения содержания исторических понятий⁵². При этом и Вебер, и его апологеты в ФРГ на первый план выдвигают именно изменчивость содержания исторических понятий в противоположность их устойчивому содержанию. Вебер указывал, что в общественных науках идет постоянный процесс изменения системы понятий и категорий, применяющихся в системе познания⁵³. В этом же духе Р. Витрам утверждает полную неустойчивость общих исторических понятий, их непрерывное изменение и отсюда — весьма ограниченную пригодность⁵⁴. Абсолютизация относительности содержания понятий характерна и для И. Рольфеса, который считает принципиально невозможным установить и абсолютное значение последних⁵⁵. Поэтому он категорически выступает против так называемых «формальных стереотипов», в применении «которых и находит главное доказательство мнимой» ограниченности марксистско-ленинской методологии истории. На деле речь идет об отрицании того факта, что понятия отражают реальную действительность, а не являются продуктом, придуманным для умозрительных потребностей ученого. Понятия сохраняют свое значение, пока существует отраженная в них действительность, и переходят в прошлое вместе с ней, а не по воле исследователя. Само же их научное содержание, конечно, если таковое имело место, не исчезает бесследно, а обязательно включается в новые понятия, все более и более полно и точно отражающие действительность. В противном же случае процесс достижения объективной истины будет попросту невозможен практически. Вебер осознавал это обстоятельство и специально подчеркивал, что его теория идеальных типов не предполагает постоянное установление новых точек зрения для образования все новых и новых понятий⁵⁶. Однако в практическом плане научное разрешение этого вопроса оказалось для него непосильным.

Принципиальную неудачу потерпел в этом отношении и Роль-

⁵¹ *Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951, S. 204 (далее — Weber Max. Wissenschaftslehre).*

⁵² См. об этом: *Смоленский Н. И.* К вопросу о природе исторических понятий. — *Новая и новейшая история, 1976, № 4.*

⁵³ *Weber Max. Wissenschaftslehre, S. 207.*

⁵⁴ *Wittram R. Das Interesse an der Geschichte. Göttingen, 1958, S. 43.*

⁵⁵ *Rohlfes J. Beobachtungen zur Begriffsbildung in der Geschichtswissenschaft. — In: Die Funktion der Geschichte in unserer Zeit, S. 70—71.*

⁵⁶ *Weber Max. Wissenschaftslehre, S. 214.*

фес. Он выдвинул внешне привлекательное требование учета всех без исключения аспектов при разработке общих понятий. Практически же это означает признание невозможности существования таких понятий, ибо действительность настолько многообразна и противоречива, что при ее понятийном упорядочивании неизбежно некоторое абстрагирование, учет главных, существенных, определяющих аспектов, а не всех без исключения. Иначе этот процесс будет настолько бесконечным, что образовать действенные всеобщие понятия будет вообще невозможно; процесс исторического познания на основе общих понятий подменяется процессом их бесконечной модификации. Для исторической науки это чревато полной терминологической путаностью. Это обстоятельство побуждает некоторых буржуазных ученых ФРГ всерьез заняться разработкой проблемы исторических понятий и их единого терминологического и смыслового содержания. Именно таким стремлением руководствовалась группа влиятельных историков ФРГ, приступившая к изданию капитальной пятитомной энциклопедии «Основные исторические понятия»⁵⁷.

При этом следует иметь в виду, что пока буржуазные историки ФРГ склонны к взаимоувязыванию теоретических принципов марксизма с идеальными типами Вебера, считая, что и те и другие формируются не только как произвольно варьируемые исследователем абстракции, но и как отображение существенных черт реальности, они остаются на позициях осознанного плюралистического толкования истории, возможности ее одинаково законной интерпретации с самых различных исходных позиций⁵⁸.

Если в отношении гносеологических проблем исторической науки среди ученых ФРГ наблюдаются различные тенденции как «сближения» принципов К. Маркса и М. Вебера, так и их противопоставления, то при сравнении практического применения марксистской теории и концепций Вебера к анализу исторической действительности решительное предпочтение отдается последним. Типичным является тезис об «абстрактно мыслящем философе Марксе и историке Вебере»⁵⁹. Такое противопоставление не новость для буржуазной науки. Еще Г. фон Шульце-Геверниц заявлял, что Вебер «был слишком историком, чтобы терпеть какую-либо одностороннюю историческую конструкцию, и, как таковой, он боролся против исторического материализма Марк-

⁵⁷ См.: *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. von O. Brunner et al. Stuttgart, 1972, Bd. I; 1974, Bd. II.

⁵⁸ «Историческая мысль предполагает... плюрализм самых различных позиций», — полагает Моммзен (*Mommesen W. J. Die Geschichtswissenschaft in der modernen Industriegesellschaft. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1974, H. 1, S. 15).

⁵⁹ *Leich H. Op. cit.*, S. 154.

са»⁶⁰. Современные западногерманские историки идут по стопам Шульце-Геверница, чрезвычайно высоко оценивая теорию «бюрократизации и рационализации» Вебера и подчеркивая ее доказанность всем историческим процессом в противоположность «неподтвердившимся» якобы прогнозам К. Маркса.

Для этой цели вначале конструируется якобы общее К. Марксу и М. Веберу рассмотрение развития общества с исходной точки антропологического понимания истории. Как считает Г. Лейх, «методическое единодушие» Маркса и Вебера проявилось в их «ориентации на одну и ту же антропологию»⁶¹. В этом случае мы сталкиваемся с широко распространенной и весьма модной среди буржуазных идеологов интерпретацией Маркса как сторонника антропологического подхода к сущности человека. Так, Моммзен считает, что «оба мыслителя (К. Маркс и М. Вебер.— А. П.) исходили из примерно одинаковой постановки вопроса — что может произойти с индивидуумом в условиях современного, рационального, разделенного на сферы труда промышленного капитализма»^{61а}. Для обоснования этого тезиса используется факт упоминания К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» таких категорий, как «самоотчуждение» или «отчужденный труд». При этом Моммзен и Лейх игнорируют подлинное содержание этих категорий у К. Маркса, который с их помощью исследовал отношения внутри капиталистического общества и раскрыл главные черты того характерного для капитализма отчуждения, анализ которого ни в коем случае не означал его перехода к антропологическому субъективизму⁶².

Тем не менее Моммзен утверждает, что в этом отношении «Вебер решительно превысил Маркса»⁶³. В его понимании К. Маркс рассматривал «отчуждение» человека как следствие только экономических производственных отношений при капитализме. Моммзен же разделяет убеждение Вебера в том, что такое «отчуждение» есть следствие растущей бюрократизации индустриального общества. Отсюда Моммзен, как в свое время и Вебер полагает, что с уничтожением частной собственности на средства производства проблема отчуждения не исчезнет, и Маркс, ожидая этого, подходил к проблеме весьма «наивно». Наоборот, как раз в «сохранении динамики капиталистической хозяйственной системы имеет место существенная предпосылка сохранения места для индивидуальной инициативы в общественном пространстве. Абсолютно критическим положение индивидуума становится

⁶⁰ *Schulze-Gaevernitz G. v. Op. cit., S. XVII.*

⁶¹ *Leich H. Op. cit., S. 147.*

^{61а} *Ibidem.*

⁶² Критику буржуазных фальсификаторов Маркса по проблеме «отчуждения» см.: *Ситников Э. М. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М., 1962; Отчуждение и гуманность. М., 1967; Курелла А. Свое и чужое. М., 1970.*

⁶³ *Mommsen W. J. Universalgeschichtliches und politisches Denken bei Max Weber, S. 602.*

именно при государственном хозяйстве»⁶⁴. Следовательно, свободное производство есть такое производство, при котором его средствами могут владеть отдельные личности. Свобода человека угнетать другого человека на основании распоряжения средствами производства и свобода другого продавать свою рабочую силу или умирать с голода приравнивается к свободе вообще. На этой основе зиждется откровенная апологетика капиталистической системы как «самой совершенной хозяйственной этики в истории человечества»⁶⁵.

Говоря о проблеме человека в марксизме, следует отметить, что буржуазные историки ФРГ противопоставляют «гуманистического» К. Маркса «материалистическому» К. Марксу. В ранних произведениях К. Маркс-де испытывал большой интерес к проблеме человека, но, сконструировав свою метафизическую концепцию истории на основании столь же метафизической системы Гегеля, Маркс утратил интерес к человеку, понимая его не как личность, а как социальную единицу. К. Маркс в изображении Моммзена в сущности превращается в дюжинного гегельянца: «Как мы знаем из ранних произведений Маркса, его учение об „отчуждении“ рабочего в капиталистическом обществе и уничтожении последнего в социалистическом обществе будущего возвращается к понятию труда в философии права Гегеля», — заявляет он⁶⁶. Тот действительный факт, что диалектика Гегеля была одним из теоретических источников марксизма, раздувается до отождествления систем обоих мыслителей, хотя хорошо известна критическая переработка наследия Гегеля К. Марксом, выделившим «жемчужное зерно» гегелевской диалектики «из навозной кучи абсолютного идеализма»⁶⁷. Но такая постановка проблемы не устраивает буржуазных идеологов, подменяющих критику марксизма несравненно более удачными нападками на спекулятивную философию Гегеля и делающими при этом ставку на «опровержение» марксизма. Именно в таком плане очень высоко оценивается Вебер как ученый, доказавший бесплодность всех «метафизических» конструкций исторического процесса, в том числе Гегеля и Маркса.

Однако в данном случае ссылка на Вебера не совсем уместна. Будучи на голову выше своих буржуазных современных интерпретаторов, Вебер резко выступал против примитивного извращения или приписывания марксизму чуждых ему элементов⁶⁸,

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ *Weber Max. Wahlrecht und Demokratie in Deutschland.* — In: *Gesammelte Politische Schriften.* München, 1921, S. 285—287 (далее — *Politische Schriften*).

⁶⁶ *Mommsen W. J. Die Geschichtswissenschaft jenseits des Historismus.* Düsseldorf, 1972, S. 8—9.

⁶⁷ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 18, с. 256.

⁶⁸ Особенно это проявилось в критике Вебером беспомощных попыток Р. Штаммлера опровергнуть марксизм путем его вульгаризации. См.: *Weber Max. Wissenschaftslehre*, S. 291—359.

хотя сам он не смог провести сколько-нибудь основательной полемики с марксизмом⁶⁹.

Интересно, что порой в трудах буржуазных историков ФРГ проскальзывают мысли о том, что Вебер, собственно говоря, не являлся врагом марксизма в общепринятом смысле слова. Он был настроен по отношению к последнему всего лишь «скептически», поскольку «мог ожидать от марксистско-социалистической альтернативы лишь обострения опасности бюрократизации». В вину же Марксу ставится то, что он якобы пришел к «догматическому тезису диалектического материализма, по которому самоотчуждение человека является объективным общественным процессом, который будет уничтожен пролетарской революцией»⁷⁰. Эту идею развивает К. Лёвиг: подчеркивая правоту Вебера в отношении «неумолимого процесса рационализации», он заявляет, что само это понятие представляет собой якобы развитие идеи Маркса о «самоотчуждении»⁷¹.

Макс Вебер предстает в изображении своих современных интерпретаторов как первооткрыватель «имманентной всем индивидуальным обществам тенденции к уничтожению индивидуальной свободы и к бюрократизации», которая объявляется присущей не только капиталистическому, но и еще в большей степени социалистическому обществу⁷². Поэтому возможность существования «социалистической общественной формы», теоретически включаемая Вебером в свои рассуждения, являлась для него по сути не более, чем боковым побегом буржуазной рационализации. Отсюда Вебер изображается ученым, явно «симпатизирующим» социализму, испытывающим большой интерес и уважение к рабочему классу и искренне сожалеющим о том, что К. Маркс не развил свои «гениальные догадки», а перешел к «демагогическим пророчествам»⁷³.

Надо сказать, что отдельные моменты деятельности Вебера могут дать при поверхностном подходе основания для заключений подобного рода. Он действительно испытывал большой интерес к рабочему и социал-демократическому движению. Так, в 1906 г. он посетил Маннгеймский съезд СДПГ, чтобы получить непосредственное впечатление о характере и целях партии. Характерно, однако, что самое благоприятное впечатление произвело на Вебера усиление оппортунистических тенденций среди руководства СДПГ, проявившееся на этом съезде. Оно укрепило его

⁶⁹ В 1920 г. Вебер планировал цикл лекций, посвященный «систематическому анализу социализма и марксизма», но смерть помешала осуществить это намерение.

⁷⁰ *Mommsen W. J. Universalgeschichtliches und politisches Denken bei Max Weber...*, S. 564.

⁷¹ *Löwith K. Max Webers Stellung zur Wissenschaft.*— In: *Vorträge und Abhandlungen.* Stuttgart, 1966, S. 230.

⁷² *Weber Max. Politische Schriften*, S. 331.

⁷³ *Weber Max. Wissenschaftslehre*, S. 167—168.

убеждение в «бесконечно большей, чем это казалось им самим, безобидности германских социал-демократов»⁷⁴. В 1908 г. Вебер резко выступал против широко практиковавшейся дискриминации социал-демократов при защите диссертаций в германских университетах, усматривая в этом помеху для процесса интеграции партии в существующую общественную систему. В период Ноябрьской революции 1918 г. Вебер принимал участие в заседаниях Гейдельбергского рабочего и солдатского Совета, положительно оценивая в письме к матери его «разумность и дисциплинированность»⁷⁵. Но одновременно Вебер самым недвусмысленным образом выступал против подлинно революционного авангарда германского пролетариата — спартаковцев и неоднократно призывал к их скорейшему разгрому⁷⁶.

Таким образом, тезис буржуазных историков о «симпатии» Вебера к марксизму нуждается в существенных коррективах. Его практическая деятельность свидетельствует о сочувствии не к марксизму как революционной идеологии пролетариата, а к его выхолощенному оппортунистическими лидерами германской социал-демократии варианту. Не случайно Моммзен с удовлетворением отмечает, что «революционный социализм имел для Вебера внутренний смысл только как морально-этическое поведение»⁷⁷. Когда же дело доходило до практического претворения социалистических идеалов в жизнь, сразу же со всей определенностью проявлялась истинная позиция Вебера, как известно присоединившего свой голос к пророкам неминуемого краха диктатуры пролетариата в Советской России⁷⁸.

Кажется удивительным, что после того, как история представляла неопровержимые доказательства жизнеспособности и постоянного укрепления реального социализма, буржуазные авторы все еще пытаются опереться на веберовскую диффамацию социалистического учения как «наивности и утопии». При этом они не могут идти иным путем, кроме фальсификации.

Повторяя тезисы Вебера о бюрократии как о «социальной функции» и даже неизбежном «социальном результате» современного развития, западногерманские авторы рассматривают бюрократию как обязательный признак любого государства, а «процесс бюрократизации как неизбежную судьбу»⁷⁹.

Реально существующие противоположные социально-экономические формации — социалистическая и капиталистическая ока-

⁷⁴ *Weber Max. Politische Schriften*, S. 22.

⁷⁵ *Ibid.*, S. 482.

⁷⁶ Подробнее о политическом поведении Вебера в этот период см.: *Данилов А. И.* Немецкие буржуазные историки «либерального направления...»

⁷⁷ *Mommsen W. J. Universalgeschichtliches und politisches Denken bei Max Weber*, S. 564.

⁷⁸ *Weber Max. Politische Schriften*, S. 325.

⁷⁹ *Die Lehre von der Gesellschaft. Ein Lehrbuch der Soziologie*. Stuttgart, 1958, S. 318—319.

зываются всего лишь двумя вариантами этого процесса бюрократизации, приобретающего, таким образом, качества центрального синдикатного элемента всемирно-исторического процесса.

Процесс «бюрократизации» при социализме изображается как подавление всякой свободы человеческой личности бездушной государственной машиной, ввергающей человека в «скорлупу крепостной зависимости»⁸⁰.

Что же касается капиталистического государства, то реально имеющее место усиление его гнета трактуется как фатально неизбежное явление, при котором «высококвалифицированная и высокодисциплинированная бюрократия... имеет тенденцию в процессе управления вмешиваться во все более широкие области частной и общественной жизни»⁸¹. Этот процесс вызывает определенную тревогу неолиберальных историков, отмечающих, что «механизирующие насилие индустриального общества вызывает романтическую реакцию протеста»⁸². Отсюда их стремление разработать такую концепцию, в которой было бы возможно каким-то образом совместить «сильную государственную власть» и демократию.

Именно в этих целях широкое распространение получает разработанная Вебером конструкция «трех чистых видов господства»: «рационального», основанного на вере в законность существующего строя; «традиционного», базирующегося на убеждении в нерушимости традиций; и «харизматического», представляющего власть личности, действующей на основе высших ценностей⁸³. Характерно, что в противовес процессу «бюрократизации» Вебер выдвигал на первый план как раз «третий вид господства», что позднее сыграло свою роль в попытках «легитимации» гитлеровской диктатуры в Германии. Поэтому учение Вебера о харизме явилось одной из немногих его концепций, подвергаемых критике со стороны западногерманских историков⁸⁴.

На первый план в современных условиях они выдвигают тип господства «рационального характера», в котором их особенно привлекает выдвинутая Вебером идея о конвергенции «свободной экономики и государственной бюрократии»⁸⁵. Иными словами, речь идет не о чем ином, как о научном обосновании законности системы государственно-монополистического капитализма, име-

⁸⁰ Mommsen W. J. Max Weber und die deutsche Politik, S. 113.

⁸¹ Die Lehre von der Gesellschaft..., S. 319.

⁸² Mommsen W. J. Die Geschichtswissenschaft in der modernen Industriegesellschaft, S. 10—11.

⁸³ Подробную характеристику «трех видов господства» у Вебера см.: Mommsen W. J. Max Weber.— In: Deutsche Historiker / Hrsg. von H.-U. Wehler. Göttingen, 1973.

⁸⁴ Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1957; Nolte E. Max Weber vor dem Faschismus.— Der Staat, 1963, Bd. 2.

⁸⁵ Schieder Th. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. München, 1958, S. 103.

нуемого западно-германскими историками «организованным капитализмом»⁸⁶.

То обстоятельство, что буржуазная общественная наука в лице ее безусловно талантливого и широко эрудированного представителя — Макса Вебера, равно как и его последователей, — не смогла создать общей методологии, способной противостоять историческому материализму, свидетельствует о кризисе буржуазного миропонимания в период империализма. С другой стороны, стремление Вебера и его некоторых современных интерпретаторов заимствовать отдельные марксистские категории и даже интегрировать элементы марксизма в буржуазную методологию подтверждает научную плодотворность этого учения, невозможность создания без учета его принципов достаточно серьезной целостной концепции исторического познания.

⁸⁶ Представление о понимании историками ФРГ этого явления можно получить из дискуссии на конгрессе Союза историков в Регенсбурге в 1972 г. См.: Bericht über die 29. Versammlung deutscher Historiker in Regensburg, Stuttgart, 1973, S. 27—29.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Л. Г. Сухотина

История русской революционно-демократической интеллигенции (ее происхождение, идеология, методы борьбы) является одной из наиболее активно исследуемых проблем в современной англо-американской русистике и советологии. Большая научная значимость и политическая актуальность этой темы определяются прежде всего настойчивым стремлением осмыслить (со своих классовых позиций) исторический опыт Октябрьской революции, причины и силы, ее свершившие, ибо время приносит все новые подтверждения ее непреходящего значения. Говоря словами известного американского историка Д. Биллингтона, «Если для мыслителя девятнадцатого века главной задачей было определить свое отношение к Французской революции, то для современного человека центральная задача состоит в оценке Русской революции»¹.

Хорошо известно, как именно буржуазная советология определяет свое отношение к величайшему событию XX в.: оно выражается в тезисах о насильственном захвате власти, верхушечном перевороте, в котором массы либо не участвовали, либо явились «жертвой» пропаганды «левых». Сведение существа революции к некоему «стилю борьбы», характерному для «революционной секты», которую якобы представляла собой русская интеллигенция, крайне характерно для современной буржуазной историографии².

В советологической литературе имеется значительное различие во взглядах на содержание самого понятия «интеллигенция». Ряд зарубежных авторов трактует его расширительно, включая в состав интеллигенции как представителей радикального, так и либерального крыла общественного движения. При этом либера-

¹ Цит. по статье: *Васюков В. С., Салов В. И.* Великий Октябрь и его буржуазные интерпретации.— В кн.: *Критика буржуазной историографии советского общества.* М., 1972, с. 15.

² *Black C. E.* Revolution, Modernization and Communism; *Thornton Th. P.* The Emergence of Communist Doctrine.— In: *Communism and Revolution: The Strategic Uses of Political Violence* / Ed. by C. E. Black, Th. P. Thornton. Princeton, 1964, p. 5, 47; *Pomper Ph.* The Russian Revolutionary Intelligentsia. New York, 1970, p. V.

дам отводится доминирующая роль по численности и силе влияния на общественное мнение страны³. Другие, напротив, сужают смысл этого понятия до значения синонима слова «нигилист», относя к интеллигенции прежде всего деятелей, проповедующих экстремистские, «антиобщественные» теории⁴.

В обоих случаях, однако, обращает на себя внимание стремление представить интеллигенцию в качестве некоей обособленной группы, связанной в единое целое общностью политических задач и идеологических позиций. Американский историк Д. Тредгольд считает, что интеллигенция может быть определена как «политически ориентированная часть образованного класса, занятая мыслью о том, что представляют собою государство и общество и какими они должны быть»⁵. Р. Пайпс отмечает, что интеллигенцию отличало «принятие общих идей»⁶. Д. Биллингтон выделяет в качестве важнейшей черты интеллигенции «страсть к философским обобщениям» и «чувство единства в общем стремлении к истине»⁷. Профессор Гарвардского университета М. Малиа видит отличительное свойство интеллигенции в «моральной страстности» и тяготении к жестким логическим заключениям в жизненной и теоретической практике. По его мнению, эти черты оказались связью более прочной, чем философские и социальные различия⁸. Наконец, английский исследователь Т. Самуэли, как бы подводя итог всем этим выводам, утверждает, что русская интеллигенция может быть определена как особая категория, связанная в одно целое не каким-либо социальным критерием, а принятием «общих моральных, этических, философских, социальных и политических ценностей, определенным практическим отношением к политической и социальной системе своей страны»⁹.

Доминирующей является тенденция представить интеллигенцию преимущественно в качестве деятелей радикального мышления и образа действий¹⁰. Мотив «интеллигенция и революция» является ведущим во всех рассматриваемых здесь работах. «Док-

³ *Fisher J.* Russian Liberalism. Cambridge, 1958, p. 116; *Elkin B.* The Russian Intelligentsia on the Eve of Revolution.— In: *The Russian Intelligentsia* / Ed. by Pipes R. New York, 1961. Б. Элкин утверждает, что к началу XX в. революционные группы составляли лишь незначительное меньшинство среди оппозиционно настроенной интеллигенции (*Elkin B.* Op. cit., p. 32).

⁴ *Tompkins S. R.* The Russian Intelligentsia. Makers of Revolutionary State. Norman: Oklahoma University Press, 1957, p. 211.

⁵ *Treadgold D. W.* Twentieth-Century Russia. Chicago, 1959, p. 33.

⁶ *Pipes R.* From the Other Shore.— Reprint from «Encounter», 1963, p. 2.

⁷ *Billington J. H.* Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford, 1958, p. 9.

⁸ *Malia M.* What is the Intelligentsia? — In: *The Russian Intelligentsia*. New York, 1961, p. 1, 12, 13.

⁹ *Szamuely T.* The Russian Tradition. London, 1974, p. 145.

¹⁰ Одним из первых, выдвинувших эту мысль, был меньшевик Ф. Дан, считавший, что при всех различиях во взглядах интеллигенцию объединяло нечто общее — «политический и социальный радикализм» (*Dan Th.* The Origin of Bolshevism. London, 1964, p. 49).

тринерство» в теории и «экстремизм» в практике выделяются в качестве ее наиболее ярких специфических черт¹¹. Подавляющее большинство авторов склонно считать русскую интеллигенцию настолько своеобразной социальной группой («классом»), что, как полагает С. Барон, ей невозможно даже найти «точной параллели» на Западе¹².

Зарубежными авторами настойчиво проводится мысль, что интеллигенция в России представляет собой некую обособленную социальную категорию, полностью изолированную от всех других слоев общества. Ее происхождение никоим образом не связывается с экономическими и социальными процессами, имевшими место в стране в рассматриваемый период. Характерны в этом плане рассуждения М. Малиа. Он решительно возражает против марксистского определения интеллигенции как общественной прослойки, формировавшейся по мере развития капитализма и призванной выполнять различные общественные функции, сопряженные с интеллектуальным трудом. Неправомерным и бездоказательным поэтому представляется ему ленинское определение пореформенной интеллигенции как «буржуазной» и «мелкобуржуазной», поскольку эпитет «буржуазный» противоречит-де той роли, которую ленинизм отводит интеллигенции как представительнице интересов пролетариата. Что же касается определения «мелкобуржуазный» в отношении к интеллигенции, то оно, по мнению Малиа, не соотносится с ролью интеллигенции в борьбе против феодальной аристократии, поскольку-де, согласно марксистской теории, мелкая буржуазия не может стоять в авангарде этой борьбы¹³.

Здесь мы сталкиваемся с типичным образчиком искажения марксистского определения природы интеллигенции как общественной группы и характерных для ее развития процессов. Роль интеллигенции закономерно вытекала из ее социального положения в обществе, находившемся на стадии разложения феодально-крепостнических и формирования капиталистических отношений. В качестве наемных работников умственного труда в условиях бюрократизации государственного аппарата и роста буржуазной эксплуатации она постепенно утрачивает свое привилегированное положение интеллектуальной элиты, попадая в зависимость от

¹¹ *Elkin B.* Op. cit., p. 32—33.

¹² *Baron S. H. Plekhanov. The Father of Russian Marxism.* Stanford (California), 1963, p. 3. Г. Бауман утверждает, что слово «интеллигенция», происшедшее от латинского «понимать», в России утратило свой первоначальный смысл, обретя совершенно новое, специфическое значение (*Bowman H. E. Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia.*— *The Slavic and East European Journal*, 1957, vol. 1, N 1, p. 5). Эта мысль по сути является перефразированным утверждением Дана о том, что слово «интеллигенция» является специфически русским и выразить его смысл на другом языке невозможно (*Dan Th.* Op. cit., p. 26).

¹³ *Malia M.* What is the Intelligentsia?, p. 6.

господствующих классов¹⁴. Ее знания и теоретические способности все более подчиняются классовым целям самодержавно-помещичьего государства и экономически крепнущей буржуазии. Интеллигенция становится объектом эксплуатации, что сближает ее с эксплуатируемыми классами, создает почву для формирования демократического мировоззрения у части ее представителей (прежде всего разночинцев), делая их выразителями народных чаяний и определяя таким образом классовый смысл их общественных позиций. Пестрота социального происхождения и относительная автономия интеллигенции приводят к тому, что в ее среде, как отмечают советские исследователи, «наиболее непосредственно» отражалась борьба общественных сил и мировоззрений, появились течения, свободные «от оков и штампов буржуазно-консервативной идеологии». В результате интеллигенция становится в буржуазном обществе «средоточием социальных драм и конфликтов»¹⁵.

Отказавшись от социального анализа в объяснении политического лица радикальной интеллигенции, англо-американские исследователи закономерно обращаются к поискам истоков ее идеологических позиций вне сферы классовых отношений. Ф. Помпер считает, например, что эти истоки следует видеть в чем-то более всеобъемлющем, чем социальная среда, а именно в «происхождении сознания» или в самом «импульсе к идеальному»¹⁶.

Справедливо подчеркивая, что радикальный слой вышедшей из дворян интеллигенции порывает с породившим его классом, не становясь выразителем его поместных интересов, и что, более того, в нем проявилось самосознание группы, стоящей вне дворянства и связанной воедино опытом, выходящим за рамки дворянского воспитания¹⁷, он оказывается не в состоянии объяснить этот разрыв. Помпер видит в нем лишь доказательство несостоятельности метода классового анализа, применяемого советскими исследователями, решительно заявляя, что попытки западных авторов использовать в изучении русской общественной мысли социальную психологию более плодотворны¹⁸. В историографической практике эти попытки приводят к психологизированным изыскам вокруг понятий отщепенства, «исключительности», будто бы харак-

¹⁴ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, с. 19.

¹⁵ Там же, с. 20; *Кон И. С.* Размышления об американской интеллигенции. — *Новый мир*, 1968, № 1, с. 176.

¹⁶ *Pomper Ph.* The Russian Revolutionary Intelligentsia. London, 1960, p. 9.

¹⁷ *Ibid.*, p. 6.

¹⁸ *Ibidem.* Следует отметить, что в современной буржуазной литературе Запада высказывается требование изъять из научного обихода сам термин «класс» на том основании, что вследствие якобы присущей ему «неопределенности» он не является общеприменимым и далеко не все социологи пользуются им для обозначения социальной реальности (*Class, Status and Power* / Ed. by R. Bendix, S. M. Lipset. New York, 1966, p. XVI, 201).

терных для российской интеллигенции, в чем усматривается один из основных импульсов ее революционности. Именно отчужденность интеллигенции от общества и государства, а не острота социальных противоречий обернулась, по логике «советологов», «трагедией» для обеих сторон — интеллигенции и государства, приведя к революции. Весьма типично в этом плане утверждение Г. Баумана, что история русской интеллигенции «есть история возрастания ее изоляции»¹⁹.

Этот тезис находит много сторонников. Широко пропагандируемый современными буржуазными исследователями, он призван сыграть вполне определенную роль: представить революционную интеллигенцию в конечном счете выразительницей своих собственных групповых интересов и тем самым доказать антидемократический характер революционной борьбы²⁰.

Путь, который прошла русская интеллигенция, в их изображении, от начала до конца был путем своеобразным, обусловленным особенностями исторического развития России и совершенно отличным от пути, пройденного интеллигенцией Запада²¹. По их мнению, с первых же шагов своего существования русская интеллигенция оказалась социально изолированной группой — обстоятельство, определившее весь строй ее мышления, ее нравственные и политические идеалы. Порой начало этого процесса «социальной изоляции» интеллигенции на Руси связывается уже с событиями раннего средневековья²². Американская исследовательница В. Билл утверждает, в частности, что на Руси средневековые города не являлись центрами сосредоточения промышленности и коммерции, а буржуазия и интеллигенция в России шли разными путями, в отличие от Европы, где якобы имел место гармонический рост и взаимная стимуляция этих двух тесно связанных между собою групп²³.

Однако более распространенным является другой взгляд, относящий формирование интеллигенции ко времени петровских пре-

¹⁹ *Bowman H. E.* Op. cit., p. 6.

²⁰ Ф. Степун считает, что социальная неоднородность интеллигенции является достаточно убедительным доказательством того, что она не представляла чьих-либо специфических интересов, а выражала «общепринятые идеалы» (*Stepun F. The Russian Intelligentsia and Bolshevism.* London, 1960, p. 268—269).

²¹ Такой подход хорошо согласуется с популярной в современной русистике Запада так называемой «евразийской теорией», согласно которой Россия сформировала особую, евразийскую культурную сущность, синтезирующую европейскую и азиатскую культуры, но в основу положившую элементы последней. Главной сферой выражения данной сущности являлась политическая мысль. (Подробнее см.: *Марушкин Б. И.* История и политика. М., 1969, с. 109—111).

²² *Pipes R.* The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia.— *Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Science.* 1960, Summer, p. 487; *Bill V. T.* The Forgotten Class. The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900. New York, 1959, p. 73; *Weeks A. L.* The First Bolshevik. A Political Biography of Peter Tkachev. New York, 1968, p. 11.

²³ *Bill V. T.* The Forgotten Class, p. 73, 203—204.

образований и связывающий ее происхождение с процессом культурной «вестернизации»²⁴. В общих чертах концепция «вестернизации» заключается в следующем. Когда русское самодержавие «втягивало» упирающуюся московскую знать в модернизированный европейский мир, оно и отдаленно не могло предвидеть, сколь пагубную дорогу открывало тем самым для особо наблюдательных элементов, знакомя их с формами политического устройства и образом мышления Запада. Эти знания и практикуемые Петром I насильственные методы внедрения западной техники, культуры и быта пробудили интерес образованной части общества к своему собственному национальному образу жизни. Они помогли увидеть не только отсталость России со всеми ее проявлениями, но и заметить в русском народе ряд позитивных черт, которые, как в чисто расистском духе заявляет английский «советовед» Л. Шапиро, являли собою в большей мере проекцию желаний и идеалов, нежели отражение реальности²⁵. Это своего рода «высокомерие отсталости» рождало надежды на то, что русские способны выработать свои собственные культурные ценности. С этого-де времени в России и начинается зарождение чувства национального самосознания, социальным выражением которого явилось формирование особой группы — интеллигенции²⁶. Таким образом, интеллигенция, являясь продуктом «вестернизации», с самого начала была не только наиболее образованным слоем русского общества (следствие приобщения к европейской культуре), но несла в себе критический заряд по отношению к существовавшим в России формам социального и политического устройства²⁷.

Эти изначально присущие русской интеллигенции характеристики поставили ее, как считают западные исследователи, в весьма своеобразное положение в общественной структуре России, отделив от верхов (правительства и дворянства) и от низов (широких народных масс). В дальнейшем социальное отчуждение интеллигенции якобы все возрастало по мере углубления «вестернизации». Оба процесса развивались в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Интеллигенция все более отдалялась от господствующего класса — дворянства, с которым ее соединяла лишь тонкая, ненадежная нить — привилегия образованности, постепенно

²⁴ См. например: *Walkin J.* The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia. New York, 1962, p. 101; *Baron S. H. Plekhanov...*, p. 3—4; *Billington J. H. Mikhailovsky and Russian Populism*, p. 7; *Pomper Ph.* The Russian Revolutionary Intelligentsia, p. 9, etc.

²⁵ *Shapiro L.* The Pre-Revolutionary Intelligentsia and the Legal Order.— In: *The Russian Intelligentsia*, New York, 1961, p. 19—20.

²⁶ *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1960, p. 5, 276; *Keep J. L.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 11.

²⁷ Кин утверждает, в частности, что именно «любовь» интеллигенции к «западному стилю образования» открыла ей глаза на недостатки внутреннего устройства России и тем самым пробудила в ней естественную склонность к радикализму (*Keep J. L. Op. cit.*, p. 11).

утрачиваемая дворянством с пополнением рядов интеллигенции разночинцами. В то же время социальное происхождение большей части интеллигенции, ее образованность и жизненный стиль отдаляли ее и от простого народа, т. е. от самих «корней русской жизни»²⁸.

Социальная изоляция русской интеллигенции, по мнению англо-американских исследователей, определила всю дальнейшую ее судьбу, обусловив специфические, характерные черты. Порождая «всепоглощающее чувство отчужденности», она якобы придала интеллигенции «особую уникальную индивидуальность», непохожесть ее на интеллигенцию Запада²⁹. Вершиной идеалистических упражнений советологов можно считать утверждение, будто русская интеллигенция вообще-де была лишена каких бы то ни было материальных интересов, способных ограничить ее революционный пыл³⁰.

Это своеобразие русской интеллигенции, как и возникшая под влиянием «вестернизации» склонность ее к радикализму, возросли и упрочились на протяжении первой половины XIX в. под влиянием опять-таки «чужих ветров» западных доктрин, еще более расширивших и обостривших чувство ее социальной изоляции³¹. Малиа, связывая момент окончательного формирования интеллигенции в России с периодом правления Николая I, видит решающий признак этого процесса в том, что она-де целиком погрузилась в мир идей³².

Концепция «вестернизации» обладает, несомненно, большой долей привлекательности для современных буржуазных исследователей. Постулируя зависимость русской общественной мысли от западноевропейских «образцов», она призвана доказать творческую неспособность русских к основанному на реальной оценке решению встававших перед страной общественных задач и в очередной раз попытаться убедить своего читателя в «иррациональности» революционного пути. Вместе с тем концепция «вестернизации» приводит современную буржуазную историографию к серьезным противоречиям. Положение о теоретической зависимо-

²⁸ Bowman H. E. Op. cit., p. 10.

²⁹ Malia M. What is the Intelligentsia?, p. 5.

³⁰ Szamuely T. The Russian Tradition, p. 146.

³¹ Р. Пайпс выделяет в процессе «вестернизации» два качественно отличных типа: «культурный», связанный с «принятием» европейского образа жизни (XVII — XVIII вв.), и «философский» — заимствование общественных идей и теорий Запада (первая половина XIX в.). (Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia, p. 487).

³² Malia M. What is the Intelligentsia?, p. 9. Фокусируя внимание на чувстве социальной изоляции, как наиболее характерной черте интеллигенции, Малиа склонен на этом основании считать, что декабристов нельзя причислять к интеллигенции, поскольку при всей их оппозиции к существовавшему строю они не порвали с государством, продолжая занимать государственные должности (Ibidem).

сти радикальной русской мысли от передовых теорий Запада логически приводит к отрицанию тезиса об «уникальности» и «исключительно русском» характере революционного движения в России³³, что совершенно не соответствует политическим целям антикоммунистических доктрин — доказать национальную исключительность большевизма.

Пытаясь выйти из этого логического тупика, англо-американские исследователи проявляют особое внимание к теме западного влияния, внося в ее трактовку определенные коррективы и дополнения, не касающиеся, однако, существа ее содержания³⁴. Все более укрепляется «сбалансированный» подход к проблеме «вестернизации», суть которого заключается в том, что влияние европейской культуры и общественной мысли трактуется не как слепое заимствование или некритическое подражание, но как чрезвычайно сложный процесс культурной «имитации». Согласно утверждению, например, Б. Вольфа, идейные и культурные влияния не есть простая трансплантация готовых систем на чуждую им почву: «Не только институты, но идеи и доктрины претерпевают радикальные изменения при их заимствовании»³⁵.

В этих его рассуждениях легко различимы чисто расистские нотки. Согласно его утверждениям, в странах Запада, отличающихся сложной социальной структурой (автор называет их «плюралистическими»), инациональные идеи усваиваются творчески, без каких-либо ограничений, во взаимодействии с другими противоречащими им идеями и теориями. В России же чужие теории заимствуются выборочно, кое-как, в отрыве от всего многообразия идейных связей и поэтому де обретают самодовлеющий характер. Эти теории, как считает Вольф, «в буквальном смысле владеют теми, кто думает овладеть ими»³⁶. Причину этого он

³³ Это обстоятельство давно подмечено в западной историографии. Известный английский специалист в области русской общественной мысли Р. Хэйр пишет, что лишь идеологи самодержавия («тупые русские патриоты») пытались утешить себя, представляя революционеров чуждыми национальной почвой, «несчастными жертвами» разлагающего влияния Запада (*Hare R. Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution*. New York, 1959, p. 17).

³⁴ Попытка, предпринятая американским исследователем Т. Андерсоном (*Anderson Th. Russian Political Thought: An Introduction*. New York, 1967, p. 444), пересмотреть утвердившийся в современной буржуазной литературе взгляд о преобладающем влиянии Запада на русскую политическую мысль не получила поддержки в среде англо-американских историков. Основной вывод автора о решающей роли греко-монгольской традиции в политическом мышлении России отвергается как «искусственное построение», являющееся «грубой поправкой» к теории «вестернизации», а сама книга Андерсона квалифицируется как исследование, в котором недостатков больше (и они весомее), чем достоинств. (См.: *Canadian Slavic Studies*, 1968, vol. II, N 4, p. 602).

³⁵ *Wolf B. D. Backwardness and Industrialization in Russian History and Thought*. — *Slavic Review*. 1964, vol. XXVI, N 2, p. 184—185.

³⁶ *Ibidem*.

усматривает в «несложности» социальной структуры России, в отрыве российских интеллектуалов от реальной жизни³⁷.

М. Малиа пытается обосновать этот тезис, анализируя влияние известного немецкого поэта и мыслителя Фридриха Шиллера на русскую общественную мысль 30—40-х годов XIX в. Отводя Шиллеру необыкновенно большую роль в формировании «ранней русской левой» (В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, А. И. Герцен), он утверждает, что влияние взглядов Шиллера было столь велико, что не только определило отношение Герцена к буржуазным порядкам Запада и его разочарование в революции 1848 г. во Франции (не воплотившей в жизнь шиллеровские идеалы), но и объясняет, почему либеральные институты Англии, которые Герцен имел возможность так долго наблюдать, не произвели на него должного впечатления. Все дело оказывается в том, что те, кто находился под чарующим впечатлением шиллеровских идей, уже не могли довольствоваться требованиями одной политической свободы³⁸.

Столь значительное влияние Шиллера, по мнению Малиа, объясняется тем, что характерный для него эстетический идеал «прекрасной души» («die schöne Seele») был-де близок «широкой натуре» русского человека. Именно поэтому русские радикальные мыслители находили абстрактное, не относящееся к какой-либо социально-политической реальности «немецкое» определение свободы более приемлемым и родственным, чем, например, «французское» или «английское»³⁹.

Итак, «сбалансированный» подход к проблеме «вестернизации» России вовсе не выходит за рамки положения о механическом заимствовании русскими чужих идей и теорий. Тезис о внутренней подготовленности страны к их усвоению не имеет ничего общего с признанием общественных потребностей, обусловленных уровнем социально-экономического развития, и сводится фактически к рассуждениям о том, что каждая нация тяготеет к своему специфическому комплексу идей. Для России этот комплекс включал-де в себя склонность к утопизму, абстрактным идеалам.

³⁷ Говоря о влиянии «духа мятежной Франции» на воображение «бессильной русской интеллигенции», Вольф замечает, что «с тех пор, как в старой России только начинали мечтать и в мечтах не думали о последствиях, уже не было причин воздвигать прозаические ограничения в своих мечтах» (Ibid., p. 178).

³⁸ *Malia M. Schiller and the Early Russian Left.*— In: *Russian Thought and Politics*, Harvard Slavic Studies. Cambridge, vol. IV, 1957, p. 197.

³⁹ Однако, оговаривается он, между русскими и немцами все же сохранилось «существенное различие»: ведь именно немцы создали великие идеалы, русские же просто заимствовали эти идеалы, так и не ставшие им родными. (Ibid., p. 199, 200). По мнению Р. Даниельса, русская интеллигенция в течение десятилетий была подготовлена к тому, чтобы «самоотверженно» следовать «каждой новой радикальной или утопической идее, приходящей из Европы» (*A Documentary History of Communism from Lenin to Mao* / Ed. by R. Daniels. New York, 1960, p. XXVII).

В тех случаях, когда буржуазные авторы считают необходимым дополнить «психологический» компонент своих теорий «социологическим», это также оказывается весьма далеко от научного подхода. Фактически, согласно концепциям буржуазных историков, в российском обществе вообще не было почвы для каких-либо социальных или экономических конфликтов, ибо все составлявшие его «сословия» были-де «конституированы» сверху, государственной властью. Единственная оппозиция могла иметь место лишь в сфере «духовного» — отсюда и роль интеллигенции как единственного якобы выразителя идеи протеста⁴⁰. Однако этот протест трактуется не только как беспочвенный, но и вдобавок имевший, по утверждению американского советолога А. Мейера, «в высшей степени догматический и безответственный характер»⁴¹. Сформировавшиеся в ходе этого протеста требования свободы сводились-де к идеалу «свободы от реальности, от практической деятельности, от связи с обществом», свободы от «каких-либо ограничений в спекуляции и догматизме»⁴². Интеллектуальные же искания «среди философских систем Запада» еще более способствовали погружению интеллигенции в мир идей, и, по мнению Хаймсона, отдаляли ее даже от опыта собственных чувств. Внутренний мир интеллигента становился заброшенным и неустроенным. Наступал разрыв между его интеллектом и чувством, «между представлением о себе и действительным характером его личности и существования». Таким образом, «социологизированный» подход оборачивался вновь типично фрейдистскими упражнениями по части «раздвоения» личности⁴³.

Ясно, зачем понадобилось отрывать деятельность революционно-демократической интеллигенции от социально-экономических процессов и классовой борьбы в России. Политическая подоплека легенды о «социальной изоляции» интеллигенции очевидна — доказать якобы «волютаристский», «антидемократический» характер деятельности русских революционеров. При этом даже не скрывается, что в конечном счете речь идет о дискредитации марксистов, большевиков, В. И. Ленина⁴⁴.

Рассуждения авторов об узком круге сил отчужденной от об-

⁴⁰ Р. Пайпс утверждает, что вследствие длительных и прочных «традиций государственности» в России борьба за политические и гражданские свободы «не становилась функцией социальных или экономических интересов, но велась лишь с позиций образования и культуры» (*Pipes R. From the Other Shore*, p. 2).

⁴¹ *Mayer A. Leninism*. Cambridge, 1957, p. 20.

⁴² *Wolf B. D. Baskwardness and Industrialization in Russian History and Thought*, p. 178. Р. Даниельс утверждает, что, поскольку культурные и интеллектуальные слои России никогда не имели возможности развиваться естественно и свободно, они всегда пребывали в неестественном отношении к остальному обществу (*Daniels R. V. Russia*. Englewood Cliffs, 1964, p. 45).

⁴³ *Haimson L. H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass., 1955, p. 7.

⁴⁴ *Bowman H. E.* Op. cit., p. 12—13.

щества революционной интеллигенции преследуют еще одну явно различимую цель — обосновать мысль об особо прочной идейной преемственности, свойственной русской интеллигенции, обусловившей ее якобы «мессианский» характер⁴⁵. Тезис о строгой идейной преемственности и узкой замкнутости интеллигенции дает основание буржуазным авторам утверждать, что возникавшие в России демократические идеалы вовсе не являлись прямым отражением тяжелого положения масс, а были всего лишь результатом самоанализа «относительно привилегированных личностей». Полагая себя воплощенным сознанием нации и испытывая «крушение чувства собственного достоинства», они, как отмечают, в частности, М. Малиа и Ф. Помпер, вывели абстрактный «идеал достоинства всех людей»⁴⁶. Вновь явная и довольно примитивная попытка переноса фрейдистского психоанализа с его понятием «фрустрации» на почву исторической науки!

Завершающим этапом в формировании интеллигенции, по мнению западных исследователей, стали 60—70-е годы XIX в., когда началась история «постоянной конспиративной деятельности» и когда сложилась не только «определенная доктрина», но и «боевая организация»⁴⁷. Заметим, что большинство буржуазных исследователей Запада считает неприемлемым объяснение активизации революционной борьбы взрывом недовольства масс, неудовлетворенных полукрепостническим характером крестьянской реформы, и выдвигает в качестве более «вероятной» причины революционного подъема «нетерпение», вызванное в среде интеллигенции самим фактом реформ. Наиболее распространенной является точка зрения М. Карповича⁴⁸, суть которой заключается в том, что утратившая-де чувство реальности русская интеллигенция оказалась неспособной понять целесообразность постепенных преобразований и, руководствуясь соображениями ложно понятого долга, «не желала ждать»⁴⁹.

Есть и другая, еще более «психологизированная» версия. Так, Л. Шапиро считает, что интеллигенция была слишком отчуждена от существовавшего порядка, чтобы принять реформы даже с поправками, ибо это означало в конечном счете «идти вме-

⁴⁵ По мнению Л. Хаймсона, опыт показывает, что преемственность для русской интеллигенции «более характерна», чем для какой-либо другой подобной группы в истории Запада (*Haimson L. H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*, p. VI).

⁴⁶ *Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism*. New York, 1965, p. 421; *Idem. What is Intelligentsia?*, p. 5; *Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia...*, p. 6.

⁴⁷ *Daniels R. V. Russia*, p. 39.

⁴⁸ Подробнее о его концепции см.: *Панкратова М. Г.* Об одном «объективном историке». — Вопросы истории, 1960, № 10, с. 197—198. *Karpovich M. Imperial Russia. 1801—1917*. New York, 1932, p. 47.

⁴⁹ *Karpovich M.* Op. cit., p. 43—44. Т. Самуэли, разделяя эту мысль, пишет, что на реформы возлагалось слишком много надежд, чтобы они могли произвести что-либо, кроме чувства разочарования (*Szamuely T. The Russian Tradition*, p. 228).

сте с самодержавием». В создавшейся ситуации «единственная альтернатива» заключалась в том, чтобы совершенно уничтожить его. Поэтому 1861 год стал «новым водоразделом в политическом мышлении XIX века»⁵⁰.

Со своей стороны, А. Гершенкрон, также выделяя 1861 год как некий «разделительный барьер», видит специфику последовавшего развития в особенно быстром увеличении «разрыва» между идеями и реальностью, между интеллектуальным и экономическим развитием страны⁵¹. Отношение к крестьянской реформе, считает он, особенно наглядно свидетельствует о том, что радикальная интеллигенция не понимала ее «прогрессивного значения». То что русские демократы вместо того, чтобы одобрить ее и отдаться практическим задачам капиталистического переустройства российского общества, занялись проповедью социалистической доктрины,— это, по его мнению, лишнее доказательство неспособности русской интеллигенции понять и принять задачи экономического развития страны. В рассуждениях Гершенкрона убедительно продемонстрирована несостоятельность попыток буржуазных авторов «отлучить» революционеров от общества, отказать им в связи с интересами крестьянства, в данном случае — с его неудовлетворенностью крестьянской реформой. Как раз требования социалистических преобразований не опровергают, а подтверждают эту связь. Революционеры-демократы видели «социализм» в освобождении крестьян с землею⁵². В их представлении идея социализма наиболее адекватно выражала крестьянское требование «черного передела», за которым крылось фактически требование национализации земли — самая радикальная буржуазно-демократическая мера в условиях пореформенной России. Утопическая по своей сути, идея социализма в их понимании, как подчеркивает В. И. Ленин, наиболее полно отражала идею «права на землю» и «уравнительного раздела земли»⁵³.

Основное содержание рассмотренных нами концепций заключается в том, что позиция интеллигенции, ее требования и акции не соотносятся авторами с задачами общественного развития страны. Они изображаются как некие абстрактные, «общепринятые идеалы», не выражающие «специфических интересов» какой-либо общественной группы. Это обстоятельство, как утверждает Э. Ламперт, характерно для тех стран, в которых «демократия не имеет традиций»⁵⁴.

⁵⁰ *Shapiro L. Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth Century Political Thought.* New Haven; London, 1967, p. 98.

⁵¹ *Gerschenkron A. The Problem of Economic Development in Russian Intellectual History of the Nineteenth Century.*— In: *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*/Ed. by E. L. Simmons. Cambridge, 1955, p. 37.

⁵² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.*

⁵³ Там же, 257—258.

⁵⁴ *Lampert E. Sons against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution.* Oxford, 1965, p. 87.

Мы не найдем в работах рассматриваемых авторов положения о кризисе феодально-крепостнических отношений, о подъеме массового народного движения во второй четверти XIX в., об активизации борьбы крестьян в ответ на реформу. Редкие упоминания о неудовлетворенности крестьян Положениями 19 февраля 1861 г. и об усилившейся пролетаризации крестьянства пореформенного периода встречаются лишь постольку, поскольку авторы оказываются перед необходимостью объяснить «сочувствие» интеллигенции народу.

Позиция буржуазных исследователей вызывает у некоторых историков Запада справедливые сомнения в ее научной значимости. Американский исследователь Д. Брауэр в статье «Проблемы русской интеллигенции» выражает неудовлетворенность тем, что современная американская историография революционного движения в России (как и русская либерально-буржуазная) страдает «явным недостатком объективности» и «отсутствием какой-либо реальной научной методологии»⁵⁵. Его не устраивает изображение интеллигенции как только воплощение определенных интеллектуальных или психологических данностей⁵⁶. Он полагает, что действительно научный подход требует социального анализа. Однако из его дальнейших рассуждений видно, что метод социального анализа он понимает вульгарно-механически, как жесткую однолинейную зависимость идеологических позиций мыслителя от класса, с которым он связан своим происхождением. В результате Брауэр попадает в логическую западню, им самим воздвигнутую. Он приходит к тому заключению, от которого пытался отмежеваться, — заключению о необходимости рассматривать интеллигенцию как некую социально изолированную группу.

Такая же участь постигает и других авторов, пытающихся выйти в некоторых частных наблюдениях и выводах за пределы доминирующих в буржуазной историографии тенденций в оценке места и роли революционной интеллигенции. Так, английский исследователь Э. Лэмперт пишет о значительных качественных сдвигах в пореформенной русской интеллигенции в сравнении с предшествующим временем: об изменении ее социального статуса и положения, убеждений и образа мысли. Он правильно отмечает, что революционеры этого периода были людьми нового типа, более радикального стиля жизни, в котором интеллектуальная деятельность не являлась чем-то обособленным от их общественной роли, но, напротив, была подчинена ей⁵⁷. Тем не менее в своих рассуждениях Лэмперт не выходит за рамки общепринятой в буржуазной историографии концепции о социальной отчужден-

⁵⁵ *Brower D. R. The Problem of the Russian Intelligentsia.— Slavic Review, 1967, vol. XXVI, N 4, p. 640.*

⁵⁶ Такой подход, считает он, приводит к вычленению только идеала этического (*Ibidem*).

⁵⁷ *Lampert E. Op. cit., p. 86.*

ности интеллигенции. Отмечая, что радикальная интеллигенция была занята почти исключительно общественными проблемами, он считает это парадоксальным, поскольку она, по его мнению, являла собой социальную группу, стоящую вне общества (!) ⁵⁸.

Эти примеры — убедительное свидетельство того, как буржуазная историческая мысль кружит в плену своих собственных ненаучных представлений. Как следует из рассмотренных здесь концепций, их общим методологическим пороком является игнорирование связи политической и идейной борьбы с задачами и уровнем социально-экономического развития. Авторы ограничивают революционные цели интеллигенции лишь сферой политических или правовых отношений. Подобный подход к трактовке задач революционного движения вытекает из абстрактного понимания буржуазной социологией истории общества, развитие которого представляется не как радикальная ломка устаревших форм собственности, но как эволюционный процесс количественных изменений в производстве материальных благ. В результате «теряется грань между революционным скачком, знаменующим глубокие социально-экономические преобразования, и политическими переворотами, не вносящими никаких радикальных перемен в общественную жизнь» ⁵⁹.

Концепции современных буржуазных исследователей не несут в себе ничего принципиально нового. В их генетической основе лежит эклектический сплав идей, издавна присущих дореволюционной русской буржуазной историографии, в котором доминирует «веховское» направление. Мы встречаемся здесь с рядом методологических положений, развитых П. Н. Милюковым. Это прежде всего тезис о детерминированности всего процесса исторического развития России государственным началом и сведение исторических закономерностей к «закономерностям психологическим» ⁶⁰. В конкретных же выводах и наблюдениях прослеживаются типично «веховские» трактовки. Так, совершенно очевидно влияние тезиса М. О. Гершензона о том, что русская интеллигенция «ведет свою родословную» от петровской реформы, которая, «навязав» верхнему слою общества множество «драгоценных», но «чувственно еще слишком далеких идей», «механически расколола в нем личность», освободив сознание от контроля воли, и тем самым обрекла ее на «чудовищные заблуждения» ⁶¹.

Нельзя не узнать здесь также вариации мысли С. Н. Булгакова об «отраженном влиянии» полицейского режима на психологию

⁵⁸ Ibid., p. 87.

⁵⁹ Красин Ю. А. Революцией уstraшенные: Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975, с. 35, 37.

⁶⁰ Милюков П. И. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1900, ч. 1, с. 10.

⁶¹ Гершензон М. Творческое самосознание. — В кн.: Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кнстяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. М., 1909, с. 79.

русского интеллигента, его «судьбу», «душу» и «миросозерцание»⁶², и, наконец, утверждения Н. А. Бердяева о том, что вся философия русской интеллигенции есть не что иное, как «сплошная, выработанная нашей историей, аберрация сознания»⁶³.

Близость идей и выводов современной англо-американской буржуазной историографии с положениями «Вех» не случайна. «Веховство» выразило идеологию русской буржуазии периода развитого демократического и пролетарского движения, когда отчетливо выявилась ее «имманентная контрреволюционность»⁶⁴. Эта политическая позиция и сближает «веховство» с современной реакционной буржуазной идеологией.

Таким образом, проблема русской революционно-демократической интеллигенции не нашла в современной буржуазной историографии подлинно научного решения, несмотря на интенсивную исследовательскую работу, которая ведется в этом направлении. Буржуазные историки оказались неспособными понять ни генезис интеллигенции, ни ее действительное место и роль в современном ей обществе. Объясняется это прежде всего концептуальной ограниченностью буржуазной историографии. Это, а также стремление извратить действительную природу Октябрьской революции, доказать ее якобы «антидемократический», заговорщический характер обусловили своеобразную оценку буржуазными авторами русской революционно-демократической интеллигенции, оценку, противоречащую фактам ее истории.

⁶² *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество.— Там же, с. 38.

⁶³ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда.— Там же, с. 20.

⁶⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 13.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ КАК ИСТОРИК

И. С. Яжборовская

Юлиан Мархлевский (1866—1925 гг.), видный деятель польского, германского и международного рабочего движения, был ученым с разносторонними интересами в области гуманитарных наук, среди которых значительное место занимал интерес к историческим исследованиям.

Как марксист, он формировался в обстановке быстрого развития и созревания польского революционного рабочего движения в конце XIX в. Началом пути Мархлевского к овладению марксистской методологией можно считать его участие (с 1885 г.) в связанном с первой польской марксистской рабочей партией «Пролетариат» (1882—1886 гг.) молодежном революционном кружке в Варшаве, когда он, — тогда юный гимназист — принимал активное участие в теоретических дискуссиях. Первоначально с основными положениями «Капитала» Маркса участники кружка ознакомились по популярной брошюре «Кто чем живет» Ш. Дикштейна («Млота»), которая представляла собой одно из первых марксистских изданий, распространявшихся партией «Пролетариат». Первый том «Капитала» попал в руки участников кружка в 1887—1888 гг., и Мархлевский тщательно проштудировал его. Чтение Маркса в оригинале было облегчено для него знанием немецкого языка, который (наряду с польским) был его родным языком: его мать была немкой и оба языка в семье знали с детства.

Участники кружка стремились к знакомству с русской революционной литературой, читали «Что делать?» Н. Чернышевского, издания народолюбцев. Они были в курсе борьбы марксистов с народничеством и легальным марксизмом. О позиции Мархлевского работавший тогда в том же кружке А. Варский, впоследствии видный деятель Коммунистической партии Польши, писал: «Мархлевский встал целиком на сторону марксизма, и когда примерно в это самое время в наши руки попали брошюры Плеханова «Со-

циализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», Мархлевский стал решительным социалистом-марксистом»¹. Материалистическое мировоззрение стало основой его исследовательской деятельности в области исторической науки, особенного интереса к изучению социально-экономических отношений.

Вначале внимание Мархлевского привлек комплекс проблем функционирования современного общества, его структура, свойственные ему антагонизмы. Стараясь разобраться в процессах и закономерностях развития капитализма, осмыслить историческую миссию пролетариата, значение и формы классовой борьбы, Мархлевский вряд ли тогда думал о чисто научной разработке этих проблем, не намереваясь стать ученым. Он решительно отказался от продолжения образования и поступил на фабрику рабочим-красильщиком, чтобы подготовить себя к деятельности профессионального революционера, глубже познакомиться с условиями жизни пролетариата и научиться руководить его повседневной борьбой. Он работал в рядах партии «Пролетариат», стал одним из руководителей польского рабочего движения в момент перехода к непосредственной организации сил рабочего класса для экономической и политической борьбы. Он был создателем и руководителем «Союза польских рабочих», который подготовил основы для возникновения революционной социал-демократической партии в Польше. В то же время Мархлевский не прекращал изучения научной литературы. Направление теоретических исследований подсказывалось необходимостью научного обоснования программы партии и сопровождалось углубленной переработкой исторических взглядов на базе строгой системы марксистских научных понятий и принципов, овладением марксистским принципом научного историзма.

О формировании его научных интересов и о серьезности подготовки свидетельствует тот факт, что, будучи вынужден выехать из Польши, он поступил в мае 1893 г. на отделение политических наук университета в Цюрихе и через три года (в 1896 г.) защитил докторскую диссертацию по теме «Учение физиократов в Польше»². Она была посвящена рассмотрению влияния французского Просвещения и французской классической политэкономии на идеологию господствующих классов шляхетской Польши второй половины XVIII в. Автор, указав на ограниченность создателей и сторонников теории «чистого продукта», говорившей о том, что «новые ценности создаются только землей» (Кенэ, Тюрго и др.), показал, как, проникнув в Польшу с ее застойностью феодальных отношений, их идеи нашли своих приверженцев (А. Поплавский, И. и В. Стройновские) и критиков, впрочем непоследовательных (Г. Коллонтай). Мархлевский показал влияние идей фи-

¹ *Warski A. Wybór pism i przemówień.* Warszawa, 1958, t. 2, s. 271.

² *Marchlewski J. Der Physiokratismus in Polen.* Zürich, 1896; *Мархлевский Ю.* Соч. М.; Л., 1931, т. IV, с. 31—148.

зиократов на польских реформаторов, пытавшихся ограничить произвол дворянства и духовенства, воздал должное деятелям польского просвещения, отметив в то же время их ограниченность. Работа содержала так же критический очерк отношения современных буржуазных политэкономов к физиократам. По сути дела это был первый в польской историографии образец марксистского подхода к сложному комплексу общественно-экономических проблем: автор показал закономерную зависимость экономических теорий от социально-экономических отношений, от расстановки классовых сил (специальные разделы его работы были посвящены закреплению крестьянства и характеру феодальных отношений, развитию городов, польским политическим партиям, идейным течениям и т. п.), рассматривая при этом в диалектической связи различные формы экономической, политической и идеологической борьбы. К этому времени Мархлевский уже прочно стоял на позициях исторического материализма. Публикуя в «Пшегленде познаньском» в течение 1895 г. заметки «Из экономической жизни»³, он раскрывал в них значение исторического материализма для исследования социально-экономических явлений.

Параллельно с работой над диссертацией, Мархлевский подготовил для печати две исторические статьи. Одна из них — «Конституция 3 мая 1791 года»⁴ — была написана в связи с выходом в свет очередного, IX тома исторических сочинений ксёндза В. Калинки, в котором события конца XVIII в. трактовались субъективистски, идеалистически, с элементами апологетики короля Станислава Августа. Подвергая концепцию Калинки справедливой и глубокой критике, Ю. Мархлевский показывает всю губительную ограниченность политики польского дворянства, направленной исключительно на сохранение крепостничества и обусловившей бессильную половинчатость конституции 3 мая 1791 г., что привело в конечном итоге к полной ликвидации независимости страны. Характеризуя реальные социально-экономические отношения эпохи, Мархлевский совершенно определенно охарактеризовал методологию книги Калинки: «Мы полагаем, что метод, избранный историком, заставляющий его единственную пружину исторических фактов искать в частностях и все основывать на мимолетных политических комбинациях, направил его по ложному пути»⁵.

Новый, переработанный вариант этой статьи был подготовлен автором для теоретического органа немецких социал-демократов⁶. Автор расширил аргументацию классовой ограниченности политики шляхты и подкрепил этот тезис глубоким анализом ис-

³ *Przegląd poznański*, 1895, № 3, s. 27—29; № 4, s. 40—41; № 16, s. 183—185; № 17, s. 198—199; № 37, s. 439—440; № 39, s. 436—464.

⁴ *Ibid.*, N 36, s. 421—424; *Мархлевский Ю.* Соч. М.; Л. 1931, т. VI, с. 146—157.

⁵ *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 156.

⁶ *Die Neue Zeit*, 1897, № 48; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 131—245.

тории аграрных отношений в период становления и развития феодализма в польских землях, а также истории польско-русских отношений в XVIII в. Эти две статьи, фактически представляющие единую работу, впервые давали марксистское освещение одного из важнейших этапов жизни польского народа.

Вплоть до революции 1905—1907 гг. и после ее поражения Мархлевский жил в Германии и активно сотрудничал в немецкой и польской социал-демократической печати. В это время он отдавал предпочтение экономическим сюжетам — политэкономии и конкретной экономике — и получил известность как экономист-марксист. Немецкие социал-демократы поручили ему в 1895 г. отрецензировать III том «Капитала» К. Маркса. Рецензия была опубликована в газете «Форвертс»⁷. В 90-е годы XIX в. и в начале 900-х годов Мархлевский написал сотни статей и заметок, посвященных критике различных направлений буржуазной политэкономии, анализу процессов формирования германского империализма: концентрации капитала, созданию картелей, росту цен и усилению эксплуатации, развития милитаризма и т. д. Он отмечал разрывывание кризисных явлений в немецкой экономике, обратив особое внимание на процессы эволюции капиталистических отношений в земледелии. В поле его зрения постоянно были исконные польские земли, находившиеся под властью Германии, которым он посвятил немало статей, показывавших тягостную картину усугубления капиталистической эксплуатации национальным гнетом.

Его теоретические обобщения тесно увязывались с потребностями политической борьбы. В ряде статей он указывал на усиление эксплуатации пролетариата, на несправедливое распределение национального дохода, на обострение классовой борьбы, на рост стачечного движения. Считая популяризацию марксизма в рабочем классе одной из важнейших задач, Мархлевский издает в 1902 г. популярную работу «Политическая экономия и чему она учит»⁸, переведенную затем на ряд языков, в том числе на русский, и выдержавшую несколько изданий.

Забегая несколько вперед, отметим, что результатом анализа закономерностей общественно-исторического развития в эпоху империализма явилась работа Мархлевского «Империализм или социализм?», вышедшая из печати в 1912 г.⁹ В этой книге автор, ранее положительно откликнувшийся в печати на работу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», отметив в то же время ряд ее ошибок, касавшихся анализа империализма¹⁰, рассматривает им-

⁷ Vorwärts, 1895, Jan. 25, 27; Febr. 13.

⁸ *Ekonomia polityczna, czym jest i czego uczy*. Warszawa, 1902. Первое русское издание: Что такое политическая экономия и чему она учит. СПб., 1905.

⁹ *Imperialismus oder Sozialismus?* Berlin, 1912. См.: *Мархлевский Ю.* За что и как бороться? М., 1959, с. 1—12.

¹⁰ *Тых Ф., Шумахер Х.* Юлиан Мархлевский: Биографический очерк. М., 1969, с. 229, 232.

периализм как стадию в развитии капитализма и как канун пролетарской революции, а не просто как специфическую политику монополий. В своих работах он приблизился к ленинскому взгляду на сущность империализма, хотя ему еще не удалось достаточно полно охарактеризовать все отличительные черты высшей стадии капитализма.

В числе разрабатываемых Мархлевским проблем уже в конце 90-х годов XIX в.— начале 900-х годов все чаще появляется аграрный вопрос. Отдельные заметки о пролетаризации крестьянства, об аграрных магнатах Верхней Силезии и т. д.¹¹ сменяются циклами статей («Общественные отношения в Познанском княжестве в свете статистики»¹², «Странствующие рабочие в сельском хозяйстве»¹³ и др.). В 1901 г. Мархлевский дополняет собранный в библиотеках материал собственными наблюдениями, предприняв путешествие на велосипеде по Галиции, Баварии, Чехии, Моравии и Силезии. Расслоение деревни, повсеместную нищету и массовые миграции населения из отсталой аграрной Галиции он описывает в серии заметок на страницах варшавского журнала «Правда» и немецкого социал-демократического издания «Нойе Цайт». Материал, касающийся захваченных Пруссией польских земель, ложится в основу исследования «Социально-экономические отношения под прусским господством», которое выходит из печати во Львове в 1903 г.¹⁴ На обширном статистическом материале с привлечением существовавшей тогда небогатой литературы автор обстоятельно проанализировал экономическую историю этих земель: проблемы народонаселения, классовый состав общества, состояние сельского хозяйства и тенденции развития капитализма, промышленное развитие и торговлю во второй половине XIX в. Он детально воссоздал картину того процесса, который В. И. Ленин назвал «прусским путем» развития капитализма в сельском хозяйстве. Мархлевский поднял целый ряд социологических вопросов: демографии, миграции и онемечивания польского населения и т. д., которые затем получили свое дальнейшее развитие на страницах немецкой социал-демократической прессы. Заключительные разделы работы были посвящены положению народных масс, характеристике расстановки классовых сил, проблемам классовой и национальной борьбы. Мархлевский не ограни-

¹¹ Die Agrarmagnaten Oberschlesiens.— Sächsische Arbeiter Zeitung, Dresden, 1897, Jun. 11; Die Proletarisierung der Bauern (подпись: «my»).— Там же, 1897, Jun. 24.

¹² Marchlewski J. Stosunki spo'eczne w Księstwie Poznańskim: w świetle statystyki.— Prawda, Warszawa, 1899, N 1, s. 3—4; N 2, s. 14—16; N 3, s. 29; N 4, s. 41; Marchlewski J. Pisma wybrane. Warszawa, 1952. T. I.

¹³ Marchlewski J. Robotnicy wędrowni w rolnictwie.— Prawda, 1899, N 26, s. 309—311; N 27, s. 322—323; N 28, s. 333—334; N 29, s. 346—347; N 30, s. 358—359; Marchlewski J. Pisma wybrane, t. I.

¹⁴ Marchlewski J. Stosunki spo'eczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskim. Lwów, 1903; Marchlewski J. Pisma wybrane, t. I.

чивался анализом экономических отношений, а увязывал их с национальными отношениями, сопоставляя экономическое положение каждого класса и социального слоя с его отношением к национальному вопросу. Не все его выводы бесспорны, но разоблачение прусской политики безжалостного онемечивания населения и поддержка активного сопротивления народных масс этой политике, утверждение права польского народа на эти земли имели чрезвычайно большое научно-политическое значение.

Опыт революции 1905—1907 гг. вызвал необходимость в доработке программы социал-демократии Королевства Польского и Литвы, особенно по аграрному вопросу (в частности, по вопросу об участии крестьянства в буржуазно-демократической революции). В выполнении этой задачи Мархлевский как один из руководителей и ведущих теоретиков партии сыграл выдающуюся роль. В октябре-ноябре 1907 г. он публикует «Заметки об аграрном вопросе в Королевстве Польском»¹⁵, в апреле — июне 1908 г. — работу «О наших задачах по отношению к сельскохозяйственным рабочим и крестьянам»¹⁶, содержащую анализ экономического положения польской деревни и процесса расслоения крестьянства, начиная с данных об обезземеливании польского крестьянства с XVI в., о его закрепощении, об ограниченном характере наполеоновских реформ и кончая показом специфики развития капитализма в сельском хозяйстве всех трех частей Польши. Несмотря на имевшуюся недооценку роли многочисленных пережитков феодализма и значения крестьянства как союзника пролетариата, эта книга имела важное значение и в дальнейшем переиздавалась¹⁷. Одновременно Мархлевский критиковал на страницах периодической печати трактовку аграрного вопроса буржуазными авторами¹⁸.

Знакомство с аграрными отношениями Польши, Германии и других стран Европы, а позднее колониальных и зависимых стран сделало Мархлевского знатоком аграрного вопроса в международном рабочем и коммунистическом движении¹⁹. В 1920 г. при подготовке II Конгресса Коминтерна Мархлевский работал в комиссии по аграрному вопросу. Изучая аграрные отношения на Западе, он написал работу «Аграрный вопрос и мировая революция»²⁰, которую В. И. Ленин в «Первоначальном наброске тези-

¹⁵ Kultura, Warszawa, 1907, t. I, z. 1, s. 22—34; z. 2, s. 161—170.

¹⁶ Przegląd socjaldemokratyczny, Kraków, 1908, N 2, s. 140—153; N 3, s. 277—243; N 4, s. 306—325; N 5, s. 393—405.

¹⁷ В Советской России: Wobec kwestii rolnej w Polsce. М., 1918; Фрагменты: Мархлевский Ю. Соч., т. VI.

¹⁸ Kariski J. Polskie programy burżuazyjne w kwestii rolnej.— Przegląd socjaldemokratyczny, 1908, № 10, s. 818—831. Карский — псевдоним Ю. Мархлевского.

¹⁹ Kariski J. W kwestii zadań naszych wobec robotników wiejskich i w'ościan.— Przegląd socjaldemokratyczny, 1908, N 2; Marchlewski J. Pisma wybrane, t. I; Komunisci a wiejski lud roboczy, 1919. Smoleńsk, 1920.

²⁰ Мархлевский Ю. Аграрный вопрос и мировая революция.— Коммунистический Интернационал, 1920, № 12.

сов по аграрному вопросу» высоко оценил за глубокую критику аграрной программы II Интернационала и разработку теоретических основ аграрной программы Коминтерна²¹. К сожалению, Мархлевский не сумел полностью освободиться от недооценки роли крестьянства в период пролетарской революции, что сказалось в его поправках к ленинским тезисам и затем (в том же 1920 г.) — в деятельности на посту председателя Временного революционного комитета Польши (Польревкома).

На протяжении двадцатилетнего пребывания в Германии (он выезжал для участия в революционных событиях 1906—1907 гг. в Варшаву) Мархлевский редактировал ведущие органы польской социал-демократии — «Справа роботнича», «Пшегленд роботничы», «Пшегленд социал-демократычны» и «Червоны штандар», в которых регулярно появлялись его статьи по важнейшим теоретическим и тактическим вопросам, писал для польских легальных прогрессивных изданий, был редактором и автором левых органов немецкой социал-демократии «Зексисхе арбайтер цайтунг» и «Лейпцигер фольксцайтунг», публиковался в теоретическом ее органе «Нойе Цайт», был соиздателем «Социал-демократисхе корреспонденц». В различных немецких изданиях появилось около 1700 его статей и рецензий²². Его приверженность к партийно-публицистической работе диктовалась потребностью активного внедрения в жизнь своих политических идеалов, популяризации марксизма в рабочем классе, внесения в этот класс научного сознания. Не случайно, рецензируя в 1913 г. «Накопление капитала» Розы Люксембург и указывая на то, что эта работа является опровержением буржуазной концепции, оспаривающей научную плодотворность марксизма, он писал: «Мы, марксисты, лучше всего знаем, как бесконечно много еще нужно сделать, как бесконечно много нужно еще открыть в области истории, экономики, социологии при помощи нашего метода. Если, несмотря на это, научная работа остается незначительной в сравнении с задачами, то это имеет свою причину именно в том, что мы являемся марксистами. Ибо это значит, что мы хотим быть в первую очередь борцами за дело пролетариата. А так как для этого в настоящее время прежде всего требуется, чтобы выполнялись задачи агитации и организации, то место марксистов — даже если они выказывают способность к научной работе — в редакциях рабочих газет, в бюро профессиональных союзов, в парламентах, а не в кабинетах ученых»²³. Заметим, что для самого Ю. Мархлевского в период его пребывания в Германии редакционно-публицистическая деятельность была единственно возможной: не имея немецкого гражданства, он был лишен права публичных выступлений.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 169.

²² Тых Ф., Шумахер Х. Юлиан Мархлевский, с. 107. См. также: Schumacher H. Sie nannten ihn Karski. Berlin, 1964.

²³ Мархлевский Ю. Соч., т. IV, с. 277.

Большинство крупных работ Мархлевского, приходящихся на начало XX в., связано с решением текущих политических задач. Такова, например, вышедшая в канун революции 1905—1907 гг. брошюра «За что и как бороться?»²⁴, которая учила польский рабочий класс сочетать экономические и политические требования, звала к боевому сотрудничеству и солидарности с рабочим классом всей России. В революционные дни из-под пера Мархлевского вышли десятки статей, посвященных развитию революции, стратегии и тактике пролетарской партии. Из них следует выделить брошюру «Царская дума и избирательное бесправие»²⁵, обосновавшую тактику СДКПиЛ в отношении I Государственной думы. Несколько позднее, в 1913 г., в связи с развязыванием в Польше широкой антисемитской кампании из печати вышла работа Мархлевского «Антисемитизм и рабочие»²⁶ по истории еврейского вопроса в Польше, начиная со средневековья. Автор анализировал положение и структуру еврейского населения Польши, религиозные и общественно-экономические корни антисемитизма. Автор четко сформулировал непримиримое отношение марксистов к антисемитизму.

Элементы исторического анализа постоянно присутствуют в статьях Мархлевского, посвященных рабочему движению: он останавливается на истории польских и немецких пролетарских организаций, в частности «Союза польских рабочих»²⁷ и Социал-демократической партии Германии²⁸. Он систематически публикует статьи, отмечающие годовщины революционных событий (в том числе революций 1848 г. во Франции и в Германии²⁹), посвящает ряд заметок юбилеям К. Маркса, А. Бебеля, В. Вольфа, Ц. Войнаровской³⁰ и других. То же стремление рассмотреть явления в историческом развитии пронизывает острополемическую статью Мархлевского «Десять лет ревизионизма»³¹. Выступая против ревизионизма, Мархлевский вместе с большевиками и

²⁴ *Karski J. Jak i o co walczyć?* Kraków, 1905; *Мархлевский Ю. За что и как бороться?* М., 1959, с. 13—56.

²⁵ *Karski J. Duma carska i bezprawie wyborcze.* Warszawa. 1906.

²⁶ *Marchlewski J. Antysemityzm a robotnicy.* Kraków, 1913.

²⁷ *Związek Robotników Polskich i jego założyciele.*— *Przegląd robotniczy*, Kraków, 1905, N 6, s. 41—50; *Związek Robotników Polskich.*— In: *Z dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce.* Warszawa, 1906, s. 22—31.

²⁸ *Karski J. Deutschlands industrielle Entwicklung und Sozialdemokratie 1863—1913.*— *Leipziger Volkszeitung*, 1913, 23. Mai.

²⁹ *Dni czerwcowe.*— *Przegląd robotniczy*, 1905, N 6, s. 51—66; *Der 18. März.*— *Vorwärts*, 1911, 18. März; *Der 18. März.*— *Leipziger Volkszeitung*, 1912, 18. März.

³⁰ *Karol Marks.*— *Czerwony sztandar*, Warszawa, 1908, 24 marca; *Wilhelm Wolff.*— *Leipziger Volkszeitung*, 1909, June 21; *Bebels Persönlichkeit.*— *Vorwärts*, 1913, August 15; *M. Eine Kämpferin.*— *Die Gleichheit* (Stuttgart), 1911, N 16, S. 247—249.

³¹ *Zehn Jahre Revisionismus.*— *Leipziger Volkszeitung*, 1908, Sept. 1-2; *Karski J. Dziesięć lat rewizjonizmu.*— *Przegląd socjaldemokratyczny*, 1908, N 7, s. 581—588.

В. И. Лениным активно участвовал в борьбе против меньшевиков, ликвидаторов и троцкистов. Он был органически связан с РСДРП, с ее деятельностью, задачами, теорией и практикой, неуклонно воспринимал ленинские идеи, что убедительно прослеживается в его публицистике, в частности, по тактике партии по национальному вопросу, о войне и мире и т. д. Историзмом насыщены также многочисленные статьи, разоблачающие антипольскую политику правящих кругов Германии³². Исторический анализ присутствует и в написанной Мархлевским в 1911 г. антиклерикальной статье «Из прошлого ченстоховских монахов-паулинов»³³.

В рамках характерного для прессы приема увязки статей с известными датами (в данном случае с датой битвы под Лейпцигом) Мархлевский выступает с исторической марксистской работой «Наполеон и поляки»³⁴. С одной стороны, он освещает историю польских легионов, связывавшиеся с ними в польском обществе надежды на возрождение разделенной и поработенной родины. С другой стороны, развенчивая миф о «заступничестве» Наполеона I за поляков, он показывает, что французский император в своей дипломатии ни в грош не ставил интересы польского народа, зато постоянно выкачивал из Польши людские и материальные ресурсы. Автор особо отмечает тот факт, что проведенное Наполеоном освобождение польских крестьян от крепостного права не дало им ни клочка земли; земля оставалась собственностью помещиков. Мархлевский приходит к бесспорному выводу, что надежды на восстановление жизнеспособного польского государства при помощи Наполеона I не могли оправдаться, что причину этой неудачи, равно как и причину падения Польши, нужно искать в застойности феодальных отношений, в пагубности политики имущих слоев. Только передовая социальная сила новой эпохи — пролетариат — способна добиться вместе с осуществлением своих классовых целей реализации национальных интересов всего народа — такова основная идея автора.

Представление о творчестве Мархлевского как историка было бы неполным, если бы мы не упомянули и о его работах по истории искусства, диктовавшихся опять-таки «социальным заказом», необходимостью обоснования классовых функций литературы и искусства с научно-материалистических позиций, отстаивания их роли как идеологической силы, призванной формировать воззрения пролетариата. С начала 900-х годов в статьях Мархлевского, посвященных изобразительному искусству, ставились важнейшие вопросы марксистской эстетики — отражение искусством действительности, общественная роль искусства и его место в капита-

³² Schorlemer der Skalpjäger.— Leipziger Volkszeitung, 1911, May 23; Pack schlägt sich. Pack verträge sich.— Ibid., 1912, May 24; Die Polenpolitik der preussischer Regierung.— Ibid., 1913, Jan. 29.

³³ Wolna trybuna, 1911, Jan. 7; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 123—127.

³⁴ Leipziger Volkszeitung, 1913, Oct. 21, 22; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 167—175.

листическом обществе, в частности, вопрос о декадентстве и лозунге «искусство для искусства», о подлинном призвании прогрессивной интеллигенции и ее месте в революционной борьбе и т. д. Как литературный критик, Мархлевский выступал за большую социальную заостренность литературы, против декадентов, утверждая лозунг «искусство — для человека!»³⁵.

22 мая 1916 г. Мархлевский был арестован немецкими властями за участие в движении спартаковцев и оставался в заключении до июня 1918 г., когда Советскому правительству удалось добиться его освобождения. Характерно, что в тяжелых условиях пребывания в тюрьмах и концлагерях его творческая энергия отнюдь не угасла; она вновь сконцентрировалась на истории, и вновь — па истории Польши³⁶.

В ходе работ над переводом на немецкий язык мемуаров польского автора XVII в. Яна Пасека Ю. Мархлевский почувствовал необходимость снабдить перевод историческим предисловием. Во время изучения польской исторической литературы у него родился замысел довести авторский текст (вводный исторический анализ и комментарии) до 5—7 печатных листов, выдержанных в духе «метода материалистического исследования истории». План был реализован. Одновременно на страницах писем к родным появляются ценные замечания по истории феодальной Польши³⁷. В ходе подготовки перевода к печати родился новый замысел. 3 января 1917 г. Мархлевский пишет жене: «Все более укрепляется во мне желание написать — после окончания введения к Пасеку — очерк истории, о котором уже шла речь. Спроси поэтому NN, не захочет ли он помочь мне найти издателя для „Grundriss der Geschichte Polens“, размером в 25—30 листов». О широте планов и глубине интереса к теме свидетельствует, например, содержащееся в том же письме замечание о поверхностном освещении в польской историографии проблемы польско-французских отношений времен Фронды и желания разобраться в них. 23 января в письме жене он, подводя итоги своей творческой работы и делая замислами, замечает: «Все более волнует меня очерк истории Польши. А, кроме того, в тайниках души я лелею мысль о монографии о Коллонтае. «Всегда возвращаются к своей первой любви». Вот если бы засесть в Библиотеке Красиньских в Варшаве...»³⁸.

³⁵ Юлиан Мархлевский об искусстве. Литература. Искусство. Классовая борьба. Из литературного наследия. М., 1976; *Marchlewski J. O sztuce: Artykuły, polemiki oraz listy*. Warszawa, 1957; *Idem. Listy do Stefana Żeromskiego i Władysława Orkana*. Kraków, 1953.

³⁶ *Marchlewski J. O sztuce...*, s. 349.

³⁷ *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 294. *Marchlewski J. O sztuce...*, s. 338, 352; *Marchlewski J. Listy do żony i córki*. Warszawa, 1975, s. 130, 135—137, 144, 145, 153, 163, 169, 170, 172 и след.

³⁸ *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 294. *Marchlewski J. Listy do żony i córki*, s. 198; см. также с. 306, 361.

Мы располагаем сейчас лишь примерно пятой частью запланированного объема «Очерков истории Польши», которые доведены до середины XVI в. Изданная в 1931 г. (уже после смерти автора) рукопись неполна, носит отрывочный характер, нет ряда глав, на которые в тексте есть ссылки. Жена автора, Б. Мархлевская, рассказывала, что, кроме первоначальной черновой рукописи, был еще машинописный текст «Очерков...», к сожалению затерянный в Ленинграде. Трудно судить, был ли это доработанный и продолженный вариант. Однако и имеющийся в нашем распоряжении текст представляет большой интерес, несмотря на неполноту, несмотря на ограниченный доступ автора к литературе и источникам («...трудно без серьезных источников»³⁹, — жаловался Мархлевский в письме к жене от 3 января 1917 г.). Следует оговорить, что автор с вниманием подошел к анализу почти всех основных известных тогда письменных свидетельств по истории западных славян эпохи родового строя и становления феодальных отношений (сочинения Маврикия Стратега, Прокопия Галла, В. Кадлубека, Ибн-Якуба, Титмара Мерзебургского, Яна Длугоша и других), дополняя их этимологическим анализом славянских названий и терминов и используя данные археологии. В сумме это позволило ему найти убедительные аргументы против нордических теорий, в защиту тезиса об автохтонности славян.

Юлиан Мархлевский избрал проблемный принцип изложения материала, строя каждый период из параллельных глав о политической и социально-экономической истории. К сожалению, эти последние почти не сохранились.

Раздел, посвященный возникновению польского государства, Мархлевский базирует на анализе социально-экономических отношений, интерпретируя известные ранее (по работам И. Лелевеля, Ю. Шуйского и других) факты с материалистических, марксистских позиций. Он убедительно воссоздает процесс закрепощения крестьян, показывает значение антифеодального восстания 1030—1034 гг., роль христианства, характер и базу Реформации и т. д. Разумеется, эта первая (и оставшаяся единственной в течение почти трех десятков лет) попытка историка-марксиста охватить в одном труде всю историю Польши не была свободна от недоработок и упрощений. К таковым можно отнести преувеличение роли войн в создании классового общества, тезис о том, что «дворянство формировалось еще тогда, когда родовой быт был в полной силе»⁴⁰; сведение причин феодальной раздробленности к отсутствию «сильной личности» объединителя; недооценка крестьянских движений и т. д.

В Советской России Мархлевский продолжал свои занятия историей, сочетая их с большой публицистической и педагогической работой, с разнообразной государственной и партийной дея-

³⁹ Мархлевский Ю. Соч., т. VI, с. 294.

⁴⁰ Там же, с. 11.

тельностью. Следует отметить большую роль, которую Ю. Мархлевский сыграл в организации преподавания истории. Еще во время польско-советской войны 1920 г., сразу после отступления Красной Армии с территории Польши и ликвидации Временного революционного комитета Польши (Польревкома), возглавлявшегося Мархлевским, он, заботясь о подготовке кадров, организовал в Минске партийную школу поляков-коммунистов, находившихся в России. В программе школы (150 слушателей) были: Программа Коммунистической рабочей партии Польши, политэкономия, польская литература и история. Вскоре Мархлевский обратился в ЦК РКП(б) с предложением о переносе школы в Москву. В ноябре 1920 г. школа оформилась как автономная секция Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, а позднее постепенно превратилась в польский отдел Коммунистического университета народов Запада (с трехлетним сроком обучения). С февраля 1922 г. Мархлевский был назначен ректором этого университета и преподавал политэкономия, проблемы партийного строительства, практики классовой борьбы, а для слушателей-поляков еще и историю Польши. Его педагогические обязанности этим отнюдь не ограничивались. Еще 19 мая 1921 г. он был утвержден на заседании Секретариата ЦК РКП(б) членом научно-политической секции Государственного Ученого совета наряду с Н. К. Крупской, М. Н. Покровским, В. П. Волгиным, Н. М. Лукиным, И. И. Скворцовым-Степановым, В. И. Невским и др.⁴¹ 16 октября 1922 г. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) закрепило его (вместе с М. Н. Покровским, К. А. Тимирязевым, В. П. Волгиным, А. Д. Удальцовым и др.) лектором за Институтом Красной профессуры⁴². В связи с этим он не смог ответить согласием на предложения ЦК Компартии Белоруссии⁴³ и правления Белорусского государственного университета⁴⁴ стать профессором этого университета (соответствующие письма были подписаны секретарем ЦК КП(б)Б В. Г. Кюриным и В. И. Пичетой; оба письма помечены датой 8 октября 1921 г.).

Юлиан Мархлевский сотрудничал в Коммунистической академии, будучи ее действительным членом. В 1924 г., уже тяжело больной, он включился в педагогическую работу в Военной академии РККА, где взял на себя руководство двенадцатью слушателями (по темам: Рижский мир, аграрный вопрос в Польше, общественные отношения в современной Польше, значение Польши в создавшемся международном положении, русско-польские отношения, национальный вопрос в Польше)⁴⁵.

К этому времени он уже выпустил из печати ряд работ, посвященных истории Польши. В 1922 г. написал для сборника

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 143, оп. 1, д. 15, л. 2.

⁴² Там же, л. 4.

⁴³ Там же, д. 113, л. 3.

⁴⁴ Там же, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 8.

«К 75-летию революции 1848 г.» статью «Польский вопрос во время революции 1848 г.»⁴⁶, в которой кратко (не избегнув, впрочем, некоторого схематизма в освещении расстановки классовых сил) показал историю образования Королевства Польского, процесс развертывания национально-освободительной борьбы в 1830 и 1846 гг. Была отмечена разрозненность выступлений в польских землях в 1848 г., обусловленная шляхетской ограниченностью движения и слабым развитием там капиталистических отношений. Одновременно, опираясь на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о значении польского вопроса в тот период, он подчеркнул неспособность франкфуртского парламента решить его.

В 1923 г. параллельно с чтением курса истории Польши Мархлевский подготовил рукопись (2 авторских листа) «Возникновение польского государства и диктатура дворянского класса», являющуюся кратким популярным изложением истории Польши до 1864 г. а также рукопись статьи «Этапы развития капитализма в Польше». Последняя — чуть меньше объемом — является очерком экономической истории Польши, начиная с конца XVIII в.: развития капитализма в промышленности Королевства Польского, экономических отношений России и Польши, а также — что особенно ново и ценно — формирования капиталистического способа производства в захваченных Германией землях (Силезии, Познанщине и Западной Пруссии). Изложение доведено до 20-х годов XX в. Автор не ограничивался анализом экономических отношений, давая также общую картину расстановки классовых сил, политической и национальной структуры общества. Обе указанные работы, опубликованные уже после смерти автора⁴⁷, стали серьезным вкладом в создание польской марксистской историографии. Однако они отнюдь не исчерпали творческих планов Мархлевского в области истории. В письме к дочери от 10 декабря 1922 г., сообщая о сделанном ему немецкими коммунистами предложении переехать в Берлин и возглавить редакцию центрального органа партии «Роте Фане», а также о предложении Советского правительства выехать в качестве полпреда в Вену, он прямо указывал, что от **принятия** этих предложений его удерживают научные планы. Правда, в Вене, отмечает он, была бы возможность заниматься научной и публицистической деятельностью, но зато пострадает «польская работа» в Москве. В Берлине же, пишет он, «об осуществлении моих желаний — о работе над польской книжкой — не будет и речи»⁴⁸. Предположение Ф. Тыха и Х. Шумахера, что он имел

⁴⁶ К 75-летию революции 1848 г. М., 1923; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI.

⁴⁷ *Мархлевский Ю.* Из истории Польши: (Посмертные статьи). М., 1925; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI, с. 179—200, 265—293. Посмертно была издана и научно-популярная работа «Легенды о польских королях» (*Legendy o królach polskich. Opowiedział J. Marchlewski.* М., 1926).

⁴⁸ *Marchlewski J.* Listy do żony i córki, s. 361.

в виду доработку «Очерков истории Польши», представляется вполне убедительным.

Параллельно с разработкой истории Польши Мархлевский значительное место уделял исследованию международного значения Великой Октябрьской социалистической революции в России. Широта постановки проблемы диктовалась самими условиями его деятельности. Став после трагической гибели Р. Люксембург и К. Либкнехта одним из руководителей молодой Компартии Германии и стремясь передать немецким рабочим в концентрированном виде опыт Октябрьской революции, Мархлевский неоднократно выступал на конференциях Советов, на собраниях немецких коммунистов, на массовых рабочих форумах с докладами «Что такое большевизм?», «Социализация шахт», «Система Советов», и др.⁴⁹, широко распространявшимися потом в виде отдельных брошюр⁵⁰.

Большой интерес представляет открытое письмо Мархлевского известному польскому писателю Ст. Жеромскому, опубликованному в 1919 г. брошюре «Начало мира труда», содержащую ряд нападок на Октябрьскую революцию. Касаясь в своем ответе муссировавшихся в польской печати обвинений партии большевиков в «тирании» и «разрушительстве», Мархлевский убедительно раскрывает демократизм советского строя. Он разъяснял справедливость нового строя, несущего мир, равенство, расцвет культуры, показывал огромное международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе и для Польши, для создания независимого польского государства⁵¹.

Большое значение имели работы Мархлевского, в которых раскрывалось влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Польше и Германии⁵². Крупнейшая из этих работ («Польша и мировая революция»), снабженная обширным историческим очерком о положении в польских землях перед первой мировой войной и во

⁴⁹ *Тых Ф., Шумахер Х.* Юлиан Мархлевский, с. 302.

⁵⁰ *Die Sozialisierung des Bergbaues.* Essen, 1919; *Das Rätesystem.* Essen, s. a.; *Was ist Bolschewismus und was haben die Bolschewiki in Rußland geleistet?* Essen, 1919; *Was ist Bolschewismus?* M., 1919; *Qu'est-ce que le bolchevisme?* M., 1919.

⁵¹ *Marchlewski J.* Listy do Stefana Zeromskiego..., s. 127—148.

⁵² *Мархлевский Ю.* Польша и мировая революция.— Коммунистический Интернационал, 1919, № 6, 7, 8; *Мархлевский Ю.* Соч., т. VI; *Deutschland und die Weltrevolution.* M., 1920; *Мархлевский Ю.* Советская Россия и мировая революция.— Петроградская правда, 1922, 5 нояб.; *Мархлевский Ю.* Польский вопрос и Октябрьская революция.— Жизнь национальностей, 1923, 1 янв., с. 227—234; *Marchlewski J.* Znaczenie rewolucji rosyjskiej dla sprawy proletariatu międzynarodowego.— Trybuna komunistyczna, 1923, 7 list; *Мархлевский Ю.* Революционное движение в Германии и Польше: Доклад, читанный 16 ноября 1923 г. в Екатеринбургском коммунистическом клубе. Екатеринбург, 1923, и др.

время нее и о расстановке классовых сил, интересна впервые проведенным Мархлевским анализом событий новейшей истории Польши. Автор убедительно разоблачает внутреннюю и внешнюю политику польской буржуазии, ее ориентацию на Антанту, показывает объективные трудности для развития революционной ситуации в стране. Вместе с тем работа не лишена схематизма и упрощенной трактовки ряда вопросов расстановки классовых сил. Однако сразу следует оговориться, что такой подход был свойствен в тот период (работа впервые была опубликована в 1919 г.) не только Мархлевскому, но и всей Коммунистической рабочей партии Польши⁵³.

Уже в 1920 г. Мархлевский добавляет к этой работе специальный раздел — «Польша в войне против Советской республики»⁵⁴. Тематика, посвященная польско-советским отношениям, занимала в 1919—1922 гг. особое место в историко-публицистических работах Мархлевского. В 1919 г., получив от Советского правительства ряд дипломатических поручений, касающихся урегулирования советско-польских отношений (планировалось назначение Мархлевского советским дипломатическим представителем в Варшаве), он дважды вел переговоры с представителями польского правительства и сумел добиться некоторых позитивных результатов. Однако в польских правящих кругах взяли тогда верх те элементы, которые не были склонны налаживать мирные, добрососедские отношения с молодым Советским государством и вели курс на продолжение агрессии. 25 апреля 1920 г. последовало нападение буржуазной Польши на Советскую Украину. Мархлевский-дипломат уступил место Мархлевскому-публицисту, комментатору и исследователю современной Польши. И здесь он остался верен принципам марксистского историзма. Десятки брошюр и статей он посвятил анализу экономического положения и классовой борьбы в Польше в период империализма, эволюции польских политических партий и формированию элементов фашизма⁵⁵, разъясняя внешнюю политику Советского правительства, направленную на мирное урегулирование совет-

⁵³ Подробно см.: *Яжборовская И. С.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973, с. 324—376.

⁵⁴ *Мархлевский Ю. (Карский).* Польша и мировая революция. М., 1920.

⁵⁵ Из числа этих работ заслуживает быть отмеченной в первую очередь выпущенная тиражом в 50 тыс. экз. брошюра Мархлевского «Социальные отношения в Польше» (М., 1920). Следует также выделить работу «Pan Stanisław Grabski w świetle tajnych dokumentów rządu carskiego» (М., 1920), которая представляла собой широко комментированную публикацию документов, разоблачавших политическую беспринципность председателя комиссии Сейма по иностранным делам национал-демократа Ст. Грабского, одного из ярых противников налаживания мирных отношений между Польшей и Советской Россией. Приведенные Мархлевским документы убедительно свидетельствовали о том, что рядившийся в тогу польского патриота Грабский во время первой мировой войны неоднократно предлагал свои услуги царизму.

ско-польских отношений. Непреходящий интерес для историка представляют такие его работы 1920—1921 гг., как «Польша под иномземным игом» (переработанный текст доклада, который Мархлевский читал в мае 1920 г. в связи с развертыванием польско-советской войны⁵⁶), «Мир с Польшей»⁵⁷, брошюры «Пролетарская Россия и буржуазная Польша»⁵⁸ (крупнейшая из многочисленных публикаций Мархлевского на польском языке о советско-польских отношениях, о польско-советской войне и о деятельности Польревкома) и «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией»⁵⁹.

В 1923 г. Военно-историческая комиссия Реввоенсовета Республики, готовившая коллективный труд «О польско-советской войне 1920 г.», заключила с Мархлевским договор о написании им некоторых глав⁶⁰. Ю. Мархлевский развернул работу над этой темой, о чем свидетельствуют материалы, хранящиеся в фонде Мархлевского в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁶¹.

На советский период деятельности Мархлевского приходится большое число выступлений по вопросам истории немецкого, а также польского рабочего движения. Это было связано, с одной стороны, с его активной ролью в Коминтерне (Мархлевский участвовал в подготовительной работе по его созданию, подписал от имени Коммунистической рабочей партии Польши организационное воззвание восьми марксистских партий и организаций от 24 января 1919 г., а затем представлял в Коминтерне Компартию Польши), а также с его участием в пропагандистской работе по линии созданной в октябре 1920 г. Издательской комиссии Польского бюро при ЦК РКП(б) (через руки Ю. Мархлевского, как главного редактора, проходили все издания, выходившие на польском языке). С другой стороны, именно он обладал исключительными знаниями в этой области, которыми в связи с ростом интереса к этим сюжетам в Советской стране безотказно делился. Кроме многочисленных выступлений с лекциями и докладами, о чем уже была речь выше, он опубликовал ряд статей, посвященных отдельным вопросам истории польского рабочего движения, знаменательным датам и событиям из истории интернационалистского сотрудничества пролетариата России и Польши, ряд биографических заметок о выдающихся деятелях польского и германского рабочего движения: Р. Люксембург, Л. Иогихесе (Я. Тышке), Ц. Войнаровской, М. Кас-

⁵⁶ Мархлевский Ю. Ю. Польша под иномземным игом. М., 1920.

⁵⁷ Коммунистический Интернационал, 1920, № 4.

⁵⁸ Marchlewski J. Rosja proletariacka a Polska burżuazyjna. Moskwa etc., 1921.

⁵⁹ Мархлевский Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 143, оп. 1, д. 120, л. 5.

⁶¹ Там же, д. 42, 57, 64 и др.

пшаке, Ф. Меринге и др. Форма научной популяризации служила здесь высокой цели воспитания в массах пролетарского интернационализма.

Библиография трудов Мархлевского насчитывает около 2 тыс. названий⁶². Его работы широко публиковались и продолжают публиковаться в СССР и Народной Польше. Интерес к ним закономерен. Рассмотренные нами в кратком очерке важнейшие исторические работы Мархлевского, отличающиеся марксистской зрелостью и широтой в постановке проблем, являющиеся научным синтезом важнейших проблем разных формаций, имели важное значение для упрочения марксизма в историографии, в первую очередь польской, и в значительной мере сохранили свою актуальность и по сей день.

⁶² *Kaczanowska J.* Bibliografia prac J. Marchlewskiego. Łódź, 1954 (составителю этой библиографии Я. Качановской принадлежит заслуга установления авторства целого ряда неподписанных работ Ю. Мархлевского). См. также: *Черных М.* Новые данные к библиографии трудов Ю. Мархлевского.— Советское славяноведение, 1966, № 4, с. 92—96; *Schumacher H.* Uzupełnienia do bibliografii prac J. Marchlewskiego.— In: *Julian Marchlewski: Materiały sesji naukowej z okazji 700 rocznicy urodzin.* Warszawa, 1968, s. 251—265; *Michała N.* Uzupełnienia do bibliografii prac J. Marchlewskiego.— *Z pola walki*, 1970, N 3, s. 136—138.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ

Е. Н. Городецкий

Историк советской исторической науки первых 10—15 лет ее развития неизбежно сталкивается с личностью и творчеством Михаила Николаевича Покровского. Один из ведущих представителей советской исторической науки, он был в то же время одним из ее организаторов. Активнейший лектор, он часто выступал перед жаждущими знаний красноармейцами и учителями, рабфаковцами и партийными работниками. Он инструктировал преподавателей истории и обществоведения, читал лекции на курсах Наркомпроса, выступал со статьями на страницах «Правды» и других центральных газет, руководил созданием новой архивной системы и подготовкой кадров историков. Его влияние далеко выходило за рамки исторической науки и сказывалось во многих областях советской культуры.

Роль, которую этот крупный государственный деятель и ученый сыграл в развитии советской историографии, была большой и сложной, порой противоречивой, что отразилось и в исследовательской литературе о нем, в частности в анализе его взглядов и оценок, относящихся к истории революционного 1917 года. «Юбилейное», некритическое восприятие характеризовало статьи на эту тему П. Горина и Д. Кина, опубликованные в 1928 г. в связи с 60-летием М. Н. Покровского¹. В то же время в двухтомнике, посвященном критике «школы Покровского», вообще не оказалось статьи о Покровском как историке Октября. Критическая статья И. Викторова в «Историке-марксисте» была полна необоснованных обвинений². В новейших статьях о Покровском С. М. Дубровского, М. Е. Найденова и Е. А. Луцкого так же, как в монографии О. Д. Соколова, вопросы трактовки им истории Октябрьской революции затрагивались только вскользь³. Между

¹ Горин П. О. Историческое обоснование Октябрьской революции в работах М. Н. Покровского.— Пролетарская революция, 1928, № 10; Кин Д. Я. М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции.— Историк-марксист, 1928, № 9.

² Викторов И. Ошибки М. Н. Покровского в оценке Октябрьской революции.— Историк-марксист, 1938, № 5.

³ Дубровский С. М. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки.— Вопросы истории, 1962, № 3; Найденов М. Е. М. Н. Покровский и его место в советской историографии.— История СССР, 1962, № 3; Луцкий Е. А. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского.— В кн.: История и историки. М., 1965; Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

тем крупная фигура Покровского воплотила в себе многие черты первого этапа советской исторической науки, историографии Октября, в частности, отразила особенно остро противоречия историографического процесса. Без анализа деятельности и исторических трудов Покровского, относящихся к истории Октября, наше представление о развитии советской исторической науки было бы явно неполным.

Рассмотрим вначале общие вопросы стиля и метода М. Н. Покровского как исторического писателя. Под стилем мы понимаем не только язык, форму изложения, но и характер исторического повествования. Стиль и повествовательный метод Покровского ярко охарактеризовал А. В. Луначарский. Он выделил у него одну черту — полемичность, острую, страстную полемичность. «Когда является человек и говорит: „Все это неверно, все ваши построения надо поставить в известной степени на голову, вы все наврали, хотя часто и сами не знаете, что наврали, вы накопили кучу материала, который полезен, но создали такую гору, которую надо разворотить, ибо она бременем лежит на груди истинной науки“, то кричат — это полемика»⁴. Так Луначарский характеризовал Покровского. Ниспровержение авторитетов буржуазной науки, стремление к «коренному пересмотру» идей буржуазной историографии, огромного фактического материала, накопленного ею, острая полемичность, доведенная до утверждений «все это неверно» — таков был стиль Покровского.

Во всех своих выступлениях, статьях, книгах Покровский всегда отталкивался от документа, источника, свободно его препарируя, строя на отдельном свидетельстве или группе таковых свою концепцию. Иногда он прибегал к догадкам о возможном существовании документов, хотя и не имел их в своем распоряжении. Так, например, выдвигая положение о закулисных переговорах русского императорского двора с немцами о сепаратном мире во время первой мировой войны, Покровский ссылался на полученную П. Н. Милюковым, в бытность его министром иностранных дел Временного правительства, информацию из Швейцарии, в которой сообщалось, что до свержения самодержавия «в Берлине уже были совершенно уверены в близком сепаратном мире с Россией». Он привел также две записи из дневника Николая II за 10 и 11 марта 1917 г.: «Просматривал, приводил в порядок и жег бумаги»; «Продолжал сжигать письма и бумаги»⁵. На этом основании Покровский предполагал, что сжигались бумаги, свидетельствующие о попытках заключения сепаратного мира. Догадка, может быть, и имеющая основания, но все же только догадка...

Документ, мемуарное свидетельство, дневниковые записи — излюбленные материалы в историческом повествовании Покров-

⁴ На боевом посту марксизма. М., 1929, с. 15.

⁵ Покровский М. Н. Пролог Октябрьской революции. — Вестник агитации и пропаганды, 1921, № 7-8, с. 3.

ского. Статью «12 марта 1917 года» Покровский начинает с выдержек из дневника французского посла в Петербурге Палеолога. Эти дневниковые записи свидетельствуют, что буржуазные лидеры в момент свержения самодержавия были растеряны и напуганы размахом движения. Для Покровского изложение этого факта — только способ перехода к характеристике главной движущей силы революции — рабочего класса. И тут он находит яркие краски и выразительную лаконичность: «Теперь, следя за бегом исторических событий на протяжении 20 лет, легко прощупываешь скелет истории. Рабочий класс существовал в России сто лет. Всегда его ненавидел царизм и всегда боялся. Но была одна группа, которой судьба вложила в руки заступ могильщика — и царизма и буржуазии. И, как нарочно, эта группа жила и росла у самого порога царского дворца»⁶. Такой группой Покровский считал авангард российского пролетариата — металлистов.

В своих работах о революции 1917 г. Покровский обнаружил умение «строить концепцию» на небольшой группе источников, выбирая при этом яркие факты, выпукло обрисовывая характеры людей, стоявших в центре событий. Концепционность — это характерная черта метода Покровского. Однако концепционность зачастую переходила у него в схематизм, а само построение, основанное на ограниченном круге источников, оказывалось ошибочным, что зачастую признавал впоследствии и сам автор. Но четко сформулированная концепция делала статьи и выступления Покровского доходчивыми, запоминающимися. С другой стороны, схематизм толкал зачастую на поверхностные, а иногда и просто ошибочные выводы об историческом процессе. В той же статье «12 марта 1917 года» Покровский писал: «Трудно найти лучший образец исторической диалектики: помещичье имение вызывает к жизни железную дорогу, чтобы добраться до наиболее выгодного, широкого европейского рынка; железная дорога родит металлургию; металлургия создает наиболее революционный отряд пролетариата, хоронящий прадеда всей системы — помещичье имение»⁷. Именно из этой схемы, утверждавшей несомненный факт революционности пролетариата, Покровский и сделал ошибочный вывод об установлении 12 марта 1917 г. диктатуры пролетариата «де-факто», вывод, от которого он впоследствии отказался.

Почти все частные концепции Покровского восходят к одной его общей концепции о борьбе в России торгового и промышленного капитала как основе исторического процесса нового времени. Эта основная концепция, пережив некоторые метаморфозы, являлась для Покровского своего рода универсальным ключом, которым автор пытался раскрыть тайны происхождения и отмены

⁶ Покровский М. Н. 12 марта 1917 года. — Правда, 1924, 12 марта.

⁷ Там же.

крепостного права, первой мировой войны и Февральской революции.

Стилю Покровского органически присущ метод исторических аналогий. Применение им этого метода далеко не всегда носило научный характер. Сравнительные характеристики В. И. Ленина и М. Робеспьера, В. И. Ленина и Кромвеля; прокламации «Молодая Россия» с большевистскими программными документами, библиотечной реформы, проведенной Наркомпросом, с методом распространения листовок Степаном Халтуриным — воистину Покровский был неистощим на проведение самых неожиданных, рискованных и иногда бездоказательных аналогий. Ценой этих аналогий являлась модернизация далекого прошлого, равно как смещение перспективы в трактовке недавнего прошлого.

Следует учесть, что многие послеоктябрьские работы Покровского выросли из его докладов перед самой различной аудиторией. По данным архивного фонда М. Н. Покровского мы знаем, что он тщательно работал над стенограммами таких докладов, готовя их к печати. Тем не менее основа давала себя знать: парадоксальность изложения, неожиданность исторических параллелей, отсутствие строгой последовательности в изложении — все эти черты были особенно присущи Покровскому как лектору.

Но главным, определяющим в стиле и методе творчества Покровского как историка был антимонархический и антибуржуазный пафос всех его произведений. Вместе с тем в его работах проявлялись элементы национального нигилизма. Стремление пересмотреть всю историю России с позиций разоблачения антинародного характера царизма и буржуазии сопровождалось порой перечеркиванием или недооценкой исторических традиций, которые составляли предмет национальной гордости русского народа.

Странную для современного читателя парадоксальность стиля Покровского, его заостренную полемичность невозможно понять, если не обратиться к некоторым особенностям его эволюции. Он сформировался в постоянной и острой борьбе с буржуазной, кадетско-монархической историографией, окруженный неприязнью, а еще чаще открытой враждебностью со стороны буржуазной профессуры, подвергаемый постоянным преследованиям со стороны царской цензуры. Его историческая концепция складывалась в борьбе. Это не исключает того факта, что некоторые элементы своей концепции Покровский заимствовал у буржуазных историков, как, например, его оценка Киевской Руси как торгово-капиталистического государства совпадает с оценкой В. О. Ключевского.

Можно и следует говорить об односторонности и ошибочности многих суждений Покровского, ошибочности его концепции. Но следует также понять, что как его достоинства революционного публициста-историка, так и недостатки, связанные со схематизмом и упрощениями исторического построения, были порождены

временем, острейшей идеологической борьбой, прямыми классовыми схватками, ведущими свое начало от первых лет XX в., сражениями в трех революциях и гражданской войне. Исторический «нигилизм» Покровского был также реакцией на российский реформизм с его ежеминутным оглядыванием на прошлое, с его фаталистическим пониманием исторического процесса, реакцией на монархизм и шовинизм идеологов буржуазии и помещиков, на «кошмар прошедшего». Сам Покровский об этом писал: «Именно революция — есть тот момент, когда настоящее освобождается от кошмара прошедшего, сбрасывает с себя его иго. И даже короткое время, несколько лет без ига „традиций“, на целый ряд поколений является маяком, освещающим дорогу вперед. Они (реформисты. — *Е. Г.*) не поняли того, что прошлое внесет свое, будьте покойны, и без всякого содействия с нашей стороны. Нам заботиться приходится о том, чтобы его было как можно меньше»⁸.

Как же общая концепция М. Н. Покровского и особенности его облика как историка отразились в работах по истории революции 1917 г.?

В литературном наследстве Покровского, среди работ, посвященных 1917 г., центральное место занимает история Февральской революции. Возможно, что тут сказалась общая антицаристская направленность творчества Покровского: свержение самодержавия как бы увенчивало в реальной действительности его историческую концепцию — борьба промышленного капитала с торговым завершилась-де победой промышленного, но воспользоваться этой победой буржуазия не смогла.

Еще в 1917 г. (до Октябрьской революции) Покровский опубликовал статью «Царизм и революция» (год спустя, в 1918 г., эта статья вышла отдельной брошюрой). Покровский рассмотрел в ней весь путь революционного движения в России, движения, которое неуклонно и последовательно шло к ликвидации царизма. Однако дальнейшего развития революции, ведущего к победе пролетариата, Покровский не рассмотрел и в издании 1918 г.

Мы уже отмечали, что резко критические статьи, направленные против концепции Покровского, почти не касались его работ, специально посвященных истории двух революций 1917 г. Главным объектом критики по этим (и многим другим) вопросам были его лекции, прочитанные в 1923—1924 гг. и опубликованные в 1924 г.⁹ Однако критика при этом касалась только некоторых общих вопросов истории Октября и строилась на обыгрывании отдельных ошибочных формулировок. Общий замысел лекций при этом ускользал от критиков. Между тем основная идея этого лекционного курса — единство и последовательность этапов револю-

⁸ Покровский М. Н. Ленин и Маркс как историки. — Правда, 1926, 22 апр.

⁹ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.: Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923 — 1924 гг. М., 1924.

ционного движения в России, закономерное развитие которого привело от этапа дворянской революционности к разночинской, а затем к пролетарскому этапу революционной борьбы. Покровский подверг критике концепцию М. С. Ольминского, который утверждал, что декабристы — это помещики, обманным путем выведшие солдат на Сенатскую площадь¹⁰. Покровский подчеркнул значение республиканской традиции, которая так ярко выступала у Пестеля и «соединенных славян». Народников Покровский называл «нашими первыми социалистами»¹¹, он видел связь этого движения с интересами крестьянских масс. Тогда же, в 1924 г., напомнив о статье Ленина «О национальной гордости великороссов», Покровский подчеркнул, что Ленин, «начиная с декабристов, соединяет все революционное движение в одну нить»¹². Однако Покровский, исходя из правильной идеи — связи и преемственности основных этапов революционного движения в России, чрезвычайно упрощал и модернизировал эти связи. В основе этой модернизации лежало стремление находить в прошлом корни современных революционных событий. Но стремление это приобратило уродливые антиисторические формы. Так, П. И. Пестеля Покровский называл якобинцем, Н. Г. Чернышевского — родоначальником аграрной программы большевиков и в то же время — предтечей меньшевистской тактики, П. Н. Ткачева — первым русским марксистом и т. д. При этом лектор постоянно напоминал слушателям о пресловутой «борьбе промышленного капитала с торговым», которая представлялась ему основой основ исторического процесса.

На этом фоне Покровский изложил свое понимание Февральской и Октябрьской революций. Именно в этих лекциях возникло положение о двух заговорах против революции: заговоре дворянско-камарильи, стремившейся при помощи сепаратного мира выйти из войны и ликвидировать угрозу революции, и заговоре военных и буржуазных кругов, направленном к предупреждению революционного взрыва при помощи смены Николая II другим царем, к победоносному продолжению войны и подавлению революции. Если первый заговор, по Покровскому, был связан с интересами торгового капитала, то второй уходил своими корнями в интересы промышленного капитала. Это было натяжкой, как и вся концепция двух заговоров, однако вполне справедливо отмечался тот факт, что рабочий класс опередил буржуазию, которая не приняла в расчет силы пролетариата. Но следовавший затем вывод позднее подвергался резкой и обоснованной критике со стороны советских историографов: «Февральская революция была не только рабочей по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и фактически стала у власти, но неизбежно была

¹⁰ Там же, с. 18—19.

¹¹ Там же, с. 42.

¹² Покровский М. Н. Ленин в русской революции. — Вестник Коммунистической академии, 1924, № 7, с. 11.

и социалистической революцией совершенно объективно»¹³. Для того, чтобы отмежеваться от троцкистского тезиса «без царя, а правительство рабочих», Покровский выдвинул положение, что буржуазия в лице прогрессивного блока фактически взяла власть еще в 1915 г.¹⁴

Эта схема была бесспорно ошибочной. Но в некоторых случаях (в противоречии со своей схемой) Покровскому удалось дать глубокую трактовку исторической роли русского рабочего класса, спасшего страну от экономической катастрофы¹⁵. Он разоблачил легенду буржуазной историографии о решающей якобы роли Думы и прогрессивного блока в Февральской революции.

Ошибки Покровского в характеристике Февральской революции обнаруживают непонимание им ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. То, что эти ошибки в лекциях не были случайностью, видно и из других его работ, в которых он, правда, уже не говорил об объективно социалистическом характере Февраля. Покровский подчеркивал, что революция в Феврале *могла* стать социалистической, и если этого не случилось, то только потому, что подлинные руководители пролетариата — большевики находились в тюрьмах и ссылке. Представители же мелкобуржуазных партий, возглавивших Советы, больше всего боялись очутиться перед необходимостью взять власть. «Восемь месяцев ушло на завоевание того, что само шло в руки уже в марте 1917 года», — писал он¹⁶. В статье, написанной Покровским три года спустя, он утверждал, что диктатура пролетариата «де-факто» была уже налицо в Петербурге в марте 1917 г.¹⁷

1927 год — это год уточнения позиций Покровского по многим вопросам истории Февральской и Октябрьской революций. Видимо, тут решающую роль сыграли два фактора. Во-первых, публикация первого издания Сочинений В. И. Ленина, тома которого тщательно изучались Покровским. Во-вторых, своеобразным катализатором для перестройки концепции Покровского явился руководимый им семинар по истории Октябрьской революции, в котором проходили школу не только слушатели ИКП, но и сам руководитель. Покровскому принадлежит заслуга подготовки первых профессиональных историков Октябрьской революции — из числа слушателей Института Красной профессуры. Однако можно ли говорить о «школе Покровского», когда речь идет о проблемах истории Октябрьской революции? Это была весьма своеобразная школа. Покровский пришел в советскую историческую науку из прошлого, дореволюционного этапа развития марк-

¹³ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX — XX вв., с. 223.

¹⁴ Там же, с. 201.

¹⁵ Там же, с. 184—185.

¹⁶ Покровский М. Н. Пролог Октябрьской революции, с. 6.

¹⁷ Покровский М. Н. 12 марта 1917 года.

систеской историографии. Он сразу занял в ней ведущее положение как организатор науки. До 1917 г. учеников у него не было. Впервые возможность подготовки новых кадров по истории Октября появилась у Покровского, когда он стал преподавать в Коммунистическом университете, Институте Красной профессуры и других центрах. Но если он и создал «школу», то это была школа с учениками, стремившимися поспорить со своим учителем и переосмыслить его положения. Надо сказать, что Покровский постоянно поощрял своих учеников в этих стремлениях, будучи непримиримым только в тех случаях, когда он усматривал в критике попытки реставрации буржуазной историографии или ревизионистских взглядов. Кадры, подготовленные Покровским, сыграли важную роль в дальнейшем развитии советской историографии Октябрьской революции.

Работы Покровского второй половины 20-х годов XX в. являются как бы продолжением его семинаров. В статьях Покровского мы находим ссылки на работы учеников, «подготавливаемые к печати» или «пока неизданные». В ряде случаев Покровский полемизирует с «молодыми товарищами», и эта полемика также продолжает дискуссии в семинарах.

В 1927 г. Покровский пересмотрел ряд ошибочных положений в своей характеристике Февральской революции. Он подверг критике положение, что Февральская революция являлась началом социалистической революции. Покровский решительно заявил, что это «не ленинская точка зрения»¹⁸. В этой же статье Покровский, с другой стороны, все еще вел бой в защиту своего тезиса о неизменной социальной сущности царизма, о «торговом капитале в шапке Мономаха». Он знал работы В. И. Ленина об эволюции самодержавия, но относил эту эволюцию только к форме царизма, а не к его социальной структуре.

В это же время, во второй половине 20-х годов, Покровский интенсивно изучает ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В статье, написанной в 1927 г., Покровский, опираясь на ленинские работы «Две тактики...», «Письма издалека», утверждал, что «никаких непроницаемых переборок между буржуазной и социалистической революциями, никаких „антрактов“ между ними Ленин не ставил: конец буржуазной революции и начало борьбы за социализм — это один акт»¹⁹. Однако на весьма важный вопрос — как понимать «конец буржуазной революции» — Покровский ответа не дал. Ошибочным было также положение об «одном акте», тогда как речь шла о процессе перехода от одной революции к другой. Тем не менее можно сказать, что внутренние противоречия Февральской революции Покровский разглядел и охарактеризовал

¹⁸ Покровский М. Н. Исторический смысл Февраля: (Царизм и буржуазия в Февральской революции). — Пролетарская революция, 1927, № 2-3, с. 5.

¹⁹ Покровский М. Н. Буржуазная революция против буржуазии. — Известия, 1927, 12 марта.

весьма основательно. Эта эволюция Покровского в оценке Февральской революции проходила под немалым влиянием критики.

В личном фонде М. Н. Покровского сохранился автограф тезисов его доклада на тему «Две концепции Октябрьской революции» и стенограмма этого доклада²⁰ с правкой автора. Эти материалы относятся к августу 1927 г. В тезисах и в докладе он подверг критике концепции Л. Д. Троцкого и Л. Б. Каменева, их отказ от классовых принципов исторического анализа, от ленинской теории социалистической революции. В центре доклада — изложение ленинской концепции Октябрьской революции, ее связь с общесторической концепцией, характеристика мирного этапа развития революции до июля и курса на вооруженное восстание после июля. Особенно подчеркивал Покровский ленинское положение о недопустимости разделения буржуазной и социалистической революций «китайской стеной», или, как говорил Покровский, «на два отрезанных ломтя», ссылаясь при этом на произведение В. И. Ленина. Отметив, что В. И. Ленин развил свою теорию перерастания еще в 1905 г., Покровский самокритично заявил: «Но мы до этой ленинской точки зрения начинаем добираться только в 1927 году, ибо старое социал-демократическое представление о буржуазной и социалистической революции очень крепко сидело у нас в мозгу»²¹.

Если рассмотреть статьи Покровского о революции 1917 г., написанные к десятилетию Октября, то в них замечен процесс внутреннего пересмотра ряда важных звеньев собственной концепции. Непосредственно истории Октябрьской революции Покровский посвятил две крупные статьи: «Большевики и фронт в октябре—ноябре 1917 года» и «Как возникла Советская власть в Москве». Начиная свой рассказ об Октябре в Москве, Покровский — сам участник событий — предупреждал читателя, что «перед ним не мемуары», что автор выступает как объективный историк и только²². Покровский даже утверждал (что противоречило истине), будто он и не может выступать как мемуарист, так как свидетелем описываемых событий он не был: «Октябрьские события я пережил в Москве... в качестве советского журналиста, «военного корреспондента», как в шутку называли меня другие...»²³, — писал Покровский. Он подчеркивал свою весьма скромную роль в Октябрьском восстании в Москве. Из этой посылки Покровский сделал весьма характерный для него вывод: «Я могу говорить дальше в третьем, а не в первом лице, и в этом, конечно, большая моя выгода, как историка»²⁴. Иными словами,

²⁰ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (ОРФИИ), ф. 5 (М. Н. Покровского), оп. 1, д. 213.

²¹ Там же, л. 17.

²² Покровский М. Н. Как возникла Советская власть в Москве.— Правда, 1927, 6—7 нояб.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Покровский считал, что не следует смешивать мемуары и историческое исследование, что непосредственному участнику событий трудно выступать в роли историка этого события. Нельзя не признать действительных трудностей, которые возникали перед участником событий, когда он брался за дело историка.

Из всей суммы вопросов по истории Октября в Москве Покровский избрал только один — формирование органов власти в результате победы вооруженного восстания. Из огромной массы источников он выбрал один — неопубликованные еще тогда протоколы Московского Военно-революционного комитета (ВРК).

Представляют интерес некоторые источниковедческие наблюдения Покровского. Протоколы Московского ВРК сохранились только в черновиках. Отметив трудности работы с черновиками, написанными с массой сокращений и помарок, Покровский писал: «И может быть даже очень хорошо, что до нас дошли черновые записи. В одном случае сохранился беловой протокол, и в нем сразу бросается в глаза литературная обработка. Разновременно сказанные речи одного оратора объединены в одно целое искусственной связью, именно так и именно это он не говорил, а лишь приблизительно похужее. Кое-что, не поддававшееся обработке, выкинуто и т. д.»²⁵.

Свой анализ проблемы «конструирования власти» в Москве Покровский начал с характеристики позиций мелкобуржуазных партий. Делегация этих партий появилась на заседании Московского ВРК 1 (14) ноября 1917 г. Опираясь на протокольные записи, Покровский показал, как представители меньшевиков и эсеров пытались навязать победоносному восстанию такие условия, которые по сути дела означали отказ от требования передачи всей власти Советам. Они предлагали включить в новый орган власти представителей Московской городской думы и земства, которые только что потерпели поражение в вооруженной борьбе на улицах Москвы. Эти требования были решительно отвергнуты. Однако, как отмечал Покровский, Московский ВРК согласился отпустить арестованных и захваченных в плен юнкеров, предварительно их разоружив. В результате, получив в Московском Совете пропуска, многие юнкера отправились на юг, составив кадры будущей Добровольческой армии. Яркими красками нарисовал Покровский провал попыток меньшевиков-объединенцев навязать Московскому ВРК «коалицию из всех социалистических партий».

Статья Покровского явилась своеобразным вкладом в борьбу партии против антипартийного троцкистско-зиновьевского блока накануне XV съезда партии. Покровский на историческом материале еще раз напомнил о той опасности, которая угрожала революции со стороны оппортунистических, соглашательских элементов, стремившихся растворить Советскую власть в коалиции с мелкобуржуазной, «демократической» контрреволюцией.

²⁵ Там же.

В статье о фронте²⁶ Покровский также избрал только один аспект — провал попыток контрреволюции направить армии фронта против Советской власти. При этом автор опирался на очень важный комплекс документов — переговоры Ставки Главкома, ставок фронтов и Военного министерства с 25 октября по 20 ноября 1917 г. Этот комплекс документов вскоре после публикации статьи был напечатан в «Красном архиве».

Эта работа Покровского также имеет вполне определенную направленность. В ней разоблачается пущенная в оборот Троцким легенда, что вооруженное восстание в Петрограде совершили солдаты Петроградского гарнизона, а рабочие якобы только присоединились к ним тогда, когда нужно было отбить поход Керенского — Краснова на Петроград. Покровский приводит свидетельство генерала Марушевского, который в своем донесении генералу Духонину отметил, что «на улицах дрались только матросы и вооруженные рабочие, солдаты запасных полков были апатичны...». К сожалению, он не счел нужным опровергнуть неверное утверждение царского генерала об «апатичности» солдат, что отразило явную упрощенность классового подхода Покровского: пролетарскую революцию совершили-де исключительно рабочие и матросы, которые, как утверждал, Покровский, «больше представляли пролетариат, чем крестьянство»²⁷. Кроме того, приведенные Покровским факты дали ему возможность показать, как армии Северного и Западного фронтов выступили в поддержку Октябрьской революции, так как командование Ставки и этих фронтов оказалось бессильным что-либо противопоставить победоносной социалистической революции. Покровскому удалось раскрыть тактику контрреволюции: не сумев бросить против Петрограда армии фронта, она прибегла к обману и провокациям. В обращениях различных верхушечных организаций к армии утверждалось, что единственным препятствием к заключению мира являются... большевики! В этой провокации, как показал Покровский, генеральскую контрреволюцию поддерживали военные миссии союзников при Ставке в Могилеве во главе с французским генералом Лавернем. Вывод, который сделал Покровский из большого документального материала, важен не только как итог исторического исследования, но и как своеобразное признание ошибочности той «левой» позиции, которую автор отстаивал во время Брестских переговоров. «Этот эпизод с попыткой украсть лозунг мира у большевиков чрезвычайно интересен не только исторически, но и политически. ...Он напоминает нам, какое огромное значение в ноябре-декабре 1917 г. имело действительное заключение мира и как опасно было с этим играть...»²⁸

²⁶ Покровский М. Н. Большевики и фронт в октябре — ноябре 1917 г. — Красная новь, 1927, № 11.

²⁷ Там же, с. 158.

²⁸ Там же, с. 170.

Особо следует выделить в работах Покровского серию статей на тему «Интеллигенция в революции». Вопрос этот достаточно сложен. У Покровского он получил свою окраску и опеределенную тенденциозность. Известную роль сыграло и то обстоятельство, что реакционная университетская профессура еще до революции презрительно третировала Покровского как ученого, а после Октября усматривала в нем «перебежчика», изменившего своему ученому «сословию». Бойкот, саботаж, а затем участие кадетской профессуры в контрреволюционных заговорах последовательно разоблачались Покровским. Таковы его статьи «Заговор шпионов Антанты», «Наши спецы в их собственном изображении», «Кающаяся интеллигенция», «Разложение продолжается» и другие. Однако, захваченный этой борьбой, Покровский зачастую рассматривал всю старую интеллигенцию как сплошную реакционную массу, недооценив ее прогрессивной части, которая поставила свои знания и талант на службу революции.

В этой связи следует остановиться еще на одной особенности исторических произведений Покровского. Его работы являлись своеобразным источником по истории революции, свидетельством современника, активного участника событий. Сам Покровский как-то отметил: «Во всякой книге историка, который пишет о своем времени, неизбежно вкрапливаются автобиографические моменты мемуарного характера»²⁹. Покровский сказал это о книге П. Н. Милюкова, но это полностью относится и к нему самому. Так, в лекции «Ленин как тип революционного вождя» Покровский рассказал о своих беседах с В. И. Лениным в период столыпинской реакции — о думской тактике, об использовании легальных возможностей и т. д. В этой же лекции содержатся интересные мемуарные свидетельства о внутрипартийной борьбе в период Брестского мира, когда сам автор занимал «левокоммунистические» позиции. У Покровского мы найдем рассказ о его беседах с В. И. Лениным по библиотечному делу и изложение плана В. И. Ленина создания единой библиотечной сети, о преподавании истории революций. Особенно ценные мемуарные свидетельства мы находим в статье Покровского «Ленин и народное просвещение». Даже в статье «Как возникала Советская власть в Москве», в которой имеется специальная оговорка автора, что он пишет не мемуары, тем не менее содержатся многочисленные мемуарные отступления. В них Покровский часто передает такие нюансы настроений участников событий, которые мы вряд ли сможем обнаружить в других источниках; так, он говорит о «жертвенном» настроении некоторых членов советской делегации в Бресте, готовности погибнуть во имя интересов «мировой революции», что явно отражало влияние «революционной фразы», против которой так страстно боролся В. И. Ленин. Интересны его наблюдения о

²⁹ Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя: (Из лекции на курсах секретарей укомов).— Под знаменем марксизма, 1924, № 2.

психологии тех групп интеллигенции, которые, не желая видеть «воскресшего помещика при правлении воскресших Романовых», пошли за В. И. Лениным. «И пошли — иные не без тоскливых предчувствий. С тоской смотрели они, как сначала национализировали банки, потом разогнали учредилку... Безумие, утопия. И они готовились к честной революционной смерти — может быть, завтра, может быть, через месяц. Мы свой долг исполнили, а за «эксцессы», за увлечения, кто же отвечает? Какая же революция без них обходилась?»³⁰ В этой характеристике психологии «попутчиков» много верного, но в то же время проглядывает и скептическое отношение Покровского даже к той части интеллигенции, которая пошла на службу революции.

В освещении этой важной проблемы у Покровского явно преобладали злорадство и раздражение, на недопустимость которого указывал Покровскому В. И. Ленин. Если сравнить решение этой проблемы Покровским с тем, как она звучала в творчестве такого его современника, как поэт А. А. Блок, то при общем их критическом отношении к той части интеллигенции, которая не поняла революции, мы обнаружим существенную разницу в их позиции. Все статьи, выступления и поэтическое творчество Блока содержали страстный призыв «слушать революцию». У Покровского не только нет этого призыва, у него — твердая уверенность в политической глухоте старой интеллигенции, в ее неумении и нежелании слушать «музыку революции» и тем более принять ее. Эту свою трактовку постоянной конфронтации интеллигенции и революции Покровский сохранил до второй половины 20-х годов.

Покровскому принадлежит инициатива в разработке проблемы «Маркс и Ленин как историки». Статья о К. Марксе была им опубликована еще в 1918 г. Первая работа, в которой Покровский объединил проблему истории социалистической революции и характеристику ее вождя — В. И. Ленина, появилась в 1920 г.³¹ В этой статье Покровский выделил одну, важнейшую черту В. И. Ленина: умение предвидеть ход исторических событий. Эта черта личности В. И. Ленина как революционного вождя, подчеркивал Покровский, не только врожденный талант, но и результат «совершенной цельности мировоззрения», результат применения марксистской теории, научного прогнозирования. Потрясение, пережитое Покровским в связи со смертью В. И. Ленина, нашло свое отражение в большом цикле статей, написанных в 1924—1927 гг. В этих статьях Покровский охарактеризовал В. И. Ленина как революционного вождя, основателя Советского государства. Ему же принадлежала инициатива характеристики В. И. Ленина как историка³². Этот цикл статей обнаружил все более глубокое

³⁰ Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя.

³¹ Покровский М. Н. Вождь. — Правда, 1920, 23 апр.

³² Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя; Он же. Ленин в русской революции; Он же. Ленин и Маркс как историки.

проникновение Покровского в ленинское идейное наследие. Но тут выявилось важное обстоятельство: молодые советские историки — ученики Покровского — овладевали ленинским наследием быстрее и полнее, чем их учитель. И естественно, что, вооруженные ленинской методологией, они стали придирчиво присматриваться к тому, что предлагал Покровский, к его исторической и теоретической концепциям и критиковать то, что их не удовлетворяло.

М. Н. Покровский один из первых поставил вопрос о значении исторических трудов В. И. Ленина и его соратников: «Им нужно было найти тот рычаг, при помощи которого они могли оказывать влияние на ход исторического процесса, а для этого им нужно было разобраться в том вихре событий, которым они были охвачены или который хотя бы надвигался на них. От того, насколько правильно нащупают они операционную линию истории, зависела судьба не только их самих, но всего их дела, дела громадных общественных слоев, целых общественных классов. И, вовсе не желая писать историю, делая эту историю, они вынуждены были строить определенные исторические схемы, которые в одинаковой степени могли и должны были стать и руководством практической деятельности и основными вехами будущего исторического исследования»³³.

Уже в этой постановке вопроса о революционной роли марксистской исторической науки отразилось характерное для Покровского, а отчасти и для времени, понятие «схемы». Оно применяется им не в уничижительном смысле; это не просто скелет решения той или иной исторической проблемы. «Схема» у Покровского — синоним концепции. Слабость представлений Покровского в этом вопросе заключалась в том, что у него «концепция» предшествовала конкретно-историческому исследованию, а не вытекала из него. Когда он говорил о ленинской «схеме» русского исторического процесса, эта схема существовала для него вне связи с такими крупными исследованиями В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», как серия работ по аграрному и национальному вопросам, «Государство и революция» и др. В ряде случаев у Покровского происходила подмена понятий — он говорил об исторической «схеме» Октябрьской революции, созданной В. И. Лениным еще до Октября, что звучит парадоксально. В действительности же Покровский имел в виду тактический план В. И. Ленина, прогнозирование им событий, а не историческую «схему». Впрочем, сам Покровский подчеркивал разницу между историей событий и «схемой», основанной на прогнозе. Он отмечал, что автор «схемы» — В. И. Ленин «был в высшей степени далек от того, чтобы рассматривать свой прогноз как конкретное изображение того, что должно случиться. Он велико-

³³ Покровский М. Н. Октябрьская революция в изображении современников. — Историк-марксист, 1927, № 5, с. 3.

лепно создавал, до какой степени действительность капризна и до какой степени конкретные детали картины — а в них все для практической борьбы — могут измениться даже с сегодня на завтра»³⁴.

Историографические исследования всегда занимали видное место в работах Покровского. Историю исторической науки в России он рассматривал как поле острой идеологической борьбы, борьбы за марксизм. Пафос его историографических трудов — это пафос разоблачения монархистских, великодержавных концепций как крайне правого крыла реакционной исторической науки, так и либерально-буржуазных и мелкобуржуазных историков.

После победы Октября историографические задачи Покровского несколько видоизменились, хотя главное направление его работы осталось тем же. Октябрь выдвинул как центральную задачу изучение истории революции. Фальсификация этой истории буржуазными и мелкобуржуазными историками опиралась прежде всего на кадетскую концепцию истории России. Особую опасность представляла любая попытка протащить эту концепцию в партийную печать, причислить ее под «марксизм». Именно такую попытку предпринял в 1922 г. Троцкий; и первым, кто поднял оружие исторической критики против Троцкого, был Покровский. Но об этом — ниже.

Сейчас же нам необходимо выяснить, как Покровский сражался с главным источником всех «левых» и правых исторических фальсификаций — с кадетской историографией.

Историографическое исследование проблем истории Октября Покровский начал с критики концепций П. Н. Милюкова. Именно отсюда черпали свои аргументы меньшевики, неонародники, троцкисты. Эту роль буржуазной историографии Покровский отмечал еще в своей полемике с Троцким в 1922 г. Милюкову, как историку революции 1917 г. посвящены две работы Покровского³⁵. Он сразу же оговаривает, что как исторические исследования, рассматриваемые им книги Милюкова³⁶ не представляют ценности. Автор этих книг не имел в своем распоряжении необходимых источников или пользовался источниками недоброкачественными. Тем не менее книги Милюкова заслуживают рассмотрения, во-первых, по своей концепционной сущности. Во-вторых, эти труды Милюкова являются своеобразным памятником понимания или, вернее, непонимания буржуазным идеологом характера и хода революции. В-третьих, его книги весьма полезны для выяснения позиций русской буржуазии в 1917 г., для характеристики российской контрреволюции и раскрытия причин краха белогвардейщины. И, наконец, подчеркивал Покровский, книги Милюкова

³⁴ Покровский М. Н. Октябрьская революция в изображении современников.

³⁵ Покровский М. Н. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; *Он же*. Буржуазная концепция пролетарской революции. М., 1927.

³⁶ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1, ч. 1. Противоречия революции.

содержат весьма интересный мемуарный материал, который является ценным источником по истории буржуазной мысли революционной эпохи.

«Противоречия г-на Милюкова» — одна из самых ранних историографических работ в советской исторической науке. Брошюра Покровского под таким названием вышла в 1922 г. Будущие советские историографы в большинстве своем еще проходили «школу», историографические выступления В. А. Быстрянского, В. И. Невского и других носили ярко выраженный публицистический характер. Работа Покровского против Милюкова отличалась прежде всего тем, что в ней критически рассматривалась не только концепция Милюкова, но и фактическая основа этой концепции. И Покровскому удалось блестяще доказать несостоятельность этой основы.

Статьи Покровского интересны тем, что в них показан крах всей исторической концепции Милюкова. Когда Милюков пытался объяснить причины и ход революции 1917 г., то от его старой теории «народной обороны от степи», о государстве, как демиурге истории, не оставалось и следа. Возникла «новая» теория, по которой государство было «наложено» сверху на родовой строй, государственная власть на Руси всегда оставалась чуждой народу, а сам народ по своей природе был склонен к анархии и бунтам. Покровский показал, что эта «новая» теория явилась перепевом славянофильских концепций, шагом назад от школы В. О. Ключевского. Но и на этих позициях, отмечал Покровский, Милюков не удержался. В противоречии со своей «теорией» Милюков вынужден был признать, что в основе борьбы крестьянства в 1917 г. лежала отнюдь не склонность к анархии, а вполне реальное стремление ликвидировать помещичье землевладение и получить землю. Покровский считал это признание Милюкова весьма важным, так как оно свидетельствовало, что буржуазный историк вынужден был привнести в свою концепцию элемент классового анализа. Вместо теории, утверждавшей, что безликая народная масса прикрыта, как колпаком, государственной властью, «вырастает другая теория, что русская история — крестьянская история...»³⁷.

М. Н. Покровский раскрыл реставраторскую сущность и этой теории Милюкова. Крестьянство понадобилось Милюкову потому, что в нем кадетский лидер увидел единственную реальную силу, на которую может опереться контрреволюция. Покровский назвал эту концепцию Милюкова антипролетарским, контрреволюционным пониманием русской истории. Милюков, писал Покровский, «хватается за те классы, которые кажутся ему враждебными социалистическому строю, но которые в действительности враждебными не являются»³⁸.

³⁷ Покровский М. Н. Октябрьская революция. М., 1929, с. 166.

³⁸ Там же, с. 167.

М. Н. Покровский блестяще разоблачил клеветнические контрреволюционные измышления о некоей «роли германского Генерального штаба» в революционном движении 1917 г. Если в книге «История Второй русской революции» Миллюков строил свою «схему» на этом мифе, основываясь на «показаниях» заурядного шпиона царской разведки Ермоленко, то после статьи Покровского «Противоречия г-на Миллюкова» последнему пришлось отказаться от этой версии. В новой книге Миллюкова «Распад России» о Ермоленко не было уже ни слова. Покровский не без иронии писал по этому поводу, что Миллюков, «когда ему доказали, что Ермоленко бывший царский шпик, бывший охранник... после этого Миллюков, поскольку в нем остались следы исторической совести, не мог воспроизвести Ермоленко»³⁹.

Покровский явно преувеличил «добросовестность» Миллюкова, который взамен показаний Ермоленко взял на вооружение миф о том, что большевистский лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения подсказан был... теми же немцами. Покровский отметил, что история сыграла злую шутку с Миллюковым — этот некогда «разоблачитель» германского Генерального штаба стал в 1918 г. придерживаться германской ориентации, видя в кайзеровской Германии силу, способную сокрушить большевизм. Об этой странице своей биографии, как правильно подчеркивал Покровский, «патриот» Миллюков умалчивал.

М. Н. Покровский справедливо усмотрел характерную черту буржуазной контрреволюции — ее космополитичность, готовность пойти на союз с любым вчерашним «врагом» против пролетарской революции. «Миллюкову не приходило в голову, что настоящий распад старой России в таких фактах и выражался, как выражался, впрочем, и во время Великой Французской революции, когда поступление французских эмигрантов на службу в Австрии, в России означало их духовную смерть», — писал Покровский⁴⁰.

В 1927 г. Покровский предпринял наиболее результативную попытку изложить свое понимание ленинской концепции Октябрьской революции. В статье «Октябрьская революция в изображении современников» Покровский решал двоякую задачу: он стремился показать сущность ленинской концепции истории Октября и с этих позиций подвергнуть критике концепцию Троцкого. Эта статья была задумана как первая в серии историографических очерков по истории Октября. Об этом говорит сам Покровский, который называл свою статью «первым очерком» и отметил его знаком «I»⁴¹. Две концепции, две «схемы» революции противостояли друг другу, «как два метода руководства революцией»⁴². Покровский считал невозможным изучение истории Октябрьской

³⁹ Покровский М. Н. Октябрьская революция, с. 157.

⁴⁰ Там же, с. 168, 169.

⁴¹ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 3.

⁴² Там же, с. 4.

революции, «не выяснив во всех подробностях своего отношения как к ее действительно марксистской схеме, так и к искажению последней»⁴³. Исходные идейные основы ленинской концепции Покровский видит в «Двух тактиках...», в «Итогах дискуссии о самоопределении» и других работах В. И. Ленина. Ценность этой работы Покровского заключается в том, что он предпринял попытку изучить «ход мыслей» В. И. Ленина в их историческом развитии.

Остроумно, последовательно, то с иронией, то с сарказмом Покровский показывает несостоятельность троцкистских утверждений о «переворужении» большевизма. Он не оставляет камня на камне от этих построений Троцкого, показав, что в работах 1905—1917 гг. В. И. Ленин последовательно разрабатывал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Работы В. И. Ленина до 1905 г. Покровский не использовал, многих из них он, видимо, тогда еще не знал. Он особенно подчеркивал такие положения В. И. Ленина, как роль Первой мировой войны в ускорении революционного процесса, в сближении буржуазно-демократического и социалистического этапов революционного процесса. В ленинских тезисах 1915 г. Покровский подчеркнул те положения, которые свидетельствовали, что ближайшим этапом революции в России будет этап буржуазно-демократический, который принесет с собой и новую расстановку классовых сил: «Коалиция пролетариата и беднейшего крестьянства намечается в тезисах 1915 года достаточно определенно», — писал Покровский⁴⁴. Этим самым Покровский отходил от своих ошибочных взглядов в оценке Февральской революции как революции социалистической. «Письма из далека» Покровский рассматривал как конкретный план перехода от Февраля к пролетарской революции. Он выделил те новые моменты исторической обстановки после Февраля, которые послужили для В. И. Ленина объективной основой развития его теории социалистической революции. Однако Покровский не оценил должным образом такого своеобразного явления, созданного в ходе Февральской революции, как двоевластие, хотя он очень близко подходил к пониманию этой проблемы.

Несомненной заслугой Покровского является выделение в концепции В. И. Ленина положений о соотношении демократических и социалистических задач Октябрьской революции, о решении буржуазно-демократических задач «походя, мимоходом, как „побочный продукт“ нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы»⁴⁵.

С позиций ленинской концепции Покровский подверг уничтожающей критике троцкистскую фальсификацию истории Октяб-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 8.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 147; Покровский М. Н. Октябрьская революция в изображении современников, с. 14—15.

ря. Покровский был одним из тех профессиональных историков, которым принадлежит заслуга выступления против троцкистской концепции русского исторического процесса еще в начале 20-х годов XX в. Тогда, в 1922 г., Покровский в ожесточенной полемике с Троцким доказал, что последний позаимствовал свою «схему» исторического процесса у буржуазных историков государственной школы. Теперь, в 1927 г., Покровский раскрыл, к чему привела Троцкого его идеалистическая антимарксистская методология.

В противоположность В. И. Ленину, у которого в основе анализа революционного процесса от Февраля к Октябрю лежал классовый принцип, исследование соотношения классовых сил в стране, Троцкий считал, что это соотношение не изменялось на всем протяжении 1917 г., менялось-де лишь настроение масс, причем вне связи с объективным состоянием классовой борьбы. Покровский справедливо назвал такую интерпретацию событий «карикатурой на марксизм». «Решает все „настроение“, „соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс“, — иронизировал Покровский. — В феврале у пролетариата не было „настроения“ — он не взял власти, в октябре „настроение“ пришло — он взял власть»⁴⁶. Процессы, которые В. И. Ленин проанализировал в «Грозящей катастрофе...», как и крестьянское восстание в сентябре — октябре 1917 г., Троцкий просто игнорировал, что полностью роднило его идеи с меньшевистской концепцией революции 1917 г. Как верно отметил Покровский, Троцкий игнорировал «объективные сдвиги именно в классовых отношениях»⁴⁷.

Покровский показал также, что по вопросу о роли крестьянства в революции позиции Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева совпадали. Оба они считали, что добросовестное оборончество имело своей базой «национально-патриотическую ограниченность деревни»⁴⁸. Принцип классового анализа применялся ими, так сказать, наизнанку. Добросовестное оборончество масс (и не только крестьянства, но и части рабочих) отнюдь не было выражением классовых интересов трудящихся крестьян и тем более рабочих. Оно потому и было названо В. И. Лениным «добросовестным», ибо массы — в классовом смысле — не заинтересованы в войне, в аннексиях, в удушении свободы других народов. В добросовестном оборончестве сказывалась идеологическая зависимость масс от буржуазии, их несознательность, забитость, неорганизованность как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Покровский привел эти положения В. И. Ленина, противопоставляя их взглядам Троцкого и Зиновьева. «Итак, — заключал Покровский, — отсутствие симпатии к классовому анализу, попытки избежать это-

⁴⁶ Покровский М. Н. Октябрьская революция в изображении современников, с. 17.

⁴⁷ Там же, с. 18.

⁴⁸ Там же, с. 24, 26.

го анализа и теоретически оправдать такие отклонения тем, что «история строится не только классовыми отношениями», — все это лишь проявление спасительного чувства самосохранения: там, где Троцкий пытается классово обосновать свои формулировки, это ему не удается»⁴⁹.

Покровский не раскрыл сущности глубокого противоречия концепции Троцкого: при негативной оценке крестьянства как реакционной силы, он именно крестьян-солдат Петроградского гарнизона изображал как главную силу Октябрьского вооруженного восстания. Рабочие — по Троцкому — только с интересом наблюдали, как развивался конфликт солдат гарнизона с командованием штаба округа. А уже когда солдаты восстали, рабочие присоединились к ним. Покровский пытается объяснить такую непоследовательность Троцкого тем, что у него, в отличие от В. И. Ленина, вообще, никакой «схемы» не было. «Ленин руководился фактами, которые действительно имели место. Троцкий отправляется от своих впечатлений, созданных фактами, которые иногда действительно имели место, иногда никогда не имели места и являются созданием творческой фантазии», — писал Покровский⁵⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Покровскому вполне удалось доказать методологический порок рассуждений Троцкого — отказ от классового анализа событий 1917 г. Но раскрыть объективный смысл содержания антимарксистской троцкистской схемы истории Октябрьской революции (а эта схема как раз имела!) Покровский не сумел, хотя подошел он к ее пониманию очень близко. Если судьба революции в России решается в Европе, как утверждал Троцкий, то только цепь случайностей могла помочь силам революции продержаться до победы европейского пролетариата. На это звено концепции Троцкого Покровский указал, но на этом он и остановился. Иными словами, он остановился там, где исторически, логически и политически раскрывалось отрицание Троцким закономерности победы Октябрьской революции. А ведь именно в этом звене смыкалась концепция Троцкого с концепциями меньшевиков.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что заслугой Покровского является его критика двух, противостоящих марксизму, концепций Октябрьской революции — кадетской (Миллюков) и меньшевистско-троцкистской. При всей незавершенности этой критики она явилась существенной частью той общей борьбы, которую вел ленинизм, партия коммунистов на идеологическом фронте против буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

Итоги своей многолетней работы по истории России Покровский подвел в небольшой статье, которая являлась переработкой текстов его выступлений на трех семинарах в Институте Красной

⁴⁹ Там же, с. 31.

⁵⁰ Там же, с. 34.

профессуры в ноябре-декабре 1930 г. и феврале 1931 г.⁵¹ Эта статья для нас важна, так как в ней Покровский в значительной мере пересматривает свои взгляды на проблему предпосылок трех революций в России. Она была написана Покровским в условиях тяжелой, смертельной болезни и является свидетельством его беспощадно-самокритичного отношения к ошибочным положениям своей исторической концепции. Он отбрасывает положения о «торговом капитализме», показывает действительное место и роль торгового капитала в экономическом развитии России, раскрывает значение теории социально-экономических формаций. Наряду с критикой положений о «примитивной экономической основе» развития России он подвергает критике тезис Н. И. Бухарина о России как самом слабым звене в цепи империализма. Он вносит, наконец, существенную поправку в свое понимание социальной сущности самодержавия в XIX—XX вв., опираясь при этом на труды В. И. Ленина. Но главное, что волнует Покровского в этой статье (как и в полемике против Троцкого), — это вопрос о социально-экономических предпосылках Октябрьской революции, как революции социалистической. И вопрос этот решается им на основе строгой научности.

М. Н. Покровский был связующим звеном между двумя поколениями советских историков. Первое поколение вышло из среды профессиональных революционеров, активных участников борьбы за победу Великого Октября. Для этого поколения историческая наука не была главным делом их жизни, а составляла как бы дополнительное оружие к тому арсеналу, которым они пользовались как партийные и государственные деятели.

Второе поколение формировалось после победы Великой Октябрьской социалистической революции, прошло испытания гражданской войны, накопило огромный политический опыт и постепенно формировалось в кадровый отряд профессиональных историков.

Покровский принадлежал и к тем и к другим. Он еще до Октября был профессиональным революционером и профессиональным историком. Он мог с полным основанием сказать о себе, что принадлежит к тем, кто творил революцию и пишет ее историю. Но именно это обстоятельство наложило определенный отпечаток на психологический облик историка. Покровский понимал это. «Как странно, — отмечал он, — писать их историю (историю трех русских революций. — *Е. Г.*) нашему поколению, выросшему под знаком ожидания революции»⁵².

Нужны были большая прозорливость, методологическая вооруженность, умение критически оценить свой собственный опыт, не смешивая субъективные оценки с объективным ходом истории.

⁵¹ Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. — Борьба классов, 1931, № 2.

⁵² Покровский М. Н. Два Октября. — Спутник агитатора, 1925, № 18, с. 30.

ческого процесса. Покровский не всегда справлялся с этой трудной задачей. Полтора десятилетия после победы Октября были для Покровского периодом острых сражений не только с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, но и с самим собой, постоянно преодолевая ошибки и противоречия своей исторической концепции. И в этом смысле труды этого талантливого историка и крупного организатора советской исторической науки являются памятником советской исторической мысли.

В последние годы своей жизни Покровский интенсивно работал над пересмотром своей исторической концепции. В работе о 1905 г.⁵³ он, опираясь на труды В. И. Ленина, пересматривает свою характеристику социальной сущности самодержавия. Он трактует царизм как диктатуру помещиков, которая держится своей монополией на землю. Покровский обращает внимание на недопустимость смешения буржуазной и социалистической революций; подвергает основательной критике троцкистскую «теорию» перманентной революции, вскрывает меньшевистскую суть этой теории, ее главную идею о реакционной роли крестьянства. Он снова, как и в 1922 г., разоблачает троцкистскую «теорию» внеклассового происхождения самодержавия, показав вместе с тем порочность и антиисторичность утверждений Л. Д. Троцкого о напосном характере капитализма в России, который якобы был создан самим царизмом.

В работах о 1905 г. Покровский снова обращается к ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Его интересует проблема развития этой теории в трудах В. И. Ленина. В статье «1905 год»⁵⁴ он последовательно критикует тех историков, которые отрицали постановку этой проблемы Лениным в 1905 г. Покровский внес также существенные дополнения в критический анализ троцкистских «теорий», показав, что в их основе лежало отрицание руководящей роли пролетариата по отношению ко всем непролетарским слоям трудящихся.

Таким образом, в последние два года своей жизни Покровский значительно продвинулся на пути овладения ленинским теоретическим наследием.

М. Н. Покровский сыграл крупную роль в истории изучения двух революций 1917 г. Он первым взялся за формирование архивных фондов по истории революций и первым же прикоснулся к ним рукой исследователя. В результате появился цикл его работ по истории 1917 г., в известной мере сохраняющий свое значение и на современном этапе. Боевая направленность его историографических работ, его постоянная борьба против кадетской и троцкистско-меньшевистской концепций истории революции служат и сейчас советской исторической науке.

⁵³ Покровский М. Н. 1905 год. М., 1930.

⁵⁴ Покровский М. Н. 1905 год.— Большевик, 1931, № 1.

А. И. Алаторцева

Андрей Васильевич Шестаков (1877—1941) — видный ученый и организатор науки, исследователь истории трех российских революций — принадлежал к первому поколению советских историков¹.

Рано начав трудовую деятельность, Шестаков связал свою судьбу с социал-демократическим движением, стал профессиональным революционером — большевиком. Революционная деятельность Шестакова неоднократно прерывалась арестами, тюремными заключениями, ссылками. Яркой страницей биографии Шестакова явилось его участие в первой русской революции 1905—1907 гг. Он был одним из создателей Московской окружной организации большевиков, в составе дружинников дрался на баррикадах в период Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В дни Великого Октября по заданию МК партии работал пропагандистом, руководил уличными боями. Вся биография Шестакова была связана с революционным движением в России, с борьбой за победу пролетарской революции и построение социализма.

Активный участник революционного движения, Шестаков стал одним из первых его активных исследователей. Ведущей темой его творчества явилась история революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции². Первые ли-

¹ Подробнее биографические данные и характеристику творчества А. В. Шестакова см.: БСЭ, 1-е изд., 1933, т. 62; 2-е изд., 1957, т. 48; 3-е изд., 1978, т. 29; СИЭ, 1976, т. 16, а также: А. В. Шестаков. [Некролог].— Исторический журнал, 1941, № 7-8; Луцкий Е. А. А. В. Шестаков.— История СССР, 1967, № 3; Алаторцева А. И. А. В. Шестаков — первый редактор журнала «Историк-марксист».— История СССР, 1973, № 3; Она же. А. В. Шестаков — историк и революционер.— Там же, 1978, № 6.

Революционная деятельность Шестакова нашла свое отражение в воспоминаниях участников революционного движения: Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М., 1934; Горчилин А. И. 1905 год на Казанке. 2-е изд. М., 1934; Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940; Лядов М. Н. Из жизни партии. М., 1926. См. также кн.: Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966; Очерки истории Калининской организации КПСС. Калинин, 1971.

² Современные исследователи в целом высоко оценивают работы А. В. Шестакова по истории революции 1905—1907 гг. и Великого Октября. (См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV, гл. V, § 6 (авторы — И. Ф. Угаров, Н. Н. Яковлев), гл. IV, § 1 (автор — Г. Н. Голиков); Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927 гг. М., 1972; Голуб П. А. О блоке большевиков с левы-

тературные опыты Шестакова, относящиеся ко времени первой российской революции, были одновременно и его первыми историческими работами. Практическая работа революционера подсказала их тему: аграрный вопрос в революции³. Написанные выразительным языком, эти работы были основаны на тщательной проработке прессы, содержали громадный фактический материал, личные наблюдения автора.

Уже в годы Советской власти Шестаков вернулся к ранним работам и на их основе написал научно-популярную брошюру «Бунт земли»⁴. Эта работа привлекала насыщенностью фактическим материалом, четкостью позиции автора, стремлением донести до широких масс ленинские революционные идеи.

Несколько позднее, в связи с 20-летием первой русской революции, Шестаков вновь обратился к этой теме и написал небольшую монографию о крестьянском движении в революции 1905—1907 гг.⁵ Сохранив структуру ранних работ, автор насытил ее архивным материалом. Это позволило исследователю нарисовать широкую картину крестьянского движения в период революции.

К числу достоинств этого исследования Шестакова нужно отнести то, что крестьянское движение было дано на общем фоне революционных событий в стране, вписано в общую канву революции. Исследователь рассматривал причины движения, анализировал его особенности.

Автор уделил немало места характеристике рабочего класса как руководящей силы революции, подчеркивал необходимость союза крестьянства с пролетариатом для успеха в деле осуществления программы революционных преобразований в стране — уничтожения политического и экономического господства царизма и помещиков.

Давая периодизацию крестьянского движения в связи с общим ходом революции, Шестаков тщательно выявлял формы крестьянского движения, особо останавливаясь при этом на первых крестьянских организациях. Рассматривая их историю, в том

ми эсерами в период подготовки и победы Октября. — Вопросы истории КПСС, 1972, № 9; *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; *Смирнов А. С.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976; *Партия и Великий Октябрь: Историкографический очерк.* М., 1976; *Гинее В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977.

³ *Никодимов Н., Ларионов П. (Черномордик).* Крестьянское движение и аграрный вопрос. М., 1906; *Никодимов.* Сельские рабочие, их жизнь и борьба. СПб., 1907; *Дим Н.* Сельский пролетариат в России. СПб., 1906; *Никодимов* и *Дим* — псевдонимы А. Шестакова. Многие из работ не сохранились, так как были конфискованы правительством.

⁴ *Никодимов.* Бунт земли. М., 1923.

⁵ *Шестаков А.* Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М.; Л., 1926.

числе Всероссийского крестьянского союза, Шестаков отмечал деятельность эсеров, которые стремились использовать эти организации для подчинения движения интересам своей партии. Он отмечал беспринципность эсеров, их хвостизм, соглашательство. Как писал сам Шестаков, в своей работе он ставил задачу «развенчать эсеров не только как социалистов, но и как революционеров»⁶. Здесь проявилась еще одна черта Шестакова как революционного историка — последовательная критика буржуазных и мелкобуржуазных партий в революции, разоблачение фальсификаций в писаниях их идеологов и апологетов. Боевой, наступательный характер был присущ всем его работам.

Актуальность, глубокое понимание связи исторического опыта с современной обстановкой в стране отличали творчество Шестакова. Его исследовательская и научно-организационная деятельность совпала в основном с периодом становления советской исторической науки. Перед советскими историками стояла тогда задача утверждения марксистско-ленинской концепции исторического развития. Решение этой задачи протекало в условиях ожесточенной борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией и историографией, в первую очередь по вопросам истории Великой Октябрьской социалистической революции. Необходимо было в ходе преодоления враждебных концепций создать подлинно научную историю, обобщить международный опыт революционных преобразований в стране, строительства социализма в России.

Залогом успешной работы историков в этом направлении должно было стать всестороннее творческое усвоение ленинской теории социалистической революции. Справедливо выдвигая историю Октября как ведущую тему исследования, советские историки рассматривали Великую Октябрьскую социалистическую революцию как кульминационный момент революционного движения в России и придавали большое значение изучению истории трех российских революций.

Как уже указывалось, внимание Шестакова как исследователя привлекли вначале проблемы аграрной истории первой русской революции. Интерес к этой тематике сохранился у него и позже. В ряде статей и небольших исследований им были воссозданы как общая картина крестьянского движения в революции⁷, так и роль в нем движения сельских рабочих⁸.

⁶ Шестаков А. Бунт земли: (Крестьянская революция 1905—1906 гг.). М., 1923, с. 11.

⁷ Шестаков А. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России; *Он же*. Крестьянство в революции 1905 г. М.; Л., 1930; *Он же*. К вопросу о борьбе за крестьянство в революции 1905 г.—Старый большевик, 1932, № 2. Будучи на работе в Воронеже, Шестаков изучил местные архивы и написал содержательную работу «Кулак и бедняк ЦЧО в революции 1905 г.» (Воронеж, 1930).

⁸ Шестаков А. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1930; *Он же*. Сельские рабочие как движущая сила револю-

Анализируя все эти работы в их совокупности, нетрудно обнаружить определенную эволюцию во взглядах исследователя на решение целого ряда сложных исторических проблем. Как правильно подметил Е. А. Луцкий⁹, в работах Шестакова первой половины 20-х годов в той или иной степени проявились его взгляды, сложившиеся еще в 1905 г. и тогда уже подвергшиеся критике со стороны В. И. Ленина¹⁰.

Проследивая связь крестьянского движения с пролетарским, Шестаков трактовал это движение как крестьянскую революцию и тем самым невольно поддерживал ошибочное утверждение о наличии якобы в 1905—1907 гг. «двух революций». Придавая большое значение критике антинародной политики мелкобуржуазных партий, решительно опровергая троцкистско-меньшевистскую недооценку крестьянства как одной из движущих сил революции и в то же время не соглашаясь с эсеровской идеализацией крестьянства как «носителя» идеи социализма, Шестаков на первых порах не сумел дать правильной характеристики социального состава партии социалистов-революционеров, полагая, что они в революции 1905—1907 гг. пользовались поддержкой исключительно зажиточной части крестьянства. Тем самым он упрощенно трактовал задачи партийных организаций большевиков по работе среди крестьянства. Не случайно автор не сумел в свое время правильно оценить ошибок Московской окружной партийной организации большевиков (в руководстве которой был и сам Шестаков в период революции) при организации работы в деревне, что привело, в частности, к изоляции большевиков на съезде Крестьянского союза Московской губернии (май 1905 г.) и весьма затруднило работу большевистских делегатов на последующих съездах Всероссийского Крестьянского союза.

Привлекая большой архивный материал, широко используя прессу периода революции, Шестаков обратился к детальному изучению классовой борьбы внутри крестьянства: состава его участников, идеологии и т. д. Сосредоточив особое внимание на исследовании роли сельского пролетариата, Шестаков не сумел избежать некоторого преувеличения остроты его борьбы против сельской буржуазии на этом этапе. Подобные выводы Шестакова в свою очередь были обусловлены ранее высказанными им гипертрофированными оценками подъема крестьянского хозяйства и, напротив, известной недооценкой значения полукрепостнических отношений в русской деревне в период, предшествовавший первой русской революции, когда главным было все же

ции 1905 г.—Историк-марксист, 1930, № 18-19; *Он же*. Сельские рабочие в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1930.

⁹ Луцкий Е. А. Указ. соч., с. 138.

¹⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 219, 222.

противоречие между помещиками и крестьянством в целом. Эти выводы исследователя спиралью шли к его работам по истории аграрного капитализма в России, выполненные в середине 20-х годов XX в.¹¹ Опираясь на труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», автор проследил особенности развития капитализма в деревне, рассмотрел процессы расслоения крестьянства в сельском хозяйстве пореформенной России, поставил вопрос о проникновении финансового капитала в аграрные отношения. Особый интерес представляли разделы о борьбе сельскохозяйственных рабочих до 1905 г. и в период 1905—1907 гг. Широко использовал столичную и провинциальную прессу, Шестаков констатировал наличие организованного массового подъема деревенского пролетариата (даже преувеличивая его степень), отмечал сближение его с классовой борьбой городского пролетариата, проявлявшееся, в частности, в выдвижении требований увеличения зарплаты, улучшения условий жизни, сокращения рабочего дня и т. п. В то же время он отмечал слабое политическое руководство этим движением, что, вообще говоря, противоречило выводу о его организованности.

Большое место в работах Шестакова уделялось показу роли партии большевиков по руководству крестьянским движением. В этом вопросе позиция его выгодно отличалась от позиции некоторых других историков, которые в работах 20-х годов недооценивали деятельность партии большевиков в деревне, преуменьшали интенсивность борьбы партии за высвобождение крестьянских масс от влияния эсеров и других мелкобуржуазных партий. Свое отношение к решению этих важнейших вопросов Шестаков четко высказал во время дискуссии в Обществе историков-марксистов в 1925 г. в прениях по докладу С. М. Дубровского «Крестьянство в революции 1905 г.»¹².

Мысль о партийном руководстве крестьянским движением в первой русской революции 1905—1907 гг. пронизывала все работы Шестакова. Он тщательно анализировал резолюции партийных съездов и конференций по аграрному вопросу.

В связи с 30-летием II съезда партии Шестаков выступил с развернутой статьей-воспоминанием о работе большевиков среди крестьянства, которая представляет особый интерес в связи с тем, что в ней автор преодолел некоторые заблуждения и неясности в трактовке отдельных вопросов, которые были присущи ему ранее¹³. Он справедливо отмечал тесную связь вопроса о крестьянстве как союзнике пролетариата в буржуазно-демократи-

¹¹ Шестаков А. В. (Никодим). Капитализация сельского хозяйства России: (От реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; *Он же*. Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России. М., 1924. Т. 1.

¹² Историк-марксист, 1926, № 1, с. 271.

¹³ Шестаков А. В. Крестьянский вопрос в период II съезда.— Старый большевик, 1933, сб. 3.

ческой революции с вопросом о крестьянских резервах в период перерастания этой революции в социалистическую и в самой социалистической революции. Большое место отводилось в работе показу роли В. И. Ленина как теоретика и революционера-практика при выработке аграрной программы РСДРП(б). Анализируя ленинские произведения по крестьянскому вопросу, Шестаков подчеркивал непримиримый характер борьбы вождя большевиков с различного рода ревизионистскими теориями западноевропейских социал-демократов, легальных марксистов, народников, меньшевиков и др. Все это явилось, указывал он, залогом создания марксистской аграрной программы, в основу которой была положена ленинская идея необходимости ликвидации остатков крепостничества и мобилизации крестьян на революционную борьбу. Рассматривая события революции 1905—1907 гг., Шестаков делал упор на ленинскую установку в аграрном вопросе, подчеркивающую задачу доведения до конца буржуазно-демократической революции и учитывающую социалистические цели борьбы пролетариата. Именно этим установкам, отмечал он, отвечала аграрная программа большевиков, включавшая требования экспроприации всей помещичьей земли, организации революционного крестьянства, создания революционных крестьянских комитетов. Большое внимание Шестаков уделил постановке аграрного вопроса на III съезде партии большевиков, особенно останавливаясь на резолюции, подчеркивающей важность и необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата и др.

Наиболее полно тема борьбы большевиков за вовлечение крестьянских масс в революцию нашла свое отражение в статье Шестакова, написанной в связи с 35-летием революции¹⁴. В этой основанной на архивных источниках обстоятельной работе он рассматривал реализацию постановления III съезда партии большевиков об агитации и пропаганде среди крестьянства: он писал об организационных формах, о специфических трудностях работы среди крестьянства, о роли революционеров-профессионалов. Подробно анализировались автором прокламации, листовки, газеты, брошюры большевиков, указывалось на их значение для политического воспитания крестьянства, для вовлечения его в революционную борьбу под руководством пролетариата. Особо останавливался Шестаков на устной агитации и пропаганде, отмечал их более широкий размах. Результаты революционной деятельности большевиков, приходил к выводу исследователь, выразились в развертывании политических выступлений крестьян в форме митингов, демонстраций, вооруженных восстаний.

Говоря о значении работ А. В. Шестакова по аграрной истории первой русской революции, давая им общую, в целом положитель-

¹⁴ Шестаков А. В. Агитация и пропаганда в деревне в революции 1905—1907 гг.— Историк-марксист, 1935, № 12.

ную характеристику, необходимо обратить внимание на значение этих работ в процессе утверждения в советской историографии ленинской концепции революции 1905—1907 гг.¹⁵ Исследования Шестакова вносили много ценного в решение принципиальных вопросов истории революции: ее причины и характер, движущие силы, формы борьбы, проблемы создания политической армии революции, укрепление союза пролетариата с крестьянством, руководящая роль партии большевиков, разоблачение антинародной политики буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Конкретные исследования Шестакова и ряда других аграрников помогли советским историкам найти правильные ответы на вопросы о главной особенности первой русской революции. Широкое изучение аграрной истории революции 1905—1907 гг. способствовало утверждению в советской историографии ленинского понимания решающего значения крестьянского вопроса, что явилось ударом по троцкистско-меньшевистскому тезису о «реакционности» крестьянства.

Большое значение имело изучение форм массовой борьбы, выявление их пролетарского характера. Весомый вклад в изучение этого аспекта истории революции был внесен работами Шестакова об Октябрьской стачке в 1905 г.¹⁶ В своих ранних исследованиях автор допускал ошибку принципиального характера, считая Всероссийскую октябрьскую стачку высшим моментом подъема революции. По мере овладения ленинским теоретическим наследием, всестороннего изучения источников он пришел к выводу, что «всеобщая октябрьская стачка была прологом еще большего подъема революционной волны», который справедливо связывался им с Декабрьским вооруженным восстанием¹⁷.

¹⁵ Всем своим содержанием работы А. В. Шестакова были направлены против кадетских и троцкистско-меньшевистских концепций первой русской революции 1905—1907 гг., в частности, — попыток представить массовое революционное крестьянское движение как «смуту» и «бунт», преуменьшить его размах, отрицать его политическое значение как антифеодального, рассматривать в отрыве от пролетарского, игнорировать рост классовой сознательности и организованности в процессе развития революции, считать невозможным союз рабочего класса и крестьянства и др. Тезис о «реакционности» крестьянства по-прежнему широко используется современными буржуазными историками (Подробнее см.: *Зырянов П. Н., Шелохаев В. В.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 84—123; *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977, с. 112—227; *Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, с. 62—66.

¹⁶ *Шестаков А.* Октябрьская стачка 1905 г. Харьков, 1925; *Он же.* Всеобщая октябрьская стачка 1905 г. — В кн.: 1905. История революционного движения в отдельных очерках. М.; Л., 1926, т. 2; *Он же.* Всеобщая стачка в октябре 1905 г. М.; Л., 1926.

¹⁷ *Шестаков А.* Революция 1905 г. и Московское вооруженное восстание. — Старый большевик, 1932, № 2; *Он же.* Всеобщая Октябрьская стачка в Москве. — Борьба классов, 1934, № 7-8.

Правильно связывая появление первого Совета рабочих депутатов с иваново-вознесенской стачкой в апреле—мае 1905 г., Шестаков указывал на роль Октябрьской стачки в создании сети Советов рабочих депутатов, отмечал активизацию деятельности профсоюзов и др. Сжатая, но очень выразительная характеристика была дана политике царского правительства, которое действовало методами запугивания и репрессий, но вынуждено было под давлением масс пойти на уступки, издав манифест 17 октября 1905 г.

Сильной стороной творчества исследователя была критическая направленность его работ: на большом фактическом материале Шестаков разоблачал соглашательскую политику мелкобуржуазных партий эсеров, меньшевиков, троцкистов¹⁸. Анализируя их поведение в ходе стачки, Шестаков вслед за В. И. Лениным указывал на взаимозависимость политики мелкобуржуазных партий и их общего взгляда на революцию: либеральная боязнь революции у меньшевиков и троцкистов, отрицание вооруженного восстания, абсолютизирование стачки, политический анантюризм эсеров, общее для них отрицание необходимости организационной и политической работы в широких народных массах и др.

Среди работ Шестакова нет обобщающей работы по истории революции 1905—1907 гг. в целом. Однако отдельные высказывания по принципиальным вопросам революции в своей совокупности образуют довольно цельное изложение и обоснование марксистско-ленинской концепции ее истории. По-ленински определяя первую русскую революцию как буржуазно-демократическую, Шестаков указывал на значение крестьянского вопроса в революции, подчеркивал пролетарский характер методов борьбы, прослеживал единство революционного движения в России с западноевропейским, отмечал международный характер революции 1905—1907 гг.

Широта интересов была присуща Шестакову и как историку Великой Октябрьской социалистической революции. Тщательное изучение ленинских работ, стремление к овладению ленинской методикой исследования, ленинскими принципами научной критики помогали ему в разработке узловых проблем аграрной истории Октября¹⁹, которая стала одним из ведущих направлений в его

¹⁸ Одновременно работы А. В. Шестакова направлены против попыток троцкистско-меньшевистских идеологов и историков отрицать за пролетариатом роль гегемона в буржуазно-демократической революции, фальсифицировать вопрос о происхождении Советов, их деятельности, характере и значении для развития революции, абсолютизировать стачку, противопоставлять ее вооруженному восстанию и др. В то же время они разоблачали авантюризм эсеров в подходе к революции, теорию заговора и террора.

¹⁹ Шестаков А. Очерки по истории сельского хозяйства и крестьянского движения в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927; *Он же*. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.; Л., 1927; *Он же*. Крестьянские организации и первый съезд Советов крестьянских депутатов.— Пролетарская революция, 1927, № 5; *Он же*. Июльские дни в де-

творчестве и которая имела громадное не только научное, но и практическое значение в условиях острейшей идеологической борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией и выступлениями правых внутри страны, в условиях враждебных акций международной контрреволюции.

В своих исследованиях проблем аграрной истории Шестаков исходил из ленинской концепции социалистической революции. Ряд его работ был направлен на выявление закономерностей социалистической революции в России. Среди них «Очерки по истории сельского хозяйства и крестьянского движения в годы войны и перед Октябрем 1917 г.» (Л., 1927)²⁰. В них Шестаков анализировал процессы в экономике русской деревни, происходившие в ней социально-политические явления. Большое внимание автор уделял рассмотрению деятельности российских политических партий, их позициям по аграрному вопросу, их отношению к крестьянству. Он приходил к закономерным выводам о том, что значение крестьянства как политической силы, особенно после первой русской революции, должным образом учитывалось всеми буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Каждая из них стремилась использовать крестьянские массы в своей борьбе за власть, но ни одна не отвечала интересам крестьянства. Подлинно народный характер носила лишь программа большевиков. Шестаков отмечал огромное значение, которое имели «Апрельские тезисы»

ревне.— Там же, № 7; *Он же*. Октябрь в деревне.— Там же, № 8-9; *Он же*. Из истории взаимоотношений пролетариата и крестьянства перед Октябрем 1917 г.— Там же, № 8-9; *Он же*. Всероссийский крестьянский союз.— Историк-марксист, 1927, № 5; *Он же*. Блок с левыми эсерами.— Там же, № 6; *Он же*. Предисл. и ред.— В кн.: Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг. М.; Л., 1928; *Он же*. Крестьянские движения в 1917 г. М., 1928; *Он же*. Крестьянские организации в 1917 г.— В кн.: Аграрная революция. М., 1928. Т. II; *Он же*. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930; *Он же*. Борьба пролетариата и его партии за союзника — крестьянство в революции 1917 г.— Историк-марксист, 1932, № 4-5. См. также предисловия Шестакова к публикациям: Аграрное движение в ЦЧО в 1917 г. Воронеж, 1930; Комбеды РСФСР. М., 1933; Комбеды Воронежской и Курской области. Воронеж, 1935; Комитеты деревенской бедноты Московской области. М., 1938.

²⁰ Работа Шестакова явилась своеобразным продолжением ранее написанной им монографии «Капитализация сельского хозяйства России» (М., 1924). Обе монографии своим содержанием опровергали троцкистско-меньшевистскую концепцию об изначальной и глобальной «отсталости» России и «случайном» характере революции в ней и подтверждали вывод В. И. Ленина о значительном проникновении капитализма в сельское хозяйство вопреки наличию помещичьего землевладения и остатков крепостничества, равно как и вывод о необходимости уничтожения этих пережитков феодальной формации, что и явилось причиной крестьянского революционного движения. Характерно, что троцкистско-меньшевистский тезис об «отсталости» России, предопределившей якобы «специфические» особенности трех русских революций, и ныне по-прежнему «в ходу» у буржуазных советологов. Подробнее см.: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977, с. 164—182; Якушевский И. Т. Революция и современность. Л., 1977, с. 64—101; Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Указ. соч., с. 154—192.

В. И. Ленина. Интересна попытка автора проследить каналы, по которым шло влияние большевиков на крестьянские массы деревни: проводниками большевистских идей, отмечает он, явились солдаты и матросы, вернувшиеся в деревню, а также массы рабочих, хлынувшие весной 1917 г. в деревню в качестве организаторов и агитаторов.

Постоянной темой исследований Шестакова явилась история крестьянских организаций как в период революции 1905—1907 гг., о чем писалось ранее, так и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Шестаков явился первым исследователем Всероссийского Крестьянского союза. На основе архивного материала, привлекая программные документы союза, воспоминания его деятелей, он прослеживал историю его создания, программу действий. Изучение Всероссийского Крестьянского союза велось Шестаковым как в плане историческом, так и историографическом. Опираясь на ленинскую характеристику союза как зародыша особой «крестьянской партии»²¹, исследователь решительно отвергал попытки бывших деятелей союза доказать, что Крестьянский союз был-де «профессионально-политической беспартийной организацией»²². Тем самым историк-марксист продолжил ленинскую критику эсеровской проповеди «беспартийности» крестьянского движения. Он указывал, что фальсификация истории союза шла в русле эсеровской легенды о якобы «враждебном» отношении Советской власти к крестьянству, «бесполезности» для крестьянства Октябрьской революции. В целом работы Шестакова были направлены против эсеровской трактовки Октября: против отрицания ее закономерности, социалистического характера, против подмены понятия диктатуры пролетариата тезисом о некоей «партийной диктатуре большевиков».

Разоблачение политики, идеологии и историографии эсеров — постоянный элемент творчества Шестакова. Обязательна была им изучена история блока партии большевиков с левыми эсерами²³. При этом автор подошел к истории этого соглашения под углом зрения вопроса о союзниках пролетариата в Октябрьской революции. На позиции Шестакова сказалась распространенная в советской историографии 20-х годов точка зрения о середняке как социальной базе партии левых эсеров на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую²⁴. Прослеживая эволюцию партии левых эсеров, автор приходил к выводу, что по мере углубления социалистической революции социальная база партии менялась, шло постепенное превращение ее в кулацкую партию.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 46; т. 21, с. 251, 271—272.

²² Шестаков А. Всероссийский крестьянский союз; *Он же*. Большевики и крестьянство в революции 1917 г.; *Он же*. Крестьянские организации в 1917 г.

²³ Шестаков А. Блок с левыми эсерами.

²⁴ Подробнее см.: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Шестаков исследовал также позиции партии правых эсеров, отметив ее контрреволюционный, антикрестьянский характер. Он выявил попытки правых эсеров использовать в своих интересах крестьянские организации: Советы, земельные и продовольственные комитеты, союзы и др.²⁵

Большое значение придавал Шестаков выявлению сущности крестьянской политики мелкобуржуазных партий²⁶. Он подчеркивал то общее, что было присуще этим партиям, а именно стремление решить крестьянский вопрос не путем революции, а путем реформы. Тщательно проанализировав их программы, Шестаков приходил к выводу, что ядром политики эсеров в крестьянском вопросе явилась идея «социализации», которая мыслилась без разрушения до конца помещичьего землевладения, без подрыва основ буржуазного строя, без взятия власти Советами крестьянских депутатов. На тех же позициях сохранения помещичьего землевладения фактически стояли и меньшевики. Шестаков показал, что их идея муниципализации не несла революционного преобразования, да и то немногое, что они предлагали, они связывали с Учредительным собранием. Для эсеров и меньшевиков, отмечал автор, было характерно сотрудничество с буржуазией, соглашательство.

До конца последовательной, по-настоящему революционной была лишь программа партии большевиков. Раскрытие стратегии и тактики большевиков в крестьянском вопросе, роли В. И. Ленина в выработке аграрной программы, путей конкретного осуществления социалистических преобразований в деревне исследователь уделил значительное внимание²⁷. Особенно удачным можно считать показ автором влияния рабочего класса и партии большевиков на развитие революционной борьбы крестьянства, на процесс его революционизирования. По мнению Шестакова, процесс революционизирования Советов крестьянских депутатов после победы Октябрьской революции перешел в подлинную их большевизацию.

Методологически важным этапом в творчестве Шестакова явились дискуссии, которые прошли в советской исторической науке в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. по проблеме перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. С учетом материалов этих дискуссий им была написана статья «Борьба пролетариата и его партии за союзника — крестьянство — в революции 1917 г.»²⁸. Она явилась свидетельством более

²⁵ Шестаков А. Крестьянские организации в 1917 г.

²⁶ Там же; Шестаков А. Большевики и крестьянство в революции 1917 г.

²⁷ Шестаков А. Крестьянские организации в 1917 г.; *Он же*. Большевики и крестьянство в революции 1917 г.; *Он же*. Из истории взаимоотношений пролетариата и крестьянства перед Октябрем 1917 г.

²⁸ Историк-марксист, 1932, № 4-5.

высокого уровня исследований, которого достигли советские историки в начале 30-х годов. В ней полнее всего отразился тщательный и всесторонний подход Шестакова к анализу ленинских произведений. Приступая к раскрытию темы, Шестаков внимательно изучил такие ленинские труды, как «Письма из далека», «О задачах пролетариата в данной революции»²⁹ и широко использовал их основные положения в своей работе. В центре внимания Шестакова — исследование путей создания союза пролетариата с беднейшим крестьянством, та большая организационная и идеологическая работа, которую вела партия большевиков при выполнении намеченной задачи. Шестаков детально рассмотрел вопрос об организации Советов крестьянских депутатов весной 1917 г. Отправным моментом в их изучении явилась ленинская идея о Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как органах революционной борьбы, революционной власти.

На огромном фактическом материале Шестаков показал, какие трудности пришлось преодолеть большевикам на пути организации общедемократического движения крестьян, развертывания аграрной революции, слияния ее с социалистическим пролетарским движением. Шестаков наглядно подтвердил на богатом фактическом материале мысль В. И. Ленина о том, что аграрный вопрос на втором этапе революции выдвинулся на первое место. Сильной стороной работы Шестакова явилась критика позиций эсеров по крестьянскому вопросу, разоблачение их попыток любыми средствами овладеть крестьянским движением, использовать его в политической борьбе за власть. Эсеры, решительно выступая против большевистского курса на социалистическую революцию, использовали Советы крестьянских депутатов для предвыборной агитации и проталкивания своих кандидатов в Учредительное собрание. Большое значение в разоблачении антикрестьянской политики эсеров имело исследование Шестаковым Всероссийских съездов крестьянских депутатов. Автор убедительно опроверг попытки эсеровских публицистов и историков фальсифицировать характер развернувшейся на съездах борьбы, позицию большевиков по вопросам земли, войны, власти. Методологической основой при этом ему служили ленинские работы, в частности обращение В. И. Ленина с открытым письмом к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов в мае 1917 г., в котором содержался призыв к немедленному захвату земли организованным путем, к созданию и укреплению союза с беднейшим крестьянством для борьбы за социализм, к прекращению войны, установлению власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Тщательно изучил Шестаков имевшиеся в его распоряжении материалы, чтобы проследить участие В. И. Ленина в работе этого съезда. Автор показал, как большевики во главе с Лениным решительно выступили против эсеровской линии на изоляцию крестьянского

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11—22, 113—116.

движения и в своей борьбе за крестьянство опирались на программные положения партии по аграрному вопросу — конфискация помещичьих и национализация всех земель. Шестаков подчеркнул, что выполнение аграрной программы было поставлено В. И. Лениным в прямую зависимость от победы социалистической революции, от установления диктатуры пролетариата. При этом исследователь обратил особое внимание на ленинское положение о задачах Советов батрацких депутатов по организации сельского пролетариата в целях дальнейшего развертывания классовой борьбы против сельской буржуазии. Задача «отобрать» у буржуазии крестьянские резервы стояла перед партией большевиков и после Октябрьских событий, в период установления диктатуры пролетариата. Основным руководством к действию, отмечал Шестаков, оставался ленинский лозунг опоры пролетариата на бедноту, нейтрализации середняка, борьбы с кулаком.

Анализируя опыт партии большевиков по развертыванию и дальнейшему углублению социалистической революции в деревне, автор отводил особое место вопросу о политике партии по отношению к среднему крестьянству. Изучив материалы послеоктябрьских съездов Советов крестьянских депутатов, исследователь пришел к выводу, что в условиях активной борьбы за выдвинутые пролетариатом задачи социалистической революции и попутное разрешение задач буржуазно-демократической революции правильная политика партии большевиков во главе с В. И. Лениным привела к созданию предпосылок прочного союза пролетариата с середняком. Для воздействия на середняцкую массу деревни как на возможного союзника рабочего класса большевики вступили в блок с левыми эсерами. Заметим, что данная работа отразила плодотворную эволюцию во взглядах Шестакова на блок с левыми эсерами. Если в ранее отмеченной статье 1927 г. автор подчеркивал временный характер соглашения с левыми эсерами, считая его существование возможным лишь до завершения буржуазно-демократической революции (и здесь сказалось непонимание в полной мере ленинских принципов сотрудничества большевиков с другими партиями, принижение значения блока в деле сплочения и привлечения неустойчивых попутчиков), то в начале 30-х годов автор пришел к правильному выводу о целесообразности и закономерности этого блока и в условиях диктатуры пролетариата. Вопреки оппортунистической деятельности Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева, настаивавших на создании правительства из представителей всех «социалистических» партий, партия большевиков, подчеркивал Шестаков, не поступилась ни одной из своих принципиальных установок. Отступление левых эсеров от принципов соглашения с большевиками привело их в лагерь контрреволюции, оттолкнуло от них крестьянство. Напротив, ленинская установка о союзе пролетариата с трудящимися массами крестьянства, неуклонно проводимая партией большевиков, обеспечила победу диктатуры пролетариата на следующих этапах революции в деревне.

Отдельные недостатки, которые встречались в работах Шестакова, были обусловлены сложностью проблем и незавершенностью процесса освоения советскими историками ленинской теории социалистической революции, таких ее краеугольных положений, как учение об империализме как кануне социалистической революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране и др. Перед советскими историками стояла задача творческого применения при анализе конкретной исторической действительности ленинского учения о пролетариате как гегемоне революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о сущности революционной ситуации и др.

Включившись активно в разработку аграрной истории, Шестаков своими работами оказал положительное влияние на утверждение в советской исторической науке ленинской концепции первой русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции. При этом он соединял в себе качества не только исследователя конкретно-исторической тематики и публикатора источников, но и историографа. Роль Шестакова в развитии истории исторической науки в СССР изучена менее всего, поэтому целесообразно остановиться на ней несколько подробнее.

Его работы в этой области, как правило, представляли собой анализ какого-либо одного произведения, реже — комплекса трудов на одну тему. Тем не менее можно с полным основанием считать его работы не просто рецензиями, а подлинными историографическими исследованиями. С подобным явлением мы сталкиваемся и при анализе творчества других ученых 20-х годов (Н. М. Лукина, Е. А. Косминского, Г. С. Фридлянда, М. В. Нечкиной и др.). Лучшие рецензии этих и других авторов являются, бесспорно, образцами историографического исследования.

Для Шестакова как историографа был характерен широкий подход, стремление исследовать конкретную тему в связи с исследованием широкого круга тем и проблем, что в свою очередь позволяло обобщить накопленный опыт, наметить перспективы дальнейшего изучения. Типична в этом отношении рецензия Шестакова на работу Е. А. Мороховца об аграрных программах российских политических партий в 1917 г.³⁰ Она интересна тем, что наряду с анализом содержания рецензируемой монографии там был поставлен ряд важных методологических и методических вопросов изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции, в частности ее аграрной истории. В центре внимания советских исследователей Октябрьской революции — и это хорошо показано в рецензии — стояли тогда две кардинальные проблемы: социально-экономические предпосылки социалистической револю-

³⁰ Шестаков А. Рец. на кн.: Мороховец Е. А. Аграрные программы российских политических партий в 1917 г. — Историк-марксист, 1929, № 12.

ции в России и перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Решение первой проблемы, отмечал Шестаков, было связано с усвоением ленинского учения об империализме. Наряду с объективными предпосылками, писал рецензент, необходимо обратить внимание на изучение субъективных предпосылок социалистической революции. Что касается второй методологической проблемы, то ленинская теория перерастания должна была быть, по убеждению Шестакова, основополагающей при изучении движущих сил революции, проблемы союза пролетариата с крестьянством, создания политической армии революции, крестьянского движения. Такого рода «выходы» в методологию и методику исторического исследования были характерны для творчества Шестакова как критика, что нашло свое выражение в рецензиях на работы по истории Первой русской революции 1905—1907 гг.³¹ и Великого Октября³². Многочисленные критические работы Шестакова значительно обогащают проблематику и тематику его исследовательских интересов, позволяют в комплексе со статьями и монографиями на конкретно-историческую тему проследить формирование его концепции истории социалистической революции в России. Представляются методологически важными требования Шестакова рассматривать революционное движение в стране в тесной органической связи с европейским, уделять пристальное внимание национальным движениям окраин России и др.³³ Мысль

³¹ Шестаков А. В. Рец. на кн.: Пятый год. М.; Л., 1925, сб. 1-2.— Печать и революция, 1925, № 8; *Он же*. Рец. на кн.: Первая русская революция 1905 г. в Петербурге. М.; Л., 1925.— Там же, № 5-6; *Он же*. Рец. на кн.: 1905 г. в Петербурге. М.; Л., 1925.— Там же, № 6; *Он же*. Рец. на кн.: Пятый год. Свердловск, 1925.— Там же, № 5-6; *Он же*. Рец. на кн.: Генеральная репетиция. 1905 г. Харьков, 1925.— Там же, № 8; *Он же*. Рец. на кн.: 1905 год в Харькове. Харьков, 1925.— Там же; *Он же*. Рец. на кн.: Тюменев А. От революции к революции: Из общественно-экономических итогов революции 1905 г. М., 1925.— Там же; *Он же*. Рец. на кн.: Балабанов М. История революционного движения в России от декабристов к 1905 г. Киев, 1925.— Каторга и ссылка, 1925, № 5; *Он же*. Рец. на кн.: Ярославский Ем. Декабрьское восстание. М.; Л., 1925.— Печать и революция, 1926, № 2; *Он же*. Рец. на кн.: Ефоева группа при ЦК РСДРП(б). 1905—1907 гг.: Статьи и воспоминания. М.; Л., 1927.— Каторга и ссылка, 1927, № 2. *Он же*. Рец. на кн.: Руднев В. Крестьянское движение в начале XX в. М., 1929.— Пролетарская революция, 1929, № 5; *Он же*. Рец. на кн.: Черномордик С. 1905 г. в Москве. М., 1925.— Каторга и ссылка, 1926, № 1; *Он же*. Рец. на кн.: Аграрное движение в 1905—1907 гг. М., 1925.— Печать и революция, 1926, № 2.

³² Шестаков А. В. Рец. на кн.: Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926.— Историк-марксист, 1926, № 1; *Он же*. Рец. на кн.: Антонов-Саратовский В. П. Красный год. М.; Л., 1927.— Печать и революция, 1927, № 2; *Он же*. Рец. на кн.: Большаков А. М. Деревня 1917—1927 гг. М., 1927.— Пролетарская революция, 1927, № 7; *Он же*. Рец. на кн.: Данишевский С. Л. Опыт библиографии Октябрьской революции. М.; Л., 1926.— Историк-марксист, 1927, № 3; *Он же*. Рец. на кн.: Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 г. М.; Л., 1928.— Там же, 1928, № 9.

³³ Каторга и ссылка, 1925, № 5, с. 315, 317.

о чрезвычайной важности обобщения опыта революционной борьбы неоднократно высказывалась Шестаковым. Говоря о значении исторических работ, он прежде всего подчеркивал необходимость связи их с современностью, с задачами воспитания революционных традиций, с задачами революционной борьбы. По убеждению Шестакова, знакомясь с работой по истории революции, читатель должен быть захвачен «героикой революционной работы» и, кроме исторических знаний, получать соответствующую «психологическую установку»³⁴. При этом ученый последовательно отстаивал идею исторической правды, когда, как он писал, «всякое исторически значимое событие должно быть очищено от засоряющих его легенд, хотя бы оно и не имело мирового значения»³⁵. Правда в большом и малом — таков девиз Шестакова. Так он понимал свою задачу и как исследователя, и как критика. Формулируя свое понимание роли критика исторических работ, Шестаков обращал внимание на необходимость анализа последних по существу, выявления круга использованных источников и глубины изучения фактов³⁶. Постоянным было требование тщательного знания работ предшественников по разработке той или иной научной проблемы и должной их оценки³⁷. Фундированность аргументов, владение ленинской методикой, историческое чутье, беспощадное разоблачение враждебной идеологии, критическое отношение к собственным ошибкам — все это определяло требования Шестакова к советскому историку и его личную позицию как исследователя. Его творчество отличала принципиальность, актуальность, политическая страстность, борьба за чистоту марксизма-ленинизма.

³⁴ Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 281.

³⁵ Печать и революция, 1926, № 2, с. 179.

³⁶ Там же, с. 179—180.

³⁷ Там же, с. 180; Пролетарская революция, 1929, № 5, с. 205.

Е. В. ТАРЛЕ КАК ИСТОРИК ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ *

Л. А. Никифоров

Исполнилось 100 лет со дня рождения крупнейшего ученого-патриота, советского историка широкого диапазона — знатока и специалиста в области всеобщей и отечественной истории, человека яркого искрящегося таланта, изумительного мастера исторического повествования Евгения Викторовича Тарле.

В обширном научном наследии Тарле труды по истории внешней политики России занимают большое и важное место. В печальный день прощания с академиком Тарле А. В. Арциховский сказал, что творчество Тарле — это океан. Такое определение справедливо и в отношении широты тематики трудов Тарле, и в отношении их объема. Только в 12 томах его сочинений опубликовано около 555 печатных листов¹. А сюда вошло далеко не все написанное Тарле. Общий объем его трудов составляет свыше 1 тыс. печатных листов. Это действительно океан!

Одним из больших и, на мой взгляд, самых глубоких морей океана творчества Тарле являются его труды, посвященные прошлому нашей страны, истории ее внешней политики. Этими вопросами Тарле занимался больше всего в наиболее зрелый период своего творчества, в последние два-три десятилетия жизни.

Известно, что Тарле всегда очень чутко реагировал на нужды времени. Это сказалось еще в период первой русской революции 1905 г., когда он написал несколько работ, являвшихся, по существу, выступлениями против царизма: «Падение абсолютизма в Западной Европе» (1906 г.), статьи о Декларации прав человека и гражданина (1905 г.), об отделении церкви от государства во Франции (1905 г.), о роли студенчества в революционном движении в Европе в 1848 г. (1906 г.)².

Обращение его к вопросам истории международных отношений и к истории внешней политики нашей страны также было связано с потребностями времени, с усилением интереса к этой проблематике в предгрозовую обстановку кануна второй мировой войны в Европе.

Конечно, если внимательно просмотреть перечень опубликованных трудов Тарле, то и в дореволюционный период можно об-

* Доклад, прочитанный 11 ноября 1975 г. на совместном заседании Отделения истории, ученых советов Института всеобщей истории и Института истории СССР, посвященном 100-летию со дня рождения академика Е. В. Тарле.

¹ Тарле Е. В. Соч. М., 1957—1962. Т. I—XII.

² Там же. М., 1957, т. I, с. 585—604.

наружить у него работы, относящиеся полностью или частично к истории внешней политики России. Так еще в 1910 г. он опубликовал небольшую статью «Английский посол и Екатерина в 1756—1757 гг.»³, а вскоре после этого в капитальном труде о Континентальной блокаде, опубликованном в 1913 г., одну из глав посвятил русско-французским экономическим отношениям при Наполеоне⁴. Много позднее, в 1947 г., рассказывая о том, как он «все ближе подходил к истории внешней политики России и ее дипломатических и экономических отношений с Европой», Тарле указывал именно на эту главу, по-видимому рассматривая ее как зародыш своих будущих работ о войне 1812 г.⁵

После Великой Октябрьской социалистической революции Тарле постепенно все больше внимания уделял внешнеполитической тематике. Он написал ряд статей по истории отношений между Россией и Германией в конце XIX — начале XX в., а в 1927 г. — книгу «Европа в эпоху империализма». Это была в сущности работа по предыстории и истории первой мировой войны. Так считал и сам Тарле. Он писал позднее, что «почти вся [она] посвящена деятелям дипломатии и дипломатической борьбе». Книга эта обобщала огромный материал за 1917—1927 гг., ставший доступным исследователям.

Книга «Европа в эпоху империализма» вызвала острую полемику среди советских историков. Редактор V тома Сочинений Тарле, в котором она опубликована, академик В. М. Хвостов вскрыл суть этой полемики: «Главным оппонентом Тарле выступил М. Н. Покровский, упрекавший автора в оправдании политики Антанты. Е. В. Тарле возражал против этого обвинения. Возражать было тем легче, что его противник стоял на ошибочных методологических позициях. ...Справедливости ради нужно признать, — писал далее Хвостов, — что острое перо Тарле с особой страстностью разило именно германских империалистов. Е. В. Тарле подчеркивал в своей книге, что он причисляет правительства Антанты к виновникам войны. Но пристрастие к разоблачению вины именно немецкой стороны в книге безусловно имеется. В этом известная ее слабость и односторонность как исторического труда. Но как раз в этом же и ее сила. Книга и сейчас сохраняет ценность именно как страстный, полный искренней ненависти художественно выполненный памфлет против германского империализма, справедливо бичующий преступления кайзеровской Германии. Более того, книга сохраняет политическую актуальность, которую давно потеряли выступления многих оппонентов Е. В. Тарле»⁶.

³ Там же. М., 1958, т. IV, с. 469—480.

⁴ Тарле Е. В. Континентальная блокада. — Соч. М., 1958. Т. III.

⁵ Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1947, ч. 2, с. 668. (Далее — Юбилейный сборник...)

⁶ Тарле Е. В. Соч. М., 1958, т. V, с. 6.

После книги «Европа в эпоху империализма» Тарле все более переключался на историю внешней политики России и близкие к этому темы. Кстати, он сам считал рост интереса советских историков к внешнеполитическим вопросам одним из значительных достижений советской исторической науки. «Мне давно казалось,— писал он в 1947 г.,— что у нас историческая наука в общем крайне мало и, можно сказать, неохотно и небрежно разрабатывала историю внешней политики и дипломатии Русского государства»⁷. Постепенно Тарле сосредоточивал свое внимание как исследователь на российской тематике. В марте 1949 г. в беседе с советским писателем Е. Л. Ланном Тарле говорил, что для него «русская история интереснее, чем любая другая. Больше всего я люблю русскую историю»⁸.

В 1936 г. Тарле написал «Наполеона», а в 1937 и 1938 гг. вышло из печати «Нашествие Наполеона». Обе эти близкие по теме работы получили самое широкое распространение и на примерах героической борьбы русского народа против иноземного нашествия в годы Отечественной войны 1812 г. содействовали воспитанию патриотизма у советских людей накануне и в годы Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков.

Значение этих работ Тарле тем более велико, что тематика, связанная с Отечественной войной 1812 г., в советской историографии до 1934 г. фактически не находила отражения. Академик М. В. Нечкина отмечала во введении к VII тому Сочинений Тарле, что Покровский не разобрался в характере захватнической политики Наполеона, даже отказывал войне 1812 г. в названии «отечественной», отрицал патриотизм народа и его роль в защите Родины, затушевывал деятельность выдающихся русских полководцев, особенно М. И. Кутузова, утверждал, что «французская армия пала жертвой не народного сопротивления всей России, а недостатков собственной организации»⁹.

Работы Тарле о войне 1812 г. написаны с диаметрально противоположных позиций. Они не только отбрасывали все эти ошибочные «установки» Покровского, но и разоблачали попытки Сореля и других французских историков доказать, что поход Наполеона имел прогрессивный характер, так как Наполеон будто бы преследовал не захватнические цели, а выступал борцом против «очередной феодальной коалиции»¹⁰. Тарле утверждал, что если в Европе французские штыки несли освобождение от феодального гнета, то в России Наполеон и не помышлял об отмене крепостного права, а французская армия «нигде решительно, даже в Египте,

⁷ Юбилейный сборник..., ч. 2, с. 667—668.

⁸ Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977, с. 107.

⁹ Тарле Е. В. Соч. М., 1959, т. VII, с. 7.

¹⁰ Чапкевич Е. И. Е. В. Тарле и освещение им внешней политики России. М., 1967, с. 47.

даже в Сирии, не вела себя так необузданно, не убивала и не истязала население так нагло и жестоко, как именно в России»¹¹.

В полном соответствии с исторической действительностью Тарле показал значение народной войны в разгроме армии Наполеона. Наглядно показал Тарле и полный крах замыслов Наполеона о мировом господстве. Это было особенно актуально в связи с явными уже в это время замыслами Гитлера, нарастанием военной опасности, приближавшимся развязыванием фашистской агрессии. Идею и воспитательную роль, которую сыграли эти книги академика Тарле, трудно переоценить. В связи с этим знаменателен и тот прием, который оказал этим работам Тарле советский читатель. Книжки Тарле читали миллионы людей. Они отвечали назревшим потребностям в патриотической книге, в патриотическом изложении исторической темы.

К упомянутым двум монографиям Тарле примыкает по теме его работа о М. И. Кутузове, опубликованная в 1952 г.¹² В ней Тарле дополнял и расширял показ деятельности русского полководца Отечественной войны.

Работы Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию» получили широкое международное признание, были переведены на многие иностранные языки, и, когда началась Великая Отечественная война, они показывали иностранному читателю, что Гитлеру отнюдь не легко будет справиться с Советским Союзом, внушали веру в способность советского народа выстоять.

Нетрудно понять гордость и радость автора книги «Нашествие Наполеона на Россию» (в 1942 г. переведена на английский язык), когда он узнал, что английский министр Дафф Купер в одной из речей в парламенте в 1943 г. заявил, что если кто-нибудь желает заранее узнать, каков будет конец гитлеровской авантюры, то пусть читает книгу Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». Действенность указанной работы Тарле подтверждает И. М. Майский, бывший в те годы советским послом в Великобритании. В своих воспоминаниях он писал, что в Англии политический эффект книги Тарле о Наполеоне «был, пожалуй, не менее, чем эффект великой эпопеи Льва Николаевича. Обе... книги являлись тяжелой артиллерией в борьбе с неверием англичан в непобедимость Советского Союза»¹³.

В 1941—1943 гг. вышло в свет новое капитальное исследование Тарле по истории внешней политики России — «Крымская война». (Впоследствии оно было доработано автором и выдержало три издания.) Эта работа восполнила еще один пробел в советской историографии. Труд Тарле о Крымской войне осно-

¹¹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию.— Соч., т. VII, с. 622.

¹² Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат.— Соч., т. VII, с. 763—831.

¹³ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971, с. 565.

ван, как отмечалось в рецензиях на него, на поразительном количестве документов, извлеченных из советских архивов, и содержит обильнейший материал по дипломатической истории Крымской войны.

Е. В. Тарле вскрыл действительные — агрессивные, захватнические — устремления всех участников Крымской войны — как российского царизма, так и правительств Англии, Франции и Австрии. Он дал новое освещение вопроса в сравнении с русской дворянско-буржуазной историографией, которая пыталась скрыть захватнические устремления царизма и возлагала всю ответственность за развязывание войны на правительства Англии, Франции и Турции. Одновременно Тарле разоблачал зарубежную буржуазную историографию, которая стремилась изобразить правительства своих стран как защитников территориальной целостности Турции. При этом Тарле полностью воздал должное царизму: «Царизм начал, и он же проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области и в организации военной обороны государства...»¹⁴.

Глубоко обоснована оценка этого труда Тарле, которую дал академик Н. М. Дружинин: «Если концепция Покровского нанесла сокрушительный удар официально-дворянской историографии, то «Крымская война» Е. В. Тарле оставила позади и сочинения царских генералов и одностороннюю концепцию М. Н. Покровского. ...Этот труд остается образцом доступного и яркого изложения, основанного на огромном печатном и архивном материале»¹⁵. Напомним, что сильной стороной этого труда Тарле является показ беспримерной стойкости и героизма русских солдат и матросов, и в частности героев обороны Севастополя. Автор дал замечательные портреты русских военачальников В. А. Корнилова и П. С. Нахимова, горячо любимых солдатами и матросами. Труд этот был опубликован в годы Великой Отечественной войны и сыграл свою роль в воспитании патриотизма у советских людей.

Весьма значителен вклад Тарле и в изучение внешней политики России XVIII в. Тарле писал в 1947 г.: «Моя личная исследовательская работа сосредоточилась на периоде XVIII—XIX веков. Причем я старался останавливаться на таких участках этого периода, которые казались мне либо недостаточно, либо неправильно освещенными и разработанными»¹⁶. Именно так обстоит дело с темами, которые Тарле разрабатывал и по истории XVIII—XIX вв. И здесь Тарле выбирал темы, которых, по существу, не касалась рука и перо исследователя.

В 1946 г. он опубликовал работу «Роль русского военно-морского флота во внешней политике Петра I». На основе до-

¹⁴ Тарле Е. В. Соч., М., 1959, т. VIII, с. 11—12.

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ Юбилейный сборник..., с. 669.

кументов советских архивов и публикаций английских дипломатических документов Тарле нарисовал картину создания русского флота при Петре I и его роль как ударной силы, которая имела решающее значение в достижении мира со Швецией. Работа написана увлекательно, образным языком, легко и с интересом читается. Главный вывод автора о том, что «лишь создание сильного флота Петром принудило Швецию согласиться на мир спустя двенадцать лет после Полтавы», хорошо аргументирован и является неоспоримым¹⁷.

Особое место занимают работы Тарле о трех экспедициях русского флота в Средиземное море. Первая из них («Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг в 1769—1774 гг.») была опубликована в 1945 г., вторая («Адмирал Ушаков на Средиземном море в 1798—1800 гг.») — в 1946 г. и третья («Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807)») — в 1954 г.¹⁸ Каждая из этих работ рассматривает не только, а иногда и не столько военную деятельность флота, но прежде всего те внешнеполитические события, которые вызвали эти экспедиции, а также дипломатическую деятельность флотоводцев. Это особенно относится к характеристике экспедиции Д. Н. Сенявина. Таким образом, все эти три работы прямо относятся к истории внешней политики России.

Известно, что Тарле довольно длительное время работал над темой о внешней политике и дипломатии Екатерины II. В 1945 г. он опубликовал две стенограммы лекций на эту тему и реферат, но полностью работа так и осталась неопубликованной. Те фрагменты ее, которые увидели свет, позволяют надеяться, что это должна быть интересная, насыщенная богатым фактическим материалом работа, которая, видимо, будет в ближайшие годы опубликована полностью.

После окончания Великой Отечественной войны главное место в творческих планах академика Тарле заняло создание трилогии о судьбе трех иноземных нашествий на нашу страну: нашествия Карла XII, Наполеона и фашистской Германии. Тарле был увлечен идеей создания такой трилогии, он охотно и много раз затрагивал вопрос о ней в своих беседах, рассматривая создание такого труда как важнейшую научную, патриотическую и даже государственную задачу большого идейного звучания. Можно лишь сожалеть, что вдохновенное перо Тарле осуществило этот замысел не полностью. Выдающийся советский мастер исторического рассказа и исторического портрета, Тарле был лучше, чем кто бы то ни было другой, подготовлен к выполнению этого замысла. Нужно сказать, что многое уже было сделано в нужном направлении.

¹⁷ Там же, с. 624.

¹⁸ Тарле Е. В. Соч. М., 1959, т. X.

Вторая часть трилогии — «Нашествие Наполеона» — была написана и нашла, как мы уже знаем, широкую аудиторию в нашей стране и за рубежом.

В конце 40-х — начале 50-х годов XX в. Тарле усиленно работал над первой частью трилогии — историей нашествия Карла XII, собрал огромный материал из наших архивов и в 1948—1950 гг. опубликовал фрагменты этой работы. Эта часть трилогии вышла в свет уже после смерти автора — в 1958 г.¹⁹ Что касается предполагавшейся третьей части — о нашествии фашистской Германии — Тарле написать ее не успел. Правда кое-что и здесь было сделано и нашло отражение в многочисленных статьях, с которыми Тарле выступал на страницах советской и зарубежной печати в годы Великой Отечественной войны советского народа, поставив свое замечательное перо на службу делу победы над фашистской Германией и ее приспешниками. Но цельного труда, подчиненного единому замыслу, охватывающего целиком эту громадную тему о великом подвиге советского народа, Тарле создать не успел. Думается, что создание такого труда остается задачей советских историков.

Вклад Тарле в изучение истории русской внешней политики исключительно велик, замечателен по силе эмоционального воздействия на читателя. Художественность изложения превратила его труды в могучее средство воспитания патриотизма в годы, когда это было жизненно важно для нашего народа, — в годы тяжелейшей войны против гитлеризма. То, что сделал Е. В. Тарле в изучении русской внешней политики, не потеряло своего значения до наших дней.

Е. В. Тарле был принят в Союз писателей СССР без какой-либо просьбы с его стороны. В чисто научном плане у нас нет трудов по истории русской внешней политики, которые можно было бы поставить рядом или выше трудов Тарле на аналогичные темы. И поныне нет трудов, которые могли бы заменить работы Тарле о нашествии Карла XII, о русском флоте и его роли в начале XVIII в., о трех морских экспедициях русского флота в Средиземном море (в 1769—1774, 1798—1800, 1805—1807 гг.), о нашествии Наполеона на Россию, о Кутузове — дипломате и полководце, о Крымской войне. Научное наследие Тарле остается на вооружении советской исторической науки. Тем более желательно, чтобы хранящиеся в архиве рукописи Тарле превратились в книги, были бы напечатаны, а некоторые его труды были бы переизданы отдельно.

Е. В. Тарле — крупная фигура в советской историографии. Творчество и его биография уже стали предметом специального изучения со стороны наших историков. О нем и его трудах писали выдающиеся советские историки — М. В. Нечкина, В. М. Хвостов, Н. М. Дружинин, Б. Ф. Поршнев, А. С. Ерусал-

¹⁹ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

лимский, А. З. Манфред, Э. А. Желубовская. Советский писатель Е. Л. Ланн, хорошо знавший Тарле, опубликовал отдельные отрывки из своей книги об историке²⁰. Писатель показывает Тарле и в общении с близкими людьми, и с теми (нередко даже незнакомыми ему людьми), кто обращался к нему с вопросами. Его отличала общительность, готовность поделиться своими знаниями, ответить на вопросы и сделать это в максимально исчерпывающей форме.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об академике Тарле как мастере лекторского искусства. Я принадлежу к тем, кто знаком с Тарле не только как с автором фундаментальных исследований или острых, разящих публицистических статей, но и как с замечательным лектором, мастером ораторского искусства, любимцем студенческой (да и не только студенческой) аудитории. Лекции Тарле всегда были увлекательны. Он вел их, как бы беседуя со слушателями, вовлекая их в процесс своего мышления, своих рассуждений. Казалось, что он рассказывает не об исторических событиях далекого прошлого, а о том, в чем он сам участвовал, о людях, с которыми он близко знаком. «Петр Алексеевич», «Екатерина Алексеевна» — так постоянно называл он исторических деятелей. Эта манера изложения захватывала внимание, было исключительно интересно его слушать. За всем этим ощущались обширные знания, постоянно идущая на глазах у слушателя напряженная работа мысли. Это был какой-то волшебный дар природы приковывать внимание аудитории.

Один из студентов Ленинградского университета рассказывал о лекциях в первые годы после Октябрьской революции: «Как магнит притягивали студентов разных факультетов лекции проф. Тарле. Желавших послушать его было так много, что не всегда их вмещал наш актовый зал. Чтобы попасть на лекции Тарле, надо было приходиться заранее... Е. В. Тарле не прибегал к внешним эффектам — жестикуляции, мимике, не играл своим голосом, никогда не поучал и не втолковывал, он даже не учил, а рассказывал и покорял глубиной и широтой своих знаний, изяществом изложения. Получалось впечатление, что лектор сообщает нам то, что сам видел и пережил. Никогда не пользовался он конспектом, цитировал по своей богатой, крепкой памяти. На наших глазах он творил, создавал красочные образы и великолепные картины. Речь его была поэтической, полной ярких сравнений и сопоставлений»²¹.

Не могу не остановиться и на своих личных впечатлениях. В те годы, когда мне лично пришлось встречаться с Е. В. Тар-

²⁰ Ланн Е. Л. Евгений Викторович Тарле. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 56—78.

²¹ Назаренко Я. А. Недавнее былое. — В кн.: На штурм науки: Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук. Л., 1971, с. 65.

ле, он уже работал над первой частью своей трилогии. Разговор наш часто касался вопроса о походе Карла XII, о позиции великих держав Европы по отношению к России, о создании русского флота. Собеседник это был замечательный. И в обычной беседе сказывались его обширнейшие познания, поразительная память, образное, художественное слово, наблюдательность и простота. Беседа с ним не только обогащала, она доставляла истинное наслаждение. Могу еще раз подтвердить слова тех слушателей Тарле, которые говорят, что у Тарле никогда не было конспектов, а тем более текстов лекций. Память у него была удивительная. Память была сильной стороной Тарле как лектора и писателя. Он постоянно говорил, что историк — это прежде всего писатель.

Зная огромное количество работ, которые написал Тарле, невольно приходилось задаваться вопросом: как он работает? Читая работы Тарле, как будто видишь его перед собой — настолько язык его книг схож с его устной речью. Мне часто казалось, что, может быть, Тарле диктует свои работы стенографистке, и это-то и придает им такую легкость, изящество стиля. Спросить об этом у самого Тарле считал неудобным. Лишь недавно из опубликованных записок Ланна о Тарле стало известно, что ученый всегда сам писал свои труды. Писал быстро и не умел пользоваться машинкой, а больше всего ценил хорошие самопишущие ручки. Исключение составляют два последних года жизни, когда Тарле из-за болезни вынужден был диктовать своему референту.

Труды академика Е. В. Тарле по истории внешней политики России, как и все, что написано им, отличается огромнейшая источниковая и историографическая база, новизна постановки вопросов, захватывающая внимание читателя яркость изложения, подлинная талантливость. Эти труды входят в золотой фонд лучших произведений советской исторической науки. Они сохраняют свое непреходящее значение и ныне, являясь лучшим памятником этому крупнейшему советскому ученому-патриоту.

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В. П. ВОЛГИНА О ЖАНЕ МЕЛЬЕ

В. А. Дунаевский, Г. С. Кучеренко

Исследование В. П. Волгина о Жане Мелье занимает особое место в историографии всеобщей истории.

Имя и некоторые идеи Мелье стали известны в России еще в конце XVIII — начале XIX в.¹ Основы изучения его творчества заложил А. А. Шахов². В лекциях о французском Просвещении, прочитанных в учебном 1876/77 г. на историко-филологическом факультете Московского университета³, он охарактеризовал Мелье как атеиста, революционера, сторонника «общинного владения и общинного пользования дарами природы», проповедника «царства всеобщего мира, братства и согласия на земле», мыслителя, оказавшего существенное влияние на передовую общественную мысль Франции⁴. Большое внимание уделил Жану Мелье ученик Шахова — Р. Ю. Виппер. В публичном курсе, читавшемся им в 1898 г. для Союза учителей⁵, Мелье рассматривался как «защитник народных интересов», а его труд — как «злой и отчаянный протест против несправедливости на земле, против неравенства, притеснений неимущих», как при-

¹ *Персиц М. М.* Русский атеистический рукописный сборник конца XVIII — начала XIX вв.— Вопросы религии и атеизма, 1959, т. VII; *Голодко А. И.* «Библиотека здравого смысла» — энциклопедия атеизма конца XVIII — начала XIX вв.— Вопросы философии, 1962, № 5; *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10-ти т. М., 1974, т. 1, с. 535, 713; Ср.: *Кучеренко Г. С.* Изучение Жана Мелье: итоги и задачи.— В кн.: История социалистических учений. М., 1976.

² Два слова о покойном А. А. Шахове.— Русская газета, 1877, 11 дек.; *Стороженко Н. И.* А. А. Шахов.— В кн.: Шахов А. А. Гёте и его время. СПб., 1903; *Ястребцов Е. А.* А. А. Шахов.— Русский биографический словарь. СПб., 1905, т. 22; А. А. Шахов.— БСЭ, 1957, т. 47; *Сафронов Б. Г.* Старшие современники и учителя: (В. О. Ключевский, А. А. Шахов, В. И. Герье).— В кн.: Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

³ *Шахов А.* Вольтер и его время. СПб., 1907. Ср.: *Поршнев Б. Ф.* Мелье. М., 1964, с. 19—20; *Он же.* В. П. Волгин.— В кн.: Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей: С древности до конца XVIII в. М., 1975, с. 3; *Кучеренко Г. С.* Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII в. М., 1968. с. 18.

⁴ *Шахов А.* Указ. соч., с. 204—206.

⁵ *Виппер Р. Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII — XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М., 1908; *Волгин В. Р.* Ю. Виппер.— БСЭ, 1930, т. 11; Академик Р. Ю. Виппер 1859—1954.— Вестник древней истории, 1955, № 2; *Голубцова Н. И.* Р. Ю. Виппер.— СИЭ, 1963, т. 3; *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

зыв к революции и созданию общества, в котором земля будет «в общем владении»⁶. Благодаря Шахову и Випперу, Мелье стал предметом внимания отечественной университетской и академической науки. Специальное исследование «Жан Мелье и его „Завещание“» осуществил под руководством Виппера студент Московского университета В. П. Волгин, представив труд в 1908 г. как свое выпускное сочинение.

Как известно, уже в 90-х годах XIX в. Волгин осознал себя марксистом, в 1901 г. вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию⁷, принимал активное участие в революционном движении; большое влияние на развитие его мировоззрения и научных интересов оказали события первой революции 1905—1907 гг.⁸ Идеи Мелье он рассматривал с позиций марксизма, сквозь призму насущных задач российской действительности. В творчестве мятежного мыслителя Волгин видел отражение процессов социально-экономического развития и революционной борьбы народных низов Франции конца XVII — начала XVIII в., характеризовал его общественно-политические и философские взгляды как революционный утопический коммунизм и атеизм; считал этого французского просветителя несомненным предшественником Бабефа и «равных». Таким образом, исследование Волгина не только продолжало отечественную традицию глубокого интереса к Мелье, но ознаменовало собой зарождение марксистского подхода к анализу творчества этого выдающегося предшественника научного социализма.

Эта работа замечательна и в других отношениях. По образному выражению Б. Ф. Поршнева, она «стала подлинной Авророй всего дальнейшего пути Волгина как историка социалистических идей»⁹. Изучению творчества социалистов-утопистов выдающийся советский ученый посвятил всю жизнь, разработав особую отрасль знания — историю утопического социализма; в 1963 г. Волгин первым среди советских историков был удостоен Ленинской премии. «Почетное звание лауреата Ленинской премии,— писал Поршнев,— выражало признание как выдающихся личных заслуг ученого, так и важности этой научной дисциплины. Трудно преувеличить ее идейную значимость. В странах, строящих социализм и коммунизм, общественность должна хорошо и глубоко знать историческую родословную этих понятий»¹⁰. Изучение западноевропейского утопического социализма было новым направлением советской историографии всеобщей истории¹¹.

⁶ Виппер Р. Ю. Указ. соч., с. 61—63.

⁷ Сказкин С. Д. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина.— В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955, с. 14.

⁸ Поршнев Б. Ф. В. П. Волгин, с. 4.

⁹ Там же, с. 3.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада 1917—1941 гг. М., 1974, с. 20.

Труд Волгина о Мелье, заверченный в 1908 г., но опубликованный лишь после Великого Октября,— первый краугольный камень этой отрасли советской марксистско-ленинской исторической науки, «внесшей,— как отмечалось недавно журналом „Коммунист“,— серьезный вклад в изучение западноевропейской социалистической мысли»¹². Наши достижения в этой области признаны мировой наукой. «Если коммунистические теории стали более известны в настоящее время,— писал видный французский ученый Р. Дерате,— то это благодаря трудам советских историков, особенно благодаря работам В. П. Волгина и его учеников»¹³.

Исследование Волгина о Мелье вышло из печати в 1918 г. первоначально в виде журнальной статьи¹⁴. Вскоре оно появилось в виде отдельной публикации с рядом авторских дополнений¹⁵, а затем неоднократно переиздавалось¹⁶, вдохновляя на новые поиски¹⁷ и послужив основой научного издания в СССР сочинений замечательного мыслителя XVIII в.¹⁸

¹² Коммунист, 1976, № 9, с. 125.

¹³ Дерате Р. Современные труды о политических идеях во Франции в век Просвещения.— В кн.: Французский ежегодник. 1966. М., 1967, с. 22; см. также: Дунаевский В. А., Поршнев Б. Ф. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963).— В кн.: История социалистических учений. М., 1964; Далин В. М. Изучение французского социализма (до 1914 г.) в советской науке.— Новая и новейшая история, 1974, № 2; Дунаевский В. А. Изучение западноевропейского утопического социализма.— В кн.: Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада 1917—1941 гг. Соколова М. Н. Современная французская историография утопического социализма во Франции (конец XVII — первая половина XIX вв.): Историографический обзор. 1945—1975.— В кн.: История социалистических учений: Вопросы историографии. М., 1977.

¹⁴ Волгин В. П. Жан Мелье и его «Завещание».— Голос минувшего, 1918, № 1-3, с. 5—46.

¹⁵ Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»). М., 1919, с. 83.

¹⁶ См. библиографию трудов В. П. Волгина в кн.: Из истории социально-политических идей: Сборник статей к 75-летию академика В. П. Волгина. М., 1955. Последнее издание см.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979, с. 13—25. Наиболее развернутый вариант см.: Волгин В. П. Мелье и его «Завещание».— В кн.: Мелье Ж. Завещание. М., 1954. т. I—III; т. I, с. 5—52.

¹⁷ Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада, с. 192—201.

¹⁸ Священник Иоанн Мелье (по Вольтеру) / Под ред. В. А. Шишакова. М., 1924; Мелье Ж. Завещание / Пер. Е. Смирнова; Предисл. А. Деборина. М., 1925, ч. 1—2; Он же. Завещание / Пер. с фр. Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова; Под ред. А. Б. Рановича; [Вступ. статья А. Гагарина]. М., 1937; Он же. Завещание / Пер. с фр. Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова; Под ред. Ф. А. Коган-Бернштейн; Пер. приложения и коммент. Ф. Б. Шуваевой; Вступ. статья В. П. Волгина. М., 1954. Т. I—III. Текст этого издания был сверен с одной из рукописей «Завещания», хранящихся в Парижской Национальной библиотеке (Bibliothèque Nationale. D. m. N. acq. fr. 19460). Французские исследователи утверждают, что эта рукопись, равно как и две другие (19458, 19459),— автографы Жана Мелье

В. П. Волгин начал работу о Мелье в ту пору, когда автор «Завещания» был почти неизвестен в самой Франции. Во всяком случае, он оставался вне поля зрения тамошней университетской и академической науки, а труды его на родине не издавались. Только в 60—70-х годах XX в. под несомненным воздействием советских историков Мелье стал широко изучаться во Франции; он занял принадлежащее ему по праву место в пантеоне великих мыслителей прошлого и получил международное признание. Не случайно французский ученый М. Домманже писал: «Понадобилось возвращение паломников-французов из СССР, чтобы Мелье действительно встал на повестку дня или, как говорится, превратился в моду»¹⁹. Среди проявлений этого подлинного взрыва интереса к французскому мыслителю — и капитальная монография самого Домманже, и издания сочинений Мелье²⁰, и два посвященных ему международных коллоквиума²¹, и внимание к его наследию со стороны виднейших представителей историографии (не только советской, но и английской и итальянской)²², и торжественное открытие мемориальной доски, установленной на стене мери в Этрепиньи, где Мелье был священником²³.

Заслуги Волгина в становлении научного изучения творчества Мелье как особого раздела истории общественной мысли отмеча-

(См.: *Dommanget M. Le curé Meslier. Paris, 1965, p. 134; Meslier J. Oeuvres complètes. Paris, 1970, v. I, p. L*). Это утверждение, покоящееся на падеографических изысканиях, требует дополнительного обоснования (См.: *Кучеренко Г. С. Изучение Жана Мелье: итоги и задачи, с. 131—132*).

¹⁹ *Dommanget M. Op. cit., p. 482.*

²⁰ *Meslier J. Oeuvres complètes. Paris, 1970—1972. V. 1—3; Idem. Textes. Paris, 1973; Idem. Il testamento. Le ultime volontà di un prete ateo, comunista e rivoluzionario del '700. Firenze, 1972.*

²¹ *Etudes sur le curé Meslier. Actes du Colloque Internationale d'Aix-en-Provence, 21 novembre 1964. Paris, 1966; Le curé Meslier et la vie intellectuelle, religieuse et sociale à la fin du XVII et au début du XVIII siècle. Colloque Internationale. Université de Reims, 17, 18 et 19 octobre 1974. Reims, 1974; Кучеренко Г. С. Второй международный коллоквиум, посвященный Жану Мелье. — Вестник Академии наук СССР, 1975, № 3.*

²² См., например: *Soboul A. Meslier et son temps. — La Pensée, 1970, N 151; Rihs Ch. Les philosophes utopistes. Le mythe de la cité communautaire en France au XVIII siècle. Paris, 1970; Venturi F. Italy and the Enlightenment. Studies in a Cosmopolitan Century. London, 1972; Bernardi W. Utopia e socialismo nel '700 francese. Firenze, 1973; Mazzilli W. Sulle origini libertine della filosofia di J. Meslier. — Rivista di filosofia, 1973, N 2; Romeo C. Il caso Meslier. — Critica Marxista, 1973, N 2; Alatri P. Il «curo» Meslier. Prete, ateo e comunista. — Il Messaggero, 1974, Nov. 3; Desné R. Le titre du manuscrit de Jean Meslier «Testament» ou «Mémoire»? — Approches des Lumières. Mélanges offerts à Jean Fabre. Paris, 1974; Idem. Les lectures du curé Meslier. — In: Travaux de linguistique et de littérature. Strasbourg, 1975, XIII, 2. Mélanges de littérature française offert à R. Pintard.*

²³ На доске значится: «Ici fut honoré le 19 octobre 1974 Jean Meslier, précurseur du siècle des Lumières, curé d'Étrepigny et de Balaive de 1689 à 1729» («Здесь 19 октября 1974 г. были возданы почести Жану Мелье, предшественнику века Просвещения, кюре деревень Этрепиньи и Балева с 1689 по 1729 г.»).

ли как в нашей стране, так и за ее пределами все, кто писал о выдающемся советском историке²⁴ и посвященной Мелье литературе²⁵. В связи с коллоквиумом в Реймсе французская печать признавала, что до последнего времени «Мелье был более известен в СССР, чем в стране, где он родился», что его идеи привлекли внимание «прежде всего ученых России, где о нем знали благодаря исследованию, осуществленному в 1908 г. Волгиным»²⁶.

Автограф исследования «Жан Мелье и его „Завещание“» (тетрадь в черной клеенчатой обложке) входит ныне в личный фонд В. П. Волгина, хранящийся в Архиве Академии наук СССР²⁷. В тетради — 121 (с оборотом) страница убористого текста, написанного четким почерком Волгина и изредка правленного Р. Ю. Виппером, который признал работу своего ученика «весьма удовлетворительной». Известно, что работа о Мелье была послана в журнал «Русское богатство», встретила там весьма благожелательный отзыв, была набрана и предназначалась для декабрьского номера 1911 г.²⁸ Однако она не вышла из печати, так как редакция переживала тогда очередное столкновение с цензурой и не сочла возможным идти на новые неминуемые затруднения, обнародовав статью о французском революционном атеисте и социалисте-утописте XVIII в. О намерении журнала публиковать эту статью свидетельствует также письмо Волгина Д. М. Петрушевскому от 12 декабря 1911 г., в котором он упомянул, что ему выплатили часть гонорара в виде аванса²⁹.

Ныне в архиве «Русского богатства», находящемся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, нами обнаружен набор статьи Волгина. Он насчитывает 37 листов и, судя по штампу на первой полосе, оттиснут 23 ноября 1911 г. типо-

²⁴ Помимо уже цитировавшихся работ см.: *Ротштейн Ф. А.* Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности [В. П. Волгина]. — В кн.: Вячеслав Петрович Волгин: Материалы к биографии ученых СССР. М., 1954 и др.

²⁵ *Koutcherenko G. S.* Jean Meslier et le materialisme française au XVIII siècle. — In: *Au Siècle des Lumières*. Paris; Moscou, 1970; *Skrzypek M.* La fortune de Meslier en Russie et en Union Soviétique. — *Dix huitième siècle*, 1971, N 3; *Ricuperati G.* Jean Meslier e la sua varia fortuna. — *Rivista storica italiana*, 1975, fas. III.

²⁶ *Lamarre H.* Jean Meslier ou comment être prêtre athée et communiste sous Lois XIV. — *L'Union*, 1974, Oct. 9. См. также материалы, опубликованные газетами «L'Union» и «L'Ardennais» 18—21 октября 1974 г. О ведущей роли исследователей нашей страны в изучении наследия Мелье писала печать Голландии, где в 1864 г. впервые был издан полный текст «Завещания» (См.: *Van der Velden B.* Meneer Pastoors leven na de dood. — *Cultureel supplement*. NRC. Handelsblad, 1974, Oct. 25.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 514, оп. 1, д. 2, л. 1—121.

²⁸ Это вытекает из писем, адресованных В. П. Волгину руководителями журнала В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненским и В. А. Мякотиним, которые были опубликованы Ю. П. Мадором. Письма относятся к октябрю 1911 — февралю 1912 г. (История социалистических учений, 1964, с. 486—490).

²⁹ Архив АН СССР, ф. 493, оп. 3, д. 44, л. 1.

графией Первой петербургской трудовой артели. Набор пестрит исправлениями опечаток, отдельными сокращениями и дополнениями, сделанными карандашом и чернилами. Многие листы поданы буквами «В. К.» и фамилией (?) «Левить»; некоторые из них пронумерованы, причем на одиннадцатом листе стоит цифра 6, на двадцать седьмом — 13 и 14, на предпоследнем — 19. Кроме гранок имеется распоряжение по редакции, помеченное инициалами «Н. А.» (л. 1), и начертанная той же рукой «вставка на особом листе» (л. 3)³⁰.

Сравнение редакционных помет с бесспорными автографами В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского показывает, что большинство из них, в том числе «распоряжение» и «особая вставка», сделаны Н. Ф. Анненским, а буквы «В. К.» означают сокращенную подпись В. Г. Короленко³¹. Что касается третьего участника работы над статьей — Левита, то нам не удалось установить кто он. Такая фамилия не значится в числе «ближайших участников» «Русского богатства», ее нет среди авторов журнала или деятелей, о которых можно узнать из распространенных биографических словарей. Быть может, это имя технического сотрудника редакции, если только не псевдоним какого-нибудь известного лица.

Почти все листы, правленные Н. Ф. Анненским, завизированы В. Г. Короленко. Следовательно, главный редактор «Русского богатства» был согласен не только с текстом статьи, но и с мнением своего друга и ближайшего сотрудника. Нужно сказать, что так было всегда. К. И. Чуковский вспоминал: «Не помню, — говорил Короленко, — чтобы за всю жизнь у нас было хоть бы маленькое разногласие с [Анненским]»³².

Письма редакторов «Русского богатства» Волгину и корректура его статьи позволяют судить об отношении видных деятелей культуры дореволюционной России к освещению Волгиным проблем, поднятых Мелье в его «Завещании». Одновременно эти материалы показывают, сколь пагубно влияла, прямо и косвенно, царская цензура на судьбу научных исследований. Сопоставление данных документов показывает, что редакция дважды правила статью, но так и не решилась поместить ее на страницах «Русского богатства».

Обращение Волгина в этот журнал было не случайным. Известный писатель-демократ В. Г. Короленко стал его главным редактором в 1904 г. По свидетельствам современников, «примыкая к общему направлению „Русского богатства“, Владимир

³⁰ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР в Ленинграде (далее — РО ИРЛИ), ф. 266, оп. 2, д. 564, л. 1—20 (Правильней л. 1—39).

³¹ См. картотеку почерков в ЦГАЛИ СССР, а также факсимиле почерка и подписи В. Г. Короленко в кн.: Описание писем В. Г. Короленко. М., 1961, с. 116—117.

³² В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 415.

Галактионович отнюдь не замыкался в теории народничества и стремился к более широким взглядам, обнимающим разные течения». Так, в частности, он проявлял интерес к марксизму³³, хотя, разумеется, был далек и от теории научного социализма, и от понимания революционных задач пролетариата России. В журнале печатались передовые литераторы, общественные деятели, ученые; с его страниц слышался голос писателей, которым были близки чаяния народа; в «Русском богатстве» появлялись сочинения авторов из рабочих, крестьян, разночинцев³⁴. Царские власти постоянно преследовали журнал³⁵.

Письмо В. А. Мякотина Волгину от 25 октября 1911 г. свидетельствует, что исследование о Мелье оказалось в редакции не позднее названной даты; к этому времени оно уже было просмотрено, в целом одобрено и его предполагали печатать, хотя Короленко находился в это время под судом за публикацию в июньском номере статьи В. И. Семевского о Кирилло-Мефодиевском обществе. Сообщая о затруднениях «Русского богатства», Мякотин указывал, что в «изложении взглядов Мелье есть нецензурные места», и просил «разрешения сократить и смягчить их»³⁶. По всей вероятности, такое разрешение было получено. Во всяком случае, последовало распоряжение Н. Ф. Анненского: «Прошу: 1) сделать и прислать мне один оттиск до исправления, 2) исправить, послать оттиски мне, В. Г. Короленко (Кирочная, 29, кв. 11), А. Г. Горнфельду и А. В. Пошехонову»³⁷.

Статья, как уже говорилось, поступила из набора 23 ноября 1911 г. и была первоначально предназначена для декабрьского номера. Из письма Анненского Волгину от 10 декабря 1911 г. явствует, однако, что ее «из-за цензурных соображений... вынули» и что редакция, завершив хлопоты о «текущей книжке», обсудит «необходимые приспособления для цензурных требований»³⁸. Следовательно, никаких изменений в статью не было внесено, хотя она и была задержана? Однако В. А. Мякотин просил разрешения автора на внесение правки еще почти за месяц до набора и более чем за полтора месяца до письма Н. Ф. Анненского. Рукопись не правили перед сдачей в типографию: подлинник статьи о Мелье и ее набор, обнаруженный нами, полностью совпадают.

Между 23 ноября и 10 декабря 1911 г. в наборе были исправ-

³³ См., например, воспоминания Ф. Д. Батюшкова в кн.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников, с. 283.

³⁴ *Дерман* А. Писатели из народа и В. Г. Короленко. Харьков, 1924.

³⁵ Ю. П. Мадор писал, что с 1906 по 1917 г. он привлекался к суду более чем по 11 делам, все члены его редакции (кроме престарелого В. Г. Короленко) перебивали в тюрьмах (История социалистических учений, 1964, с. 486). Особенно трудным был 1912 год, когда скончался Н. Ф. Анненский, а В. А. Мякотин и А. В. Пошехонов были заключены в тюрьму.

³⁶ История социалистических учений, с. 488.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 564, л. 1.

³⁸ История социалистических учений, 1964, с. 489.

лены опечатки, тогда же Анненский «приспосабливал» его к «требованиям цензуры». Можно предполагать, что проделанная им работа не устранила опасений редакции, статья была отложена и после 10 декабря редактировалась тем же Анненским еще раз. Этот вывод позволяют сделать редакционные пометы на второй странице и «вставка на особом листе». В фразу «Скромный сельский священник, он в то же время решительный и последовательный атеист, для которого всякая религия — лишь лицемерная сказка, придуманная высшими, чтобы держать в узде низших, один из самых ранних проповедников материализма во Франции XVIII в.» вписано чернилами: «решительно и последовательно идущий до крайних выводов в своем отрицании всякой религиозной идеи». Вставка эта зачеркнута карандашом. Тем же карандашом исключены весьма важные утверждения Волгина: «Говоря коротко, он [Мелье] единственный социалист-революционер дореволюционной Франции.. для которого всякая религия — лишь лицемерная сказка, придуманная высшими, чтобы держать в узде низших... Сказанного, думается, достаточно, чтобы понять интерес, который представляет изучение его „Завещания“». На полях, против последнего предложения стоит редакторский знак (**) и отсылка: «См. вставку на особом листе»³⁹. Эта вставка Анненского гласит: «Конечно, теперь, на расстоянии полутора с лишком веков, и философские, и социальные построения Мелье имеют для нас интерес исключительно исторический. Жизнь не стоит на месте; за долгий период, отделяющий нас от „Завещания“, человеческая мысль неустанно работала над теми же „проклятыми“ вопросами, и современного читателя не могут удовлетворить не только те решения, но и та постановка, какие даются этим вопросам в произведении юре-философа нач[ала] XVIII века. Сложнее и глубже стоят они перед нами. Но мы и не задаемся в нашей статье анализом по существу идей, развиваемых в „Завещании“ Мелье. Мы хотели бы только познакомить наших читателей с этим замечательным литературным памятником и с оригинальной личностью его автора»⁴⁰.

Существенные пометы на листах с 4 по 39 сделаны карандашом, на 37, 38 и 39 — карандашом и чернилами. Отличить, какие из них более ранние, какие более поздние, весьма затруднительно, ибо если зачеркивание и отсылка на второй странице сделаны карандашом, то «вставка на особом листе» написана чернилами, хотя, как нетрудно понять, вторично по отношению к правке чернилами на указанной странице.

Правка и сокращения, содержащиеся на листах с 4 по 39, коснулись, как и на предыдущих, антирелигиозных идей «Завещания», а также высказываний Мелье о монархической власти. В них легко усматривается стремление несколько приглушить

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 564, л. 2.

⁴⁰ Там же, л. 3.

остроту и злободневность статьи, подчеркнуть ее сугубо «исторический» характер.

В. П. Волгин пишет, что для Мелье Библия — «книга, наполненная глупыми и смешными, а подчас и вредными сказками». Редакция вычеркивает слова: «глупыми и смешными, а подчас и вредными»⁴¹. В выводе Волгина о том, что «центральная идея „Завешания“ — ложность религии вообще и христианства в частности», слово «ложность» заменено на выражение «отрицание всякой», придающее иной оттенок мысли автора. Отметим также, что на полях против этого заключения стоит знак (*), свидетельствующий о намерении редакторов вообще изъять из статьи данное рассуждение⁴².

Редакция вычеркнула место о понятии «communion» у ранних христиан, утративших социальное равенство: «Тем не менее, чтобы не уничтожить совершенно самый главный член своего символа веры, который они должны были охранять больше всех прочих, они его оставили, придав ему совершенно извращенный смысл. Они связали слово „communion“⁴³ с воображаемыми, духовными благами, с одним из своих таинств и таким путем обошли главное положение своей религии. Это сделали, наверное, те из первых христиан, которые занимали среди них почетные места и больше других наживались за счет общего имущества»⁴⁴. Вычеркнуто также утверждение о том, что «ложь, заблуждения и предрассудки объединяются в одно целое под названием религии», что «религия поддерживает правительство, хуже которого не может быть, правительство поддерживает религию, глупее которой не может быть»⁴⁵. Вместо злободневного тезиса: «Взгляд на религию как на средство держать массу в покорности очень распространен среди писателей-социалистов. И объективная причина такого отношения к религии вполне понятна. Роль господствующих церквей, как пособниц государственной власти, положение, занятое ими в социальной борьбе — словом, все, о чем говорил Мелье, его достаточно объясняют», появляется политически более нейтральная фраза: «Взгляд на религию как на средство держать массу в покорности не принадлежит исключительно Мелье, его высказывали многие»⁴⁶. Далее, вычеркнуты слова: «народ освободился от религии», «освобождение от христианства», смягчена фраза о нелепости христианской морали⁴⁷, «богопоклонники» заменены на «теологов»⁴⁸, «идея Бога» — на «идеи нематериальной субстанции»⁴⁹,

⁴¹ Там же, л. 4.

⁴² Там же, д. 564, л. 11.

⁴³ Communion — общий, communion — причастие). (Прим. В. П. Волгина).

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 564, л. 23.

⁴⁵ Там же, л. 26.

⁴⁶ Там же, л. 28.

⁴⁷ Там же, л. 29.

⁴⁸ Там же, л. 32, 38.

⁴⁹ Там же, л. 33.

изъято утверждение: «Тем более, что блага будущей жизни — чистейшая фантазия»⁵⁰.

Правка коснулась и высказываний Мелье о социально-политических вопросах, особенно о монархической власти. Вместо предложения: «Переходя от критики социального строя старого порядка к критике строя политического...» редакция предлагала: «Переходя к изложению политических воззрений Мелье...»⁵¹. Вычеркнута фраза: «Этот пророк [Самуил], замечает Мелье, любил справедливость и потому не любил царскую власть»⁵², а также слова: «добрых монархов нет»⁵³, вместо «жизнь тиранов» написано «жизнь королей», вместо «тирании королей» — «тирания»⁵⁴. Эти поправки противоречили мыслям Мелье о неразрывности понятий «монарх» и «тиран».

Весьма основательно изменен раздел статьи, где излагается призыв Мелье к революционной борьбе против социальных зол феодальной Франции⁵⁵.

Таково содержание большинства самых существенных помет на типографском наборе статьи В. П. Волгина «Жан Мелье и его „Завещание“». Многие из них, по-видимому, действительно продиктованы стремлением учесть «требования цензуры» и не подвергать редакцию риску новых преследований. Нельзя также полностью исключить, что некоторые «крайности», «резкости» исследования, ознаменовавшего собой зарождение марксистской концепции в оценке великого мыслителя Франции, были неприемлемы для «общего направления» самой редакции журнала «Русское богатство».

В письме Короленко Волгину от 15 февраля 1912 г. говорилось о затруднениях журнала, о свирепости царской цензуры и невозможности публиковать в этих условиях статью ни в «ближайших книжках», ни в обозримом будущем, несмотря на купюры, о которых «писал уже Ник. Фед. Анненский». Главный редактор обещал провести статью «при более благоприятных обстоятельствах», однако не брался предсказывать, «когда они наступят»⁵⁶.

Но до Великой Октябрьской социалистической революции так и не наступило время «более благоприятных обстоятельств». Естественно, публикуя в 1918 г. статью о Мелье в журнале «Голос минувшего», Волгин не принял во внимание ни одной из помет редакции «Русского богатства». Текст этого издания совпадает с текстом автографа 1908 г. и типографского набора 1911 г.

Весьма существенной была, с другой стороны, авторская доработка текста, сделанная при подготовке к печати отдельной

⁵⁰ РО ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 564, л. 38.

⁵¹ Там же, л. 13.

⁵² Там же, л. 14.

⁵³ Там же, л. 16.

⁵⁴ Там же, л. 26.

⁵⁵ Там же, л. 29, 30.

⁵⁶ История социалистических учений, 1964, с. 489.

брошюры о Мелье, увидевшей свет, как было сказано, в 1919 г. Волгин подробно изложил здесь положение о различии между утопическим социализмом и эгалитаризмом. Анализируя взгляды Руссо и его группы — сторонников «демократии мелких собственников-эгалитаристов», он противопоставил им Мелье как представителя «последовательно-коммунистического крыла» французской социальной критики XVIII в.: «Для Мелье, в противоположность Руссо, социализм — не только орудие разрушения старого, но и план постройки нового общественного здания»⁵⁷. А для Руссо и его последователей, социализм — «орудие критики», но отнюдь не план идеального строя. Их руководящая идея — «не уничтожение частной собственности, а уравнивание имуществ, более или менее радикальное, поэтому эгалитаризм — наиболее подходящее название для характеристики этой группы»⁵⁸.

Принципиальное значение имеет вывод Волгина о роли народных масс, служащих, по его словам, «питательной средой» для кажущихся одиночными мыслителей типа Мелье: «Почем мы знаем... — писал он, — какие смутные мечты и чаяния бродили в среде самой обездоленной массы?»⁵⁹.

Необходимо отметить также вывод о слабом влиянии на Мелье теории естественного права и замечание об излишней широте и неопределенности данного понятия, что допускало «ее пригодность для самых разнообразных целей»⁶⁰. В издании 1919 г. Мелье сопоставлялся с «ядовитейшим критиком религии Вольтером». «То, что для Мелье как для социалиста было наиболее отвратительно, Вольтер, наоборот, признавал полезным». В первую очередь это приложимо к проблеме государства, существование которого без религии Вольтер, в отличие от Мелье, не мог себе представить⁶¹.

Интересно заключение IV главы об отношении Мелье к классовой борьбе: «Для него борьба — единственно возможный двигатель исторического процесса. Он не осуждает ее, как многие социалисты-утописты не только XVIII, но и XIX в., наоборот, он к ней призывает»⁶². Большое значение имеет вывод V главы: «Только у Мелье коммунизм и материализм сливаются в стройное и последовательное учение. Только у Мелье коммунизм сочетается не с морализующим утопизмом, а с революционной идеей международной классовой борьбы»⁶³.

В 1919 г. в целом было завершено в главных чертах исследование Волгина о Мелье, работа, которая занимает выдающееся место в историографии социалистических идей.

⁵⁷ Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII в., с. 36.

⁵⁸ Там же. (Курсив наш.— В. Д., Г. К.).

⁵⁹ Там же, с. 37.

⁶⁰ Там же, с. 53—55.

⁶¹ Там же, с. 61.

⁶² Там же, с. 71.

⁶³ Там же, с. 88—89.

М. О. КОСВЕН — ИСТОРИК ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА И КАВКАЗОВЕД

В. К. Гарданов, А. И. Першиц

История первобытного общества — одна из самых комплексных областей исторического знания. Недаром к ней обращались и обращаются не только этнографы, археологи, палеоантропологи, но и философы, экономисты, филологи, юристы. В частности, из юриспруденции в науку первобытной истории пришли Бахофен и Морган, Мак-Леннан и Мэн, Колер и Маурер, а из отечественных ученых — М. М. Ковалевский. Таким же был путь одного из крупнейших советских историков первобытного общества — Марка Осиповича Косвена (1885—1967), который впервые заинтересовался первобытноисторической проблематикой на Юридическом факультете Петербургского университета, будучи одним из учеников М. М. Ковалевского.

Когда Косвен пришел в науку о первобытном обществе, за его плечами был уже значительный опыт разнообразной практической работы — адвокатской, военной, административной. Пробовал он свои силы и в правоведении: в 1915 г., работая в Красном Кресте, он опубликовал в Петрограде книгу «Военнопленные. Очерк по международному и военному праву». Но это его чисто юридическое исследование осталось единственным. Его сложившиеся еще в университете научные интересы лежали в другой области, и он полностью отдался им в 1924 г., перейдя на работу в Институт истории РАНИОН.

Фундаментальная университетская подготовка и удивительная работоспособность, яркий талант и огромная эрудиция позволили Косвену вести исследования во многих направлениях и в самых разных научных центрах. Первое двадцатилетие его научной деятельности протекало в Институте истории Коммунистической академии и Институте К. Маркса — Ф. Энгельса, Институте народов Советского Востока и Институте народов Севера, Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Отделе этнографии Большой советской энциклопедии. Однако исследования Косвена все больше сосредоточивались вокруг этнографического изучения первобытной истории, и это закономерно привело его в Институт этнографии Академии наук СССР. Здесь он проработал 22 года, со дня основания Института в Москве в 1943 г. до 1965 г., когда преклонный возраст и состояние здоровья заставили его незадолго до смерти оставить исследовательскую работу¹.

¹ Основные биографические сведения о М. О. Косвене см.: *Гарданов В. К.* Марк Осипович Косвен. — Советская этнография (далее — СЭ), 1967, № 6.

Ученый широкого диапазона, Косвен и в Институте этнографии продолжал работать в нескольких направлениях — в первобытной истории, в кавказоведении, в славяноведении. Он оставил свыше 400 научных публикаций, в том числе полдюжины книг, важнейшие из которых издавались и переиздавались не только в нашей стране, но и за рубежом, в особенности в социалистических странах. Он выдвинул ряд новых теоретических концепций, вокруг его научного наследства до сих пор ведутся острые споры. Всю поднятую им проблематику трудно охватить в рамках одной статьи. Поэтому преимущественное внимание здесь будет уделено тому, что представляется самым интересным: в какой мере выдержали проверку временем основные идеи Косвена, каково их место и значение в современной науке?

Посредствующим звеном между правоведческими и историческими интересами ученого была юридическая (или, говоря шире, нормативная) и политическая (или, опять-таки говоря шире, потестарная) этнография. Среди его первых работ — книга² и статьи «Первобытная власть»³, «Теория сакрального происхождения власти»⁴. В 20-х годах XX в. к этим пограничным дисциплинам, в особенности к нормативной этнографии, обращались и другие советские ученые, но главным образом лишь в связи с практическими задачами борьбы с так называемыми бытовыми преступлениями у народов Кавказа, Средней Азии и т. д. Работы Косвена не утратили общетеоретического значения и сейчас, хотя нормативная этнография все еще не получила у нас надлежащего развития.

Одновременно складывается разносторонний интерес Косвена к другим этнографическим проблемам первобытности — экономической этнографии⁵, истории брака и семьи⁶, эволюции родового строя⁷. А вскоре, с начала 30-х годов XX в. окончательно определяются два взаимосвязанных основных направления его первобытноисторических исследований: социальная история первобытности и историография первобытной истории.

Косвен пришел в советскую науку тогда, когда в стране велась перестройка исторической науки на основе марксистско-ленинской методологии. Одним этнографическим работам тех лет был присущ эмпиризм, другим — прикрытое марксистской терминологией абстрактно-социологическое схематворчество. Ученый сумел избежать в основном и того и другого. Правда, С. А. Токарев оцени-

² Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925.

³ Революция права, 1929, № 6.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1930. Т. 5.

⁵ Косвен М. О. Происхождение обмена и меры ценностей.— Красная новь, 1924, № 6, 7-8; Он же. Первобытное меновое хозяйство.— Там же, 1926, № 4.

⁶ Косвен М. О. Брак-покупка.— Красная новь, 1925, № 2; Он же. Половые отношения и брак в первобытном обществе. М.; Л., 1928.

⁷ Косвен М. О. Матриархат.— Революция права, 1929, № 6.

вает ранние работы Косвена как эволюционистские⁸. Это, видимо, в общем верно, но при этом следует заметить, что он был эволюционистом в той мере, в какой его интересовала в первую очередь генерализация первобытноисторического процесса, поиски универсального в поступательном движении первобытного человечества и, следовательно, установления его закономерностей. А здесь от эволюционизма, в его достигнутом уже Л. Г. Морганом высшем выражении, — один шаг до марксизма⁹. И этот шаг был сделан Косвеном в первой половине 30-х годов, когда он вместе с другими этнографами старшего поколения стал создателем советской этнографической школы с присущим ей историческим методом исследования и стремлением выявить на конкретном материале изучаемых народов общие законы развития¹⁰.

Большую, хотя и неоднозначную роль в становлении советской этнографической школы сыграло привлечение в те годы внимания преимущественно к изучению общественного строя отсталых или отстававших в прошлом народов. Это сужало предмет этнографии, но поднимало актуальность этнографических исследований, позволяло применить в них ленинское учение об общественных укладах и некапиталистическом пути развития, оценить роль докапиталистических пережитков в социалистическом переустройстве экономики и быта народов СССР. Включившись в разработку этого круга вопросов, Косвен посвятил две статьи, основанные на собранных им самим полевых материалах, разложению родового строя у удмуртов и у южных осетин¹¹. Однако эти две статьи — едва ли не единственные его публикации по этнографии отдельных народов. Ученый-теоретик, исследователь крупного плана, он продолжает уделять основное внимание общим проблемам истории первобытного общества, рассматриваемым на самом широком, как правило, глобальном этнографическом материале. Вместе с немногими советскими историками первобытности довоенных лет он показал, что эти проблемы в научном отношении не менее актуальны, чем вопросы изучения современности. Ведь в мировой этнографической науке все еще продолжается острая борьба вокруг родовой концепции первобытного общества, выдвинутой Морганом и развитой Энгельсом. Дальнейшая разработка этой теории на основе вновь накопленных этнографией фактических данных на многие годы становится важнейшим направлением его исследований.

⁸ Токарев С. А. Советская этнография за 40 лет. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 2, с. 83.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25.

¹⁰ Подробнее см.: Толстое С. П. Советская школа в этнографии. — СЭ, 1947, № 4; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. V.

¹¹ Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов. — Учен. зап. НИИ народов Советского Востока, М., 1931, вып. 11; Он же. Из истории родового строя в Юго-Осетии. — СЭ, 1936, № 2.

Как известно, концепция родового коллективизма была обоснована неравномерно, некоторые аспекты функционирования рода оставались недостаточно освещенными. В частности, известные в последней четверти XIX в. этнографические факты оставляли открытым вопрос о соотношении рода и общины. С одной стороны, имелся ряд показаний в пользу того, что род был не только социальным, но и экономическим коллективом, т. е. общиной, с другой — свойственная роду экзогамия делала невозможным — при унилокальном, совместном брачном поселении — его функционирование в качестве общины. Усматривая в этом известную уязвимость родовой концепции, Косвен еще в 1929 г. обратил внимание на то, что наряду с матриликальным и патриликальным брачным поселением существовала еще одна, раздельная форма поселения супругов, названная им «дисликальной»¹².

Поначалу исследователь видел в дисликальности лишь компромиссный порядок, возникающий в эпоху перехода от матриликальности к патриликальности. Однако в своих последующих работах он, так же как и некоторые другие советские этнографы старшего поколения¹³, пришел к мысли, что этот брачный порядок является наиболее ранним, предшествующим матриликальному поселению¹⁴. Эта гипотеза объясняла, почему первоначальный род мог и должен был совпадать с общиной и каким образом позднее, с переходом к унилокальному поселению, такое совпадение нарушилось. Правда, введя в оборот марксистской науки понятие «дисликальное поселение», Косвен впоследствии не возвращался к развернутому обоснованию своего тезиса. Возникли и другие направления в объяснении механизма функционирования рода в качестве общины, такие, как дисэкономичность унилокальной парной семьи¹⁵, совпадение основного и численно преобладающего состава рода и общины¹⁶. В то же время выдвинутая Косвеном гипотеза сохраняет свое значение и продолжает фигурировать в трудах советских этнографов¹⁷. Сейчас положение, видимо, таково, что идея первоначальной дисликальности брака не может быть ни отвергнута, ни строго доказана. Ее дальнейшее обоснование требует

¹² Косвен М. О. Матриархат; *Он же*. Материнский род и материнское право. — В кн.: На боевом посту. М., 1930; *Он же*. Вновь открытая форма брака. — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (далее — Сообщения ГАИМК), 1932, № 3-4.

¹³ Толстой С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9-10; Золотарев А. М. Очерк истории родового строя. Б. г. (Рукопись. Архив Института этнографии АН СССР).

¹⁴ Косвен М. О. Авункулат. — СЭ, 1948, № 1; *Он же*. Очерки истории первобытной культуры. 1-е изд. М., 1953; 2-е изд. М., 1957.

¹⁵ Кричевский Е. Ю. Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества. — Известия ГАИМК, 1934, вып. 81.

¹⁶ Першиц А. И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности. — СЭ, 1970, № 2.

¹⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 179 и след.

совершенствования методики первобытноисторических реконструкций на основе пережитков, путем анализа которых была выдвинута и в настоящее время развивается эта идея.

Предоставив конкретизацию тезиса о первоначальной дислокальности своим коллегам и последователям, Косвен на многие годы обратился к одной из крупных проблем эволюции родового строя — историческому соотношению материнского и отцовского рода. В довоенное и первое послевоенное время эта тема имела особое значение. Хорошо известно, что в соответствии с моргановской традицией первобытнообщинный коллективизм был жестко привязан к коллективизму материнского рода, а разложение этого коллективизма — к процессу превращения материнского рода в отцовский. Между тем в западной этнографии первой четверти XX в. было собрано значительное число фактов очень раннего (а в трактовке западных ученых антимарксистской ориентации — даже изначального) существования отцовско-родового строя. Поставив себе целью суммировать и истолковать как прежние, так и вновь накопленные данные, Косвен сделал это в нескольких крупных исследованиях, посвященных матриархату и механизмам его превращения в патриархат¹⁸. Ему удалось показать, что большинство введенных в научный оборот новых фактов подтверждают приоритет и широчайшее распространение материнско-родовых порядков. Но он не стал и закрывать глаза на сложность проблемы. Наличные материалы не давали возможности объяснить причины очень раннего возникновения отцовского рода у части аборигенов Австралии и некоторых других бродячих племен охотников и собирателей, и Марк Осипович привлек внимание советских исследователей к изучению этой так называемой австралийской контроверзы. Результаты не замедлили сказаться. Уже после его смерти удалось обнаружить пережитки материнско-родовой организации у одних, казалось бы, исконно отцовско-родовых племен¹⁹, и было предложено удовлетворительное объяснение механизмов раннего распада материнского рода у других²⁰ при одновременном сохранении ими коллективистических порядков. В настоящее время некоторые советские историки первобытности различают ранний отцовский род как одну из классических и пат-

¹⁸ Косвен М. О. Матриархат в Западной Африке: (Этнографические материалы). — СЭ, 1934, № 1-2; *Он же*. Пережитки матриархата у народов Кавказа. — Там же, 1936, № 4-5; *Он же*. Матриархат: (Этнографические материалы). — Учен. зап. Московского ун-та, 1940, вып. 61. История, т. II; *Он же*. Авункулат. — СЭ, 1948, № 1; *Он же*. Переход от матриархата к патриархату. — В кн.: Родовое общество: Этнографические материалы и исследования. М., 1951.

¹⁹ Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя. — В кн.: Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., 1975, с. 63 и след.

²⁰ Семенов Ю. И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому: (Опыт теоретического анализа). — СЭ, 1970, № 5. См. дискуссию по этой статье в том же журнале за 1971—1975 гг.

риархат как одну из распадных форм развития первобытного общества²¹. Показательно, что аналогичная принципиально важная дифференциация была проведена еще самим Косвенем в отношении матриархата, в котором он в 50-х годах XX в. выделил раннюю и развитую формы²².

Всестороннее исследование природы и эволюции родового строя привело Косвена к тому кругу проблем, разработкой которых он оставил, пожалуй, наиболее глубокий след в марксистской науке первобытной истории. Это проблемы структуры рода, в особенности патриархального, исторической характеристики семейной общины и, наконец, особой, выявленной впервые самим исследователем общественной формы — патронимической организации.

Структурой рода Косвен впервые вплотную занялся с середины 40-х годов XX в., когда он, руководя почти полтора десятилетия сектором народов Кавказа Института этнографии Академии наук СССР и пристально изучая кавказский этнографический материал, очень много сделал для того, чтобы использовать последний в целях ретроспективной реконструкции социальных структур первобытности. Правда, еще до этого, в 30-х годах, им была выделена и названа «патронимией» внутривидовая группа ближайших родственников, возводящих себя к общему, еще памяtnому предку²³. Но тогда это была, скорее, заявка на открытие, обоснованное и получившее признание позднее.

В 1946 г. Косвен опубликовал большую кавказоведческую статью, в одном из разделов которой рассматривалась архитектоника патриархального рода. Род, доказывал исследователь, «обладает особой структурой, подобной ряду концентрических кругов, каждый из которых является отдельной, в известной мере самостоятельной хозяйственной, общественной и идеологической группой. Знакомство с этой структурой, четкое разграничение этих составляющих род групп — необходимое условие изучения родового строя»²⁴. По Косвену, низшую ячейку концентрума составляет семейная община, группа таких общин образует патронимию, группа патронимий — последовательно «фамилии» первого и второго порядка, из совокупности которых слагаются пережиточно сохраняющиеся архаические роды²⁵. Эта идея, поначалу подсказанная кавказским материалом, 17 лет спустя была развита и широко обоснована сравнительно-этнографическими данными в специальной монографии²⁶, явившейся последней крупной рабо-

²¹ Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи: (Хозяйство, общественный строй). М., 1968, с. 8; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1974, с. 76, 180.

²² Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 109; 2-е изд. М., 1957, с. 124.

²³ Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов; *Он же*. Из истории родового строя в Юго-Осетии.

²⁴ Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа. — СЭ, 1946, № 2, с. 117—118.

²⁵ Там же, с. 124.

²⁶ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

той ученого. По сравнению с первыми публикациями на эту тему был внесен ряд существенных изменений в трактовку данной формы кровнородственного коллектива, а также некоторые терминологические уточнения: исследователь предпочел говорить о кругах не «фамилий», а материнских и дочерних патронимий, патронимий первого и второго порядка. Патронимия была определена как внутривидовая группа не только больших, но и малых семей. Историческое место патронимии было отнесено не к раннеклассовому, а к последнему этапу доклассового общества, в качестве одной из остаточных структур которого она и сохраняется в классовых формациях. В целом несколько изменив свою более раннюю точку зрения на патронимию, Косвен в своей итоговой работе, видимо, был склонен архаизировать и абсолютизировать историческую роль этой структуры, считая ее формой более древней, чем большая семья, и более универсальной, чем соседская община²⁷.

Основные тезисы предложенной Косвеном концепции структуры патриархального рода и прежде всего вычленения в его составе патронимической организации подтверждены временем. Еще при жизни исследователя патронимия была обнаружена у множества оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих народов; немало конкретных работ на эту тему продолжает появляться и сейчас. В то же время именно масштабность открытия заставила этнографов и историков первобытного общества снова и снова возвращаться к идее исследователя, развивая в ходе дискуссий одни его теоретические положения, уточняя и дополняя другие.

Важнейшие из таких уточнений и дополнений сводятся к следующему. Термин «патронимия» (что, впрочем, оговаривал и сам Косвен) не совсем удачен. Поскольку соответствующая организация фиксируется и в позднематриархальных обществах, можно говорить не только о патронимиях, но и о матронимиях. Некоторые этнографы предложили более нейтральные и емкие термины: семейно-родственная группа, клан. В ходе одной из дискуссий было замечено, что патронимия характеризуется ее первооткрывателем одновременно и как «в известном смысле территориальная община», и как группа людей, связанных «сознанием единства своего происхождения и, следовательно, родства»²⁸. Поэтому была сделана попытка выделить такую отличную и от рода, и от общины форму социальной организации, которая «обнаруживает внешнее сходство с родом, в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи»²⁹. Однако, как представляется, наибольшая ясность в решение вопроса была внесена предложением различать три разных аспекта патронимической организации: локально-хозяйственный (весь, включая жен, состав

²⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия, с. 97 и след., 118 и след.

²⁸ Косвен М. О. Семейная община и патронимия, с. 104, 117.

²⁹ Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации: (К постановке вопроса).— СЭ, 1967, № 6, с. 85.

патронимии), генеалогический (все, включая вступивших в брак в других патронимиях, потомки предка-эпонима) и ядерный (мужчины-родственники, образующие костяк патронимии)³⁰. Таким образом, хотя Косвен и не завершил теоретического анализа природы патронимии, он был все же прав, усматривая в ней и общинный, и внутриродовой коллектив.

Больше, чем кто-либо из советских историков первобытности, сделал Косвен для изучения семейной общины. Исследование этой формы, как и исследование патронимии, было начато им в 40-х годах XX в. и подытожено четверть века спустя. За это время предложенная историческая характеристика семейной общины углубилась и расширилась, но не изменилась в своих главных тезисах. Семейная община, или большая семья, — основная ячейка первобытнообщинного родового строя, производственный и родственный коллектив, располагающий совместной, но отдельной по отношению к макрогруппе собственностью. Возникая из материнской семьи эпохи матриархата, она с наступлением патриархата превращается в большую патриархальную семью, а затем в классово-трансформированном виде удерживается и в докапиталистических обществах. В соответствии с этим она проходит две фазы эволюции: демократическую в первобытном и деспотическую, или отцовскую, в классовом обществе³¹.

Предложенная Косвеном историческая характеристика семейной общины получила широкое распространение в науке, хотя в последнее время немало сделано также и для ее развития и критического переосмысления. В частности, недавно Ю. В. Бромлей выявил еще один, наиболее архаичный пласт эволюции большой семьи — основанную на горизонтальном родстве братскую семейную общину³². Д. А. Ольдерогге подметил обратимость демократического и деспотического типов семейной общины и недостаточную содержательность понятия власти как критерия классификации; сам он предложил другой критерий — степень экономической интеграции³³. Видимо, типологизация форм семейной общины станет еще предметом особой дискуссии, но пока надо заметить что в классификации Косвена за потестарной терминологией скрывается и экономическое содержание: отдельная собственность в демократической и монополизация ее домовладыкой в деспотической большой семье.

³⁰ Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности. — СЭ, 1968, № 4, с. 81 и след.

³¹ Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа, с. 109 и след.; *Он же*. Семейная община: (Опыт исторической характеристики). — СЭ, 1948, № 3; *Он же*. Семейная община и патронимия.

³² Бромлей Ю. В. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 162 и след.

³³ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 15 и след.

Крупной заслугой Косвена в определении исторического места семейной общины представляется то, что, развивая одну из идей М. М. Ковалевского, он характеризовал большую семью как производственный коллектив, таксономически неадекватный родовой и соседской общинам, развивавшийся не в интервале между ними, а в их составе³⁴. Как известно, в советской историко-этнографической науке существовала и существует также другая, восходящая к более ранней идее М. М. Ковалевского точка зрения, согласно которой семейная община занимала промежуточное положение между родовой и соседской. В свое время Ф. Энгельс, хотя и воспроизвел ее в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», отнесся к ней с большой осторожностью. И действительно, современные данные этнографии показали, что большая семья, по крайней мере в доклассовом обществе, никогда не существовала изолированно, вне более крупной общины — сперва родовой, а затем сменившей ее соседской³⁵.

В трудах Косвена нашли истолкование и многие другие теоретические вопросы первобытной истории. Среди них — историческая реконструкция некоторых форм группового брака и эволюции локализации брачного поселения, проблема генетического соотношения рода и племени, характеристика военной демократии как формы политической надстройки и стадии исторического развития, широкий комплекс сложных вопросов, связанных с периодизацией первобытной истории. Основываясь на кавказском этнографическом материале, Косвен первым исследовал поэтапную последовательность перехода от матрилокальности к патрилокальности, отразившуюся в обычаях, которые он назвал «поселением в другом доме» и «возвращением домой» молодой женщины на время первых родов³⁶. В этом же плане он рассмотрел кавказское аталычество, показав его генетическую связь с авункулатом вообще и авункулокальным поселением в частности³⁷ (к этому вопросу мы еще вернемся ниже). Еще в начале 50-х годов XX в. им было намечено решение вопроса об историческом соотношении рода и племени: приоритет рода как первичной подлинно социальной структуры и невозможность существования дуально-родовой организации без хотя бы эмбрионального племени³⁸. Это решение остается преобладающим и ныне.

В то время, когда военная демократия рассматривалась как обязательная завершающая стадия в развитии первобытного об-

³⁴ Косвен М. О. Семейная община и патропия, с. 7.

³⁵ Подробнее см.: Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса, с. 9.

³⁶ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961, с. 52 и след.

³⁷ Он же. Аталычество. — СЭ, 1935, № 2; Он же. Этнография и история Кавказа..., с. 104 и след.

³⁸ Косвен М. О. Об историческом соотношении рода и племени. — СЭ, 1951, № 2.

щества, Косвен первым поставил вопрос о том, насколько она исторически универсальна³⁹. Специальные новейшие работы показали правомерность и своевременность такой постановки вопроса⁴⁰. Одним из первых принял Косвен участие и в разработке новой периодизации истории первобытного общества, призванной заменить во многом устаревшую схему Л. Г. Моргана. Работа в этой области все еще продолжается, и хотя предложенная самим Косвеном схема⁴¹ не получила распространения, она явилась одним из шагов на пути коллективного поиска новых решений.

Глубокую разработку ряда узловых проблем первобытной истории Косвен успешно сочетал с обобщением всей совокупности современных ему данных о древнейшем человеческом обществе и его культуре. Более четверти века преподавал он первобытную историю, будучи сперва доцентом, а с 1934 по 1954 г. — профессором Московского государственного университета. Все, кому довелось слушать его лекции, хорошо помнят, как образно и остроумно, несколько архаичным, «петербургским», своеобразным языком раскрывал он перед аудиторией самые сухие факты науки. Этим же языком написаны его работы и в особенности те из них, которые рассчитаны на сравнительно широкий круг читателей. В этом отношении ему лучше всего удалось «Очерки истории первобытной культуры», выдержавшие за четыре года два издания и переведенные в ряде зарубежных стран. Книга была выпущена в научно-популярной серии издательства «Наука» (М., 1953), но ее значение далеко выходило за рамки одной лишь популяризации. В основу ее в значительной мере был положен читавшийся Косвеном в университете курс лекций по первобытной истории, и при отсутствии в те годы какого бы то ни было учебника по этому предмету книга стала также и основным учебным пособием, дававшим всестороннее представление о самой первой из социально-экономических формаций. Создание такого пособия, обобщавшего не только этнографические, но и в известной степени археологические данные, представляло немалые трудности, и книга при общей весьма положительной оценке встретила также немало критических замечаний. Многие из них были учтены во втором издании (М., 1957)⁴². Вместе с тем уже первое издание показало (и это сыграло свою роль при подготовке позднее вузовского учебника первобытной истории), что при всей важности комплексного использования для реконструкции первобытного общества мето-

³⁹ *Он же*. О периодизации первобытной истории. — СЭ, 1952, № 3; *Он же*. К вопросу о военной демократии. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960, с. 250.

⁴⁰ *Хазанов А. М.* «Военная демократия» и эпоха классообразования. — Вопросы истории, 1968, № 12. Ср.: *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — СЭ, 1970, № 5.

⁴¹ *Косвен М. О.* О периодизации первобытной истории.

⁴² Рец. и хронику обсуждения см.: СЭ, 1954, № 2; Вестник древней истории, 1954, № 2; Вестник истории мировой культуры, 1958, № 3.

дов и результатов археологии и палеоантропологии решающее слово здесь принадлежит этнографии. Вообще, среди советских этнографов старшего поколения Косвен сделал едва ли не больше всех и для создания истории первобытности как особой области исторической науки, и для формирования обобщающего этнографического направления первобытноисторических исследований.

Характеризуя Косвена как историка первобытного общества, нельзя не отметить его труды по историографии этой области знания. Его первое исследование на эту тему было проведено в начале 30-х годов, в период работы в Институте К. Маркса — Ф. Энгельса, и имело как бы подготовительный характер: ученый поставил себе целью осветить предысторию одной из центральных проблем первобытной истории — проблем брака и семьи⁴³. Затем следует серия работ, посвященных таким классикам эволюционизма, как Бахофен и Морган, где глубоко исследуется развитие их взглядов на первобытное общество и оценивается их научное наследие⁴⁴. Ученый выявил состояние этнографических знаний во второй половине XIX в. и проследил их роль в формировании марксистской концепции первобытной истории⁴⁵. Косвен одним из первых развенчал распространенный в буржуазной науке миф о тождественности эволюционистского и историко-материалистического понимания первобытноисторического процесса и якобы некритическом заимствовании Ф. Энгельсом основных тезисов и выводов Моргана. Но он и отдает должное Бахофену и Моргану, он изучает то влияние, которое они оказали на развитие русской науки⁴⁶.

Своего рода обобщением историографической работы Косвена становится его известная монография по истории проблемы матриархата⁴⁷. Выбор этой темы не случаен и связан не только с собственным исследованием Марком Осиповичем материнско-родовых форм и порядков. Для Косвена матриархат воплощал весь комплекс отношений, свойственных классическому родовому строю, и недаром в этой монографии история проблемы матриархата сплошь да рядом перерастает в историю изучения первобытного общества вообще. Теперь такая жесткая связь уже не рассматривается как аксиоматическая. Как уже говорилось выше, получил распространение взгляд, что начала первобытного коллективизма более или менее ярко выражались не только в мате-

⁴³ *Косвен М. О. История брака и семьи в истории науки до середины XIX в.* — СЭ, 1931, № 1-2.

⁴⁴ Основные работы: *Косвен М. О. И. Я. Бахофен.* — СЭ, 1933, № 1; *Он же. Л. Г. Морган: Жизнь и учение.* 1-е изд. Л., 1933; 2-е изд. Л., 1935; *Он же. Из переписки Бахофена с Морганом.* — СЭ, 1946, № 1.

⁴⁵ *Косвен М. О. Проблема доклассового общества в эпоху Маркса — Энгельса.* — СЭ, 1933, № 2; *Он же. Энгельс и Морган.* — В кн.: Вопросы истории доклассового общества. Л., 1936.

⁴⁶ *Косвен М. О. И. Я. Бахофен и русская наука.* — СЭ, 1946, № 3.

⁴⁷ *Косвен М. О. Матриархат: История проблемы.* М.; Л., 1948.

ринском, но и в раннем отцовском роде; в то же время поздний матриархат, как и патриархат, был формой не расцвета, а распада первобытного общества. Тем не менее труд Косвена навсегда останется в науке наиболее фундаментальным исследованием истории проблемы в том ее понимании, которое было общепринятым на протяжении целого столетия развития этнографической мысли.

Как уже отмечалось выше, в круг основных интересов Косвена на протяжении большей части его научной деятельности наряду с первобытной историей входило и кавказоведение. Его исследования в той и в другой области были органически связаны. Как историк первобытного общества, он черпал значительную часть фактов в богатых, насыщенных пережиточными явлениями данных этнографии Кавказа. Как кавказовед он использовал для истолкования сложных, исторически многослойных социальных структур и форм народов этого региона глобальный первобытно-исторический материал.

Важное значение кавказского этнографического материала для понимания древнейших этапов развития человеческого общества было отмечено еще Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Ознакомившись с изданной в 1890 г. работой М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», в которой автор привлек не известный до того в западноевропейской литературе этнографический материал о кавказских горцах, Ф. Энгельс в 4-м издании своего труда (1891 г.) отметил, что Ковалевский «сам смог доказать» существование на Кавказе патриархальной домашней (семейной) общины и «обнаружил и описал» род у ряда местных племен⁴⁸.

В советском кавказоведении Косвен плодотворно продолжал лучшие традиции дореволюционной русской науки, значительно обогатив тот вклад в этнографию народов Кавказа, который сделали его предшественники, и прежде всего Ковалевский.

Для кавказоведческих работ Косвена были характерны широта и глубина постановки теоретических вопросов. Анализируя факты кавказской этнографии, он постоянно стремился установить их не только конкретно-историческую, но и социологическую значимость. Тем самым в исследованиях Косвена кавказский этнографический материал получал всестороннюю историческую интерпретацию и становился важным звеном в установлении общих исторических закономерностей.

Первым кавказоведческим исследованием Косвена, появившимся в печати, была статья «Аталычество», опубликованная в

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 63, 130.

1935 г.⁴⁹ Уже в этой статье отчетливо и ярко проявились все те черты, которые были свойственны ученому как кавказоведу.

Аталычество уже давно привлекало внимание авторов, писавших о Кавказе. Термином «аталычество» принято было обозначать существовавший у ряда народов Кавказа вплоть до XIX—начала XX в. древний обычай воспитания ребенка вне родительской семьи. Этот обычай был зафиксирован на Кавказе уже в условиях господства здесь феодальных отношений, которые наложили на него свой существенный отпечаток. Последнее, в частности, выражалось в том, что передача дтей на воспитание аталыкам практиковалась у народов Кавказа, главным образом, в феодальной среде, причем аталык занимал, как правило, более низкое, чем отец воспитанника, положение в феодальной иерархии.

Сложный и древний обычай аталычества нуждался в раскрытии его происхождения и социальной сущности. Одним из первых это попытался сделать М. М. Ковалевский. Идя по пути выяснения генезиса аталычества, он отнес его к числу тех обычаев, «происхождение которых не может быть объяснено порядками родового агнатического устройства и необходимо предполагает существование матриархата и связанных с ним учреждений»⁵⁰. Обратив внимание на ряд архаических черт в кавказском аталычестве, Ковалевский связал его истоки с существовавшим в первобытном обществе групповым браком. Другим исследователем, обратившим серьезное внимание на аналогичный обычай, существовавший у ряда народов мира, был известный голландский ученый С. Р. Штейнметц. Он, в частности, подверг критике гипотезу Ковалевского, справедливо заметив, что если групповой брак и являлся одной из причин возникновения аталычества, то не сам по себе, а в переходный период от группового брака к индивидуальному. По Штейнметцу, аталычество возникло в период перехода от матриархата к патриархату как определенная трансформация матриархальных порядков под воздействием нарождающегося отцовского права⁵¹.

Гипотезы Ковалевского и Штейнметца никакого отклика в кавказоведческой литературе конца XIX—начала XX в. не получили, и, по существу, новый важный шаг в научной разработке проблемы аталычества сделал лишь спустя сорок лет Косвен. Его статья об аталычестве представляла собой первое в этнографической литературе всестороннее и тщательное описание этого обычая в той форме, в которой он бытовал у народов Северного Кавказа. По существу, до Косвена никто из специалистов-этнографов такого описания не давал, а без этого правильное понима-

⁴⁹ СЭ, 1935, № 2.

⁵⁰ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. 1, с. 10.

⁵¹ Steinmetz S. R. De «fosterage» of opvoeding in freemde families.— In: Steinmetz S. R. Gesammelte kleinere Schriften zur Ethnologie und Sociologie, Grönigen, 1928, Bd. 1, S. 90, 91, 98. Статья была впервые напечатана в 1893 г.

ние генезиса и сущности аталычества было невозможным. Опираясь на многочисленные и разнообразные источники, ученый сумел восстановить многие архаические черты кавказского аталычества, которые проливали свет на его происхождение. Большое значение в этом плане имело и то, что Косвен в гораздо более широких масштабах, чем это сделали в свое время Ковалевский и Штейнметц, привлек сравнительно-этнографический материал об обычае воспитания детей вне родительской семьи у народов мира. В частности, он первым в советской этнографии обратил внимание на существование совершенно аналогичного кавказскому аталычеству порядка воспитания детей у кельтов Ирландии и Уэльса, гойделов Шотландии, а также у ряда скандинавских народов. Подчеркнув в отличие от Ковалевского и Штейнметца важную роль феодальных отношений в формировании кавказского аталычества, Косвен отметил, что поразительный на первый взгляд факт наличия данного обычая в двух столь различных этнических кругах, как кавказский и норманно-кельтский, объясняется сходством существовавших у них феодальных порядков. Учитывая то обстоятельство, что у горцев Кавказа, как и у норманно-кельтов, древний обычай воспитания детей вне родительской семьи выступает в сильно измененном, феодализированном виде, Косвен искал истоки аталычества в соответствующих порядках отсталых обществ Африки, Америки и Океании. В результате он сумел предложить значительно более стройную и аргументированную, чем у его предшественников, теорию генезиса аталычества. В этом обычае он видел «весьма своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, в значительной мере неузнаваемые, целиком обусловленные феодальными отношениями формы, старый порядок перехода детей в материнский род»⁵². Приведя конкретный материал по некоторым отсталым племенам и народностям Океании и Африки, Косвен убедительно показал, как зарождается и постепенно трансформируется обычай возвращения детей в материнский род, в семью материнского дяди, что указывает на связь истоков аталычества с авункулатом⁵³.

Исследование Косвена значительно продвинуло вперед решение проблемы происхождения аталычества, показав его глубокие исторические корни, его универсальный стадийный характер. Ему, безусловно, удалось выявить один из важнейших этапов трансформации древнего обычая воспитания детей вне родительской семьи в период перехода от материнского рода к отцовскому. Однако он, как нам представляется, все же не мог до конца разъяснить сложный генезис этого обычая. В предложенной им гипотезе отсутствует указание на такую важнейшую причину появления аталычества, как принадлежность в классической первобыт-

⁵² Косвен М. О. Аталычество, с. 55.

⁵³ Косвен М. О. Авункулат.

ности детей не родительской семье, а всему родственному коллективу, в котором они родились и жили, вскарммливались и воспитывались⁵⁴. Косвен не обратил также внимания на то особое значение, которое приобретает аталычество наряду с другими институтами искусственного породнения в эпоху распада родового строя, когда стали недостаточными начавшиеся рваться родовые связи. Тем не менее большая заслуга ученого состоит в том, что он, значительно расширив рамки исторической интерпретации обычая воспитания детей вне родительской семьи, тем самым привлек внимание советских этнографов и историков к проблеме аталычества и дал толчок к ее дальнейшей разработке. Так, уже в 1940 г. появилась статья Е. Кагарова о родовой организации древних кельтов, в которой впервые было отмечено существование аталычества у галлов. В 1951 г. была опубликована статья Я. С. Смирновой об аталычестве у абхазов (пока, к сожалению, единственная статья об этом обычае у отдельных народов Кавказа). Наконец, большой интерес представило открытие аналогичного кавказскому аталычеству порядка воспитания детей в Древней Руси⁵⁵.

Почти одновременно с проблемой аталычества Косвен стал разрабатывать на кавказском этнографическом материале свою концепцию патронимии. Хотя вопрос об этой особой форме родственной группы был впервые поставлен Косвеном в связи с изучением распада родового строя у удмуртов, более углубленную и развернутую характеристику она получила в его кавказоведческих работах.

В 1931 г. Косвен совершил экспедиционную поездку в Юго-Осетию. Собранный во время этой поездки материал послужил основанием для его второй кавказоведческой работы — «Из истории родового строя в Юго-Осетии», которая положила начало целой серии исследований, посвященных патронимии на Кавказе. Именно на югоосетинском материале ученый наиболее отчетливо показал, что патронимия является более поздней формой родственного коллектива, чем большая семья, которую он рассматривал как основную ячейку патриархально-родового строя. В своих дальнейших кавказоведческих работах, касаясь патронимии, ученый еще более акцентировал ее сравнительно позднее появление в результате разложения родового строя, указав, что

⁵⁴ *Гарданов В. К.* Аталычество.— В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973): Доклады советской делегации. М., 1973.

⁵⁵ *Кагаров Е. Ф.* Энгельс и вопросы родовой организации древних кельтов.— Историк-марксист, 1940, кн. 6 (82); *Смирнова Я. С.* Аталычество и усыновление у абхазов.— СЭ, 1951, № 2; *Гарданов В. К.* «Кормильство» в Древней Руси.— Там же, 1959, № 6; *Он же.* О «кормилице» и «кормилище» краткой редакции Русской Правды.— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1960, вып. 35; *Он же.* «Дядьки» Древней Руси.— Исторические записки, 1961, № 71.

патронимия возникает не только при разделении большой семьи на группу больших же семей, но и при разделении большой семьи на группу малых семей, причем каждая такая отпочковавшаяся семья может сама стать исходным пунктом для образования новой патронимии. В связи с таким уточнением процесса образования патронимий была несколько изменена и формула, определяющая патронимию. Если в работе о родовом строе в Юго-Осетии (1936 г.) под патронимией автор подразумевал родственный коллектив, представляющий собой «группу больших семей, образовавшихся в результате размножения, затем сегментации одной большой семьи»⁵⁶, то в очерке, подводящем итог изучению патронимии на Кавказе (1961 г.), дается уже такое определение: «Патронимия — родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи»⁵⁷.

Для кавказоведения это было чрезвычайно важно. Отмечая, что патронимия могла возникать и в результате разрастания малой семьи, Косвен тем самым объяснил ее длительное и стойкое бытование на Кавказе в условиях господства там феодальных и буржуазных отношений, когда малая семья была уже преобладающей формой семьи.

Изучение патронимии, естественно, привлекло внимание Косвена к изучению всей весьма сложной и запутанной проблемы родового строя на Кавказе.

Как известно, длительное существование у горских народов Кавказа значительных пережитков патриархально-родовых отношений, обычаев и институтов привело к тому, что Кавказ в XVIII—XIX вв. и даже начале XX в. в трудах многих русских и иностранных ученых характеризовался как классическая страна родового строя. Эти ошибочные взгляды продолжали долгое время оказывать отрицательное влияние и на работы части советских историков и этнографов. Кавказоведческие труды Косвена сыграли немалую роль в том, что с такой архаизацией общественных отношений у горцев Кавказа было в советской исторической науке покончено.

Приступая к изучению источников и литературы по проблеме родового строя у горских народов Кавказа⁵⁸, Косвен прежде всего отметил, что хотя передовые представители русского кавказоведения еще в начале 40-х годов XIX в. обратили внимание на существование у горцев Кавказа различных форм родовой организации и в общем правильно определили ее социальную

⁵⁶ Косвен М. О. Из истории родового строя в Юго-Осетии. — В кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 6.

⁵⁷ Косвен М. О. Патронимия. — В кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 32. (Курсив наш. — В. Г., А. П.).

⁵⁸ Еще в 1951 г. Косвен посвятил этой проблеме специальную статью (Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. — СЭ, 1951, № 1).

суть, но «конкретного и сколько-нибудь развернутого описания рода и родовых отношений у народов Кавказа на протяжении всего дореволюционного периода не появлялось»⁵⁹. Кроме того, для дореволюционного русского кавказоведения была характерна чрезвычайная расплывчатость и путаница в терминологии, что еще более затрудняло воссоздание четкой и ясной картины родовых отношений, существовавших в то время на Кавказе. Этого недостатка не избег даже такой выдающийся исследователь, как М. М. Ковалевский, который при описании родовых отношений у кавказских горцев употреблял как синонимы столь разные понятия, как «род», «община», «фамилия», «братство» и т. д. «Ковалевский, — справедливо замечает Косвен, — ни разу не дефинирует и не раскрывает этих понятий, не дает ни одного конкретного сколько-нибудь развернутого описания этих форм. То же положение характерно и для более поздней кавказоведческой литературы»⁶⁰.

Подвергнув тщательному анализу конкретно-исторические сведения о родовых институтах и отношениях, сохранившихся в прошлом на Кавказе, Косвен пришел к выводу, что архаический род как реальная социальная единица давно уже перестал существовать у народов Кавказа, в том числе и у горцев Северного Кавказа, на которых в дореволюционной историко-этнографической литературе было принято ссылаться, когда речь шла о родовом строе на Кавказе.

Существовавшие на Кавказе в XVIII—XIX вв. и бывшие предметом наблюдения и описания многих авторов крупные родственные группы, которые чаще всего обозначались термином «фамилия», «ником образом нельзя отождествлять или даже сблизить с архаическим первобытным родом»⁶¹. Этот вывод Косвена имеет первостепенное значение для правильной оценки уровня социально-экономического развития горских народов Кавказа в дореволюционный период.

Отвергнув как несостоятельную попытку искать на Кавказе род как реальный общественный коллектив в хронологических пределах, освещаемых имеющимися в нашем распоряжении этнографическими материалами, Косвен указывал, что исследователям следует «в существующем кавказском историкоэтнографическом материале искать именно и только *пережиточные элементы* родовых форм и отношений»⁶². К числу таких пережиточных родовых форм ученый относил и патронимию, зафиксированную в этнографических источниках под названием «фамилии», или аналогичные ей родственные группировки, в которых обычно большинство бытоописателей Кавказа усматривали «род». Если,

⁵⁹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 22.

⁶⁰ Там же, с. 24.

⁶¹ Там же, с. 23.

⁶² Там же, с. 24. (Курсив наш.— Г. В., А. П.)

например, в Южной Осетии существовала обширная «фамилия» Гагловых, то, подчеркивает Косвен, «никак нельзя себе представить, чтобы она была прямым потомком некоего первобытного рода. Не может быть сомнения, что все подобные кавказские «фамилии» являются продуктом размножения, происшедшего, правда, в достаточно отдаленном прошлом, больших патриархальных семей и таким образом в историческом смысле новообразованными»⁶³.

Будучи по своему происхождению гораздо более поздней исторической формой кровнородственного коллектива, чем род, патронимия во многих отношениях, однако, выступала как продолжательница традиций родового строя (в том числе таких важных, как экзогамия, кровная месть и др.), что и вводило в заблуждение прежних исследователей общественного строя народов Кавказа. Именно патронимия, а не давно уже исчезнувший на Кавказе архаический род сохраняли здесь до самого недавнего времени представление о кровной близости своих членов и солидарности их интересов, подкрепляемое пережиточно сохранявшейся до некоторой степени общностью отдельных видов недвижимой собственности (прежде всего «фамильных» земельных участков), а отчасти и хозяйственным единством, коллективным выполнением ряда работ. Таким образом, открытие Косвеном патронимии во многом способствовало правильной постановке и решению проблемы родового строя на Кавказе и, в частности, дало возможность определить действительное место и подлинную роль патриархально-родовых пережитков в общественном быте горских народов Кавказа на протяжении нескольких веков их предреволюционной истории.

В этом отношении Косвен сделал значительный шаг вперед по сравнению со своим выдающимся предшественником — М. М. Ковалевским. Можно сказать, что точно так же, как после выхода в свет кавказоведческих трудов Ковалевского нельзя было изучать историю родовых отношений на Кавказе, — как, конечно, и во всем мире, без учета роли патриархальной семейной общины («большой семьи»), — ныне нельзя изучать эту историю без учета трудов Косвена, посвященных кавказской патронимии.

Дело не меняется от того, что значительное расширение наших сведений о патронимии на Кавказе, собранных многочисленными учениками и последователями Косвена⁶⁴, вызвало к жиз-

⁶³ Там же, с. 28.

⁶⁴ *Коджесау Э. Л.* Патронимия у адыгов. — СЭ, 1962, № 2; *Периц А. И.* Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX веке. — Там же, 1951, № 1; *Инал-Ипа Ш. Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971; *Харадзе Р. Л.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960—1961. Вып. I—I; *Карапетиан Э. Т.* Родственная группа азг у армян. Ереван, 1966; *Авдал А.* Патронимия у курдов Армении в XIX в. — СЭ, 1956, № 6.

ни новые проблемы этнографического кавказоведения, и прежде всего проблему соотношения патронимии и рода. В частности, вопреки высказанному Косвенем мнению, что патронимии (в том числе и патронимии «второго порядка») всегда «входят в более широкую родственную группу, которую можно считать родом»⁶⁵, в современной кавказоведческой литературе не менее категорически утверждается и другая точка зрения. «Рассмотрение патронимии у народов Кавказа,— пишет А. И. Робакидзе,— во всех последовательных фазах ее существования показывает, что эта родственная группа представляет собой особую универсальную форму социальной организации, а не подразделение рода»⁶⁶. Нам оба эти вывода представляются слишком категорическими; в действительности, видимо, существовали различные конкретно-исторические варианты бытования патронимий. Однако эти разногласия показывают, что кавказоведам, да и исследователям других регионов мира, предстоит еще немало потрудиться над выяснением общей структуры патриархально-родовой организации и места патронимии в ней (а может быть и вне ее). В этой связи нельзя не вспомнить, что сам Косвен, пытаясь восстановить в общих чертах родовую структуру на Кавказе и определить в ней место патронимии, считал необходимым особо подчеркнуть, что «все имеющиеся у нас показания о структуре рода на Кавказе недостаточны и неотчетливы»⁶⁷.

Замечательным качеством Косвена как исследователя-кавказоведа было его умение обнаруживать за конкретными явлениями и фактами кавказского быта пережитки глубоко архаических обычаев и институтов, нередко принимающие в результате исторического развития трудно распознаваемые формы. Ярким примером такого проникновения в историческую подоплеку кавказского этнографического материала может служить серия его очерков по истории брака и семьи у народов Кавказа. Сюда, в частности, входят очерки, представляющие собой весьма скрупулезный анализ пережитков дуальной организации, дислокальной и переходной от матрилокальной к патрилокальной форме брачных поселений у различных народов Кавказа, а также исключительно интересный и оригинальный по трактовке материала очерк о кунацкой (гостевое помещение), чрезвычайно показательный для исследовательского стиля Косвена. Остановимся на нем подробнее.

До опубликования этого очерка никаких особых проблем в связи с описанием кавказской кунацкой в этнографической литературе не возникало. Здесь все казалось предельно ясным и

⁶⁵ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 35.

⁶⁶ Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа.— В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М., 1973, с. 11.

⁶⁷ Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа, с. 124.

понятным. В самом деле, кто из читателей, даже далеко стоящих от специального изучения этнографического кавказоведения, не читал и не слышал о кунацкой, которую было принято связывать только с прославленным кавказским гостеприимством. Помещение для гостей, «гостиную», видели в кавказской кунацкой все, кто писал о ней на протяжении по крайней мере последних 250 лет. Именно так и только так она толкуется в общетнографических и специально кавказоведческих работах. Но вот Косвен, со свойственной ему тщательностью, подверг критическому пересмотру все имеющиеся фактические материалы о кавказской кунацкой и обратил внимание на такие ее черты, которые говорят о том, что назначение и использование кунацкой в историческом прошлом было гораздо более сложным, чем это обычно представлялось.

В свете этих по-новому осмысленных данных кунацкая в своих наиболее архаичных чертах предстала уже не только как специальное помещение для гостей, а в первую очередь как особое помещение для мужчин и, в частности, неженатой молодежи, принадлежащих к данному дому, семейной общине и т. п. Это дало Косвену основание сблизить кавказскую кунацкую с таким архаическим ее прототипом, как хорошо известные этнографической науке «мужские дома» или «клубы холостяков»⁶⁸.

В кавказоведении, как и в истории первобытного общества, Косвен уделял большое внимание истории науки. В конце 40-х годов XX в. он занялся изучением истории русского дореволюционного кавказоведения, которое справедливо расценивалось им как важная и значительная часть истории русской этнографической науки. Тема эта была по существу совершенно не затронута исследователями. Даже в специальных историографических работах русское кавказоведение оставалось не освещенным. В этом отношении очень показательным, что А. Н. Пыпин в своем обширном четырехтомном труде «История русской этнографии» (СПб., 1890—1891, т. 1—4) не упомянул ни одной работы по этнографии Кавказа. Такое положение было тем более странным, что в XIX в. народы Кавказа, их нравы и быт, материальная и духовная культура привлекали к себе самое широкое и пристальное внимание русского общества и им посвящались не только отдельные книги, но и многочисленные статьи в газетах, журналах, альманахах и других изданиях.

Приступая к разработке истории дореволюционного русского кавказоведения, Косвен первоначально собирался дать лишь обзор соответствующей печатной литературы, не касаясь архивных материалов по этнографии народов Кавказа, что и было им оговорено в предисловии к первой части «Материалов по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке». Решив вначале исключить из своего обзора неопубликованные архив-

⁶⁸ Там же, с. 128—129.

ные материалы, Косвен пошел на это, как говорится, скрепя сердце, учитывая большую сложность и трудоемкость поднимаемой им темы. По этим же соображениям, а также не желая чрезмерно увеличивать объем своего труда, ученый ограничился при характеристике и оценке большинства обзореваемых печатных произведений лишь их краткой аннотацией. В целом же он рассматривал свой труд главным образом как «справочное био-библиографическое пособие», в котором также должен был быть представлен «материал, вчерне систематизированный для его последующего использования в историографических работах»⁶⁹. Таким образом, Косвен, замыслив свой историографический труд по кавказоведению, имел в виду его предварительный и справочный характер. Однако сразу же отметим, что содержание этого труда в том виде, как он был в конце концов выполнен, во многом выходит за рамки, первоначально намеченные автором. На протяжении тех семи лет, когда в «Кавказских этнографических сборниках» печатались «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» (М., 1955, ч. I; М., 1958, ч. II; М., 1962, ч. III), их содержание все более расширялось, углублялось и совершенствовалось. Если, публикуя первую часть «Материалов...», Косвен вынужден был в предисловии указать, что он вносит в свой труд ряд существенных ограничений, то в последующих частях наиболее важные из них были сняты: автор все же решил, что без архивных материалов, которые, по его же словам, являются «непременным условием» восстановления полной картины этнографического изучения Кавказа, его труд будет в значительной мере обесценен. Поэтому сразу же после выхода в свет первой части «Материалов...» Косвен начал интенсивную работу в архивах, библиотеках и музеях Москвы и Ленинграда для выявления неопубликованных источников по этнографии народов Кавказа. Тщательному обследованию были подвергнуты Центральный государственный архив древних актов, Центральный государственный военно-исторический архив, Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, Архив внешней политики России, Архив Академии наук СССР, Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел письменных источников Государственного Исторического музея в Москве и другие архивохранилища.

В результате трехлетней работы были выявлены разнообразные архивные источники, прежде всего нарративного характера, содержащие исключительной ценности сведения по этнографии Кавказа. На основании этих источников Косвен написал спе-

⁶⁹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1955, т. 1, с. 263 (далее — Косвен М. О. Материалы...).

циальную главу — «Архивные материалы по этнографии Кавказа XVIII — первой половины XIX века», которой открывается вторая часть «Материалов...»

Однако основная часть труда Косвена по истории русского кавказоведения, естественно, касается не архивных источников, а печатных изданий. Всего в этом труде рассматривается несколько тысяч литературных произведений, принадлежащих более чем 820 авторам, в числе которых фигурируют все те, кто писал об этнографии Кавказа на русском языке⁷⁰, в том числе и представители кавказских народов (грузины, армяне, азербайджанцы, абхазы, адыги, осетины, чеченцы, ингуши, дагестанцы). Тщательное выявление этнографов-кавказоведов, представлявших в русской науке коренные национальности Кавказа, — одна из крупнейших заслуг Косвена. В то же время он убедительно показал, что «национальная кавказоведческая этнография создавалась и развивалась со времени присоединения Кавказа к России под прямым влиянием русской науки, в частности русской этнографии, в ее духе и в ее плане»⁷¹.

Все био-библиографические материалы расположены Косвеном в хронологической последовательности. Первая часть охватывает период с древнейших времен, от первых летописных известий о народах Кавказа до 50-х годов XIX в. включительно; вторая часть — 60—70-е годы XIX в., третья часть — 80—90-е и 900-е годы (в основном до 1917 г., а в отдельных случаях и позднее). Материалы внутри глав, посвященных отдельным историческим периодам, даются по областям и народам Кавказа (Грузия, Абхазия, Армения, Азербайджан, народы Северного Кавказа, Дагестана и т. д.). Такое этногеографическое расположение материала имело, конечно, свои недостатки, так как не давало возможности автору построить библиографические и историографические обзоры по основным разделам этнографической тематики (например, по истории изучения хозяйства, материальной культуры, общественного и семейного быта, религии и т. д.). Каждая глава имеет свою заключительную часть, в которой подводятся основные итоги данного периода с указанием главнейших достижений и пробелов в изучении этнографии народов Кавказа. Кроме того, в заключительной главе ко всему труду автор дал характеристику общих черт развития русской дореволюционной этнографии Кавказа, оценивал состояние этнографической изученности отдельных народов, отдельных сторон их материальной, общественной и духовной культуры за весь дореволюционный период в целом. В этом же заключении рассматривались основные виды кавказоведческой этнографической литера-

⁷⁰ Из авторов, писавших на иностранных языках, в «Материалы...» включены те, кто будучи иностранцами, состоял на русской службе или работал по заданию научных учреждений, в частности Российской Академии наук.

⁷¹ Косвен М. О. Материалы..., т. I, с. 266.

туры, в том числе периодической и популярной, характеризовались изменения в составе авторов по главнейшим историческим периодам. Заключительные разделы к отдельным главам в совокупности с заключением ко всему труду дают картину постепенного накопления разнообразных этнографических сведений по областям и народам Кавказа. Эти заключительные, обобщающие разделы труда, несмотря на их краткость, имеют большую историографическую ценность. Именно они прежде всего придают «Материалам...» характер историографического труда. Будущий историограф Кавказа найдет в этих очерках надежную опору для своей работы.

Выявляя главнейшие направления в развитии русской дореволюционной этнографии Кавказа, Косвен в соответствии со своими специальными научными интересами особое внимание уделяет проблеме общественного строя горцев. Он отмечает, что уже в XVIII — начале XIX в. были сделаны первые попытки дать общую характеристику уровня социально-экономического развития этих народов, причем были обнаружены два основных вида их общественного устройства: «аристократический», или феодальный, и «демократический», или «республиканский», под которыми подразумевались существовавшие у горцев различные пережиточные формы первобытно-общинных и патриархально-родовых отношений. На протяжении первой половины XIX в. эти характеристики общественного строя горцев Кавказа конкретизировались, углублялись и уточнялись, и к 40-м годам XIX в. был сделан важный шаг в познании своеобразия их социальных отношений. Уже в 40-х годах XIX в. русская кавказоведческая наука, по мнению Косвена, подошла вплотную к проблеме родового строя и соседской общины — «достижение, с точки зрения истории общественной науки, немаловажное»⁷².

Русское кавказоведение 50—60-х годов XIX в., хотя и значительно расширило материал, характеризующий социально-экономические отношения горцев Кавказа, однако в понимании сути этих отношений ничего принципиально нового не внесло. Авторы этого периода стали лишь еще сильнее акцентировать значение родовых отношений на Кавказе и еще более категорически определять общественный строй большинства горских народов как родовой или общинно-родовой, игнорируя присущие ему антагонизмы.

Отмечая большие заслуги представителей русской этнографической науки первой половины XIX в. в раскрытии характера и особенностей общественного строя горцев, в частности в понимании важной роли в их общественном быту родовых и общинных отношений, Косвен вместе с тем подчеркивал ограниченность и ошибочность их принципиальных теоретических позиций. Он справедливо указывал, что «от представлений о подлинном состоя-

⁷² Косвен М. О. Материалы..., т. I, с. 350.

нии и характере родовых форм и отношений, существовавших у народов Кавказа в ту эпоху, русские наблюдатели того времени были довольно далеки, что глубокий распад родового строя, наличие в общественных отношениях даже самых отсталых народов Кавказа глубокого социального расслоения, проникновение уже в ту пору даже в самые глухие ущелья Кавказских гор классовых отношений — все это осталось недоступным методологически и идеологически не вооруженному взору наблюдателей той эпохи»⁷³.

Фундаментальный труд Косвена по истории русского кавказоведения стал, в буквальном смысле этого слова, настольной книгой для всех кавказоведов. Распиряя и углубляя свои источниковедческие изыскания, внося в свой труд все новые и новые дополнения⁷⁴, неоднократно возвращаясь в характеристике авторов и оценке их произведений, уточняя биографические сведения и данные, Косвен добился того, что в его труде почти исчерпывающе представлены материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Познавательное значение опубликованных Косвенем «Материалов...» столь велико, что если бы его научное наследство ограничивалось только этим трудом, то и тогда он мог бы занять в истории советского кавказоведения одно из самых видных и почетных мест.

В процессе подготовки своего основного труда по истории русского кавказоведения Косвен написал ряд самостоятельных историографических очерков, посвященных П. Г. Буткову, Хан-Гирею, М. М. Ковалевскому⁷⁵. Названные очерки являются до настоящего времени наиболее глубокими и обстоятельными характеристиками этих выдающихся кавказоведов. Особый интерес представляет очерк о Хан-Гире — выдающемся адыгском историке и этнографе первой половины XIX в. Этот очерк, написанный почти целиком на архивных материалах, выявленных автором, впервые показал во всем объеме и значении научную, литературную и общественно-политическую деятельность одного из наиболее ранних и оригинальных представителей кавказских горцев в русской исторической и этнографической науке.

Разыскания в архивах и рукописных собраниях дали Косвену также возможность написать в значительной мере по неизвестным материалам специальный очерк о декабристах-кавказоведах: А. А. Бестужева-Марлинском, А. В. Веденяпине, В. Д. Вольховском, В. Е. Галямине, Д. А. Искрицком, Е. Е. Лачинове, П. А. Муханове, В. С. Норове, В. Д. Сухорукове, В. С. Толстом,

⁷³ Там же, с. 374.

⁷⁴ Во второй части «Материалов...» были даны «Дополнения» к первой, а в третьей части — ко второй.

⁷⁵ Косвен М. О. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. СЭ, 1951, № 4; Он же. П. Г. Бутков как кавказовед-этнограф. — Там же, 1958, № 1; Он же. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей. — В кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа.

А. И. Якубовиче⁷⁶. Хотя вклад декабристов в этнографическое кавказоведение в силу ряда неблагоприятных условий был относительно невелик, сама тема — декабристы и кавказоведение представляет безусловный интерес.

Подводя итоги нашему рассмотрению научной деятельности Косвена в области истории первобытного общества и кавказоведения, мы считаем нужным еще раз отметить и подчеркнуть ее разносторонний и вместе с тем целеустремленный характер. Включая в круг своих исследований многие кардинальные вопросы первобытности и кавказоведения, он всегда оставался верным раз избранному направлению, нередко на протяжении десятков лет разрабатывая заинтересовавшую его тему. Такая настойчивость и систематичность позволяла автору в совершенстве овладеть предметом исследования, с максимальной полнотой мобилизовать конкретный материал для решения той или иной проблемы. Являясь ученым-теоретиком, Косвен постоянно стремился к обобщению этнографических фактов, к выявлению исторических закономерностей. Его внимание большей частью привлекали наиболее сложные и запутанные вопросы; он умел четко и ясно изложить их суть, предложить свое оригинальное, обычно хорошо продуманное и аргументированное решение.

Творческая деятельность Косвена продолжалась более сорока лет. Начав ее в годы становления советской этнографии, он завершил ее в период, когда эта наука прочно заняла свое место среди обществоведческих дисциплин, построенных на основе марксистско-ленинской методологии. Труды Косвена сыграли в этом немалую роль. В частности, ему принадлежит значительная заслуга в том, что советская этнографическая наука вышла на переломные рубежи в области изучения истории первобытного общества и этнографии Кавказа.

Высоко оценивая вклад М. О. Косвена в советскую и мировую этнографическую науку, мы вместе с тем не должны забывать, что ряд выдвинутых в его трудах положений в результате дальнейшего развития науки и обогащения ее новыми фактами нуждается в пересмотре и уточнении. Но это уже неизбежный результат научного прогресса.

⁷⁶ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 155—184.

СООБЩЕНИЯ

**ИЗУЧЕНИЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ XVII В.
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 40-Х—50-Х ГОДОВ XX В.**

А. П. Батурин

В бурно развивающемся в послевоенный период советском славяноведении заметно усилилось внимание к истории позднефеодальной Польши. Оно было обусловлено, в частности, необходимостью дальнейшего углубленного исследования общих закономерностей развития Центральной и Восточной Европы XVI—XVIII вв., что было невозможно без учета исторического опыта Польши — страны классического барщинного хозяйства. В этих условиях приобрела особую актуальность борьба с концепциями буржуазной историографии, в частности, касающимися аграрного развития и классовой борьбы в феодальной Польше.

Особый интерес советских ученых привлек XVII век — время, когда действие установившейся во второй половине предшествующего столетия фольварочно-барщинной системы хозяйства стало отчетливо сказываться на всех сторонах социально-экономической и политической жизни страны; одновременно — это время обострения социальных конфликтов в стране, подъема национально-освободительного движения на украинских и белорусских землях Речи Посполитой. В этой связи проблематика XVII в. и прежде всего аграрная история, имела и имеет большое значение для исследования причин гибели феодального польского государства в последующем столетии. Неудивительно, что советская историография аграрной истории Польши XVII в. обширна, а наблюдаемые в ней сдвиги существенны для характеристики общего развития славяноведения.

В развитии советской послевоенной историографии социально-экономической истории позднефеодальной Польши можно выделить, с определенной долей условности, два этапа, в целом органически входящих в рамки общей периодизации советского славя-

поведения¹. Рассматриваемый в статье отрезок (вторая половина 40-х — 50-е годы XX в.) явился значительной вехой в развитии советского славяноведения. Это время, когда в условиях становления и интенсивного развития советской полонистики оформились основные концепции, в том числе касающиеся истории барщинно-крепостнической системы в Польше. Эти концепции во многом определили развитие полонистики и в целом славяноведения в последующие годы. Значительное расширение с конца 50-х годов XX в. источниковой базы позволило в дальнейшем во многом расширить круг проблем изучения истории позднефеодальной Польши. Для второго этапа (60—70-е годы XX в.) характерна углубленная разработка отдельных вопросов социально-экономической истории Польши, что, разумеется, не могло не отразиться и на общих концепциях. Центр тяжести при этом переходит на исследования монографического характера.

Чем располагала советская полонистика, обращаясь в послевоенные годы к аграрной истории позднефеодальной Польши и, в частности, к XVII в.? Советские исследователи опирались в первую очередь на труды классиков марксизма-ленинизма, в которых анализируются проблемы истории Восточной Европы XVI—XVIII вв. Как известно, в ряде работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина дана характеристика барщинно-крепостнической системы хозяйства к востоку от Эльбы, отмечено ее влияние на развитие капитализма в странах этого региона.

Советские ученые имели также возможность использовать труды польских историков-марксистов, в первую очередь работы Ю. Мархлевского, исследовавшего, в частности, проблемы аграрной истории страны и положения крестьянства в XV—XVII вв.

Хотя в довоенные годы история польской деревни периода позднего средневековья не стала предметом углубленного изучения в нашей историографии, в 20-х — 30-х годах на материале России, Украины, Белоруссии, Литвы целый ряд историков (Б. Н. Тихомиров, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и др.) исследовал те проблемы, которые впоследствии стали перед учеными, непосредственно обратившимися к истории Польши XVI—XVII вв. Много ценного в этом плане дали труды В. И. Пичеты, «ставшего одним из первых советских ученых на путь фронтального исследования социально-экономической истории восточноевропейских стран в XVI—XVII вв.»² Предпринимались попытки вскрыть общие закономерности социально-экономического развития стран Восточной Европы, и в том числе Польши XVI—XVII вв., изу-

¹ *Беляевская И. М., Очак И. Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке. — В кн.: *Славянская историография* / Сб. статей под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева. М., 1966, с. 22; *СИЭ*, 1971, т. 13, с. 19—20.

² *Греков И. Б.* История Польши XV—XVIII вв. в трудах советских историков. — В кн.: *Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии*. М., 1969, с. 53.

чить причины и характер «второго издания» крепостничества в этих странах. Характерной в этом отношении является статья М. М. Цвибака³. Значительный вклад в разработку проблемы внес Б. Д. Греков. Его концепция, сформулированная в «Крестьянах на Руси» и в последующих работах, оказала большое влияние на развитие историографии аграрной истории Польши. Наши исследователи, приступившие во второй половине 40-х годов XX в. к интенсивному изучению аграрной истории позднефеодальной Польши, естественно, учитывали также результаты работ польских буржуазных историков (С. Кутшебы, И. Барановского, Я. Рутковского и др.), используя собранный ими обширный фактический материал и подвергая критической проверке их взгляды. Развивающаяся советская полонистика тесно сотрудничала с марксистской наукой Народной Польши, находившейся в стадии своего становления⁴.

Проблематика XVII в. стала объектом всестороннего обсуждения в ходе начавшейся с конца 40-х годов XX в. в Институте славяноведения АН СССР подготовки общего очерка истории Польши.

Как же освещалась проблематика XVII в. в подготовительных материалах и самом труде? При обсуждении подробного проспекта издания в октябре 1950 г. на совещании в Институте славяноведения, в котором принимали участие и польские ученые, участники обсуждения, единодушно принимая тезис об определяющем влиянии фольварочно-барщинной системы на последующий упадок страны, грань между поступательным развитием страны и хозяйственным кризисом проводили на рубеже середины XVII в.⁵ При разработке периодизации в рамках феодально-крепостнического периода Речи Посполитой (конец XV — 70-е годы XVIII в.) первая половина XVII в. была отнесена к разделу «Развитие феодально-крепостнических отношений во второй половине XVI — первой половине XVII вв.», вторая, будучи объединена с первой половиной XVIII в., характеризовалась как время загнивания феодально-крепостнических отношений⁶. Более полное обоснование периодизации было дано в специальной статье В. Д. Корольюка и И. С. Миллера⁷, где XVII век характеризуется как время прогрессирующего упадка сельскохозяйственного производства, «упадка не только крестьянского хозяйства, но и

³ Цвибак М. М. Историческая теория Маркса и Энгельса и крепостничество «второго издания» в Восточной Европе. — В кн.: К. Маркс и проблемы докапиталистических формаций. М.; Л., 1934.

⁴ Якубский В. А. Некоторые проблемы медиевистики в трудах историков Польской Народной Республики (1945—1959 гг.) — Средние века, 1960, т. XVIII, с. 193; Корманова Ж. О состоянии исторической науки в Народной Польше. — В кн.: Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1951, вып. 4-5, с. 21, 27.

⁵ Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 4-5, с. 36, 51.

⁶ Там же, с. 132, 136.

⁷ Корольюк В. Д., Миллер И. С. О периодизации истории Польши. — Вопросы истории, 1951, № 11, с. 96.

помещичьего», как время «упадка и аграризации городов». При некоторых расхождениях в датировке та же общая характеристика XVII в. была принята в польской историографии⁸.

Мысль о том, что основной причиной социально-экономического упадка Польши в период позднего феодализма следует считать фольварочно-барщинную систему хозяйства, нашла свое развитие в статье О. Е. Ивановой «К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII — первой половине XVIII в.», опубликованной как подготовительный материал к «Истории Польши». Автор рассмотрела бюджет крестьянского двора, при этом стараясь учитывать размеры повинностей различных категорий крестьян. Проявление кризиса автор видел прежде всего в обезземеливании крестьян, упадке их хозяйства. В статье подчеркивался постоянный рост отработочной ренты: «если в XVII в. средний размер барщины равнялся 8—12 дням в месяц, то в XVIII в. она достигла 16 дней с лана»⁹. Вместе с тем автор отмечала, что в XVII в. «значительная часть крестьян начинает переводиться на чинш, причем чиншевики были сосредоточены в основном в Великой Польше и Познанском воеводстве, с середины XVII в. на чинш начинают переводиться крестьяне государственных имений южной Белоруссии и Литвы»¹⁰. Усилившуюся во второй половине XVII в. практику перевода крестьян, в основном государственных, на чинш О. Е. Иванова объясняла, с одной стороны, «стремлением государства защитить крестьян от разорения, чтобы обеспечить себе определенный доход», с другой — «желанием удержать их в поместьях, остро нуждавшихся в рабочих руках...»¹¹. В работе Ивановой был четко поставлен вопрос о характере наемного труда в XVI—XVII вв. и степени его применения на фольварках, вопрос, который имел и имеет принципиальное значение для оценки характера и масштабов изменения самих фольварков и отчасти всей фольварочно-барщинной системы. «Наемный труд, — как отмечал автор, — привлекался фольварками достаточно широко уже со второй половины XVII в. и использовался преимущественно для полевых работ»¹². По мнению автора, резервы, из которых шляхта черпала необходимую ей рабочую силу, составляло малоземельное и безземельное крестьянство. Рост этой группы сельского населения ставился в прямую зависимость от усилившегося в этот период времени социального расслоения¹³. Здесь же отмечалось, что «все возрастаю-

⁸ Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Materiały konferencji w Otwocku (28.XII 1951 — 12.I 1952). Warszawa. 1953, t. 1, s. 174, 290.

⁹ *Иванова О. Е.* К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII — первой половине XVIII в. — Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1952, т. VI, с. 284, 290.

¹⁰ Там же, с. 293—294.

¹¹ Там же, с. 294, 295.

¹² Там же, с. 292.

¹³ В тот период времени ученые нередко говорили о социальном расслоении. Явления в польской деревне XVII в., на основании которых делались по-

щее число крестьян, не имеющих своего хозяйства, находит средства к существованию в панских поместьях в качестве батраков» — явление, представляющее из себя «один из симптомов кризиса феодальной системы земельных отношений в Польше»¹⁴.

В первом томе «Истории Польши» (М., 1954), выход в свет которого явился большим успехом советских полонистов, конец XVI — первая половина XVII в. определяются как переломный период, как время начавшегося кризиса фольварочно-барщинной системы хозяйства. Характерным является то, что авторы «Истории Польши»¹⁵, оценивая социально-экономическую динамику польской деревни в XVI—XVIII вв., акцентировали непрерывность тенденции к упадку деревни и экономики в целом, постоянное обострение противоречий фольварочно-барщинной системы без каких-либо моментов хотя бы временной стабилизации. Так, в частности, читаем: «непрерывно сокращаются крестьянские наделы», «непрерывно увеличивается норма барщины», «непрерывно растут налоги в пользу государства»¹⁶. Сущность кризиса польской экономики в XVII в. авторы видели в упадке крестьянского хозяйства, городов, торговли, сокращении фольварочного производства. Подобный взгляд на социально-экономическую эволюцию Речи Посполитой в период позднего средневековья нашел свое отражение в выходивших в те годы общих работах, учебных пособиях, став по существу общепризнанным¹⁷. Во втором томе «Истории средних веков» (авторы главы о Польше XVI — первой половины XVII в. — В. В. Стоклицкая-Терешкович и В. Д. Корольюк) о социально-экономическом развитии польской деревни XVII в. говорится сравнительно немного, нарисована лишь общая картина польской экономики этого времени. Начало хозяйственного упадка также относится к концу XVI — началу XVII в.; среди причин, определивших упадок, называются фольварочно-барщинная система хозяйства, «тормозившая развитие внутреннего рынка и подрывающая крестьянское хозяйство», «наступление феодалов на города», «ослабление центральной власти в государстве... а также войны, контрреформация»¹⁸. Те же выводы нашли

добные выводы, стали в последующие годы относить к категории расчленения чисто имущественного.

¹⁴ Иванова О. Е. К вопросу об упадке крестьянского хозяйства..., с. 293.

¹⁵ Характеристика феодально-крепостнических отношений в Польше конца XVI — первой половины XVII в. дана в разделе, написанном О. Е. Ивановой. Причины и характер социально-экономического кризиса в Польше, среди которых называются прежде всего фольварочно-барщинная система, а также войны, освещены в разделе, написанном О. Е. Ивановой и Д. Л. Похилевичем.

¹⁶ История Польши. М., 1954, т. I, с. 223—225, 303.

¹⁷ То же было характерно для польской историографии конца 40-х—50-х годов XX в. См., например: Historia Polski. Warszawa, 1957, t. 1, s. 426, 430, 433, 620; Arnold S., Michalski J., Piwarski K. Historia Polski od połowy XV w. do 1795 r. Warszawa, 1954, s. 95—96.

¹⁸ История средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина и др. М., 1954, т. II, с. 426. В предшествующем издании (М., 1939) освещались преимущест-

свое отражение на страницах «Истории южных и западных славян» (автор соответствующей главы издания 1957 г.— В. Д. Королук).

Несколько иначе вопрос о причинах и характере экономического кризиса в Польше XVII в. рассматривал Ф. Я. Полянский. В его «Экономической истории зарубежных стран» истории Польши XVI—XVIII вв. посвящена одна из пяти глав, относящихся к периоду позднего феодализма. На примере Польши им охарактеризована барщинно-крепостническая система хозяйства. Собственно, характеристика барщинно-крепостнического строя дана также в главе по истории Германии, но подход автора к вопросу о причинах возникновения данного явления в двух странах был различным. Для Германии он признает решающее влияние внешнего рынка, в Польше — напротив, по мнению автора, шляхта расширяла фольварочное производство для нужд собственного потребления: «расширение шляхетских привилегий (политических, социальных, экономических), а не внешнего и внутреннего рынков, явилось решающей предпосылкой интенсивного развития фольварочного производства в Польше XVI и последующих столетий»¹⁹. При этом Полянский значительно преувеличивал численность шляхты в стране (по его мнению, она составляла $\frac{1}{6}$ всего населения)²⁰, тогда как еще Т. Корзоном и другими учеными XIX в. было установлено, что на долю шляхты приходилось всего 8—10% всего населения. Начало общего экономического кризиса в стране, в основе которого, по мнению автора, лежали противоречия фольварочно-барщинной системы (непроизводительный труд крепостного крестьянства и упадок его хозяйства, рост паразитизма шляхты и ее привилегий), он относил ко второй половине XVII в.²¹ Здесь же, говоря о быстром упадке польских городов и экономики в целом, Полянский делает вывод, что «спасти Польшу могла только революция»²², — вывод несколько неожиданный, ибо трудно сравнивать Речь Посполитую XVII—XVIII вв. по уровню социально-экономического и политического развития с Нидерландами, Англией, Францией — странами, где происходили буржуазные революции. Отмеченные положения Полянского не были поддержаны в советской историографии в 50-е и последующие годы XX в.²³

венно политические предпосылки упадка Польши в XVII в., социально-экономические факторы почти совсем не учитывались (История средних веков. М., 1939, с. 457, 458).

¹⁹ Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран: Эпоха феодализма. М., 1954, с. 492.

²⁰ Там же, с. 490.

²¹ Там же, с. 489, 495, 497.

²² Там же, с. 501. Ряд рассмотренных положений автора содержится также в предисловии к изданному годом раньше переводу книги Я. Рутковского «Экономическая история Польши» (М., 1953).

²³ См., например: Люблинская А. Д. Рец. на кн.: Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран: Эпоха феодализма.— Вопросы истории, № 3, 1956.

Среди немногочисленных в советском славяноведении исследований по аграрной истории Речи Посполитой в XVII в., на которые мог опираться в своей работе авторский коллектив «Истории Польши», прежде всего следует назвать исследования Д. Л. Похилевича, который вслед за В. И. Пичетой изучал положение крестьян Великого княжества Литовского и его изменение на протяжении XVI—XVII вв. В статьях, касающихся аграрной политики Польско-Литовского государства в XVI—XVII вв., автор отмечал ее узкоклассовый, про шляхетский характер. Вместе с тем, говоря конкретно о последствиях для крестьянства реформы Сигизмунда-Августа, автор акцентировал внимание на том, что «реформа носила реакционный характер и имела самые отрицательные последствия для крестьян», оставив, таким образом, в тени некоторые позитивные моменты, которые в ней имелись. При этом автор утверждал, что «постоянно увеличивающееся число огородников в XVII в. являлось продуктом разорения крестьянства и осаживания хлопков на землю»²⁴, а не наличия особых отрезков (застенок), как считал в свое время Пичета. Здесь и в других своих работах²⁵ Похилевич на основании детального исследования писцовых книг, люстраций, сеймовых постановлений, материалов референдарских судов и пр. подкреплял и конкретизировал выводы, сделанные ранее Кутшебой, Довнар-Запольским и др., о постоянном росте повинностей крестьянства, шедшем параллельно с ухудшением экономического и правового положения деревни. Сравнивая Уставы 1557 г. (Устава на волоки) и 1637 г. (так называемая Бобруйская Устава) и их последствия для крестьянства, автор отмечал, что «по Уставе 1637 г. повинности сложнее, разнообразнее... картина крестьянских повинностей поражает своей нерациональностью, пестротой и тяжестью. Действительно, одних легальных повинностей хватит, чтобы задавить крестьян»²⁶. Анализируя «Уставу на волоки» и ее последствия в Литовском княжестве, Похилевич отмечал, что она не получила хождения в коронных землях, «поскольку именно четкость „Уставы на волоки“ с ее двухдневной барщиной с волоки-лана в 70-х годах XVI в. уже не годилась и даже вредила бы помещикам, ибо они боролись с крестьянами за введение трех- и даже четырехдневной барщины с лана»²⁷. В таких условиях, как отмечал автор, Устава стала

²⁴ Похилевич Д. Л. О реакционном характере аграрной реформы Сигизмунда-Августа в Литовском княжестве.— Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, 1945, вып. VII (XVII). История, с. 33—34.

²⁵ Похилевич Д. Л. Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения.— Науч. зап. Львовского ун-та им. И. Франко, 1949, т. 17, История, вып. 4; Он же. Крестьяне «огородники» в Великом княжестве Литовском в XVI—XVII вв.— В кн.: Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952; Он же. Из истории аграрных отношений в западных воеводствах Великого княжества Литовского в XVI — первой половине XVII в.— Средние века, 1955, т. VI.

²⁶ Похилевич Д. Л. О реакционном характере аграрной реформы..., с. 34.

²⁷ Похилевич Д. Л. От Торунского статута к Уставу на волоки.— Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, 1945, вып. VII (XVII), История, с. 18.

бы оружием в руках крестьян против шляхты. В противовес распространённому в буржуазной историографии тезису о том, что в королевщинах крестьянам жилось лучше, поскольку-де государство выступало защитником крестьянства от произвола шляхты, Похилевич, углубленно исследовавший положение государственных крестьян, доказывал, что «система эксплуатации населения и его правовое положение в государственных имениях принципиально не отличалось от частновладельческих»²⁸. Однако в пылу полемики он, как и некоторые другие исследователи того времени, несколько упрощал проблему, отмечая лишь общие моменты, характеризующие польское государство как верховного феодала, не стремясь выявить отличия более гибкой аграрной политики короля от политики шляхты. Обращаясь к проблеме социально-экономического упадка Речи Посполитой, автор не ограничивался рамками конца XVI—XVII вв., а широко привлекал материал последующего периода, что позволяло точнее уловить общую тенденцию хозяйственного развития страны в XVII в. Считая, что «общий упадок хозяйства Речи Посполитой определился во второй половине XVII в.», Д. Л. Похилевич писал о том, что во многом этот упадок был предопределен «противоречиями фольварочно-барщинной системы, а также причинами привнесенного характера, войнами, эпидемиями и т. п.»²⁹.

Следует отметить, что тезис об определяющем влиянии фольварочно-барщинной системы на социально-экономический упадок Речи Посполитой в XVII в. в эти годы был общепризнанным как в советской, так и в польской историографии³⁰. Среди признаков, знаменовавших хозяйственный упадок, Похилевич называл прежде всего: «Истощение крестьянского хозяйства», сокращение экспорта хлеба (к концу 40-х годов XVII в. — в два раза по сравнению с началом столетия), «упадок и аграризацию городов», а также «усиление в стране католической реакции»³¹. Говоря о фактах быстро идущей в первой половине XVII в. дифференциации крестьянства, Похилевич считал этот процесс типично феодальным по своему характеру. Вместе с тем, говоря об имущественной дифференциации в Литве и Белоруссии, автор отмечал, что «появляются и быстро растут далеко не типичные для феодального общества категории крестьян — безлошадные, безземельные. Последних было даже несколько категорий — загородники, халушники

²⁸ Похилевич Д. Л. Государственные крестьяне западных воеводств княжества Литовского в XVI—XVIII вв. Львов, 1950, с. 4—5, 9.

²⁹ Похилевич Д. Л. Из истории аграрных отношений..., с. 168, 171.

³⁰ См., например, Материалы 1-й Методологической конференции польских историков (Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Warszawa, 1953. t. 1); Topolski J. O literaturze i praktyce rolniczej w Polsce na przełomie XVI i XVII w. — In: *Roszniki dziejów społecznych i gospodarczych*. Poznań, 1953. t. 14; Sreniowski S. Oznaki regresu ekonomicznego w ustroju folwarczno-panszczyznianym w Polsce od schyłku XVI w. — *Kwartalnik historyczny*. 1954, t. 2.

³¹ Похилевич Д. Л. Из истории аграрных отношений..., с. 168—171.

ки, кутники... Средства к существованию эти безземельные крестьяне добывали преимущественно путем заработка»³².

Специально занимавшийся вопросами расслоения деревни Русского воеводства в первой половине XVII в. М. В. Горн³³ отмечал также такие моменты в развитии деревни XVII в., как «рост на почве развития товарно-денежных отношений зажиточного, торгующего крестьянства... использование кметями „наймитов“ из числа односельчан... развитие ссудных операций в деревне...»³⁴. Рисуя общую картину социального развития деревни Русского воеводства в первой половине XVII в., автор утверждал, что в «деревне уже успела выделиться группа состоятельных крестьян, которая эксплуатировала беднейшие слои односельчан»³⁵. Основным материалом, на который опирался автор при исследовании имущественного состояния различных категорий крестьян, являлись податные реестры Саноцкой, Львовской, Перемышльской земель; привлекались также инвентари и люстрации. Хотя М. В. Горн отмечал, что податный реестр не позволяет точно воспроизвести картину состояния деревни (он не дает сведений о количестве кметей, затруднено выявление процентного соотношения различных категорий крестьян и пр.), он, тем не менее, делал уверенный вывод о значительном увеличении к середине XVII в. категорий малоземельного и безземельного сельского населения³⁶.

На материале Новотаргского староства О. Е. Иванова пришла к выводу о том, что «рост фольварочного хозяйства и паньщизны привел в первой половине XVII в. к значительному социальному расслоению крестьян»³⁷. Следует отметить, что в разделе первого тома «Истории Польши», касающемся аграрного развития страны в XVII в., Иванова говорила о социальном расслоении уже более острожно³⁸, а в последующие годы она вообще пришла к выводу о том, что в Польше исследуемого периода «не развивалось классового расслоения крестьян, а сохраняло свое значение разделение крестьян на отдельные группировки по имущественному признаку»³⁹.

Рассматриваемая статья О. Е. Ивановой явилась одной из первых в советской историографии работ по истории классовой борьбы крестьянства в Польше XVII в.⁴⁰ Конкретно в ней было рас-

³² Там же, с. 173.

³³ Горн М. В. Расслоение деревни Русского воеводства к середине XVII в.— Науч. зап. Львовского пед. ин-та, 1948, т. 2.

³⁴ Там же, с. 140—141.

³⁵ Там же, с. 140.

³⁶ Там же, с. 130, 132.

³⁷ Иванова О. Е. Положение крестьян в Новотаргском старостве в XVII в. и восстание 1630 г.— Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. ист. наук, 1950, вып. 17, с. 254.

³⁸ История Польши, т. I, с. 224—225.

³⁹ Иванова О. Е. К вопросу о характере земельной ренты в Малой Польше в XVI—XVIII вв.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962, с. 155.

⁴⁰ Иванова О. Е. Положение крестьян в Новотаргском старостве..., с. 254.

смотрено восстание в Новотаргском старостве 1630 г. Явившись естественной реакцией крестьян на обострение барщинного гнета, движение, начавшееся в деревне Черный Дунаец во главе с Лентовским («Маршалком»), быстро превратилось в вооруженное восстание, которое, однако, не смогло выйти за локальные рамки и вскоре затухло. Среди причин столь непродолжительного характера движения О. Е. Иванова отмечает непоследовательность восставших, их стремление достичь «мирной договоренности с королевскими комиссарами и старостой Комаровским». Восстание носило, по мнению автора, «типично антифеодальный характер». Широко обращаясь к материалам референдарских судов, Иванова констатировала, что восставшие польские крестьяне вообще довольно часто шли на компромисс с властями, прекращая сопротивление в ответ на обещание рассмотреть причину недовольства крестьян. Однако референдарские суды, являясь органами дворянской республики, всецело стояли на страже интересов шляхты.

Статья Ивановой ярко отразила то повышенное внимание, с которым советская историография в начале 50-х годов обратилась к изучению классовой борьбы в Польше XVII в. Важность подобного рода исследований диктовалась не только слабой изученностью вопроса, но и потребностями борьбы с буржуазными концепциями, в которых сам факт этой борьбы ставился под сомнение, постулировалась некая особая инертность польского крестьянства, его «неспособность» отстаивать свои интересы и права. Советские полонисты вместе с историками-марксистами Народной Польши в послевоенный период интенсивно исследовали характер, масштабы, разнообразие форм борьбы зависимого крестьянства Польши XVII в. против своих угнетателей.

Наиболее плодотворным в этом отношении было творчество И. С. Миллера. В центре его научного интереса — крестьянское восстание 1651 г. под руководством Костки Наперского⁴¹, до него почти неизученное. И. С. Миллер на основании опубликованных источников (Дневник Освенцима, Универсал Наперского, переписка руководителей восстания, официальные сообщения, хроники и др.), а также широко привлекая материалы, хранившиеся во львовских архивах, пришел к выводу, что крестьянское движение в Подгалье явилось результатом значительного ухудшения положения местного крестьянства в первой половине XVII в.⁴² Значительную роль в активизации подгальского кре-

⁴¹ Миллер И. С. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. — Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1950, т. 2; Он же. Падение Чорштына: (Из истории крестьянского восстания в Подгалье в 1651 г.) — В кн.: Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия; Он же. — Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ. — Вопросы истории, 1954, № 1.

⁴² В 70-х годах XIX в. были опубликованы две статьи Щенского-Моравского (*Szczęśky-Morawski. Rozruchy ludu podgorskiego.* — In: *Swiatek Boży i życie na nim. Rzeszów, 1871*) и Л. Кубали (*Kubala L. Kostka Napierski.* — In: *Przewodnik naukowy i literacki, 1873*), носившие чисто описательный характер. В период буржуазной Польши этим вопросом интересовался

стьянства, отмечал автор, сыграла освободительная война на Украине под руководством Богдана Хмельницкого. Несмотря на скудность источников, содержащих сведения о личности руководителя восстания, Миллер склонен был считать, что Костка Наперский — выходец из шляхетского рода, «изгой-авантюрист», который тем не менее «проводил по деревням массовую агитацию» за восстание и возглавил его⁴³. Автор оспаривал предположения Л. Кубали о принадлежности Наперского к королевскому роду, о его службе в шведской армии и другие гипотезы⁴⁴. Анализируя Универсал Наперского, его письма и другие документы, Миллер четко определил программу восставших: «Их цель — борьба против шляхты... за освобождение всех крестьян». Восстание мыслилось не в локальном масштабе, а более широко, отмечал автор, приводя слова Наперского, адресованные Лентовскому: «Мы пойдем на Краков и дальше, на всю Польшу...»⁴⁵. Большие надежды восставшие возлагали на Хмельницкого и Ракоци, однако о наличии какой-либо реальной связи с ними, по мнению автора, говорить трудно: источники о них умалчивают. К проблеме связей Наперского с Богданом Хмельницким Миллер вернулся в другой своей работе — «Крестьянское движение в Великой Польше 1651 г.», где выразил мнение о том, что «связь Наперского с Хмельницким сомнительна»⁴⁶. В посвященной крестьянским движениям главе «Истории Польши», мы находим иное утверждение: «Костка Наперский находился, очевидно, в сношениях с Хмельницким»⁴⁷. Подобные колебания ученого в выводах были обусловлены прежде всего недостаточной источниковой базой, которой располагала историческая наука.

Среди причин поражения восстания автор называет наряду с общей неподготовленностью восставших явный их монархизм, предательства в стане восставших, неудачный выбор места сосредоточения всех сил (крепость Чорштын находилась на окраине,

С. Щотка, прочитавший в 1938 г. два реферата, посвященных событиям в Подгалье в середине XVII в. (*Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Rocznik 18, 1938, N 1*).

⁴³ Миллер И. С. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г., с. 188.

⁴⁴ Вопрос о происхождении Наперского до сих пор еще не решен. Существуют самые различные мнения: Ю. Бардах, как и И. С. Миллер, был склонен считать Наперского выходцем из шляхетского рода. Б. Барановский считал руководителя восстания мещанином, либо выходцем из крестьян, А. Пшибось утверждал, что Костка Наперский и Станислав Бзовский — одно и то же лицо... А. Керстен в новейшей работе «По следам Наперского», разбирая всевозможные доводы различных авторов относительно происхождения Наперского и анализируя соответствующие документы, считает, что на основании имеющихся данных невозможно безоговорочно принять ни одну из гипотез (*Kersten A. Na tropach Napierskiego. Warszawa, 1970*).

⁴⁵ Миллер И. С. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г., с., 195.

⁴⁶ Миллер И. С. Крестьянское движение в Великой Польше 1651 г. — Учен. зап. Института славяноведения, 1951, т. 3, с. 178.

⁴⁷ История Польши, т. I, с. 249.

в слабонаселенном районе у границы с Венгрией, где в ожидании нападения Ракоци были сосредоточены значительные силы шляхты, немедленно мобилизованные на подавление восстания). Миллер исследовал также историю крестьянского движения в Великой Польше в 1651 г., которое привлекло еще меньше внимания как современников, так и историков, чем восстание, руководимое Наперским. Широко используя Дневник Освенцима и протоколы допросов, автор показывал, что здесь «налицо, наряду со стихийными движениями, и продуманная, целеустремленная деятельность, направляемая твердой рукой...»⁴⁸ Разлившаяся по всей территории Речи Посполитой широкая волна крестьянского движения возникла не только как стихийный отклик на освободительную борьбу украинского народа, но и как результат направляемой Хмельницким агитационно-пропагандистской деятельности⁴⁹. Главной причиной скорого поражения народных выступлений 1651 г. Миллер считает плохое вооружение и тактическую слабость повстанцев. В целом же, по мнению автора, восстание 1651 г. в Великой Польше было во многом похоже на восстание в Подгалье. Несмотря на свою локальность и непродолжительность, отмечал Миллер, польские крестьянские движения 1651 г. имеют большое значение в том плане, что являются наряду с другими движениями польского крестьянства живым опровержением легенды, созданной шляхетско-буржуазной историографией о вековой покорности и инертности польского крестьянства, что крестьянские восстания в феодальной Польше проходили лишь на «кресах», на украинской и белорусской землях и имели якобы не столько социальный, сколько национально-религиозный характер. «Кроме того, восстание 1651 г. в Великой Польше опровергает более узкий вариант той же легенды, согласно которому польские крестьянские движения признавались, но ограничивались узкими географическими рамками польского Прикарпатья — Подгалья»⁵⁰. Итоги своих исследований, которые были с интересом восприняты учеными ПНР, Миллер подвел в статье, опубликованной в связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией⁵¹, где были приведены многочисленные факты участия польского крестьянства в антифеодальной борьбе украинского народа.

Явившись дополнительным стимулом к изучению крестьянских движений в Польше середины XVII в., подготовка празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией обусловила появление еще ряда работ, посвященных рассматриваемой проблеме. О. Компан⁵², подвергнув критике тезис некоторых буржуазных исследователей, будто антифеодальные восстания в Польше не

⁴⁸ Миллер И. С. Крестьянское движение в Великой Польше 1651 г., с. 226.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 234.

⁵¹ Миллер И. С. Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ.

⁵² Компан О. Вплив визвольної війни українського народу на розвиток антифеодального руху в Польщі. Київ, 1954.

имели объективных предпосылок, а были вызваны исключительно агитационной деятельностью эмисаров Б. Хмельницкого, доказывала, что «это была борьба объективная, борьба народных масс Польши против своих поработителей... события на Украине лишь ускорили ее...»⁵³ А. Касименко уделил большое внимание вопросу о влиянии освободительной борьбы 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого на усиление антифеодальной борьбы в Польше. Вместе с тем написанные на основании того же материала, что использовал Миллер, работы Компан и Касименко не вносили чего-либо существенно нового в вопрос о характере, формах и степени влияния событий на Украине и агитационной деятельности Хмельницкого на крестьянскую борьбу в Польше.

Продолжением работ этого цикла явились опубликованные в 50-х годах XX в. исследования о движении опришков в Галицком Прикарпатье⁵⁴. Исследователи обращали главное внимание на антифеодальную направленность этого движения: «Опришки на всем протяжении их борьбы являлись последовательными врагами панов и защитниками крестьян...»⁵⁵ При этом и Е. Дракохруст, и В. Грабовецкий несколько упрощали вопрос о характере движения опришков и его исторической роли. В частности, Грабовецкий писал, что «классовая борьба Галицкого Прикарпатья во второй половине XVII в. все более и более подрывала крепостной строй и тем самым ускорила наступление новых буржуазных отношений»⁵⁶.

Следует отметить, что некоторое преувеличение в оценке роли и исторического значения, а также масштабов и остроты крестьянских движений в исследуемый период было характерно для многих работ 40—50-х годов XX в. как советских, так и польских историков⁵⁷. В историографической статье Ю. М. Гроссмана⁵⁸ по этому поводу, на наш взгляд, справедливо отмечается, что «относительно XVI—XVII вв. трудно говорить о подтачивании основ феодализма..., классовая борьба, происходившая в эпоху резкого

⁵³ Там же, с. 8.

⁵⁴ Дракохруст Е. Опришки.— В кн.: Из истории крестьянства XVI—XIX вв. М., 1955. Вып. 27. Более ранняя работа: Она же. Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков.— Вопросы истории, 1948, № 1; Грабовецкий В. В. Крестьянское движение в Галицком Прикарпатье во второй половине XVII в.: Автореф. канд. дис. Киев, 1958.

⁵⁵ Грабовецкий В. В. Указ, соч., с. 17.

⁵⁶ Там же, с. 17—18.

⁵⁷ Б. Барановский, например, писал, что «в 1651 г. магнатско-шляхетская Польша пережила крупнейшее антифеодальное восстание крестьян...» (Baranowski B. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r. Warszawa, 1951, s. 7). Относительно восстания под руководством Костки Наперского С. Щотка отмечал, что «это восстание было высшей формой борьбы крестьянства с феодальным строем... оно не ограничилось только локальным районом, а способствовало подъему крестьянской войны во всей Польше...» (Szczotka S. Powstanie chłopów pod wodzą Kostki Napierskiego. Warszawa, 1951, s. 167—168).

⁵⁸ Гроссман Ю. М. Изучение аграрной истории Западной Украины эпохи позднего феодализма в советской литературе.— История СССР, 1968, № 2.

ухудшения положения народных масс, была направлена прежде всего на защиту „старинны“, обычаев, которые представлялись более справедливыми по сравнению с нововведениями, связанными с быстрым ростом фольварочного хозяйства. Борьба в это время носила главным образом оборонительный характер»⁵⁹.

В дальнейшем, по мере развития нашей науки, полнее стала улавливаться сложность связей социальных движений в странах Восточной Европы с социально-экономическими сдвигами, происходившими в них в период позднего феодализма⁶⁰.

К концу 50-х годов XX в. круг советских исследований по аграрной истории позднефеодальной Польши значительно расширяется. В. А. Дворецкая, специально посвятив свою диссертацию⁶¹ рассмотрению положения польского крестьянства в XVII в., попыталась, в частности, проследить изменения в крестьянском землевладении, повинностях, правовом положении непосредственного производителя; к сожалению, Дворецкая использовала привлеченные ею многочисленные печатные и рукописные источники (инвентари, реестры Краковского воеводства, Перемишльской и Саноцкой земель Малой Польши, Калишского повета Великой Польши) выборочно, скорее в иллюстративных целях. Считая, что уже в начале XVII в. намечаются некоторые признаки кризиса феодального производства, Дворецкая видит его проявление прежде всего в «разорении крестьянского хозяйства, как необходимого условия феодального способа производства»⁶². Главным виновником хозяйственного упадка Польши в XVII в. Дворецкая, как и большинство других исследователей того периода времени, безоговорочно считала фольварочно-барщинную систему. Примерно к таким же выводам приходила в своей статье и З. И. Мухина⁶³.

Посвященная положению крестьян шляхетских имений работа И. А. Воронкова⁶⁴ отличается солидным, фундированным подходом к исследованию проблемы. Детальный анализ инвентарей Калишского повета Великой Польши позволил автору подробно рассмотреть вопрос о состоянии крестьянского хозяйства, крестья-

⁵⁹ Гроссман Ю. М. Указ. соч., с. 113.

⁶⁰ Масштабы крестьянских движений, з особенности восстания 1651 г. в Подгалье, которые ранее рассматривались чуть ли не как крестьянские войны, оцениваются сейчас более умеренно. См., например: Kersten A. op. cit., s. 199.

⁶¹ Дворецкая В. А. Польские крестьяне с конца XVI по конец XVII в.: Автореф. канд. дис. Л., 1958.

⁶² Дворецкая В. А. Аграрные отношения в Польше в XVI—XVII вв.— Учен. зап. Вологодского пед. ин-та, 1958, т. XXI. История, с. 127.

⁶³ Мухина З. И. Положение польских крестьян во владениях духовных феодалов в XVI столетии.— Наукові записки Київського ун-та, 1957, вып. 1.

⁶⁴ Воронков И. А. Положение крестьян шляхетских имений Калишского повета Великой Польши во второй половине XVII — первой половине XVIII в.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959.

янских повинностей и их изменении на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. Анализируя инвентари, автор сделал вывод о том, что признаки разорения и упадка крестьянских хозяйств можно заметить уже в 30—40-х годах XVII в.⁶⁵ Говоря о значительном преобладании в повете в исследуемый период отработочной ренты, автор отмечал также «известное распространение принудительного найма с очень низкой оплатой труда»⁶⁶. По вопросу о причинах и характере экономического упадка Речи Посполитой в XVII в. Воронков разделял точку зрения Ивановой, считая, что упадок был прежде всего вызван «сильным ухудшением положения крестьян... увеличением их эксплуатации, обнищанием деревни»⁶⁷.

Вместе с тем, как отмечал при обсуждении доклада Воронкова на симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы в Таллине (1958) Похилевич, то, что автор ограничился только использованием материала инвентарей, без привлечения других источников, не позволило ему осветить проблему более полно⁶⁸. В своем критическом выступлении Похилевич исходил из сложившегося в его собственных трудах 40-х — первой половине 50-х годов XX в., понимания сути происходивших в Речи Посполитой XVII—XVIII вв. социально-экономических процессов. Его взгляды нашли свое наиболее полное выражение в опубликованной в том же, 1958 г. статье «К вопросу о кризисе и упадке хозяйства шляхетской Речи Посполитой во второй половине XVII — первой половине XVIII вв.»⁶⁹. Если раньше Д. Л. Похилевич строил свои выводы на основании материала только одного XVII в., поневоле предположительно оценивая влияние каждого из действовавших факторов (барщинно-крепостнический строй, войны и пр.) на упадок польской деревни, то теперь ученый широко применил ретроспективный метод. Тот факт, что восстановление деревни обычно начиналось сразу же после окончания военных действий и проводилось в рамках той же фольварочно-барщинной системы хозяйства во второй половине XVII — первой половине XVIII в., причем во многих случаях достаточно успешно, натолкнул Похилевича на вывод о том, что фольварочно-барщинная система хозяйства довольно долго сохраняла возможности своего развития и что вряд ли можно говорить о ее бесповоротном кризисе в середине XVII в. Отсюда, по мнению автора, определяющим для социально-экономического кризиса в Речи Посполитой следует считать

⁶⁵ Воронков И. А. Указ. соч., с. 165.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, с. 172.

⁶⁸ См.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959, с. 228.

⁶⁹ Pochilewicz D. L. W sprawie kryzysu i upadku gospodarki obszarniczkiej Rzeczypospolitej w 2 poł. XVII — 1 poł. XVIII w. — Kwartalnik historyczny, 1958, 2.

влияние войн и других привнесенных факторов, не обусловленных внутренним развитием деревни⁷⁰.

Этот вывод Похилевича не нашел широкого признания ни в советской, ни в польской историографии конца 50-х годов XX в.⁷¹ В дальнейшем, по мере того, как участники дискуссии отходили от некоторых полемических крайностей, их точки зрения в значительной мере сближались. Сейчас уже никто не отрицает огромного влияния войн середины XVII в. на последующий хозяйственный упадок страны.

Касаясь особенностей первого этапа развития, этапа становления советской историографии аграрной истории Польши XVII в., не следует замалчивать определенных свойственных для него трудностей и недостатков: в 40—50-е годы XX в. исследовались преимущественно восточные земли Речи Посполитой, что было связано с фактом более тесных исторических связей этих районов с Россией и, как следствие, с фактом большей доступности необходимых архивных источников. Кроме того, в этот период времени, когда оформлялись основные концепции, касающиеся барщинно-крепостнической системы хозяйства в Польше, нередко в работах советских исследователей обобщения опережали изучение фактического материала. Нашим полонистам нередко приходилось опираться в своих исследованиях на фактический материал и частные выводы, почерпнутые из работ польских историков прошедших десятилетий (Я. Рутковского и др.). Характерным в этот период было и то, что проблемы социально-экономического развития Польши XVII в. решались несколько узко, вне достаточной связи с общеевропейской историей.

Вместе с тем бесспорно, что труды советских исследователей 40—50-х годов XX в. внесли большой вклад в разработку проблем аграрной истории Польши XVII в. и в последующие годы разрабатывались и конкретизировались те проблемы, которые в большинстве своем были подняты в то время. Проанализированные в данной статье работы во многом расширили круг знаний о польской деревне одного из самых сложных ее периодов, дали материал для уточнения и корректировки общих представлений об особенностях социально-экономического и политического развития страны. Они также подтвердили то положение, что социально-экономическая жизнь Польши XVII в., как и других восточноевропейских стран этого времени, протекала в рамках общих закономерностей развития феодального общества.

⁷⁰ *Pochilewicz D. L.* Op. cit., с. 308—310, 335, 337.

⁷¹ См., например: *Воронков И. А.* Указ. соч.; *Leskiwiczowa J.* Jeszcze o kryzysie i upadku gospodarki folwarczno-pańszczyźnianej w Polsce.— *Kwartalnik historyczny*, 1959, 1.

VI

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1931—1936 гг.)

Е. А. Серова

На развитие исторической науки в Академии наук СССР заметное влияние оказала деятельность Историко-археографического института (ИАИ). Образованный в системе Академии наук СССР в 1931 г. институт явился преемником Археографической комиссии, основанной еще в 1834 г. для собирания, описания и издания источников отечественной истории. Труды многих историков, работавших в разные годы, базировались на опубликованной этой комиссией документах.

После Великой Октябрьской социалистической революции в работе Археографической комиссии произошли определенные изменения, которые уже рассматривались в трудах историков¹.

В 1926 г. Археографическая комиссия была объединена с Постоянной исторической комиссией и получила название Историко-археографической комиссии (ИАК). Хотя основной ее задачей — предшественницы одноименного института — была научно-публикаторская работа, однако к концу 20-х годов XX в. наблюдается заметное увеличение удельного веса работ исследовательского характера и совершенствование научно-методической разработки вспомогательных исторических дисциплин. Сотрудники комиссии стали чаще обращаться к социально-экономическим проблемам истории, решать вопросы подготовки и воспитания молодых кадров.

Председатель комиссии С. Ф. Платонов в марте 1929 г. отмечал, что всем ходом жизни комиссия «постепенно превращается

¹ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948, с. 21—25; Иванова Л. И. Археографическая Комиссия. — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историография: Сборник статей. М., 1971, с. 401—416; СИЭ, 1961, т. 1, с. 808—809. Однако следует отметить, что из поля зрения исследователей почти совсем выпал важный этап в деятельности этого учреждения, охватывающий 1931—1936 гг.

из ученой издательской организации, какою была прежде, в научно-исследовательский институт по русской археографии и источниковедению»².

1929 год был переломным годом для жизни всей Академии наук. «Прежде всего,— как отмечал академик В. П. Волгин,— Академия наук впервые за время существования Советской власти, на 12-м году диктатуры пролетариата, избрала в свою среду ряд крупных научных работников — членов Коммунистической партии. Впервые в 1929 г. Академия раскрыла свои учреждения для подготовки новых кадров научных работников из советской, в значительной части своей пролетарской молодежи. Таким образом, в АН образовалось коммунистическое ядро»³.

Проводившаяся в эти годы реорганизация Академии была направлена на сближение ее научно-исследовательской работы с задачами социалистического строительства, на изменение содержания и форм научной деятельности, на преодоление унаследованного от прошлого разрыва между наукой и общественно-политической жизнью. Проведенные преобразования отразились на деятельности отдельных академических учреждений, в том числе и Историко-археографической комиссии.

3 октября 1931 г. на заседании группы историков, экономистов и социологов заместитель председателя ИАК С. Г. Томсинский высказал мнение о том, что «старое наименование Археографической комиссии не соответствует ее работе в данный момент», и предложил преобразовать ее в институт⁴. Предложение Томсинского было признано на этом заседании «желательным и своевременным». Историко-археографической комиссии поручили разработать проект «Положения» будущего института и обдумать его наименование. На следующий день, 4 октября, предложение о преобразовании комиссии в институт было принято на заседании Отделения общественных наук Академии. В своем выступлении Волгин подчеркнул, что «Археографическая комиссия давно уже не является комиссией, а является институтом в настоящем смысле слова, учреждением с постоянным штатом, с постоянной очень большой работой, выпускает в год 4—5 томов прекрасно подготовленных изданий исторических, экономических сочинений, а поэтому это наименование комиссии ни с какой точки зрения не соответствует существу производимой институтом работы»⁵.

Относительно названия этого нового учреждения первоначально мнения ученых расходились⁶. Было принято предложение

² Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛОА АН СССР), ф. 133 (Археографическая комиссия), д. 1211, л. 35.

³ Академия Наук СССР XVII партсъезд: Общий отчет. Л., 1934, с. 3.

⁴ ЛОА АН СССР, ф. 2 (Канцелярия конференций АН, затем — Секретариат АН СССР), оп. 4, 1931, д. 30, л. 51.

⁵ Там же, л. 39.

⁶ Там же. В фонде Археографической комиссии ЛОА сохранился листок, на котором перечислены предполагавшиеся варианты названия: «Инсти-

С. Г. Струмилина назвать институт Историко-археографическим, ибо это название лучше всего отражало задачи института, определенные как «разыскание, анализ, подготовка к изданию источника»⁷. 24 ноября 1931 г. на очередном заседании Отделения общественных наук наименование «Историко-археографический институт» было утверждено. Тут же было рассмотрено и «Положение об ИАИ». 25 ноября состоялось Общее собрание Академии, утвердившее «Положение» института.

В своей деятельности институт продолжал те тенденции, которые наметились в первые послереволюционные годы в работе Археографической комиссии и выразились в появлении и развитии новых направлений и форм работы. Они отражали перемены, происходившие в жизни всей Академии наук, в исторической науке и в стране в целом.

В «Положении» отмечалось, что «институт имеет своей задачей собирание, систематизирование, обработку на основе марксистско-ленинской методологии и научное издание материалов по истории народов СССР». Кроме того, институту вменялась в обязанность «разработка вспомогательных исторических дисциплин» и подготовка кадров специалистов в указанной области⁸.

Проведенная реорганизация сделала Историко-археографический институт в начале 30-х годов XX в. ведущим в системе академических учреждений центром по истории России и народов СССР. С годами же первоначальные задачи, определенные «Положением», расширились, и институт включил в круг своей работы новые исследовательские темы.

Среди направлений научно-публикаторской деятельности института следует выделить такие, как изучение экономической истории феодально-крепостного хозяйства и его разложения, зарождение и эволюция докапиталистических рабочих. Еще один круг проблем был связан с разработкой истории народов СССР. Документы этой темы были объединены серией выпусков «Материалы по истории народов СССР» (всего издано было 7 выпусков). Подготовка и научная обработка материалов по истории классовой борьбы в эпоху феодализма составляли следующую важную сторону занятий института.

Ограничение круга деятельности института изучением истории феодализма объяснялось тем, что весь старый аппарат и кадры были более всего приспособлены для выполнения именно такой задачи. Еще в Археографической комиссии работали сотрудники, которые хорошо знали палеографию, язык рукописей и

тут публикации исторических источников», «Институт публикации актов», «Институт по изучению актов», «Институт исторической документации», «Институт источниковедения», «Институт актового анализа и публикаций» (Там же, ф. 133, оп. 1, д. 1300, л. 1).

⁷ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 24, л. 31.

⁸ Там же, ф. 1 (Конференция Имп. АН), оп. 1, 1931 г., д. 257, л. 68.

владели приемами публикации исторических документов. Вместе с тем в изучении поставленных проблем наблюдались важные новые черты, отражавшие развитие науки в социалистическом обществе.

Годы деятельности Историко-археографического института в основном совпали с выполнением второго пятилетнего плана. В записке к проекту пятилетнего плана АН СССР были изложены общие основы деятельности всех учреждений Отделения общественных наук Академии. В этом документе подчеркивалось, что «основной задачей АН в области изучения общественных дисциплин является исследование общественно-исторического процесса в различном его проявлении»⁹.

Хотя первый перспективный план для Историко-археографического института был составлен несколько раньше (в 1929 г.) и рассчитан был на 1930—1934 гг., он в целом отражал указанное направление в изучении истории России и народов СССР. Согласно этому плану вся работа ИАИ разбивалась на 11 крупных проблем: 1) Крепостная мануфактура в России, 2) История народов СССР, 3) Материалы для истории землевладения, 4) Крестьянские революции феодально-крепостной эпохи, 5) История торговли, 6) Работа по заданиям Международного комитета исторических наук, 7) Словарь по истории технологии, 8) Историческая география, 9) Историко-этнографические карты, 10) Материалы по библиографии, 11) Материалы по археографии. В целом план носил очень общий характер, совсем не раскрывалось содержание отдельных рубрик. Так, совершенно неясно было, чем конкретно должна быть заполнена тема «Крестьянские революции феодально-крепостной эпохи», материалы какого времени должны изучаться по теме «История отдельных вотчин, метрополий и колоний» из большой проблемы «Материалы для истории землевладения» и т. д.

Это была одна из первых попыток перспективного планирования работы института в целом. Трудностей у составителей этого первого долгосрочного плана, как и в других исследовательских учреждениях страны, было немало. Некоторые из этих вопросов обсуждались на страницах специальных журналов. Эти годы отмечены стремлением согласовать работу ИАИ с другими учреждениями. С этой целью устанавливались деловые контакты с Комкадемией, Центрархивом СССР, Государственной академией материальной культуры, с рядом научных центров союзных и автономных республик (Узбекской, Таджикской ССР, Татарской, Якутской, Карельской, Коми АССР).

В отчете за 1931 г. указывалось, что часть работ выполнялась в научных учреждениях Казани, Архангельска и Чебоксар. Совместно с Архангельским Комвузом готовилась история Коми АССР

⁹ План работы АН СССР на второе пятилетие (1933—1937 гг.). Л., 1932, ч. 1, с. 88—89.

(тогда — автономной области), а с Государственной академией материальной культуры велась работа по составлению словаря по истории техники и производства ¹⁰.

Трудность составления планов, особенно в первые годы, объяснялась отчасти неумением учесть потенциальные возможности коллектива, что приводило к завышенным обязательствам. Это отмечалось на Общем собрании сотрудников ИАИ при обсуждении отчета о выполнении плана за I и II кварталы 1932 г. ¹¹ Уже на одном из первых собраний, состоявшемся 20 декабря 1931 г., сотрудники признали необходимым составление ежемесячных рабочих планов для каждого ученого. Выполнение такого плана должно было систематически контролироваться ¹².

Составление перспективных и ежемесячных планов, безусловно, было шагом вперед в организации исследовательской деятельности института. Оно способствовало перестройке всей исследовательской работы, облегчало руководство творческой деятельности исследователей, выявляло имевшиеся возможности.

Основную печатную продукцию института составляли «Труды». За время его существования (1931—1936 гг.) было издано 18 томов, которые в соответствии с основными проблемами и характером работы подразделялись на выпуски, сборники и части. Наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции составляло издание исторических источников. Это направление было основным в деятельности ИАИ. Можно назвать пять центральных тем этого направления: история народов СССР ¹³, экономическое развитие России ¹⁴, феодально-крепостного хозяйства ¹⁵, крестьянских движений ¹⁶ и крепостной промышленности ¹⁷, проблемы источниковедения ¹⁸.

Каждому тому публикаций материалов предшествовала вводная статья (иногда две-три), которая вместе с комментариями, по существу, представляла собой самостоятельное научное исследование данной темы. В рецензиях на публикуемые материалы не

¹⁰ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1270, л. 3—4.

¹¹ Там же, д. 1285, л. 10.

¹² Там же, л. 22.

¹³ Труды Историко-археографического института (далее — Труды ИАИ). Л., 1930. Т. I. Материалы по истории народов СССР, вып. 1; Л., 1932. Т. V, вып. 2; Л., 1933. Т. VI, вып. 3; М.; Л., 1932. Т. VII, вып. 4; М.; Л., 1936. Т. XIV, вып. 5; М.; Л., 1936. Т. XVI, вып. 6; М.; Л., 1936. Т. XVIII, вып. 7.

¹⁴ Там же. Л., 1930. Т. II. Крепостная мануфактура в России, ч. 1. Материалы по истории экономического развития; Л., 1934. Т. III, ч. 2; Л., 1932. Т. V, ч. 3; Л., 1934. Т. XI, ч. 4; Л., 1934. Т. XIII, ч. 5.

¹⁵ Там же. Л., 1933. Т. VIII; М.; Л., 1936. Т. VIII, вып. 2. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства.

¹⁶ Там же. Л., 1934. Т. X. Материалы по истории крестьянских движений, вып. 1; М., 1935. Т. XII. Булавинское восстание (1707—1708 гг.).

¹⁷ Там же. М.; Л., 1935. Т. XV. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.

¹⁸ Там же. М.; Л., 1933. Т. IX. Проблемы источниковедения, сб. 1; М.; Л., 1936. Т. XVII, сб. 2; М.; Л., 1940. Т. XVIIa, сб. 3.

раз отмечался особый интерес, который вызывали эти статьи ¹⁹. Помимо этого, они облегчали понимание существа проблемы и делали ее более доступной для широкой массы читателей. Следует отметить археографические введения, которые также предпосылались каждому тому. В них давалась характеристика публикуемого материала, оговаривался основной круг вопросов, которые освещают эти документы, раскрывался принцип публикации и оформления источников. В некоторых сборниках был справочный раздел, в котором были представлены списки сокращений, терминологические словари, библиографии, планы, карты и другой материал. Все это свидетельствует о высоком уровне источниковедческой и археографической работы ИАИ.

Среди названных проблем большое место занимали вопросы экономической истории России, среди которых центральным являлась крепостная мануфактура. «Эти материалы,— писал Томсинский,— охватывают не только историю мануфактуры того времени..., они дают ключ к пониманию всех тех вопросов, которые дискутировались нами в последнее время — о феодализме, крепостничестве, накоплении капитала, разложении натурального хозяйства, проблеме города в русской истории и т. п.» ²⁰

Опубликованные по этой теме 5 томов (запланировано было на 1930—1934 гг. издать 10 томов) включали в себя материалы по истории Тульских, Каширских и Олонекских медных и железных заводов XVII в., Московского суконного двора XVIII — начала XIX в., дворцовой полотняной мануфактуры XVII в. ²¹ Отдельный том этой темы посвящен интересной проблеме социального состава рабочих первой половины XVIII в. ²² Этот том представлял собой статистическую разработку единственного в своем роде материала — анкет («сказок») рабочих 30-х годов XVIII в., сообщавших сведения о специальностях, возрасте рабочих, заработной плате и т. д. Эти материалы давали возможность судить о социальном происхождении предпролетариата.

«Выпуск в свет трех томов „Крепостной мануфактуры в России“, — отмечал в 1932 г. журнал „Ленинская учеба“, — дол-

¹⁹ Тихомиров Б. Н. Крепостная мануфактура в России.— Историк-марксист, 1932, т. 3, с. 186—189; Маеродин В. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 3, с. 106; Базилевич К. В. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.— Историк-марксист, 1937, т. 1, с. 167.

²⁰ Томсинский С. Г. О работе ИАИ АН СССР.— Историк-марксист, 1932, т. 4-5, с. 353.

²¹ Труды ИАИ. Л., 1930. Т. II. Материалы по истории экономического развития России, ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы; Л., 1931. Т. III. Крепостная мануфактура в России, ч. 2. Олонекские медные и железные заводы; Л., 1934. Т. XIII, ч. 5. Московский суконный двор; Л., 1932. Т. V, ч. 3. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в.

²² Там же. Л., 1934. Т. XI, ч. 4. Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.

жен быть поставлен в большую заслугу ИАИ, впервые взявшему на себя опубликование мало известных и трудно доступных материалов. Эти сборники дают историку-марксисту великолепный материал для того, чтобы написать большевистскую историю заводов»²³.

Начав публикацию источников по этой теме, ИАИ впервые приступил к широкому изданию материалов по истории пролетариата. Это было важным моментом в борьбе с буржуазной историографией, которая всячески обходила эту проблематику. Сборники «Крепостной мануфактуры» давали богатый и разнообразный материал, знакомя читателя не только с техникой производства и внутренним хозяйственным строем заводов, но и с положением рабочих, русских и иностранных, с эволюцией социальных отношений и с той классовой борьбой, которую вели рабочие и приписные крестьяне.

Выход в свет томов по истории крепостной мануфактуры рассматривался как «событие большой важности» в исторической науке²⁴. Обращение к упомянутой теме расценивалось как признак перелома в деятельности Академии, перестраивавшей свою работу. В отчете института за 1931 г. указывалось на то, что в плане поставленной задачи ИАИ расширяет свою деятельность и приступил к выявлению материалов по истории ленинградских заводов²⁵. Результатом этой работы явилась подготовка сборника материалов по истории ленинградского судостроительного завода, охватывавшего период 1820—1905 гг. и включившего документы архивов бывшего Адмиралтейского завода, Галерного островка и Франко-русского завода.

Московская бригада сотрудников ИАИ выявила материалы по истории предпролетариата²⁶. Говоря о задачах в этом деле историков-марксистов, А. М. Панкратова в одной из статей подчеркивала, что «В истории заводов должны найти отражение существовавшие в течение долгого времени крепостнические формы хозяйства или пережитки»²⁷. В этих условиях публикации ИАИ по проблеме «Крепостная мануфактура» приобрели весьма актуальное значение. Ученые института рассматривали это направление работы как важное государственное дело. «Академия наук должна помочь партии довести до конца издание материалов по истории фабрик и заводов и гражданской войны,— говорил Томсинский в 1936 г.— Для того чтобы проложить дорогу хотя бы эле-

²³ А. Б. Рец. на кн.: Труды ИАИ: Материалы по истории экономического развития России.— Ленинская учеба, 1932, № 3, с. 213.

²⁴ Особую значимость эта проблема приобрела в связи с решением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. об издании «Истории заводов» (Правда, 1931, 11 октября); (50 лет советской исторической науки. 1917—1967. М., 1971, с. 157).

²⁵ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1270, л. 3.

²⁶ В Академии наук СССР.— Историк-марксист, 1934, т. 5, с. 119.

²⁷ Панкратова А. М. Создание «Истории заводов» и задачи историков-марксистов.— Историк-марксист, 1932, т. 6, с. 16.

ментарному научному пониманию, историкам приходится собирать грандиозный экономический, в частности, историко-статистический материал. Он делает чрезвычайно наглядной и математически неопровержимой марксистско-ленинскую концепцию исторического процесса России...»²⁸

На 1934 г. институт взял на себя дополнительные обязательства по претворению в жизнь решения ЦК ВКП(б). В протоколе заседания ИАИ совместно с Институтом по изучению науки и техники и с представителями Редакции по истории фабрик и заводов было записано, что «ИАИ берет на себя: а) в течение 1934 г. составление одного тома публикаций материалов по истории завода или фабрики по соглашению с областной редакцией, обязуется выделить одного работника в качестве автора в распоряжение областной редакции, трех работников для консультаций, двух работников для рецензирования уже написанных работ по истории фабрик и заводов»²⁹. Вся эта работа ИАИ свидетельствовала о правильном понимании руководством и коллективом сотрудников политической важности и научного значения поставленной задачи, об их стремлении актуализировать тематику.

По проблеме социально-политической истории России следует отметить также два выпуска «Трудов» о феодально-крепостном хозяйстве. Предметом изучения было хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. боярина Морозова. Институт опубликовал его вотчинный архив, по материалам которого можно судить о формах организации и приемах ведения хозяйства, о повинностях разных категорий крестьян (бобылей и др.). Изучение этих источников не носило частного характера, ибо, как отмечал В. В. Мавродин, ознакомившись с ними, «мы сталкиваемся с основными проблемами истории феодальных отношений в России»³⁰. Сборники представляли большой интерес в том отношении, что опубликованные в них материалы знакомили читателя как с самим хозяйством крепостника того времени, так и с документами, рисующими положение крестьян, их эксплуатацию в вотчинах крупного феодала, и в значительной мере подводили исследователя к выводам о причинах крестьянского движения второй половины XVII в. К этой же теме относились и публиковавшиеся институтом «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.»

Таким образом, одним из основных направлений в изучении социально-экономической истории России была разработка проблем, связанных с разложением феодально-крепостного хозяйства, с ростом капиталистических элементов, с зарождением и развитием пролетариата в условиях этого хозяйства. Эта проблема-

²⁸ Томсинский С. Г. Проблемы источниковедения.— В кн.: Труды ИАИ. М.; Л., 1933, т. IX, сб. 1, с. 21.

²⁹ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1317, л. 16.

³⁰ Мавродин В. В. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 3, с. 108.

гика способствовала дальнейшей идейной эволюции ученых, работавших в Академии наук, в направлении овладения марксистско-ленинской теорией и методологией исследования социально-экономических явлений.

Другим направлением была публикация материалов по истории крестьянских движений в феодально-крепостную эпоху. В 1934—1935 гг. было издано два тома «Трудов» (т. X, XII) по этой теме. Один из них посвящен истории восстания Степана Разина³¹. В нем на материалах Нижегородского края впервые публиковались ценные данные о движущих силах восстания. Материалы раскрывали картину жестокого разгрома движения в октябре 1670 г. и его последствия для крестьянского хозяйства.

Другой, XII том, озаглавленный «Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи», содержал также преимущественно ранее неопубликованные материалы по истории Булавинского восстания (1707—1708 гг.).

Несомненной заслугой в деятельности ИАИ следует считать обращение к материалам, характеризующим классовую борьбу народов России. Специальный том этой серии (т. XVIII, 1936 г.) был посвящен истории народного движения в Башкирии XVII—первой половины XVIII в.³² Теме классовой борьбы уделялось много внимания в подборке материалов по истории якутского народа³³.

В русле разработки этой проблемы институт подготовил сборник документов об участии многонационального населения Волжско-Камского и Уральского края в восстании Пугачева. Велась работа по истории заселения восточной части России, освободительного движения в Казахстане, подбирались материалы по национально-освободительному движению горцев Северного Кавказа и др.

Обращение к теме классовой борьбы в феодально-крепостническую эпоху было также новым направлением в деятельности института, отражающим наряду с изучением истории пролетариата, фабрик и заводов отход от тематики старой Археографической комиссии. «Наши документы,— отмечал Томсинский,— отличаются тем, что они переносят центр тяжести на изучение истории экономического развития и классовой борьбы феодально-крепостной России»³⁴.

³¹ Труды ИАИ и Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Л., 1934, т. X. Материалы по истории крестьянских движений / Том подготовлен к изданию Н. С. Чаевым. вып. 1. Разгром разинщины.

³² Труды ИАИ. М.; Л., 1936. Т. XVIII. Материалы по истории народов СССР, вып. 7. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.

³³ Там же. М.; Л., 1936. Т. XIV. Материалы по истории народов СССР, вып. 5. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. / Сб. док. под. общ. ред. Я. П. Албиора, Б. Д. Грекова.

³⁴ Труды ИАИ. М.; Л., 1933, т. IX, сб. 1, с. 5.

Работа над документами по истории крестьянских движений способствовала утверждению марксистского понимания характера и форм революционной борьбы трудящихся масс. Исторический материал непосредственных участников классовой борьбы, как отмечал Томсинский, — «ликвидирует точку зрения Плеханова и Рожкова о реакционном характере крестьянских движений», уничтожает «дворянское изображение крепостного крестьянина не то как святого юродивого, не то как бессловесной скотины»³⁵. В процессе подготовки этих публикаций ученые Академии наук СССР все больше убеждались в правильности марксистского понимания роли народных масс в истории.

Положительную работу ИАИ в постановке и исследовании ряда новых проблем отмечал непреходящий секретарь АН СССР В. П. Волгин на торжественном годичном собрании Академии наук в феврале 1934 г. «Особенно здесь следует подчеркнуть заслугу Историко-археографического института, — говорил он, — подготовившего к изданию весьма значительное число сборников исторических материалов, характеризующих отдельные моменты в истории пролетариата и крестьянства»³⁶.

Как уже указывалось, перед институтом была поставлена сложная и многогранная задача по изучению истории народов СССР. Дореволюционная русская историческая литература игнорировала те своеобразные процессы, которые протекали в недрах нерусских народов. И вполне понятно, что после Октябрьской революции, провозгласившей принцип полного равенства наций и народов России, изучение их истории стало одной из первоочередных задач советской исторической науки.

В план ИАИ было включено несколько серий систематически подобранных материалов по истории отдельных народов России. В первую очередь готовились к публикации те документы, которые освещали экономические, социальные, классовые аспекты этой истории и др.

В ходе решения этой задачи приходилось преодолевать серьезные трудности. Большая часть этих материалов впервые вводилась в научный оборот, причем принципиальное значение имело выявление и издание документов на местных языках. Во исполнение этой задачи летом 1934 г. Академией наук СССР была командирована в Татарскую АССР археографическая экспедиция для собирания рукописных книг и документов. Только за два месяца работы собрана была большая коллекция (1200 рукописных книг и более 1000 документов)³⁷. В ИАИ переводились узбекские документы XVI в. и крымско-татарские за XV в.

Публикация источников по истории народов была связана с

³⁵ Труды ИАИ, т. IX, сб. 1, с. 10.

³⁶ Томсинский С. Г. От Археографической комиссии. — В кн.: Труды ИАИ. Л., 1930, т. II, с. XIII.

³⁷ Забиров В. А. Предварительные сообщения о работе Археографической экспедиции. — Исторический сборник, 1935, № 4, с. 269.

широкой научной разработкой методологических проблем. Необходимо было перейти от периодизации истории народов, приведенной с годом правления ханов, крупных феодалов, к марксистской периодизации. К 1932 г. ИАИ уже была разработана периодизация истории крымских и казанских татар, велась работа над периодизацией истории Средней Азии, в частности Туркменской, Узбекской и Таджикской республик³⁸.

Тематику своих работ институт решил согласовывать с потребностями развития исторической науки на местах. Часть исследований выполнялась в тесном контакте с другими учреждениями Академии наук. Так, совместно с Институтом востоковедения велись работы по составлению сборника арабских материалов по истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии³⁹.

Из богатой тематики ИАИ по истории народов СССР следует отметить несколько сборников документов, вышедших отдельными выпусками «Трудов ИАИ» под общим серийным названием «Материалы по истории народов СССР» (издано было всего 7 томов). Основным предметом исследования были вопросы социально-экономические, вопросы классовой борьбы, а выпуск IV был посвящен исторической библиографии народов СССР.

Большой интерес представляет публикация писцовых книг, основного документа для податного обложения⁴⁰. Этому источнику были посвящены два тома «Трудов»⁴¹. Один из них вышел к 10-летию Карельской АССР и содержал писцовые книги Обонежской пятины 1496—1563 гг. Другой том был посвящен истории Татарской АССР. В нем были опубликованы писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Писцовая книга — интересный исторический источник, который представляет собой итог описания определенной территории в целях тяглового обложения населения. Издание этих книг давало историкам богатый и разнообразный материал для изучения проблем по истории хозяйства, социального строя, колонизации и др. Писцовые книги города Казани раскрывали политику царских властей по отношению к населению, содержали данные по экономике одного из важнейших волжских городов. Специальный выпуск «Трудов» был посвящен истории Татарии пореформенного периода. Материалы в нем воссоздавали картину массового движения крестьянства в татарской деревне в 50—70-х годах XIX в.⁴²

³⁸ Томсинский С. Г. О работе ИАИ АН СССР.— Историк-марксист, 1932, № 4-5, с. 352.

³⁹ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1314, л. 34.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, вып. 1, с. 233.

⁴¹ Труды ИАИ. Л., 1930. Т. I. Материалы по истории народов СССР / Под общей ред. М. Н. Покровского, вып. 1. Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг.; Л., 1932. Т. IV, вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани. 1565—1568 и 1646 гг.

⁴² Труды ИАИ. М.; Л., 1936. Т. XVI. Материалы по истории народов СССР, вып. 6. Татарская АССР: Материалы по истории Татарии второй полови-

Большой интерес в этой серии представляет сборник «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР»⁴³, выпущенный ИАИ совместно с Институтом востоковедения. Центральное место в сборнике занимают документы о торговле с Московским государством и о международном положении Средней Азии в XVI—XVII вв. Стремясь как можно полнее представить экономический и социальный строй народов Средней Азии, составители (материал подготовили к печати А. П. Чулошников и В. Г. Гейман под общим руководством акад. А. Н. Самойловича и Б. Д. Грекова) просмотрели весь сохранившийся фонд по истории взаимоотношений Московского государства со среднеазиатскими государствами: фонды Московского архива Министерства иностранных дел, Посольского приказа, Сибирского приказа и др. В сборник были включены ярлыки ханов, грамоты царей, челобитные послов и купцов, отписки воевод о торговле Русского государства со среднеазиатскими соседями и т. п.

Несомненный интерес для исследователей, занимающихся историей народов СССР, представляла изданная Историко-археологическим институтом «Библиография по истории народов СССР»⁴⁴. Составитель С. В. Вознесенский указывал, что материал этот «предназначается в первую очередь для той научной смены, которая начинает работать в области истории народов СССР»⁴⁵.

Изданная библиография являлась систематическим указателем дореволюционных и советских книг и статей по проблеме. В основу систематизации был положен историко-хронологический принцип. Библиография состояла из трех основных разделов: 1) Московское государство с начала XVII в. до Крестянской войны и польско-шведской интервенции в России, 2) Литовско-русское государство и Польша до середины XVII в. и 3) Московское государство от начала XVII в. и до восстания Степана Разина. При составлении библиографии, и это было слабой стороной издания, была использована литература, изданная только на русском языке. В рецензиях отмечались и существенные пропуски литературы, и серьезные недостатки в ее систематизации⁴⁶.

В результате огромной работы, проводимой по истории нерус-

ны XIX в., ч. 1. Аграрный вопрос и крестьянские движения 50—70-х годов XIX в.

⁴³ Труды ИАИ и Ин-та востоковедения. Л., 1933. Т. VI. Материалы по истории народов СССР, вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1.

⁴⁴ Труды ИАИ. М.; Л., 1932. Т. VII. Материалы по истории народов СССР, вып. 4. Библиография по истории народов СССР.

⁴⁵ *Вознесенский С. В.* Предисловие составителей.— Труды ИАИ. М.; Л., 1932, т. VII, с. 3.

⁴⁶ *Быковский С. Н.* Рец. на кн.: Материалы для библиографии истории народов СССР.— Труды ИАИ. М.; Л., 1932. Т. VII.— Советская этнография, 1935, № 2, с. 188—206; *М.* Рец. на кн.: Сибирь в «Материалах для библиографии истории народов СССР».— Там же, с. 207.

ских народов, ИАИ, как отмечалось в отчете о деятельности АН СССР в 1934 г., «превратился в научное учреждение, ставящее во всесоюзном масштабе проблему документации истории народов СССР на широкой базе архивов центральных учреждений царской России»⁴⁷.

Характеризуя различные направления деятельности ИАИ, следует отметить работу над академическим изданием Русской Правды. Начата она была еще Археографической комиссией в 1928 г. Прерванная подготовка издания возобновилась в 1935 г. в ИАИ. Общую редакцию осуществлял академик Б. Д. Греков. Он отмечал, что «в наше время, когда широчайшие задачи исторической науки требуют от исследователя прежде всего всестороннего, глубокого и точного анализа источника, использование Русской Правды для построения истории прошлого русского народа должно опираться на заново собранные „предварительные юридические сведения“ о ней, как памятнике»⁴⁸.

Давая в целом положительную оценку огромной публикаторской работе Историко-археографического института, историки тех лет отмечали и определенные недостатки. Так, например, в сборник по теме «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» не вошли интересные документы о дифференциации крестьянства, торговле хлебом, о железном промысле и о попытках ввести на этом промысле крепостной труд, по отдельным уездам не были представлены переписные книги. Некоторую «фрагментарность и случайность» в подборе материала для I тома по истории крестьянской промышленности отмечал в рецензии на это издание К. В. Базилевич⁴⁹. Критические замечания были сделаны и в адрес очень интересного раздела изданных томов — вводных исторических статей. Отмечалось, что в них, к сожалению, не содержалось обоснования актуальности темы публикации, отсутствовали историография вопроса и обзор предшествующих публикаций документов, источниковедческий анализ публикуемых материалов. Все эти замечания, однако, не снижали положительного значения проделанной институтом работы.

Значительное место уделялось ИАИ разработке вопросов исторического источниковедения. В те годы эта проблематика еще не нашла достаточного отражения в исторической науке. Выпуском сборников из серии «Проблемы источниковедения» ИАИ пытался частично восполнить этот пробел. При этом сотрудники ясно представляли себе, что количество подлежащих изучению вопросов очень велико и что сколько-нибудь удовлетворительного решения задачи можно достигнуть только путем длительной работы многих специалистов и монографической разработки отдель-

⁴⁷ Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л., 1935, с. 16.

⁴⁸ Греков Б. Д. От редакции.— В кн.: Правда Русская. М.; Л., 1940, т. I, с. 5—6.

⁴⁹ Базилевич К. В. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX века.— Историк-марксист, 1937, № 1, с. 167.

ных проблем. Институтом было издано три тома «Трудов», посвященных этой проблеме. Сборники состояли из статей историков-исследователей по специальным темам и вопросам; ряд статей был посвящен вопросам источниковедения истории западноевропейских государств. Этими статьями по истории зарубежных стран ИАИ расширял географические границы и круг исследовательских проблем в области источниковедения.

Изданию материалов по источниковедению предшествовала большая подготовительная работа, тщательно изучались труды буржуазных историков. Еще в 1930 г. в предисловии к одному из томов «Трудов ИАИ» Томсинский указывал на принципиальное отличие марксистского источниковедения от буржуазного: «Буржуазная наука формально понимала задачи археографии, которая занималась внешним разбором документов. Марксистская археография, не отказываясь от этой формальной установки, должна в то же время разоблачать методы и приемы буржуазных исследователей, поскольку последние фальсифицировали науку в классовых интересах»⁵⁰.

Говоря о главном направлении в области источниковедения, руководители ИАИ подчеркивали, что «Основной задачей института считает изучение источников по истории народов СССР и истории классовой борьбы»⁵¹.

Сотрудниками ИАИ были подготовлены «Правила для издания документов XVI—XVII вв.». В разработке новых «Правил» участвовали: академик Б. Д. Греков, В. Г. Гейман, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербина и Н. С. Чаев. В отличие от предыдущих, эти «Правила» были рассчитаны на издание документальных текстов более разнообразного содержания, предусматривали передачу текста не только целиком, но и в извлечениях (регестрах), учитывали реформу русского правописания.

Таким образом, следует подчеркнуть, что 1931—1936 годы характеризуются в деятельности ИАИ значительным шагом вперед в утверждении марксистско-ленинского понимания истории. Продолжая, с одной стороны, работу над проблемами, выдвинутыми Археографической комиссией в предшествующие годы, коллектив ИАИ обратился одновременно к совершенно новым вопросам социально-экономического развития, положил начало созданию истории отдельных народов СССР. Всю свою научную работу институт строил, согласуясь с требованиями социалистического строительства и культурной революции в нашей стране.

Помимо названных основных направлений, судя по планам и отчетам, в стенах ИАИ велась еще очень большая и разнообразная работа, в том числе справочно-библиографическая. Много внимания уделено было работе над «Терминологическим словарем

⁵⁰ Томсинский С. Г. От Археографической комиссии.— В кн.: Труды ИАИ. Л., 1930, т. II, с. XIV.

⁵¹ Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934, с. 225.

древней России», составлению справочно-учебного пособия — «Альбома по истории народов СССР», предназначенного для педагогов и учащихся. Совместно с Государственной академией истории материальной культуры велась работа по созданию словаря по истории техники производства, для чего были просмотрены все русские акты до XV в. включительно и выбраны нужные термины⁵².

Институт принимал участие в научно-просветительской работе, в популяризации исторической науки. Уже в 1931 г. ИАИ сделал ряд заявок в Редакционно-издательский совет АН СССР об издании научно-популярной литературы⁵³. Обсуждалась возможность участия института в составлении хрестоматии по истории феодализма в России для преподавателей истории⁵⁴.

Осуществлению важной задачи популяризации исторической науки, а также выработке единой марксистско-ленинской методологии исследования исторических процессов, безусловно, способствовали организуемые ИАИ совместно с другими научными учреждениями страны конференции и совещания по отдельным проблемам. Так, в Ленинграде проходило совместное совещание института и Ленинградского отделения Коммунистической академии по основным проблемам истории крестьянских движений в России. Это совещание, как отмечали тогда, «вызывало большой интерес научной общественности не только Ленинграда, но и ряда других культурных центров страны. Свыше 20 историков приехали в Ленинград из Баку, Архангельска, Сталинграда для участия в совещании в качестве оппонентов и докладчиков⁵⁵. От ИАИ с докладом об основных проблемах истории крестьянских движений выступил Томсинский. Доклад на эту же тему он сделал от ИАИ в 1933 г. на Всесоюзном совещании историков. На этом же совещании выступил М. Н. Тихомиров.

В 30-х годах XX в. советские историки участвовали в работе комиссий Международного комитета исторических наук. Эта работа велась главным образом в АН СССР и, в частности, в ИАИ и включала в себя составление хронологических таблиц по истории народов СССР по следующим показателям: а) Техника производства, б) Сельское хозяйство и промышленность, в) Цены на продукты первой необходимости и товары вообще, г) Рынки, ж) Движение товаров, е) Экономическая и социальная политика, з) Учреждения центральные и областные, и) Борьба классов и и) Идеология»⁵⁶. Руководил этой работой Томсинский. Как отмечал академик Н. М. Лукин, «эта работа поставлена чрезвычай-

⁵² ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1270, л. 3. См. также: Труды ИАИ и Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Л., 1934, т. X, с. VI.

⁵³ Там же, д. 1314, л. 36.

⁵⁴ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1285, л. 17.

⁵⁵ Проблемы марксизма, 1934, № 1, с. 162.

⁵⁶ План работ Археографической комиссии на 1930—1934 гг.— Труды ИАИ. Л., 1930, т. II, с. XVI.

но интересно, ее задачей является установление дат, важных главным образом для социально-экономической истории»⁵⁷. Помимо этого, составлялся международный ежегодник по библиографии исторических наук. Велась работа по созданию списка дипломатических агентов XVII—XX вв. Это последнее задание Международного комитета, хотя и не представляло для советской историографии большого интереса, было выполнено в ИАИ⁵⁸.

Огромный объем работы, разнообразной по тематике и характеру, во многом новой по проблематике, мог быть претворен в жизнь благодаря творческой активности и высокой квалификации специалистов-историков, составлявших ядро ИАИ. С первых дней существования института здесь трудились такие ученые, как Покровский, Томсинский, Греков, Тихомиров, Чаев, Сербина и многие другие. Как справедливо отмечал Волгин, «Советский строй обеспечил историкам все условия для того, чтобы они могли развернуть работу по историческим наукам с максимальной полнотой и планомерностью. Если раньше в АН занимались отдельные ученые, то после революции здесь в специальных институтах были собраны крупные коллективы ученых»⁵⁹. И одним из таких учреждений был Историко-археографический институт, руководство которого прилагало немало усилий для создания дееспособного, слаженного, работающего по определенному плану коллектива. Большое значение придавалось повышению профессиональной квалификации работников, для чего проводились систематические занятия как научно-методологические, так и научно-технические.

По научно-технической линии сотрудники изучали все виды работ, начиная от разработки и копировки материалов и до корректур, издаваний. По линии научно-методологической заслушивались и обсуждались отчеты по отдельным исследуемым темам. Помимо этого, ИАИ приглашал специалистов для докладов и сообщений, связанных как с плановой тематикой, так и с методами ее осуществления. Сотрудники посещали доклады в Коммунистической академии, участвовали в работе сети политпросвещения.

Для подготовки молодых квалифицированных кадров историков ИАИ проводил научно-педагогическую работу с практикантами из вузов Ленинграда и других городов страны.

Таким образом, круг научных вопросов, решавшихся ИАИ, был довольно обширным, хотя в силу сложившихся традиций в основном был сосредоточен на истории докапиталистической эпохи. В стенах ИАИ велась большая организационная работа, имевшая своей целью создание наиболее благоприятных условий для успешного выполнения поставленных задач, апробации новых форм коллективной работы и т. д.

⁵⁷ Из доклада Н. М. Лукина о пленуме Международного исторического комитета в Гааге, 1932 г. — *Историк-марксист*, 1932, № 6, с. 149.

⁵⁸ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1270, л. 2.

⁵⁹ 220 лет АН СССР: Исторические науки. М.; Л., 1945, с. 24.

С годами объем проблем исследования расширялся, а в «Объяснительной записке» к тематическому плану на 1934 г. были отражены новые направления в деятельности ИАИ. Наряду с разысканием, систематизацией и научным изданием исторических материалов руководство определяло в качестве основы его деятельности также «исследование проблем, связанных с историей России докапиталистического периода и народов, входящих в состав России». Далее отмечалось, что, «в отличие от плана 1933 г., в 1934 г. ИАИ предполагает значительно расширить свою исследовательскую работу по вопросам, связанным с ранним феодализмом в России и его разложением»⁶⁰. Для выполнения этих работ был намечен ряд исследовательских тем, таких, как происхождение феодализма в России, крестьянские движения в период феодализма, проблема кочевого феодализма у народов Средней Азии и др.⁶¹

Расширение объема и направлений работ ИАИ было вызвано объективными потребностями того времени, когда «задачи, поставленные партией и правительством перед советской исторической наукой, требовали от Академии наук особого внимания к этому участку ее деятельности и с неизбежностью обуславливали включение исторических исследований крупным разделом в план ее постоянных работ»⁶². Ответом на поставленную задачу было постановление ноябрьской сессии (1933 г.) Академии наук об организации при Академии Исторической комиссии, на которую была возложена постановка и разработка исторических проблем общего характера, координация и научное руководство историческими работами, выполняемыми различными учреждениями Академии⁶³.

Усложнилась и структура самого ИАИ. Были созданы отдельные секторы: по истории народов СССР, мануфактур и промышленного капитализма, феодализма, справочных изданий и археографический сектор.

В качестве филиала ИАИ в Москве была учреждена специальная, постоянная археографическая группа. «Организация группы,— как отмечалось в „Отчете о деятельности АН СССР — 1935 г.“,— дала возможность включить в план института систематическую работу над огромными фундаментальными массивами московских архивохранилищ. Это обстоятельство позволило перейти от обработки отдельных вопросов, связанных со сравнительно изученными фондами, к постановке широких комплексных обследований по большим научно и политически актуальным проблемам»⁶⁴.

⁶⁰ ЛОА АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1329, л. 82.

⁶¹ Там же, л. 83.

⁶² Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л., 1935, с. 399.

⁶³ Работа Исторической комиссии АН СССР за первое полугодие 1934 г.— Исторический сборник, 1934, № 2, с. 289.

⁶⁴ Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г., с. 393—394.

План работы на 1935 г. составлялся по секторам. Так, сектор феодализма готовил к печати материалы для терминологического словаря русских исторических памятников (до XV в. включительно), продолжал подготовку академического издания важнейшего источника эпохи раннего феодализма — Русской Правды. Сектор истории народов СССР при составлении плана на первое место поставил вопросы истории колониальной политики царизма и национально-освободительного движения народов России. Сектор археографии и источниковедения намерен был заниматься археографическим оформлениемготавливаемых другими секторами публикаций и контролем над отдельными стадиями производственного процесса. Кроме того, разрабатывались «Временные правила для издания документов XVIII—XIX вв.»

В 1935 г. была проведена реорганизация ИАИ. В задачи института наряду с публикацией материалов входила теперь также исследовательская работа в области истории и вспомогательных исторических дисциплин. Историческая комиссия была ликвидирована, а функции ее переданы ИАИ. Таким образом, сфера деятельности реорганизованного института значительно расширялась. Наряду с исследовательскими работами и публикацией документов по истории СССР, он должен был систематически заниматься также историей Древнего Востока, античного мира и Запада. Для этого создавались секторы по истории древнего мира (руководитель академик В. В. Струве), по истории Запада в средние века и новое время (руководитель академик В. П. Волгин), по истории СССР — эпоха феодализма, эпоха разложения феодализма и начального периода промышленного капитализма, истории народов СССР (руководитель академик Б. Д. Греков). Археографическая работа подчинялась общим научно-исследовательским задачам и проводилась внутри каждого сектора⁶⁵.

План работы на 1936 г. составлялся с учетом реорганизации и в соответствии с проблематикой вновь созданных секторов.

С 20 ноября 1935 г. в состав ИАИ вошел Институт книги, документа и письма. На его базе был образован особый сектор вспомогательных исторических дисциплин⁶⁶.

В 1936 г. в состав АН СССР были включены учреждения Комакадемии. На основе ранее реорганизованного ИАИ и Института истории Коммунистической академии был создан Институт истории АН СССР, ставший центром исторической науки в системе Академии.

Таким образом, 1931—1936 годы в деятельности Академии наук были временем серьезных изменений. Это нашло отражение и в деятельности ИАИ. Они проявились в расширении проблематики, в постановке новых актуальных тем, в росте объема публикуемых работ, ученые института активно осваивали марксистско-ленинскую методологию исторического исследования.

⁶⁵ ЛОА АН СССР. ф. 133, оп. 1, д. 1404, л. 45, 47.

⁶⁶ Там же, л. 94.

VII

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ АРХИВА В. Я. БОГУЧАРСКОГО

М. Г. Вандалковская

Известный историк русского общественного и революционного движения, автор исследований о декабристах, В. Г. Белинском, А. И. Герцене, крупнейший знаток народничества¹ В. Я. Богучарский (1861—1915) строил свои труды на широком круге разнообразных исторических источников. Среди них — материалы деятелей общественного и революционного движения, программы революционных обществ, полицейские и жандармские донесения, воспоминания и переписка участников и современников изучаемых событий. Большой вклад в изучение документальной основы русского освободительного движения внесли публикации Богучарского: «Государственные преступления в России в XIX веке» (Stuttgart, 1903—1905, т. I—III); «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах» (Paris, 1905).

Важное место в ряду используемых Богучарским источников занимала переписка с деятелями освободительного движения. В личном фонде Богучарского в Государственном литературном музее сохранились письма, присланные ему многими участниками революционного подполья. В их числе находятся письма Л. Ф. Пантелеева, шестидесятника, члена первой «Земли и Воли», автора известных и в своем роде уникальных воспоминаний².

¹ *Богучарский В.* Три западника 40-х годов: (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен). СПб., 1901; *Он же.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904; *Он же.* Общественное движение в России в первую половину XIX века. СПб., 1905; *Он же.* Александр Иванович Герцен. СПб., 1912; *Он же.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; *Он же.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. М., 1912. См. также: *Вандалковская М. Г.* Периодизация русского освободительного движения в мелкобуржуазной историографии. — В кн.: *История и историки: Историографический ежегодник.* 1975. М., 1978.

² *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1953.

Переписка Богучарского с Пантелеевым касалась как современных им общественно-политических событий, воссоздавая тем самым идейную атмосферу, в которой проходила научная деятельность Богучарского, так и вопросов, связанных с революционным движением, участником и очевидцем которого был сам Пантелеев. Пантелеев не только отвечал на вопросы Богучарского, помогал ему советами, но и часто вносил добавления, поправки в уже написанные Богучарским работы.

Мы публикуем четыре письма Пантелеева к Богучарскому, относящиеся к 1906—1912 гг.

В них содержится материал о событиях и участниках освободительного движения 60-х годов XIX в., в частности, уточнения к тексту получившей широкую известность речи профессора П. В. Павлова в 1862 г., а также об Н. А. Огаревой, А. Х. Христофорове, М. Е. Салтыкове-Щедрине. Письма от 4 июня 1910 г. и от 22 мая 1911 г. содержат сведения, относящиеся к истории «Священной дружины» — тайной организации, основанной в 1881 г. для борьбы с революционным движением. При подготовке книги «Из истории политической борьбы в 70-х годах XIX века», в которой имелась специальная глава о «Священной дружине», Богучарский располагал этими письмами Пантелеева, присланными ему в ответ на его вопросы о характере и деятельности этой организации. Письма Пантелеева в форме цитат были использованы Богучарским в примечаниях этой книги³. Однако Богучарский привел сведения Пантелеева (очевидно, по цензурным или конспиративным соображениям) анонимно, указав лишь на их принадлежность «известному русскому писателю», без упоминания имени Пантелеева.

Публикуемые письма, явившиеся одним из источников трудов В. Я. Богучарского, расширяют наши представления о документальной основе трудов историка и тем самым помогают определению его вклада в изучаемые проблемы.

Введение в научный оборот публикуемых писем, таким образом, раскрывает новый дополнительный источник работ Богучарского, а также проливает свет на новые неизвестные до сего времени данные по истории «Священной дружины».

ПИСЬМА Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВА В. Я. БОГУЧАРСКОМУ

30 декабря 1906 г.

Многоуважаемый Василий Яковлевич!

Случайно заглянув на 73 стр. «Материалов для истории революционного движения в России 60-х гг.», там в речи Павлова прочитал: «Во времена ныне благополучно царствующего императора Александра Николаевича чаша наших бедствий преиспол-

³ *Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века, с. 300—301, 306.*

нилась». На самом деле он сказал «ко времени» и т. д. (только вместо наших — народных). И с этими словами согласуется дальнейшее развитие мысли Павлова. На этом искажении слов Павлова и было построено словное обвинение против Павлова, поведшее затем высылку в Ветлугу. В конце такой речи заметил существенный пропуск. Перед тем как перейти к словам, по поводу которых пишу, он говорил об ужасном положении крепостных в николаевское время, разорении народа в Крымскую войну. Кроме того, последние слова речи, как она напечатана в «Материалах», были произнесены Павловым не в виде непосредственного окончания, а после того, как долго отстаиваемый публикой он вновь появился на эстраде, дал знак, что хочет говорить и, когда все затихло, произнес эти слова. Затем удалился и уже более не выходил, несмотря на страстные вызовы¹.

При сем *Пантелеев*.

4 июня 1910 г.

Дорогой Василий Яковлевич!

Получил Ваше письмо и оттиски статьи,² тому и другому крайне обрадовался, прочел в один присест. И сейчас принялся было за ответ, и так на меня расслабляюще действует Киссинген, что едва через три дня собрался закончить его. Базилевский³ давал мне (это было в конце осени [18]81 г.) прочесть не устав, а присягу (притом не печатную, а списанную им), которую приносили вступавшие в Дружину («Священную», так ее называл Базилевский). Она была длинная, напыщенная, точно писал ее какой-нибудь Потапов⁴ давних времен.

Про нее ничего в моей памяти не сохранилось кроме приписки, что пожертвования и взносы следует направлять к Францу Ивановичу (?) * Хольму, биржевому нотариусу⁵.

Он умер не более десяти лет тому назад; контора его с давнего времени находилась на Невском проспекте (по теневой стороне) недалеко от Адмиралтейской площади.

Базилевский, видимо, мало был посвящен, однако мог понять, что во главе стоит В. Дашков⁶, называл еще Сан Донато⁷, Шувалова⁸, но которого не знаю, поминал, помнится, старика Белордай⁹ (Николая Дмитриевича).

С Базилевского просто деньги взяли, да он и сам не обнаруживал интереса к «Священной дружине», говорил о ней не без улыбки.

Щедрин говорил: «Игнатъев¹⁰ уверял меня, что очень ценит мою литературную деятельность, всё читает, что я пишу; „Письмо к тетеньке“¹¹ находит прекрасным, но вынужден был вырезать. Государь тоже читал это письмо и одобрил меру Игнатъева».

А Страхов на мои сетования ко мне цензуры ответил: «Да,

* Знак подлинника.

помилуйте, Лонгин Федорович, обо всем можно писать; вы сказали, вырезали статью Щедрина, я ее читал, так ведь это совершенно невозможная вещь». Страхов тогда служил в Публичной библиотеке ¹².

С Екатериной Дмитриевной ¹³ я состою в переписке, дважды писал ей из-за границы и имею от нее ответ.

Серафима Васильевна ¹⁴ находится в Вене, думала было поехать в Болгарию, далее в Софию, да потом * и прокатилась в Прагу; а теперь до праздников переберется в Spital — это начало Циммеринии. Там живут Ягичи ¹⁵.

Преданный *Пантелеев*.

Вероятно проживу здесь еще недели три **.

22 мая 1911 г.

Дорогой Василий Яковлевич!

Прочел только что полученное продолжение Вашей статьи ¹⁶.

К рассказам Блюммера ¹⁷ надо относиться с *большой осторожностью*. Это был пустой человек и Хлестаков в своем роде. Наш студенческий кружок, несмотря на близость с его сестрой (ныне Кравцова) ¹⁸, сторонился от него. Впоследствии, помнится, в 1870 г. я с ним встретился в енисейской тайге, решительно не могу понять, зачем он приехал на прииски. Он был у меня (на Петропавловском проспекте) и врал до невероятности. Я себя с ним держал несколько сухо, так что на одном визите отношения и кончились.

На счет великого князя Константина разговоры начались ранее Муравьева. В [18]62 г. был арестован офицер Куязев ¹⁹, на следствии ему были предложены вопросы, не официально, а так сказать интимно, что он думает о великом князе Константине? Это я слышал еще в Петербурге, до своего ареста. Куязев был сослан в Сибирь, но прибыл туда несколько позже меня, его чего-то долго держали в Петербурге.

В конце [18]81 года я был в Ницце и там познакомился с Л[орис-] Меликовым ²⁰ и бывал у него несколько раз. Он в то время, кажется, еще не считал, что его карьера совсем закончилась.

Раз он говорил мне: «На свою беду я уговорил наследного государя сделать Победоносцева обер-прокурором. Государь долго не соглашался, он его не любил, считал ханжой».

Салтыков мог получать некоторые сведения от В. В. Лихачева ²¹, умевшего лавировать в разных сферах, а, вернее всего, временами от П. П. Коссаговского, бывшего директора Д[епартамент]а полиции в 70-х годах, а потом, помнится, одесским градоначальником. С ним Салтыков был в тесном знакомстве, но помимо статьи Михаила Евграфовича я очень ценю добрые отношения с П. П. ²²

* Далее два слова не разобраны.

** Опускаются подробности личного характера.

Коссаговский пописывал стихи, но, кажется, в печати они не появлялись. Писал стихи и Горянский²³, начальник одной из экспедиций III Отделения. Этот даже присылал их Некрасову.

Федор Иванович Базилевский был в свое время одним из самых крупных золотопромышленников, годами на его долю приходилось более 200 п[удов]золота.

Пантелеев.

*Сестрорецк,
Дубковское шоссе,
дача Серебряникова
19 июля 1912 г.*

Дорогой Василий Яковлевич!

На днях получил Ваше письмо. Живем мы здесь уже четвертую неделю. Погода какая-то неуставившаяся; бывают жаркие дни, но и часто холодно действительно; в общем жаловаться еще грешно.

На счет Н. А. Огаревой могу Вам сообщить, что, должно быть, в 1906 г. я несколько раз видел ее в Петербурге (ранее был немного знаком перепиской), ей тогда шел 80 год; значит, она несколько моложе М. К. Рейхель, но выглядит по сравнению с ней дряхлой старушкой. 50 лет она не была в Петербурге и никого из старых знакомых не нашла в живых, да, помнится, и родных в Петербурге не было. Вся обстановка Н. А. показывала на очень стесненные средства. Я доложил Комитету Литературного фонда, и тогда же ей была назначена пенсия в 300 р. Живет она за границей довольно долго ради здоровья своей и внучатой племянницы.

Вчера к нам приезжали Федор Измайлович и Александра Александровна Родичевы²⁴ и ночевали. В разговорах о некоторых странных и малонравственных современностях Федор Измайлович рассказал такой анекдот. Еще во время первой Думы подошел раз к нему Бирилев²⁵ (тогда морской министр) и выразил желание познакомиться, причем даже напомнил о каком-то отдаленном родстве, а затем перешел к текущему вопросу об амнистии.

«— Да ведь это же невозможное дело, нигде ничего подобного не бывало».

«— Как не бывало,— возразил Федор Измайлович.— Да вот хотя бы во Франции, дали же амнистию всем коммунарам».

«— Так ведь это совсем особая статья. Я сам тогда был в Париже. Гамбетта сначала расстрелял 30 тыс. коммунаров, а на другой день дал им амнистию»²⁶.

И, несмотря ни на что, Бирилев стоял на своем, все ссылаясь на то, что он сам тогда был в Париже.

Не знаю, заметили ли Вы в газетах, что этот самый Бирилев в Государственном совете в качестве докладчика по морским делам, специально по вопросу о вознаграждении за отчуждаемые

земли для надобностей морских ведомств в Ревеле, выразился: «Не понимаю, зачем платить деньги в чужом государстве?»

Живя в Алдане, Вы, надеюсь, повидаете А. А. Христофорова²⁷. Если его не увезли куда-нибудь в горы, пожалуйста, поцелуйте его за меня и передайте, что я стал настоящая развалина *...

Преданный *Пантелеев*.

* Далее опускаются подробности личного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь профессора Киевского и Петербургского университетов П. В. Павлова по поводу тысячелетия России на литературно-музыкальном утре в зале дома Руадзе 2 марта 1862 г. в память Т. Г. Шевченко, как известно, послужила основанием для отстранения Павлова от должности профессора и высылки его в Ветлугу. Пантелеев, будучи современником павловской истории, описал ее в «Русских ведомостях» от 17 августа 1902 г.

Опубликованный Богучарским в его «Материалах...» текст речи Павлова вызвал возражения и поправки Пантелеева, которые полностью согласуются с изложением речи Павлова в статье «Русских ведомостей», так же как и ее более позднем варианте, вошедшем в книгу «Из воспоминаний прошлого» (СПб., 1905, кн. I). Разновременные и совпадающие по содержанию описания речи Павлова служат в данном случае подтверждением достоверности сообщаемых Пантелеевым сведений.

² Имеется в виду статья В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 80-х годах» (Русская мысль, 1910, № 4, 5, 8, 9).

³ Базилевский — представитель золотопромышленной компании, в которой, будучи в Сибири, служил Л. Ф. Пантелеев.

⁴ А. Л. Потапов — генерал-адъютант. В 1861—1864 гг. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением.

⁵ См.: *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. М., 1912, с. 306, 308.

⁶ И. И. Воронцов-Дашков — с 1881 по 1897 г. министр двора и главноуправляющий Государственным коннозаводством, член Государственного совета.

⁷ П. П. Демидов, кн. Сан Донато, один из организаторов «Священной дружины».

⁸ Имеется в виду П. П. Шувалов, генерал-майор, один из организаторов «Священной дружины».

⁹ В известной нам литературе сведений о Н. Д. Белордае не обнаружено.

¹⁰ Н. П. Игнатъев — министр внутренних дел в 1881—1882 гг.

¹¹ Речь идет о третьем письме из цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «Письма к тетеньке», которое было вырезано из сентябрьской книжки «Отечественных записок» за 1881 г. Это письмо было посвящено разоблачению «Священной дружины», ее террористической и контрреволюционной деятельности.

¹² А. Г. Страхов — философ-идеалист и литературный критик.

¹³ Речь идет о Е. Д. Кусковой, публицистке, одной из организаторов (совместно с С. Н. Прокоповичем и В. Я. Богучарским и др.) журнала «Без заглавия», проводившего ревизионистскую и меньшевистскую политику.

¹⁴ Серафима Васильевна — жена Л. Ф. Пантелеева.

¹⁵ И. В. Ягич — академик, историк славянских литератур.

¹⁶ Речь идет о статье В. Я. Богучарского «„Добровольная охрана“ и „Священная дружина“» (Русская мысль, 1911, № 1, 3, 5).

¹⁷ А. Л. Блюммер — участник революционного движения 60-х годов XIX в.

¹⁸ См.: *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. 1958, с. 214, 258, 348.

¹⁹ В. С. Куязев — подпоручик 12-й артиллерийской бригады, был арестован за распространение революционных прокламаций.

²⁰ М. Т. Лорис-Меликов — гр., генерал-адъютант, начальник Верховной распорядительной комиссии, министр внутренних дел в 1880—1881 гг.

²¹ В. И. Лихачев — юрист, либеральный общественный деятель, приятель М. Е. Салтыкова-Щедрина.

²² П. П. Коссаговский — директор Департамента полиции исполнительно-Министерства внутренних дел в 70-х годах XIX в.

²³ Ф. И. Горянский — чиновник III Отделения, с. е. и. в. канцелярии.

²⁴ Ф. И. Родичев — известный деятель земско-либерального движения, член ЦК партии кадетов.

²⁵ А. А. Бирилев — вице-адмирал, морской министр.

²⁶ Палачем Парижской Коммуны был не Гамбетта, а генерал Галифе. В период Парижской Коммуны Гамбетта находился в эмиграции в Испании. Декрет об амнистии коммунаров был подписан 11 июля 1880 г. при министерстве Шарля Фрейсине. Гамбетта в это время был председателем палаты депутатов, выступил за амнистию 16 июня того же года. От времени гибели Коммуны до амнистии коммунаров прошло более девяти лет.

²⁷ А. А. Христофоров — участник революционного движения 60-х годов XIX в., член «Пермско-Казанского тайного общества», «Земли и Воли» 60-х годов, основатель и редактор газеты «Общее дело», выходившей в Женеве в 1877—1890 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ПИСКОРСКИЙ
(1867—1910)

Интерес к жизни и научно-педагогической деятельности выдающегося русского историка В. К. Пискорского сильно возрос за последние годы. Глубокий исследователь (прежде всего в области средневековой истории Испании), впервые в мировой историографии выдвинувший ряд существенных проблем социально-экономического развития и классовой борьбы испанского народа и решавший их на основе анализа материалов, обнаруженных им в испанских архивах; незаурядный педагог, приобщивший к науке многих своих учеников (ближайшим из которых был известный советский медиевист Н. П. Грацианский), талантливый публицист и популяризатор исторических знаний, чьи лекции для широкого круга слушателей в Киеве, Нежине и Казани пользовались неизменным успехом; наконец, общественный деятель, чутко реагирующий на все проявления социальной несправедливости,— Пискорский представляет исключительное явление в русской медиевистике конца XIX—начала XX в.

В. К. Пискорский проявлял живой интерес к историко-философским вопросам и, в частности, к марксистской литературе¹.

¹ В архиве В. К. Пискорского, когда он хранился еще в Киеве у невестки ученого — Н. В. Пискорской и его дочери — Е. В. Пискорской (с 1969 г. этот архив находится в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина), автор настоящей заметки видел следующие марксистские издания: *Маркс К.* Гражданская война во Франции / С предисл. Ф. Энгельса. Пер. с нем. Одесса: Буревестник, 1905; Экономическое учение Карла Маркса в изложении К. Каутского / С предисл. автора к 1-му и 8-му нем. изд.; Полн. пер. с 9-го нем. изд. К. Чекеруль-Куша; Под ред. проф. В. Я. Железнова. Киев: Кн. магазин С. И. Иванова и К^о, [1905?]; *Каутский К.* Социальный переворот. На другой день: С двумя приложениями / Пер. с нем. Карпова; Под ред. Н. Ленина. Библиотека Марии Малых, № 57—58. [СПб., 1905?] (С пометками В. К. Пискорского); *Бельтов Н.* (Плеганов Г. В.). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 4-е изд. / С приложениями. СПб., 1906 (С пометками В. К. Пискорского). Кроме того, в бумагах ученого находился один из номеров ленинской «Искры», переданный его внуком А. И. Пискорским в местный музей.

3 октября 1906 г. во вступительной лекции в Казанском университете Пискорский произнес слова, хорошо известные нашим медиевистам: «Ни одна теория не оказала таких огромных услуг исторической науке, как учение о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет их сознание, что во всякую эпоху господствующая форма производства и обмена служит основанием для социального, политического и умственного развития, учение, являющееся как бы философским развитием известного афоризма: „Der Mensch ist was er isst“ (Человек есть то, что он ест.— А. М.). Оно заставило историков обратиться к изучению одной из важнейших сторон исторической эволюции, экономической, которую долго пренебрегали, но с которой, как с простейшей, и следует начинать изучение, чтобы дойти постепенно до познания более сложных явлений общественного и политического развития и духовной культуры»². Изучение марксистской литературы помогало Пискорскому разбираться как в событиях прошлого, так и в явлениях окружающей его действительности и способствовало выработке радикальных взглядов и демократических убеждений, резко отличавших этого ученого от большинства его коллег.

Работы М. А. Алпатова, А. З. Ханиной, Л. Т. Мильской и И. С. Пичугиной положили начало научному изучению жизни и деятельности Пискорского. Его вклад в изучение средневековой истории Испании получил, хотя и краткую, но достаточно выразительную характеристику в статье Л. Т. Мильской и И. С. Пичугиной, однако штудии Пискорского по средневековой истории Италии и по новой истории Западной Европы почти совершенно не освещены; не изучена с достаточной полнотой и его педагогическая деятельность. Думается, было бы полезно переиздать труды Пискорского, в первую очередь его магистерскую и докторскую диссертации, которые хотя давно уже стали библиографической редкостью, но до сих пор не потеряли своего научного значения. Необходимо далее продолжить публикацию рукописного наследства ученого: его мемуаров, писем, статей, прежде всего работы о восстании чомпи; следует, по-видимому, подумать и об издании некоторых лекционных курсов.

А. Е. Москаленко

² Пискорский В. К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории. Казань, 1906, с. 10—11.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. К. ПИСКОРСКОГО *

1887

Рец.: Историческая записка о Златопольской гимназии, составленная ко дню 50-летнего юбилея ее в августе месяце 1887 г. инспектором А. Андриевским. Киев, 1887.— Киевская старина, ноябрь, с. 557—558. Подпись: В. П.

1890

Франческо Ферруччи и его время: Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527—1530).— Университетские известия, Киев, № 2, ч. 2, с. 1—56; № 3, ч. 2, с. 57—88; № 11, ч. 2, с. 89—134.

1891

Франческо Ферруччи и его время: Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527—1530).— Университетские известия, Киев, № 1, ч. 2, с. I—X, 134—192.

Франческо Ферруччи и его время: Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527—1530).— Киев. X + 194 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1890—1891 гг.

Рец.: Ан. Л. (Леман А. И.).— Исторический вестник, авг., с. 486—488; Giorgetti A.— Archivio storico italiano, 5 seria, in Firenze, 1892, t. 9, p. 372—381.

1892

Памятники старины в селе Субботове.— Киевская старина, март, с. 484—486. Подпись: В. П.

1893

Рец.: Потебня А. А. Библиографические материалы для биографии Александра Александровича Потебни / Собрал Э. А. Вольтер. СПб., с. 34. (Извлечено из Сб. Отд. рус. яз. и слов. имп. Академии наук, т. LIII, № 8).— Киевская старина, 1893, янв., с. 186—187. Подпись: В. П.

1894

Филипп II и падение вольностей Арагона: (Пробная лекция, читанная 4 декабря 1893 г. для получения звания приват-доцента по кафедре всеобщей истории).— Университетские известия, Киев, № 2, ч. 2, с. 1—18. Архиепископ Лод: (Вторая пробная лекция, читанная 7 декабря 1893 г. для получения звания приват-доцента).— Там же, № 3, ч. 2, с. 1—20.

* Составитель А. Е. Москаленко. В список включены мелкие заметки из «Киевской старины», подписанные псевдонимом «В. П.» На одну из них составителю указала Н. В. Пискорская, как на принадлежащую перу ее свекра (1898, июль — август). Обнаружив другие заметки с подписью «В. П.», составитель пришел к убеждению, что их стиль и характер свидетельствуют об авторстве В. К. Пискорского. Да и вряд ли на протяжении всего десяти лет редакция могла помещать заметки разных авторов под одним псевдонимом. К тому же некоторые статьи в газетах Пискорский и позже подписывал «В. П.» В список включены также статьи из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона с подписью «В. П-ий». Возможно, что некоторые его статьи помещались в этом словаре и без подписи. Так, составитель предполагает, что заметка «Краковяки» (там же, т. 16, с. 494) написана Пискорским. Однако доказать его авторство без дополнительных поисков в архивах невозможно. Составитель с благодарностью примет указания на пропуски, которых вряд ли удалось избежать, впервые публикуя полную библиографию печатных трудов Пискорского и литературы о нем.

- Главные моменты в истории представительного строя Кастилии: (Вступительная лекция приват-доцента В. Пискорского, читанная 29 января 1894 г.).— Там же, № 5, ч. 2, с. 1—16.
- Очерки из истории Западной Европы. I. Филипп II и падение вольностей Арагона. II. Архиепископ Лод. III. Главные моменты в истории представительного строя Кастилии. Киев. 54 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1894 г.
- Из прошлых лет Киевского университета: (Заметка о студенческих сочинениях в 30-е годы). Киев, 12 с. Оттиск из журнала «Киевская старина», апр., с. 49—60.
- Железная корона.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 11, с. 766. Подпись: *В. П-ий*.
- Зурита.— Там же, т. 12, с. 723. Подпись: *В. Пискорский*.
- Изабелла Кастильская.— Там же, с. 810. Подпись: *В. П-ий*.
- Инквизиция.— Там же, т. 13, с. 198—201. Подпись: *В. П-ий*.
- Испанское наследство.— Там же, с. 434—436. Подпись: *В. П-ий*.
- Рец.: *Mythiske bytosce luziskih Serbov / Napisal Adolf Cerni*. 1. swjazak. Budyšin, 1893, 239 с.— Киевская старина, март, с. 587—588. Подпись: *В. П.*

1895

- Кальдерарии.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 14, с. 109. Подпись: *В. П-ий*.
- Каморра.— Там же, с. 208—209. Подпись: *В. П-ий*.
- Карбонарии.— Там же, с. 474—475. Подпись: *В. П-ий*.
- Карлос [дон].— Там же, с. 518—519. Подпись: *В. П-ий*.
- Карл I, испанский король.— Там же, с. 533—534. Подпись: *В. П-ий*.
- Карл II.— Там же, с. 534. Подпись: *В. П-ий*.
- Кард. III.— Там же, с. 534—535. Подпись: *В. П-ий*.
- Карл IV.— Там же, с. 535. Подпись: *В. П-ий*.
- Кастилия.— Там же, с. 694—699. Подпись: *В. П-ий*.
- Каталония.— Там же, с. 712—716. Подпись: *В. П-ий*.
- Квируга.— Там же, с. 878—879. Подпись: *В. П-ий*.
- Из истории Киевского университета в 30-х годах.— Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца, Киев, кн. 9, отд. I, с. 16—17 (Краткое содержание доклада, опубликованного в апрельском номере «Киевской старины» за 1894 г.).
- Рец.: *Ciszewski Stanisław. Krakowiáci. Monografia etnograficzna*. T. I. Krakow, 1894, 383 с.— Киевская старина, окт., отд. 2, с. 29—30. Подпись: *В. П.*

1896

- Испанские университеты.— Русские ведомости, 6, 17, 23 июня. Подпись: *В. П-ий*.
- Кубинский вопрос и современные невзгоды Испании: (Письмо из Испании).— Там же, 26 сент. Подпись: *В. П-ий*.
- Россия и Ватикан. [О кн.: *Pierling P. La Russie et le Saint Siège*. Paris, 1896].— Там же, 6 дек. Подпись: *В. П-ий*.

1897

- Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188—1520).— Университетские известия, Киев, № 10, ч. 2, с. 1—58; № 11, ч. 2, с. 59—84; № 12, ч. 2, с. 85—185, I—XVII.
- Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188—1520). Киев. XVIII + 186 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1897 г. [Магистерская дис.].
- Рец.: *Луцицкий И. В., Фортинский Ф. Я.*— Университетские известия. Киев, 1898, № 4, ч. 2, с. 1—5; см. также: *Revista internacional de administracio directo economico haciendo y politico*, 1898, № 5.

Дон Антонио Кановас дель Кастильо: (Письмо из Испании).— Русское богатство, № 9, отд. 2, с. 78—98. Подпись: *В. П-ий*.

Письмо из Испании.— Русские ведомости, 21 апр. Подпись: *В. П-ий*.

1898

Отчет о заграничной командировке приват-доцента Университета св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 гг.— ЖМНП, дек., отд. 4, с. 19—47.

Рец.: Die Kosaken von Kobeljaki.— Ein Volks-Wirtschaftlicher Reisebericht. Von prof., dr. Gerhardt v. Schulze-Gaevernitz (Freiburg in B) (помещено в № 164—165 венского журнала «Die Zeit», 1897, 20—27 нояб.).— Киевская старина, июль-авг., отд. 2, с. 37—40. Подпись: В. П.

1899

Вопрос о значении и происхождении шести «дурных обычаев» в Каталонии.— Университетские известия, Киев, № 2, ч. 2, с. 1—49; № 12, приложение I, с. 51—85.

Вопрос о значении и происхождении шести «дурных обычаев» в Каталонии. (С приложением неизданных документов). Киев. 88 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1899 г.

Равенна.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 26, с. 55—57. Подпись: *В. П-ий*.

Равеннский экзархат.— Там же, с. 57. Подпись: *В. П-ий*.

Раймонд.— Там же, с. 211—212. Подпись: *В. П-ий*.

Рамиро.— Там же, с. 254—255. Подпись: *В. П-ий*.

Родерих.— Там же, с. 903. Подпись: *В. П-ий*.

Румыния: История.— Там же, т. 27, с. 268—274. Подпись: *В. П-ий*.

1900

Начало академической свободы в Западной Европе: Речь, произнесенная на годовичном акте Института 30 августа 1899 г. Нежин, 1900. 20 с. (То же.— Известия Историко-филологического ин-та князя Безбородко в Нежине, Нежин, т. 18, с. 1—19).

Состязание поэтов в Каталонии в средние века (Los Jochs Florals). Нежин. 14 с. (То же.— В кн.: Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, т. 3, отд. 3, с. 46—57).

Сепульведа.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 29, с. 583. Подпись: *В. Пискорский*.

1901

Крепостное право в Каталонии в средние века.— Университетские известия, Киев, № 1, ч. 2, с. 1—44; № 4, ч. 2, с. 45—120; № 5, ч. 2, с. 121—170; № 8, ч. 2, с. 171—230, I—VIII.

Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев. VIII + 232 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1901 г. [Докт. дис.].

Рец.: Лучицкий И. В.— Университетские известия, Киев, № 12, ч. 1, с. 12—16.*

Те(а)мплиеры.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 32, с. 861—862. Подпись: *В. П-ий*.

Толедские соборы.— Там же, т. 33, с. 431—432. Подпись: *В. Пискорский*.

Торквемада.— Там же, с. 631. Подпись: *В. П-ий*.

Трастамара.— Там же, с. 729. Подпись: *В. П-ий*.

* Рецензия, писал В. К. Пискорский, «меня не удовлетворила. Я не имел предшественников в своем исследовании «Крепостного права в Каталонии» по большей части затронутых там мною вопросов, которые приходилось ставить впервые и разрешать на основании неизданных документов. И это обстоятельство он (Лучицкий.— А. М.) в оценке моего труда не отметил» (*Пискорский В. К. История моего профессорства в Нежине: [Рукопись]*, с. 11—12.— ОР ГБЛ, ф. 604).

История Испании и Португалии. СПб., 202 с., 1 л. карт.

О дневнике и депешах герцога Лирийского [испанского посла при русском дворе в 20-х годах XVIII в.].— Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца, Киев, кн. 16, вып. 4, отд. I, с. 17—24 (Сокращенное изложение сообщения).

La servidumbre rural en Cataluña.— Revista critica de Historia y Literatura Españolas, Portuguesas é Hispano-Americanas. t. 7, N 11—12, p. 423—431. [Изложение содержания работ «Крепостное право в Каталонии в средние века» и «Вопрос о значении и происхождении шести „дурных обычаев“ в Каталонии»].

Тулузское графство.— Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 34, с. 45. Подпись: *В. П-ий*.

Турпин.— Там же, с. 217. Подпись: *В. П-ий*.

Уния арагонская.— Там же, с. 834—835. Подпись: *В. Пискорский*.

Феодализм на Пиренейском полуострове.— Там же, т. 35, с. 542—545. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд I, Арагонский.— Там же, с. 570—571. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд I, Кастильский.— Там же, с. 571. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд II.— Там же. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд III, Святой.— Там же. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд IV, Кастильский.— Там же. Подпись: *В. П-ий*.

Фердинанд VI, Испанский.— Там же, с. 573. Подпись: *В. П-ий*.

Ферручи.— Там же, с. 618. Подпись: *В. П-ий*.

Филипп I, Красивый.— Там же, с. 769—770. Подпись: *В. П-ий*.

Филипп III.— Там же, с. 772. Подпись: *В. П-ий*.

Филипп IV.— Там же. Подпись: *В. П-ий*.

Филипп V.— Там же, с. 772—773. Подпись: *В. П-ий*.

Фортинский.— Там же, т. 36, с. 308—309. Подпись: *В. П-ий*.

Фуэросы.— Там же, с. 923—924. Подпись: *В. Пискорский*.

1903

В. Стэбс и В. Балагер (+ 23 апр. и 14 янв. 1901 г.).— В кн.: Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине, Нежин, т. 4, отд. 2, с. 27—34.

Конспект курса средней истории, читанного в 1902—1903 акад. году. Нежин. Историко-филологический институт. 798 с. Гектограф с рукописи.

Салическая Правда. Изд. N. Geffken'a Leipzig. 1898./Перевод, сделанный студентами III курса исторического отделения под руководством профессора В. К. Пискорского. Нежин. Историко-филологический институт, 1902—1903 акад. год. 102 с. Гектограф с рукописи *.

1904

Курс средней истории. Нежин. 1903—1904 акад. год. 503 с. Гектограф с рукописи.

Конспект специального курса по истории аграрных отношений в средневековой Европе. Нежин, 1903—1904 акад. год. 312 с., карта, 1 л. схем. Гектограф с рукописи.

* В работе составителя настоящей библиографии о рукописи перевода Салической Правды из архива В. К. Пискорского речь идет об одном из таких гектографированных экземпляров, однако значительно дополненном рукою самого профессора (См.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1971, с. 431—432).

1906

О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории: Вступительная лекция. Казань. 14 с.

Рец.: Русское учебное издание Салической Правды: Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права, / издаваемый под ред. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1906. Вып. I. Lex Salica / Текст подготовил к печати и примечаниями снабдил Д. Н. Егоров. IV + 326 + II с.— ЖМНП, дек., с. 442—447.

Документы, относящиеся к истории цехов. Казань. 68 с. (Подборка документов на латинском и старофранцузском языках для семинарских занятий).

Князь Меттерних: (Страницы из истории европейской реакции прошлого века).— Свобода и право, Киев, 27, 31 янв., 1 февр.

На местные темы. О голоде.— Волжский курьер, Казань, 14 марта. Подпись: В. П.

1907

О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории: Вступительная лекция, произнесенная в Казанском университете 3 октября 1906 г.— Учен. зап. Казанского ун-та, кн. 1, отд. наук, с. 1—11.

История средних веков: Лекции. 1906—1907 акад. год. Казань. 280 с. Гектограф с машинописи.

История представительных учреждений на Западе: Лекции. 1906—1907 акад. год. Казань. 150 с. Гектограф с машинописи.

1908

Экономическая история Западной Европы в новое время: Конспект лекций. 1907—1908 акад. год. Казань. 276 с. Гектограф с машинописи. (На обороте титульного листа: «На литографирование конспекта лекций по экономической истории З[ападной] Европы согласен. В. Писковский»).

Записки по истории XIX века. Издание слушательницы Высших женских курсов Т. А. Логинской. Казань. 1907—1908. 216 с. Гектограф с машинописи. (На обороте титульного листа: «На литографирование Записок по истории XIX в., составленных моими слушательницами, согласен. В. Писковский»).

Рец.: Новые издания памятников итальянской истории.— Учен. зап. Казанского ун-та, кн. 4, отд. Критика и библиография, с. 1—18. (То же.— Отд. оттиск. Казань. 18 с.).

Из воспоминаний об Испании.— Волжско-Камская речь, Казань, 12 февр. Подпись: В. П.

1909

История Испании и Португалии. 2-е изд., доп. СПб., IV + 280 с., 1 л. карт. Международный исторический конгресс в Сарагоссе.— ЖМНП, сентябрь-октябрь, с. 82—86.

1910

Новые основы хозяйственной жизни Европы.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. М., т. I, с. 1—20.

Феодализм на Пиренейском полуострове.— В кн.: Феодализм. СПб., с. 137—145. Подпись: В. П-ий (Перепечатка статей из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». СПб., т. 34, 1902):

Итальянские университеты: (По поводу нового устава).— Учен. зап. Казанского ун-та, кн. 3, отд. наук, с. 1—11.

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ:

- Железная корона.— Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 6. г., т. 17, стб. 612. Без подписи.
Кастилия.— Там же, т. 21, стб. 219—227. Без подписи.
Каталония.— Там же, стб. 248—254. Без подписи.
El problema de la significación, y del origen de las seis «malos usos» en Cataluña. Traducción directa del ruso por Julia Rodriguez Danilevsky. Barcelona, 1929. 100 p.
Las Cortes de Castilla en el periodo de transito de la Edad Media a la Moderna. Traducción de Claudio Sanchez Albornoz. Barcelona, 1930. VII + 216 p.
Ян Амос Коменский: Вступительная лекция.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1970, вып. 3, с. 106—114 (Публикация рукописи 1892 г.).

ЛИТЕРАТУРА О В. К. ПИСКОРСКОМ

1900

- Пискорский.— В кн.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900: Преподаватели и воспитанники. Нежин, с. 50—51. Без подписи. Краткая библиография.
Piskorski.— Lo Geronés, periodich de avisos y noticias porta-veu del «Centre catalanista de Girona y sa comarca». 25 Feb.

1906

- Н. К. (Кареев Н. И.) Пискорский.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., дополнительный том 2, с. 412—413.

1910

- Трагическая смерть проф. В. К. Пискорского.— Камско-Волжская речь. Казань, 5 авг. Без подписи.
Кровавая драма. проф. В. К. Пискорский.— Казанский телеграф, 5 авг. Без подписи.
Смерть проф. В. К. Пискорского.— Киевские вести, 5 авг. Краткое сообщение. Без подписи.
Афанасьев Г. Пискорский Владимир Константинович († 3 августа 1910 года).— Киевская мысль, 8 авг.
Жигецкий И. П. Памяти В. К. Пискорского.— Киевские вести, 8 авг.
В. К. Пискорский: (Некролог).— Русские ведомости, 8 авг. (Без подписи).
Н. Е. [Енохин?]. Памяти В. К. Пискорского.— Камско-Волжская речь. Казань, 10 авг.
Бородин И. Памяти двух историков.— Русское слово, СПб., 10 авг. (О Г. В. Форстене и В. К. Пискорском).
Бузескул В. Памяти В. К. Пискорского.— Южный край, Харьков, 11 авг.
Похороны В. К. Пискорского.— Киевская вечерняя газета, 14 авг. Без подписи.
Похороны В. К. Пискорского.— Киевские вести, 14, 15 авг. Без подписи.
Похороны проф. В. К. Пискорского.— Киевская мысль, 15 авг. Без подписи.
Будде Е. В. К. Пискорский: (Некролог).— ЖМНП, сент., с. 55—59. Приложен список трудов (16 названий) и перечень курсов, читанных В. К. Пискорским в Казани (в университете и на Высших женских курсах).
Пискорский В. К.: (Некролог).— Исторический вестник, сент., с. 1132. Без подписи.

1911

Хвостов М. М. Владимир Константинович Пискорский. 1867—1910. Казань. 12 с. Отд. оттиск из «Камско-Волжской речи» от 9 февр.

1913

Пискорский.— В кн.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1901—1912: Преподаватели и воспитанники. Нежин, с. 45. Без подписи.

А. Дж. (Дживелегов А. К.). Пискорский.— Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е, совершенно переработанное издание. СПб., б. г., т. 32, стб. 223—224.

1931

Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX века. Л., ч. 2, с. 78—82.

1940

Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., с. 319.

1955

Пискорский.— БСЭ. 2-е изд., т. 33, с. 92. Без подписи.

1963

Очерки истории исторической науки в СССР. М., т. 3. с. 444—448 (Автор М. А. Алпатов).

1967

Новиков О. М. Видатний учений-іспаніст В. К. Піскорський (До 100-річчя з дня народження).— Український історичний журнал, № 8, с. 124—125.

Панкин А. Крутизна истины.— Рабочая газета, Киев, 12 авг.

Михайлюк Д. Перший український іспаніст.— Вечірній Київ, 19 авг.

1968

Беляева И. Е. Владимир Константинович Пискорский: К 100-летию со дня рождения.— Новая и новейшая история, № 3, с. 190—191.

Пискорский.— СИЭ. М., т. 11, стб. 166—167. Без подписи.

Ханина А. З. В. К. Пискорский: (К 100-летию со дня рождения).— В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, вып. 3. с. 65—81.

1969

Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов. Томск, с. 160—161, 323, 378—379, 388—389.

1970

Москаленко А. Е. Введение к статье В. К. Пискорского «Ян Амос Коменский».— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, вып. 3, с. 103—106.

1971

- Москаленко А. Е.* Сторінка з історії медієвістики на Україні.— Український історичний журнал, № 4, с. 96—99.
- Піскорський.— Радянська Енциклопедія історії України. Київ, т. 3, с. 393. Без підписи.

1972

- Москаленко А. Е.* Рукопись перевода «Салической Правды» из архива В. К. Пискорского.— В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. статей к 80-летию С. Д. Скаскина. М., с. 431—437.
- Ханина А. З.* Идеино-теоретические позиции В. К. Пискорского в начале XX столетия.— В кн.: Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, вып. 1, с. 114—133.
- Архив Владимира Константиновича Пискорского (1867—1910).— В кн.: Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., вып. 33, с. 336—337. Без подписи.

1973

- Ханина А. З.* Некоторые вопросы теории в творчестве В. К. Пискорского.— В кн.: Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, вып. 2, с. 130—150.
- Ханина А. З.* Некоторые вопросы теории истории в творчестве В. К. Пискорского: (Роль народных масс и личности в истории).— Там же, вып. 3, с. 52—70.

1974

- Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в.— 1917 г.). М., с. 308—309.

1975

- Пискорский.— БСЭ, 3-е изд., т. 19, стб. 1692. Без подписи.
- Мильская Л. Т., Пичугина И. С.* Русский историк-испанист — В. К. Пискорский (1867—1910 гг.).— В кн.: Проблемы истории Испании. М., с. 230—249.

ДОПОЛНЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ А. З. МАНФРЕДА И К ЛИТЕРАТУРЕ О НЕМ *

ТРУДЫ А. З. МАНФРЕДА

1924

Петербург — Петроград — Ленинград.— Саратовские известия, № 237.

1928

Творческий путь Владимира Маяковского.— Саратовские известия, № 37.

1948

Член авт. колл.: Дипломатический словарь. Т. I—II. М., 1948—1950.

* Составители: С. Н. Гурвич, В. А. Погосян.

1958

Отв. ред.: Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., 151 с.

1965

Деятели Великой французской революции. [*Рец. на кн.*: Поршнев Б. Мелье. М. 1964; Акимов А. Дидро. М. 1963; Герман М. Давид. М. 1964; Левандовский Н. Дантон. М. 1964].— *Новый мир*, № 2, с. 278—281.

1966

Англия в XVII—XVIII вв. Война за независимость в Северной Америке.— В кн.: Краткая всемирная история. Гл. I. М., с. 310—319.
Член ред. колл.: Новейшая история международного рабочего движения (1917—1965). Т. I. В 7-ми выпусках. М.

1975

Наполеон Бонапарт. Ереван. На армянск. яз. 796 с.

1976

Тарле Е. В.— В кн.: БСЭ, т. 25, с. 279.
Рец.: Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд., испр. и доп. М., 1974.— Новая и новейшая история, № 1, с. 195—197.
Член ред. колл.: Дюма А. Собрание сочинений. В 12-ти т. Т. 1—5.

1977

Выступление на заседании группы истории Франции, посвященном памяти Жака Дюкло.— Французский ежегодник. 1975, с. 44—45.
Предисловие.— В кн.: Шури М. Здравствуйте, господин Курбе. Пер. с франц. 2-е изд. М., с. 5—28.
Отв. ред.: La France dans les recherches des historiens soviétiques. М.
Член ред. колл.: Бабеф Г. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 583 с.
Член ред. колл.: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 375 с.
Член ред. колл.: Гердер Иоганн-Готфрид. Идеи к философии истории человечества. М., 703 с.
Член ред. колл.: Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX вв. М., 402 с.

1978

Наполеон Бонапарт. 2-е изд. София, 681 с., на болг. яз.
Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 440 с.
Н. Г. Чернышевский и французское революционное движение после Парижской Коммуны.— В кн.: Н. Г. Чернышевский в философской и общественной мысли народов зарубежных стран. М.
О некоторых спорных и нерешенных вопросах истории Великой французской революции.— Французский ежегодник. 1976, с. 171—179.
Мирабо (фрагменты главы).— Наука и жизнь, № 11, с. 110—115.
European humanistic tradition.— In: Europe and détente. М., p. 5—11.
La mort de Jean-Jacques.— Etudes soviétiques, № 364-365, p. 65—68.
L'île aux Peupliers.— La femme soviétique, N 7, p. 33.
Отв. ред.: Histoire de la France. Т. 1—2. М.

Член ред. колл.: Болингброк Генри Сент-Джонс. Письма об изучении и пользе истории. М., 359 с.

Член ред. колл.: История в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Л., 312 с.

1979

Член ред. колл.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., с. 323.

РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ А. З. МАНФРЕДА

Великая французская буржуазная революция XVIII в. М., 1956.

Рец.: Далин В. М.— Новая и новейшая история, 1958, № 2, с. 154—156.

Наполеон Бонапарт. М., 1971.

Рец.: Soboul A. Napoléon Bonaparte vu par un historien soviétique.— L'Humanité, 1973, 22 janv.

Образование русско-французского союза. М., 1975.

Рец.: Адо А. В.— История СССР, 1977, № 2, с. 158—161; Жуков Ю. Поучительная страница истории.— Новый мир, 1976, № 7, с. 202—208; D. Tb.— Ceskoslovenský časopis historický, 1978, R. XXVI, № 1, s. 136.

Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.

Рец.: Кузнецов Б. Г. Четвертый портрет.— Наука и жизнь. 1978, № 11, с. 108—111; Пажитнов Л. История, прочитанная в лицах.— Литературное обозрение, 1979, № 1, с. 55—56.

ЛИТЕРАТУРА ОБ А. З. МАНФРЕДЕ

Некролог.— Вопросы истории, 1977, № 2, с. 219—220.

Некролог.— Новая и новейшая история, 1977, № 2, с. 236—237.

Некролог.— Французский ежегодник. 1975. М., 1977, с. 5—6.

Далин В. М. Предисловие к кн.: Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 5—18.

Далин В. М., Оболенская С. В. А. З. Манфред (1906—1976).— В кн.: История и историки. 1975. М., 1978.

Кравченко Е. А. Встреча ученых, посвященная памяти А. З. Манфреда.— Новая и новейшая история, 1977, № 4, с. 219—221.

Покровская С. А. В группе по истории Франции.— Новая и новейшая история, 1978, № 4, с. 209—210.

Памяти А. З. Манфреда.— Французский ежегодник. 1976. М., 1978: (Загладин В. В. Выдающийся историк, с. 5. Заседание Сектора новой истории капиталистических стран Европы и Группы по истории Франции, посвященное памяти А. З. Манфреда, 9 февраля 1977 г. [В. М. Далин, акад. М. В. Нечкина, Т. Л. Мотылева, А. В. Адо, Д. М. Проэктор, В. П. Смирнов, Б. Г. Кузнецов, Н. Е. Застенкер], с. 6—17).

Воспоминания [Ю. А. Жуков, В. Н. Седых, С. С. Димитриев, Ф. Бродель, А. Собуль, В. Марков, Ж. Брюа, К. Виллар].— Там же, с. 18—30.

Жекова Е. А. З. Манфред забележителен представител на съветската историческа наука (28 авг. 1906—16 дек. 1976).— В кн.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. София, 1978.

Bruhat J. Albert Manfred (1906—1976).— L'Humanité, 1977, 28 mars.

Daline V. Albert Manfred.— Annales historiques de la Révolution française, 1978, № 1.

Durand P. Trois portraits.— L'Humanité, 1978, 22 décembre.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Ленинский план социалистического преобразования сельского хозяйства и деятельность КПСС по его осуществлению (Историографический очерк)	5
В. В. Погудин	

Вопросы источниковедения ленинских документов в исторической литературе 20-х — начала 30-х годов XX в. . .	31
Н. И. Приймак	

Работа В. И. Ленина «Революционные дни» — опыт конкретно-исторического анализа январских событий 1905 г. в России	47
Е. А. Никифоров	

Современная историография политического банкротства мелкобуржуазных партий в Советской России	71
Т. А. Сивохина	

Изучение советскими экономистами и историками условий труда и быта рабочих капиталистической России . .	87
Ю. И. Кириянов	

Декабристская тема в дореволюционной историографической литературе	116
Р. А. Киреева	

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

У истоков западноевропейской дворянско-буржуазной историографии «рабочего вопроса» (30—40-е годы XIX в.)	132
М. А. Заборов, Г. В. Хасина	

Проблемы классовой борьбы западноевропейского крестьянства периода развитого феодализма в советской медиавистике (1920—1975 гг.)	160
Е. В. Гутнова	

Концепция рабовладельческой формации в советской исторической литературе 30-х годов XX в.	187
В. Н. Никифоров, <u>М. М. Слонимский</u>	

III. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К вопросу об оценке Макса Вебера в современной буржуазной историографии	211
А. И. Патрушев	

Проблемы истории русской революционно-демократической интеллигенции в современной англо-американской историографии	230
Л. Г. Сухотина	

IV. ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

Юлиан Мархлевский как историк	245
И. С. Яжборовская	
М. Н. Покровский и проблемы истории Октября . . .	262
Е. Н. Городецкий	
А. В. Шестаков — историк революции	284
А. И. Алаторцева	
Е. В. Тарле как историк внешней политики России . .	300
Л. А. Никифоров	
К истории публикации исследования В. П. Волгина о Жа- не Мелье	309
В. А. Дунаевский, Г. С. Кучеренко	
М. О. Косвен — историк первобытного общества и кавка- зовед	320
В. К. Гарданов, А. И. Першиц	

V. СООБЩЕНИЯ

Изучение аграрной истории Польши XVII в. в советской историографии второй половины 40-х—50-х годов XX в. А. П. Батурич	345
--	-----

VI. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931—1936 гг.)	361
Е. А. Серова	

VII. ПУБЛИКАЦИИ

Из архива В. Я. Богучарского	379
М. Г. Вандалковская	

VIII. БИБЛИОГРАФИЯ

Владимир Константинович Пискорский (1867—1910) . .	386
А. Е. Москаленко	
Список печатных трудов В. К. Пискорского	388
Составитель: А. Е. Москаленко	
Дополнение к библиографии трудов А. З. Манфреда и к литературе о нем	395
Составители: С. Н. Гурвич, В. А. Погосян	

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник.
1976

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
и Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор А. М. Филитов
Редактор издательства М. М. Медведев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректоры Л. И. Карасева, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 15247

Сдано в набор 25.12.78.
Подписано к печати 20.07.79.
Т-11470. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 25 Уч.-изд. л. 28,2
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1328
Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10